Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.А. Чистович

История перевода Библии на русский язык

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 9. С. 3-49.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Печатать позволяется. Профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи

Иванъ Чельцовъ.

ИСТОРІЯ ПЕРЕВОДА БИБЛІИ
НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

(*Продолженіе.*)

IV. ПЕРЕВОДЪ ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ КНИГЪ СЪ ЕВРЕЙСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКІЙ—АРХИМАНДРИТА МАКАРІЯ.

Другимъ, послѣ Г. П. Павскаго, переводчикомъ ветхозавѣтныхъ книгъ священнаго писанія съ еврейскаго на русскій языкъ былъ алтайскій миссіонеръ архимандритъ Макарій.

Свѣтское имя его было Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ. По окончаніи курса въ смоленской семинаріи ([1]), М. Я. Глухаревъ проходилъ должность учителя въ первоначальномъ классѣ той же семинаріи по латинскому языку въ продолженіе года; въ 1814 году поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію и въ 1817 году окончилъ курсъ съ степенью магистра. Ректоромъ академіи, во время его ученія, былъ архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи московскій митрополитъ, сохранившій къ нему пріязнь до конца его жизни; наставниками были большею частью молодые люди изъ окончившихъ курсъ студентовъ 1-го академическаго курса, и между ними—преподавателемъ еврейскаго языка Г. П. Павскій. Глуха-

([1]) М. Я. Глухаревъ—сынъ священника богоявленской церкви г. Вязьмы смоленской губерніи.

ревъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и блестящихъ студентовъ 2-го курса и кромѣ того, при крайней живости и нѣкоторой восторженности, выдавался въ кругу товарищей чрезвычайнымъ изяществомъ, пріемами и манерами свѣтскаго, благовоспитаннаго юноши. Какія-то предубѣжденія противъ него, возникшія еще до окончанія имъ академическаго курса, были причиною, что онъ не былъ оставленъ при академіи. Глухаревъ началъ службу въ Екатеринославлѣ, куда назначенъ былъ профессоромъ церковной исторіи, инспекторомъ семинаріи и ректоромъ низшихъ училищъ. Екатеринославскимъ епископомъ былъ въ то время преосв. Іовъ Потемкинъ, изъ дворянъ, служившій до монашества въ военномъ званіи и удержавшій по вступленіи въ монашество и даже въ архіерейскомъ санѣ многія привычки своего прежняго званія. Іовъ склонилъ Глухарева къ поступленію въ монашество. Въ 1821 г. Макарій переведенъ въ Кострому ректоромъ семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Изъ числа учениковъ его по костромской семинаріи, извѣстенъ покойный преосв. Аѳанасій (Соколовъ), бывшій архіепископъ казанскій, сохранившій на всю жизнь благодарное воспоминаніе о своемъ наставникѣ. Уже послѣ кончины о. Макарія онъ писалъ къ Александру Скарлатовичу Стурдзѣ о Макаріѣ: «славлю и величаю благодать Божію, которая осязательно для меня проявилась въ скудельномъ сосудѣ его; лобызаю жезлъ и палицу моего наставника, ибо та мя настависта; чту благовѣстническій посохъ его; пою пѣснь упованія и безсмертія на могилѣ человѣка Божія» (1). Въ 1824 г., по воз-

(1) Странникъ, 1860 г. т. 1, стр. 121.

никшимъ непріятностямъ, Макарій оставилъ учебную службу и, выражаясь словами его служебнаго списка, «пользовался упокоеніемъ» сначала въ кіевопечерской лаврѣ и въ китаевской пустыни (кіевской губерніи), а потомъ въ глинской пустыни (курской губерніи). Въ 1829 году, при образованіи миссій въ тобольской и казанской губерніяхъ, для обращенія инородцевъ-язычниковъ къ христіанству, Макарій перемѣщенъ въ тобольскую епархію, съ порученіемъ мѣстному архіепископу (Евгенію Казанцеву) «обратить его на дѣло проповѣданія, гдѣ сіе представится нужнѣе, въ видѣ опыта на первый случай, дабы по первымъ дѣйствіямъ его можно было судить, способенъ ли онъ къ пріемлемому на себя дѣлу и въ состояніи ли будетъ отправлять оное съ желаемою пользою». Макарій избралъ въ содѣйствіе себѣ въ дѣлѣ миссіонерства двухъ учениковъ тобольской семинаріи, съ ихъ на то согласія, В. Попова 22 и А. Волкова 17 лѣтъ и составилъ съ ними правила, по коимъ они должны поступать при проповѣди ([1]).

([1]) Вотъ эти любопытныя правила, писанныя рукою Макарія.

«Назначенный къ испытанію въ проповѣданіи евангелія народамъ языческимъ, живущимъ въ тобольской епархіи, архимандритъ Макарій, и желающіе содѣйствовать ему въ семъ служеніи ученики тобольской семинаріи высшаго отдѣленія Василій Поповъ и низшаго—Алексѣй Волковъ, по архипастырскому благословенію высокопреосвященнѣйшаго Евгенія, архіепископа тобольскаго и сибирскаго, мы размышляли о правилахъ, каковыхъ бы намъ надлежало держаться, если бы мы долженствовали вкупѣ дѣйствовать въ проповѣданіи евангелія народамъ языческимъ, и, по общему согласію, первоначально слѣдующія предполагаемъ:

а) Желаемъ, да будетъ у насъ все общее—деньги, пища, одѣяніе, книги и прочія вещи, и сія мѣра да будетъ для насъ удобностію въ стремленіи къ единодушію.

б) Желаемъ тому изъ насъ, которому, опредѣленіемъ начальства, будетъ поручено особенное попеченіе о дѣлѣ проповѣданія, повино-

Преосвященный Евгеній предложилъ самому архимандриту Макарію избрать для миссіонерскаго опыта одинъ изъ инородческихъ народовъ, обитающихъ въ его епархіи — татаръ, остяковъ, вогулъ, калмыковъ и киргизовъ. Макарій избралъ киргизовъ, живущихъ по ту сторону петропавловской линіи, такъ какъ они весьма удалены отъ наблюденія приходскихъ священниковъ и потому требуютъ особыхъ миссіонеровъ; притомъ же и климатъ страны, киргизами населяемой, принадлежитъ къ числу умѣренныхъ въ Сибири, а онъ и старшій изъ двухъ семинаристовъ не крѣпки въ силахъ и сложеніи тѣла. Въ странѣ киргизовъ правительствомъ устроены два селенія,

ваться по правиламъ иноческаго общежитія, какъ въ порученіяхъ относящихся къ проповѣданію, такъ и въ другихъ отношеніяхъ и случаяхъ; онъ же долженъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствоваться также правилами общежитія иноческаго, и тѣми постановленіями, какія мы отъ начальства пріимемъ за руководство въ служеніи проповѣданія.

в) Желаемъ принимать отъ него наставленія съ вниманіемъ, смиреніемъ и любовію; а его наставленія должны проистекать изъ слова Божія и быть согласными съ ученіемъ церкви восточной греко-россійской.

г) Желаемъ быть предъ нимъ искренними и откровенными въ чистомъ исповѣданіи помысловъ и искушеній нашихъ, и вмѣстѣ съ нимъ учиться у Господа уклоняться отъ зла и творить благое; онъ же обязуется всякое исповѣданіе таковое погружать въ бездну милосердія Божія, отнюдь не обличать явно того, что ему открываемо будетъ за тайну; какъ въ исправительныхъ, такъ и во всякихъ другихъ мѣрахъ своихъ дѣйствовать въ смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхожденія къ братіямъ, и безпристрастно принимая отъ нихъ благонамѣренные совѣты, полезныя замѣчанія, кроткія напоминанія, въ случаяхъ погрѣшительности поступковъ своихъ искренно виниться предъ ними и просить у нихъ прощенія и пособія къ исправленію своему. По симъ правиламъ жить и служить въ проповѣданіи евангелія народамъ языческимъ, въ тобольской епархіи живущимъ, желаемъ: архимандритъ Макарій. Ученикъ семинаріи высшаго отдѣленія Василій Поповъ. Ученикъ семинаріи низшаго отдѣленія Алексѣй Волковъ.

составленныя изъ военныхъ людей православнаго христіанскаго исповѣданія. Одно изъ нихъ, называемое кончатовскимъ, съ немалыми затрудненіями сносится съ петропавловскими священниками въ исправленіи христіанскихъ требъ; а они, миссіонеры, имѣютъ и нужду въ способахъ къ безопасности житія и служенія между людьми иноплеменными и нужду въ удобности къ упражненію самихъ себя въ церковномъ богослуженіи и въ постепенномъ къ новому для нихъ служенію иновѣрцамъ приготовленіи посредствомъ обыкновеннаго служенія вѣрнымъ. Такой удобности они не могли бы имѣть въ странѣ народовъ сѣверныхъ. Съ кончатовскимъ военнымъ поселеніемъ киргизы имѣютъ различныя сношенія, которыя могутъ и имъ (миссіонерамъ) открывать пути къ сношеніямъ съ киргизами и доставлять благополучные способы къ изученію языка, нравовъ, обычаевъ, мнѣній сего народа. На основаніи этихъ соображеній, архимандритъ Макарій выбралъ для своей миссіонерской дѣятельности, на первый разъ, кончатовскій округъ. Но, по сношеніи епархіальнаго начальства съ гражданскимъ, планъ этотъ не получилъ утвержденія. Генералъ-губернаторъ западной Сибири отозвался, что онъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго ему сибирскимъ комитетомъ отъ 24 февраля 1828 г., и по прочимъ въ отношеніи его изъясненнымъ причинамъ, на отбытіе архимандрита Макарія въ кончатовскій округъ согласиться не можетъ безъ Высочайшаго соизволенія.

Макарій долженъ былъ выбрать другое мѣсто для проповѣди евангелія, и изъявилъ желаніе отправиться въ бійскій округъ томской губерніи (состоявшей

подъ однимъ епархіальнымъ управленіемъ съ тобольскою) для миссіонерской службы среди кочующаго тамъ калмыцкаго народа. Епархіальное начальство выдало ему походную церковь, а для руководства въ дѣлѣ проповѣди снабдило инструкціею, изданною Св. Синодомъ въ 1769 г. Отслуживъ 30 августа 1830 г. божественную литургію и послѣ оной молебное пѣніе, архіепископъ отпустилъ проповѣдниковъ на предлежавшее имъ дѣло. Доставляемыя ими по третямъ года записки о дѣйствіяхъ миссіи печатаемы были въ извлеченіяхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи». Съ отдѣленіемъ въ 1835 г. томской епархіи отъ тобольской, архимандритъ Макарій съ сотрудниками перечисленъ въ вѣдѣніе томскаго епархіальнаго начальства.

Въ 1836 году томскій епископъ Агапитъ, по порученію Св. Синода, сдѣлалъ архимандриту Макарію приглашеніе, не согласится ли онъ съ настоящаго мѣста проповѣди своей перемѣститься въ иркутскую епархію и заняться тамъ обращеніемъ бурятъ, гдѣ болѣе предвидится пользы и успѣха отъ его трудовъ, нежели на настоящемъ мѣстѣ. Архимандритъ Макарій отвѣчалъ, что это приглашеніе открыло въ душѣ его борьбу различныхъ мыслей и чувствованій. «Обрѣтаю въ себѣ—писалъ онъ—и желаніе согласиться на приглашеніе Св. Синода къ проповѣданію христіанской вѣры бурятамъ, и желаніе сойти въ уединеніе и безмолвіе, и желаніе продолжать служеніе при здѣшней миссіи до совершеннаго изнеможенія, и желаніе, не сходя съ пути миссіонерской службы, посвятить остатокъ силъ своихъ приготовленію двухъ юношей, имѣющихъ весьма благонадежныя способности, нравы и желанія, моихъ сотрудниковъ при миссіи въ

бійскомъ округѣ, къ плодоноснѣйшему служенію въ распространеніи царствія Божія между евреями, магометанами и язычниками, находящимися въ державѣ россійской». Эти молодые люди были: уволенный по слабости здоровья изъ томскаго уѣзднаго училища ученикъ Михаилъ Нигрицкій, 15 лѣтъ, и уволенный въ томскую епархію, съ назначеніемъ на діаконское мѣсто, ученикъ нижегородской семинаріи Степанъ Ландышевъ. Оба они, въ 1836 году, изъявили желаніе поступить въ миссію, въ сотрудники къ архим. Макарію. «Примѣтнымъ образомъ — писалъ далѣе архим. Макарій въ своемъ отзывѣ—мои тѣлесныя силы ослабѣваютъ, и въ особенности слабѣетъ органъ зрѣнія. Между тѣмъ, какъ братія Ландышевъ и Нигрицкій вкупѣ со мною собирали бы благопотребныя для службы миссіонерской знанія и искусства (¹), можетъ быть я поправился бы при помощи Божіей въ состояніи своемъ по тѣлу, особенно вооружился бы хорошими очками и воспользовался бы совѣтами и пособіями врачей московскихъ. Всѣ сіи предположенія предаю волѣ Всевышняго и соизволенію Св. Прав. Синода. Всякому указанію Св. Синода искренно и спокойно желаю послѣдовать, какъ откровенію воли Божіей» .«Но, чтобы со мной ни случилось и какое бы распоряженіе вразсужденіи меня ни было сдѣлано, умоляю правительство церкви не закрывать миссіи

(¹) Архимандритъ Макарій предполагалъ отправиться съ ними въ Москву и дать имъ возможность довершить свое образованіе въ московской семинаріи и въ московскомъ университетѣ. Равнымъ образомъ, онъ желалъ познакомить ихъ съ ланкастерскими школами, съ училищемъ глухонѣмыхъ, съ хожденіемъ за больными въ университетскихъ клиникахъ и съ общими основаніями сельскаго хозяйства.

здѣшней, но утвердить навсегда ея существованіе на правилахъ иноческой общины, продолжать начатое сею миссіею въ округахъ бійскомъ и кузнецкомъ, сколь ни слабо сіе начало, и сохранять то, что при служеніи ея пріобрѣтено церковію, сколь ни малы сіи пріобрѣтенія. Храненіе паче дѣланія—провозглашають богомудрые руководители на пути ко спасенію. Это истинно и въ отношеніи къ собиранію язычниковъ во единую святую церковь Христову».

Св. Синодъ оставилъ Макарія на прежнемъ мѣстѣ его служенія, но не нашелъ удобнымъ исполнить его предположенія относительно приготовленія его сотрудниковъ къ успѣшнѣйшему служенію въ дѣлѣ миссіи ([1]).

Средства миссіи до 1836 г. ограничивались 1,000 р., а съ 1836 г. увеличены до 2,000 р. Изъ нихъ миссія содержала церковь и домъ; значительную часть употребляла на пособіе и подарки новокрещеннымъ. Для себя лично Макарій довольствовался магистерскимъ окладомъ. «Архимандритъ Макарій—писалъ о немъ А. С. Стурдза—не только не вкушалъ отъ млека стада своего, ни отъ плода насажденнаго имъ виноградника духовнаго, но еще обрекалъ себя на частыя и трудныя поѣздки изъ Сибири въ Москву для сбора подаяній въ отраду и помощь бѣдной паствѣ своей. Макарій ни на минуту не отставалъ отъ ввѣреннаго ему апостольскаго служенія, но—то пробирался чрезъ сугробы въ глушь сибирскихъ лѣсовъ со своими сподвижниками, то утѣшалъ и училъ худородныхъ міра сего, то опять отправлялся на одноконной телегѣ или

[1]) Дѣло архива Св. Синода, 1828 г. № 1479.

открытыхъ саняхъ за милостынею въ златоглавую, древнюю столицу. Не всѣ равно узнавали человѣка Божія въ умаленномъ и усталомъ странникѣ».

По дѣлу миссіонерства, имѣя постоянную нужду обращаться къ пособію и руководству слова Божія, архимандритъ Макарій живо чувствовалъ все неудобство обращенія къ славянскому тексту, часто мало понятному или не точно передающему смыслъ подлинника. Еще болѣе проповѣдническая ревность его смущалась тѣмъ, что обращаемые и новообращенные изъ обитающихъ въ русскомъ государствѣ язычниковъ, магометанъ и іудеевъ, не зная славянскаго языка и не понимая славянской рѣчи, не въ состояніи почерпать наставленій въ христіанскомъ ученіи и въ христіанской жизни изъ самаго священнѣйшаго источника вѣры—слова Божія.—Съ одной стороны, чтобы устранить эти неудобства, съ другой въ видахъ общенародной пользы отъ чтенія слова Божія на родномъ языкѣ, архим. Макарій въ 1834 г. прислалъ къ московскому митрополиту Филарету письмо «о потребности для россійской церкви преложенія всей библіи съ оригинальныхъ текстовъ на современный русскій языкъ». Но м. Филаретъ не далъ этому письму въ ту пору ни хода, ни извѣстности, потому что высшая духовная администрація того времени враждебно относилась ко всѣмъ попыткамъ подобнаго рода. Въ 1836 г. 16 сентября преосв. м. Филаретъ писалъ къ своему соименнику, ректору московской академіи (бывшему впослѣдствіи черниговскимъ архіепископомъ): «предубѣжденіе противъ новыхъ переводовъ священныхъ книгъ вообще сильно» (1). Но это не

(1) Изъ письма м. Филарета къ ректору московск. акад. архим. Филарету, въ *Чтеніяхъ въ Моск. Общ. Люб. Дух. Просв.* 1871 г. декабрь.

остановило Макарія. Среди трудовъ евангельской проповѣди язычникамъ, онъ предпринялъ переводъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта съ еврейскаго языка на русскій и въ 1837 году прислалъ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ начало своего труда—переводъ книги Іова. Макарій началъ съ этой книги вѣроятно потому, что Библейское Общество довело свой переводъ до этой книги. Слѣдовательно Макарій какбы продолжалъ дѣло Библейскаго Общества. Отправляя свой переводъ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ чрезъ епархіальное начальство, Макарій послалъ въ тоже время прошеніе, или, какъ онъ называетъ его, письмо на Высочайшее имя, прося Высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи перевода его въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и объ изданіи его на суммы Коммиссіи для употребленія въ духовныхъ училищахъ. Представляя свой переводъ въ «священнѣйшее благоволеніе и покровительство» Государя, Макарій писалъ:

«Богъ, пекущійся о всякомъ червѣ, о всякой травкѣ, и всякое созданіе свое надѣляющій всѣмъ благопотребнымъ, по роду и назначенію каждаго, не могъ, по своей очевидно преимущественной любви къ человѣку, оставить его при одномъ, столь сомнительномъ и невѣрномъ, руководствѣ разума, который у различныхъ мыслителей, и часто у одного и того же, страннымъ образомъ противорѣчитъ себѣ самому и разрушаетъ собственныя свои построенія».

«Но въ значительномъ разнообразіи тѣхъ народныхъ писаній, которымъ усвояется слава божественнаго происхожденія, нѣтъ такого преданія древности, которое, по безпристрастному свидѣтельству самого разума, основанному на неподвижныхъ началахъ здра-

ваго сужденія, при всемъ повреждеііи природы человѣческой, уцѣлѣвшихъ, было бы столь достойно премудрости, благости, всемогущества и святости Божіей, столь достойно величія безсмертной души человѣческой, столь соотвѣтственно вопіющимъ нуждамъ грѣшнаго и страждущаго человѣчества, какъ христіанская библія. Посему она есть самое чистое, полное, истинное откровеніе, слово Божіе къ человѣкамъ; посему она есть дражайшій даръ Божій, и самимъ Богомъ устроенный органъ, посредствомъ котораго премудрость Его разливаетъ животворный свѣтъ истины и добродѣтели въ человѣчествѣ; посему она есть педагогическая книга, по которой Творецъ и Правитель міра воспитываетъ, возводитъ народы къ истинному просвѣщенію; посему она есть святѣйшее собраніе законовъ и правъ царствія Божія».

«Всемилостивѣйшій Государь! Великимъ благодѣяніемъ, которое Ваше Императорское Величество сотворили многимъ народамъ, составляющимъ россійское государство, даровавъ имъ законы, приведенные въ изящный порядокъ и въ вожделѣнную ясность, Ваше Величество открыли восхитительные виды надежды, что россійская церковь получитъ отъ благословенной десницы монарха святую библію на живомъ россійскомъ нарѣчіи, въ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ еврейскаго и еллинскаго, въ той полнотѣ, въ той общей для всѣхъ вразумительности, въ какой было благоугодно Господу Богу даровать ее человѣкамъ, безчисленно-разнообразными путями благостію Его обращаемымъ отъ заблужденій, спасаемымъ».

«Владиміръ Великій, просвѣтившій русскую землю святымъ крещеніемъ, и достойные преемники его сдѣ-

лали для торжества истинной вѣры надъ суевѣріемъ и невѣжествомъ все, что содержалось въ возможности вѣка ихъ, и наши предки получили полную библію въ такомъ переводѣ славянскомъ, какого яснѣе и удобнѣе къ употребленію въ то время быть не могло. Нынѣ совсѣмъ другое время; языкъ славянскій сдѣлался мертвымъ; на немъ никто у насъ не говоритъ и не пишетъ; число людей, разумѣющихъ его въ священномъ писаніи, мало предъ милліонами частію не разумѣющихъ, частію мало разумѣющихъ, между которыми большое количество служителей церкви. Съ другой стороны, новый завѣтъ, первая книга Моисеева и Псалтирь на россійскомъ нарѣчіи свидѣтельствуютъ, что россійское слово уже достигло того возраста зрѣлости, въ которомъ время супружескому союзу его съ Божіимъ словомъ исполниться и совершиться окончательнымъ образомъ, что россійская церковь, будучи утверждена на основаніи апостоловъ и пророковъ, и самого Іисуса Христа имѣя краеугольнымъ камнемъ, когда уже получила писанія апостоловъ новаго завѣта, можетъ, а потому и должна имѣть всѣ писанія пророковъ ветхаго на россійскомъ нарѣчіи, и что россійскій народъ достоинъ имѣть полную россійскую библію».

«Всемилостивѣйшій Государь! Нѣтъ возможности воспроизвесть въ Россіи римскую церковь св. Петра; но Ваше Величество можете изъ чистѣйшихъ, дражайшихъ веществъ россійскаго слова создать словесный храмъ премудрости Божіей въ такой прочности, правильности и точности, въ такомъ вкусѣ, въ такомъ великолѣпіи и изяществѣ, что онъ будетъ выше всего великаго и прекраснаго въ мірѣ, будетъ истин-

ною славою православія нашей церкви предъ лицемъ всѣхъ церквей, будетъ вѣчною, неувядаемою, любезною Богу и человѣчеству славою Вашего царствованія и веселіемъ неба. Ваше Величество можете совершить сіе святое зданіе, столь торжественно начатое и столь высоко возведенное въ царствованіе Александра Благословеннаго. Токмо слово царское изречете, и россійская библія явится во всей полнотѣ и красотѣ своей; и послѣ божественнаго оригинала, который можетъ только одинъ быть, россійская библія будетъ первою и превосходнѣйшею въ христіанствѣ, потому что само провидѣніе Божіе даруетъ намъ какбы въ добычу опыты, успѣхи, немощи древнихъ и новѣйшихъ вѣковъ въ испытаніи святыхъ писаній; и сіе есть знаменіе особеннаго благоволенія Божія къ россійской церкви, вѣнецъ чести, который ей предназначенъ и принадлежитъ, и который впрочемъ легко можетъ предвосхитить другая церковь, напримѣръ великобританская, когда ускоритъ, для успѣховъ царствія Божія въ человѣческомъ родѣ, подарить Россіи полную библію на чистомъ россійскомъ нарѣчіи. «Поспѣшайте дѣлать добро», говаривалъ намъ безсмертный Суворовъ».

«Когда у евреевъ начало ослабѣвать разумѣніе еврейскаго языка, а между тѣмъ приближалось время чистому богопознанію распространиться во всѣхъ народахъ; тогда провидѣнію Божію было благоугодно, чтобы еврейскую библію перевели на еллинскій языкъ, который былъ тогда во всеобщемъ употребленіи; а когда въ новомъ завѣтѣ Духъ Святый въ огненныхъ языкахъ сошелъ на божественныхъ учениковъ Іисуса Христа, тогда онъ освятилъ всѣ жи-

вые языки и всѣ нарѣчія, чтобы всѣ онѣ были живыми проводниками слова Божія, слова жизни и истины въ человѣческомъ родѣ».

«Всемилостивѣйшій Государь! Когда россійская церковь будетъ имѣть полную россійскую библію; тогда Господь избавитъ насъ отъ нареканія между народами, которые уже не будутъ говорить, что русскіе ненавидятъ свѣтъ и сами боятся полнаго свѣта своей религіи, хотя должны передавать его и другимъ столь многимъ народамъ, сѣдящимъ во тьмѣ и въ тѣни смерти, и хотя провидѣніе Божіе для того и покорило имъ сіи многоразличныя племена, чтобы они просвѣтили ихъ свѣтомъ истиннаго откровенія Божія,—что русскіе равнодушно остаются безъ полной россійской библіи, между тѣмъ какъ имѣютъ полный алкоранъ на россійскомъ нарѣчіи, и тѣ изъ русскихъ магометанъ, которые не понимаютъ его на арабскомъ, оригинальномъ, могутъ читать его въ русскомъ переводѣ, который довольно ясенъ».

«Когда россійская церковь получитъ полную библію на россійскомъ нарѣчіи въ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ; тогда Ваше Величество откроете всѣ божественные источники христіанскаго просвѣщенія, чтобы чистыя и животворныя воды слова Божія самыми удобнѣйшими путями разливались по всѣмъ сословіямъ народа, водительству Вашему ввѣреннаго. Въ особенности же сотворите великое благодѣяніе для церковныхъ училищъ, облегчите для церковнаго юношества изученіе библіи, подвинете далеко впередъ къ усовершенствованію богословскія науки въ академіяхъ и семинаріяхъ нашихъ, распространите употребленіе и разумѣніе библіи въ полнотѣ

ея между приходскими священниками и их сослужителями, и положите Божіе основаніе къ возвышенію и очищенію нравственности въ церковномъ клирѣ. Потомъ успѣхи образованности христіанской, и вообще въ народѣ русскомъ, и особенно въ церковномъ чинѣ, будутъ имѣть спасительныя дѣйствія на суевѣрныя племена, содержащіяся въ составѣ государства россійскаго; и полная русская библія, приготовляя для сей жатвы достойныхъ дѣлателей, будетъ служить самымъ способнымъ орудіемъ къ дѣланію, будетъ поддерживать, питать и усиливать въ нихъ способность и усердіе къ дѣланію. Намъ указываютъ на англійскихъ и германскихъ миссіонеровъ и пасторовъ; но они уже давно имѣютъ полную библію на живыхъ отечественныхъ языкахъ».

«Всемилостивѣйшій Государь! Въ обширной державѣ Вашего Императорскаго Величества столько магометанъ и евреевъ. Если мы должны любить ближнихъ своихъ, какъ самихъ себя, дѣломъ и истиною; если мы христіане и чувствуемъ цѣну дара Божія человѣкамъ во Христѣ Іисусѣ: то, какъ сами должны возрастать въ живомъ и плодоносномъ познаніи Іисуса Христа распятаго, такъ должны желать и стараться, чтобы и ослѣпленные магометане и евреи съ покрываломъ на сердцѣ приняли въ Іисусѣ Христѣ Спасителя грѣшниковъ, и чрезъ Него сдѣлались чадами Божіими и причастниками жизни вѣчной. Когда россійская церковь будетъ имѣть полную россійскую библію; тогда не только клирики, но и прихожане ихъ грамотные, хотя съ дальнею ученостію и незнакомые, евреямъ, знающимъ русскій языкъ, будутъ читать пророческія книги ветхаго за-

вѣта въ переводѣ россійскомъ, совершенно согласномъ съ ихъ еврейскою библіею, и показывать имъ Іисуса Христа въ ветхомъ завѣтѣ, а тѣмъ магометанамъ, которые говорятъ порусски, будутъ показывать въ историческихъ книгахъ ветхаго завѣта, какъ безразсудно Магометъ исказилъ въ алкоранѣ свидѣтельства истины, и что, какъ отецъ лжи-діаволъ, то Магометъ не есть посланникъ Бога истиннаго, который есть отецъ истины».

«Съ премудрымъ и великимъ намѣреніемъ Ваше Императорское Величество изволите возводить магометанъ и евреевъ на ту точку образованности и сближенія съ русскими христіанами, на которой они могли бы, хотѣли бы, любили бы, привыкали бы читать русскія книги. И нынѣ если Ваше Императорское Величество соизволите положить предъ ними полную библію на русскомъ языкѣ, то тѣ изъ нихъ, которыхъ знаетъ Богъ, сами начнутъ читать ее, уразумѣютъ истину, и истина освободитъ ихъ отъ заблужденія. Когда мы можемъ имъ послужить полною библіею на россійскомъ языкѣ, то не можемъ думать, что довольно для нихъ одного новаго завѣта и двухъ изъ книгъ ветхозавѣтныхъ. Господь хощетъ спасать ихъ полною библіею. Магометанскіе татары и евреи совсѣмъ не то, что остяки или тунгусы».

«Всемилостивѣйшій Государь! Священныя книги ветхаго завѣта на россійскомъ языкѣ въ исправномъ переводѣ съ еврейскаго необходимо нужны, какъ и новый завѣтъ, для священниковъ и клириковъ при церквахъ приходскихъ и для миссіонеровъ, въ обращеніи, въ приготовленіи магометанъ и евреевъ къ

просвѣщенію св. крещеніемъ, и при дальнѣйшемъ утвержденіи новокрещенныхъ изъ сихъ племенъ въ христіанской вѣрѣ. Новый завѣтъ основанъ на ветхомъ; и вообще библія есть то прекрасное твореніе премудрости Божіей, въ которомъ божественное разнообразіе приведено въ божественное единство, въ которомъ всякая часть необходима для цѣлаго. Св. Павелъ во второмъ посланіи къ ученику своему Тимоѳею, сказавъ о писаніяхъ ветхаго завѣта, что они могутъ умудрить его во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса, говоритъ потомъ, что все писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности; чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій, ко всякому доброму дѣлу пріуготовленъ (2 Тим. III, 16, 17)».

«Нѣкоторыя мѣста священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта требуютъ огражденія отъ превратныхъ толковъ и злоупотребленій самыми краткими примѣчаніями. Безразсуднаго ропота людей легкомысленныхъ можно избѣгать безмолвіемъ и спокойствіемъ дѣйствованія Можно распространять священныя книги ветхаго завѣта на русскомъ языкѣ съ видомъ нѣкотораго равнодушія, безъ напряженнаго стремленія, и на время ограничиваться кругомъ ученыхъ. Впрочемъ нѣтъ такихъ священныхъ и благотворныхъ учрежденій въ человѣческомъ родѣ, которыхъ бы человѣкъ не могъ во зло употребить. Предусматриваютъ сіи злоупотребленія; предотвращаютъ ихъ, какъ умѣютъ и могутъ; имѣютъ въ готовности все къ мужественному принятію сихъ непріятелей, которыхъ появленіе неизбѣжно; и въ тоже время идутъ впередъ съ Богомъ въ созиданіи общаго блага. Однѣ

и тѣ же дороги желѣзныя послужатъ и врагамъ и друзьямъ человѣчества къ ускоренію и умноженію оборотовъ въ ихъ предпріятіяхъ. Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ, что невѣжды, къ собственной своей погибели, превращали смыслъ посланій св. Павла, подобно какъ и прочія писанія. Но это не воспрепятствовало св. Павлу проповѣдывать слово о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, которое для однихъ казалось безуміемъ, а для другихъ было соблазномъ, между тѣмъ какъ вѣрующіе находили въ немъ силу Божію и божественную премудрость (2 Пет. III, 16, 1 Кор. I, 18. 24)».

«Всемилостивѣйшій Государь! Переведенная мною книга Іова есть одна изъ самыхъ трудныхъ къ разумѣнію въ славянской библіи. По мнѣнію моему, она такою не будетъ казаться на россійскомъ нарѣчіи. Но, не имѣя способовъ обратить сей трудъ мой въ общую пользу церкви, всепокорнѣйше молю Ваше Императорское Величество повелѣть Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, да предадутъ переведенную мною книгу Іова печати иждивеніемъ суммъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, для употребленія между учащими и учащимися въ церковныхъ училищахъ, о чемъ нынѣ же, посредствомъ епархіальнаго начальства, прошу сіе сословіе попечителей церковнаго юношества».

Въ тоже время онъ писалъ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ: «вамъ извѣстно, какія затрудненія претерпѣваютъ духовныя училища по классамъ богословскихъ наукъ отъ того, что не имѣютъ полной библіи на россійскомъ нарѣчіи въ исправномъ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ. Вамъ извѣстно,

что въ народѣ русскомъ многіе миссіонеры, и въ томъ числѣ знатная часть служителей церкви, не могутъ хорошо разумѣть ветхаго завѣта на славянскомъ, уже мертвомъ у насъ, нарѣчіи. Вамъ извѣстно, что новый завѣтъ на россійскомъ нарѣчіи не доказываетъ того, что бы книги ветхаго завѣта на россійскомъ нарѣчіи были бы уже излишними, но что явленіе новаго завѣта на россійскомъ нарѣчіи неотступно требуетъ и ветхаго, столько же вразумительнаго для всѣхъ по заповѣди Спасителя: испытайте писанія: они свидѣтельствуютъ о Мнѣ. Явленіе новаго завѣта на россійскомъ нарѣчіи есть торжественное предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ свидѣтельство, что если россійскій языкъ уже столько созрѣлъ, что могъ быть органомъ истинъ новаго завѣта: то можетъ, а потому и долженъ уже россійскій народъ имѣть полную библію на россійскомъ нарѣчіи. Долгомъ своимъ по службѣ моей почитаю наипаче о томъ упомянуть, что толикія тысячи евреевъ и толикія тьмы татаръ магометанскаго суевѣрія, находящихся въ нѣдрѣ Россіи, требуютъ полной библіи на россійскомъ нарѣчіи въ исправномъ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ; ибо такая библія необходимо нужна для миссіонеровъ, для священниковъ и клириковъ при церквахъ приходскихъ и вообще для россійской церкви, при обращеніи, оглашеніи, приготовленіи магометанъ и евреевъ къ просвѣщенію св. крещеніемъ и при дальнѣйшемъ утвержденіи новокрещенныхъ изъ сихъ племенъ въ спасительной вѣрѣ Христовой; но и сіе объяснять и доказывать претитъ мнѣ чувство благоговѣйнаго почтенія къ высокому сословію вашему. При переводѣ книги Іова я поль-

зовался записками одного изъ новѣйшихъ оріенталистовъ германскихъ, именно Розенмюллера».

Коммиссія Духовныхъ Училищъ поручила разсмотрѣніе перевода книги Іова профессору еврейскаго языка въ с.-петербургской духовной академіи (послѣ Г. П. Павскаго) протоіерею Иванову. Протоіерей Ивановъ отозвался, что «переводъ, исключая немногихъ мѣстъ, довольно правиленъ, но не вездѣ чистъ и ясенъ, иногда слишкомъ буквваленъ, часто весьма растянутъ, а потому безъ значительнаго усовершенствованія не можетъ быть полезно употребленъ въ духовныхъ училищахъ» ([1]).

Въ 1839 году архим. Макарій такимъ же порядкомъ представилъ Государю переводъ другой ветхозавѣтной книги—пророка Исаіи, также съ прошеніемъ на имя Государя. Полагая, что первое письмо его на Высочайшее имя по обстоятельствамъ затерялось, или что множество дѣлъ не оставляло Его Величеству досуга на то, чтобы прочитать его, Макарій «счелъ за нужное, по важности истинъ, изображенныхъ въ томъ письмѣ, и по связи ихъ съ дѣломъ служенія его при словѣ Божіемъ», снова представить списокъ съ него Государю.

Мы уже знакомы съ этимъ письмомъ. А потому здѣсь изложимъ другое его письмо, при которомъ препровожденъ переводъ книги пророка Исаіи.

«Въ числѣ пророковъ ветхаго завѣта Исаія блистаетъ особенною ясностію предсказаній о Христѣ Спасителѣ и потому называется пророчествующимъ евангелистомъ. Всѣ сіи предсказанія исполнились во Іисусѣ и сдѣлались торжественнѣйшимъ свидѣтель-

([1]) Дѣла Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Учебныя Экспед. № 5356.

ствомъ, что Іисусъ есть Мессія, что Онъ есть Богъ и человѣкъ, что Ему надлежало, воспріявъ на Себя грѣхи человѣчества, искупить и спасти его своими страданіями и смертію, и что церковь Іисуса Христа есть благодатное царствіе Божіе, которому подобаетъ распространиться по всей землѣ».

«Чтобы всѣ употребляющіе русскій языкъ могли удобнѣе разумѣть божественную книгу пророка Исаіи, она, при помощи Божіей, переведена мною съ еврейскаго языка на отечественный. Съ благоговѣйнѣйшимъ усердіемъ приношу ее Вашему Императорскому Величеству; нынѣ же, посредствомъ епархіальнаго начальства, представляя ее Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, я всепокорнѣйше молю Ваше Императорское Величество повелѣть сему сословію попечителей церковнаго юношества, да предадутъ переведенную мною книгу пророка Исаіи печати иждивеніемъ суммъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, потому что самъ не имѣю способовъ обратить сей трудъ мой въ общее благо церкви и особенно въ пользу миссіи для обращенія невѣрующихъ іудеевъ къ Іисусу Христу. Такимъ же образомъ приносилъ я Вашему Императорскому Величеству въ 1837 году священную книгу Іова: но какъ могло случиться, что письмо, сопровождавшее сію книгу, посланную къ Вашему Императорскому Величеству, по обстоятельствамъ потерялось, когда еще множество дѣлъ не оставляло Вашему Императорскому Величеству досуга на то, чтобы читать его; то и призналъ я за нужное, по важности истинъ, изображенныхъ въономъ письмѣ, и по связи ихъ съ настоящимъ дѣломъ служенія при словѣ Божіемъ, списокъ его представить Вашему Императорскому Ве-

личеству вмѣстѣ съ книгою пророка Исаіи на россійскомъ языкѣ».

Всемилостивѣйшій Государь! Когда новый завѣтъ, Псалтирь, и книга Бытія въ переводѣ съ оригиналовъ, явились на россійскомъ языкѣ: тогда всѣ увидѣли, что россійское слово уже достигло зрѣлости, какая потребна для органа полной гармоніи истинъ, свыше отъ Отца свѣтовъ человѣчеству откровенныхъ. Но вдругъ произведеніе библіи на россійскомъ языкѣ, сіе великое дѣло, на которое съ восхищеніемъ взирали всѣ чада свѣта на землѣ и на небѣ, остановилось въ Россіи; прекратились *Извѣстія*, замолкли и разглагольствія о дѣйствіяхъ того сословія, которое съ благословеннымъ успѣхомъ трудилось въ переводѣ священныхъ книгъ на россійское нарѣчіе; а вмѣсто того трубы общественнаго мнѣнія трубили славу очаровательнаго стихотворца, овладѣвшаго удивленіемъ чрезвычайно многихъ умовъ; но россійское слово было предано подъ перомъ его служенію уже совсѣмъ не тому, какому было посвящаемо переводившими библію съ оригинальныхъ языковъ на русскій. Создавшій ухо слышалъ сіи всенародные гласы и гремѣлъ со стороны Своей изреченіями печальныхъ событій. Смыслъ сихъ изреченій не изъясняется ли между прочимъ и словами богодухновеннаго апостола Христова Іакова: «вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть,—кто разумѣетъ дѣлать добро, и не дѣлаетъ, тотъ грѣшитъ» (Іак. IV, 17)? Ключъ къ разумѣнію сихъ говорящихъ громовъ провидѣнія Божія не обрѣтается ли между прочимъ и въ одной изъ священнобиблейскихъ исторій, въ которой представлена участь

сыновъ Іехоніи, не порадовавшихся вмѣстѣ съ гражданами Веөсамуса о пришествіи кивота Господня въ предѣлы ихъ,—сіе достойно благоговѣйнаго и безпристрастнаго размышленія въ присутствіи Божіемъ. «И не порадовашася,—написано,—сынове Іехоніины въ мужехъ Веөсамскихъ, яко видѣша кивотъ Господень: и уби въ нихъ пятьдесятъ тысячъ и седмьдесятъ мужей, и плакашася людіе, яко порази Господь людей язвою великою зѣло (1 Цар. 6, 19). Се, и священный кивотъ премудрости и слова Божія, библія вошла въ предѣлы русскаго слова,—Господь наказуетъ, но любитъ сыновъ Россіи; Онъ посылаетъ несчастія, и радуетъ насъ милостями и щедротами; показываетъ, что чѣмъ болѣе даруетъ, тѣмъ болѣе можетъ и взять отъ насъ; терпитъ и ожидаетъ, да познаемъ и почтимъ даръ Божій всеусерднымъ, благодарнымъ и радостнымъ принятіемъ: ибо въ дарѣ Божіемъ все есть даръ Божій; все писаніе, какъ неумолкно провозглашаетъ св. апостолъ Павелъ, все писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности. И такимъ образомъ происхожденіе и явленіе полной библіи на россійскомъ языкѣ было бы для всѣхъ, разумно почитающихъ слово Божіе, уважающихъ слово русское и любящихъ церковь и державу россійскую, радостнѣйшимъ событіемъ».

«Но можетъ быть нѣкоторые не довольны тѣмъ переводомъ, въ какомъ теперь новый завѣтъ, Псалтирь и книга Бытія находятся на россійскомъ языкѣ. Кажется, что не должно ни презирать, ни страшиться сихъ неудовольствій; но какъ апостолъ Павелъ былъ всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣхъ какимъ нибудь обра-

зомъ пріобрѣсть Христу, такъ и священное сословіе пастырей россійской церкви возмогло бы, при помощи Божіей и при монаршемъ соизволеніи Вашего Императорскаго Величества, безъ оскорбленія истины, угождать разнообразнымъ и даже дѣтскимъ вкусамъ и требованіямъ вѣрующихъ, чтобы всѣ были довольны, чтобы никто не имѣлъ права объявлять себя недовольнымъ, но чтобы тѣ изъ одного, другіе изъ другаго сосуда, а всѣ пили ту же чистую и живую воду божественнаго откровенія. Впрочемъ, вдругъ сдѣлать все было бы невозможно; прежде всего надлежало бы совершить то, что начато, такимъ же, для многихъ и нынѣ благоугоднымъ образомъ, какимъ переводъ библіи на чистый русскій языкъ производили въ царствованіе блаженной памяти Александра I-го. Когда же россійская церковь получила бы полную библію на живомъ и простомъ, но благородномъ и чистомъ русскомъ языкѣ, въ переводѣ съ оригиналовъ: тогда уже легко было бы произвести переводъ полной библіи съ оригиналовъ на такой же славянской языкъ, на какомъ получили мы библію отъ нашихъ предковъ, переведенную съ греческаго. Послѣ того можетъ быть нѣкоторые пожелали бы читать библію на славянскомъ языкѣ, но въ совершеннѣйшемъ переводѣ съ греческаго; надлежало бы и такимъ угодить. Можетъ быть нѣкоторые пожелали бы читать библію въ вѣрномъ переводѣ съ греческаго, но на россійскомъ нарѣчіи; надлежало бы и сихъ желаніе исполнить... Между тѣмъ употребленіе славянской библіи, какую нынѣ имѣемъ, въ церковномъ богослуженіи не прекращалось бы; распространеніе ея и другихъ церковныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ ме-

жду вѣрными, для домашняго чтенія, продолжалось бы, и такимъ образомъ русская библія въ переводѣ съ оригиналовъ только способствовала бы разумѣнію славянскаго языка въ библіи и другихъ книгахъ, употребляемыхъ въ богослуженіи».

«Великобританская церковь—продолжаетъ архим. Макарій—какъ увѣряютъ извѣстія современныя, изобрѣла способъ напечатать библію для слѣпыхъ, чтобъ и слѣпые могли читать слово Божіе осязаніемъ, и разумѣть его. Петръ Великій призвалъ было языкъ голландскаго народа на помощь къ славянскому, чтобы русскіе, входя въ связи съ голландцами и знакомясь съ языкомъ ихъ, пользовались симъ знакомствомъ не только ради успѣховъ въ гражданской образованности, но и для лучшаго разумѣнія слова Божія, ради успѣховъ духовнаго просвѣщенія» ([1]).

«Тогда русскій языкъ еще былъ въ немощномъ возрастѣ, а нынѣ, когда мы слышимъ святыхъ апостоловъ, проповѣдующихъ Іисуса Христа распятаго языкомъ матерей нашихъ, русскому языку стыдъ, что многіе, для удобнѣйшаго разумѣнія пророковъ ветхаго завѣта, предвозвѣщавшихъ Іисуса Христа распятаго, должны читать библію на инородныхъ языкахъ».

«Всемилостивѣйшій Государь! Божественную книгу пророка Исаіи принося Вашему Императорскому Величеству, просто какъ духовную хлѣбъ-соль, питаю въ душѣ моей исполненную усердія увѣренность въ томъ, что подвигъ достойнѣйшій

(1) Анекдоты о Петрѣ Великомъ, изданные Якономъ фонъ-Штелинымъ, вновь переведенные съ нѣмецкаго, 1793 г. част. II, стр. 64. Анекдотъ 102.

священнаго и величественнаго сана Вашего совершился бы, если бы отецъ русскаго народа и наслѣдникъ Владиміра и великаго и святаго соизволилъ посвятить народу своему полную, въ переводѣ съ оригиналовъ, россійскую библію съ самымъ текстомъ оригиналовъ еврейскаго и греческаго, съ благопотребными примѣчаніями по мѣстамъ и параллелями; и что сей даръ Божій былъ бы принятъ въ такомъ видѣ россійскимъ народомъ отъ Государя не только безъ всякаго пререканія, но и съ восторгомъ благодаренія. Сіе изданіе было бы во всѣхъ отношеніяхъ царское, великолѣпнѣйшее, украшенное самыми лучшими произведеніями священной живописи; и на первомъ листѣ, послѣ заглавнаго, гдѣ было бы напечатано: Святая Библія и проч. и проч., весь христіанскій міръ, во всѣ времена, читалъ бы: Императоръ Николай I-й россійскому народу. Сей святой памятникъ монаршей къ Богу и народу любви по истинѣ былъ бы предметомъ вѣчнаго благоволенія Божія, хвалы всего сіона небеснаго, любви россіянъ и удивленія всѣхъ народовъ».

«Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія—писалъ въ заключеніе архимандритъ Макарій—предаю священнѣйшей волѣ Вашего Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ книгою пророка Исаіи, мысли мои о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ россійской державѣ, которыя нынѣ же представляю, посредствомъ епархіальнаго начальства, Святѣйшему Синоду, исполняя требованія службы моей и поминая слова приснопамятнаго героя Суворова: «*мы кратки, мы вѣчны*».

«Богъ да возглаголетъ въ царскомъ сердцѣ Вашемъ о святомъ словѣ своемъ, во благо церкви своей». 20 января 1839 года.

«При переводѣ книги Исаіи пророка—писалъ онъ въ тоже время въ донесеніи Коммиссіи Духовныхъ Училищъ—пользуясь ученостію Розенмюллера, я не послѣдовалъ его жалкой невѣрности.—Для кого нужно введеніе въ сію книгу, тотъ можетъ пользоваться руководствомъ къ чтенію священнаго писанія, изданнымъ блаженной памяти митрополитомъ с.-петербургскимъ Амвросіемъ, имѣя право ожидать совершеннѣйшаго въ семъ родѣ отъ нашихъ академій церковныхъ».

Коммиссія Духовныхъ Училищъ 31 января 1839 г. препроводила представленный архимандритомъ Макаріемъ переводъ книги пророка Исаіи къ митрополиту Серафиму съ тѣмъ, чтобы его преосвященство поручилъ конференціи с.-петербургской духовной академіи разсмотрѣть переводъ (¹). Конференція поручила разсмотрѣніе этого перевода члену своему, преподавателю еврейскаго языка въ академіи, протоіерею Иванову (²).

Лѣтомъ того же 1839 года архимандритъ Макарій, съ разрѣшенія Св. Синода, самъ былъ въ С.-Петербургѣ, испросивши себѣ отпускъ изъ миссіи, чтобы воспользоваться совѣтами искусныхъ врачей сто-

(¹) Дѣла Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Учен. Эксп. № 5943.

(²) Отзывъ протоіерея Иванова представленъ въ Св. Синодъ (по закрытіи Коммиссіи Духовныхъ Училищъ), уже въ 1843 г.—«Переложеніе смысла подлинника, сказано въ отзывѣ, сдѣлано большею частію правильно, но, по отношенію къ языку, требуется значительное исправленіе, такъ какъ встрѣчаются мѣста, изложенныя не ясно, растянуто, не гладко, слабосильно».

лицы къ поправленію зрѣнія и представить Св. Синоду мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ россійской державѣ. Здѣсь архимандритъ Макарій имѣлъ случай узнать, что представленная имъ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ рукописная книга пророка Исаіи, въ переводѣ съ оригинала, отдана цензору на разсмотрѣніе.

«Въ то же время—писалъ онъ въ донесеніи Св. Синоду, 26 декабря 1840 г.—я имѣлъ радость пріобрѣсти на россійскомъ нарѣчіи всѣ каноническія книги ветхаго завѣта пророческія и поучительныя, переведенныя съ оригинала протопресвитеромъ Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ. Но какъ сіи подаренныя мнѣ библейскія рукописи были писаны поспѣшно и притомъ молодыми людьми: то я тогда же предположилъ свѣрять ихъ съ оригиналомъ еврейскимъ и рукопись книги Іова свѣрялъ, находясь, на возвратномъ пути сюда, въ Москвѣ и въ Казани, а рукопись пророка Исаіи, по возвращеніи къ церковной алтайской миссіи». Эти черты важны для опредѣленія отношенія между переводомъ архимандрита Макарія и Г. П. Павскаго.

Исправивъ, въ виду перевода Г. П. Павскаго, свой переводъ книгъ Іова и пророка Исаіи, Макарій снова представилъ ихъ въ 1840 году Св. Синоду, заявляя, съ прежнею настойчивостію, что увѣренность его въ необходимой благопотребности для церковныхъ миссій и вообще для россійскаго народа полной библіи на россійскомъ нарѣчіи, въ переводѣ съ оригиналовъ, теперь еще болѣе укрѣпилась; что онъ желаетъ и надѣется сохранить сію увѣренность

во всю жизнь свою; что онъ изъявилъ сію увѣренность предъ священнѣйшимъ старцемъ, благоговѣйно имъ почитаемымъ отъ дней отрочества и открывшимъ для него возвратный путь въ церковную алтайскую миссію исполненными благословеній изреченіями. Полагаемъ, что это относится къ митрополиту Филарету. Архимандритъ Макарій тогда же сказалъ ему: «мнѣ кажется, что Библейское Общество дѣйствовало иногда неумѣренно; но я совершенно убѣжденъ въ томъ, что полная библія на русскомъ языкѣ, въ переводѣ съ оригиналовъ, для церковныхъ миссій весьма благопотребна: «ибо видѣлъ, что письма мои о семъ къ Государю находятся въ горницѣ великаго нашего старца, и слышалъ изъ священнѣйшихъ устъ его похвалу онымъ письмамъ, которыя Св. Синоду извѣстны и, можетъ быть, нынѣ въ синодальномъ архивѣ находятся».

«Благотворно, продолжаетъ архимандритъ Макарій, и достохвально изданіе твореній святыхъ отцовъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Но святые отцы посылаютъ насъ къ священному писанію, которое все богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій, ко всякому доброму дѣлу пріуготовленъ (2 Тим. Ш. 15—17). Святые отцы посылаютъ насъ къ здравымъ словесамъ Господа нашего Іисуса Христа (1 Тим. VI. 3), къ апостоламъ Его. Святые отцы и апостолы посылаютъ насъ къ слову пророческому, которое не было произносимо по произволу человѣческому и которое изрекали святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ. Отчего же такая недовѣрчивость къ пророкамъ, что

имъ воспрещается говорить къ намъ на томъ языкѣ, на которомъ позволяется говорить святымъ отцамъ и на которомъ апостолы столь прекрасно возблаговѣствовали намъ истины новаго завѣта, высшія, нежели ученіе ветхаго? И рабы невидимаго Сеннахирима, прельщающіе народъ и отклоняющіе отъ послушанія Господу и Христу Его, и они говорятъ къ народу живымъ языкомъ его; а стражамъ Сіона и защитникамъ Іерусалима предоставлено говорить къ согражданамъ не иначе, какъ на языкѣ умершемъ и словами для многихъ невразумительными? Но возмемъ въ разсужденіе состоянія женщинъ въ простомъ народѣ, военныхъ людей, служителей правосудія, земледѣльцевъ, даже миссіонеровъ и многихъ приходскихъ священниковъ; какъ часто у нихъ бываетъ мало времени для многаго чтенія! Твореній святыхъ отцовъ такъ много; а библія одна, одна для всѣхъ, и въ ней одной все; и всѣ могли бы находить время по крайней мѣрѣ для русской библіи, по которой было бы удобнѣе, нежели по славянской, умудриться во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса...».

«Служители церкви и слова Божія суть сработники у Бога, и не имѣютъ права сокращать десницу Божію въ спасеніи душъ человѣческихъ; но стараются вѣрно соразмѣряться и подражать премудрости Всевышняго, управляющей временами, и для каждаго времени имѣющей особенное число, мѣру и вѣсъ, всегда единой и всегда многоразличной, какъ въ царствѣ природы, такъ и въ царствѣ благодати, и болѣзнямъ человѣчества, которыхъ многоразличіе ея одной взоромъ объемлется, уготовившей многоразличныя врачевства въ священной библіи, которой пол-

нота не человѣческою волею исполнена и произведена. Кто знаетъ, на какой точкѣ въ пространствѣ библіи достигнетъ человѣка Іисусъ Христосъ (Филип. III, 13)! Если Господь въ наше время не одною мѣрою разливаетъ свѣтъ единой истинной вѣры посредствомъ библіи; то и рабамъ Его надлежитъ, сообразуясь Ему, дѣйствовать также въ раздаяніи слова Его, угождая и служа всякому, какою бы мѣрою и въ какомъ бы кто сосудѣ ни хотѣлъ принимать чистую воду божественнаго откровенія» (Прем. XI. 21).

«Не тамъ ли обыкновенно боятся, гдѣ темно; не изъ мрака ли происходятъ всѣ чудовища заблужденій; не мракъ ли покрываетъ замыслы гибельные; не во мракѣ ли ищетъ убѣжища злодѣяніе? Итакъ нѣтъ причины опасаться полной библіи русской, въ переводѣ съ оригиналовъ, свѣтлой и ясной. Всякій дѣлающій худыя дѣла ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его; а поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы (Іоан. III 19—21). Религія Іисуса Христа есть свѣтъ сама, и не боится свѣта; церковь Іисуса Христа любитъ, чтобы разсматривали незыблемыя основанія ея на горахъ святыхъ, на вѣчныхъ законахъ и изреченіяхъ истины и вѣрности, правды и благости, силы и премудрости Божіей. Доколѣ съ такою заботливостію будутъ содержать библію ветхаго завѣта въ неудобопроницаемой для многихъ мрачности по многимъ мѣстамъ; дотолѣ сѣятелямъ плевелъ легко будетъ, ухватываясь за нѣкоторыя изреченія, беззаконно вырванныя, беззаконно приложенныя ими къ любимымъ мнѣніямъ лживымъ, увѣрять легкомысленныхъ, будто пра-

вители церкви отчасти нарочно укрываютъ отъ народа свидѣтельства истины, отчасти сами не видятъ ихъ, и будто послѣдуютъ тѣмъ законникамъ, которые, взявши ключь разумѣнія, и сами не входили, и не пустили желавшихъ войти».

«Если мы вѣруемъ въ Духа Святаго, глаголавшаго чрезъ пророковъ, то будемъ увѣрены въ томъ, что пророки и на русскомъ языкѣ будутъ изрекать намъ глаголы Духа Святаго, и что Духу Святому пріятенъ живой языкъ народа, какъ удобнѣйшій проводникъ благодатнаго слова Божія въ умы и сердца человѣковъ. При сошествіи своемъ на апостоловъ, Онъ торжественно объявилъ сіе, согласно съ повелѣніемъ Господа Іисуса Христа ученикамъ своимъ - идти и учить всѣ народы, безъ сомнѣнія, на живомъ языкѣ всякаго. Когда мы говоримъ: вѣрую въ Духа Святаго, глаголавшаго пророки — на живомъ языкѣ пророковъ и народа еврейскаго, а сами не хотимъ, чтобы русскій языкъ былъ языкомъ пророковъ и Духа пророчества: то одни изъ насъ, не желая противиться Духу Святому, не сами ли себѣ противорѣчатъ; а другіе, не противорѣча самимъ себѣ, не упорствуютъ ли противъ Святаго Духа»?

«Всему свѣту извѣстно, что великое наказаніе и великое избавленіе, которое Господь послалъ людямъ своимъ, и, какъ одинъ отечественный писатель выразился, людямъ 12-го года,—сія животворящая сила креста возбудила и въ царѣ и въ народѣ благоговѣніе предъ Вседержителемъ; и въ россійскую церковь Богъ послалъ евангелистовъ и апостоловъ, царя Давида и Моисея, проповѣдующихъ слово Божіе на живомъ народномъ, понятномъ для всѣхъ, нарѣчіи. Всѣ

пророки готовы были явиться и освятить русское слово, чтобы оно было великолѣпнымъ храмомъ полнаго слова Христова, апостольскаго и пророческаго. Но шумъ браней утихъ, и громъ побѣдъ умолкъ, и кровь россіянъ уже не проливалась за отечество и народы. Мы успокоились, мы воздремали на лаврахъ, и подъ пѣснями очаровательнаго стихотворца погрузились въ сонъ; и наши юноши, въ бреду усыпленія и безпечности, наизусть произносили стихи очаровательнаго пѣвца,—слова часто гнилыя, но для ветхаго человѣка чрезвычайно сладостныя,—какъ имъ прилично было бы утверждать въ памяти изреченія Духа Святаго! О горе! Мы стали тыломъ къ истинѣ, а лицемъ ко всякой лжи; мы отвратились отъ святыхъ евангелистовъ, апостоловъ и пророковъ, и обратились къ духамъ обольстителямъ, которые пріятностями порабощеннаго суетѣ слова народнаго у многихъ испортили вкусъ, такъ что многіе не хотѣли уже и не могли наслаждаться словомъ Божіимъ; и всѣ они отъ малаго до великаго преклонили колѣна удивленія очаровательному генію міра... О горе! затворились царскія двери, которыми изъ святилища исходили къ намъ евангелисты одинъ за другимъ, и церковь россійскую благословляли отъ лица Іисуса Христа, каждый своимъ евангеліемъ на россійскомъ языкѣ; затворились царскія двери, которыми апостолы отъ престола Божія исходили другъ послѣ друга, и Россію благословляли каждый своимъ посланіемъ на россійскомъ языкѣ; затворились царскія двери, которыми исходили къ намъ изъ чертога небеснаго и царь Давидъ и пророкъ Моисей, и первый благословлялъ россійскую церковь книгою богодухновенныхъ псал-

мовъ на россійскомъ языкѣ, а послѣдній, рукою одного избраннаго изъ тысящей израилевыхъ служителя слова, благословилъ царя и народъ первою книгою божественнаго откровенія на россійскомъ языкѣ. Боговидѣцъ хотѣлъ и другими всѣми писаніями, начертанными имъ по внушенію Духа Святаго, благословить и царя и народъ; они были уже преложены съ оригинала священнаго на россійскій языкъ; они были уже печати преданы, какъ затворились царскія двери... И все сокрылось, и стало темно».

Мы не выписываемъ изъ донесенія архимандрита Макарія того, что онъ говоритъ о гнѣвѣ Божіемъ на русскій народъ за прекращеніе перевода и изданія русской библіи. Почтенный защитникъ перевода слишкомъ произвольно ставитъ въ связь съ этимъ дѣломъ народныя бѣдствія, постигшія С.-Петербургъ и всю Россію (наводненіе 1824 г., смерть Александра I-го, событія 1825 г., холеру 1830 г., пожаръ зимняго дворца и проч.). «Сколько лѣтъ, продолжаетъ архимандритъ Макарій, какъ всѣ пророчества ветхозавѣтныя на россійскомъ языкѣ ходятъ между немногими въ рукописяхъ, вѣроятно, ошибочныхъ; и сколь часто грѣху работающимъ типографіямъ воспрещается послужить пророкамъ Божіимъ вѣрными и скорыми способами къ распространенію спасительныхъ писаній ихъ во всѣхъ сословіяхъ общества на россійскомъ языкѣ, въ переводѣ съ оригинала; сколько лѣтъ, какъ мы слышимъ, будто все пятокнижіе Моисеево, дѣйствительно переведенное на чистый русскій языкъ съ еврейскаго, въ премногихъ особяхъ лежитъ въ простомъ складочномъ мѣстѣ,—та святая и страшная книга закона Божія, которая лежала при ковчегѣ

завѣта Іеговы, во святомъ святыхъ, и которую читали предъ всѣмъ израилемъ, въ слухъ всего народа, не исключая женъ, дѣтей и пришельцевъ. Неужели слово Божіе въ облаченіяхъ славянской буквы перестаетъ быть словомъ Божіимъ въ одѣяніи россійскаго нарѣчія»? Архимандритъ Макарій просилъ предать печати сіи священныя книги, которыя теперь онъ представилъ на россійскомъ языкѣ въ исправленномъ переводѣ съ еврейскаго; прежде же представленныя имъ книги въ рукописяхъ предать огню. Въ случаѣ одобренія книгъ его къ печатанію, онъ просилъ, чтобы не показывали его имени и не означали алтайской церковной миссіи на заглавныхъ листахъ: «ибо *хотя я за учителемъ моимъ по еврейской библіи слѣдовалъ какъ ученикъ, не какъ невольникъ, и не всѣ мнѣнія его принялъ за самыя вѣрныя, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержался на другихъ; и хотя при священномъ текстѣ сихъ книгъ находятся у меня прежнія объяснительныя примѣчанія, которыя также пересмотрѣны и исправлены: однако поправокъ въ текстѣ было такъ много, что переводъ, сдѣланный мною, сталъ уже не моимъ*: усердно желаю, чтобы онъ сдѣлался нашимъ. 26 дек. 1840 г.» (1).

Относительно этихъ вновь исправленныхъ переводовъ, 11 апрѣля 1841 г. состоялось опредѣленіе: 1) что архимандритъ Макарій, употребляя предъ Святѣйшимъ Синодомъ настояніе о продолженіи перевода священнаго писанія на русское нарѣчіе, преступаетъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, и тѣмъ

---

(1) Это донесеніе архим. Макарія Св. Синоду въ полномъ видѣ напечатано въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1862 г., кн. 3, стр. 167—178.

болѣе, что входитъ въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ уже принятымъ по сему предмету высшею властію; 2) что неосмотрительная ревность его основывается на погрѣшительномъ мнѣніи, будто церковь россійская не имѣетъ всего священнаго писанія на природномъ нарѣчіи россійскаго народа, тогда какъ она имѣетъ оное на природномъ славяно-русскомъ языкѣ, который употребляется и въ церковномъ богослуженіи, и на которомъ и простолюдины священное писаніе читаютъ и разумѣютъ, и нѣкоторые даже охотнѣе читаютъ, нежели въ переводѣ на ново-русское нарѣчіе; 3) что разсужденія архимандрита Макарія, въ которыхъ онъ разныя бѣдствія представляетъ какбы наказаніемъ за неисполненіе его мысли—преложить все священное писаніе на новое русское нарѣчіе, сколько неосновательны и нелѣпы, столько же несообразны и съ должнымъ повиновеніемъ къ постановленной отъ Бога власти и съ духомъ смиренія, въ противность которому онъ поставилъ себя непризваннымъ истолкователемъ судебъ Божіихъ; и потому преосвященному томскому поручено было вызвать архимандрита Макарія въ архіерейскій домъ и, вразумивъ его о вышесказанномъ, внушить ему, что онъ за свой дерзновенный и нетерпимый поступокъ подлежалъ бы строгой отвѣтственности по силѣ 55 правила святыхъ апостолъ, если бы Св. Синодъ не взиралъ на него съ снисхожденіемъ, по уваженію къ людямъ, которымъ онъ приноситъ и еще можетъ принести пользу миссіонерскимъ своимъ служеніемъ. Для таковаго вразумленія удержать его въ архіерейскомъ домѣ отъ трехъ до шести недѣль, смотря по надобности; и для очищенія совѣсти его отъ поступка несообразнаго

съ смиреніемъ и съ долгомъ подчиненности, назначить ему молитвенную эпитимію съ поклонами по силѣ и по усмотрѣнію преосвященнаго ([1]). Затѣмъ отпустить его къ мѣсту служенія съ подтвержденіемъ, чтобы данныя Богомъ способности и время употреблялъ на то служеніе, къ которому Богомъ же чрезъ власть церковную призванъ, и котораго вѣрное прохожденіе должно оправдать его предъ Богомъ и начальствомъ. Сіе служеніе призываетъ его къ переводу священнаго писанія не на русское нарѣчіе, а на языкъ инородцевъ, которымъ онъ проповѣдуетъ.

Занимаясь переводомъ библіи на русскій языкъ, архим. Макарій сдѣлалъ въ тоже время извлеченіе изъ книгъ свящ. писанія ветхаго и новаго завѣта на русскомъ языкѣ для чтенія новообращеннымъ и назвалъ это извлеченіе *Алфавитомъ Библіи.* Въ ноябрѣ 1841 г. онъ отправилъ эту рукопись къ московскому военному генералъ-губернатору, князю Голицыну, прося содѣйствія его къ изданію ея въ свѣтъ.

«Возвращаясь въ Сибирь къ алтайской церковной миссіи—писалъ онъ къ князю Голицыну—былъ я напутствованъ, сверхъ чаянія моего излившимся изъ вашего сердца благословеніемъ, которымъ ваше сія-

---

([1]) Въ послужномъ спискѣ о. Макарія записано объ этой эпитиміи: «въ концѣ 1841 и въ началѣ 1842 годовъ проходилъ, по опредѣленію синодальному, при домѣ епископа томскаго, сорокодневную очистительную эпитимію, по случаю представленія правительству мыслей и желаній своихъ вразсужденіи полной библіи на россійскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригиналовъ». Преосв. Филаретъ въ «Обзорѣ Русской Дух. Литературы» (т. 2., изд. 2. Черниговъ 1863 г.) упоминаетъ объ этой эпитиміи: «о. Макарію пришлось въ свое время понесть и эпитимію за свой переводъ. Его заставили каждый день служить литургію въ продолженіи шести недѣль: но это принялъ онъ за милость Божію и былъ очень доволенъ эпитиміею».

тельство изволили усерднѣйше соизволить о томъ, чтобъ я писалъ къ вамъ о нуждахъ миссіи. Сіе соизволеніе вашего сіятельства дало мнѣ смѣлость послать къ вамъ 21 ноября 1841 г. рукописную книжку подъ названіемъ: Алфавитъ Библіи, которая, при помощи Божіей, составлена мною по требованію должности и предана покровительству и попеченію вашего сіятельства и всѣхъ сословій царствующаго града Москвы, какъ по долгу и чувству искренней благодарности, такъ и потому, что не имѣю собственныхъ способовъ для напечатанія сей книжки, а надѣюсь найти ихъ въ христолюбивомъ усердіи вашего сіятельства и всей благовѣрной столицы къ распространенію евангелія между народами, неозаренными животворящимъ свѣтомъ Іисуса Христа и преданными россійской державѣ провидѣніемъ Вседержителя. О сихъ побужденіяхъ было сказано ясно и въ открытомъ для всѣхъ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству, находящемся при самой книжкѣ. Но какъ по обстоятельствамъ имѣю право думать, что книжка, и при ней письмо посвятительное въ видѣ предисловія, могла быть и не доставлена вашему сіятельству почтою; то осмѣливаюсь симъ письмомъ всепокорнѣйше просить васъ о благовременномъ доставленіи мнѣ посредствомъ Ивана Петровича Карепина, или Степана Алексѣевича Маслова, извѣстія въ разсужденіи оной рукописи, въ самомъ-ли дѣлѣ она не получена вашимъ сіятельствомъ. Если же получена; то ради Бога и святаго слова Его всѣмъ сердцемъ молю васъ приложить настоятельнѣйшее стараніе къ тому, чтобы сія книжка какъ можно скорѣе была послана въ цензуру церковную,—вышедши оттуда, была напечатана

иждивенiемъ вашего сiятельства и всѣхъ сословiй царствующаго града и во множествѣ экземпляровъ была прислана въ Бiйскъ на мое имя для здѣшней миссiи. Къ составленiю сей книжки былъ я понужденъ явною нуждою и моею, и моихъ сотрудниковъ, и возрастныхъ людей между новокрещенными: ибо для малолѣтныхъ составлена мною азбука, въ которой помѣщенъ краткiй катихизисъ, состоящiй также изъ одниxъ текстовъ, и краткiй молитвословъ; и сiя азбука предана мною покровительству и попеченiю высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, и всѣхъ сословiй царствующаго града Москвы, съ тѣмъ же открытымъ намѣренiемъ и желанiемъ, съ какимъ посланъ и Алфавитъ Библiи въ вашему сiятельству. Если къ симъ книжицамъ присоединить недавно вновь изданныя въ Москвѣ: «Избранныя мѣста изъ историческихъ книгъ ветхаго и новаго завѣта», въ двухъ книжкахъ, которыя въ немаломъ числѣ прислать къ намъ уже просилъ я одну изъ московскихъ госпожъ, то мы на русскомъ языкѣ представимъ новокрещеннымъ уже весьма довольно всего такого изъ богодуховной библiи, что грамотные изъ нихъ должны читать, безграмотные слушать и все разумѣть и помнить, и въ жизни своей осуществлять при Божiемъ благословенiи. Впрочемъ я не однихъ инородцевъ новокрещенныхъ имѣлъ въ виду при составленiи сей книжки, но и сотрудниковъ моихъ по службѣ при здѣшней миссiи, какихъ нынѣ имѣю и какiе могутъ быть послѣ, чтобы они имѣли въ сей книжкѣ предъ глазами основанiя ученiя о вѣрѣ и жизни христiанина, которое призваны проповѣдывать, чтобы видѣли и удобно изучали сiи спасительныя ис-

тины въ той связи, въ которой онѣ одна другую подтверждаютъ и объясняютъ и всею совокупностію и гармоніею своею благотворно дѣйствуютъ на умы и сердца человѣковъ, какъ слова Божіи. Но вкупѣ съ ними и я имѣю нужду обозрѣвать сіи изреченія Духа Святаго, собранныя въ такомъ порядкѣ; и это можетъ приносить мнѣ самому пріятнѣйшее и полезнѣйшее утѣшеніе. Но кто нибудь можетъ сказать: «у насъ есть уже краткое обозрѣніе качествъ и обязанностей истиннаго христіанина—книжка, изданная въ Москвѣ 1838 г.». Недавно въ первый разъ увидѣлъ я объявленіе объ этой книжкѣ въ 20 № Московскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года, а прежде сего и не зналъ о томъ, что она есть, слѣдственно не читалъ ея и не имѣлъ ея у себя, когда составлялъ Алфавитъ Библіи. Можетъ быть, и другія подобныя ей книжки на русскомъ языкѣ есть уже; но я не имѣлъ случая ими руководствоваться въ трудѣ, которымъ занимался въ теченіе прошедшаго года, и Господу извѣстно, что говорю справедливо. Можетъ быть также, что соображенія, по которымъ сіи книжки составлены, показались бы намъ неудовлетворительными для требованій службы моей при инородцахъ новокрещенныхъ и при моихъ сотрудникахъ. Впрочемъ не будетъ для издателей ихъ никакой непріятности, если и Алфавитъ Библіи напечатается: потому что я охотно согласенъ на то, чтобы ни въ какихъ вѣдомостяхъ, ни въ журналахъ не было объявлено о напечатаніи его, чтобы всѣ экземпляры были присланы миссіи здѣшней, чтобы миссія, получивъ его даромъ, даромъ и раздавала, но чтобы только сословія царствующаго града Москвы имѣли право возобновлять изданіе сей

книжки по предварительному соглашенію ихъ агента со мною, или съ другимъ миссіонеромъ, который послѣ меня будетъ настоятельствовать при здѣшней миссіи, и чтобы, въ случаѣ закрытія сей миссіи, сословія древней столицы русскаго царства безъ всякаго ограниченія имѣли право печатать книжку въ пособіе вообще благотворительнымъ учрежденіямъ, какъ и когда будетъ имъ благоугодно. Предаю сіи предположенія разсужденію и волѣ вашего сіятельства и доношу, что нѣкоторые изъ числа новокрещенныхъ инородцевъ говорятъ порусски, какъ русскіе, что нѣкоторые изъ нихъ выучились, а другіе учатся читать и писать порусски, что вмѣстѣ съ новокрещенными дѣтьми учатся русской грамотѣ дѣти русскихъ людей, и что многіе новокрещенные инородцы живутъ въ однихъ селеніяхъ съ русскими, что миссія необходимо должна дѣйствовать и на русскихъ людей, дабы они своими образами содѣйствовали и миссіи въ распространеніи евангелія между иноплеменными, и что мы, если Господь благословитъ, получивши отъ Москвы благотворительной печатный Алфавитъ Библіи, немедленно начнемъ приготовлять его къ печатанію на телгутскомъ нарѣчіи, имѣя намѣреніе представить его въ семъ видѣ начальству церковному. Давно собираюсь донести вашему сіятельству о состояніи миссіи; но испрашиваю великодушнаго прощенія и позволенія писать объ этомъ въ другое время, свободнѣйшее, а теперь только о томъ успѣю объявить предъ вашимъ сіятельствомъ, что избранныя мѣста изъ историческихъ книгъ ветхаго и новаго завѣта въ двухъ книжкахъ, прежняго изданія, имѣетъ миссія, но не болѣе двухъ экземпляровъ, что

это прекрасное собраніе было въ виду у меня при составленіи Алфавита Библіи, что я ограничился избраніемъ изъ библіи текстовъ, составляющихъ догматическое богословіе, ученіе о жизни и должностяхъ истиннаго христіанина и важнѣйшія пророчества христіанской религіи, именно для того, чтобы не дѣлать того въ другой разъ, что уже сдѣлано, и весьма хорошо сдѣлано, но чтобы Алфавитъ Библіи былъ продолженіемъ и окончаніемъ историческихъ чтеній и составилъ съ ними одно полное цѣлое».

Московскій военный генералъ губернаторъ препроводилъ доставленную къ нему рукопись: *Алфавитъ Библіи*, вмѣстѣ съ письмомъ архим. Макарія, къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Н. А. Пратасову, испрашивая отзыва его, можетъ-ли она быть одобрена къ напечатанію. Графъ Пратасовъ препроводилъ ее къ ректору с.-петербургской духовной академіи, преосв. Аѳанасію (Дроздову), епископу винницкому, прося его доставить заключеніе о сей рукописи. Преосвященный Аѳанасій далъ о ней слѣдующій отзывъ ([1]).

«Въ рукописи: *Алфавитъ Библіи* 1) нѣтъ истинъ православной вѣры, основанныхъ на священномъ преданіи. Хотя сіи истины не вошли въ планъ сочинителя потому только, что онъ ограничилъ свое сочиненіе одними истинами, содержащимися въ священномъ писаніи: но читатель легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе на счетъ важности истинъ, основанныхъ на священномъ преданіи, тѣмъ болѣе, что самъ сочинитель смотритъ на свое сочиненіе, какъ *на цѣлый со-*

([1]) Отзывъ этотъ въ дѣлѣ названъ «Запискою».

ставъ животворящихъ истинъ христіанскаго откровенія (письмо къ князю Д. В. Голицыну ноября 1841 года), и полагаетъ, что избранные имъ тексты *составляютъ догматическое богословіе* (письмо отъ 6 мая 1842 г.), тогда какъ догматическое богословіе составляютъ не тексты и не изложеніе текстовъ, а изложеніе догматовъ и не только тѣхъ догматовъ, которые содержатся въ св. писаніи, но всѣхъ, возвѣщаемыхъ церковію.

2) Многія мѣста св. писанія ветхаго завѣта сочинитель приводитъ по такому тексту, который православной россійской церкви вовсе неизвѣстенъ. Исключая Псалтири, изданной на русскомъ языкѣ иждивеніемъ россійскаго Библейскаго Общества, всѣ прочія книги ветхаго завѣта въ церкви существуютъ на языкѣ славянскомъ; между тѣмъ сочинитель и изъ прочихъ ветхозавѣтныхъ книгъ приводитъ тексты на русскомъ языкѣ. Заимствовалъ ли онъ ихъ изъ готоваго перевода, или переводилъ самъ, и съ какого именно языка: съ еврейскаго ли, или съ французскаго, нѣмецкаго и проч., неизвѣстно. Кромѣ сего предлагаемый въ Алфавитѣ самодѣльный переводъ мѣстъ священнаго писанія несогласенъ ни съ славянскимъ текстомъ, ни съ тѣми переводами, которые по мѣстамъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ уже изданныхъ. Примѣромъ можетъ служить Даніилово пророчество о седьминахъ, гл. 9. ст. 24, которое въ семъ сочиненіи приводится иначе, нежели въ славянскомъ, и иначе, нежели въ двухъ русскихъ сочиненіяхъ, уже напечатанныхъ, т. е. догматическомъ богословіи Терновскаго (стр. 124) и въ книгѣ: Первые четыре вѣка христіанства (стр. 48), которыя впрочемъ и между

собою несогласны; именно: Даніила, гл. 9, ст. 26 въ славянскомъ читается: и *потребится помазаніе* (*Евр. Мессія*) *и судъ не будетъ въ немъ*; въ Алфавитѣ Библіи подъ числомъ 2162: — *истребленъ будетъ помазанникъ и не станетъ его у нихъ*; въ догматическомъ богословіи Терновскаго: *истребится помазанникъ и не будетъ у него* (*власти надъ народомъ*); въ книгѣ: Первые четыре вѣка христіанства: *убіенъ будетъ Христосъ и не за себя*. Той же главы 27 ст. читается на славянскомъ: *и во святилищѣ мерзость запустѣнія будетъ*, и повторяется въ св. евангеліи, гдѣ самъ Господь говоритъ: *егда узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ*, и проч. Между тѣмъ въ Алфавитѣ Библіи подъ числомъ 2163 сіе мѣсто переведено такъ: *и на крылѣ оскверненномъ опустошитель*, въ догматическомъ богословіи Терновскаго: *и близь крыльевъ* (*Серафимовъ осѣняющихъ престолъ*) *будутъ поставлены мерзости*; въ книгѣ: Первые четыре вѣка христіанства: *и за птицею мерзости придетъ опустошеніе*.

3) Нѣкоторыя изъ приведенныхъ въ сочиненіи мѣстъ священнаго писанія, бывъ предложены безъ изъясненія, могутъ читающаго ввести въ заблужденіе; напримѣръ подъ числомъ 99: *Богъ не живетъ въ созданныхъ руками храмахъ*; подъ числомъ *472*: *вы имѣете помазаніе отъ святаго и знаете все*: *самое сіе помазаніе учитъ васъ всему* (Срав. посланіе восточныхъ патріарх. о православной вѣрѣ чл. 12); подъ числомъ 695: *а недѣлающему, но вѣрующему въ того, кто оправдываетъ нечестиваго, вмѣняется вѣра его въ праведность* (Срав. того же посланія чл. 13, гдѣ сказано: признаемъ совершенно нечестивою мысль,

будто вѣра, замѣняя дѣла, пріобрѣтаетъ оправданіе о Христѣ); подъ числомъ 876: *Богъ производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію* (Срав. того же послан. чл. 3); подъ числомъ 1191: *Я знаю и увѣренъ Христомъ Іисусомъ, что нѣтъ ничего въ самомъ себѣ нечистаго, но нечистымъ бываетъ что-либо только для того, кто почитаетъ нечистымъ*.

Такимъ образомъ слово Божіе вмѣсто того, чтобы быть вонею животною въ животъ, какимъ оно и бываетъ, когда сообщается людямъ путемъ, указаннымъ отъ Господа: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ*, и отъ святыхъ апостоловъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся*, — бывъ предложено въ такомъ видѣ, въ какомъ оно содержится въ Алфавитѣ Библіи, для многихъ можетъ содѣлаться вонею смертною въ смерть, поселивъ въ нихъ мысли противныя православному ученію. Аѳанасій, епископъ винницкій, академіи ректоръ». Сент. 30, 1842 г.

Въ 1842 году 13 ноября оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Н. А. Пратасовъ, внесъ въ Св. Синодъ, при своемъ предложеніи, рукопись архим. Макарія, вмѣстѣ съ отзывомъ о ней преосв. Аѳанасія.

Святѣйшій Синодъ, усматривая, что составленная архимандритомъ Макаріемъ рукопись, подъ названіемъ Алфавитъ Библіи, не можетъ быть въ настоящемъ видѣ издана въ свѣтъ потому, что многія мѣста священнаго писанія приводитъ онъ по произвольному переводу, неизвѣстному православной церкви, $^{2}/_{31}$ декабря 1842 г. опредѣлилъ: оставивъ сію рукопись безъ всякаго употребленія, сдать для храненія въ синодальный архивъ; но въ тоже время, принимая въ

уваженіе, что уже въ прошломъ году архимандриту Макарію, по поводу представленнаго имъ перевода на русскій языкъ книгъ пророка Исаіи и Іова, сдѣлано было замѣчаніе, что онъ время и способности свои долженъ употреблять на то служеніе, къ какому призванъ Богомъ чрезъ церковную власть, Св. Синодъ признаетъ и въ настоящемъ случаѣ необходимымъ вновь подтвердить ему о томъ чрезъ преосвященнаго томскаго, съ строгимъ внушеніемъ, что если онъ и впредь будетъ преступать долгъ смиренія предъ церковною властію, съ произвольнымъ объясненіемъ священнаго писанія и по таковымъ совершенно духовнымъ предметамъ обращаться мимо духовнаго начальства къ постороннимъ властямъ, то за сіе подвергнется неминуемо законному взысканію. О чемъ и послать указъ преосвященному, чтобы онъ для таковаго внушенія вызвалъ его въ архіерейскій домъ и вообще принялъ надежныя мѣры къ наблюденію за его дѣйствіями и къ отклоненію его впредь отъ неправильныхъ дѣйствованій.

По увольненіи отъ алтайской миссіи въ 1843 г., архим. Макарій назначенъ былъ настоятелемъ въ болховской оптинъ монастырь, орловской губерніи. Мысль о переводѣ библіи не оставляла его. Въ 1846 г. онъ выпросилъ себѣ у Св. Синода позволеніе отправиться въ Іерусалимъ и думалъ въ виѳлеемской пещерѣ блаженнаго Іеронима, или въ другомъ какомъ нибудь іерусалимскомъ мѣстѣ, заняться на свободѣ пересмотромъ своего перевода ветхаго завѣта съ еврейскаго языка на русскій; но—уже держа въ рукѣ посохъ паломника, онъ занемогъ и вскорѣ послѣ того—18 мая 1847 года—скончался.

Послѣ смерти о. Макарія, въ *Православномъ Обозрѣніи* 1860 — 1867 гг. напечатанъ переводъ его съ еврейскаго языка на русскій большихъ и малыхъ пророковъ, книгъ: Іова, Пѣсни Пѣсней, Экклезіаста Притчей Соломоновыхъ и Пятокнижія Моисеева, Судей Израилевыхъ, четырехъ книгъ Царствъ, книги Руѳь, первой и второй Паралипоменонъ, второй книги Эздры, книги Неемiи, Есѳири, первой и второй книгъ Маккавейскихъ.

И. Чистовичъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е. Остроумов

Протоиерей Киево-Софиского собора Иоанн Васильевич Леванда

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 9. С. 50-87.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПРОТОІЕРЕЙ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА

ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛЕВАНДА.

Его біографія и библіографическій обзоръ его сочиненій.

Если наша отечественная исторія, справедливо оцѣнивши дѣянія какъ самой великой Екатерины, такъ и главнѣйшихъ дѣятелей ея царствованія, назвала эпоху ея именемъ славнаго екатерининскаго вѣка; то и исторія русской церкви также можетъ указать изъ этого времени не мало такихъ лицъ, которыя, если не навсегда, то на весьма долгое время, будутъ считаться лучшимъ ея украшеніемъ. Таковы знаменитый Платонъ, митрополитъ московскій, Георгій Конисскій, Анастасій Братановскій, Августинъ и др. Къ числу замѣчательныхъ представителей церкви того времени со всею справедливостію можетъ быть отнесенъ и протоіерей кіево-софійскаго собора Іоаннъ Васильевичъ Леванда. Онъ не былъ ни труженикомъ науки, ни дѣятелемъ гражданскимъ; но и на скромной общественной ступени онъ показалъ собою образецъ благотворной дѣятельности: онъ стремился быть вѣрнымъ высокому идеалу пастыря Христова стада и принесъ отечеству драгоцѣннѣйшую

дань—плоды убѣдительнаго, сердечною теплотою согрѣтаго, краснорѣчія.

Протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Леванда, первоначально носившій фамилію Скакочки или Сикачки ([1]), родился въ Кіевѣ, въ 1736 г., и по своему происхожденію принадлежалъ къ ремесленному сословію. Отецъ его, простой кіевскій мѣщанинъ, Василій Скакочка былъ сапожнымъ мастеромъ, къ чему, конечно, приготовлялъ и своего сына, какъ ближайшаго помощника и преемника своему ремеслу. Но промыслу не угодно было, чтобы сынъ ремесленника оставался въ томъ званіи, какое предназначалось ему происхожденіемъ, и маловажное, повидимому, обстоятельство послужило причиною того, что изъ сапожнаго подмастерья даровитый ребенокъ сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ слова Божія и служителемъ Христовой церкви.

Не вдалекѣ отъ домика, занимаемаго Василіемъ Скакочкою, жилъ священникъ кіево-воскресенской церкви Іоаннъ Леванда, имѣвшій сына, почти сверстника Ивану Скакочкѣ. По свойственной дѣтямъ общительности, между этими двумя мальчиками завязалась самая тѣсная ребяческая дружба, такъ что день проводимый однимъ безъ другаго былъ днемъ самыхъ тяжкихъ лишеній. Первоначально священникъ Леванда, конечно, не могъ придавать такой дѣтской привязанности особеннаго значенія; но когда Скакочка началъ почти каждодневно являться въ его домъ, что-

([1]) Сикачка помалороссійски значитъ большой кухонный ножъ; подъ этимъ именемъ Леванда былъ извѣстенъ кіевскимъ жителямъ и въ санѣ протоіерея и на каѳедрѣ проповѣднической (Аскоченск. Кіевъ съ древн. его училищ. акад. т. II, стр. 536).

бы присутствовать при урокахъ своего друга, то жадное прислушиванiе къ чтенiю, скорое запоминанiе прочитаннаго и быстрая смѣтливость мальчика не могли не обратить на него вниманiя умнаго священника,— и съ этого времени Скакочка сталъ постояннымъ любимцемъ Левапды. Слѣдствiемъ этого было то, что священникъ постарался убѣдить Василiя Скакочку отказаться отъ намѣренiя сдѣлать маленькаго Ивана сапожникомъ, обѣщаясь въ замѣнъ этого опредѣлить его на свой счетъ въ академiю, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Препятствiй къ поступленiю Скакочки въ академiю по тому времени не могло быть: въ тогдашнюю академiю, открытую и поддерживаемую братствомъ, состоявшимъ изъ лицъ разныхъ сословiй, имѣли право вступать дѣти всякаго званiя. Съ радостiю увидѣлъ себя юный прозелитъ науки въ стѣнахъ учебнаго заведенiя, и его кроткое поведенiе, любовь и ревность къ наукамъ въ теченiе всего академическаго курса скоро отличили его отъ прочихъ сверстниковъ. Но то, чѣмъ особенно заявилъ себя въ академiи студентъ Скакочка, это—проповѣди, произносившiяся имъ въ общихъ академическихъ собранiяхъ ([1]),

([1]) До 1752 г. въ кiевской академiи не было особой проповѣднической каѳедры; она входила въ составъ общей риторики и студенты не были упражняемы въ сочиненiи поученiй. Съ этого же года митрополитъ Тимоѳей Щербацкiй предписалъ «богословамъ и философамъ, которые священство получить желаютъ, означить экзерцицiи мѣсячныя, назначивъ темы на проповѣди, и на сложенiе оныхъ давать сроку мѣсяцъ, и слушать тѣхъ проповѣдей въ своихъ школахъ наизусть. И оныя проповѣди всякъ бы, начисто переписавъ, своему учителю отдавалъ для отсылки оныхъ на каѳедру: во время промоцiи ихъ во священство можетъ свидѣтельствомъ и рекомендацiею быть ихъ ученiя». Вслѣдствiе этого студенты богословiя и философiи стали говорить по очереди въ воскресные и праздничные дни ими самими составленныя поученiя, но только не во храмѣ и не предъ народомъ, а въ академи-

и привѣтственныя рѣчи при встрѣчѣ знаменитыхъ особъ, посѣщавшихъ иногда академію. Представительная наружность юноши, веселая, добродушная и вмѣстѣ важная физіономія, стройный и звучный голосъ, глубокое чувство въ произношеніи, богатое и пылкое воображеніе и ловкое умѣнье придавать каждой мысли своей особый оттѣнокъ всегда производили самое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, кто слушалъ молодого проповѣдника. Тѣмъ болѣе это не могло не обратить особеннаго вниманія на Скакочку лицъ начальствующихъ въ академіи; исправлявшій тогда должность ректора, учитель богословія іеромонахъ Самуилъ Миславскій, человѣкъ опытный и умный, умѣвшій отличать истинныя дарованія и опредѣлять дѣйствительное призваніе своихъ питомцевъ, скоро замѣтилъ, къ чему способенъ юноша-проповѣдникъ и чѣмъ можетъ послужить онъ для церкви, если ему дано будетъ надлежащее направленіе. Поэтому, преимущественно предъ другими студентами, онъ участилъ для Скакочки упражненія въ составленіи и произношеніи проповѣдей, и самъ занялся усердно ихъ исправленіемъ. Труды его, какъ показываетъ дальнѣйшая дѣятельность Скакочки въ санѣ священника и протоіерея, не были напрасны. Къ этому же времени можно отнесть и замѣну настоящаго прозванія Скакочки фамиліею благодѣтеля его, священника Леванды, которую въ знакъ признательности Скакочка давно желалъ принять [1].

ческой залѣ и въ присутствіи префекта и воспитанниковъ всѣхъ классовъ. (Аскоченск. Кіевъ съ древн. его училищ. акад., т. II, стр. 247)

[1] Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что нѣкоторые считаютъ фамилію Леванды данною Скакочкѣ Самуиломъ Миславскимъ какбы въ знакъ того, что краснорѣчіе его такъ же пріятно для обонянія духовнаго,

Въ 1759 г. Иванъ Васильевичъ, уже не Скакочка, а Леванда, окончилъ курсъ академическаго образованія и, какбы въ благодарность за все то, чѣмъ надѣлила его академія, остался при ней учителемъ младшаго класса — инфимы, гдѣ и преподавалъ, по требованіямъ тогдашней академической программы, первую часть латинской грамматики съ «краткимъ наставленіемъ, какъ переводить съ латинскаго и польскаго языка на русскій»,—Православное Исповѣданіе вѣры *«въ маломъ объемѣ»* и первыя четыре дѣйствія ариѳметики ([1]). Но каѳедра учителя инфимы съ этими предметами была и тѣсна и не по сердцу такому таланту, какимъ обладалъ Леванда. Его молодая энергическая натура, исполненная горячаго и искренняго стремленія къ добру, требовала *болѣе* широкой общественной дѣятельности, и онъ искалъ только случая, чтобы навсегда оставить школьную аудиторію и отдаться сполна своему влеченію. Случай представился, и желаніе Леванды исполнилось. Въ 1763 г. сентября 28 митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ Могилянскимъ Леванда рукоположенъ былъ въ священники кіево-подольскаго успенскаго собора. Около 20 лѣтъ пробылъ онъ священникомъ при этомъ соборѣ и на всю жизнь свою съ первыхъ же дней служенія заговорилъ съ народомъ тѣми рѣчами и бесѣдами, которыя потомъ доставили ему справедливо заслуженную славу христіанскаго оратора ([2]). Подробности этого періода

какъ запахъ цвѣтка, называемаго Левандою (Levandae), для чувственнаго, и такъ же будетъ полезно для врачеванія недуговъ душевныхъ, какъ этотъ цвѣтокъ для тѣлесныхъ.

([1]) См. Ист. К. Ак. Булгак., стр. 54, 58—59. Аскоч. Кіевъ съ древ. его училищ. акад. т. II, стр. 242, 260.

([2]) Въ изданіи проповѣдей Леванды 4 слова относятся къ 1761 г.

жизни Леванды мало извѣстны [1]; но извѣстно то, что почти не проходило ни одного богослуженія, совершаемаго Левандою, безъ того, чтобы не восходилъ онъ на проповѣдническую каѳедру и не предлагалъ молившимся назидательнаго и убѣдительнаго слова. Къ этому еще нужно прибавить, что, какъ человѣкъ сердца, всецѣло проникнутый самымъ живымъ и искреннимъ религіознымъ убѣжденіемъ, Леванда и къ самому богослуженію относился такъ же, какъ и къ слову проповѣдническому, стараясь дѣлать каждую часть его поучительною и умилительною для молящихся.

и одно слово къ 1762 г. Вѣроятно они произнесены были или позже этого времени, или въ то время, когда Леванда былъ еще учителемъ академіи, тѣмъ болѣе, что мѣстомъ ихъ произнесенія не указывается успенская церковь, къ которой онъ былъ опредѣленъ первоначально священникомъ. Послѣднее получаетъ еще большую вѣроятность потому, что въ 1761 г. особымъ указомъ дикастеріи предписано было при всѣхъ монастыряхъ кіевской митрополіи учредить особыхъ проповѣдниковъ, высылавшихся обыкновенно изъ академіи (Аск. Кіевъ съ др. его учил. акад., т. II, стр. 247). А что Леванда поступилъ къ успенской церкви именно въ 1763 г., на это имѣется положительный документъ: въ вѣдомости кіево-софійскаго каѳедральнаго собора о священно-церковно-служителяхъ и ихъ дѣтяхъ мужескаго пола за 1808 г., засвидѣтельствованной собственноручнымъ подписомъ Леванды, значится, что „протоіерей и кавалеръ Іоаннъ Леванда, 84-хъ лѣтъ, обучался въ кіевской академіи латинскому языку, поэзіи, риторикѣ, философіи и богословію. Мѣщанскій сынъ; въ кіевской академіи два года былъ учителемъ нижняго класса грамматики. 1763 г. сентября 28 дня въ кіево-подольскому градскому успенскому собору произведенъ въ священники. 783 г. декабря 12 въ тотъ же соборъ протоіереемъ, и 786 г. августа 7 ч. переведенъ къ учрежденному тогда кіево-софійскому каѳедральному собору штатнымъ протопопомъ. Женатъ. Проповѣди сочиняетъ и сказываетъ“ (См. Кіев. Епарх. Вѣдомости 1862 г. VII, стр. 220).

([1]) Изъ относящагося къ этой первоначальной жизни Леванды намъ извѣстно только то, что «успенская церковь, бывшая прежде о 5 главахъ, въ нынѣшній видъ (съ однимъ куполомъ) приведена бывшимъ настоятелемъ ея, Іоанномъ Левандою, служившимъ здѣсь съ 1763 г. по 1786 г.» (См. Закревск. „Опис. Кіева“, т. II, стр. 838. Кіевск. Еп. Вѣд. 1861 г., 289).

Каждая молитва, каждое чтеніе евангелія пробуждали въ немъ выраженія глубокаго чувства, и та искренность, съ какою все это проявлялось въ немъ, дѣлала то, что когда Леванда плакалъ, вся церковь рыдала. Поэтому не мудрено, что тѣсно было въ храмахъ, гдѣ служилъ Леванда, и вопросъ, гдѣ въ извѣстный день будетъ онъ совершать богослуженіе, сталъ однимъ изъ любопытныхъ вопросовъ для жителей Кіева.

Такая пастырская ревность Леванды не могла, конечно, не обратить на него вниманія кіевскихъ архипастырей. Въ награду за эту ревность, въ 1783 г. Леванда былъ возведенъ въ санъ протоіерея, при томъ же успенскомъ соборѣ, въ управленіе епархіею митрополита кіевскаго Гавріила Кременецкаго. Это первое повышеніе его, совершившееся почти чрезъ 20 лѣтъ неутомимаго служенія въ санѣ рядоваго священника, было началомъ тѣхъ быстрыхъ повышеній и наградъ, которыми съ того времени постоянно, до послѣдняго дня своей жизни, онъ былъ взыскиваемъ какъ отъ своихъ архипастырей, такъ и отъ щедротъ монаршихъ. Въ 1786 году, когда кіево-софійскій монастырь былъ обращенъ въ каѳедральный соборъ и по состоявшимся новымъ штатамъ при немъ надлежало быть одному протоіерею и двумъ священникамъ,—бывшій тогда митрополитъ кіевскій Самуилъ Миславскій, хорошо знавшій Леванду еще студентомъ академіи, отдавая должную справедливость его проповѣдническимъ трудамъ и пастырской дѣятельности, перевелъ его сюда штатнымъ протоіереемъ. Съ такимъ повышеніемъ связывалось, конечно, и болѣе обязанностей, но и онѣ не умалили въ Левандѣ прежней ревности къ проповѣданію слова Божія. И теперь, какъ и при

успенской церкви, также не проходило литургіи, которую служилъ Леванда, чтобъ онъ не говорилъ къ народу хоть краткаго поученія; и теперь, какъ и прежде, кіевляне еще на канунѣ праздничныхъ дней разузнавали, гдѣ будетъ служить ихъ природный златоустъ. Вскорѣ за этимъ повышеніемъ Левандѣ готовилась новая награда. Въ 1787 г. по плану, устроенному княземъ Потемкинымъ, императрица Екатерина II предприняла путешествіе въ полуденную Россію и посѣтила Кіевъ. Одѣляя всѣхъ своими милостями, щедрая монархиня не забыла и Леванду. Слыша много лестныхъ отзывовъ о немъ отъ графинь Браницкой и Скавронской ([1]) и отъ графа Безбородко ([2]), она вознамѣрилась отличить его особеннымъ знакомъ монаршей милости и благоволенія. Для этого Левандѣ повелѣно было (11 марта, въ среду на пятой недѣлѣ великаго поста) въ присутствіи императрицы совершить преждеосвященную литургію въ андреевской церкви. Литургія была отслужена, и когда Леванда, окончивъ чтеніе заамвонной молитвы, обратился къ императрицѣ съ обычнымъ поклономъ, Екатерина знакомъ подозвала его къ себѣ и собственноручно возложила на него золотой крестъ на алой лентѣ, осыпанный бриллiантами, какой имѣлъ до этого времени только одинъ духовникъ императрицы. Неожиданна была такая монаршая милость для добродушнаго о.

([1]) Графиня Браницкая — урожденная Энгельгардтъ, родственница Потемкина. Съ нею императрица Екатерина была очень дружна. Обѣ эти графини были духовными дочерями Леванды. Къ графинѣ Браницкой обращены три рѣчи Леванды (т. III, словъ протоіерея Леванды, стран. 161—174).

([2]) Графъ Безбородко, почти одновременно съ Левандою, окончилъ курсъ въ кіевской академіи и слѣдовательно могъ знать Леванду еще студентомъ.

протоіерея; но она не смутила его,—онъ на столько сохранилъ въ себѣ присутствія духа, что тотчасъ же возблагодарилъ императрицу краткою рѣчью ([1]), которая какъ на нее, такъ и на окружающій дворъ, произвела самое пріятное впечатлѣніе. Этимъ не ограничилась императрица въ своихъ милостяхъ. Чрезъ три дня (15 марта) послѣ этой награды она удостоила Леванду второй, повелѣвши ему употреблять при богослуженіи палицу, принадлежавшую до того времени только архіереямъ и архимандритамъ.

Отличенный милостями великой Екатерины предъ всѣми своими сослуживцами, Леванда не переставалъ пользоваться милостями и ея августѣйшихъ преемниковъ. Слава его пастырской дѣятельности и проповѣдническаго таланта въ это время разнеслась уже далеко за Кіевъ и дѣлала его извѣстнымъ не только между своими согражданами, но и въ столицахъ имперіи. Все это еще болѣе располагало въ пользу Леванды кіевскихъ архипастырей и давало имѣ возможность съ полнымъ довѣріемъ дѣлать ему такія порученія, для которыхъ нужны были люди, могущіе свято сберечь и охранить честь и интересы церкви. Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II, благодаря побѣдоносному оружію русскаго воинства, пала горделивая Польша, а вмѣстѣ съ нею

([1]) Рѣчь эта для насъ не сохранилась вѣроятно потому, что Леванда послѣ произнесенія не постарался ее записать, но что она была произнесена, это видно изъ записокъ Полетики о пребываніи императрицы Екатерины въ Кіевѣ, гдѣ, между прочимъ, говорится, что кромѣ этой рѣчи Леванда говорилъ 21 апрѣля въ софійскомъ соборѣ въ присутствіи императрицы, на день ея рожденія, еще одну рѣчь вмѣстѣ съ митрополитомъ Самуиломъ (Сынъ Отеч. 1843 г. марта 1—32. Записки о пребываніи императрицы Екатерины въ Кіевѣ). Слово это помѣщено въ Собр. словъ и рѣчей Леванды, т. II, стр. 125—131.

должна была пасть и унія, такъ много зла и бѣдствій принесшая православію въ юго-западныхъ окраинахъ русскаго царства. Слѣдствіемъ этого было то, что не только угнетенные православные получили свободу и защиту, но и многіе уніаты изъявили желаніе присоединиться къ церкви православной. Когда для этой цѣли, по имянному указу 16 мая 1794 г., Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о снабженіи минскаго архіепископа Виктора духовными людьми, способными исполнить святое дѣло присоединенія «совращенныхъ съ пути праваго обманомъ и насиліемъ»: тогда въ силу этого же указа и въ кіевской епархіи нужно было избрать на это дѣло «людей опытныхъ и свѣдущихъ въ постановленіяхъ греко-россійской церкви». Выборъ этотъ палъ на Леванду; въ 1796 г. онъ былъ назначенъ для осмотра благочинія въ церквахъ, возвращенныхъ отъ уніи, по кіевской епархіи ([1]). Болѣе года провелъ Леванда за даннымъ ему порученіемъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ простаго народа и, неусыпно дѣйствуя убѣжденіемъ здраваго и яснаго слова и примѣромъ кротости и терпѣнія, свойственнаго истинному учителю церкви, вполнѣ оправдалъ ожиданія и надежды тѣхъ, которымъ угодно было употребить его на это трудное дѣло. Такая ревность на пользу Христовой церкви еще болѣе увеличила славу Леванды и пріобрѣла ему расположенность даже императора Павла, принимавшаго, какъ извѣстно, дѣятельное участіе въ дѣлахъ уніи. Въ 1797 году, когда императоръ предпринялъ путешествіе по новопріобрѣтеннымъ губерніямъ ([2]) и посѣтилъ Кіевъ, Леванда

([1]) Смотр. Описаніе кіево-софійскаго собора, VII, стр. 275.
([2]) См. Собраніе словъ и рѣчей Леванды, т. II, стр. 192; т. III, 181,

сталъ ему извѣстенъ и какъ краснорѣчивый ораторъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, въ слѣдующемъ 1798 г. октября 7 дня Леванда награжденъ былъ митрою, наравнѣ съ членами Святѣйшаго Синода изъ бѣлаго духовенства ([1]). Въ 1801 году, по распоряженію митрополита Гавріила Банулеско, Леванда вмѣстѣ съ ректоромъ академіи архимандритомъ Өеофилактомъ былъ отправленъ въ Москву для присутствованія при коронаціи императора Александра I, въ качествѣ представителя отъ бѣлаго духовенства кіевской митрополіи. Уступая первосвятителямъ честь привѣтствовать боговѣнчаннаго помазанника, Леванда тѣмъ не менѣе обратился здѣсь съ рѣчью къ державной матери его императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ ([2]). Чрезъ пять лѣтъ послѣ этого, въ 1806 г. ноября 19, по представленію кіевскаго митрополита Серапіона Александровскаго, Леванда сопричисленъ былъ къ ордену св. Анны 2-й степени, при особомъ высочайшемъ рескриптѣ. За этою наградою скоро послѣдовала и другая. Средства содержанія, ассигнованныя отъ казны для каѳедральныхъ протоіереевъ, далеко не были достаточны даже для того времени. Самъ Леванда, впрочемъ, никогда не жаловался на бѣдность; онъ даже не замѣчалъ ея, привыкнувъ переносить все съ хри-

---

([1]) См. Указъ синодскій 1798 г. дек. 30 дня, состоявшійся по именному высочайшему указу 7 окт. того же года, въ которомъ говорится, «что награждается митрою, въ разсужденіи древности и знаменитости города Кіева, тамошній каѳедральный протоіерей Іоаннъ Леванда». Вмѣстѣ съ нимъ поименованы изъ бѣлаго духовенства синодальные члены, протопресвитеры: духовникъ его императорскаго величества — благовѣщенскаго собора Исидоръ, московскаго успенскаго большаго собора Александръ и лейбъ-гвардіи полковъ преображенскаго собора Лукіанъ (Полное собраніе законовъ т. XXV).

([2]) См. т. III рѣчей Леванды, стр. 197).

стіанскимъ терпѣніемъ и кротостію: но она не могла не обратить на себя вниманія другихъ. Въ 1809 г. бывшій тогда кіевскій военный губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ и гражданскій губернаторъ Панкратьевъ сочли нужнымъ по этому случаю войти особымъ представленіемъ къ императору и просить отъ его щедротъ улучшить бѣдственное положеніе протоіерея Леванды. Щедрый монархъ пожаловалъ о. протоіерею въ единовременное пособіе 1000 руб. Чрезъ годъ послѣ этого Леванда получилъ новую награду, которая уже весьма высоко, особенно по тому времени, ставила его въ сравненіи съ лицами одного съ нимъ сана; именно: въ 1810 г. тотъ же митрополитъ Серапіонъ, вмѣстѣ съ графомъ Милорадовичемъ, графинями Браницкою и Скавронскою, министромъ почтъ Трощинскимъ и другими лицами кіевской аристократіи, рѣшились ходатайствовать предъ государемъ о награжденіи его орденомъ св. Анны 1-й степени. Государю уже извѣстенъ былъ Леванда, какъ по прежнимъ представленіямъ и отзывамъ о немъ, такъ и по его проповѣдническому таланту; поэтому въ томъ же году государь императоръ сопричислилъ его къ означенному ордену при слѣдующемъ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 12 декабря 1810 г. въ С.-Петербургѣ:

«Отецъ Іоаннъ, протоіерей кіево-софійскаго каѳедральнаго собора! Христіанскія добродѣтели, украшавшія жизнь вашу, и въ продолженіе многихъ лѣтъ неослабно подъемлемые вами подвиги на пользу церкви —отличное заслуживаютъ вниманіе. Желая удостовѣрить васъ въ монаршемъ моемъ благоволеніи, пожаловалъ я вамъ орденъ св. Анны первой степени, зна-

ки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваю возложить и носить по установленію. Пребываю къ вамъ благосклонный—Александръ».

Святѣйшій Синодъ въ тоже время поспѣшилъ наградить протоіерея Леванду бархатною фіолетовою камилавкою.

Слова высочайшаго рескрипта при награжденіи о. протоіерея Леванды орденомъ были не болѣе, какъ справедливою данью за безупречную и неутомимую его дѣятельность. Дѣйствительно, достаточно указать на нѣкоторые случаи изъ его жизни, чтобы видѣть, какъ ясно сознавалъ онъ обязанности пастырскаго служенія, съ какимъ великимъ уваженіемъ относился къ нимъ и какою евангельскою любовію къ паствѣ согрѣта была его добрая душа. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Въ 1771 г. на южныхъ окраинахъ Малороссіи появилась моровая язва, которая, не смотря на всѣ мѣры, предпринятыя тогдашнимъ кіевскимъ губернаторомъ Воейковымъ. не замедлила посѣтить и Кіевъ. Съ 3 сентября и до весны 1772 года Кіевъ былъ жертвою страшнаго опустошенія этой ужасной гостьи. Кажется, всѣ узы родства и дружбы исчезли въ это ужасное время: отецъ отдѣлился отъ сына, братъ отъ брата, мужъ отъ жены; всякому—какъ говорилъ тогда Леванда—было дѣло только до себя. Одинъ онъ, по силѣ дѣйствовавшей въ немъ вѣры Христовой, не палъ духомъ и безбоязненно шелъ на встрѣчу смерти, продолжая и въ это время свои обычные труды пастыря и проповѣдника, напутствуя св. таинствами страдальцевъ и облегчая ихъ горе спасительнымъ словомъ утѣшенія. Напрасно родные, друзья и знакомые убѣждали о. Леванду остерегаться зара-

зы и поберечь себя ради родства и дружбы; у него на всѣ убѣжденія и просьбы былъ одинъ отвѣтъ: *пою Богу моему дондеже есмь.* Такъ самоотверженно преданъ былъ онъ своему долгу.

Не менѣе характеризуетъ съ этой стороны о. Леванду другой случай въ его практической дѣятельности: 9 іюля 1811 года страшный пожаръ вспыхнулъ въ Кіевѣ, на Подолѣ, такъ что чрезъ нѣсколько часовъ на огромномъ пространствѣ тлѣли только одни уголья отъ сгорѣвшихъ до послѣдняго бревна строеній, курилась малая часть каменныхъ зданій, да густо дымили обгорѣвшія и оставшіяся безъ крышъ церкви, заваленныя разной домашней рухлядью, снесенной туда для сохраненія отъ пламени. Всѣ скорбѣли, жаловались, плакали; одинъ отецъ Іоаннъ Леванда, потерявшій также почти все свое имѣніе, какъ ангелъ утѣшитель являлся между погорѣвшими, указывалъ имъ перстъ Божій въ случившемся несчастіи, утѣшалъ ихъ, показывая ничтожность потеряннаго ими, перенося ихъ мысль отъ этого земнаго огня къ тому, который будетъ горѣть вѣчно для привязавшихся къ благамъ этой жизни, и слово его, сильное и увлекательное, одушевляемое духомъ евангельскимъ, вливало миръ и отраду въ сердца несчастныхъ страдальцевъ. Самъ же онъ не только не падалъ духомъ при потерѣ своего имѣнія, но даже какъ будто радъ былъ случившемуся съ нимъ несчастію. Когда графъ Ожаровскій, бывшій тогда кіевскимъ губернаторомъ, посѣтилъ погорѣльцевъ, разселившихся въ шалашахъ на берегу Днѣпра, онъ нашелъ между ними и о. Леванду въ его лагерѣ, какъ тотъ называлъ свою палатку. «Ахъ какъ несчастно ваше положеніе, о. про-

тоіерей», сказалъ онъ, увидѣвъ его. «Нѣтъ, графъ,— отвѣчалъ на это Леванда,—такое положеніе счастливо, потому что мы узнали Бога въ дѣлахъ Его». Что эти слова не были слѣдствіемъ минутно пробужденнаго сознанія преданности волѣ Божіей, какъ бываетъ это съ тѣми, которые, по извѣстной русской пословицѣ, тогда только перекрестятся, когда громъ грянетъ, а были выраженіемъ всегда присущаго благочестивой его душѣ настроенія, это онъ оправдалъ и послѣ, когда писалъ къ одному изъ своихъ родственниковъ: «я боюсь жить безъ несчастій и почитаю тогда себя или забытымъ, или приготовляемымъ къ несчастію наглому и страшному, а теперь мы, слава нашему Христу, не забыты». Въ другомъ письмѣ къ своему пріятелю, скорбѣвшему объ истребленіи Кіева пожаромъ, онъ также писалъ: «когда и власъ главы нашея не падаетъ безъ воли Отца небеснаго, а такому зданію, стоявшему вѣками, тѣмъ паче безъ воли сея нельзя было повалиться: то пора же и намъ познать, ощутить, сказать, что и на то была Его воля святая, благая, совершенная, спасительная, отеческая. Самая любовь, которою любитъ Онъ насъ, и спасеніе, котораго хощетъ намъ, потребовали у Отца сего такъ съ нами поступить» ([1]). Но эта твердость духа тѣмъ не менѣе никогда въ о. Левандѣ не перерождалась въ суровость и нечувствительность. Будучи твердъ и спокоенъ среди собственныхъ несчастій, онъ въ тоже время искренно и глубоко сочувствовалъ несчастіямъ другихъ: онъ плакалъ съ плачущимъ, болѣзновалъ съ болѣзнующимъ; но плакалъ и болѣзновалъ какъ христіанинъ, привыкшій видѣть въ несчастіяхъ дѣйствія

([1]) Журналъ Министер. Народн. Просвѣщ. 1836 г. 12.

промысла божественнаго. Чтобы видѣть, до какой степени ощутительно было для него чужое горе и какія средства предлагалъ онъ въ утѣшеніе, мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ письма его къ одной вдовѣ, только что лишившейся мужа: «я дѣлю болѣзни сердца вашего съ вами: я чувствую горе сіе, сію великую потерю; чувствую страшныя послѣдствія ея. Вы лишились друга, мужа, попечителя, дѣти—отца, я—благодѣтеля и друга... Отецъ небесный не во гнѣвѣ сдѣлалъ сіе, а нашелъ въ судьбахъ премудрости и благости своей нужнымъ, полезнымъ и для спасенія нашего неизбѣжнымъ. Онъ видѣлъ, что смерть присснаго друга нашего, производя въ насъ слезы, воздыханія, моленія, произведетъ вѣру, упованіе на Него единаго, простудитъ наше сердце къ міру и поселитъ въ немъ желаніе вѣчности блаженной, желаніе соединенія съ нашимъ искреннимъ другомъ. Помыслимъ же о томъ, что другъ нашъ узрѣлъ лице Христа, котораго въ душѣ своей носилъ, для котораго терпѣлъ, уповалъ и дѣлалъ все для ближняго. Наставляемый духомъ вѣры, видя себя въ пристанищѣ награжденнымъ вѣчно, забудетъ ли онъ насъ, имѣя память, за отдѣленіемъ отъ суетъ и узъ тѣлесныхъ, чистѣйшую, нежели мы имѣемъ, и любовь сильнѣйшую и святѣйшую, нежели были въ мірѣ семъ? Онъ ли тамъ не пожелаетъ намъ, осиротѣвшимъ и плачущимъ, милостей утѣшенія и помощи Божіей? Сіе намъ, назначеннымъ и спѣшащимъ денно и нощно къ вѣчности, да будетъ хотя нѣкоторымъ на сей случай успокоеніемъ. Пусть таки слезы льются: онѣ сердцу сдѣлаютъ нѣсколько легче; но да льются отъ часу умѣреннѣе и меньше».

Чуткій къ видимымъ несчастіямъ и временнымъ страданіямъ ближнихъ, о. Леванда еще съ большею ревностію относился къ тѣмъ несчастіямъ своего времени, которыя влекли за собою страданія вѣчныя. Время его было временемъ того волненія умовъ, которое вызвано было во всей Европѣ ученіемъ французскихъ энциклопедистовъ. Не дѣйствуя научнымъ путемъ противъ ихъ теорій, о. Леванда тѣмъ не менѣе съ глубокимъ скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на оскорбленія религіи Христовой и при всякомъ случаѣ старался предостерегать людей отъ вреднаго ихъ вліянія. «Благодарю Бога—писалъ онъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ—что вкусъ вѣка не коснулся вашего сердца, что умъ вашъ чуждъ новыхъ мнѣній и новой философіи. Будьте всегда таковы, какъ теперь». Этимъ же характеромъ запечатлѣны и многія изъ его поученій.

Здѣсь нужно упомянуть и о томъ христіанскомъ безкорыстіи, которое было всегдашнею отличительною чертою о. Леванды. Заботясь единственно о благѣ и счастіи ближнихъ, о. Леванда весьма далекъ былъ отъ заботы о матеріальномъ обезпеченіи своего собственнаго домашняго быта и довольствовался тѣмъ, что давало ему скудное содержаніе отъ казны, хотя, пользуясь любовію кіевскихъ гражданъ, онъ могъ бы, конечно, жить если не богато, то по крайней мѣрѣ безбѣдно. Между тѣмъ онъ не только не стремился къ пріобрѣтеніямъ, но отклонялъ отъ себя возможность сколько нибудь улучшить свое состояніе даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ бѣдности. Такъ, напримѣръ, когда императору Александру донесли о страшныхъ послѣдствіяхъ кіевскаго пожара 1811 г., то императоръ,

уже хорошо знавшій Леванду, между прочимъ, повелѣлъ его сыну, служившему тогда въ Петербургѣ, спросить письменно своего отца, на сколько понесъ онъ ущерба отъ пожара, — конечно, съ намѣреніемъ вознаградить всѣ его убытки. Но Леванда, великодушно отклоняясь отъ такого предложенія, чрезъ сына же отвѣтилъ тогда государю: «я потерпѣлъ наравнѣ съ прочими». И только тогда уже, когда императору угодно было пожаловать на все кіевское духовенство, потерпѣвшее отъ пожара, 24 тысячи рублей, Леванда принялъ доставшуюся ему по раздѣлу этой суммы часть—1800 рублей.

Въ быту общественномъ и семейномъ о. протоіерей Леванда былъ необыкновенно скроменъ, тихъ и незлобивъ. Отличенный отъ монарховъ такими почестями, какихъ до него почти никто еще изъ бѣлаго духовенства не удостоивался, онъ сохранилъ ту же дѣтскую, но благородную простоту своего характера. Въ этомъ отношеніи г. Измайловъ, путешествовавшій въ южную Россію и лично знавшій о. Леванду, прекрасно охарактеризовалъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ. Онъ пишетъ:

«Я не могу забыть протоіерея Леванду, котораго проповѣди напоминаютъ намъ о Боссюэтѣ и Массильонѣ. Я имѣлъ счастіе быть у него, сидѣть съ нимъ, видѣть его; и съ тѣхъ поръ вижу его безпрестанно предъ собою, безпрестанно питаюсь сладостію его бесѣдъ, какъ однажды питался ею; безпрестанно возношусь воображеніемъ къ мысленной и нравственной красотѣ, которая дышетъ въ образѣ сего почтеннаго мужа. Таковъ долженъ быть служитель Бога; таковъ долженъ быть пастырь душъ и служитель религіи;

таковъ долженъ быть человѣкъ во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, которыя не перемѣняютъ ничего въ существенномъ состояніи человѣка. Онъ такъ воспользовался размышленіемъ, чтеніемъ, опытами, что изъ всѣхъ страстей и заблужденій, затмѣвающихъ разсудокъ, сохранилъ одну страсть, угодную Богу въ чистомъ сердцѣ,— страсть любить ближнихъ и быть имъ полезнымъ. Правила и мнѣнія его такъ чисты, такъ благородны, такъ близки къ внутренней совѣсти, которая требуетъ отчета о каждомъ шагѣ жизни, что онъ позволяетъ приближаться къ себѣ, не стыдясь показываться въ своемъ видѣ, не опасаясь, чтобы слова его и мысли были въ противорѣчіи. Онъ обработалъ такъ самые свои поступки, что его обхожденіе есть самое благородное и простое, какое долженъ имѣть человѣкъ съ человѣкомъ безъ народной грубости, безъ свѣтскаго утонченія, безъ философской надменности. Жизнь его течетъ, какъ жизнь истиннаго мудреца, который не воздвигаетъ воздушныхъ замковъ и не остается жить между цвѣтами. Подобно умной пчелѣ, онъ умѣетъ выбирать лучшій сокъ изъ всѣхъ положеній жизни. Онъ служитъ передъ алтаремъ божества—и молитва, изливаясь изъ души его, составляетъ святой гимнъ чувствительности. Онъ сидитъ въ тишинѣ кабинета подъ зелеными вѣтвями, висящими предъ окнами его домика, и наука, не наперсница честолюбія, не провозвѣстница громкой славы, но кроткая спутница жизни, занимаетъ его уединеніе. Онъ сажаетъ или копаетъ въ садикѣ своемъ, и ясность мирнаго чувства сіяетъ въ его взорахъ и душѣ. Онъ гуляетъ въ цвѣтникѣ своемъ между поющихъ птичекъ и между зелеными кущами, и тихое

весеннее утро, прохладный вечеръ, захожденіе солнца бываетъ попеременно предметомъ его наслажденія: и онъ посреди сихъ прекрасныхъ часовъ природы, вблизи ревущаго Днѣпра, любитъ задумываться о зимѣ дней человѣческихъ, которая скоро забѣлѣетъ на его головѣ. На мою мысль, что уединеніе пріятно и полезно, но не можетъ быть вѣчно, онъ отвѣтилъ: легко обращаться отъ тихой жизни къ шумнымъ удовольствіямъ, но едва ли можно переходить отъ разсѣянія къ уединенію. Въ сихъ словахъ скрывается болѣе глубокаго смысла, нежели какъ кажется въ первомъ взглядѣ. Онъ разумѣлъ конечно чрезъ то, что должно неутомимо питать въ себѣ любовь къ уединенію, чтобы сохранить свои духовныя способности, и что, потерявъ однажды привычку быть самимъ съ собою, не можно возвратить ее. Прощаясь съ нимъ, сказалъ я: завидую вамъ въ вашемъ садикѣ и садику вашему близкому къ вамъ; все вокругъ васъ зеленѣетъ. «Должно, чтобы всегда что нибудь цвѣло предъ глазами», сказалъ онъ съ такою пріятною улыбкою, что мнѣ показалось, будто всѣ цвѣты въ садикѣ его разцвѣли еще зеленѣе. Сила ума и достоинство въ самомъ дѣлѣ имѣютъ дѣйствіе волшебства! Вижу, вы завидуете мнѣ, что я узналъ Леванду, но за то вы не чувствовали прискорбія столь сильнаго послѣ такого знакомства быть принужденнымъ разстаться» [1].

Эти нравственныя качества Леванды, обнаружившіяся со всею полнотою въ его домашней и общественной жизни, соединяясь съ глубоко-просвѣщеннымъ его благочестіемъ, дѣлали то, что бесѣды съ нимъ искали не только тѣ, которые жили въ Кіевѣ,

---

[1] Путеш. въ полуд. Россію, изд. 1. 1799 г. письмо XXXII.

но и многія знаменитости, въ разныя времена посѣщавшія Кіевъ, и всѣ выносили самыя пріятныя впечатлѣнія изъ его скромнаго домика. Такъ Державинъ нѣсколько разъ посѣщалъ Леванду во время своего пребыванія въ Кіевѣ ([1]) и всегда—какъ онъ самъ говорилъ — возвращался отъ Леванды съ особеннымъ удовольствіемъ. А графъ Безбородко, въ бытность свою въ Кіевѣ во время путешествія императрицы Екатерины въ Новороссію, однажды так былъ увлеченъ его бесѣдою, что совершенно забылъ и время, и срокъ, въ который назначила ему императрица явиться къ себѣ. Вспомнивъ наконецъ о своей неисправности, графъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста и сказалъ: «ахъ, о. протоіерей, вы похитили у меня время».

Ведя жизнь скромную, тихую, въ своемъ маленькомъ домикѣ, Леванда до конца своей жизни усердно занимался науками, слѣдя за всѣмъ, что выходило въ тогдашней литературѣ замѣчательнаго, и хотя при жизни не заявилъ себя почти ничѣмъ въ печатномъ мірѣ, тѣмъ не менѣе между своими современниками извѣстенъ былъ какъ человѣкъ весьма просвѣщенный. Митрополитъ московскій Платонъ, посѣтившій въ 1804 г. Кіевъ, такъ, между прочимъ, говоритъ о Левандѣ въ собственноручномъ путевомъ журналѣ: «духовенство кіевское почтило насъ привѣтствіемъ чрезъ отца каѳедральнаго протоіерея Лаванду, коего имя къ отличности его достоинства и просвѣщенія намъ и прежде было извѣстно» ([2]).

([1]) Около 1778 Державинъ пріобрѣлъ по Днѣпру заселенныя земли и, посѣщая ихъ, бывалъ нерѣдко въ Кіевѣ.

([2]) Снигирева—жизнь Платона, митр. москов. «Путеш. в.-преосвящ. митр. Платона въ Кіевъ въ 1804 г. собственноручно съ замѣчаніями его написанное».

Такимъ-то путемъ, путемъ безкорыстнаго евангельскаго дѣйствованія, созидалъ Леванда себѣ нерукотворный памятникъ въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ. Но онъ уже прошелъ путь свой, назначенный Господомъ: съ одной стороны долголѣтнее, сопряженное со многими трудностями и лишеніями, служеніе, а съ другой—семейная потеря жены и сына (Александра), скончавшихся на одной недѣлѣ, истощили силы неутомимаго проповѣдника, и восьмидесяти-лѣтній старецъ, послужившій Христовой церкви слишкомъ 50 лѣтъ, почилъ о Господѣ. Тиха и мирна была кончина честнаго и неутомимаго труженика. Одинъ изъ почитателей его памяти такъ описываетъ его предсмертныя минуты:

«Какбы предчувствуя свою смерть, о. Леванда проводилъ послѣднюю ночь предъ смертію въ горячемъ и трогательнѣйшемъ молитвенномъ изліяніи души своей предъ Богомъ. Въ послѣдній разъ, въ послѣдній день жизни своей, принималъ св. тайны съ удивительнымъ благоговѣніемъ, въ совершенномъ забвеніи всего вокругъ себя. Крайнее истощеніе силъ препятствовало ему подняться для сего съ одра болѣзни: «я долженъ бы былъ—говорилъ онъ окружающимъ его въ эти минуты—съ колѣнопреклоненіемъ пріобщиться св. тайнамъ». 25 іюня 1814 года заупывный звонъ софійскаго колокола повѣстилъ кіевлянамъ, что навсегда уже замкнулись медоточивыя уста ихъ славнаго проповѣдника, друга и учителя. Искреннія слезы безчисленныхъ почитателей и облагодѣтельствованныхъ были послѣднею и лучшею данью умершему. Весь городъ, съ двѣнадцатью цехами и всею регистровою конницею — почестями, которыя обыкновенно оказы-

ваются въ Кіевѣ при погребеніи знаменитыхъ людей, провожалъ до могилы остатки о. протоіерея. Въ софійскомъ соборѣ все кіевское бѣлое духовенство собралось воздать послѣднюю почесть усопшему собрату, а задушевное живое слово сослуживца Леванды, священника Семяновскаго, было послѣднимъ прощаніемъ съ нимъ этого міра (¹). Тѣло Леванды погребено въ софійскомъ соборѣ, въ предѣлѣ Благовѣщенія, предъ царскими вратами, гдѣ только одна стѣна отдѣляетъ его могилу отъ другой славной могилы— митрополита Евгенія.

Безкорыстно служа дѣлу спасенія ближнихъ, Леванда не оставилъ послѣ себя никакого состоянія, кромѣ небольшаго количества платья и небольшой библіотеки, состоявшей изъ 570 книгъ, которая въ 1815 г. была куплена и причислена къ главной библіотекѣ кіевской духовной академіи (²). Поэтому Св. Синодъ, во вниманіе къ многотрудной и полезной дѣятельности о. Леванды, особымъ докладомъ, ходатайствовалъ предъ государемъ императоромъ объ облегченіи бѣдственнаго положенія дочери его Маріи, оставшейся въ дѣвицахъ, и государю благоугодно было назначить ей 600 руб. въ годъ пожизненной пенсіи.

Около 60 лѣтъ прошло съ того времени, какъ со-

(¹) Слово это напечатано въ Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1866 г. VI. 189, съ современной событію рукописи и озаглавливается такъ: «Слово при погребеніи кіево-софійскаго собора протоіерея, первой степени св. Анны кавалера, Іоанна Леванды, кіево-софійскаго собора священникомъ, академіи кіевскія латинскаго и россійскаго краснорѣчія и высшаго класса греческаго языка учителемъ, Семяновскимъ надъ гробомъ его въ томъ же соборѣ, гдѣ въ предѣлѣ Благовѣщенія и тѣло его погребено, 1814 года, іюня 27 дня говоренное».

(²) Это меньшая часть библіотеки о. Леванды; большая же была истреблена пожаромъ 1811 года.

шелъ Леванда съ жизненнаго поприща, но слава его и любовь къ нему еще живы между жителями Кіева. Рѣдкое семейство не имѣетъ портрета о. Леванды и рѣдко кто съ восторгомъ не вспоминаетъ о славномъ проповѣдникѣ. Такъ это теперь, такъ будетъ и долго въ будущемъ: это общая награда тѣмъ, кто снискалъ себѣ любовь народа. И недавно — года два или три назадъ—когда нужно было въ Кіевѣ провесть улицу мимо того мѣста, гдѣ когда-то, еще до пожара, стоялъ домикъ Леванды, кіевляне назвали эту улицу «Левандовскою». Такъ чтутъ они это дорогое для нихъ имя.

Постоянная и неутомимая проповѣдническая дѣятельность отца протоіерея Леванды пріобрѣла ему у современниковъ прозваніе «кіевскаго Златоуста». Человѣка не съ его душою, не съ его сердцемъ, такая слава побудила бы искать и другой славы — славы литературной. Но не таковъ былъ о. Леванда. Несмотря на то, что многіе изъ знаменитыхъ современниковъ и даже сами митрополиты кіевскіе усердно просили его печатать свои поученія, даже всѣ издержки по этому дѣлу брали на себя: онъ всегда великодушно отказывался отъ предлагаемой ему чести, оставаясь при томъ убѣжденіи, что поученія написаны имъ не для чтенія и критики, а только для назиданія и произнесенія съ церковной каѳедры. По этой причинѣ только нѣкоторыя изъ его поученій,-и то, вѣроятно, благодаря какимъ нибудь стороннимъ обстоятельствамъ, противъ которыхъ не могла устоять скромность проповѣдника, были напечатаны при его жизни ([1]); большая же часть ихъ должна была ждать

(1) Вотъ ихъ заглавія: 1, слово на день Высочайшаго коронованія

другаго времени, того, когда заключатся его «медоточивыя уста». Но если Леванда не соглашался на одно, то не отказывалъ въ другомъ. Искренняя любовь и уважение, которыми онъ постоянно былъ окруженъ отъ своихъ слушателей и пасомыхъ, не хотѣли оставаться безъ вещественныхъ знаковъ того, чѣмъ были они возбуждены; поэтому, если очень мало имѣлось при жизни Леванды печатныхъ поученій его, то весьма много было ихъ въ рукописяхъ, которыя дѣлались прямо съ его автографовъ ([1]). Но и послѣ

Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, Самодержицы Всероссійскія, говоренное въ кіево-софійскомъ соборѣ протоіереемъ I. Левандою сентября 22 дня 1789 г. Печатано въ типографіи кіевской академіи, при лаврѣ 1790 г. (*Собр. словъ Леванды т. II стр. 147*). 2) Слово на день восшествія на престолъ Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Екатерины II, говоренное въ кіевской лаврѣ протоіереемъ кіево-софійск. собора I. Левандою, печатано при Святѣйшемъ Синодѣ, С.-Петербургъ, 1795 г. (*Слово это не вошло въ сборникъ.*) 3) Рѣчь при открытіи главнаго народнаго училища въ губернскомъ городѣ Кіевѣ 1 мая 1798 г., сказанная протоіереемъ кіево-софійскаго собора I. Левандою, печатана въ типографіи академіи кіевской 1789 г. (*Сборн. словъ и рѣч. т. III, ст. 153.*) 4) Рѣчь преосвященному Іеровею, митрополиту кіевскому и галицкому, на прибытіе его изъ Чернигова въ Кіевъ 1796 г., говоренная протоіереемъ кіевскимъ I. Левандою. Москва, 1796 г. (*Собр. словъ и рѣчей Леванды т. III стр. 15*). 5) Слово на день коронованія Его Императорскаго Величества Александра Перваго, говоренное въ кіевскомъ каѳедральномъ соборѣ протоіереемъ I. Левандою. Печат. при Святѣйшемъ Синодѣ. С.-Пбургъ, 1795 г. (*Собр. словъ и рѣчей Леванды т. II стран 247.*)

([1]) Что рукописные сборники поученій Леванды имѣлись еще при его жизни, объ этомъ мы имѣемъ весьма опредѣленныя свѣдѣнія. Такъ, предъ временемъ награжденія его орд. св. Анны 1 степени, одинъ изъ такихъ сборниковъ, неизвѣстно кѣмъ, былъ поднесенъ Императору Александру 1-му, при чтеніи котораго Императоръ приказывалъ нѣкоторыя мѣста повторять нѣсколько разъ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1836 г. ч. XII). О другомъ сборникѣ мы знаемъ изъ письма гомельскаго протоіерея Іоанна Григоровича, при которомъ онъ препровождаетъ въ редакцію «Вѣстника Европы» слово Леванды, сказанное на случай моровой язвы. «Мнѣ удалось найти, пишетъ онъ, въ старинныхъ рукопис-

смерти Леванды, не смотря на то, что даже печатно высказывалось желаніе имѣть возможно полный сборникъ его поученій (1), не вдругъ было приступлено къ ихъ изданію. Зависѣло ли это отъ того, что не кому было взяться за такое дѣло (2), или же отъ другихъ какихъ нибудь обстоятельствъ, только изданіе сбор-

---

ныхъ тетрадкахъ нѣсколько проповѣдей незабвеннаго Леванды. При сличеніи ихъ съ изданными недавно въ свѣтъ, къ удивленію моему, открылось, что въ печатномъ изданіи словъ и рѣчей сего кіевскаго Златоуста пропущено это слово. Не сомнѣвайтесь, что слово сіе точно принадлежитъ къ произведеніямъ знаменитаго Леванды. Кромѣ того, что оно носитъ отпечатокъ его генія, вотъ и историческія доказательства: а) отецъ мой во время моровой язвы, бывши студентомъ академіи, лично тогда находился въ Кіевѣ и былъ въ числѣ слушателей сей трогательной проповѣди. б) По знакомству съ Левандою, который въ то время былъ еще іереемъ въ успенскомъ соборѣ, онъ имѣлъ случай получать отъ сочинителя его манускрипты для прочтенія. Въ числѣ многихъ получено и это слово. Почему, в) и въ рукописи оно отмѣчено именемъ сего писателя». (Вѣст. Евр. 1823 г. № 22). Это письмо показываетъ вмѣстѣ и то, что Леванда нисколько не противился списыванію его поученій. Но еще болѣе опредѣленное доказательство для этого мы находимъ въ замѣткѣ Измайлова, помѣщенной при разборѣ надгробной рѣчи Леванды, сказанной имъ при погребеніи губернатора Панкратьева, въ которой г. Измаиловъ говоритъ: «изъявляя наше уваженіе къ таланту сего мужа, мы позволяемъ себѣ повторить слѣдующія строки изъ письма одного кіевлянина къ своему пріятелю, который выписалъ для него сочиненія Леванды: сей старецъ, убѣленный сѣдинами и добродѣтелями, лежалъ на одрѣ болѣзненномъ, когда я объявилъ ему желаніе В. В. Измаилова имѣть нѣкоторыя его рѣчи. Онъ назвалъ его лучшимъ изъ друзей своихъ. Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ старца, и онъ подалъ мнѣ дрожащею рукою посылаемыя при семъ рукописи». (Вѣстн. Европы 1810 г. № 16.)

(1) Въ «Сынѣ Отечества» мы находимъ, напримѣръ, такія заявленія: «прекрасныя слова и рѣчи сего знаменитаго проповѣдника еще не собраны; весьма многія изъ нихъ не напечатаны къ великому сожалѣнію любителей духовнаго просвѣщенія» (1815. 1.). «Желательно, чтобы всѣ поученія и рѣчи сего знаменитаго проповѣдника изданы были особо» (1817, XXXVIII).

(2) Послѣ смерти Леванды, какъ библіотека, такъ и рукописи его поступили въ полное распоряженіе его дочери—дѣвицы Маріи Ивановны.

ника состоялось уже чрезъ семь лѣтъ послѣ смерти проповѣдника, именно въ 1821 г., благодаря г. Похорскому, напечатавшему его въ трехъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ, въ типографіи при императорскихъ театрахъ. До этого же времени только нѣкоторыя изъ рѣчей Левандьі печатались въ нашихъ тогдашнихъ журналахъ: «Сынѣ Отечества» ([1]) и «Вѣстникѣ Европы», и то благодаря тому или другому почитателю памяти проповѣдника, которые изрѣдка высылали ихъ въ редакціи ([2]). Какимъ рукописнымъ сборникомъ пользовался г. Похорскій при изданіи словъ и рѣчей протоіерея Левандьі, покрыто мракомъ неизвѣстности; «но только издатель—какъ говоритъ преосвященный Евгеній—не имѣлъ вѣрнаго и полнаго списка, и потому не достаетъ въ семъ изданіи весьма многихъ поученій и рѣчей, и находящіяся въ ономъ во многомъ не сходны съ подлинникомъ сочинителя, и еще неисправнѣе напечатаны» ([3]). На первый взглядъ такое

([1]) Всѣхъ рѣчей напечатанныхъ въ „Сынѣ Отечества" 14. Изъ нихъ не вошли въ собраніе словъ и рѣчей слѣдующія:

1) рѣчь митрополиту Самуилу на день ангела (С. О. 1815 г. I.);

2) рѣчь тому же митрополиту на день ангела (С. О. 1816 г. XXXIII);

3) рѣчь митрополиту Серапіону въ день Рождества Христова (С. О. 1817 г. XLI);

4) рѣчь митрополиту Серапіону на новый 1794 годъ;

5) рѣчь тому-же митрополиту на новый 1795 годъ;

6) рѣчь на новый 1796 годъ, послѣдній въ жизни митрополита Самуила (Сынъ Отеч. 1817 г. XXXVIII.).

([2]) Но и эта рѣдкая доставка для печати словъ Левандьі не обошлась безъ грѣха. Такъ редакція «Сына Отечества», напечатавъ одно слово съ именемъ Левандьі на день коронованія императрицы Екатерины II, послѣ должна была отказаться отъ него, такъ какъ слово это оказалось принадлежащимъ не Левандѣ, а протоіерею харьковскаго каѳедральнаго собора Андрею Прокоповичу (Сынъ Отеч. 1816, XXXIII. 1817 г. XXXVIII).

([3]) Словарь Историч. о бывш. въ Россіи писат. духов. чина т. 1, стр. 289.

замѣчаніе можетъ показаться, пожалуй, нѣсколько строгимъ: со стороны неполноты изданіе, повидимому, можетъ оправдываться тѣмъ, что одни и тѣже слова могли быть произнесены Левандою нѣсколько разъ, какъ это отчасти и указывается въ самомъ изданіи ([1]), и что многія могли быть импровизированы проповѣдникомъ, а потому и не записаны въ его рукописяхъ; но съ другой стороны, если мы обратимъ вниманіе на ту ревность, съ которою относился Леванда къ проповѣданію слова Божія въ 55-лѣтній періодъ своего служенія, то едва-ли можетъ имѣть силу такое оправданіе. При томъ же «собраніе словъ» обнаруживаетъ свою неполноту само собою: издатель его не обратилъ вниманія даже на то, что до него появлялось въ печати изъ проповѣдническихъ трудовъ Леванды, и многое поэтому опустилъ въ своемъ сборникѣ, чего конечно не слѣдовало бы быть. Еще менѣе имѣетъ за собою оправданій этотъ сборникъ со стороны полнаго согласія его съ оригинальными рукописями Леванды. Правда, для точнаго опредѣленія отступленій сборника, подлинныхъ рукописей мы не имѣемъ подъ руками; но недостатокъ этотъ легко можетъ быть замѣченъ и изъ того, если только сопоставить слова, помѣщенныя въ немъ, съ тѣми же, но напечатанными прежде или въ періодическихъ изданіяхъ, или отдѣльными брошюрами. Не оправдываетъ также издателя и внѣшняя сторона его труда. Въ этомъ отношеніи небрежность его проявляется постоянно въ безчисленныхъ опечаткахъ и явныхъ искаженіяхъ подлиннаго текста. Особенно же рѣзко обна-

(1) См. Собр. словъ и рѣчей Леванды т. I, стр. 313—328; т. II, стр. 4—26, 166—181.

руживается она въ первомъ томѣ, гдѣ многія мѣста словъ обезображены до того, что трудно, а иногда и совершенно невозможно, доискаться здраваго смысла (¹).

Всѣхъ словъ Леванды, входящихъ въ составъ этого сборника, 75; изъ нихъ двадцать два слова составляютъ содержаніе перваго тома и 53 — втораго. Въ расположеніи проповѣдей издатель, какъ видно, старался держаться хронологическаго порядка, хотя неизвѣстно по какой причинѣ сдѣлалъ отъ него нѣкоторыя отступленія. Всѣ слова, вошедшія въ сборникъ, обнимаютъ періодъ времени отъ 1761 по 1811 г.г., при чемъ на долю перваго тома выпали слова до 1770 г., а на долю втораго-съ 1770 г. до конца проповѣдническої дѣятельности Леванды. Разбирая теперь всѣ эти слова по годамъ, самое большое число словъ,

(¹) Здѣсь мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такія мѣста: „Онъ (ап. Павелъ) съ наиревнительнѣйшею благопоспѣшностію путешествуетъ для того, что остается нѣсколько съ сокровища фарисейскаго *новосостроенныхъ въ Іерусалимѣ преисподнихъ* для заключенія тѣхъ, кто въ Дамаскѣ отозвались съ именемъ Христовымъ“ (т. 1 стр. 3); или еще: „дѣла мнѣ не будетъ до того повиновенія, которое долженствуетъ наставникамъ, коихъ все попеченіе истощается въ томъ, чтобы мы не терзались сердцемъ, поздно усматривая, чтобы мы не зная наукъ и художествъ ни къ какимъ дѣламъ не годимся, обществу будучи ни чѣмъ не полезны живемъ въ обремененіе земли; изнуряютъ разумъ и силы въ томъ, чтобы не находили никакихъ причинъ къ изнуренію насъ„. Также: «такъ бл. слуш. крѣпость и совершенство сихъ божественныхъ учрежденій стоитъ и укрѣпляется на повиновеніи, такъ что суетному и ничтожному надлежитъ нашихъ наставниковъ хотя бы и кровавому наиусерднѣйшему попеченію, ежели души такъ содѣлаются для ихъ наставленій, какъ для плачущей матери мертваго сына трупъ» (т. 1. стр. 15). Еще: «не будетъ ли ругаться христіанину язычникъ Сенека, который въ книгѣ о нравахъ уроду говоритъ, подобное есть множество человѣческое, ибо де чего не хочетъ не знаю». (т. 1. стр. 22.) Сюда же относятся и опечатки въ родѣ слѣдующихъ: «Симонъ Петъ и дуа рыбы ловите»; «повинуйтеся наставникомъ вашимъ, иже глаголетъ слово Божіе вамъ».

именно семь, мы получимъ на годъ, а самое меньшее —одно слово. Изъ этого уже достаточно видна скудость настоящаго сборника; но она еще рѣзче обнаруживается въ томъ, что на 10 лѣтъ въ этомъ сборникѣ нѣтъ ни одного слова (1). Если распредѣлить слова по предмету, или по поводу ихъ произношенія, то мы получимъ 10 словъ, сказанныхъ на воскресные дни и недѣльныя чтенія, 28 словъ на дни мѣстныхъ и общихъ праздниковъ, 2 слова на погребеніе и 35 словъ на дни праздниковъ гражданскихъ, или на дни *высокоторжественные*. Содержаніемъ третьяго тома служатъ 110 рѣчей, сказаныхъ на разные случаи, между которыми самую большую часть составляютъ привѣтственныя рѣчи, обращенныя къ кіевскимъ митрополитамъ (2) и къ особамъ царскаго дома, посѣщавшимъ Кіевъ (3). Но и здѣсь, конечно, какъ и въ словахъ, не достаетъ очень многаго.

Такая неудовлетворительность сборника словъ и рѣчей Леванды, сознанная еще при самомъ появленіи

(1) Годы эти слѣдующіе: 1767, 1777, 1779, 1781, 1782. 1784, 1785, 1788, 1790 и 1794.

(2) Рѣчи, обращенныя къ кіевскимъ митрополитамъ, начинаются съ года поступленія Леванды къ софійскому собору, когда онъ сталъ въ болѣе близкія отношенія къ своимъ архипастырямъ. Всѣхъ ихъ въ сборникѣ 77. Онѣ обращены къ 4 митрополитамъ: *Самуилу Миславскому*, управлявшему кіевскою митрополіею съ 1783 по 1796 г. (къ нему обращено 10 рѣчей—пять въ Ш т. словъ и рѣчей и пять въ «Сынѣ Отеч.» за 1815, 1816, 1817 г.г.); *Ієровею Малицкому*—1796—1799 (16 рѣч. въ Ш т. сл.) *Гавріилу Банулеско* съ 1799—1803 (21 рѣчь въ Ш т. сл. Лев.) и *Серапіону Александровскому*-1803—1819 г. (36 рѣч.— 35 въ Ш т. и 1 рѣчь въ Сынѣ Отеч. 1817).

(3) Въ сборникѣ помѣщены: 1 рѣчь императору Павлу І-му, 4 рѣчи императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, 1 рѣчь императору Александру І-му, посѣщавшему Кіевъ еще въ бытность цесаревичемъ; 1 рѣчь вел. кн. Константину Павловичу и 1 рѣчь императр. Маріи Ѳеодоровнѣ, говоренная въ Москвѣ при коронаціи императора Александра І-го.

его въ свѣтъ, плохо, однако, исправлялась и въ последующее время. Хотя въ нашихъ журналахъ послѣ изданія сборника и появлялись иногда нѣкоторыя слова и рѣчи Леванды, но оии, какъ легко замѣтить, своимъ появленіемъ обязаны были больше случайности, нежели дѣйствительному желанію привесть въ извѣстность недостающее въ сборникѣ. Намъ извѣстны только два слова, вышедшія въ свѣтъ во время болѣе близкое къ появленію сборника: одно изъ нихъ напечатано въ «Сынѣ Отечества» и озаглавливается такъ: «Слово покойнаго протоіерея І. Леванды, произнесенное на случай моровой язвы, бывшей въ Кіевѣ 1770 г., въ успенскомъ соборѣ»; другое, напечатанное въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1832 г. и произнесенное въ великій пятокъ. Перваго изъ этихъ словъ нѣтъ въ сборникѣ и потому оно можетъ еще служить къ его пополненію; но за то второе не оправдываетъ этого назначенія, такъ какъ его можно прочитать и въ собраніи словъ и рѣчей Леванды. Въ послѣднее время появилось еще три рѣчи Леванды въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Но и это пополненіе не велико, и притомъ достаточно показываетъ, что и теперь не прилагается особеннаго старанія къ разъясненію проповѣдническаго таланта Леванды. Яснымъ доказательствомъ этого служитъ то, что при такомъ ограниченномъ числѣ рѣчей редакція печатаетъ, выдавая за новость, и то, что уже давнымъ давно было напечатано до нея и даже вошло въ самый сборникъ. Такова рѣчь на погребеніе кіевскаго гражданскаго губернатора Панкратьева, которая до этого дважды уже была напечатана, хотя редакція и замѣчаетъ отъ себя, что рѣчь эта принадлежитъ

«къ *неизданнымъ* произведеніямъ знаменитаго оратора» ([1]). Но за то другія двѣ рѣчи не были напечатаны нигдѣ, и за нихъ нельзя не благодарить редакцію. Рѣчи эти произнесены Левандою на своей свадьбѣ и имѣютъ тотъ интересъ, что, помимо желаемаго пополненія сборника и привлекательности повода къ ихъ произнесенію, онѣ служатъ первымъ проявленіемъ ораторскаго искусства Леванды и обнаруживаютъ задатки того могучаго и самобытнаго таланта, которымъ впослѣдствіи онъ составилъ себѣ громкую извѣстность ([2]).

Приводя такимъ образомъ въ извѣстность всѣ имѣющіяся въ печати слова и рѣчи Леванды, мы по-

---

([1]) Сравни «Кіевскія Епархіальн. Вѣдомости» 1864 г., V стр. 129. «Рѣчь на погреб. кіевскаго гражд. губерн. Панкратьева 10 марта 1810 г.» съ «Вѣстн. Евр.» 1810 г. № 16, стр. 316. «Надгробное слово І. Леванды» и Собр. сл. Леванды т. II, стр. 319.

([2]) «Кіевскія Епарх. Вѣдом.» 1863 г., стр. 415. Помѣщая эти рѣчи, редакція замѣчаетъ: «помѣщаемыя здѣсь рѣчи знаменитаго нашего проповѣдника І. Леванды не вошли въ собраніе словъ и рѣчей его. Мы отыскали ихъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца прошлаго столѣтія и помѣщаемъ здѣсь не ради одной оригинальности ихъ содержанія, но и потому, что эти рѣчи представляютъ первые опыты ораторскаго искусства Леванды. Языкъ этихъ рѣчей еще тягучъ, не выработанъ, но обороты столько же смѣлые, сколько и оригинальные, картины, сравненія и уподобленія отличаются свѣжестію, самобытностію и особенною близостію къ умопредставленію юнаго оратора и окружающей его среды. Раскрытіе предмета и его изложеніе далеки отъ схоластическихъ пріемовъ того времени; рѣчь чужда общихъ избитыхъ мѣстъ и школьной фразеологіи. Теплота и игривость чувства проникаютъ обѣ рѣчи и сообщаютъ имъ особенную пріятность. Но что особенно бросается въ глаза въ этихъ рѣчахъ, такъ это случай, по которому онѣ произнесены: Леванда говоритъ рѣчи на собственной свадьбѣ. Не знаемъ, былъ ли этотъ обычай тогда въ ходу, или это особенность Леванды. Вторая изъ представленныхъ рѣчей произнесена, очевидно, въ церкви (она обращена Левандою къ своему умершему отцу); первая, кажется, обращена была къ посаженому отцу, а можетъ быть и къ священнику предъ началомъ бракосочетанія».

лучаемъ только 78 словъ и 119 рѣчей. Число, какъ мы уже замѣтили, очень малое сравнительно съ долголѣтнею проповѣдническою дѣятельностію Леванды. Поэтому намъ остается только ждать и надѣяться, что чья нибудь благонамѣренная рука рѣшится стряхнуть пыль съ хартій и явить нашему духовно-литературному міру всѣ сокрытые отъ него труды славнаго проповѣдника, «чтобы ни единая іота изъ твореній русскаго генія не погибла».

Кромѣ множества словъ и рѣчей, Леванда оставилъ послѣ себя еще огромную переписку, веденную имъ съ разными лицами духовнаго и свѣтскаго званія, а также и нѣкоторыя сочиненія. Все это занимаетъ 34 тетради, полагая въ каждой отъ 16 до 18 листовъ. Впрочемъ въ этихъ тетрадяхъ, какъ говоритъ одинъ изъ почитателей памяти Леванды (1), «находится гораздо болѣе писемъ, нежели сочиненій другаго содержанія. Сочинитель замѣчалъ ихъ собственною рукою въ нарочно приготовленныхъ тетрадяхъ для памяти. Письма Леванды занимательны живыми и острыми мыслями, пріятны по игривости и лаконизму своего рода; особенно они богаты нравственными правилами и мыслями. Кажется, ораторъ въ письмахъ своихъ имѣлъ въ виду нравственную цѣль». Но всей этой перепискѣ суждено испытывать почти туже участь, какъ и самымъ проповѣдямъ Леванды: еще въ 1822 году переписка эта приготовлена была къ изданію, но и по сіе время не появляется она въ печати (2). Такимъ образомъ и здѣсь намъ прихо-

(1) «Журналъ Минист. Народ. Просвѣщ.» 1836 г. ч. XII.

(2) Въ «Сынѣ Отеч.» за 1817 г. напечатано стихотвореніе Леванды, сочиненное имъ въ надпись къ своему портрету:

дится оставаться только въ выжидательномъ положеніи (1).

Вмѣстѣ съ неудовлетворительностію и недостаточностію доселѣшнихъ изданій произведеній Леванды идетъ какбы рука объ руку неудовлетворительность и недостаточность на нихъ и самой критики. Хотя само по себѣ и странно ставить въ связь эти два мало зависящія одно отъ другаго явленія, тѣмъ не менѣе фактъ существуетъ: до настоящаго времени критика почти ничего не сказала объ изданныхъ проповѣдяхъ Леванды. Конечно, въ оправданіе этого можно указать на то, одинаковое по отношенію ко всѣмъ вообще проповѣдническимъ трудамъ, обстоятельство, что до настоящаго времени почти всѣ они обходились критикою. Она не высказывала своихъ сужденій, а если и высказала, то очень мало, даже о самыхъ замѣчательныхъ нашихъ проповѣдникахъ, такъ какъ наша гомилетика по сію пору имѣла совершенно иное, чисто спекулятивное направленіе, а исторія литературы, если и касалась ихъ, то лишь на столько, на сколько это нужно было для ея особенныхъ цѣлей. Однако и при этомъ положеніи дѣла нужно сказать,

---

«Души писать нельзя, такъ мы и пишемъ тѣло,
И вышла суетность не схожая на дѣло.
На что писать, что смерть переписать готова?
Вотъ и письмо ея, для смертныхъ нѣтъ инова.
Изобразись въ душахъ, о Ты, великій Боже!
Тогда друзья найдутъ подобіе похоже».

Былъ ли это единственный опытъ Леванды въ стихотворствѣ, или же есть и другія его стихотворныя произведенія въ числѣ его ненапечатанныхъ сочиненій—неизвѣстно.

(1) Всѣ рукописныя сочиненія Леванды въ настоящее время находятся у двоюродной внуки его—кіевской купчихи Бубновой, которая—какъ мы слышали—въ скоромъ времени намѣрена приступить къ ихъ напечатанію.

что о *проповѣдяхъ этого* церковнаго оратора сказано критикою такъ мало, что въ этомъ отношеніи онъ едва ли можетъ быть поставленъ даже наравнѣ съ тѣми, которые ни мало не превосходятъ его проповѣдническими заслугами. Въ самое время появленія въ свѣтъ «словъ» Леванды, наша духовная журналистика не существовала, а свѣтская прямо отказалась сдѣлать о нихъ свое сужденіе, опираясь съ одной стороны на то, что «сужденіе о книгахъ богословскихъ выходитъ изъ ея предѣловъ», а съ другой на то, что сужденіе это «въ отношеніи къ произведеніямъ Леванды было бы совершенно излишне: достоинства сего почтеннаго христіанскаго оратора давно извѣстны церкви и отечеству». Такимъ образомъ намъ приходится до сей поры ограничиваться только двумя или тремя—не болѣе—краткими библіографическими замѣтками объ изданныхъ его твореніяхъ. Первою такою замѣткою въ нашей духовной литературѣ нужно считать замѣтку, высказанную преосвященнымъ Евгеніемъ въ «Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина»; но она, какъ мы уже видѣли, касаясь исключительно только изданія проповѣдей, само собою разумѣется, не можетъ служить пособіемъ для того, кто захотѣлъ бы сколько нибудь ознакомиться съ самымъ проповѣдническимъ талантомъ Леванды.

Вторую критическую замѣтку мы имѣемъ въ «Обзорѣ русской духовной литературы» преосвященнаго Филарета черниговскаго. Но и эта замѣтка, не смотря на то, что авторъ ея касается самыхъ проповѣдническихъ пріемовъ Леванды, также не удовлетворитъ любознательнаго и даже можетъ ввесть его въ нѣко-

торое заблужденіе. Съ одной стороны неудовлетворительность этой замѣтки зависитъ уже отъ самой краткости ея, обусловливаемой общимъ характеромъ того труда, въ которомъ она содержится; но съ другой, и самой важной стороны, эта неудовлетворительность зависитъ отъ той рѣзкости и даже, смѣемъ сказать, нѣкоторой невѣрности сужденій, которой легко можетъ подчиниться всякій, кто самъ не ознакомился съ твореніями проповѣдника. Такъ, напримѣръ, автору этой замѣтки угодно было, между прочимъ, обвинять Леванду въ «не твердомъ и не ясномъ разумѣніи текста св. писанія» и въ подтвержденіе этого ссылаться на то, что будтобы самъ Леванда сознается въ этомъ, когда, толкуя извѣстный текстъ, говоритъ: «мнѣ кажется».—Но такое основаніе едва ли можетъ имѣть силу уже по одному тому, что такое выраженіе Леванда допускаетъ только въ одномъ словѣ ([1]), и притомъ вовсе не въ смыслѣ затрудненія въ изъясненіи приведеннаго текста, а просто въ значеніи обыкновеннаго выраженія, допускаемаго нами въ разговорѣ даже тогда, когда мы твердо убѣждены въ справедливости сказаннаго. Что же касается всѣхъ прочихъ словъ Леванды, то они не только не бросаютъ на него ни малѣйшей тѣни непониманія св. текста, а напротивъ довольно ясно показываютъ въ немъ глубокаго знатока св. писанія; въ этомъ отношеніи многія изъ его словъ состоятъ почти изъ одного подбора текстовъ, ловко сгруппированныхъ и проникнутыхъ одною общею мыслію. Правда, Леванда не былъ толкователемъ св. текста, или проповѣдникомъ-экзегетомъ въ собственномъ смыслѣ,—онъ бралъ для

([1]) Слова и рѣчи Леванды, т. I., стр. 116.

себя тексты въ ихъ прямомъ непосредственномъ смыслѣ; но это еще очень далеко отъ непониманія, тѣмъ болѣе, что и тексты, избранные имъ, большею частію такого свойства, что едва ли они нуждаются въ какомъ нибудь особенномъ герменевтическомъ толкованіи: всѣ они содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе общія нравственныя положенія, изъ которыхъ поэтому, нисколько не вредя истинѣ, можно выводить самое широкое содержаніе. Къ этому нужно прибавить и смѣлость заключенія автора замѣтки о самомъ языкѣ словъ Леванды, разность котораго онъ возвелъ до того, что готовъ былъ признать «первый томъ сборника принадлежащимъ одному проповѣднику, а два другіе—другому».

Наконецъ въ настоящее время явилось еще одно критическое сужденіе о проповѣдяхъ Леванды, принадлежащее автору книги «Русское Проповѣдничество» (¹); но оно, говоря откровенно, не заслуживаетъ большаго вниманія. Авторъ его не только не позаботился самъ сколько нибудь ознакомиться съ словами проповѣдника, но даже неудачно перефразировалъ и то, что поспѣшно сказано преосвященнымъ Филаретомъ. Поэтому мало того, что онъ повторяетъ тѣже самыя обмолвки, но прибавляетъ къ нимъ еще и свои, до того ощутительныя, что прямо разоблачаетъ полное невѣдѣніе того предмета, о которомъ говоритъ. Особенно рѣзко выдается одна изъ такихъ обмолвокъ, гдѣ автору почему-то захотѣлось недостатки языка, указанные преосвященнымъ Филаретомъ въ первомъ томѣ словъ Леванды, распространить на всѣ слова Леванды. А это равняется тому, что

(¹) «Русское Проповѣдничество», стр. 275.

авторъ отвергаетъ подлинность всѣхъ словъ сборника, такъ какъ преосвященный, на основаніи недостатковъ языка, думалъ отвергнуть только первый томъ.

Этимъ и заканчиваются сужденія критики о проповѣдническихъ трудахъ Леванды. Есть, правда, еще краткія замѣтки въ двухъ воспоминаніяхъ о Левандѣ, изъ которыхъ одно помѣщено въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», а другое—въ «Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія»; но, отличаясь съ одной стороны краткостію и общностію сужденія о проповѣдяхъ, а съ другой нѣкоторымъ панегиризмомъ, онѣ мало имѣютъ значенія для болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства съ проповѣдническимъ талантомъ кіевскаго Златоуста. Поэтому нельзя не пожалѣть о томъ, что достоинства и особенности проповѣдническаго таланта этой свѣтлой личности, опередившей во многомъ свой вѣкъ, до настоящаго времени остаются почти совершенно неизвѣстными въ нашей духовной литературѣ. Между тѣмъ обстоятельное изученіе ихъ могло бы послужить весьма полезнымъ и поучительнымъ примѣромъ особенно для тѣхъ, которые стоятъ на той же не высокой ступени служенія церкви и отечеству, на которой стоялъ о. протоіерей І. В. Леванда и которая не помѣшала ему ни быть истинно-полезнымъ церкви и обществу, ни достойно заслужить высокую славу и добрую память.

Е. Остроумовъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

О церковном суде

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 9. С. 88-123.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

О церковномъ судѣ.

(Продолженіе).

ГЛАВА IV.

Объ истцѣ и отвѣтчикѣ.

§ 435. Кто можетъ быть истцемъ и кто нѣтъ?

Истцемъ можетъ быть тотъ,

1) кто не подлежитъ никакому взысканію по дѣламъ церковнымъ ли то, гражданскимъ, или уголовнымъ;

2) кто въ обществѣ и въ церкви пользуется доброю репутаціею (1).

Поэтому не можетъ быть истцемъ

1) присужденный къ наказанію по дѣламъ церковнымъ ли то, гражданскимъ, или уголовнымъ;

2) рабъ;

3) запятнавшій чѣмъ-либо свое имя въ церкви, или государствѣ;

4) еретикъ (2);

5) изобличенный во лжи при изслѣдованіи прежнихъ его жалобъ (3).

---

(1) 21 прав. IV вселенскаго собора и 144 пр. кареаг. соб.
(2) 144 прав. карѳ. собора.
(3) 145 прав. карѳ. собора.

§ 436. Что предписывают правила касательно обвинителей епископа?

Изъ правилъ касательно обвинителей епископа мы приведемъ 6-е правило II вселенскаго собора, которое предписываетъ слѣдующее: «поелику многіе, желая привести въ замѣшательство, и низпровергнути церковное благочиніе, враждебно и клеветнически вымышляютъ на правящихъ церквами православныхъ епископовъ нѣкія вины, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ токмо дабы помрачити добрую славу священниковъ, и произвести смятенія въ мирномъ народѣ: того ради не безъ изслѣдованія допускати обвинителей, ниже позволяти всякому приносити обвиненія на правителей церкви. Но аще кто принесетъ на епископа нѣкую собственную, то-есть, частную жалобу, какъ то, въ притязаніи имъ имѣнія, или въ иной какой-либо потерпѣнной отъ него неправдѣ: при таковыхъ обвиненіяхъ не пріимати въ разсужденіе ни лица обвинителя, ни вѣры его. Подобаетъ бо всячески, и совѣсти епископа быти свободною, и объявляющему себя обиженнымъ обрѣсти правосудіе. Аще же возводимая на епископа вина будетъ церковная: тогда подобаетъ разсмотряти лице обвинителя. И во первыхъ не позволяти еретикамъ приносити обвиненія на православныхъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ, и тѣмъ, которые хотя притворяются, будто вѣру нашу исповѣдуютъ здраво, но которые отдѣлилисъ, и собираютъ собранія противъ нашихъ правильно поставленныхъ епископовъ. Еще же, аще которые изъ принадлежащихъ къ церкви, за нѣкія вины, прежде были осуждены и извержены, или отлучены изъ клира, или изъ ряда мі-

рянъ: и симъ да не будетъ позволено обвиняти епископа, доколѣ не очистятъ себя отъ обвиненія, которому сами подпали. Такожде и отъ тѣхъ, кои сами предварительно подверглися доносу, доносы на епископа или на другихъ изъ клира могутъ пріемлемы быти не прежде, развѣ когда несомнѣнно явятъ свою невинность противу возведенныхъ на нихъ обвиненій. Аще же нѣкоторые, не будучи ни еретики, ни отлученные отъ общенія церковнаго, ни осужденные, или предварительно обвиненные въ какихъ-либо преступленіяхъ, скажутъ, яко имѣютъ нѣчто донести на епископа по дѣламъ церковнымъ: таковые могутъ представити свои обвиненія противъ епископа собору всѣхъ епископовъ митрополіи.... Аще же кто, презрѣвъ, по предварительному дознанію, постановленное соборомъ епископовъ рѣшеніе, дерзнетъ, или слухъ царскій утруждати, или суды мірскихъ начальниковъ, или вселенскій соборъ безпокоити: таковый отнюдь да не будетъ пріемлемъ съ своею жалобою, яко нанесшій оскорбленіе правиламъ и нарушившій церковное благочиніе».

Тоже 6-е правило II вселенскаго собора опредѣляетъ, что обвинители епископа «не прежде могутъ настояти на свое обвиненіе, какъ письменно поставивъ себя подъ страхомъ одинакаго наказанія съ обвиняемымъ, аще бы, по производству дѣла, оказалися клевещущими на обвиняемаго епископа» (poena talionis).

§ 437. Какія обязанности лежатъ на истцѣ?

Истецъ обязанъ:

1) въ своей жалобѣ привесть по возможности ка-

ноническія правила, на основаніи которыхъ онъ приноситъ жалобу;

2) изложить тѣ факты, которые подали поводъ къ жалобѣ съ его стороны;

3) опредѣлить свои требованія;

4) въ подтвержденіе своихъ словъ указать двухъ или трехъ свидѣтелей, особенно въ томъ случаѣ, если жалоба направлена противъ пресвитера ([1]);

5) не отступаться отъ своей жалобы прежде окончанія дѣла и не устраняться отъ дачи должныхъ показаній, въ противномъ случаѣ судъ два или три раза напоминаетъ ему дать показаніе въ теченіе 30-ти дней; а если онъ, послѣ троекратнаго вызова его къ суду, все таки не явится въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и ни самъ, ни чрезъ уполномоченнаго, не дастъ требуемыхъ отъ него объясненій, то судъ признаетъ его виновнымъ in contumatiam ([2]);

6) въ своей жалобѣ обозначить годъ, мѣсяцъ и мѣсто, но отнюдь не день, учиненнаго преступленія([3]);

7) наблюсти надлежащее вѣдомство церковнаго суда, до котораго касается тяжебное дѣло;

8) помнить, что въ случаяхъ прелюбодѣянія и соединеннаго съ прелюбодѣяніемъ кровосмѣшенія жалоба можетъ быть приносима въ теченіе пяти лѣтъ, а въ случаѣ подлога въ личности въ теченіе двухъ лѣтъ; позднѣе же этого теряется право на жалобу;

9) истецъ не можетъ требовать отъ отвѣтчика представленія удостовѣреній и доказательности его показаній въ свое оправданіе; такъ какъ, наоборотъ,

---

([1]) 1 Тимоѳ V, 19.

([2]) 74 апостол. правило.

([3]) Примѣч. 1 къ 74 апостол. прав. въ Пидаліонѣ.

отвѣтчику принадлежитъ право требовать отъ истца представленія доказательствъ и удостовѣреній въ подтвержденіе его иска, самъ же отвѣтчикъ только тогда обязанъ представить свои доказательства и удостовѣренія, когда оспариваетъ у истца право начинать искъ;

10) если возникнетъ тяжба между двумя клириками, и истецъ находитъ не безопаснымъ для истины допрашивать свидѣтелей въ мѣстожительствѣ отвѣтчика, боясь какого-либо насилія свидѣтелямъ со стороны возбужденной и безпокойной толпы, или же со стороны родственниковъ и друзей отвѣтчика; то ему предоставляется право избрать другое ближайшее мѣсто для выслушанія его свидѣтелей ([1]).

§ 438. **Объ отвѣтчикахъ и ихъ обязанностяхъ.**

Какъ скоро отвѣтчикъ даетъ отвѣты на поданную противъ него жалобу, тѣмъ самымъ онъ признаетъ существованіе права тяжбы между нимъ и его обвинителемъ (litis contestatio). Само собою разумѣется, что это признаніе не тожественно съ признаніемъ дѣйствительности повода къ жалобѣ. Слѣдовательно ошибочно поступаютъ всѣ тѣ, которые не дѣлаютъ различія между этими двумя понятіями и потому не хотятъ возражать на поданную противъ нихъ жалобу; такъ какъ надобно знать, что защита отъ обвиненія состоитъ собственно въ законныхъ способахъ къ опроверженію обвиненія посредствомъ изложенія тѣхъ обстоятельствъ, которыя умолчаны или искажены обвинителемъ, или же посредствомъ приведенія встрѣчныхъ доказательствъ противъ истца. Поэтому отвѣт-

([1]) 39 пр. карө. собора.

чикъ, желая оправдать себя отъ взносимаго на него обвиненія, долженъ категорически и точно высказать свои объясненія или оправданія противъ другой стороны и при этомъ строго сообразоваться съ содержаніемъ жалобы. А такъ какъ отвѣтчикъ можетъ привесть противъ жалобы такія возраженія, которыя или только на время ослабляютъ силу жалобы, или совсѣмъ ее опровергаютъ; то возраженія перваго рода называются отводными, а втораго рода — рѣшительными.

Отвѣтчикъ можетъ требовать себѣ оправданія по суду на основаніи своихъ отводныхъ возраженій, и церковный судъ можетъ удовлетворить его искательству, но такое оправданіе можетъ быть только временнымъ, то есть, иначе сказать, эти возраженія имѣютъ силу только до тѣхъ поръ, пока они не опровергнуты истцемъ; рѣшительныя же возраженія ведутъ къ совершенному оправданію отвѣтчика, когда именно доказано, что истецъ не имѣетъ никакого права на жалобу, или если отвѣтчикъ укажетъ на то, что по данному тяжебному дѣлу состоялось уже законное рѣшеніе (exceptio rei judicatae).

§ 439. Продолженіе.

Отвѣтчикъ обязанъ представить свое объясненіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; въ противномъ случаѣ, послѣ троекратнаго ему напоминанія, онъ обвиняется in contumatiam (1). Но когда отвѣтчикъ въ своемъ объясненіи представляетъ возраженія, то онъ и самъ обращается въ истца, потому что возраженія состоятъ, собственно говоря, изъ тѣхъ же самыхъ составныхъ

(1) 74 апостол. правило.

частей, изъ которыхъ состоитъ и жалоба, то есть, изъ законнаго и фактическаго основоположенія и изъ просьбы; а потому, какъ истецъ обязанъ доказать свою жалобу, такъ равно и на отвѣтчикѣ лежитъ обязанность доказать свои возраженія. Отсюда слѣдуетъ, что между жалобою истца и возраженіями отвѣтчика нѣтъ другаго различія, кромѣ того, что отвѣтчикъ, чрезъ представляемыя имъ возраженія, старается достигнуть своего оправданія по суду, между тѣмъ какъ истецъ имѣетъ въ виду чрезъ свои жалобы достигнуть судебнаго обвиненія отвѣтчика.

Такъ какъ можетъ случиться, что отвѣтчикъ въ своемъ объясненіи заявитъ какой-либо основательный искъ противъ истца, то онъ можетъ это свое основательное требованіе не только поддерживать въ особой жалобѣ, подаваемой подлежащему суду, но ему позволяется также защищать свой искъ и въ возникшемъ противъ него тяжебномъ дѣлѣ. Это называется встрѣчнымъ искомъ (reconvention), когда, напримѣръ, мужъ, по причинѣ прелюбодѣянія своей жены, требуетъ расторженія брака, а жена съ своей стороны подаетъ жалобу на мужа, ссылаясь на расточеніе имъ имущества, или когда одинъ клирикъ имѣетъ съ другимъ клирикомъ тяжбу изъ-за церковныхъ доходовъ, а отвѣтчикъ возражаетъ на искъ тѣмъ, что у него есть противъ истца какой-либо свой искъ.

§ 440. Кто называется защитникомъ дѣла?

Защитникомъ дѣла называется тотъ священникъ, діаконъ, или мірянинъ, обладающій необходимыми каноническими и юридическими свѣдѣніями (если же мірянинъ, то и удостоенный адвокатскаго диплома),

которому тяжущаяся сторона посредствомъ письменнаго полномочія ввѣрила защиту своихъ интересовъ при судебномъ разбирательствѣ возникшаго церковнаго тяжебнаго дѣла (1).

§ 441. Когда введены защитники по церковнымъ тяжебнымъ дѣламъ?

Защитники по церковнымъ тяжебнымъ дѣламъ введены съ самаго начала установленія и опредѣленія каноническаго права и церковно-судебной процедуры. Въ доказательство этого укажемъ на 109 правило кареагенскаго собора, бывшаго въ 419 году, при чемъ отцами этого собора было положено просить позволенія у императоровъ Аркадія и Гонорія учредить защитниковъ (екдиковъ), которые имѣли бы своею обязанностію защищеніе церковныхъ дѣлъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это будетъ нужно, и для этого могли бы имѣть свободный доступъ въ присутственныя мѣста. Равнымъ образомъ, такъ какъ многіе бѣдные христіане утруждали епископовъ жалобами на притѣсненія со стороны богатыхъ, а епископы не имѣли у себя ни времени, ни силъ защитить бѣдныхъ отъ угнетенія богатыхъ; то отцы кареагенскаго собора совѣщались о способахъ доставить такого рода бѣднымъ облегченіе и нашли цѣлесообразнымъ положить 86 правило, по которому они просятъ у царей соизволенія на избраніе защитниковъ, которые подъ надзоромъ епископовъ защищали бы въ свѣтскихъ судахъ бѣдныхъ отъ насилія богатыхъ (2).

Поэтому теперешняя практика нашей церкви

(1) Bingham Tom. II, pag. 61—63.

(2) См. также 2 пр. IV всел. соб. съ примѣчаніемъ въ Пидаліонѣ и Bingham Tom. II. pag. 59.

относительно защитниковъ, опредѣляемыхъ при церковныхъ судахъ, какъ и относительно защитниковъ, избираемыхъ себѣ тяжущимися сторонами, представляетъ собою доселѣ соблюдаемое прямое слѣдствіе вышеупомянутыхъ правилъ.

§ 442. Защитникомъ по церковному тяжебному дѣлу, разбираемому на церковномъ судѣ, можетъ быть пресвитеръ, діаконъ и міранинъ.

Ссылаются на 19-е правило кареагенскаго собора въ доказательство того, что епископы, пресвитеры и діаконы не могутъ быть защитниками, «да не пріобрѣтаютъ пропитанія занятіемъ безчестнымъ или презрительнымъ».

Изложенное запрещеніе всякій сочтетъ основательнымъ и священнослужительскому званію соотвѣтственнымъ: лицо, содержимое на счетъ церкви, не должно быть защитникомъ «безчестнаго и презрительнаго» дѣла; его положеніе, какъ священнослужителя, запрещаетъ ему подобнымъ образомъ, сознательно ли, или несознательно, пріобрѣтать себѣ выгоду.

Поэтому, если мы говоримъ, что и лицо духовнаго званія можетъ быть защитникомъ въ тяжебномъ дѣлѣ, разбираемомъ на церковномъ судѣ, то разумѣемъ подъ этимъ честное и научною подготовкою обусловленное занятіе такого лица, священника ли то, или діакона, берущаго на себя защиту тяжебнаго дѣла передъ церковнымъ судомъ, а отнюдь не передъ гражданскимъ; ибо мы и изъ церковной древности (1), и изъ ежедневныхъ опытовъ, видимъ при-

(1) Bingham, Tom. II, pag. 62—63.

мѣры, показывающіе, что іерархія всегда поставляла и поставляетъ защитниковъ для защиты общихъ и спеціальныхъ интересовъ церкви вездѣ, гдѣ это требовалось или требуется.

Отсюда также слѣдуетъ, что какъ простымъ христіанамъ, такъ равно и лицамъ, принадлежащимъ къ клиру, позволительно обращаться въ своихъ тяжбахъ къ защитникамъ, — будутъ ли эти послѣдніе изъ клира, или изъ свѣтскаго званія, — для веденія своихъ дѣлъ предъ тѣмъ или другимъ церковнымъ судомъ.

Наше положеніе подтверждается:

1) тѣмъ обстоятельствомъ, что защищеніе дѣла предъ церковнымъ судомъ не можетъ считаться для священнослужителя занятіемъ безчестнымъ, ибо такого рода занятіе не можетъ подходить подъ категорію, напримѣръ, содержанія гостиницы, охоты, откуповъ и вообще подъ категорію подобнаго вмѣшательства въ мірскія дѣла ([1]);

2) третьимъ правиломъ IV вселенскаго собора, которое позволяетъ принадлежащимъ къ клиру принимать на себя наблюденіе и попечительство надъ сиротами и малолѣтними, если это поручается имъ гражданскимъ начальствомъ; а въ объясненіи этого правила въ Пидаліонѣ мы даже читаемъ, что клирики могутъ принимать на себя призрѣніе и охраненіе имущества своихъ прихожанъ, въ чемъ бы это имущество ни состояло.

Соображая все вышесказанное, мы утверждаемъ, что священникъ, или діаконъ, извѣстный своими познаніями въ каноническомъ правѣ и свѣдущій въ

([1]) См. выше § о занятіяхъ, воспрещенныхъ клирику.

церковно-судебной процедурѣ, съ утвержденія своего епископа можетъ быть защитникомъ въ тяжбѣ, возникшей между его собратіями, или даже міряyами, и разбираемой въ церковномъ судѣ, какъ скоро этимъ онъ не вредитъ своему священнослужительскому званію.

ГЛАВА V.

О церковномъ судопроизводствѣ.

§ 443. Что разумѣется подъ церковнымъ судопроизводствомъ?

Подъ церковнымъ судопроизводствомъ разумѣется соблюденіе тѣхъ церковныхъ предписаній, сообразно которымъ церковные суды разбираютъ церковныя жалобы и тяжбы.

§ 444. Принципъ церковнаго судопроизводства.

Принципъ церковнаго судопроизводства, по правиламъ ([1]), есть принципъ слѣдовательный, въ силу котораго церковный судъ обязанъ на основаніи показанія тяжущихся сторонъ раскрыть, путемъ произведеннаго по долгу службы слѣдствія, дѣйствительный фактъ, лежащій въ основѣ тяжебнаго дѣла, дабы этимъ путемъ достигнуть надлежащаго знанія о положеніи дѣла и такимъ образомъ согласно съ дѣйствительностію имѣть возможность рѣшить его, какъ слѣдуетъ, по справедливости ([2]).

§ 445. О видахъ церковнаго судопроизводства.

Церковное судопроизводство бываетъ трехъ видовъ: обыкновенное, чрезвычайное и сокращенное.

([1]) 5 прав. 1 всел. соб.; 6 прав. II всел. соб.; 9 прав. IV всел. соб.; 14 прав. сард. соб.; 12 прав. антіох. соб.

([2]) 16 прав. карѳ. соб.

§ 446. Об обыкновенном церковном судопроизводствѣ.

Обыкновенное церковное судопроизводство состоитъ въ соблюденіи тѣхъ каноническихъ предписаній, которыя должны быть выполняемы церковными судами при производствѣ и рѣшеніи тяжбъ по дѣламъ, касающимся таинствъ, и церковнымъ законопреступленіямъ, если при этомъ тяжущіяся стороны подчиняются соблюденію этихъ каноническихъ предписаній. Предметами обыкновеннаго судопроизводства поэтому могутъ быть: тяжбы по дѣламъ брачнымъ, тяжбы вслѣдствіе отказа отъ брака послѣ обрученія, жалобы на церковныя преступленія, какъ, напримѣръ, на злоупотребленіе властію по должности со стороны епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, и нарушеніе ими правилъ при исполненіи своихъ обязанностей.

§ 447. Въ чемъ состоитъ обыкновенное судопроизводство?

Обыкновенное судопроизводство состоитъ въ томъ. 1) что истецъ обязанъ подать предсѣдателю суда жалобу, и предсѣдатель долженъ заявить о ней въ слѣдующее же засѣданіе суду, отъ котораго потомъ зависитъ дальнѣйшее веденіе дѣла и вызовъ истца и отвѣтчика въ судъ; 2) вызовъ производится посредственно чрезъ подлежащаго протоіерея, или же непосредственно чрезъ подлежащаго священника того прихода, въ которомъ находятся тяжущіяся стороны; вызовъ же епископа производится чрезъ двухъ епископовъ, посылаемыхъ къ нему отъ митрополичьей каѳедры [1]. Отъ вызываемыхъ такимъ образомъ берется письменное удостовѣреніе въ полученіи ими вызова къ суду и это удостовѣреніе представляется въ

[1] 74 апост. прав.

судъ для принятія къ надлежащему свѣдѣнію. 3) Въ случаѣ неявки отвѣтчика по первому вызову, совершающемуся вышепоказаннымъ образомъ, ему дѣлается такой же вызовъ во второй и третій разъ, а если онъ и послѣ третьяго раза останется непослушнымъ и не явится въ судъ ни самъ, ни въ лицѣ своего уполномоченнаго или защитника; то судъ признаетъ такого отвѣтчика виновнымъ per contumatiam ([1]). Если же отвѣтчикъ захочетъ защищаться противъ приведенія въ исполненіе этого состоявшагося о немъ in contumatiam приговора; то онъ не можетъ имѣть на это юридическаго основанія; но долженъ войти съ просьбою къ суду о возобновленіи тяжбы съ своей стороны, въ чемъ ему не можетъ быть отказано, и тогда уже, при возобновленіи тяжбы, онъ получитъ возможность защищаться ([2]). 4) Если явятся обѣ тя-

([1]) 74 ап. пр. и 98 пр. карѳ. соб.

([2]) 74 ап. пр. и 28 пр. карѳ. соб. Здѣсь должно замѣтить, что тяжбы между супругами, въ случаѣ отсутствія при разборѣ ихъ одного изъ супруговъ, не подвергаются всей строгости вышеуказанной процедуры; ибо въ подобныхъ случаяхъ можетъ состояться на судѣ имѣющій законную силу приговоръ противъ отсутствующаго лица только послѣ пятилѣтней его неявки. См. гл. 235, отдѣлъ 2, въ кн. Правилъ. Вообще въ дѣлахъ бракоразводныхъ судебный приговоръ за неявку не имѣетъ мѣста, и судъ употребляетъ противъ неявившагося и непослушавшагося лица церковныя наказанія для побужденія его этимъ къ явкѣ и защитѣ себя: ибо весьма легко можетъ случиться, что тяжущіяся стороны тайнымъ образомъ войдутъ между собою въ соглашеніе относительно развода и, чтобы тѣмъ скорѣе достигнуть своей цѣли, изберутъ ослушаніе со стороны отвѣтчика, какъ самое краткое и надежное средство къ расторженію брака; поэтому защитникъ брачнаго союза какъ вообще, такъ особенно въ подобныхъ случаяхъ неявки, обязанъ приступить къ дѣлу съ особенною строгостію къ тяжущимся сторонамъ и настойчиво защищать силу таинства брака и нерушимость брачнаго союза между тяжущимися сторонами. Относительно непослушныхъ клириковъ также не можетъ состояться окончательнаго приговора, но составляется только приговоръ о запрещеніи имъ отправленія должности, что видно изъ 74 апостольск. прав. и изъ 28 прав. карѳаген. соб.

жущіяся стороны, но при этомъ отвѣтчикъ вовсе не захочетъ дѣлать возраженій на жалобу; то судъ признаетъ его виновнымъ и приговариваетъ его еще сверхъ того къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. 5) Присужденіе къ наказанію неявившагося въ судъ по вызову приводится въ исполненіе только по истеченіи 15 дней послѣ объявленія. 6) Если же отвѣтчикъ ранѣе истеченія 14-го дня явится въ судъ и при этомъ достовѣрнымъ образомъ докажетъ, что ему нельзя было явиться къ предписанному сроку; то судъ дозволяетъ ему защищаться противъ поданной на него жалобы. Но если онъ откажется представить что-либо въ защиту себя, тогда онъ вторично новымъ приговоромъ признается виновнымъ и присуждается къ уплатѣ убытковъ, причиненныхъ имъ истцу. 7) Если же, напротивъ того, не явится истецъ послѣ также троекратнаго вызова; тогда судъ объявляетъ отвѣтчика, согласно его требованію, свободнымъ отъ взнесенной на него жалобы, а истца приговариваетъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и убытка, понесеннаго отвѣтчикомъ ([1]). 8) Если обѣ стороны явятся въ судъ въ назначенный срокъ, и отвѣтчикъ изъявитъ готовность защищать себя; тогда судъ дѣлаетъ наставленіе обѣимъ тяжущимся сторонамъ, передаетъ отвѣтчику жалобу для дачи на нее показаній съ своей стороны и обязываетъ его не тянуть процесса вымышленными возраженіями и длиннымъ изложеніемъ своихъ объясненій. Истцу предоставляется право на два объясненія: жалобу и реплику; равнымъ образомъ и отвѣтчику предоставляется представить также два объясненія: возраженіе и отвѣтъ на реплику (дубли-

([1]) 28 пр. карө. соб.

катъ). Впрочемъ, если дѣло такимъ образомъ не достаточно разъяснилось, то во власти суда - по просьбѣ тяжущихся сторонъ—дозволить имъ представить дальнѣйшія объясненія. Само собою разумѣется, что отвѣтчику всегда принадлежитъ послѣднее слово. 9) Обыкновенный судъ можетъ требовать отъ тяжущихся, чтобы они въ своихъ объясненіяхъ соблюдали приличіе и вѣжливость и не упускали изъ вида какъ взаимнаго уваженія другъ къ другу, такъ и уваженія къ суду. Судъ имѣетъ право и обязанъ употребляющаго неприличныя выраженія и оскорбляющаго личность ли судьи, или личность своего противника, наказать арестомъ, или денежнымъ штрафомъ въ пользу какого либо благотворительнаго дѣла. 10) Судъ долженъ заботиться о томъ, чтобы тяжущіяся стороны въ своихъ объясненіяхъ строго держались сущности дѣла и не удалялись отъ нея. 11) Обыкновенный судъ обязанъ предоставить тяжущимся свободный выборъ касательно употребленія законныхъ способовъ и льготъ для поддержанія своего права и дать имъ въ этомъ случаѣ надлежащія разъясненія.

§ 448. О чрезвычайномъ судопроизводствѣ.

Чрезвычайное судопроизводство есть такая предписанная правилами норма веденія дѣлъ, къ которой судъ обращается въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ, при обыкновенномъ производствѣ дѣла по поданной на него жалобѣ, оказываетъ неповиненіе подлежащему суду и оставляетъ безъ исполненія даже оффиціальный вызовъ его въ присутствіе суда, пренебрегая всѣмъ этимъ, не уважая церковнаго суда и все это дѣлая

въ тѣхъ видахъ, чтобы унизить церковный авторитетъ и избѣжать наказанія (¹).

§ 449. **Въ чемъ состоитъ чрезвычайное церковное судопроизводство?**

Чрезвычайное церковное судопроизводство состоитъ въ соблюденіи и исполненіи правилъ, предписанныхъ церковію для разбирательства такихъ тяжбъ, при которыхъ обвиняемый не хочетъ подчиняться обыкновенному порядку дѣлопроизводства. Норму для такого чрезвычайнаго дѣлопроизводства мы находимъ въ 74 апостольскомъ правилѣ, которое гласитъ слѣдующее: «епископъ, отъ людей вѣроятія достойныхъ обвиняемый въ чемъ-либо, необходимо самъ долженъ быть призванъ епископами: и аще предстанетъ, и признается, или обличенъ будетъ; да опредѣлится эпитимія. Аще же, званъ бывъ, не послушаетъ; да позовется вторично чрезъ посылаемыхъ къ нему двухъ епископовъ. Аще же и тако не послушаетъ; да позовется и въ третій разъ чрезъ двухъ посылаемыхъ къ нему епископовъ. Аще же, и сего не уважая, не предстанетъ; то соборъ, по благоусмотрѣнію своему, да произнесетъ о немъ рѣшеніе, да не мнится выгоду имѣти, бѣгая отъ суда». А въ 28 правилѣ карѳагенскаго собора изложенъ слѣдующій порядокъ чрезвычайнаго судопроизводства: «аще кто изъ епископовъ подвергнется обвиненію; обвинитель да представитъ дѣло къ первенствующему въ области, къ которой принадлежитъ обвиняемый, и да не будетъ обвиняемый отчужденъ отъ общенія, развѣ когда, бывъ призванъ къ

(¹) 74 ап. пр. и 28 карѳ. соб.

отвѣту грамотою, не явится въ судъ избранныхъ судити его въ назначенное время, то есть въ теченіе мѣсяца отъ того дня, въ который, по дознанію, получена имъ грамота. Аще же (обвиняемый) представитъ истинныя и необходимыя причины, препятствовавшія ему явиться къ отвѣту противъ того, что на него представлено: то безъ предосужденія да имѣетъ свободу къ оправданію въ теченіе другаго мѣсяца; но, по прошествіи другаго мѣсяца, да не будетъ въ общеніи, доколѣ не очиститъ себя доказательствами по дѣлу. Аще же предъ всецѣлый того лѣта соборъ явитися не восхощетъ, дабы, по крайней мѣрѣ, тамъ дѣло его окончено было: то имѣетъ быти сужденъ, какъ произнесшій приговоръ самъ противъ себя. Во время же, въ которое онъ остается внѣ общенія, да не пріобщается ни въ своей церкви, ни во всемъ предѣлѣ. Напротивъ того, доносителю на него, аще никуда не отлучался во дни разсмотрѣнія дѣла его, отнюдь да не возбранится общеніе. Но аще удалится и сокроется; то епископъ да будетъ возвращенъ въ общеніе, а самъ доноситель да изринется отъ общенія, впрочемъ такъ, чтобы не была отнята у него свобода подтвердить обвиненіе, если онъ можетъ доказать, что не предсталъ къ суду не по нехотѣнію, а по невозможности. Само собою разумѣется, что если, во время движенія дѣла въ судѣ епископовъ, опорочено будетъ лицо доносителя, то на будущее время не должно уже принимать отъ него обвинительныхъ жалобъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ просилъ бы разсмотрѣнія своего частнаго, а не церковнаго, дѣла» (См. § 448 и примѣч. тамъ же).

§ 450. О сокращенномъ судопроизводствѣ.

Сокращенное судопроизводство есть такой порядокъ производства дѣлъ, который употребляется при разборѣ тяжебныхъ дѣлъ, могущихъ быть разсмотрѣнными и рѣшенными безъ формальнаго процесса. Къ такимъ дѣламъ относятся тѣ, которыя въ основѣ своей имѣютъ не церковное преступленіе, но какую нибудь имущественную претензію или частное неудовольствіе между лицами, возникшее, напримѣръ, изъ-за раздѣла церковныхъ доходовъ, недоразумѣнія между священнослужителемъ и прихожанами, или несогласія между супругами (¹).

§ 451. Въ чемъ состоитъ сокращенное судопроизводство?

Сокращенное судопроизводство состоитъ въ томъ, что церковный судъ, которому истецъ подалъ свою жалобу, вызываетъ къ себѣ отвѣтчика, соблюдая при этомъ формальности, обозначенныя въ 447 §, чтобы поставить его въ извѣстность относительно начатаго противъ него дѣла и при этомъ сообщить ему жалобу для представленія возраженія въ болѣе краткій срокъ, чѣмъ какой назначенъ по дѣламъ о преступленіяхъ, слѣдовательно въ болѣе краткій срокъ, чѣмъ въ мѣсяцъ, или, прямѣе сказать, въ теченіе пятнадцати дней. По представленіи отвѣтчикомъ своихъ возраженій предсѣдателю суда и по передачѣ ихъ этимъ послѣднимъ въ самый судъ, поставляется опредѣленіе вызвать въ судъ обѣ тяжущіяся стороны; и когда онѣ явятся, сами ли лично или въ лицѣ своихъ защитниковъ, то имъ читаютъ возраженіе отвѣтчика, а за

(¹) 5 прав. 1 всел. соб.; 6 прав. II всел. соб.; 9 прав. IV всел. соб. 41 прав. сард. соб.; 12 прав. антіох. соб.; 16 прав. карѳ. соб.

тѣмъ предлагаютъ заявить то, что каждая изъ сторонъ считаетъ еще нужнымъ сказать въ свою пользу, и все это секретарь суда заноситъ въ протоколъ. Если изъ показаній тяжущихся сторонъ будетъ видно, что тяжебное дѣло достаточно разъяснилось; то судъ полагаетъ окончательное рѣшеніе, которое, по объявленіи его заинтересованнымъ сторонамъ, тотчасъ же приводится въ исполненіе. Въ случаѣ неявки истца или отвѣтчика, не смотря на оффиціальный ихъ вызовъ, судъ въ данномъ тяжебномъ дѣлѣ поступаетъ такъ, какъ показано въ 447 § относительно случаевъ ослушанія истца, или отвѣтчика.

§ 452. О различныхъ родахъ дѣятельности суда въ судебномъ производствѣ дѣлъ.

Дѣйствія суда въ судебномъ производствѣ, по принятой и строго соблюдаемой практикѣ, могутъ быть четырехъ родовъ и состоятъ:

1) въ составленіи протоколовъ,—когда истецъ является въ судъ и проситъ, чтобы его жалоба была занесена въ протоколъ и разслѣдована;

2) въ опредѣленіи постановленій, — когда въ теченіе процесса понадобится принять какое нибудь рѣшеніе, сообразное съ ходомъ самаго дѣла;

3) въ оффиціальной перепискѣ съ другими судебными мѣстами, и

4) въ собираніи и храненіи тяжебныхъ документовъ въ надлежащемъ порядкѣ.

1. Что касается занесенія жалобъ въ протоколъ, то должно замѣтить, что протоколъ составляется въ присутствіи истца, при чемъ этотъ протоколъ прочитывается ему, и если онъ находитъ, что протоколъ

составленъ правильно, то долженъ скрѣпить его своею подписью. Въ протоколѣ должно быть обозначено время и мѣсто его составленія, имена тѣхъ лицъ, которыя присутствовали при его составленіи, какъ равно и имя того, кто его составлялъ. Такой протоколъ имѣетъ силу законнаго доказательства, хотя противная сторона можетъ его оспаривать, какъ скоро при составленіи его допущена была та или другая формальная погрѣшность; но до тѣхъ поръ, пока это не будетъ доказано, протоколъ остается судебнымъ документомъ, имѣющимъ доказательную силу.

II. Относительно судебныхъ постановленій слѣдуетъ замѣтить, что ихъ не нужно смѣшивать съ приговоромъ, потому что приговоръ касается сущности всего разбираемаго тяжебнаго дѣла, постановленіе же касается случайныхъ частей процесса, каковы—порядокъ веденія процесса, или выполненія своихъ обязанностей тяжущимися сторонами; напримѣръ, постановленіе имѣетъ мѣсто, когда жалоба передается отвѣтчику для возраженій, или когда возраженія отвѣтчика сообщаются истцу для предъявленія на нихъ реплики, равнымъ образомъ когда, напримѣръ, судъ опредѣляетъ, что мужъ, начавшій противъ своей жены процессъ о расторженіи брака и въ теченіе процесса выгнавшій ее изъ дома, обязанъ доставлять женѣ содержаніе до окончанія процесса. Напротивъ того, если бы судъ постановилъ, что мужъ, ведущій съ своею женою процессъ о расторженіи брака и не позволяющій ей жить вмѣстѣ съ собою, обязанъ не только давать своей женѣ содержаніе, но и возвратить ей ея приданое: то такое постановленіе было бы не правильно, потому что имъ предрѣшался бы

окончательный приговоръ. Равнымъ образомъ было бы также ошибочно такое постановленіе, по которому, напримѣръ, клирикъ, обвиняемый въ какомъ нибудь церковномъ преступленіи, былъ бы лишенъ должности и содержанія и по которому какой-либо священникъ былъ бы окончательно замѣщенъ другимъ священникомъ, тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ постановленіе можетъ простираться только на временное удаленіе отвѣтчика отъ исправленія должности и на полученіе имъ половинной части священническихъ доходовъ, потому что другая половина принадлежитъ тому священнослужителю, который отправляетъ за него его служебныя обязанности.

III. Относительно оффиціальной переписки (корреспонденціи) замѣтимъ, что она имѣетъ мѣсто или между соподчиненными судебными мѣстами, или же при сношеніяхъ съ высшею судебною инстанціею.

IV. Что касается собиранія и приведенія въ порядокъ актовъ по тому или другому тяжебному дѣлу, то мы замѣтимъ только, что прежде, чѣмъ приступить къ окончательному разсмотрѣнію процесса, судъ долженъ убѣдиться, собралъ ли докладчикъ всѣ акты подлежащаго процесса и составилъ ли имъ перечень, или, лучше сказать, сводъ; потому что отъ надлежащаго подбора актовъ по тяжебному дѣлу зависитъ, можетъ ли судъ признать процессъ удобнымъ для окончанія и подготовленнымъ для произнесенія по нему окончательнаго приговора.

ГЛАВА VI.

О доказательствахъ.

§ 453. Что разумѣется подъ именемъ доказательствъ?

Подъ именемъ доказательствъ разумѣются тѣ доводы, которыми подтверждается истинность спорныхъ фактовъ и обстоятельствъ, обусловливающихъ рѣшеніе тяжебнаго дѣла.

§ 454. Какіе могутъ быть роды доказательствъ?

Доказательства могутъ быть пяти родовъ: I) собственное сознаніе; II) показанія свидѣтелей; III) судебный осмотръ и экспертиза; IV) документы; V) присяга тяжущихся сторонъ.

I. Сознаніе.

§ 455. Понятіе о сознаніи и его виды.

Сознаніе есть такое показаніе тяжущейся стороны, которымъ признается истиннымъ или все обвиненіе, или существенная часть его, или, наконецъ, какое либо болѣе важное изъ обстоятельствъ, относящихся къ дѣлу. Показаніе благопріятствующихъ обстоятельствъ, которое можетъ дѣлать тяжущаяся сторона въ своихъ видахъ предъ судомъ, или внѣ суда, съ цѣлію отклонить или уменьшить свою отвѣтственность, сознаніемъ не считается.

Здѣсь должно замѣтить еще, что сознаніе, имѣющее доказательвую силу, можетъ быть принесено только со стороны тяжущагося, а не со стороны какого нибудь третьяго лица, такъ какъ показаніе третьяго лица называется свидѣтельствомъ.

Было бы ошибочно думать, что только то созна-

ніе имѣетъ силу доказательства, которое сдѣлано на судѣ. И внѣсудебное сознаніе, если оно будетъ доказано, при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть большое вліяніе на убѣжденіе суда.

Сознаніе бываетъ троякаго рода:

1) когда тяжущаяся сторона, при началѣ, или во время тяжебнаго процесса, прямо и безусловно признаетъ на судѣ истинность показаній или требованій противной стороны (confessio in jure);

2) когда сторона дѣлаетъ ограниченное сознаніе, т. е. хотя и явно сознается, но къ своему сознанію прибавляетъ ограниченія, чрезъ которыя она для собственной пользы хочетъ отстранить, или уменьшить свою отвѣтственность; напримѣръ, если бы кто сталъ показывать, что онъ совершилъ прелюбодѣяніе, но по ошибкѣ въ лицѣ; или, что онъ ударилъ кого-либо, но— вслѣдствіе необходимости личной обороны; или, что онъ убавилъ слѣдующій истцу церковный доходъ, но въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ какъ утверждаетъ истецъ;

3) наконецъ можетъ также быть предполагаемое сознаніе, какъ слѣдствіе ослушанія, оказаннаго неявкою по вызову къ суду; потому что именно относительно упорныхъ ослушниковъ принято правилами, что они ничего не могутъ представить въ свое оправданіе.

II. Свидѣтели.

§ 456. Кто называется свидѣтелемъ?

Свидѣтелемъ называется всякое лицо, исключая тяжущихся сторонъ, сообщающее свѣдѣнія о фактѣ, или происшествіи, бывшемъ у него на глазахъ. Тѣ, которые только слышали объ этомъ отъ другихъ, или

ограничиваются однѣми догадками и предположеніями относительно извѣстнаго дѣла, а фактическихъ данныхъ о немъ не могутъ представить, не должны быть допускаемы въ качествѣ свидѣтелей.

§ 457. Кто не можетъ быть свидѣтелемъ?

Свидѣтелемъ не можетъ быть ни истецъ, ни отвѣтчикъ по собственному своему тяжебному дѣлу, а также судья, за исключеніемъ того случая, когда какое нибудь происшествіе случилось въ его присутствіи, при отправленіи имъ, въ качествѣ судьи, своихъ служебныхъ обязанностей. Далѣе, не можетъ быть свидѣтелемъ обманщикъ, азартный игрокъ, лицо, осужденное гражданскимъ или церковнымъ судомъ, кляузникъ, прелюбодѣй, вообще—совершившій какое бы то ни было злодѣяніе, развѣ только онъ оправдался,—равно какъ и тотъ, кто, давъ показаніе въ пользу извѣстнаго лица, вздумалъ бы потомъ противъ него же свидѣтельствовать (1).

§ 458. Что требуется для дѣйствительности свидѣтельскаго показанія?

Для дѣйствительности свидѣтельскаго показанія требуется:

1) чтобы свидѣтель былъ лицомъ, заслуживающимъ довѣрія;

2) чтобы фактъ или происшествіе, относительно котораго онъ дѣлаетъ показаніе, происходило въ его присутствіи;

3) чтобы онъ умѣлъ обозначить годъ, мѣсяцъ и

(1) 75 апост. прав. См. 1 примѣчаніе къ объясненію этого правила въ Пидаліонѣ.

мѣсто дѣйствія или происшествія, истинность котораго онъ долженъ подтвердить,—обозначенія же дня и часа отъ него необходимо не требуется;

4) чтобы было, по крайней мѣрѣ, два или три свидѣтеля касательно спорнаго предмета (¹);

5) чтобы свидѣтельство давалось предъ судомъ, или предъ тою властію, которая уполномочена для сей цѣли;

6) епископы могутъ быть освобождаемы отъ явки на судъ въ качествѣ свидѣтелей, и имъ позволяется давать показаніе въ своихъ покояхъ (²);

7) церковные и гражданскіе чиновники могутъ излагать письменно свое свидѣтельство, если дѣло не такой важности, чтобы имъ необходимо было лично явиться въ судъ для дачи показаній; и наконецъ

8) для дѣйствительности свидѣтельскихъ показаній требуется подтвержденіе ихъ посредствомъ присяги, ибо свидѣтельству, данному безъ присяги, не дается вѣры.

§ 459. Какія лица освобождаются отъ дачи свидѣтельства и какія нѣтъ?

Отъ дачи свидѣтельства освобождаются лица, которыя состоятъ другъ съ другомъ въ кровномъ родствѣ до седьмой степени, или въ двухродномъ свойствѣ до шестой степени, какъ, напримѣръ, родители и дѣти, тесть и зять, отчимы съ мачихами и пасынки съ падчерицами, племянники и дяди, а также—состоящія другъ съ другомъ въ бракѣ, и наконецъ—обрученные, которые хотя и могутъ давать показанія относитель-

(¹) 75 апост. пр. и Мѳ. XVIII, 16.
(²) Примѣч. къ 75 ап. пр. въ Пидаліонѣ.

но другъ друга, но не принуждаются къ этому. Равнымъ образомъ духовнику не дозволяется свидѣтельствовать о такомъ дѣлѣ, которое ему открыто на исповѣди.

Примѣчаніе. Святый Іоаннъ Златоустъ утверждаетъ, что въ доказательство жалобы на человѣка, осрамившаго или прибившаго своего отца, достаточно одного только свидѣтельства его отца, такъ какъ отецъ обыкновенно никогда не пожелаетъ быть истцемъ противъ своего сына, напротивъ, онъ жертвуетъ для сына своимъ достояніемъ и даже своею жизнію, а потому если уже онъ будетъ жаловаться, то никогда не скажетъ противъ своего сына чего нибудь такого, что было бы неправда, или чего не было бы на самомъ дѣлѣ ([1]).

За тѣмъ каждый обязанъ для удостовѣренія дѣла или происшествія показать то, что ему извѣстно и что онъ знаетъ, и отъ выполненія этой обязанности, какъ скоро полученъ вызовъ явиться въ судъ, не можетъ уклониться даже тотъ, кто поклялся бы предъ Богомъ никогда въ жизни и ни въ какомъ случаѣ не давать свидѣтельскихъ показаній ([2]).

§ 460. О неспособныхъ и подозрительныхъ свидѣтеляхъ.

Неспособны и подозрительны вообще:

1) слабоумные;

2) малолѣтные;

2) лишенные честнаго имени;

4) слывущіе за людей лживыхъ;

5) подвергшіеся церковному или гражданскому наказанію;

6) лица, относительно которыхъ доказано, что они уже прежде ложно свидѣтельствовали;

([1]) Противъ этого см. 70 пр. карө. соб.

([2]) 28 прав. св. Василія Великаго.

7) тѣ, которые ведутъ безнравственный образъ жизни, и

8) личности совершенно неизвѣстныя.

Относительно неспособные и подозрительные свидѣтели суть тѣ:

1) которые хотятъ давать показанія, чтобы чрезъ то достигнуть какой нибудь выгоды для себя;

2) имѣющіе къ одной изъ тяжущихся сторонъ особенную любовь и дружбу, хотя бы они и не находились въ родствѣ съ нею;

3) находящіеся въ какомъ-либо служебномъ отношеніи къ одной изъ тяжущихся сторонъ, или въ зависимости отъ нея;

4) питающіе особенную непріязнь или вражду къ одной изъ тяжущихся сторонъ.

III. *Осмотръ и экспертиза.*

§ 461. Понятіе объ осмотрѣ и различные виды его.

Осмотръ есть дознаніе, дѣлаемое самимъ судьею посредствомъ собственныхъ чувствъ зрѣнія или слуха. Собственный осмотръ судьи имѣетъ въ процессѣ преимущество предъ всѣми другими доказательствами, потому что онъ даетъ судьѣ непосредственную увѣренность относительно разбираемаго дѣла, тогда какъ при другихъ доказательствахъ это достигается только посредственно; вотъ почему также судебный осмотръ устраняетъ всякое значеніе возраженій противной стороны, пока не будетъ вполнѣ доказано, что судейскій осмотръ основывался на какомъ нибудь ошибочномъ предположеніи.

Отзывъ же эксперта есть заключеніе, которое

составляетъ экспертъ относительно какого-либо происшествія, изслѣдованнаго имъ по правиламъ своей науки или искуства, и въ которомъ, на основаніи данныхъ своей спеціальности, онъ представляетъ истинное положеніе спорнаго дѣла; таково, напримѣръ, заключеніе врача, на основаніи произведеннаго имъ осмотра, о побояхъ, или относительно тѣлосложенія той или другой изъ тяжущихся сторонъ въ дѣлѣ о расторженіи брака. Такой документъ имѣетъ вполнѣ доказательную силу на церковномъ судѣ, особенно если врачъ уполномоченъ со стороны суда и производилъ осмотръ въ качествѣ судебнаго врача. Могутъ быть такія обстоятельства, которыя вынуждаютъ судъ произвесть осмотръ чрезъ многихъ врачей и отъ нихъ требовать общаго мнѣнія, чтобы съ большею достовѣрностью узнать дѣйствительное положеніе дѣла; подобнаго рода случаи могутъ быть при преждевременныхъ или запоздалыхъ родахъ, когда, напримѣръ, жена произведетъ на свѣтъ ребенка на седьмомъ мѣсяцѣ послѣ своего бракосочетанія, а мужъ не хочетъ признать ребенка своимъ и обвиняетъ жену въ прелюбодѣяніи, или когда жена на 10-мъ или 11-мъ мѣсяцѣ послѣ смерти мужа родитъ дитя, а его родственники не хотятъ признать дитя роднымъ покойному и объявляютъ его незаконнорожденнымъ.

IV. Документы.

§ 462. Что называется документами въ судопроизводствѣ и какихъ родовъ бываютъ документы?

Документами вообще называется въ процессѣ всякая рукопись, вошедшая въ тяжебное дѣло въ качествѣ доказательства; въ тѣсномъ же смыслѣ

документами называются только такія письменныя заявленія, которыя, для памяти какого-либо изъявленія воли, факта или происшествія, составилъ кто либо съ цѣлію подтвержденія истины на будущее время. Такой письменный памятникъ, представляется ли онъ въ оригиналѣ, или въ копіи, засвидѣтельствованной судебнымъ порядкомъ, имѣетъ доказательную силу и считается на судѣ весьма важнымъ доказательствомъ.

Документы бываютъ или оффиціальные, или частные. Оффиціальными называются тѣ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ или суду, или какому нибудь другому правительственному мѣсту; частными же документами называются тѣ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ частнымъ лицамъ. Частный документъ можетъ быть или простымъ, или засвидѣтельствованнымъ. Засвидѣтельствованнымъ документомъ называется тотъ, подлинность котораго удостовѣрена судомъ. Документы, подлинность подписи которыхъ не удостовѣрена оффиціальнымъ порядкомъ, называются простыми. Копія документа называется засвидѣтельствованною, когда полнѣйшее согласіе копіи съ оригиналомъ удостовѣрено оффиціальнымъ порядкомъ.

§ 463. О доказательной силѣ документовъ.

Доказательная сила документовъ въ процессѣ зависитъ отъ ихъ свойства, именно:

1) если это оффиціальные документы, то они имѣютъ полную доказательную силу;

2) если это частные документы, то сила ихъ доказательности зависитъ отъ того, признаются ли они

подлинными, или, если подлинность ихъ оспаривается, то можетъ ли она быть доказана. Частные документы, подлинность которыхъ засвидѣтельствована, обыкновенно служатъ доказательствомъ противъ выдавшаго ихъ, но въ пользу выдавшаго они обыкновенно не могутъ ничего доказывать, такъ какъ удостовѣренія въ собственную пользу могутъ быть вписаны въ документъ каждымъ по своему усмотрѣнію. Завѣщанія, или такія заявленія лица, составившаго документъ, которыя касательно третьихъ лицъ имѣютъ законную силу, могутъ быть также доказательными документами противъ этихъ третьихъ лицъ. Если, однако, документы заключаютъ въ себѣ свидѣтельство, или мнѣніе эксперта, то отъ усмотрѣнія суда зависитъ, приписать ли, и если приписать, то въ какой степени приписать доказательную силу подобному письменному акту. Если судья заподозритъ въ какомъ нибудь отношеніи такое свидѣтельство, или мнѣніе эксперта, то должны быть приняты мѣры, чтобы свидѣтель, или экспертъ, для доказательности своихъ показаній были надлежащимъ порядкомъ допрошены при судѣ и приведены къ присягѣ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ судья не долженъ довѣрять показанію свидѣтеля, или эксперта, данному внѣ суда, потому что для своей доказательности такое показаніе не имѣетъ надлежащей законной формы.

Г. *Присяга.*

§ 464. Ученіе Іисуса Христа о присягѣ.

Въ нагорной проповѣди Іисусъ Христосъ училъ своихъ слушателей относительно клятвы: *вы слышали*,

что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои. А Я говорю вамъ: не клянись вовсе,—ни небомъ, потому что оно престолъ Божій, ни землею, потому что она подножіе ногъ Его, ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя, ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или черным. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго (1).

Если бы кто понялъ это ученіе І. Христа буквально и не взялъ бы во вниманіе другихъ наставленій Спасителя относительно клятвы, то легко бы могъ придти къ той мысли, что Господь І. Христосъ совершенно запретилъ присягу. Между тѣмъ не должно упускать изъ вида, къ какому именно классу людей была обращена эта нагорная рѣчь Христа и какая именно клятва запрещена Христомъ. Кромѣ того намъ слѣдуетъ также взять во вниманіе и другія наставленія Спасителя относительно этого предмета. Тогда мы убѣдимся, что въ своей нагорной проповѣди І. Христосъ запретилъ только ложную клятву и что въ важныхъ случаяхъ Онъ дозволилъ христіанамъ употребленіе клятвы.

Христосъ зналъ, что въ народной толпѣ, окружавшей Его во время нагорной проповѣди, находилось весьма много лжецовъ и злонамѣренныхъ людей, которые, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, готовы были давать какую угодно клятву, истинную ли то, или ложную, по важнымъ ли дѣламъ, или ничтожнымъ. Христосъ хотѣлъ искоренить эту гибельную привычку въ тѣхъ лживыхъ и порочныхъ людяхъ, которые Его

(1) Матѳ. V, 33 - 38.

слушали на горѣ. Онъ хотѣлъ имъ показать, что грѣшно клясться напрасно и въ вещахъ маловажныхъ, для подтвержденія которыхъ достаточно одного «да» или «нѣтъ»; поэтому Онъ училъ: *не клянись вовсе, но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго.*

Разсматривая же другія выраженія І. Христа относительно клятвы, мы находимъ, что Христосъ училъ: *при устѣхъ двою, или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* ([1]). Отсюда необходимо слѣдуетъ, что Христосъ дозволилъ употребленіе присяги и что для подтвержденія извѣстнаго дѣла недостаточно одного свидѣтеля, но нужны два или три. А если мы возмемъ во вниманіе еще другія наставленія Спасителя относительно клятвы, то увидимъ, что Христосъ намѣтилъ христіанамъ даже и самый родъ клятвы, когда осуждалъ книжниковъ и фарисеевъ и называлъ ихъ слѣпыми вождями, говорившими: *если кто поклянется храмомъ, то ничего; а если кто поклянется золотомъ храма, то повиненъ.* Христосъ показалъ имъ ихъ заблужденіе, сдѣлавъ имъ упрекъ, и сказалъ: *безумные и слѣпые! что больше, золото, или храмъ, освящающій золото? Вы говорите: если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего; если же кто поклянется даромъ, который на немъ, то повиненъ. Безумные и слѣпые! что больше, даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ? Итакъ клянущійся жертвенникомъ клянется имъ и всѣмъ, что на немъ; и клянущійся храмомъ клянется имъ и живущимъ въ немъ; и клянущійся небомъ клянется престоломъ Божіимъ и сидящимъ на немъ* ([2]).

([1]) Матѳ. XVIII, 16.
([2]) Матѳ. XXIII, 16–22.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что Христосъ воспрещаетъ клятву только въ вещахъ маловажныхъ, какъ равно ложную и лицемѣрную клятву книжниковъ и фарисеевъ; что для удостовѣренія въ какомъ-либо дѣлѣ достаточно двухъ или трехъ свидѣтелей; и что тотъ, кто даетъ присягу, долженъ клясться Богомъ, а не дѣлами рукъ человѣческихъ.

§ 465. О доказательствѣ посредствомъ присяги.

Доказательство чрезъ присягу должно понимать такъ, что, хотя клятва вообще не запрещена, тѣмъ не менѣе, однако, не дозволяется, чтобы каждый давалъ клятву по собственному желанію [1], и потому къ присягѣ, какъ доказательному средству, можно прибѣгать только тогда, когда

1) тяжущаяся сторона заявляетъ суду, что она отказалась бы отъ дальнѣйшаго веденія тяжбы, если бы противная ей сторона присягнула, что выставленныя противъ нея обвиненія по дѣлу несправедливы. Такая присяга называется ручательственною, или рѣшающею присягою, потому что она окончательно рѣшаетъ процессъ;

2) когда въ какомъ-либо процессѣ подтвержденіемъ служитъ только какое-либо неполное доказательство и когда оно не иначе, какъ только чрезъ присягу, можетъ сдѣлаться полнымъ. Въ такомъ случаѣ судья можетъ дозволить присягу или для восполненія несовершеннаго доказательства, или же для его опроверженія, и потому въ первомъ случаѣ присяга называется пополнительною, а во второмъ очистительною. Относительно пополнительной присяги

(1) Вальсамонъ въ комментаріѣ на 29 правило св. Вас. В. у Беверегія.

нужно замѣтить, что судъ тогда только предлагаетъ истцу принесть пополнительную присягу, когда его неполное доказательство имѣетъ силу болѣе половины доказательства; отвѣтчику же позволяется принесть очистительную присягу въ томъ лишь случаѣ, когда приведенное противъ него доказательство имѣетъ силу только половины доказательства.

§ 466. Что такое зеноновская присяга и когда она употребляется?

Зеноновская присяга, такъ названная по имени введшаго ее римскаго императора Зенона, есть такое удостовѣреніе, которое даетъ лицо, пострадавшее отъ насильственнаго лишенія мѣста, или получаемаго имъ содержанія, и хлопочущее о вознагражденіи понесенныхъ имъ чрезъ то убытковъ. Такая присяга, называемая также вспоможительною, употребляется только въ случаѣ жалобы на насильственное лишеніе получаемаго дохода или содержанія. Истцу дозволяется принесть присягу, если онъ не въ состояніи какъ нибудь иначе доказать причиненный ему вслѣдствіе насильственнаго отнятія у него доходовъ или содержанія убытокъ. Въ подобномъ случаѣ пострадавшій благоразумно поступитъ, если не будетъ слишкомъ требователенъ; иначе его излишняя требовательность будетъ обуздана судомъ, который долженъ при этомъ принять во вниманіе и показанія противной стороны.

Зеноновская присяга, слѣдовательно, не рѣшаетъ тяжебнаго дѣла. Истецъ долженъ остаться доволенъ тѣмъ вознагражденіемъ, какое ему назначитъ судъ.— Зеноновская присяга употребляется, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда какая-либо церковная община насильно лишитъ своего священника, или діакона,

занимаемаго имъ мѣста. Пока священникъ, или діаконъ, будетъ хлопотать въ консисторіи о своемъ возвращеніи къ прежнему мѣсту и пока консисторія разберетъ это дѣло и рѣшитъ о предоставленіи ему прежняго мѣста, пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ. Священникъ, потерпѣвшій убытокъ, потребуетъ себѣ вознагражденія и подробно будетъ описывать нанесенный ему убытокъ. Судъ потребуетъ отъ него, чтобы онъ достовѣрно доказалъ свой убытокъ. Тогда онъ можетъ прибѣгнуть къ присягѣ, и эта присяга сочтется доказательствомъ правильности его иска.

§ 467. О ложной присягѣ.

Такъ какъ присяга считается средствомъ къ открытію истины въ сомнительныхъ случаяхъ и такъ какъ судъ принимаетъ результатъ присяги за исходный пунктъ при рѣшеніи разбираемаго имъ тяжебнаго дѣла (¹), такъ какъ, наконецъ, и Христосъ, подобно третьей заповѣди десятословія, запрещаетъ ложную клятву; то 25 апостольское правило опредѣляетъ, что епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, обличенный въ клятвопреступленіи, долженъ быть отрѣшенъ отъ должности, а давшій ложное противъ кого-либо свидѣтельство совсѣмъ извергается отъ священническаго сана. И такъ какъ ложное свидѣтельство можетъ быть сдѣлано также и посредствомъ подписи, то священнослужитель, подписавшій ложное свидѣтельство, лишается своего сана; міряне же за ложную присягу лишаются причащенія св. таинъ, а подпись признается за ничто (²). Потому-то апо-

(¹) Blastar caput XXXII, tit. E.
(²) Правил., отд. 25.

столъ и учитъ: *законъ положенъ не для праведниковъ, но для беззаконныхъ, лжецевъ, клятвопреступниковъ* (¹).

§ 168. Кто освобождается отъ клятвы?

Какъ никто не освобождается отъ принесенія присяги по требованію суда, такъ, напротивъ, всякій освобождается отъ такой частной клятвы, по которой: 1) онъ далъ бы предъ Богомъ обѣщаніе никогда не поступать въ духовное званіе (²); 2) кто далъ клятву по неволѣ (³); 3) кто далъ смѣшную клятву, напримѣръ, никогда во всю свою жизнь не ѣсть свинаго мяса (⁴); 4) кто поклялся, что онъ причинитъ кому нибудь зло, но еще не привелъ этого въ исполненіе; такъ какъ и Иродъ лучше бы поступилъ, если бы не сдержалъ своей клятвы, данной имъ дочери своей Иродіадѣ, потому что тогда онъ не сдѣлался бы виновнымъ въ беззаконномъ убійствѣ Іоанна Крестителя (⁵). 5) Равнымъ образомъ монахи, назначенные по распоряженію епископа куда-либо внѣ монастыря для исправленія должности при епископѣ въ качествѣ протодіакона, или архидіакона, протосинкелла, или профессора какихъ-либо учебныхъ заведеній, духовныхъ ли то, или свѣтскихъ, или же командированные на мѣсто приходскаго священника, освобождаются отъ клятвы, по которой они дали обѣщаніе во всю свою жизнь не оставлять стѣнъ своего монастыря (⁶).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

(¹) 1 Тим. I, 9—10.
(²) 10 прав. Вас. Вел.
(³) Прав. Вас. Вел. 17, 81 и 82.
(⁴) 28 пр. св. Вас. Вел.
(⁵) 29 пр. св. Вас. Вел.
(⁶) Толкованіе 4 прав. IV всел. соб. въ Пидаліонѣ и 4 прав. двукр. конст. соб.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Письма известнейших представителей старокатолического движения СПб отделу общества любителей духовного просвещения

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 9. С. 124-149.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПИСЬМА

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРОКАТОЛИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ОТДѢЛУ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Помѣщая на страницахъ нашего журнала рядъ писемъ извѣстнѣйшихъ представителей старокатолическаго движенія с.-петербургскому отдѣлу общества любителей духовнаго просвѣщенія, мы надѣемся, что читатели удостоятъ ихъ должнаго вниманія. Они весьма замѣчательны, какъ по характеристикѣ того состоянія, въ которомъ находятся въ настоящее время религіозныя убѣжденія старокатоликовъ, такъ особенно по выраженію въ нихъ искренняго стремленія къ соединенію старокатолическихъ общинъ съ нашею православною церковію.

Письма эти получены секретаремъ с.-петербургскаго отдѣла О. Л. Д. П. въ отвѣтъ на разсылку имъ протоколовъ первыхъ трехъ засѣданій отдѣла общества разнымъ лицамъ въ Россіи и за границей, принимающимъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ служеніи интересамъ православной церкви и торжеству истины православія. Нельзя не отнестись съ полною признательностью къ почтенному обществу, которое такимъ образомъ на самыхъ первыхъ порахъ

своей дѣятельности успѣло завязать прочныя сношенія съ представителями самаго замѣчательнаго въ настоящее время движенія въ пользу православія на Западѣ. Какой бы ни былъ окончательный результатъ этихъ сношеній, во всякомъ случаѣ они показываютъ въ русскомъ обществѣ живое отношеніе къ современнымъ церковно-религіознымъ вопросамъ и могутъ способствовать разсѣянію укоренившихся на Западѣ предубѣжденій касательно русской церкви. Кто знаетъ, какъ западные, и преимущественно римско-католическіе, богословы до недавняго времени относились къ нашей церкви, тотъ пойметъ и по справедливости оцѣнитъ всю важность переворота въ воззрѣніи на нее, выразителями котораго являются теперь представители старокатолическаго движенія.

«Движеніе наше—пишетъ д-ръ Михелисъ—естественно, находится еще въ состояніи броженія». Иначе и быть не можетъ. Когда возбужденный благодатію Божіею умъ рѣшится стряхнуть съ себя гнетъ вѣковыхъ предразсудковъ, передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ святыня; онъ долженъ вынесть тяжелую борьбу съ чувствомъ безотчетной привязанности къ привычнымъ мнѣніямъ и только постепенно освоивается съ свободнымъ сознаніемъ истины. Переходное состояніе, или броженіе, въ религіозныхъ понятіяхъ старокатоликовъ можно замѣтить отчасти и изъ помѣщаемыхъ ниже ихъ писемъ. Въ то время, какъ профессоръ каноническаго права д-ръ Шульте объявляетъ, что на римское первенство онъ смотритъ какъ на учрежденіе историческое, а отнюдь не догматическое, и такимъ образомъ становится по отношенію къ этому предмету совершенно на одну съ

нами точку зрѣнія, профессоръ философіи д-ръ Михелисъ, *желая удержать приматство въ его древней, правильной формѣ, какую оно имѣло еще въ древней церкви*, говоритъ, что оно есть *нѣчто такое, чего хотѣлъ и что установилъ Христосъ, какъ выраженіе единства церкви*, и слѣдовательно стоитъ еще на точкѣ зрѣнія римскихъ католиковъ, по прежнему придавая приматству значеніе догматическое и считая его *существеннымъ основоположеніемъ церкви* (¹). Между тѣмъ какъ профессоръ церковной исторіи д-ръ Фридрихъ въ слѣдъ за отдѣленіемъ отъ римско-католической церкви предлагалъ немедленно же перейти къ признанію восточной православной церкви истинно-каѳолическою, д-ръ Михелисъ, безъ сомнѣнія не отвергая общекаѳолическаго ученія о непрерывности видимаго существованія истинной церкви на землѣ, становится въ воззрѣніи на церковь на протестантскую точку зрѣнія и пишетъ: «возможность выдти изъ фактическаго состоянія распаденія церкви на многія болѣе или менѣе раздѣльныя между собою общества заключается по моему понятію въ томъ и обусловливается тѣмъ, чтобы никакое изъ этихъ обществъ, желающихъ однакоже единства церкви, не говорило, что я только — эта единая истинная церковь», и такъ далѣе. Также не устойчивы и не ясны сужденія авторовъ нашихъ писемъ и касательно ученія объ исхожденіи Святаго Духа. Имъ какъ будтобы вовсе не извѣстна исторія этого догмата, бывшаго предметомъ общецерковныхъ разсужденій во времена втораго и третьяго вселенскихъ соборовъ по поводу

(¹) См. рѣчь его въ «Христ. Чтеніи» 1871 г., декабрь, стр. 1021.

ученія духоборцевъ и преній изъ-за Несторія. Иначе, повторимъ, и быть не можетъ.

Печатая въ возможно точномъ переводѣ письма представителей старокатолическаго движенія, мы увѣрены, что они не останутся безъ отвѣта со стороны православныхъ богослововъ и докажутъ обществу необходимость съ участіемъ обратить вниманіе на это искреннее и живое движеніе нѣкоторыхъ западныхъ христіанъ къ возвращенію въ нѣдра православной церкви, которое извѣстно намъ подъ именемъ старокатоличества.

I. ПИСЬМО ПРОФЕССОРА Д-РА ФР. МИХЕЛИСА.

Браунсбергъ, 4-го августа (23 іюля) 1872 г.

Мою благодарность за ободреніе, доставленное и мнѣ вашимъ почтеннымъ письмомъ отъ 24 іюля вмѣстѣ съ протоколами общества Л. Д. П., считаю возможнымъ выразить всего лучше тѣмъ, что попытаюсь ясно и понятно изложить вамъ мой взглядъ на цѣль нашего движенія. Это движеніе находится у насъ, естественно, еще въ состояніи броженія и можетъ устояться и сдѣлаться побѣдоноснымъ только благодатію Бога, который есть истина, и терпѣливою, любвеобильною, дружною дѣятельностію отдѣльныхъ лицъ.

Всю важность дѣла я поставляю въ томъ, чтобы, выражаясь языкомъ грамматики, употреблять слово «церковь» не въ множественномъ, а въ единственномъ числѣ. Христосъ учредилъ не церкви, а церковь; только единая, только Его церковь есть истинная, и только ея мы желаемъ. Принятіе и существованіе

многихъ церквей, одной подлѣ другой, если подъ ними не разумѣть только мѣстомъ отдѣляемыхъ другъ отъ друга членовъ и частей единой церкви, само по себѣ есть уже отрицаніе единой истинной церкви, которой мы желаемъ, точно такъ какъ принятіе многихъ боговъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе единаго истиннаго Бога. Въ этой, понимаемой отвлеченно, истинѣ всѣ мы, безъ сомнѣнія, согласны между собою. Возможность выдти изъ фактическаго состоянія распаденія церкви на многія болѣе или менѣе раздѣленныя между собою общества заключается по моему понятію въ томъ и обусловливается тѣмъ, чтобы никакое изъ этихъ обществъ, желающихъ однакоже единства церкви, не говорило, что я только—эта единая истинная церковь, а чтобы напротивъ каждое искало, въ чемъ съ его стороны заключается вина раздѣленія церкви. Объявленіемъ непогрѣшимости, еретическимъ въ полномъ смыслѣ, которое изъ римской церкви сдѣлало бы носительницу антихристіанства, если бы не было побѣждено и ниспровергнуто въ ней, у насъ, римскихъ католиковъ, развязаны руки, и вмѣстѣ съ тѣмъ дана намъ возможность вполнѣ признать наше участіе въ винѣ, и, какъ я полагаю, уничтожено самое великое препятствіе къ возсоединенію.—Съ православною греческою церковію, безъ сомнѣнія, это возсоединеніе ближе всего. (На утрехтскихъ епископовъ мы смотримъ какъ на принадлежащихъ прямо къ намъ; они никогда не выходили изъ того положенія, въ какомъ мы теперь находимся,—изъ положенія протестующихъ противъ римскаго искаженія приматства, но не противъ приматства вообще и не противъ положенія римскаго епископа,

какъ перваго (primus) и какъ внѣшняго пункта единенія *). Съ греками мы соединены вѣрою не только во Христа, какъ нашего Искупителя-Богочеловѣка, но и въ Его пребывающее присутствіе съ нами въ святомъ жертвоприношеніи и чрезъ него. Этимъ, для меня, сказано самое существенное, чтобы не сказать—все. Относительно приматства, даже приматства римскаго епископа, понимаемаго въ его древней правильной формѣ (*Григорій 1*), мы, какъ я полагаю, легко согласимся между собою, если это приматство признаемъ какъ выраженіе единства церкви, какъ нѣчто такое, чего хотѣлъ и что установилъ Христосъ. Учрежденія папства въ смыслѣ римской куріи мы, конечно, не признаемъ. Не столь легкою представляется мнѣ догматическая трудность относительно Filioque. Но и эта трудность, по моему искреннему научному убѣжденію, есть только внѣшняя и не непреодолимая, такъ какъ я убѣжденъ, что мы съ обѣихъ сторонъ желаемъ одного и того же. Мы наталкиваемся здѣсь на общій вопросъ о правѣ (Berechtigung) внутренняго, раціональнаго, прогрессивнаго развитія данной въ откровеніи истины,—развитія, которое, если мы вѣруемъ въ божественное откровеніе, можетъ быть, конечно, только формальнымъ (но это не значитъ—не заслуживающимъ должнаго вниманія **). Я позволяю себѣ пока сослаться на прилагаемую при семъ мою корреспонденцію съ достопочтеннымъ Биберомъ, именно на третье мое письмо, и надѣюсь, что чрезъ это, можетъ быть, будетъ вызвано дальнѣйшее изслѣдованіе.

(*) Въ подлинникѣ этотъ пунктъ стоитъ въ скобахъ.

(**) Это въ подлинникѣ тоже въ скобахъ.

На этотъ разъ оканчиваю замѣчаніемъ, что 20—24 слѣдующаго мѣсяца въ Кельнѣ имѣетъ быть старокатолическое собраніе, приглашеніе къ которому, какъ я предвижу, во время дойдетъ до васъ, и просьбою выразить мою сердечную благодарность и глубочайшее уваженіе какъ членамъ вашего общества, такъ въ особенности господину профессору Осинину.

II. ПИСЬМО СВЯЩЕННИКА АЛОИЗІЯ АНТОНА.

Пенгингъ, близъ Вѣны. 6-го августа (25-го Іюля) 1872 г.

Съ той самой минуты, какъ только я началъ свою дѣятельность въ пользу извѣстнаго движенія среди католической церкви въ Австріи, моему воображенію всегда представлялась великая задача — способствовать, сколько доступно моимъ слабымъ силамъ, возстановленію общенія между раздѣленными другъ отъ друга братьями—посредствомъ окончательнаго разрыва съ извращеннымъ римскимъ приматствомъ,—тѣмъ приматствомъ, которое, конечно, не къ счастію церкви, возникнувъ съ VIII вѣка, или еще раньше, послужило впослѣдствіи причиною злополучныхъ раздѣленій въ великомъ христіанскомъ обществѣ, не только на востокѣ, но и на западѣ. При этомъ меня особенно сильно занимала восточная православная церковь, такъ какъ съ протестантствомъ и англиканскою епископальною церковію хотя возможно и теперь поддержаніе добрыхъ отношеній, внушаемыхъ христіанскою любовію, но полнаго единенія съ ними при существующемъ положеніи дѣлъ, повидимому, ожидать преждевременно. Поэтому съ живѣйшимъ чувствомъ радости встрѣтилъ я на великомъ конгрессѣ католи-

ковъ въ столицѣ Баварiи то искреннее сочувствiе и одобренiе моего образа мыслей касательно этого предмета, которое выразили мнѣ многоуважаемые профессоръ Осининъ и тогдашнiй мюнхенскiй архимандритъ Никифоръ Пападакисъ. Съ такимъ же чувствомъ радости въ настоящее время получилъ я отъ васъ, м. г., дружеское предложенiе стать въ болѣе близкое отношенiе къ почтенному обществу любителей духовнаго просвѣщенiя, основанному въ Петербургѣ и уже повсюду извѣстному съ самой лестной стороны. Считаю для себя честью воспользоваться вашимъ добрымъ предложенiемъ и искренно благодарю васъ, м. г., за присылку протоколовъ засѣданiй вашего достопочтеннаго общества; при этомъ пользуюсь случаемъ представить вамъ прежде всего нѣсколько объясненiй касательно устройства старокатолическихъ общинъ въ Австрiи.

Безспорно, старокатолическiя общины въ Австрiи всецѣло и твердо стоятъ за принципъ автономiи и право участiя мiрянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Причина, почему онѣ такъ твердо держались и впредь намѣрены держаться этого принципа, заключается главнымъ образомъ и исключительно въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся старокатолики въ Австрiи. Озлобленiе, негодованiе, недовольство существующими порядками въ церковныхъ дѣлахъ австрiйскихъ католиковъ больше всего высказываются у насъ со стороны мiрянъ именно противъ доселѣшняго способа замѣщенiя священническихъ мѣстъ и епископiй; въ виду многоразличныхъ злоупотребленiй, хотятъ, чтобы объ руку съ гражданскою самостоятельною общиною стала церковная самостоятельная община,

дабы на будущее время гарантировать ту и другую отъ несправедливыхъ и незаконныхъ посягательствъ на ихъ права. Если бы въ этомъ отношеніи мірянамъ въ Австріи не предоставлено было никакихъ выгодъ чрезъ церковно-реформаторское движеніе, тогда и самое это движеніе никогда на дѣлѣ не могло бы пустить здѣсь глубокихъ корней. Поэтому намъ необходимо нужно было составить тотъ проэктъ правилъ (der Statuten-Entwurf), который служитъ у насъ въ настоящее время основаніемъ устройства старокатолическихъ церковныхъ общинъ. Впрочемъ этотъ проэктъ есть не болѣе, какъ только *проэктъ*, и мы отнюдь не имѣемъ притязанія на всегдашнюю и постоянную неизмѣнность его во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ скоро высшія соображенія потребуютъ произвесть въ немъ какія нибудь измѣненія, само собою разумѣется, въ такомъ случаѣ самый проэктъ не представитъ никакихъ неустранимыхъ препятствій къ этому.

Что же касается епархіальнаго (Diozesan) или обще-церковнаго управленія для австрійскихъ старокатоликовъ, то объ этомъ предметѣ у насъ еще не было пока никакой рѣчи, и ни въ одномъ изъ засѣданій дѣйствующаго въ Вѣнѣ комитета старокатоликовъ этотъ предметъ ни однажды не подвергался обсужденію. Мы предоставляемъ опредѣлительныя постановленія объ этомъ предметѣ общему и единодушному рѣшенію, которое, какъ мы надѣемся, будетъ достигнуто въ Германіи, въ союзѣ, конечно, съ нами. Если же доселѣ, говоря вообще, мы высказывались обыкновенно противъ назначенія архіепископовъ и митрополитовъ въ Австріи, то это объясняется глав-

нымъ образомъ тѣмъ, что мы заботимся, и не безъ основанія, о возможномъ устраненіи изъ своей среды всѣхъ тѣхъ злоупотребленій и притѣсненій для клира и народа, которымъ мы до настоящаго времени подвергались и снова подверглись бы, какъ скоро дозволили бы возстановить у себя теперешнее, обычное въ католической церкви, іерархическое подраздѣленіе въ самомъ епископскомъ достоинствѣ. Но мы какъ нельзя болѣе далеки отъ того, чтобы отвергать въ самомъ принципѣ управленіе митрополитовъ. Мы желаемъ только того, чтобы снова возстановлены были тѣ епископіи αὐτοκέφαλοι, подъ управленіемъ которыхъ древняя церковь такъ много выигрывала въ силѣ, достоинствѣ и святости. Мы хотимъ только обезопасить себя и противопоставить преграды возможнымъ злоупотребленіямъ. По этимъ же побужденіямъ мы охотнѣе желали бы учредить у себя и епископскій совѣтъ, состоящій изъ священниковъ и мірянъ, нежели оставлять заржавѣвшее учрежденіе капитуловъ, которые не только нигдѣ не приносятъ никакой пользы, но часто причиняютъ большой вредъ. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, относительно этого предмета у насъ пока еще ничего не рѣшено.

Но мы твердо рѣшились не поддаваться заманчивымъ предложеніямъ нашего министерства духовныхъ дѣлъ и не выдѣляться изъ церкви. Мы никакъ не можемъ согласиться на это предложеніе, какъ настоящіе католики, какъ общество людей, православно вѣрующихъ, заявившихъ громкій протестъ противъ новѣйшей ереси и противъ насилія, дѣлаемаго церкви. Мы рѣшительно не можемъ согласиться на это и съ точки зрѣнія нашего законнаго права, такъ

какъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія превратиться въ секту за то, что защищаемъ истинное ученіе и истинный духъ церкви Христовой, подвизаясь съ величайшими для себя пожертвованіями среди столь разнообразныхъ преслѣдованій и страданій. Мы убѣждены, что и наши братья—христіане православной восточной церкви—вполнѣ одобрятъ насъ за это.

Нашу точку зрѣнія въ противность воззрѣніямъ правительства мы съ достаточною ясностію высказали въ докладной запискѣ, представленной нами вѣнскому парламенту въ маѣ текущаго года. Впрочемъ дѣйствительныя причины, по которымъ цислейтанское правительство противится церковному движенію въ Австріи, заключаются собственно не въ чемъ другомъ, какъ въ настоящемъ несовершенствѣ австрійскаго законодательства и теперешнихъ затрудненіяхъ и запутанностяхъ въ политической жизни нашей монархіи.

Относительно Венгріи, письма, получаемыя мною изъ всѣхъ частей Венгріи, Седмиградской области и Баната, достаточно убѣждаютъ меня, что и тамъ не замерло окончательно доброе сѣмя; но тамошнія обстоятельства, состояніе образованія, законодательство опять совсѣмъ иныя, чѣмъ у насъ. Можно было бы многаго ожидать, еслибы въ Венгріи католическія приходскія общины какъ нибудь достигли самостоятельности.

Что касается далѣе соединенія съ утрехтскою церковію, то мы въ Австріи считаемъ эту церковь совершенно католическою, и поэтому между нами и этою церковію, разумѣется, существуетъ духовное

общеніе вѣры: но такъ какъ это общеніе существуетъ на дѣлѣ, то мы не имѣли еще никакого настоятельнаго повода придавать особенно важное значеніе внѣшнему соединенію съ нею.

Гораздо важнѣе, гораздо плодотворнѣе было бы для насъ достиженіе единенія съ восточною православною церковью. Всѣ австрійскіе старокатолики какъ нельзя болѣе согласны въ этомъ отношеніи съ письмомъ извѣстнаго вождя старокатолическаго движенія къ одному изъ вашихъ корреспондентовъ (*См. протоколъ засѣданія 12-го мая, стр. 10)*; такъ какъ мы вполнѣ убѣждены, что греческая церковь гораздо ближе римской къ той древней церкви, которая представляется для насъ идеаломъ и конечною цѣлью нашихъ стремленій.

Изъ всѣхъ старокатоликовъ; мы, австрійскіе старокатолики, преимущественно хлопочемъ, касательно литургіи, о причащеніи подъ обоими видами (sub utraque specie), объ употребленіи народнаго языка въ богослуженіи, объ отмѣнѣ безбрачія духовенства, о всецѣломъ устраненіи римскихъ искаженій. Мы признаемъ римское приматство только въ томъ его видѣ и въ тѣхъ предѣлахъ его права, какіе оно имѣло въ древней еще нераздѣленной церкви, и это—наше основное положеніе. Мы требуемъ строгаго пересмотра всѣхъ тѣхъ догматовъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ искаженному римскому приматству. Но относительно Filioque мы совершенно согласны съ замѣчаніями вышеупомянутаго автора письма, и мнѣ кажется, что я довольно рѣшительно высказался объ этомъ предметѣ въ такомъ же именно добромъ смыслѣ еще въ Мюнхенѣ, предъ почтенными гг. Осининымъ и Пападакисомъ.

Не менѣе рѣшительно мы выражаемъ свое согласіе съ мнѣніями, высказанными его высокопреподобіемъ (Eminenz), ученѣйшимъ и высокоуважаемымъ о. протоіереемъ (Erzbischof) Васильевымъ, относительно права участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ (*прот. засѣд. 26 марта и 2 апрѣля, стр. 15—28*). Если при этомъ и имѣлись въ виду различныя соціальныя и культурныя отношенія отдѣльныхъ народовъ, то во всякомъ случаѣ никто изъ насъ не можетъ отказать въ самомъ полномъ сочувствіи его истинно-каѳолическому взгляду на право участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что римская церковь непростительнымъ образомъ, безъ всякаго страха и уваженія, попрала права мірянъ.

По моему убѣжденію, австрійскіе старокатолики такимъ образомъ въ существѣ дѣла согласны съ изложенными въ протоколѣ собранія 12 мая текущаго года, стр. 4, условіями, при которыхъ признается возможнымъ соединеніе съ восточною православною церковію и которыми предполагается: тождество въ догматахъ, независимость въ обрядахъ и дисциплинѣ, на сколько это не противорѣчитъ догматамъ, а относительно церковнаго управленія — самостоятельность національныхъ и помѣстныхъ церквей въ согласіи съ основами общаго церковнаго устройства.

И такъ, съ радостнымъ чувствомъ, я предвижу не только возможность, но и вѣроятность столь искренно и горячо желаемаго мною достиженія церковнаго общенія между австрійскими старокатоликами и восточною православною церковію; чрезъ это было бы уничтожено одно изъ тѣхъ затрудненій въ нашихъ

дѣлахъ, на которыя съ такою справедливостію указывалъ г. профессоръ Осининъ.

Что касается другаго нашего затруднительнаго обстоятельства—недостатка старокатолическаго епископа въ Австріи, то мы ежедневно испытываемъ это неудобство въ довольно ощутительной степени, и я долженъ признаться, что въ этомъ отношеніи мы давно уже обращаемъ наши взоры къ православной церкви и отъ нея желали бы получить помощь. Нужда въ епископѣ тѣмъ настоятельнѣе чувствуется у насъ, австрійскихъ старокатоликовъ, что мы поставлены въ необходимость вести борьбу съ весьма опасными элементами.

На основаніи воззрѣнія, выраженнаго въ протоколахъ засѣданій высокоуважаемаго петербургскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, позволяю себѣ питать отрадную надежду, что почтенное общество подастъ намъ свою руку помощи и будетъ способствовать достиженію нами нашихъ благородныхъ цѣлей во имя любви ко Христу, общему нашему епископу. Я и всѣ мы питаетъ эту надежду во вниманіи къ той высокой цѣли, которую поставило себѣ ваше почтенное общество, предположивъ «поддерживать сношенія съ поборниками православной истины за границей и оказывать имъ нравственную помощь».

Покорнѣйше прошу васъ передать содержаніе моего настоящаго вполнѣ искренняго письма высокопочтенному обществу любителей духовнаго просвѣщенія. Прошу васъ также—благосклонно поддерживать со мною переписку и на будущее время.

Многооклеветанные австрійскіе старокатолики оду-

шевлены наилучшими намѣреніями и нисколько не сомнѣваются въ истинности и искренности стремленій къ единенію со стороны православной церкви.

Оканчиваю изреченіемъ великаго учителя церкви: in necessariis unitas; in dubiis libertas; in omnibus avtem charitas ([1]).

Съ совершеннѣйшимъ уваженіемъ и пр.

III. ПИСЬМО ПРОФЕССОРА СВЯЩЕННИКА КАМИНСКАГО.

Каттовицъ, 6-го августа (25-го іюля) 1872 г.

Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія узналъ я, м. г., изъ вашего почтеннаго письма и изъ протоколовъ первыхъ трехъ засѣданій с.-петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія, обязательно присланныхъ мнѣ вами, что въ средѣ вашей церкви, съ которою западная католическая Европа, вслѣдствіе цѣлаго ряда несчастныхъ и достойныхъ сожалѣнія обстоятельствъ, была въ теченіе столь долгихъ вѣковъ разобщена, проявляется такой живой и сочувственный интересъ къ старокатолическому движенію, въ которомъ здѣшняя община (состоящая въ настоящее время приблизительно изъ трехъ тысячъ душъ) образуетъ, хотя еще слабое, но, съ Божіею помощію, укрѣпляющееся и не смотря на всѣ соблазны неразрывное звено. Принимаемъ съ искреннею радостію ваше предложеніе вступить въ сношенія съ вашимъ обществомъ, посвятившимъ свои труды столь благороднымъ цѣлямъ. Здѣсь—на самомъ крайнемъ востокѣ Германіи, въ ближайшемъ сопри-

---

([1]) Въ существенномъ единство, въ сомнительномъ свобода, во всемъ же—любовь.

косновенiи съ предѣлами россiйской имперiи, мы подняли знамя возстанiя противъ ватиканскихъ лжеученiй 18 iюля 1870 г. о папскомъ всевластiи и непогрѣшимости, которыми окончательно ниспровергается устройство, данное церкви Христомъ. Въ слѣдствiе этого безмѣрнаго искаженiя истинно-католической, апостольской вѣры, въ слѣдствiе столь чудовищныхъ ученiй, которыя, совершенно вопреки идеѣ, прошлому и исторiи Церкви, навязываетъ намъ только большинство епископовъ съ папою во главѣ, и притомъ совершенно противозаконнымъ образомъ, при помощи всевозможныхъ насильственныхъ средствъ, пробудилась реакцiя противъ пассивнаго и тупаго подчиненiя совершеннѣйшему произволу и безграничнымъ притязанiямъ папской iерархiи даже въ низшихъ слояхъ народа, какъ. напримѣръ въ здѣшнемъ нашемъ обществѣ, гдѣ большею частiю преобладаетъ польское народонаселенiе. Движенiе это безъ сомнѣнiя повлечетъ за собою въ будущемъ неисчислимыя послѣдствiя, и каждый другъ истиннаго христiанства долженъ смотрѣть на него, какъ на дѣло въ высшей степени полезное и многообѣщающее для окончательнаго примиренiя церквей.

О если бы Господь Богъ, столь дивно управляющiй судьбами лицъ и народовъ, единственное пристанище истины,-скорѣе привелъ всѣхъ насъ къ этой великой и высокой цѣли и ниспослалъ свою благодатную помощь и благословенiе на наши слабыя усилiя!

Снова выражаю вамъ свою искреннюю благодарность за ваше сочувствiе и съ полнымъ уваженiемъ имѣю честь быть, и проч.

PS. Позволяю себѣ присоединить къ моему пись-

му, въ качествѣ взаимнаго подарка, доселѣ вышедшіе нумера газеты «Правда» (Warheit), издаваемой мною съ прошлаго мѣсяца для просвѣщенія и вразумленія польскаго народонаселенія Верхней Силезіи, которое давно пора освободить отъ растлѣвающаго вліянія клерикальнаго фанатизма. Нельзя ли, въ интересахъ нашего общаго добраго дѣла, посодѣйствовать распространенію этой газеты между русскими поляками, живущими въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нами?

Въ заключеніе прошу передать мое глубочайшее почтеніе г. профессору Осинину, съ которымъ я имѣлъ честь познакомиться въ прошломъ году въ Мюнхенѣ.

IV. ПИСЬМО ПРОФЕССОРА Д-РА І. ФРИДРИХА.

Пеккингъ, близъ Поссенгофена. 11-го августа (30-го іюля) 1872 г.

Съ благодарностію получилъ я протоколы, которые вы благоволили препроводить ко мнѣ. Я читалъ ихъ съ большимъ интересомъ и буду слѣдить съ величайшимъ вниманіемъ за стремленіями вашего общества.

Меня интересовали больше всего, разумѣется, тѣ пункты, которые насъ касаются. Я вполнѣ согласенъ съ г. профессоромъ Осининымъ относительно трудностей нашего положенія. Я именно и выставилъ на видъ эти трудности еще въ прошломъ году и всегда настаивалъ на ихъ устраненіи. Еще изъ Рима я указывалъ, какъ на ближайшую нашу цѣль, именно на возсоединеніе восточной и западной церкви, и уже во время собора хотѣлъ подвинуть Деллингера на какой либо шагъ въ этомъ отношеніи (см. мой Дневникъ, стр. 224 и слѣд.). Но у насъ еще слишкомъ большой недостатокъ въ правильномъ пониманіи на этотъ

счетъ; когда нужно сдѣлать новый и практическій шагъ, многими обладаетъ слишкомъ большая нерѣшительность. При всемъ томъ нельзя отрицать, что въ немногіе мѣсяцы послѣ того, какъ римская курія пошла противъ насъ, съ нашей стороны подготовлено уже большое приближеніе къ восточной церкви. Это-то именно, что мысль о примиреніи раздѣленнаго римскимъ деспотизмомъ христіанства повсюду пробудилась и вкореняется, есть для меня ручательство благословенія свыше, осѣняющаго наше дѣло. Въ виду того, что умственныя и религіозныя движенія обыкновенно съ медленностію пробиваютъ себѣ дорогу, я совершенно доволенъ теперешнимъ теченіемъ вещей: возметъ же наконецъ свое и побѣдитъ истина! На ближайшемъ конгрессѣ въ Кельнѣ, 22—24 сентября, вопросъ о епископствѣ и о примиреніи христіанства составитъ, впрочемъ, главный предметъ разсужденій, и я надѣюсь, что дѣло истиннаго христіанства сдѣлаетъ новые успѣхи.

Во всякомъ случаѣ я охотно вступлю «въ болѣе близкое отношеніе» къ вашему обществу; но изъ протоколовъ я не могъ узнать, при какихъ условіяхъ это возможно, или какія обязанности возникнутъ для меня изъ этого отношенія.

V. ПИСЬМО СЕКРЕТАРЯ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА СТАРО-КАТОЛИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ И РЕДАКТОРА ГЕРМАНСКАГО МЕРКУРІЯ, ОФФИЦІАЛЬНАГО ОРГАНА СТАРОКАТОЛИКОВЪ, Д-РА ЕБЕРГ. ЦИРНГИБЕЛЯ.

Мюнхенъ, 12-го августа (31-го іюля) 1872 г.

Въ вашемъ достоуважаемомъ письмѣ отъ 15/27 іюля, согласно постановленію совѣта с.-петербургска-

го общества любителей духовнаго просвѣщенія, вы сообщили намъ въ высшей степени лестное предложеніе вступить въ ближайшія отношенія къ вашему обществу. Мы смотримъ съ своей стороны на осуществленіе подобныхъ отношеній тѣмъ съ большимъ чувствомъ радости и удовольствія, что, по нашей программѣ отъ 22—24 сентября 1871 г., конечно, не безъизвѣстной вамъ, «мы надѣемся на возсоединеніе съ грековосточною и русскою церквами, отдѣленіе которыхъ (deren Trennung) послѣдовало безъ вынудительныхъ причинъ и не основано ни на какихъ непреодолимыхъ догматическихъ разностяхъ». Къ этому мы можемъ присоединить только желаніе, чтобы изъ нашихъ общихъ стремленій, открыто направленныхъ къ одинаковой цѣли, къ цѣли примиренія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, произошолъ наилучшій плодъ.

Съ отмѣннымъ уваженіемъ и проч.

VI. Письмо д-ра Тангермана, пастора старокатолической общины въ Кельнѣ.

Кельнъ, 14-го (2-го) августа 1872 г.

Съ величайшею радостію получилъ я протоколы трехъ первыхъ засѣданій с.-петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія, которые вы благоволили препроводить ко мнѣ, по порученію вашего общества, вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ отъ 10—22 іюля. Если само по себѣ дѣло весьма желательное и почтенное находиться въ сношеніи съ людьми, поставившими своею задачею содѣйствовать православной истинѣ и дѣлать ее доступною для своихъ бѣднѣйшихъ братьевъ, то поистинѣ отрадно встрѣ-

тить на этомъ пути истинной любви къ ближнему людей столь извѣстныхъ и по добродѣтели, и по учености, и по своему положенію въ обществѣ, каковы члены вашего отдѣла.

Принося поэтому искреннюю благодарность за вашу присылку, привѣтствую ваше доброе предпріятіе и буду очень радъ, если вы и впослѣдствіи благоволите сообщать мнѣ свѣдѣнія о его успѣхахъ. Какъ пасторъ здѣшней старокатолической общины, я не премину сдѣлать извѣстными въ возможно большемъ кругу ваши намѣренія и ваши дѣйствія.

Полагаю, что вы знаете о предстоящемъ конгрессѣ старокатоликовъ, имѣющемъ быть 20—22 сентября въ Кельнѣ. На этомъ конгрессѣ будутъ служить предметомъ совѣщанія и рѣшенія самые жгучіе религіозные вопросы, и я надѣюсь, что, при благодатной помощи Божіей, будутъ найдены правые пути къ большему и большему распространенію познанія Христа и его истиннаго ученія.

Старокатолическая кельнская община, статутъ которой я препровождаю къ вамъ вмѣстѣ съ своимъ письмомъ, вполнѣ организована,—имѣетъ постоянное и правильное богослуженіе и пользуется полнымъ благорасположеніемъ государственныхъ властей. Если досёлѣ остаются неудовлетворенными и неисполненными нѣкоторыя изъ нашихъ самыхъ справедливыхъ желаній и потребностей, то это зависитъ отъ того, что намъ отказано владѣльцами во всякомъ правѣ пользованія церковнымъ имуществомъ и церковными доходами, что разрѣшенія этого вопроса мы тщетно ждемъ отъ правительства досёлѣ и что чрезъ это значительныя издержки, требуемыя при совершеніи

богослуженія, покрываются у насъ только благодаря добровольнымъ подаяніямъ. Этотъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ мы ощутительно чувствуемъ на себѣ, и онъ препятствуетъ намъ сильнѣе и энергичнѣе дѣйствовать на другихъ въ пользу истины и права и въ особенности—самостоятельно содержать школу.

Поручая доброе дѣло небесной защитѣ, свидѣтельствую вамъ и вашимъ сочленамъ истинное уваженіе, и проч.

VII. Письмо д-ра Фр. І. Пери, редактора газеты «l'Espérance de Rome».

Г. секретарю общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Римъ, 18-го (6-го) августа 1872 г.

Позвольте, милостивый государь, прежде всего выразить предъ вами живѣйшую радость, которую доставило намъ основаніе вашего общества—столько полезнаго и благотворнаго для цѣли до такой высшей степени необходимой. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что римскій католицизмъ въ теченіе столькихъ вѣковъ старался окутать историческую религіозную истину такими непроглядными потемками, посѣялъ такіе глубокіе предразсудки противъ востока и въ частности противъ православной церкви русской, что намъ, западнымъ, трудно провесть въ нашу атмосферу сколько нибудь здороваго и настоящаго свѣта. Ваше общество, милостивый государь, можетъ быть поэтому увѣрено, что мы съ восторгомъ примемъ всякое сообщеніе, какое ему угодно было бы адре-

совать къ намъ для распространенія здѣсь свѣдѣній о строго-каноническихъ и законныхъ учрежденіяхъ вашей древней православной церкви, устоявшей противъ всѣхъ заблужденій новѣйшаго времени и оставшейся дѣвственно-неприкосновенною отъ римскихъ нововведеній. Предоставляю для этого благороднаго подвига въ ваше распоряженіе, милостивый государь, не только страницы редактируемаго мною журнала l'Espérance de Rome, но и мое личное усердіе въ средѣ комитета римскихъ старокатоликовъ, котораго я имѣю честь быть вицепрезидентомъ.

Я надѣюсь быть на кельнскомъ конгрессѣ, который соберется 20—22-го числа будущаго мѣсяца. Если пожалуетъ туда же г. профессоръ Осининъ или кто нибудь другой изъ членовъ вашего общества, то прошу, м. г., дать ему нужныя сообщенія для переговоровъ со мною по этому предмету. Такимъ образомъ ваше общество принесло бы величайшую услугу и православной церкви, и пробудившемуся между нами реформаторскому движенію.

Можетъ быть, вы замѣтили въ l'Espérance de Rome объявленіе о православномъ журналѣ, который хотѣлъ издавать здѣсь, на итальянскомъ языкѣ, одинъ изъ моихъ друзей. Съ прискорбіемъ долженъ вамъ сообщить, что этотъ проэктъ рушился вслѣдствіе совершеннаго недостатка матеріальныхъ средствъ. Не могу вамъ сказать, м. г., какъ много между нами людей, одушевленныхъ самыми лучшими стремленіями, которыхъ усилія парализуются по причинамъ совершенно второстепеннымъ.

Примите, м. г., увѣреніе и проч.

VIII. ПИСЬМО ПРОФЕССОРА БОГОСЛОВІЯ ВЪ БОННСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ Д-РА РЕЙША.

Боннъ, 20-го (8-го) августа 1872 г.

Прошу извинить меня, м. г., что раньше не отвѣтилъ на ваше дружественное письмо, такъ какъ я только нѣсколько дней тому назадъ возвратился изъ путешествія.

Искренно благодарю васъ за присылку протоколовъ засѣданій вашего общества. Я прочелъ ихъ съ большимъ интересомъ и отъ души желаю, чтобы Богъ благословилъ стремленія вашего общества и увѣнчалъ ихъ наилучшимъ успѣхомъ. По моему мнѣнію для иностранцевъ было бы въ высшей степени желательно, если бы побольше появлялось на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ сочиненій, знакомящихъ съ ученіемъ, устройствомъ и положеніемъ русской церкви. Ближайшее взаимное знакомство способствовало бы наилучшимъ образомъ столь желаемому дѣлу возсоединенія раздѣленныхъ церквей.

На предстоящемъ конгрессѣ такъ называемыхъ старокатоликовъ, имѣющемъ быть въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Кельнѣ, будетъ предложенъ проэктъ объ учрежденіи особой коммиссіи изъ богослововъ, для способствованія примиренію раздѣленныхъ церквей. Коммиссія эта, безъ сомнѣнія, вступитъ въ сношеніе съ совѣтомъ вашего общества.

Если бы я лично могъ быть полезенъ вашему обществу чрезъ сообщеніе на будущее время какихъ либо свѣдѣній, то вы найдете съ моей стороны во всякое время полнѣйшую готовность къ этому. Съ глубочайшимъ уваженіемъ, и проч.

IX. Отъ центральнаго католическаго комитета для Вестфаліи и Рейнскаго края.

Кельнъ, 14-го (2-го) августа 1872 г.

Честь имѣемъ сообщить вамъ, что 20, 21 и 22 сентября имѣетъ быть католическій конгрессъ въ Кельнѣ, по образцу бывшаго въ прошломъ году въ Мюнхенѣ. Полагая, что вы съ интересомъ и сочувствіемъ слѣдите за нашимъ движеніемъ, осмѣливаемся по-чтительнѣйше предложить вамъ пожаловать на предстоящій конгрессъ въ качествѣ гостя.

Если вы увѣдомите насъ о своемъ намѣреніи посѣтить этотъ конгрессъ, то мы постараемся сообщить вамъ въ ближайшемъ времени болѣе точныя свѣдѣнія.

Вашъ благосклонный отвѣтъ просимъ покорнѣйше адресовать г. д-ру Вингерату, Агриппаштрассе № 40, въ Кельнѣ.

X. Письмо профессора д-ра Шульте, на имя П. Т. Осипина.

Пирмонтъ, 31-го (19-го) августа 1872 г.

Примите выраженіе моей сердечной признательности за присылку интересныхъ протоколовъ, которые на этихъ днихъ доставлены мнѣ сюда (въ Пирмонтъ), гдѣ я съ начала августа нахожусь вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, чтобы пользоваться водами. Присоединяю просьбу передать мою искреннюю признательность г. А. Кирѣеву, которому я самъ не пишу, не зная его адреса.

Присланные протоколы служатъ для меня доказательствомъ того, что мы находимся на пути къ соглашенію. Смѣю думать, что подъ упомянутымъ въ протоколѣ 12-го мая 1872 г. (стр. 9 и

сл.) письмомъ разумѣется одно изъ моихъ писемъ. Относительно Filioque я собственно вовсе не имѣлъ въ виду «хранить молчаніе». Я напротивъ вполнѣ признаю, что это прибавленіе къ символу древней церкви отнюдь не можетъ быть обязательнымъ. Считаю *существеннымъ* моментомъ соглашенія, что божество Іисуса Христа и *единосущіе* Отца и Сына и Святаго Духа не подлежатъ никакому сомнѣнію съ обѣихъ сторонъ и опредѣляются на основаніи древнихъ вселенскихъ символовъ. Такъ какъ теперь въ древнемъ символѣ, какъ сказано было въ моемъ письмѣ, нѣтъ прибавленія Filioque; то вопросъ, по моему мнѣнію, долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: восточная церковь держится правила *ничего* не прибавлять къ символу, дабы во имя абсолютной неизмѣняемости догматической формулы избѣгать даже формальнаго нововведенія. Но матеріально она, восточная церковь, признаетъ, что Filioque латинянъ не заключаетъ въ себѣ заблужденія, хотя древняя церковь формально не выразила этого ученія, не находя достаточныхъ для того побужденій въ св. писаніи и въ апостольскомъ преданіи. Если бы такимъ образомъ вопросъ этотъ въ матеріальномъ смыслѣ пересталъ быть спорнымъ, согласно рѣшенію 2-го ліонскаго и флорентинскаго соборовъ, т. е., если бы со стороны восточной церкви было признано, что западная церковь словомъ Filioque *не* уклонилась отъ вѣрованій древней церкви, то западная церковь могла бы отказаться отъ сдѣланнаго ею формальнаго прибавленія въ символѣ, ибо и я съ своей стороны при-признаю справедливымъ, что по отношенію къ догматамъ и къ формулированію ихъ въ символѣ необхо-

димо безусловное единство. Такъ называемый Symbolum Tridentinum, который опирается *только* на папскомъ авторитетѣ, долженъ лишиться своего значенія, тѣмъ болѣе, что съ 18-го іюля 1870 года приприверженцы этого авторитета даютъ ему новое толкованіе.—Я прямо признаю, что римское первенство есть учрежденіе *историческое*, а не *догматическое*. Нельзя сказать, что такъ какъ исторически римскій епископъ есть преемникъ Петра, то *поэтому* римское первенство—догматъ; въ этомъ и заключается схоластическій методъ, что изъ *историческихъ* фактовъ созидались принципы и на оборотъ—изъ принциповъ дѣлалась исторія.—Мнѣ было бы пріятно знать, что вы и руководящія у васъ лица думаете о моемъ воззрѣніи на дѣло.

Надѣюсь увидѣться съ вами въ Кельнѣ.

Потрудитесь засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе многоуважаемымъ представителямъ вашего прекраснаго общества и примите, и пр.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Внутреннее обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 9. С. 150-164.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Затрудненія при взносахъ отъ церквей и духовенства въ пользу духовно-учебныхъ заведеній и постановленія съѣздовъ устюжскаго и литовскаго епархіальнаго по сему предмету. Постановленія литовскаго епархіальнаго съѣзда объ образованіи запаснаго училищнаго капитала и вспомогательной епархіальной кассы при епархіальномъ попечительствѣ. Вопросъ объ устройствѣ епархіальнаго свѣчнаго завода и свѣчныхъ лавокъ въ орловской епархіи. Передача свѣчнаго завода черниговскаго архіерейскаго дома въ вѣдѣніе епархіальнаго духовенства. Дѣятельность нижегородскаго епархіальнаго свѣчнаго завода. Мѣры противъ корчемной продажи церковныхъ свѣчъ, принятыя въ кишиневской епархіи.

Различные денежные взносы, требуемые отъ духовенства въ пользу духовно-учебныхъ заведеній, все еще возбуждаютъ затрудненія въ частномъ хозяйствѣ отдѣльныхъ церквей и служатъ поводомъ къ различнаго рода ходатайствамъ и объясненіямъ. На сколько упоминаемыя затрудненія дѣйствительны—вопросъ этотъ можно разрѣшить только по соображенію всѣхъ доходовъ и потребностей данной церкви; но что въ бѣдныхъ приходахъ потребности многочисленны, а ресурсы ничтожны—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. На съѣздѣ депутатовъ устюжскаго духовно-училищнаго округа, вологодской епархіи, былъ прочитанъ актъ одного изъ благочиннических округовъ сольвычегодскаго уѣзда, въ которомъ выражается ходатайство освободить церкви округа отъ взноса половины назначенной съѣздомъ $1^1/_2$ копѣечной суммы, какъ крайне для нихъ обременительной. Ходатайство свое округъ основываетъ на слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) не смотря на порядочную цифру прихожанъ при нѣкоторыхъ церквахъ, всѣ приходскія церкви благочинія весьма бѣдны всѣмъ своимъ достоя-

ніемъ, вслѣдствіе размножившагося съ давнихъ лѣтъ въ томъ краѣ раскола между крестьянами, при чемъ и оставшіеся вѣрными православію прихожане, подъ вліяніемъ раскольниковъ, болѣе или менѣе хладѣютъ въ своемъ усердіи въ отношеніи къ храмамъ Божіимъ; отъ этого и доходы церквей такъ малы, что далеко не соотвѣтствуютъ даже существеннымъ расходамъ церковнымъ, увеличивающимся еще отъ необходимости внутренняго украшенія храмовъ и заведенія церковной утвари; 2) для духовенства благочинническаго округа трудность почти такова же, такъ какъ приходы, за исключеніемъ двухъ, расположены въ вѣдомствѣ временно-обязанныхъ удѣлу крестьянъ, и причты, не получая ни откуда жалованья, пользуются весьма скудными доходами отъ мѣстныхъ выгодъ, а приходскія попечительства, которыя должны бы изыскивать матеріальныя средства къ поддержанію церквей и причтовъ, какъ это дѣлается въ другихъ округахъ, въ округѣ, о которомъ идетъ рѣчь, еще не открыты. Не смотря на эти, повидимому, убѣдительные доводы, ходатайство округа не было уважено съѣздомъ, который постановилъ требовать отъ мѣстнаго благочиннаго высылки недоставленной суммы, съ тѣмъ, чтобы и впредь округъ не уклонялся отъ взноса будущихъ раскладокъ на духовно-учебныя заведенія, такъ какъ, сказано въ постановленіи съѣзда, и въ другихъ мѣстностяхъ устюжскаго училищнаго округа есть приходы, сравнительно съ другими, болѣе или менѣе бѣдные, обязанные нести общую повинность, наравнѣ со всѣми прочими мѣстностями. Конечно, съѣздъ съ своей стороны правъ, требуя назначенной по раскладкѣ суммы на столь существенную потребность, каковою оказывается сколько нибудь удовлетворительная постановка духовно-учебныхъ заведеній; но несомнѣнно и то, что возможная правильность раскладки, соотвѣтственно доходамъ каждаго прихода, составляетъ одну изъ неуклонныхъ обязанностей духовно-училищныхъ съѣздовъ и требуетъ со стороны ихъ самаго строгаго вниманія.

На этотъ важный пунктъ обращено было, между прочимъ, вниманіе литовскимъ епархіальнымъ съѣздомъ, собп-

равшимся въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года. Дѣло шло объ изысканіи мѣстныхъ средствъ къ содержанію двухъ духовныхъ училищъ литовской епархіи, находящихся въ городахъ Вильнѣ и Кобринѣ, въ дополненіе къ средствамъ, даруемымъ на сей предметъ святѣйшимъ синодомъ. Послѣ тщательныхъ и разностороннихъ разсужденій по этому предмету, депутаты, со всею, какъ сказано въ протоколѣ, искренностію и въ полномъ сознаніи всей важности училищнаго вопроса, сочли долгомъ своимъ заявить, что, при относительной скудости средствъ содержанія духовенства, при дороговизнѣ всѣхъ жизненныхъ потребностей въ краѣ, при разнообразныхъ трудностяхъ, встрѣчаемыхъ какъ въ воспитаніи дѣтей, такъ и въ удовлетвореніи сословныхъ интересовъ, духовенство литовской епархіи не имѣетъ никакой возможности обязаться личными пожертвованіями въ пользу упомянутыхъ двухъ училищъ. Съѣздъ считаетъ возможнымъ только отчисленіе нѣкоторой части доходовъ отъ церквей епархіи, обязываясь всѣми мѣрами заботиться объ увеличеніи таковыхъ доходовъ. Но такъ какъ доходы церквей литовской епархіи, расположенной среди иновѣрцевъ, чрезвычайно разнообразятся, такъ что нѣкоторыя церкви даже не будутъ почти въ состояніи участвовать въ пожертвованіяхъ на содержаніе училищъ въ равной степени со всѣми другими церквами, то, при установленіи общей для всѣхъ церквей единицы пожертвованій, по необходимости должны быть допущены исключенія. Соображая настоятельныя нужды духовныхъ училищъ, депутаты полагаютъ, что на ихъ содержаніе, кромѣ суммъ, ассигнуемыхъ на личный составъ училищъ, необходимо еще отчисленіе изъ церковныхъ доходовъ отъ всѣхъ приходовъ епархіи по 1 к. съ общаго числа прихожанъ обоего пола. Но такъ какъ не всѣ церкви могутъ быть въ равной степени привлечены къ пожертвованіямъ въ упомянутой нормѣ, то подробное и точное распредѣленіе пожертвованій возлагается на обязанность благочинническихъ съѣздовъ, съ тѣмъ, чтобы церкви, владѣющія какими-либо собственно имъ принадлежащими капиталами, а равнымъ образомъ и тѣ церкви, въ которыя

привлекается значительное стеченіе богомольцевъ, или же, гдѣ имѣются какія-либо особенно благопріятныя условія церковныхъ доходовъ,—были бы обложены взносами въ высшей мѣрѣ противъ скудныхъ и недостаточныхъ, особенно въ приходахъ, расположенныхъ среди иновѣрцевъ. Относительно порядка, которому духовенство должно слѣдовать при взносахъ пожертвованій на содержаніе училищъ, приняты слѣдующія правила: на сентябрскихъ благочинническихъ съѣздахъ, духовенство, примѣняясь къ выработанной на епархіальномъ съѣздѣ вѣдомости, составляетъ точную и справедливую раскладку взноса. Недовольные обжаловываютъ неправильность раскладки епархіальному начальству въ теченіе мѣсячнаго срока, на точномъ основаніи правилъ благочинническихъ съѣздовъ, не имѣя однакожъ права уклоняться отъ немедленнаго взноса причитающихся денегъ. Затѣмъ въ половинѣ октября и въ апрѣлѣ причты представляютъ причитающіяся отъ нихъ по раскладкѣ деньги мѣстному благочинному, обязанному подъ личной отвѣтственностію немедленно отсылать деньги въ училищное правленіе того округа, въ которомъ состоятъ церкви благочинія. Неаккуратность благочинныхъ въ этомъ отношеніи подвергаетъ ихъ взысканію епархіальнаго начальства. Благочинные, не ожидая неаккуратныхъ, обязаны немедленно представлять къ сроку деньги на содержаніе училищъ по назначенію, а о неаккуратныхъ и тѣмъ болѣе объ уклоняющихся доносить епархіальному начальству. Правила эти, столь ясно и опредѣлительно выраженныя, обезпечиваютъ полный сборъ назначаемыхъ по раскладкѣ денегъ и устраняютъ всякую несправедливость раскладки, предупреждая вмѣстѣ съ тѣмъ напрасныя жалобы и необходимость прибѣгать къ ходатайствамъ объ освобожденіи отъ взносовъ въ родѣ того, какъ это было въ упомянутомъ выше благочинническомъ округѣ сольвычегодскаго уѣзда, вологодской епархіи.

Изъ другихъ постановленій литовскаго епархіальнаго съѣзда упомянемъ о слѣдующихъ.

Въ видахъ образованія запаснаго училищнаго капитала постановлено: а) обратиться отъ лица всего духовенства ли-

товской епархіи ко всѣмъ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей въ епархіи съ просьбою, не найдутъ ли они возможнымъ, въ виду общей пользы, придти духовенству на помощь въ дѣлѣ образованія достойныхъ служителей церкви и усилить свои взносы въ пользу училищъ; б) поручить окружнымъ съѣздамъ и членамъ училищныхъ правленій отъ духовенства имѣть неослабное наблюденіе за тѣмъ, чтобы поступающія суммы расходовались правильно и съ соблюденіемъ должной экономіи; всѣ же остатки, могущіе образоваться отъ суммъ, поступающихъ изъ церковныхъ доходовъ, тотчасъ должны быть обращены въ кредитныя учрежденія для храненія и приращенія процентами.

Однимъ изъ важнѣйшихъ постановленій епархіальнаго съѣзда должно признать то, которое касалось *образованія вспомогательной кассы* при епархіальномъ попечительствѣ для выдачи постоянныхъ и опредѣленныхъ пособій заштатнымъ священникамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Дѣло по этому предмету возникло еще на предыдущемъ епархіальномъ съѣздѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1871 года. Въ протоколѣ 30 октября было заявлено, что священно и церковно служители, не имѣя ни собственныхъ домовъ, ни земли, въ случаѣ смерти главы семейства, оставляютъ своихъ женъ и дѣтей въ самомъ горькомъ положеніи, и положеніе это бываетъ тѣмъ болѣе грустно, что взносы, поступающіе отъ духовенства въ попечительство, по своей незначительности, не даютъ возможности назначать удовлетворительное пособіе сиротствующимъ семействамъ. Въ виду этого депутаты съѣзда нашли возможнымъ жертвовать въ попечительство ежегодно на этотъ предметъ по $2^1/_2$ % отъ штатнаго священно-церковнослужительскаго жалованья, отпускаемаго на весь наличный составъ причтовъ литовской епархіи, кромѣ просвирень, каковой взносъ будетъ простираться приблизительно до 7.800 р. При этомъ были постановлены слѣдующія условія: а) чтобы литовская духовная консисторія, при расписаніи суммъ на содержаніе, приняла на себя трудъ снестись съ кѣмъ слѣдуетъ объ отчисленіи $2^1/_2$ % отъ штатнаго содержанія наличныхъ причтовъ епархіи и выдачѣ за

ковыхъ $^0/_0$ епархіальному попечительству изъ виленскаго губернскаго казначейства; б) взносъ жертвуемой суммы $2^1/_2$ $^0/_0$ съ жалованья долженъ быть обязателенъ для всѣхъ штатныхъ причтовъ епархіи до тѣхъ поръ, пока въ епархіальномъ попечительствѣ не образуется такой капиталъ, отъ котораго годичные проценты равнялись бы 8.000 р.; капиталъ же этотъ долженъ составляться частію изъ процентовъ, получаемыхъ отъ нынѣшняго наличнаго попечительскаго капитала, а частію изъ остатковъ, могущихъ образоваться при раздачѣ жертвуемой духовенствомъ суммы и изъ другихъ источниковъ попечительства; в) сумма $2^1/_2$ $^0/_0$ съ штатнаго жалованья должна быть раздаваема нуждающемуся духовенству епархіи въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ самому взносу денегъ, т. е., заштатные священнослужители, не выслужившіе почему-либо пенсіи, ихъ вдовы и дѣти должны получать пособіе изъ попечительства во столько разъ болѣе противъ заштатныхъ церковнослужителей и ихъ семействъ, во сколько взносы первыхъ превышаютъ взносы послѣднихъ; подробная же норма выдачи пособій должна быть опредѣлена особою на этотъ предметъ составленною коммиссіею; г) если въ какомъ-либо году съ умноженіемъ числа бѣдныхъ, жертвуемыхъ духовенствомъ денегъ будетъ недостаточно для удовлетворенія ихъ нуждъ, то духовенство въ такомъ случаѣ полагало бы отчислять для удовлетворенія сихъ нуждъ и часть процентовъ, получаемыхъ отъ наличнаго попечительскаго капитала; д) сборы по листамъ и церковнымъ кружкамъ, производившіеся до сего времени, сохранятъ свою законную силу и на будущее время; е) права на полученіе пособія отъ попечительства лишаются только тѣ дѣти-сироты священно и церковнослужителей, которыя состоятъ на казенномъ содержаніи въ училищахъ, или будутъ пристроены; а также лишаются права на пособіе всѣ, исключенные за пороки изъ духовнаго вѣдомства. Въ заключеніе, въ виду такихъ значительныхъ пожертвованій со стороны духовенства въ пользу попечительства, духовенство ходатайствовало, чтобы должностныя лица епархіальнаго попечительства, по примѣру другихъ епархій, служили по выборамъ.

Епархіальный съѣздъ текущаго года, принявъ и съ своей стороны изложенныя предположенія, какъ одобряемыя духовенствомъ всей епархіи, и выразивъ желаніе, чтобы предположенный процентъ исчислялся и отъ суммъ за вакантныя должности въ причтахъ, ходатайствовалъ о дополненіи означенныхъ предположеній еще слѣдующимъ: а) священно и церковнослужители имѣютъ полное право переходить изъ низшаго въ высшій разрядъ пенсіи, но только въ такомъ случаѣ, когда взносы свои на пенсіи высшаго размѣра они начнутъ производить съ первоначальнаго поступленія своего на мѣсто, или же когда, при выраженіи своего желанія о переходѣ на высшую пенсію, единовременно сдѣлаютъ дополнительный взносъ въ кассу, совершенно уравнивающій прежній низшій размѣръ пенсіи съ высшимъ, за всѣ прежніе годы; б) сельскіе священно и церковнослужители, съ переходомъ на службу въ городъ и чрезъ то изъ низшаго въ высшій разрядъ по взносамъ на пенсіи, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ право получать и пенсіи по высшему разряду; в) составленіе подробныхъ и точныхъ правилъ о дѣйствіяхъ предполагаемой вспомогательной кассы могутъ быть возложены на членовъ епархіальнаго попечительства, избранныхъ духовенствомъ. По первому востребованію составителей правилъ, благочинническіе съѣзды или совѣты немедленно должны представлять всѣ требующіяся свѣдѣнія о вдовахъ, сиротахъ и заштатныхъ священно и церковнослужителяхъ.

Забота объ изысканіи средствъ къ содержанію духовно-учебныхъ заведеній и къ покрытію другихъ епархіальныхъ нуждъ подаетъ поводъ во многихъ епархіяхъ къ возбужденію вопроса объ устройствѣ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, или по крайней мѣрѣ лавокъ. Епархіальные съѣзды дѣятельно занимаются этимъ вопросомъ. Преосвященный Макарій, епископъ орловскій, имѣя въ виду удовлетворить нуждамъ епархіальнаго духовенства, особенно вдовъ и сиротъ, съ прекращеніемъ зачисленія за ними священно-церковнослужительскихъ мѣстъ, а также нуждамъ духовно-учебныхъ заведеній, еще въ январѣ 1869 года предлагалъ

консисторіи объ устройствѣ епархіальнаго свѣчнаго завода. Но предложеніе это оставалось не выполненнымъ, такъ что преосвященный счелъ необходимымъ возобновить его въ декабрѣ прошлаго 1871 года, предложивъ собравшемуся въ то время епархіальному съѣзду обсудить вопросъ объ устройствѣ епархіальнаго свѣчнаго завода на общія церковныя средства. Въ исполненіе этого предложенія съѣздъ постановилъ: «для разработки проекта устройства епархіальнаго свѣчнаго завода учредить изъ депутатовъ съѣзда спеціальную коммиссію». Въ тоже время разрѣшенъ вопросъ объ устройствѣ въ городахъ орловской епархіи свѣчныхъ лавокъ для продажи оптомъ и въ разницу восковыхъ свѣчъ. По этому пункту преосвященный далъ резолюцію, въ силу которой, до учрежденія свѣчнаго завода, духовенство должно заботиться объ устройствѣ въ городахъ въ большемъ количествѣ свѣчныхъ церковныхъ лавокъ и о тщательномъ надзорѣ за ними, чтобы получать отъ нихъ больше прибыли; при чемъ, съ учрежденіемъ завода, лавки эти могутъ быть мѣстами складовъ. При обсужденіи этого вопроса обнаружилось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣчи изъ церковныхъ лавокъ продаются гораздо дороже, а взносъ прибыли отъ нихъ оказывается гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и отъ другихъ свѣчныхъ церковныхъ лавокъ; вслѣдствіе чего рѣшено: просить благочинныхъ, настоятелей церквей и церковныхъ старостъ общими силами озаботиться объ упорядоченіи, развитіи и увеличеніи продажи свѣчей изъ церковныхъ лавокъ, отчего сама собой увеличится и прибыль. Независимо отъ того, съѣздъ рекомендуетъ благочиннымъ всего уѣзда принять участіе въ контролѣ по продажѣ свѣчей изъ церковныхъ лавокъ своего города, каковой контроль весьма удобенъ при записи въ шнуровыхъ книгахъ всѣхъ отпусковъ проданныхъ изъ лавки свѣчей.

На съѣздѣ духовенства черниговской епархіи, бывшемъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, обсуждаемо было желаніе преосвященнаго Наѳанаила объ устройствѣ епархіальнаго свѣчнаго завода въ Черниговѣ. При этомъ на собраніи

выяснилось, что церкви, имѣя собственныя свѣчи, будутъ въ состояніи, особенно посредствомъ своихъ свѣчныхъ заводовъ, уменьшать въ нихъ цѣну на свѣчи для ослабленія вольной продажи восковыхъ свѣчей, направленной къ ущербу церковной суммы, и для увеличенія свѣчной суммы до такой цифры, которая со временемъ давала бы возможность содержать духовно-учебныя заведенія черниговской епархіи на проценты съ общей суммы епархіальнаго завода. Необходимость свѣчнаго завода чувствуется и въ настоящее время, когда церкви черниговской епархіи испытываютъ тягость отъ увеличенія налоговъ на улучшеніе содержанія духовно-учебныхъ заведеній; но въ будущемъ эта тягость представится еще ощутительнѣе и неизбѣжнѣе, когда убавится число церквей чрезъ соединеніе малочисленныхъ приходовъ, по крайней мѣрѣ, на 200; между тѣмъ могутъ явиться новыя нужды, каковы: открытіе и содержаніе параллельныхъ отдѣленій въ семинаріи и училищахъ; постройки училищныхъ домовъ, расходы по ремонтировкѣ домовъ, по улучшенію санитарной части въ училищахъ и проч. Во время этихъ разсужденій, архіерейское домоправленіе заявило съѣзду, что свѣчной заводъ, принадлежащій архіерейскому дому, можетъ быть переданъ, съ разрѣшенія преосвященнаго, духовенству черниговской епархіи на выгодныхъ для него условіяхъ, по взаимному добровольному соглашенію, съ разсрочкою уплаты за самый заводъ и за мѣсто, необходимое для распространенія его. Такъ какъ, по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, съѣздъ пришелъ къ убѣжденію, что заводъ архіерейскаго дома, при хорошемъ управленіи, можетъ доставлять духовенству даже на первое время не менѣе 4.000 р. чистаго дохода, впослѣдствіи же, за уплатою долговъ на пріобрѣтеніе и устройство завода, сумма дохода можетъ увеличиться вдвое и втрое, то и было рѣшено пріобрѣсть заводъ отъ архіерейскаго домоправленія въ вѣдѣніе епархіальнаго духовенства на правахъ собственности. Въ благодарность же за передачу завода въ завѣдываніе духовенства отслужено было благодарственное молебствіе о здравіи преосвященнаго На-

ѳанаила, а для увѣковѣченія этого событія въ благодарныхъ чувствахъ духовенства постановлено: открыть по одной стипендіи имени преосвященнаго въ семинаріи, въ трехъ мужскихъ духовныхъ училищахъ и въ женскомъ епархіальномъ, на счетъ остатковъ по свѣчному заводу.— Разсуждая за тѣмъ о мѣрахъ къ обезпеченію и возвышенію доходовъ отъ епархіальнаго свѣчнаго завода, съѣздъ пришелъ къ необходимости принятія слѣдующихъ мѣръ: 1) вмѣнить въ обязанность всѣмъ причтамъ церковнымъ наблюдать, чтобы въ каждой церкви епархіи продавались свѣчи, полученныя только отъ епархіальнаго свѣчнаго завода; 2) для удобнѣйшаго снабженія всѣхъ церквей епархіи свѣчами изъ епархіальнаго завода открыть при всѣхъ уѣздныхъ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ, а также въ многолюдныхъ торговыхъ мѣстечкахъ, церковныя свѣчныя лавки; 3) вмѣнить въ обязанность причтамъ всѣхъ церквей епархіи, вмѣстѣ съ старостами, закупать воскъ по дешевымъ цѣнамъ, съ употребленіемъ на этотъ предметъ, если окажется нужда, церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы эти суммы возвращаемы были въ церковь управленіемъ свѣчнаго завода тотчасъ по принятіи воска; причемъ поставить въ извѣстность всѣ причты черниговской епархіи, что за воскъ, купленный ими для епархіальнаго свѣчнаго завода по цѣнѣ, меньшей 20 р. за пудъ, будетъ выдаваема комитетомъ сего завода премія; 4) вмѣнить въ обязанность уполномоченнымъ отъ благочиній усилить надзоръ за правильною продажею восковыхъ свѣчей; 5) огарочный воскъ не пересучивать на свѣчи, а доставлять для передѣлки въ свѣчной епархіальный заводъ, съ полученіемъ отъ послѣдняго должнаго вознагражденія; 6) просить, чтобы епархіальные монастыри, занимающіеся пчеловодствомъ, не продавали воска на сторону, а доставляли въ свѣчной епархіальный заводъ по существующимъ цѣнамъ; 7) воспретить монастырямъ производить выдѣлку свѣчъ на мѣстѣ и пригласить ихъ пріобрѣтать свѣчи для продажи изъ епархіальнаго завода.—Передача завода совершена на условіи, что архіерейское домоправленіе будетъ получать ежегодно отъ завода 1.600 р.

Дѣла нижегородскаго епархіальнаго свѣчнаго завода, благодаря точнымъ правиламъ о веденіи свѣчной операціи и инструкціи смотрителямъ епархіальныхъ свѣчныхъ лавокъ, идутъ удовлетворительно. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ общеепархіальный ревизіонный комитетъ (къ сожалѣнію, полнаго отчета о свѣчной операціи въ нижегородской епархіи не представлено), видно, что долгъ свѣчнаго завода простирается до 37,279 р. 41 к., тогда какъ имущества на заводѣ имѣется на сумму 62,545 р. 65 к. Такимъ образомъ, за исключеніемъ всѣхъ долговъ, собственно заводскаго капитала имѣется въ деньгахъ и матеріалахъ 25,266 руб. 24 коп. Кромѣ того, заводъ имѣетъ еще на ярмаркѣ свою собственную лавку, стоющую, по словамъ членовъ комитета, около 6,000 р. Операціи завода, находящагося въ должномъ благоустройствѣ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе развиваются и епархіальный свѣчной заводъ съ каждымъ годомъ упрочиваетъ свое существованіе. Одна изъ лавокъ имѣетъ годоваго оборота до 30 т. р. Изъ этихъ немногихъ данныхъ можно дѣйствительно заключить объ удовлетворительномъ состояніи свѣчной операціи въ нижегородской епархіи; но нельзя не повторить сожалѣнія, что отчета по сему предмету не составлено за время съ октября 1870 года; коммиссія даже заявляетъ, что отчетъ о состояніи завода не только нынѣ, но и никогда не приготовлялся къ надлежащему сроку, и въ счетныхъ книгахъ комитета не видно формальныхъ выводовъ, по окончаніи каждаго мѣсяца, о томъ, сколько въ какомъ мѣсяцѣ поступало матеріаловъ и суммы, какъ и что расходовалось, какая была въ какомъ мѣсяцѣ цѣна на матеріалы и проч., что въ особенности затрудняетъ составленіе точнаго отчета. Члены же комитета словесно объяснили коммиссіи, что отчетъ по заводу не составленъ ими своевременно потому, что они сами не получили отчетовъ отъ нѣкоторыхъ свѣчныхъ лавокъ, и что конторская часть ведется ими не такъ отчетливо, какъ въ частныхъ торговыхъ домахъ, потому что при заводѣ не имѣется опытнаго конторщика, знакомаго съ дѣломъ бухгалтеріи, а сами они, занятые приход-

скими и даже посторонними обязанностями по училищамъ, не находятъ для себя достаточнаго времени, чтобы правильно по формѣ вести отчетность. Для устраненія такого порядка вещей, членами общеепархіальной ревизіонной коммиссіи приняты, съ согласія мѣстнаго преосвященнаго, нѣкоторыя мѣры, какъ то: учреждена должность письмоводителя; членамъ, какъ заводскаго комитета, такъ и комитетовъ свѣчныхъ лавокъ, предоставлено пользоваться 10-ю % чистой годовой прибыли, и проч.

Въ кишиневской епархіи приняты нѣкоторыя мѣры противъ корчемной продажи восковыхъ свѣчъ, заключающіяся, кромѣ опубликованія установленныхъ по сему предмету закономъ правилъ, въ томъ, что главное наблюденіе за недопущеніемъ противозаконной продажи свѣчъ, а также веденіе могущихъ возникать у мировыхъ судей по сему предмету дѣлъ и защита ихъ возлагается на обязанность вновь учрежденныхъ въ кишиневской епархіи, по духовному вѣдомству, духовныхъ депутатовъ и ихъ помощниковъ, а также на помощниковъ благочинныхъ, съ тѣмъ, чтобы они съ каждаго рѣшенія дѣлъ сего рода требо́вали и представляли въ консисторію копіи, и для того посланы имъ циркулярные указы, съ прописаніемъ правилъ, на тотъ конецъ, дабы они, въ случаѣ возникновенія дѣлъ о корчемствѣ свѣчами, предъявляли мировымъ судьямъ эти циркуляры, какъ доказательство полномочія ихъ со стороны духовнаго начальства на веденіе и защиту такихъ дѣлъ, какъ сопряженныхъ съ церковнымъ интересомъ, о чемъ сообщено для свѣдѣнія и прокурору окружнаго суда. Независимо отъ того, вмѣнено причтамъ въ обязанность ознакомить своихъ прихожанъ съ содержаніемъ правилъ по сему предмету, а церковнымъ старостамъ неупустительно исполнять возложенныя на нихъ тѣми правилами обязанности касательно наблюденія за тѣмъ, чтобы нигдѣ въ предѣлахъ ихъ приходовъ противозаконной продажи свѣчъ производимо не было; въ случаѣ же усмотрѣнія таковой,—немедленно доносить или полиціи, или духовному депутату, или наконецъ помощникамъ благочиннаго

и депутату, для принятія ими указанныхъ въ правилахъ мѣръ къ пресѣченію такого зла.

Въ настоящее время вопросъ объ устройствѣ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, какъ это видно изъ заявленія мѣстныхъ вѣдомостей, стоитъ на очереди въ епархіяхъ тамбовской и московской. Дѣйствительно, нельзя не признать, что надлежащее устройство этого дѣла во всѣхъ епархіяхъ послужило бы съ величайшею пользою для удовлетворенія многоразличныхъ нуждъ епархіальнаго духовенства.

А. П.

Кому принадлежитъ починъ учрежденія приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ С.-Петербургѣ?

Въ послѣдней книжкѣ «Христ. Чтенія» за августъ мѣсяцъ, въ отдѣлѣ «Внутренняго Обозрѣнія», на стр. 681-й, при указаніи на общества вспоможенія бѣднымъ, учрежденныя при нѣкоторыхъ церквахъ С.-Петербурга, сказано: «починъ учрежденія такихъ обществъ, какъ извѣстно, принадлежитъ покойному священнику Христорождественской церкви на Пескахъ А. В. Гумилевскому, который основаніемъ братства при этой церкви положилъ начало правильной приходской благотворительности... Впослѣдствіи при церквахъ начали основываться общества вспоможенія, изъ которыхъ особенно видное мѣсто по своей энергической дѣятельности заняло первое изъ такихъ обществъ—благовѣщенское. Затѣмъ слѣдовали общества: знаменское, владимірское, пантелеймоновское и другія».

Въ видахъ возстановленія истины, позволяю себѣ заявить, что *починъ* учрежденія приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ столицѣ принадлежитъ не покойному о. Гумилевскому, а священнослужителямъ Благовѣщенской на Вас. Островѣ церкви. Они первые возъимѣли мысль учредить при своей церкви общество для вспомоществованія приходскимъ бѣднымъ, въ ознаменованіе совершившагося столѣтія настоящаго каменнаго Благовѣщенскаго храма, въ которомъ первый престолъ въ правомъ придѣлѣ нижней

церкви былъ освященъ 15-го сентября 1762 г. святителемъ Тихономъ Задонскимъ, бывшимъ въ то время епископомъ кексгольмскимъ и ладожскимъ, викаріемъ новгородской епархіи. По этой мысли благовѣщенскихъ священнослужителей, однимъ изъ нихъ, священникомъ Н. Н. Делицынымъ, нынѣ протоіереемъ, составленъ первый уставъ общества вспомоществованія приходскимъ бѣднымъ, который былъ одобренъ Его Высокопреосвященствомъ и утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. 14-го октября 1862 года, по полученіи разрѣшительнаго указа духовной консисторіи, благовѣщенское общество открыло свои дѣйствія, и вотъ въ настоящемъ году оно празднуетъ исполнившееся десятилѣтіе своего существованія. Уставъ благовѣщенскаго общества, съ большими или меньшими измѣненіями или дополненіями, послужилъ основаніемъ и руководствомъ для открытыхъ потомъ обществъ вспоможенія бѣднымъ при приходскихъ церквахъ столицы: знаменской, владимірской и другихъ. А покойный А. В. Гумилевскій положилъ основаніе христорождественскому *братству* на Пескахъ уже въ мартѣ слѣдующаго 1863 года, съ какого срока, какъ видно изъ отчетовъ братства, оно и считаетъ начало своего существованія, поставивъ себѣ задачею облегчать нужды бѣдствующихъ и искоренять нищенство въ приходѣ не выдачею на руки денежныхъ и другихъ пособій бѣднымъ, какъ было предположено благовѣщенскимъ уставомъ, но учрежденіемъ для призрѣнія ихъ благотворительныхъ заведеній, и съ этою цѣлію имъ былъ открытъ первый братскій пріютъ для больныхъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ нищихъ на Пескахъ 7-го апрѣля 1863 года на 200 руб. сер., пожертвованныхъ ему Е. М. С—мъ, что видно изъ прилагаемаго приглашенія жертвователей къ молебствію по случаю годовщины этого пріюта отъ имени самого о. Гумилевскаго, а уставъ приходскаго рождественскаго братства въ С.-Петербургѣ, какъ сказано въ томъ же приглашеніи, составленный имъ, только лишь 2-го октября 1863 года, былъ представленъ на утвержденіе высшаго духовнаго и свѣтскаго начальства. Христорождественское братство, названное впослѣдствіи еще

Александро-Іосифовскимъ, остается и досель единственнымъ въ своемъ родѣ. Оно основано на смѣлыхъ началахъ и обязано своимъ быстрымъ развитіемъ, можно сказать, только энергической дѣятельности своего учредителя. Во всякомъ случаѣ, почипъ учрежденія благотворительныхъ обществъ при приходскихъ церквахъ С.-Петербурга принадлежитъ не о. Гумилевскому, хотя въ современной печати вообще ему приписывается безъ вѣрнаго основанія. Сентября 5 дня, 1872 г. Сумеоновскій (прежде бывшій Благовѣщенскій).

Протоіерей Н. Содальскій.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Иностранное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 9. С. 165-179.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Движеніе между протестантами въ пользу возсоединенія христіанскихъ церквей.—Теорія Шенкеля о наилучшемъ способѣ къ подготовленію общаго церковнаго единенія.—Резолюціи по вопросу о соединеніи церквей, постановленныя на лондонскомъ митингѣ англо-континентальнаго общества.—Письмо преосвящ. Александра Ликурга о старокатоличествѣ.—Декларація въ пользу соединенія англиканской церкви съ православною.—Статья Германскаго Меркурія противъ воззрѣній д-ра Овербека.—Письма д-ра Обербека и аббата Мишо—по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православною церковію.

Въ то время, какъ нѣмецкіе старокатолики стремятся къ соединенію церквей, и въ средѣ нѣмецкихъ протестантовъ выступаютъ ревнители церковнаго единенія. «Если старикъ Деллингеръ, говоритъ Шенкель въ издаваемомъ имъ журналѣ «Allgemeine kirchliche Zeitschrift», предпринялъ въ послѣднее время рядъ чтеній, посвященныхъ вопросу о возсоединеніи христіанскихъ церквей и съ своей точки зрѣнія заботится о церковномъ единеніи, то можемъ ли оставаться холодными и безучастными къ этому жизненному вопросу мы, протестанты,—мы, истые носители идей терпимости и гуманности»? Но Шенкель смотритъ совсѣмъ иначе на дѣло единенія церквей, нежели Деллингеръ: по его взгляду, развиваемому въ передовой статьѣ названнаго журнала (см. Sechstes Heft. 1872 г.), стремленіе къ возсоединенію всѣхъ раздѣленныхъ въ настоящее время церквей отзывается рѣшительною утопіею. «Универсальное единство церкви—говоритъ авторъ—составляетъ безспорно высокую идею; въ основѣ ея лежитъ мысль, что чрезъ христіанство всѣ люди должны сдѣлаться братьями: но было бы положительно мечтою, если бы мы, при настоящихъ обстоятельствахъ, стали

питать въ себѣ вѣру въ возможность соединенія всѣхъ христіанъ въ одну всемірную церковь. Наше время слишкомъ практично и реалистично, чтобы заниматься подобными космополитическими грезами. Теперь повсюду сознанъ принципъ національности, повсюду высказывается стремленіе къ національному единству; каждая нація и каждая національная церковь имѣетъ свою собственную задачу, которую она должна выполнить прежде, нежели браться за разрѣшеніе всеобщихъ міровыхъ задачъ. Говоря это, я ни на минуту не забываю, что божественный Основатель христіанства носилъ въ своей великой всеобъемлющей душѣ идею объ универсальномъ единеніи всѣхъ людей и что раздѣленіе основаннаго имъ общества не отъ Него произошло, но отъ человѣческихъ несовершенствъ и слабостей, самолюбія и страстей. Однако дѣло возсоединенія раздѣленныхъ церквей, по моему убѣжденію, пошло бы гораздо успѣшнѣе, если бы каждая нація поставила своею цѣлію способствовать прежде всего примиренію отдѣльныхъ религіозныхъ партій, находящихся въ ея собственныхъ нѣдрахъ». Затѣмъ авторъ занимается вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ возможно достиженіе церковнаго единенія между членами различныхъ вѣроисповѣданій въ предѣлахъ политически объединенной германской имперіи.

Не такъ смотрятъ на этотъ предметъ ревнители церковнаго единенія въ Англіи. Здѣсь откровенно высказываются взгляды, что національная англиканская церковь не въ силахъ сама собою, своими собственными силами, достигнуть умиротворенія различныхъ религіозныхъ партій въ своей средѣ, если она сама внутренно не обновится, не восприметъ въ себя новыхъ освѣжающихъ элементовъ отъ другихъ христіанскихъ церквей. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя особенное вниманіе мнѣнія членовъ англо-континентальнаго общества по вопросу о возсоединеніи церквей, высказанныя на происходившемъ недавно въ Лондонѣ митингѣ, подробности котораго описываются въ англійской газетѣ Church Herald. Главнымъ предметомъ разсужденій на этомъ митингѣ былъ вопросъ о возстановленіи христіанскаго единенія; въ обсужденіи вопроса принимали участіе многія лица изъ выс-

шаго класса лондонскаго общества, изъ фамилій знатнѣйшихъ лордовъ и графовъ, изъ представителей высшаго англійскаго духовенства и членовъ англиканской—епископальной и католической церкви. Прежде всего члены описываемаго собранія поставили своею задачею выработать общія основанія для дальнѣйшихъ разсужденій по этому вопросу, и, послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, единогласно приняли слѣдующія три резолюціи: 1) религіозное и соціальное состояніе англійскаго народа въ настоящее время больше, нежели когда нибудь, указываетъ на высокую важность, для интересовъ христіанства въ Англіи, возсоединенія церквей. 2) Настоящее движеніе въ римско-католической церкви, именующее себя старокатолическимъ, носитъ въ зародышѣ столь важныя послѣдствія для всего христіанскаго міра, что не можетъ не обращать на себя серьезнаго вниманія не только членовъ католической церкви, но и всѣхъ сочувствующихъ дѣлу христіанскаго единенія. 3) Духъ, въ которомъ должно быть ведено дѣло возсоединенія христіанскихъ церквей, превосходно выраженъ въ двухъ словахъ недавно умершаго парижскаго архіепископа: «свобода и вѣра». Послѣ единогласнаго принятія означенной программы, президентъ собранія, въ краткой рѣчи, указалъ на то, что отъ стремленія къ возсоединенію церквей не должно никого удерживать ложное опасеніе попасть въ число незначительнаго меньшинства, такъ какъ, сказалъ президентъ, всякое большинство нѣкогда было меньшинствомъ и самое христіанство еще по настоящее время имѣетъ на своей сторонѣ меньшинство человѣчества. По окончаніи рѣчи президента, первый ораторъ предложилъ собранію слѣдующую резолюцію: «при возрастающемъ невѣріи въ Англіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ образованнаго міра, дѣло возсоединенія христіанскихъ церквей дало бы самое сильное оружіе защитникамъ христіанства противъ этого врага современнаго общества; съ другой стороны оно въ сильнѣйшей степени способствовало бы оживленію церковной жизни въ Англіи, въ упадкѣ которой нельзя не сознаться. Англиканская церковь исключительно настаиваетъ

на томъ, чтобы вѣра ея членовъ основывалась на одной библіи, забывая о церкви, которой обѣщана непогрѣшимость отъ ея божественнаго Основателя и которая сохранила въ чистотѣ и неповрежденности священное писаніе до нашихъ временъ. Мы не заботимся больше о церкви первыхъ вѣковъ и не спрашиваемъ о ея признакахъ, тогда какъ чрезъ возсоединеніе всѣхъ христіанскихъ церквей эти признаки обозначились бы во всей ихъ полнотѣ и ясности. Въ отношеніи къ соціальнымъ и общественнымъ вопросамъ единеніе церквей также принесло бы несомнѣнную пользу для нашей церкви. Чрезъ соединеніе съ греческою и латинскою церквами англиканская церковь потеряла бы свой замкнутый аристократическій характеръ, столь ненавистный для бѣдныхъ классовъ нашего общества, положительно не сочувствующихъ господствующей церкви въ Англіи и ищущихъ удовлетворенія своему религіозному чувству въ разнообразныхъ сектахъ, наводняющихъ наше отечество». Второй ораторъ I. L. Whittle—ирландецъ, послѣдователь римскокатолической церкви, въ своей рѣчи развивалъ ту идею, что духовенство ирландской церкви нѣкогда было расположено къ галликанской системѣ и въ настоящее время имѣетъ еще въ своей средѣ людей, вполнѣ сочувствующихъ этой системѣ. Преобладающее господство ультрамонтанской партіи въ настоящее время въ ирландскомъ духовенствѣ ораторъ объяснялъ одпѣми политическими причинами и увѣрялъ, что старокатолическое движеніе въ континентальныхъ странахъ Европы произвело благотворное дѣйствіе и въ Ирландіи на людей, сочувствующихъ интересамъ религіи и церкви. «Настоящій митингъ нашъ, заключилъ ораторъ, имѣющій своею цѣлію единеніе церквей, не можетъ не выразить своихъ симпатій къ этому движенію, такъ какъ представители его одушевлены идеею церковнаго единенія и стремятся къ тому, чтобы предоставить католикамъ возможность сохранить свою вѣру безъ примѣси заблужденій, вкравшихся въ римскую церковь». Слѣдующій ораторъ Dr. Littledale одобрилъ предшествующую резолюцію и, между прочимъ, разсказалъ, что глава

старокатолическаго движенія Деллингеръ, прошлою осенью, въ личномъ разговорѣ съ нимъ, сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: вы не можете ничѣмъ лучше поддержать нашего дѣла, какъ повсюднымъ распространеніемъ того убѣжденія, что мы, старокатолики, искренно желаемъ возсоединенія христіанскихъ церквей, между тѣмъ какъ куріальная партія считаетъ это наше желаніе еретическимъ и съ ожесточеніемъ нападаетъ на него. Третью резолюцію предложилъ Dr. Ofenbam, который выразилъ убѣжденіе, что ватиканскій соборъ, если не прямо, то косвенно, много способствовалъ пробужденію стремленій у западныхъ христіанъ къ возсоединенію христіанскихъ церквей. Признакомъ этого, сказалъ ораторъ, служитъ уже одно то обстоятельство, что каждая резолюція настоящаго митинга имѣетъ за себя ораторовъ со стороны католиковъ и послѣдователей англиканской церкви. Переходя затѣмъ къ обсужденію главнаго принципа, который, по мнѣнію собранія, долженъ быть положенъ въ основаніе возсоединенія христіанскихъ церквей, ораторъ назвалъ этотъ принципъ единственно плодотворнымъ въ приложеніи къ практической сторонѣ вопроса о церковномъ единеніи. Послѣднія слова умирающаго парижскаго архіепископа «за свободу и вѣру», сказалъ ораторъ, должны служить девизомъ для желаемаго возсоединенія церквей. Въ этихъ двухъ словахъ выражены два великихъ принципа истиннаго человѣческаго развитія какъ въ отношеніи къ жизни каждаго отдѣльнаго лица, такъ и въ отношеніи къ малымъ и большимъ обществамъ и даже цѣлымъ государствамъ. Безъ свободы не можетъ быть никакой жизни; безъ вѣры не можетъ быть рѣчи ни о какомъ авторитетѣ и слѣдовательно ни о какой общей, энергической дѣятельности, ни о какихъ совмѣстныхъ стремленіяхъ, направленныхъ къ одной цѣли. Въ древней церкви эти два принципа взаимно соединялись одинъ съ другимъ. Потомъ последовало несчастное раздѣленіе между Востокомъ и Западомъ, далѣе раздѣленіе Запада на двѣ части. Съ тѣхъ поръ ничего не сдѣлано существенно полезнаго для дѣла возсоединенія раздѣленныхъ церквей; одна сторона только про-

клинала другую. Созерцательный духъ Востока и практическое направленіе латинскихъ расъ, равно какъ любовь къ истинѣ ради самой истины, отличающая германское племя, должны снова соединиться для образованія единой вселенской каѳолической церкви. Этимъ желаніемъ, за достижимость котораго ручаются непреложныя молитвенныя слова Христа Спасителя: *да вси едино будутъ*, проникнуты повсюду цѣлыя тысячи христіанъ и весь сонмъ святыхъ, отрѣшившихся отъ земныхъ узъ, къ которому мы молитвенно взываемъ: «omnes sancti et sanctae Dei, intercedite pro nobis». Но кто стремится къ извѣстной цѣли, тотъ долженъ, какъ сказалъ Деллингеръ, заботиться и о средствахъ къ достиженію цѣли; иначе онъ или не глубоко проникнутъ своею цѣлію, или на самомъ дѣлѣ не стремится ни къ какой цѣли. Каждый въ своемъ кругу долженъ поэтому говорить и дѣйствовать въ духѣ способномъ содѣйствовать взаимному единенію христіанъ; дальнѣйшее же устроитъ Богъ». Эта рѣчь принята была съ громкими рукоплесканіями и единодушнымъ одобреніемъ. Затѣмъ прочитано было однимъ изъ англійскихъ прелатовъ письмо преосвященнаго Александра Ликурга, греческаго православнаго архіепископа острова Сиры, обратившее также на себя всеобщее вниманіе присутствовавшихъ. Письмо это слѣдующаго содержанія. «Съ великимъ удовольствіемъ могу упомянуть, что сердечный пріемъ, оказанный мнѣ въ Англіи, не остался безъ послѣдствій; ибо съ тѣхъ поръ не только іерархія, но и народъ на востокѣ желаютъ, чтобы поскорѣе пришло то время, когда наши церкви братски протянутъ другъ другу руки для достиженія полнаго единенія. Зная, какая сила заключается въ христіанской любви, мы заботливо печемся о возсоединеніи церквей въ союзѣ мира и любви и молимъ Господа церкви благодатно устранить всѣ препятствія, какія стоятъ на пути къ единенію. Съ заботливостію мы слѣдили за результатами великаго движенія старокатоликовъ въ Германіи, радуясь тому, что въ римскокатолической церкви находятся же люди, движимые евангельскимъ духомъ исти-

ны и рѣшительно воспротивившіеся нечестивому догмату, введенному грѣшнымъ человѣкомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы боимся, чтобы эти люди не перешли предѣловъ, которыми должны ограничиться ихъ усилія, и такимъ образомъ вмѣсто вожделѣнныхъ результатовъ не причинили бы ущерба церкви. По нашему мнѣнію, мы одного только можемъ искать, чтобы церковь стала такою, какою она была до раздѣленія, и преуспѣвала точно также, какъ объ этомъ заявилъ нашъ патріархъ Григорій три года тому назадъ уполномоченнымъ отъ папы, то есть: «если что нибудь было прибавлено со времени раздѣленія, пусть это отбросятъ; если что-либо было отброшено, пусть опять присоединятъ». Со времени раздѣленія ни одна сторона не имѣла права ни прибавлять, ни отбрасывать что-либо. Этимъ способомъ тѣ, которые назвали себя старокатоликами, будутъ въ состояніи очистить римско-католическое ученіе отъ всего, что папы прибавили со времени раздѣленія по своей собственной волѣ и вопреки истинному духу христіанства; они образуютъ общество, которое будетъ обладать большимъ авторитетомъ и большею духовною силою, чѣмъ римская церковь въ настоящее время; тогда по истинѣ заслужатъ они названіе старокатоликовъ и много послужатъ дѣлу возсоединенія церквей, ибо съ такимъ обществомъ, равно какъ и со всѣми, ищущими евангельской истины, восточнымъ церквамъ легче будетъ придти въ соглашеніе». Въ заключеніе на митингѣ зачтено было письмо д-ра Деллингера, въ которомъ выражается надежда на сочувствіе къ старокатолическому движенію въ Англіи. По поводу этого письма епископъ линкольнскій сказалъ, что «старо-католическое движеніе, начатое въ Германіи д-ромъ Деллингеромъ и другими знаменитыми богословами, возбуждаетъ самыя живыя надежды касательно будущности христіанской церкви и что добрыя чувствованія къ церковному единенію, заявляемыя старокатоликами Германіи, обнаруживающіяся и въ лекціяхъ д-ра Деллингера и другими путями, заслуживаютъ поддержки и сердечнаго подкрѣпленія со стороны членовъ англиканской церкви».

Вообще дѣло единенія церквей, повидимому, находитъ въ Англіи благопріятную для себя почву. Намъ особенно отрадно сообщить послѣднія извѣстія англійской газеты Times о движеніи между членами англиканской церкви въ пользу единенія англиканской церкви съ православною. По словамъ корреспондента названной газеты, лорда Шефтсбюри, подъ декларацією въ пользу соединенія церквей англиканской и православной въ настоящее время подписалось уже 5,503 человѣка. Въ числѣ лицъ, засвидѣтельствовавшихъ свое согласіе на соединеніе съ православною церковью, находится перовъ и членовъ палаты общинъ—81 человѣкъ, офицеровъ арміи и флота—141, мировыхъ судей—180, мэровъ городовъ и мѣстечекъ—13, старшихъ и младшихъ учителей народныхъ школъ—52, банкировъ—29, адвокатовъ и прокуроровъ—236, медиковъ и аптекарей—126, судей—10 и церковныхъ старостъ—101. Нѣсколько именъ, которыя приводятся корреспондентомъ, изъ лицъ, подписавшихся подъ декларацією, ясно показываютъ на важное значеніе этой манифестаціи. Въ числѣ подписавшихся находятся: Е. П. Бувери — членъ парламента, графъ Чичестеръ, Гюгъ Чайльдерсъ—членъ парламента, сэръ Джонъ Кольриджъ—генералъ атторнэй, герцогъ Девонширскій; лорды: Эбери, Эверслей, Фортескью, Гренвиль и Грей, сэръ Джонъ Грей—членъ парламента, сэръ Ф. Грантъ, сэръ Уилльямъ Гулль—докторъ медицины; лорды: Гарруби и Галлифаксъ; г. Т. Гюгъ—членъ парламента, графъ Кимберлей, лордъ Лауренсъ, сэръ Джонъ Лефевръ, полковникъ Лойдъ Линдзей—членъ парламента, лордъ Мальмсбюри, лондонскій лордъ—мэръ сэръ Робертъ Монгомери; лорды: Оверстонъ, Оссенгтонъ и Портманъ; фельдмаршалъ сэръ Г. Поллокъ, лордъ Сандонъ, адмиралъ Сарторіусъ; лорды: Стенгонъ, Вольвертонъ и Вестминстеръ. Подписи этихъ и весьма многихъ другихъ знатныхъ лицъ были собраны въ теченіе прошлаго мѣсяца. Меморандумъ по этому случаю будетъ вскорѣ представленъ на разсмотрѣніе архіепископовъ.

Въ 24-мъ № мюнхенской старокатолической газеты

«Rheinischer Merkur», переименованной нынѣ въ «Deutscher Merkur», помѣщена статья по поводу сужденій газеты Овербека «Orthodox Catholic Review» о старокатолическомъ движеніи и объ условіяхъ, при которыхъ для старокатоликовъ возможно достиженіе единенія съ православною церковію. Авторъ этой статьи, одинъ изъ рейнскихъ корреспондентовъ названной газеты, отзываясь съ сочувствіемъ о вниманіи, съ которымъ газета Овербека слѣдитъ за развитіемъ старокатолическаго движенія на материкѣ Европы, не одобряетъ однако же тенденцій недавно помѣщенной въ ней статьи о значеніи мюнхенскаго конгресса. «Тогда какъ мы, старокатолики, говоритъ авторъ, не разъ высказывали, что восточная церковь имѣетъ много преимуществъ предъ западною, что въ ней или вовсе не имѣютъ мѣста, или существуютъ гораздо въ меньшей степени нѣкоторыя изъ злоупотребленій, вкравшихся въ римско-католическую церковь, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно развивали ту мысль, что для возсоединенія западной церкви съ восточною—въ догматахъ, исповѣдуемыхъ тою и другою церковію, нѣтъ никакихъ непреодолимыхъ препятствій, такъ какъ раздѣленіе церквей послѣдовало не вслѣдствіе догматическихъ непримиримыхъ разностей, а главнымъ образомъ вслѣдствіе незаконныхъ притязаній папъ; совсѣмъ не такъ смотритъ на дѣло возсоединенія западной церкви съ восточною газета Овербека. Чрезъ всѣ статьи этого журнала, въ которыхъ обсуждается этотъ вопросъ, и особенно въ статьѣ о мюнхенскомъ конгрессѣ, послѣдовательно проводится мысль, что для западной церкви, отдѣлившейся отъ восточной вслѣдствіе догматическихъ заблужденій, не остается никакого другаго исхода, какъ оставить свои заблужденія, оставить чистосердечно, съ чувствомъ смиреннаго раскаянія въ своихъ заблужденіяхъ, и соединиться съ греко-русскою церковію, которая одна только сохранила въ чистотѣ и неповрежденности апостольское преданіе. О взаимномъ соглашеніи, объ обмѣнѣ взаимныхъ преимуществъ между обѣими церквами, при такомъ пониманіи дѣла, конечно, не можетъ быть никакой

рѣчи; съ этой точки зрѣнія можно говорить только объ обращеніи западной церкви. Конечно, по мнѣнію газеты Овербека, Западъ можетъ не быть ни грецифированъ, ни руссифированъ въ церковномъ отношеніи,—церковная дисциплина, литургія, своеобразныя церковныя учрежденія и обряды могли бы быть оставлены не прикосновенными въ западной церкви, подъ условіемъ обращенія ея въ православіе. Но въ ученіи должно быть возстановлено полное безотносительное тождество между западною и восточною церковію. Старокатолики, стремящіеся къ возстановленію истинной каѳолической церкви, обязаны разоргать всякую связь съ римскою церковію, какъ съ церковію еретическою, не православною и некатолическою, и отнюдь не должны смотрѣть на себя, какъ на сочленовъ этой церкви. Уже одно прибавленіе къ символу вѣры слова Filioque, сдѣланное римскою церковію, заключаетъ въ себѣ ересь въ собственномъ смыслѣ, и отнюдь не есть безразличное прибавленіе, какъ думаютъ большею частію на Западѣ, такъ какъ въ своихъ слѣдствіяхъ оно ведетъ къ савелліанству, къ смѣшенію личныхъ свойствъ Бога Отца и Сына». Отказываясь отъ обсужденія догматическихъ разностей между восточною и западною церковію, корреспондентъ мюнхенской старокатолической газеты довольствуется только представленными выдержками изъ Овербекова журнала для характеристики его точки зрѣнія на вопросъ о соединеніи старокатоликовъ съ православною церковію въ отличіе отъ той точки зрѣнія на этотъ вопросъ, какой держатся старокатолики, и заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «очевидно, что подобныя воззрѣнія держатся еще во всей силѣ въ кругу представителей греко-русской церкви, къ которымъ принадлежитъ издатель газеты «Orthodox Catholic Review». Безпристрастное обсужденіе разностей въ ученіи западной и восточной церкви составляетъ такимъ образомъ насущную необходимую потребность для той и другой стороны. Это обсужденіе можетъ послужить только первымъ шагомъ къ взаимному пониманію другъ друга, которое, Богъ дастъ, послужитъ предвѣстіемъ единенія; безъ того же—

лучше безчисленныя церковныя раздѣленія, нежели соединеніе безъ достаточной ясности пониманія другъ друга и безъ внутренней искренности. Какіе плоды можетъ принесть фиктивное единеніе, достаточно показала флорентійская унія».

Въ отвѣтъ на эту статью Овербекъ прислалъ слѣдующее письмо къ редактору газеты Rheinischer Merkur, помѣщенное въ ея 26 №.

Какъ редакторъ журнала «Orthodox Catholic Review» и какъ авторъ статьи, помѣщенной въ немъ о мюнхенскомъ конгрессѣ старокатоликовъ, надѣюсь, что вы не откажете дать мѣсто въ вашей уважаемой газетѣ моему настоящему письму, имѣющему цѣлію уяснить отношеніе православной церкви къ старокатолической. Позвольте мнѣ прежде всего сдѣлать два замѣчанія, относящіяся къ характеристикѣ нашей православной точки зрѣнія на старокатоликовъ. 1) Я долженъ сказать, что со времени раздѣленія церквей, которое почти за тысячу лѣтъ назадъ отдѣлило Востокъ отъ Запада, ни одна изъ религіозныхъ партій, являвшихся на Западѣ, не возбуждала къ себѣ такого сочувствія въ восточной церкви вслѣдствіе сознанія взаимнаго внутренняго сродства, какое возбуждаетъ къ себѣ партія старокатоликовъ. Восточная церковь не только смотритъ на старокатоликовъ съ надеждою и довѣріемъ, но искренно желаетъ скорѣйшаго и полнаго церковнаго общенія съ ними, дабы снова возстановить каѳолическое единеніе между Востокомъ и Западомъ и общими силами вести борьбу противъ зловреднаго для церковной жизни вліянія ультрамонтанства. 2) Ничто такъ не далеко отъ существа и духа православной церкви, какъ требованіе слѣпаго подчиненія отъ кого бы то ни было. Мы отнюдь не требуемъ отъ старокатоликовъ, чтобы они намъ съ расканіемъ сказали: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою!* Мы желаемъ взаимнаго соглашенія, которое «при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ легко возможно», какъ открыто признаетъ Деллингеръ. Но соглашеніе это отнюдь не должно быть сдѣлкою или эластическою формою, кото-

рою двѣ стороны стараются прикрыть предметъ своего несогласія, вмѣсто того, чтобы устранить это несогласіе чрезъ полное и всестороннее разъясненіе дѣла. Основательное обсужденіе на дружественныхъ конференціяхъ нѣкоторыхъ существующихъ еще между нами догматическихъ и каноническихъ разностей, препятствующихъ нашему единенію, привело бы насъ скорѣе къ желаемой цѣли, нежели какъ обыкновенно объ этомъ думаютъ. Нужно только положить серьезное начало этому доброму дѣлу. Послѣ этихъ двухъ замѣчаній едва-ли кто нибудь можетъ сомнѣваться, что мы серьезно заботимся о братскомъ единеніи и придаемъ ему весьма важное значеніе; объ этомъ свидѣтельствуетъ и каждое слово моей вышеупомянутой статьи о мюнхенскомъ конгрессѣ. Но вашъ корреспондентъ съ Рейна, въ 24-мъ № вашей газеты, повидимому, держится иного мнѣнія о насъ и упрекаетъ насъ за то, что мы признаемъ только нашу церковь хранительницею апостольскихъ преданій во всей ихъ чистотѣ и неповрежденности. Но если это на самомъ дѣлѣ такъ, то требуется только представить фактическія доказательства въ подтвержденіе этой истины, и старокатоликъ, какъ и всякій разумный человѣкъ, долженъ принять такія доказательства. Если же этого не окажется въ дѣйствительности, тогда мы готовы отъ васъ принять вразумленіе. Мы желаемъ уясненія истины; но это желаніе происходитъ у насъ не изъ сомнѣнія въ нашемъ православіи, а изъ непоколебимаго убѣжденія, что истина одержитъ побѣду. Мы отнюдь не требуемъ отъ старокатоликовъ покаяннаго обращенія къ греческой церкви, потому что мы считаемъ старокатоликовъ строгими и искренними католиками, которые безъ вины наслѣдовали нѣкоторыя заблужденія въ вѣрѣ, отъ которыхъ они добровольно могли бы отказаться, признавъ ихъ за заблужденія. Гдѣ не существуетъ никакого обвиненія, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о какомъ покаяніи. Мы отнюдь не желаемъ выступать въ качествѣ почетныхъ судей; мы требуемъ полной равноправности обѣихъ партій въ переговорахъ о мирѣ. Само собою разумѣется, я не могу здѣсь войдти въ обсужденіе спорныхъ вопросовъ.

Но я думаю, точно также какъ и старокатолики признаютъ, что ученіе о непогрѣшимости папы есть ересь и что ультрамонтанская церковь, которая выдала ученіе о папской непогрѣшимости за догматъ, есть церковь еретическая. Безъ сомнѣнія старокатолики согласны также и съ тѣмъ, что никакое церковное общество не можетъ имѣть общенія съ еретическою церковью, безъ опасенія навлечь на себя обвиненіе въ ереси. Возьмемъ для примѣра якобитскую церковь, которая такъ близка къ православной каѳолической церкви. Почему ни одинъ католикъ не можетъ имѣть общенія съ этою церковію и принадлежать къ числу ея членовъ? Потому, что она проповѣдуетъ монофизитскую ересь. Чѣмъ же отличается въ подобномъ отношеніи отъ якобитской папская церковь? Я очень желалъбы получить отъ васъ вразумленіе относительно этого, потому что я съ своей стороны не вижу рѣшительно никакого различія въ обоихъ случаяхъ. Въ заключеніе позвольте мнѣ обратиться съ вопросомъ: приступимъ ли мы когда нибудь къ дѣлу и сдѣлаемъ ли когда нибудь практическій шагъ на пути къ единенію? Недавно въ Петербургѣ основалось общество любителей духовнаго просвѣщенія, которое между прочимъ ставитъ своею задачею способствовать дѣлу соединенія церквей. Общество это, члены котораго принадлежатъ къ высшему кругу, ничего такъ сильно не желаетъ, какъ привлечь старокатоликовъ къ сношеніямъ съ собою и устроить конференціи въ томъ родѣ, о какихъ я говорилъ выше. Ваша газета была бы самымъ удобнымъ органомъ для обсужденія этого проекта, такъ какъ духовныя власти въ Петербургѣ читаютъ вашу газету. Какъ хорошо было бы, если бы до предстоящаго кельнскаго конгресса старокатоликовъ сдѣланъ былъ хотя одинъ шагъ къ единенію! Примите, и проч.

Во многихъ иностранныхъ газетахъ сообщено было извѣстіе о намѣреніи французскаго старокатолика-аббата Мишо принять православіе и присоединиться къ нашей церкви. По поводу возникшихъ вслѣдствіе этой молвы толковъ между старокатоликами, почтенный аббатъ опубликовалъ недавно письмо, въ которомъ, объясняя свои воззрѣнія на старока-

толичество, между прочимъ говоритъ: «нападая на сущность римскаго католицизма, старокатолики дѣлаютъ это двоякимъ образомъ. Одни протестуютъ только противъ последняго ватиканскаго собора и созданныхъ Піемъ IX догматовъ. Отвергая эти догматы и соборъ римской католической церкви, саму римскую церковь тѣмъ не менѣе они признаютъ истинною и каѳолическою, а папу, или вообще—римскаго епископа, единственною дѣйствительно каѳолическою іерархіею, отъ которой, по принципу, желали бы зависѣть. По моему мнѣнію, этого рода старокатолики дѣлаютъ съ одной стороны—очень мало, съ другой—очень много. Мало—потому, что въ исповѣданіи и соборныхъ постановленіяхъ римской церкви, кромѣ нелѣпостей последняго ватиканскаго собора, есть много другихъ грубыхъ заблужденій, вслѣдствіе которыхъ оффиціальная римская церковь, съ своими ложными вѣрованіями и противокаѳолическими учрежденіями, не можетъ представлять собою истинной каѳолической церкви. Много—потому, что вѣрный сынъ римской церкви не имѣетъ права отвергать догматы, постановленные папой и находящимися въ общеніи съ нимъ епископами; такъ какъ не можетъ быть никакого права производить раздѣленія въ церкви, какъ скоро она признается единою, истинною и вселенскою. Иначе смотрятъ на дѣло другіе. Правда, я состою также *членомъ* западной латинской церкви; но я не могу быть членомъ церкви римской въ ея настоящемъ превращеніи. Мои вѣрованія согласны съ тѣмъ временемъ христіанства, когда Римъ не извратилъ еще каѳолическаго исповѣданія и когда члены западной латинской церкви называли всѣхъ *принадлежащихъ* къ греко-восточной церкви своими братьями. Слѣдовательно, *когда я* говорю о соединеніи старокатоликовъ съ восточною церковію, то говорю не то, чтобы, съ переходомъ въ эту церковь, намъ надобно было отказаться отъ особыхъ обрядовъ нашего богослуженія, отъ церковной самостоятельности и нашихъ особыхъ правилъ благочинія, а только то, что намъ необходимо отвергнуть все, произвольно прибавленное римскою церковію послѣ ея отдѣленія отъ восточной, вслѣд-

ствіе чего и порвались между ними братскія отношенія. Я глубоко убѣжденъ, что только возвратомъ къ вѣрѣ и таинству причащенія—въ томъ видѣ, какъ они существовали въ первые вѣка христіанства, мы будемъ въ состояніи совершить истинное преобразованіе западной католической церкви. Если старокатолики не послѣдуютъ этому пути; если по личнымъ или политическимъ соображеніямъ, оставаясь въ настоящемъ положеніи, они не захотятъ дать полнаго удовлетворенія настоятельной потребности религіозныхъ реформъ: то имъ неизбѣжно придется или опять покориться Риму, или перестать существовать - вслѣдствіе своей нерѣшительности или заявленій, дѣлаемыхъ только на словахъ. Я неоднократно уже развивалъ эти мысли во многихъ своихъ статьяхъ и надѣюсь имѣть случай на предстоящемъ въ Кельнѣ конгрессѣ дать имъ еще болѣе полное объясненіе»

Въ настоящее время, когда мы пишемъ эти строки, идутъ засѣданія кельнскаго конгресса. Аббатъ Мишо принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе. Изъ православныхъ, въ качествѣ гостей, присутствуютъ на конгрессѣ члены с.-петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія: А. А. Кирѣевъ, протоіерей І. Л. Янышевъ и висбаденскій священникъ А. В. Тачаловъ. Конечно, мы сочтемъ долгомъ извѣстить о результатахъ его, какъ только получимъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Митр. Макарий (Булгаков)

Сочинения Московского митрополита Даниила

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 10. С. 181-275.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СОЧИНЕНІЯ

МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ДАНІИЛА.

(Статья преосвященнѣйшаго Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго.)

Въ заключеніи одного изъ посланій своихъ къ извѣстному Николаю нѣмчину о заблужденіяхъ латинянъ Максимъ Грекъ, между прочимъ, написалъ: «когда ты будешь просвѣщенъ разумомъ, то вопроси о томъ господина и учителя Даніила, мотрополита всей Россіи, и онъ научитъ тебя всей истинѣ; я написалъ неучено и неразсудно, словомъ варварскимъ и дебелымъ, а онъ просвѣтитъ своимъ ученіемъ и возвѣститъ тебѣ; тогда ты ясно увидишь, что насколько отстоитъ солнце отъ звѣзды по свѣтлости, настолько отстоитъ онъ отъ насъ благодатію и свѣтомъ разума, и ты отринешь луну и прилѣпишься солнцу.... Когда ты узришь изящный разумъ святаго митрополита, доктора закона Христова, украшенный многими знаніями, и съ любовью будешь слушать его, — пощади, честный друже, малословію и трости моей буей, которою я начерталъ тебѣ немногое».... ([1]). Еслибы подобный отзывъ о митрополитѣ Даніилѣ Максимъ помѣстилъ въ посланіи къ нему самому или къ кому-

---

([1]) *Максим.* Сочин. I, 530—531, Казан. 1859.

либо изъ православныхъ, тогда можно было бы еще подумать, что это—слова лести или одного приличія и уваженія къ сану; но помѣщенныя въ письмѣ къ иновѣрцу, латиннику, который дѣйствовалъ во вредъ православію, былъ однимъ изъ любимцевъ великаго князя, много лѣтъ вращался въ нашемъ высшемъ кругу и, безъ сомнѣнія, могъ получить о митрополитѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія,—они невольно заставляютъ предполагать, что Максимъ дѣйствительно высоко цѣнилъ умъ и познанія Даніила и считалъ его архипастыремъ просвѣщеннымъ. Такимъ и является предъ нами Даніилъ въ своихъ словесныхъ произведеніяхъ. Онъ былъ достойный ученикъ преп. Іосифа Волоцкаго и если уступалъ ему по талантамъ, то отнюдь не уступалъ по своей начитанности и обширности своихъ богословскихъ свѣдѣній. А въ ряду митрополитовъ собственно-московской митрополіи, отъ Іоны до Іова или до учрежденія патріаршества, Даніилъ можетъ быть названъ самымъ просвѣщеннымъ, за исключеніемъ одного Макарія, безъ сомнѣнія, не менѣе начитаннаго, но болѣе даровитаго и болѣе сдѣлавшаго для нашей духовной литературы, какъ и вообще для нашей церкви, хотя оставившаго и менѣе своихъ сочиненій. Не хвалясь собственною мудростію и называя себя «невѣждою и поселяниномъ», Даніилъ однакожъ самъ признавалъ свои книжныя и литературныя занятія лучшимъ дѣломъ своей жизни и говорилъ: «азъ жизнь свою въ лѣности изгубихъ, и ни едино благо сотворихъ, точію мало нѣчто прочтохъ божественная писанія; и отъ сихъ себѣ и другимъ воспоминахъ, и глаголахъ, и писахъ» ([2]).

([2]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 151. 156.

Сочиненія Даніила раздѣляются на два класса: на слова или поученія и на посланія. Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ извѣстно нынѣ 35-ть, хотя есть основаніе думать, что ихъ было гораздо больше, что Даніилъ любилъ часто проповѣдывать слово Божіе своимъ духовнымъ чадамъ и часто писалъ пастырскія посланія разнымъ лицамъ (3). Изъ уцѣлѣвшихъ сочиненій Даніила два написаны имъ еще въ санѣ игумена, именно: поученіе къ братіи волоколамскаго монастыря и посланіе къ князю Юрію Ивановичу.—Другія сочиненія не представляютъ указаній, когда они писаны, и могли быть написаны авторомъ и въ санѣ игумена и въ санѣ митрополита. Но большая часть сочиненій написана несомнѣнно уже митрополитомъ Даніиломъ. Первое собраніе своихъ сочиненій сдѣлалъ самъ Даніилъ подъ именемъ «Соборника», въ которомъ помѣстилъ 16-ть своихъ словъ (4). Вскорѣ за тѣмъ собраны

(3) Въ одномъ изъ своихъ словъ онъ говоритъ: „слышасте преждеегда къ вашей любве побесѣдовати сподобихомся, таже вчера и нынѣ глаголахомъ о любви, яже къ Богу и къ искреннимъ; и о прочихъ дѣлаяіихъ заповѣдей Господнихъ,—и паки бесѣдую любви вашей, елико возмогаю по худости своей". Другое слово начинаетъ: „пали имемся евангельскаго ученія, пакп поучимся по Христовыхъ словесехъ, паки полюбомудрствуемъ въ заповѣдѣхъ Господнихъ.... (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 158. 159). Въ посланіи къ неизвѣстному, впавшему въ тяжкое беззаконіе, пишетъ: „о семъ *множицею писахъ* тебѣ, да престанеши отъ таковаго зла; ты же паки въ безстрашіи Божіи пребываеши и жируеши, яко скотъ". Въ посланіи къ другому неизвѣстному выражается: «тебѣ возлюбленному и духовному моему и *прежде сего множицею глаголахъ*, и паки *нынѣ такожде глаголю*: отрини отъ себе лукавство и нечеловѣколюбіе» и проч. Въ посланіи къ третьему неизвѣстному: «аще *многажды бесѣдовахъ* любви твоей, аще и изъявлялъ вмалѣ нѣчто притчею, но ни чтоже успѣхъ, самому ти не подщавшуся на се». (Рукоп. Сборн. нашей библ. № 95. л. 44 об. 49. 51).

(4) Списокъ этого Сборн. XVI-го в. находится въ библ. Моск. Д. Акад., № 197; списки XVIII-го в.—въ библ. Моск. Синод., № 237 (Опис. II, 3, 147 и слѣд.) и въ бывшей библ. Царскаго, № 676 (Опис. 772—725). Съ перваго списка снятъ списокъ и нашей библ. № 94, которымъ мы пользовались.

были неизвѣстнымъ двѣнадцать посланій Даніила вмѣстѣ съ поученіемъ его къ братіи волоколамскаго монастыря, и это собраніе сохранилось въ спискѣ XVI вѣка (5). Остальныя два слова и четыре посланія Даніила, не вошедшія въ составъ означенныхъ сборниковъ, встрѣчаются порознь въ разныхъ рукописяхъ.

I.

«Соборникъ» митрополита Даніила представляетъ собою нѣчто цѣлое и составленъ, несомнѣнно, по образцу «Просвѣтителя» преп. Іосифа Волоколамскаго (6). Какъ Іосифъ въ своемъ «Просвѣтителѣ» желалъ дать православнымъ руководство, направленное противъ господствовавшей тогда ереси жидовствующихъ и ихъ заблужденій, и въ предисловіи въ своей книгѣ написалъ: «аще кому что потребно будетъ противу еретическимъ рѣчемъ, и благодатію божіею обрящетъ готово въ коемъждо словѣ»: такъ и Даніилъ желалъ дать въ своемъ «Соборникѣ» подобное же руководство своимъ духовнымъ чадамъ, направленное вообще противъ заблужденій и недостатковъ современнаго ему общества, и въ предисловіи къ своей книгѣ написалъ: «аще что кому ключаемо будетъ, или противу еретическихъ рѣчей, или межи православныхъ нѣкое стя-

(5) Списокъ XVI-го в.—въ Новгород. *Соф. библ.* (нынѣ С.-Петербургской Д. Акад.), № 1281; списокъ XVI—XVII-го в.—въ той же библ., № 1456. Съ перваго списка списаны — списокъ Румянц. *Муз.* № 89 (Опис. 158—159) и списокъ нашей библ., № 95.

(6) Съ содержаніемъ и направленіемъ Даніилова Соборника можно познакомиться изъ статьи Г. Бѣляева: „Даніилъ митрополитъ Московскій“ (Извѣст. II-го отд. Академіи Наукъ, V, 192—207). Подробное же описаніе этого Соборника помѣщено въ *Опис.* рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 147—164.

заніе и рѣчи, и благодатію божіею обрящетъ готово безъ труда въ коемъждо словѣ, противу бываемыхъ которыхъ винъ, къ благоугожденію Божію и пользѣ душамъ». Какъ Іосифъ въ своемъ «Просвѣтителѣ», кромѣ словъ, вновь составленныхъ, помѣстилъ и нѣкоторыя слова, написанныя имъ прежде, и тѣ и другія соединилъ только общимъ предисловіемъ и подробнымъ оглавленіемъ: такъ и Даніилъ въ своемъ «Соборникѣ» помѣстилъ, вмѣстѣ съ словами, нарочито составленными для «Соборника», и нѣкоторыя слова, произнесенныя имъ прежде, и соединилъ тѣ и другія только общимъ предисловіемъ и подробнымъ оглавленіемъ. Іосифъ помѣстилъ въ «Просвѣтителѣ» 16 словъ, и Даніилъ въ «Соборникѣ» 16, а кромѣ того, при составленіи своего седьмаго слова, Даніилъ несомнѣнно воспользовался четвертымъ словомъ Іосифа и привелъ изъ него буквальную выписку. Не говоримъ уже о томъ, что и Іосифъ и Даніилъ, какъ сами неоднократно повторяютъ, составили свои слова не отъ себя, не отъ своихъ мудрованій, а собрали преимущественно отъ божественныхъ писаній: это черта общая у писателей того времени, хотя выказывавшаяся и не въ одинаковой степени. Поводомъ къ составленію «Соборника» митрополитомъ Даніиломъ послужили просьбы какихъ-то «богомудрыхъ» христіанъ, которые обратились къ нему со многими вопросами: по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе этихъ именно просьбъ написаны первое и нѣкоторыя другія слова «Соборника» (7).

(7) Въ началѣ перваго слова Даніилъ говоритъ: „преблагаго Бога благодатію..., потщахся, елико възмогохъ, прошенія ваша исполнити, богомудріи; многи же образи въпрошенія вашего, азъ же къ отвѣту худъ есмь"... А въ концѣ слова: „о сихъ всѣхъ и о другыхъ, исперва даже до здѣ, якожъ увѣща мя любовь ваша...., отъ божественныхъ пи-

Предисловіе къ «Соборнику» распадается на двѣ части. Въ первой, помѣщенной въ самомъ началѣ книги, Даніилъ говоритъ: «прилучися мало нѣчто и намъ, Христовою благодатію, духовнымъ чадомъ духовную трапезу въ напитаніе и въ наслажденіе предложити». И за тѣмъ объясняетъ, что сдѣлалъ это «не дерзостнымъ умомъ» своимъ,—ибо знаетъ свою нищету,—а изъ боязни подпасть осужденію раба лукаваго и лѣниваго, которому надлежало вдать сребро свое купцамъ; по чистой любви, которой свойственно заботиться не о себѣ только, но и о ближнихъ, и не объ однѣхъ тѣлесныхъ, но и о духовныхъ ихъ потребностяхъ; наконецъ, по сознанію своего пастырскаго долга, обязывающаго пастырей прилежно питать своихъ пасомыхъ христіанскимъ ученіемъ, и что вслѣдствіе всего этого онъ потрудился собрать отъ божественныхъ писаній—отъ св. евангелія, отъ апостолъ и пророкъ и отъ св. отецъ, и сочетать вмѣстѣ истинныя ученія, разумѣнія и преданія въ душевной пользѣ всѣхъ; а чтобы удобнѣе было отыскивать каждое изъ словъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, онъ и предлагаетъ подробное ихъ оглавленіе. Во второй части предисловія, слѣдующей за этимъ оглавленіемъ и начинающейся общимъ заглавіемъ книги: «Грѣшнаго и худаго инока Даніила, митрополита всеа Русіи Съборникъ, събранъ отъ божественныхъ писаній, сказаніе извѣстно имѣа по главамъ коегождо слова», Даніилъ продолжаетъ, что цѣль его «Сборника» та, чтобы, во время споровъ съ еретиками и состязаній между самими православными, всякъ безъ труда могъ находить го-

саній събравъ, написахъ любви вашей; о другыхъ же, яже въ нихъ, явлена будутъ напреди, Богу помогающу и Того рождьшія".

товое въ каждомъ словѣ, въ чемъ будетъ нуждаться, къ благоугожденію Божію и пользѣ душамъ, и проситъ списывать его книгу, кто пожелаетъ, со всею правильностію и точностію, не глумиться надъ содержаніемъ книги,—ибо онъ не отъ себя написалъ ее, а собралъ отъ божественныхъ писаній,—и простить его, если въ книгѣ обрящется, ради его «неразуміа и невѣжества», что-либо неугодное Богу и неполезное душѣ.

Между словами, помѣщенными въ «Соборникѣ», незамѣтно никакой наружной связи. Но всѣ они связаны внутренно одною главною мыслію, однимъ преобладающимъ направленіемъ противъ современныхъ недостатковъ русскаго общества, хотя есть между ними въ этомъ отношеніи и нѣкоторая разность. Въ однихъ словахъ Даніилъ вооружается преимущественно противъ вольномыслія въ дѣлахъ вѣры и церкви, господствовавшаго тогда у насъ вслѣдствіе движенія, возбужденнаго ересію жидовствующихъ, и убѣждаетъ православныхъ блюстися отъ ложныхъ учителей, стоять твердо за истину, соблюдать всѣ церковныя преданія, писанныя и неписанныя, и разсматриваетъ нѣкоторыя частныя истины вѣры и преданія, вѣроятно, наиболѣе подвергавшіяся тогда пререканіямъ. Въ другихъ же словахъ ратуетъ преимущественно противъ современнаго развращенія нравовъ, противъ пороковъ, усилившихся въ разныхъ сословіяхъ, и рѣшаетъ нѣкоторые практическіе вопросы, занимавшіе тогда наше общество. Говоримъ: *преимущественно* — потому, что въ словахъ Даніила нѣтъ строгаго единства, и, излагая въ каждомъ словѣ одинъ или два главныхъ предмета, онъ нерѣдко касается и другихъ предме-

товъ, *или* вдается въ общія соображенія и обличенія относительно вѣры и нравственности. Планъ во всѣхъ словахъ «Соборника» одинъ и тотъ же. Каждое слово состоитъ изъ трехъ частей: въ первой излагается не вступленіе только къ слову, но и самое содержаніе его, или излагается кратко все слово; во второй приводятся относящіяся къ слову мѣста изъ св. писанія вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ, мѣста изъ твореній св. отцевъ, изъ правилъ соборныхъ, богослужебныхъ книгъ, сочиненій и житій святыхъ, патериковъ и разныхъ другихъ сборниковъ, употреблявшихся у насъ; въ третьей, которая въ каждомъ словѣ надписана: *наказаніе*, преподаются нравственные уроки, наставленія, обличенія, убѣжденія. Въ первой и третьей части каждаго слова Даніилъ говоритъ самъ, выражаетъ собственныя мысли, хотя и пользуется по мѣстамъ текстами библіи и изреченіями отцевъ; во второй онъ только представляетъ чужія свидѣтельства, располагаетъ ихъ по своему усмотрѣнію, безъ всякой между ними связи, и отъ себя не прибавляетъ и не говоритъ ничего. Свидѣтельства эти по большей части кратки, но нерѣдко обширны, даже очень обширны, а иногда между ними встрѣчаются цѣлыя посланія какого-либо собора или учителя церкви и цѣлыя историческія повѣствованія. Можно по справедливости сказать, что вторая часть въ словахъ «Соборника» Даніилова, самая обширная, есть не болѣе, какъ рядъ документовъ, которые собралъ и привелъ авторъ въ подтвержденіе или поясненіе своихъ мыслей, безъ всякой перемѣны, и которые удобно могутъ быть выдѣлены цѣликомъ изъ каждаго слова и помѣщены особо, на концѣ слова, въ качествѣ приложеній къ нему.

А первая и третья части въ этихъ словахъ представляютъ собою рядъ собственныхъ сочиненій митрополита Даніила, болѣе или менѣе краткихъ, которыя могутъ быть разсматриваемы независимо отъ второй части каждаго слова и почти всѣ имѣютъ самостоятельное значеніе. Замѣчательно, что самъ авторъ, во многихъ своихъ словахъ первую часть (не говоримъ уже о послѣдней) заключаетъ нравственными убѣжденіями и словомъ *аминь*, какъ нѣчто цѣлое, какъ поученіе законченное, и за тѣмъ уже, безъ всякаго перехода и связи, начинаетъ приводить рядъ свидѣтельствъ, болѣе или менѣе относящихся къ этому поученію или къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мыслямъ, въ немъ изложеннымъ. Невольно рождается мысль, что поученія свои, помѣщенныя въ первой и послѣдней части словъ, Даніилъ могъ произносить, а нѣкоторыя, какъ увидимъ, несомнѣнно произносилъ въ церкви къ народу; свидѣтельства же, многочисленныя и разнообразныя, иногда крайне обширныя, помѣщенныя безъ всякой связи во второй части словъ, онъ собралъ уже въ то время, какъ составлялъ свой «Соборникъ» и назначалъ его собственно для назидательнаго чтенія православнымъ христіанамъ.

I. Въ первыхъ четырехъ словахъ Даніилъ старается раскрыть какбы самыя начала, которыхъ должны держаться православные, чтобы охранять себя отъ лжеученій и лжеучителей.

«Должно и учить и вѣровать, и поступать, по свидѣтельству божественныхъ писаній, а не по мудрованіямъ плотскимъ, человѣческимъ»—такова основная мысль *перваго* слова ([8]). Посему, продолжаетъ Дані-

([8]) Заглавіе его: «Слово 1, отъ свидѣтельства божественныхъ пи-

нія, молю всѣхъ, учащихъ и учимыхъ, бѣгать плотскихъ мудрованій и неразумныхъ состязаній. Если же случится имѣть изысканіе о чемъ-либо богословномъ, будемъ вести состязанія съ любовью и осторожно, не поносся и не укоряя другъ друга; или если произойдетъ распря о предметахъ церковныхъ и о какихъ либо догматахъ, то надобно тихо и кротко приводить для рѣшенія ея истинныя разсужденія, по свидѣтельству божественныхъ писаній и отеческихъ преданій. А кто развращаетъ положенные отъ Св. Духа законы, отвергаетъ древніе отеческіе благіе обычаи и вводитъ новыя узаконенія, подобно древнимъ еретикамъ, на погибель рода человѣческаго, съ такими лучше не имѣть мира, отлучающаго насъ отъ Бога. Такихъ нужно остерегаться, какъ ложныхъ пророковъ и ложныхъ учителей: они хотя и сладко бесѣдуютъ, но все это ложь, лесть, лицемѣріе, лукавство; они помышляютъ только о томъ, чтобы прельстить насъ, увлечь, погубить... Слѣдуетъ намъ *ходить въ премудрости*, какъ повелѣваетъ апостолъ, и *искушать, что есть воля Божія, благая и совершенная*, и *не мудрствовать паче, неже подобаетъ мудрствовати*, но мудрствовать въ цѣломудріи, какъ приняла св. церковь отъ Бога и отъ св. апостоловъ и отъ преподоб-

---

саній, яко внимати подобаетъ отъ ложныхъ пророкъ и отъ ложныхъ учителей, и яко отъ сего познавается ложный учитель и ложный пророкъ, отъ еже не учити отъ божественныхъ писаній, но отъ злобы своего сердца, по лукавству діаволю, на пагубу многимъ, и яко пребываетъ кто въ евангельскомъ поученіи, иже по немъ мудрствуяй и дѣйствуяй, уклоняетъ же себе отъ него, еже сопротивная мудрствуя и дѣйствуя, и яко послѣдующая божественнымъ и законнымъ писаніемъ не достоитъ испытовати глаголющихъ, или пишущихъ, аще кто богословнѣ богодухновенная писанія сказуетъ, и ничтоже томѵ можетъ возбранити, зане слово Божіе не вяжется».

ныхъ отцевъ. Надобно внимательно читать божественныя писанія, избирать изъ нихъ истинныя разумѣнія и разсужденія и быть готовыми къ отвѣту всякому вопрошающему насъ о нашемъ упованіи... «Не лѣнимся же, братіе мои,—такъ заключаетъ первую часть этого слова Даніилъ, — дѣлать и хранить заповѣди Христовы и соберемъ себѣ богатство отъ чтенія божественныхъ писаній: ибо великое богатство бываетъ отъ чтенія божественныхъ словъ, если мы творимъ то со смиреніемъ и кротостію, бѣгая плотскаго мудрованія и презорства». Приведши за тѣмъ во второй части до семи текстовъ св. писанія съ толкованіями на нихъ, довольно обширными, изъ Златоуста, Ѳеофилакта Болгарскаго и толковыхъ Евангелія и Апостола, также краткія изреченія св. отцевъ и учителей— Ефрема Сирина, Ѳеодора Студита, Василія Великаго, Никона Черногорца, Аѳанасія Великаго и Дидима, Даніилъ въ послѣдней части слова убѣждаетъ православныхъ во всемъ, что мы ни говоримъ и ни дѣлаемъ, имѣть свидѣтельство отъ божественныхъ писаній и не прельщаться умышленіями человѣческими. «Ибо, говоритъ, божественныя писанія повсюду всѣмъ волю Божію возвѣщаютъ, а человѣческія плотскія мудрованія ведутъ въ пропасть адову; благія бесѣды отъ св. писаній, какъ замѣчаетъ св. Исаакъ, возбуждаютъ душу къ животу, искореняютъ страсти, прогоняютъ скверные помыслы, а злыя бесѣды потемняютъ умъ и растлѣваютъ добрые обычаи... Постараемся же со страхомъ и любовію поучаться въ божественномъ писаніи, и не просто прочитывать божественныя писанія, но съ великимъ любомудріемъ упражняться въ нихъ. Ибо самъ Господь, божественные

апостолы и святые отцы принуждаютъ насъ съ любомудріемъ испытывать божественныя писанія, а св. Златоустъ изрекаетъ даже страшный глаголъ, что никто не можетъ спастися, если не часто наслаждается чтеніемъ духовнымъ... Ничего да не творимъ и не говоримъ по человѣческимъ плотскимъ волямъ, но что ни творимъ или говоримъ, все да бываетъ по волѣ Божіей, по писанію святыхъ, по законоположенію блаженныхъ отцевъ и какъ имѣетъ уставъ и благой обычай св. соборная, апостольская церковь...»

«Должно подвизаться за истину, стоять за правду и божественныя заповѣди твердо и непоколебимо, даже до смерти»,—такова главная мысль втораго слова ([9]). Кто печется о истинѣ, разсуждаетъ авторъ, тотъ всячески законъ Божій исполнитъ. Если ты, увидѣвъ враждующихъ другъ на друга вопреки волѣ Божіей, примиришь ихъ и приведешь въ соединеніе, или, увидѣвъ другихъ, любящихъ другъ друга къ нарушенію закона Божія, устроишь между ними ненависть, разорвешь ихъ грѣховное соединеніе, — въ обоихъ этихъ случаяхъ ты совершаешь волю Божію. Если и поропщутъ и соблазнятся нѣкоторые, но ты не смущайся, не унывай и даже до смерти стой за божественныя заповѣди. Если же снизойдешь до угожденія людямъ, эти самые люди укорятъ тебя и посмѣются твоему неразумію... А если станешь за правду твердо и не-

(9) Заглавіе его: «Яко нелѣпо есть враждовати другу на друга, но и инѣхъ враждующихся смиревати, и яко не всюду есть миръ добро, *блажени* бо, рече, *изгнани правды ради*, и якоже иже за правду страдавый блаженъ есть, за самое же зло страдаяй беззаконенъ есть; невозможно же благихъ дѣлъ прилежащому отъ всѣхъ слышати добро: такоже и о истинѣ стоящому не много имѣти враги. Но аще о сихъ и соблажняются нѣцыи, не устрашатися подобаетъ, но тверду быти и непоколебиму. Слово 2».

поколебимо, то хотя сначала и не покорятся, но послѣ «почудятся и похвалятъ непреложную крѣпость твоей ревности о Господѣ»... Надобно однакожъ сознаться, что вообще слово это составлено неудачно. Въ первой части его, довольно краткой, главная мысль раскрыта мало и перемѣшана съ другими мыслями, побочными и сторонними. Во второй части приведенныя свидѣтельства (а ихъ приведено здѣсь, кромѣ трехъ мѣстъ изъ библіи съ толкованіями Златоуста и Ѳеофилакта, болѣе десяти, именно: собора пято-шестаго и учителей церкви Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Нила, Василія Великаго, Исихія, Кирилла, Исидора и Аѳанасія, нѣкоторыхъ по два и по три) относятся не столько къ главной мысли слова, сколько къ мыслямъ вносным, стороннимъ. Наконецъ, послѣдняя часть слова, кажется, не имѣетъ никакой связи съ двумя предшествовавшими и начинается такъ: «се вмалѣ къ любви вашей потрудившеся събрахомъ отъ божественныхъ писаній; принесемъ же вмалѣ нѣчто глаголъ и о пастырехъ», хотя, конечно, наставляя всѣхъ вѣрующихъ ревновать о истинѣ и правдѣ, авторъ естественно могъ вспомнить и о пастыряхъ, которые по преимуществу обязаны быть ревнителями вѣры и благочестія. За то эта послѣдняя часть, по видимому, только приставленная къ слову въ качествѣ заключенія, сама собою образуетъ особое, полное и обстоятельное слово, обращенное къ пастырямъ, и по самой обширности своей вовсе непохожа на обычныя заключенія. Тутъ, пользуясь нерѣдко текстами библіи и изреченіями св. отцевъ, митрополитъ говоритъ и объ обязанностяхъ пастырскаго служенія, и объ его страшной отвѣтственности,

и о трудностяхъ его, и о высокихъ наградахъ, ожидающихъ добрыхъ пастырей,-опредѣляетъ характеръ ихъ дѣятельности, предметъ ихъ проповѣди, наставляетъ ихъ, обличаетъ, убѣждаетъ. Пастырь поставляется для того, учитъ архипастырь, чтобы исправлять невѣдѣніе и нечувствіе другихъ, и заступать ихъ, и оберегать, и провозвѣщать имъ приближеніе бѣсовской рати. Онъ не можетъ оправдываться невѣдѣніемъ или прикрываться лицемѣрно чѣмъ-либо другимъ, не можетъ сказать: я не уразумѣлъ, даже не слышалъ трубы, не уразумѣлъ и не видѣлъ брани и козней лукаваго. Затѣмъ и взошелъ онъ на пастырскій степень и сѣлъ на святительскій престолъ, да не печется ни о чемъ иномъ, какъ только учить людей богопознанію и благочестію, незлобію и нелихоимству, и чтобы они не насильствовали, не грабили, не лукавили, не клеветали, не завидовали. Согрѣшающихъ, но кающихся, онъ долженъ прощать, а согрѣшающихъ непослушныхъ—запрещать и обличать. Дѣло истинныхъ пастырей провозвѣщать могущія постигнуть насъ наказанія и до смерти и послѣ смерти... Любопытны обличенія Даніила современнымъ пастырямъ: «многіе прелестники вошли въ міръ, но истинные пастыри положили души свои за овецъ, не предавая ихъ на расхищеніе волкамъ. А худые и лѣнивые пастыри, каковъ, увы мнѣ, и я, упасли себя и расширили чрева свои брашнами и пьянствомъ. Заблудшихъ не направили на путь, погибшихъ не взыскали, прельщенныхъ не обратили, сокрушенныхъ не врачевали, недужныхъ не исцѣлили, строптивымъ не воспретили, безчинныхъ не обличили и нимало не пеклись объ исцѣленіи овецъ;

но себя упасли, овецъ же не пасли и всѣ пастырскія дѣла презрѣли. Устремились только на славу и честь, и упокоеніе, и чтобы ѣсть и пить сладкое, дорогое и лучшее, и на тщеславіе и презорство, и на воспріятіе мзды, а душеполезнаго ученія и врачеванія не сотворили овцамъ»... И въ другомъ мѣстѣ: «зачѣмъ, братіе, гордимся, и возносимся, и сами себя прельщаемъ, ища власти игуменства или епископства, будучи страстными и неспособными взойти на такую высоту? Для чего мы этого ищемъ? Для того ли, чтобы ѣсть и пить многоразличное, и дорогое, и самое сладкое; или чтобы собирать золото и серебро, богатство и имѣнія; или чтобы веселиться и прохлаждаться, и возноситься, составлять пиры и созывать на обѣдъ славныхъ и богатыхъ, и напрасно истощать на тунеядцевъ церковные доходы, которые нужны церкви и людямъ церковнымъ, и страннымъ и нищимъ? А мы презираемъ это, и церковные доходы изъѣдаемъ со славными, и богатыми, и тунеядцами, надмеваясь гордостію и тщеславіемъ и заботясь всею душею только о настоящемъ. И думаемъ, что мы пастыри и учители, что истинно правимъ слово Божіе и наставляемъ родъ человѣческій ко спасенію. Нѣтъ, братіе, нѣтъ». Еще любопытнѣе изображеніе того, какъ относились у насъ къ пастырямъ нѣкоторые изъ тогдашнихъ христіанъ: «вездѣ и всюду бѣды и скорби пріемлютъ отъ всѣхъ пастыри. Когда видитъ нѣкоторыхъ людей говорящихъ неподобное или дѣлающихъ законопреступное, и если наставитъ ихъ и воспретитъ непослушнымъ, то многую ненависть воздвигнутъ на него, подымаются, хапаютъ, досаждаютъ, сшиваютъ ложныя *испераніа* (?),

клеветы, студъ, укоризны, и еслибы *имъ было возможно*, то умертвили бы его: такъ прельщаетъ ихъ сатана своими лукавствами! Когда же пастырь снова начнетъ учить ихъ, говоря: о чада, такъ и такъ творите, какъ повелѣваютъ намъ Христовы заповѣди и прочія божественныя писанія, они отвѣчаютъ, говоря: прежде себя научи, ибо написано: *начатъ Іисусъ творити же, тиже и учити*. Иногда же говорятъ: до чего ты доучишь насъ; ты самъ по писанію ли хранишь житіе; а онъ, а сей по писанію ли живутъ? Только на насъ вооружился, а тѣхъ не видишь ли, а себя забылъ? О, отче, отче, какъ тебѣ не срамно? Учитель снова начнетъ учить отъ божественнаго писанія, а они говорятъ: о, учитель нашъ, какъ фарисей, тщеславится; видишь ли, какъ онъ думаетъ о себѣ; видишь ли, какъ презорствуетъ; видишь ли, какъ гордится. Это и подобное и иное тьмочисленное говорятъ, ничего не стыдясь: такъ обезсрамилъ ихъ сатана! Когда же пастырь, усмотрѣвъ время, строго воспретитъ нѣкоторымъ на спасеніе ихъ, они станутъ говорить: это не поотечески, не попастырски, не учительски; это обычай безчинныхъ, и развращенныхъ, и человѣконенавистныхъ, и мучительскій, а не отеческій и учительскій. Если же кто, сѣдя на пастырскомъ и учительскомъ сѣдалищѣ, будетъ простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ, то скажутъ: этотъ человѣкъ простой, келейный, а не властительскій; не его дѣло учить и запрещать. Если бы кто изъ любомудрыхъ захотѣлъ изчислить и предать писанію пастырскія страданія, и молвы, и смущенія, то для этого потребовалось бы цѣлаго года». Предметъ пастырской проповѣди Даніилъ обозначилъ общими чертами,

повторяя свою любимую мысль: «будемъ стараться говорить не отъ себя, но отъ божественныхъ писаній, евангельскихъ заповѣдей и апостольскихъ, и отъ священныхъ правилъ вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ, и особо блаженныхъ мужей, и отъ преданій, и житія, и обычая богоносныхъ отцевъ. Ничего не будемъ говорить сторонняго и чужаго, но да любомудрствуемъ, и говоримъ, и весь свой разумъ да полагаемъ въ томъ, что приняла отъ Бога, и отъ св. апостоловъ, и отъ преподобныхъ отцевъ, св. соборная, апостольская церковь и, принявъ, передала намъ». Очень могло быть, что это поученіе къ пастырямъ Даніилъ составилъ особо и, при случаѣ, произнесъ къ нимъ, но потомъ, съ какими-либо измѣненіями, внесъ въ свой «Соборникъ» въ видѣ заключенія ко второму слову.

Въ *третьемъ* словѣ Даніилъ раздѣльнѣе выражаетъ свои мысли, положенныя въ основу двухъ предшествовавшихъ словъ, какбы объясняя, что́ разумѣть подъ тѣми божественными писаніями, которыхъ мы должны постоянно держаться, и подъ тою истиною и божественными заповѣдями, за которыя должны стоять твердо и непоколебимо. Онъ учитъ: «Христосъ, возносясь на небеса, оставилъ апостоламъ два завѣта—ветхій и новый, а апостолы и за ними св. отцы узаконили и передали церкви двоякаго рода преданія—писанныя и неписанныя; потому мы должны непреложно соблюдать всѣ церковныя преданія, писанныя и неписанныя, узаконенныя намъ отъ св. апостоловъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ» (10). Въ

(10) Заглавіе этого слова: «Яко, восходя Господь на небеса, вдаде апостоломъ два завѣта, ветхый и новый; сія пріемше святіи апостоли,

самомъ словѣ, и именно въ первой части его, авторъ сначала перечисляетъ многія преданія, преимущественно неписанныя, или, по его выраженію, «различныя устроенія, чины и уставы, правила и законы», преданныя церкви апостолами и св. отцами и касающіяся то церковнаго управленія, то церковнаго богослуженія, въ частности-литургіи, таинствъ и разныхъ требъ, также праздниковъ, постовъ, монашества, почитанія св. иконъ и св. мощей. Потомъ кратко замѣчаетъ, что за эти, какъ и за всѣ другія священныя преданія, относящіяся къ нашей божественной вѣрѣ, много потрудились и мужественно постояли предъ царями и мучителями сами св. апостолы, св. отцы и мученики, не щадя своей жизни, и многіе другіе благочестивые христіане, которые, презирая міръ съ его славою, честію и прочими благами, всѣ свои желанія и разумъ посвящали вѣрѣ во Іисуса Христа, которую приняли отъ св. апостоловъ и св. отцевъ. Наконецъ, обращаясь къ современному христіанину, говоритъ: «а ты, видя и слыша говорящихъ неподобное и презирающихъ церковные законы и уставы, не воспрещаешь, не возбраняешь и не заграждаешь ихъ скверныя уста. И не только не воспрещаешь имъ, а услаждаешься тѣмъ и другихъ на то понуждаешь. Когда слышишь слово Божіе читаемое, или кого-либо говорящаго отъ божественныхъ писаній, то затыкаешь, какъ аспидъ, уши свои, будучи помраченъ прелестію сатаны. Когда слышишь,

таже по нихъ церковніи пастыріе и учители, иже вси духомъ божественнымъ наставляеми ова убо оставиша, ова же узаконоположиша и предаша святѣй церкви; сія вся церковная преданія, писанная и неписанная, узаконенная намъ отъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, непреложно подобаетъ соблюдати. Слово 3».

что собираются въ божественную церковь на молитвы и моленія, ты отбѣгаешь, какъ звѣрь, и пронырствуешь, какъ змій, и лаешь на братію, какъ песъ, и валяешься въ нечистотѣ, какъ свинья въ грязи. И блаженную совѣтницу твою, разумѣю совѣсть, совѣтующую и говорящую тебѣ благое, ты попралъ, и отринулъ, и испепелилъ. Объѣдаешься и пьянствуешь, какъ скотъ, и злопамятуешь на братію, какъ сатана. И когда, срама ради, войдешь въ божественную церковь, то не знаешь, зачѣмъ пришелъ, зеваешь, потягиваешься, поставляешь ногу на ногу, выставляешь и потрясаешь бедра и кривляешься, какъ похабный. А объ умѣ твоемъ что и говорить? Ничего не найти въ тебѣ, ни памяти о грѣхахъ, ни памяти о смерти и о томъ, что по смерти, ни памяти о страшномъ судѣ, ни памяти о нестерпимыхъ безконечныхъ мукахъ; а о царствіи небесномъ и о раѣ не только не вспоминаешь, но отступаешь и отъ тѣхъ, кто говоритъ о нихъ, и стоишь, какъ безчувственный, не слушая ни читающихъ, ни поющихъ. Считаешь лихвы и богатство, управляешь домами, говоришь о женѣ, о дѣтяхъ, о рабахъ, и превозносишься, какъ другой сатана. Всѣхъ людей называешь безумными и грѣшными, только себя разумнымъ и премудрымъ являешь всѣмъ, и думаешь вѣчно жить въ прелестномъ семъ вѣкѣ, какъ безсмертный. Зломыслишь, ненавидишь, завидуешь, лукавнуешь на созданныхъ по образу Божію людей, и осуждаешь, и клевещешь, и многое другое злое совершаешь. Называешься христіаниномъ, но если не исправишься, то не знаю, какъ назовешься истиннымъ христіаниномъ»... Впрочемъ, желая какбы смягчить свои рѣз-

кія обличенія, проповѣдникъ присовокупляетъ: «я говорю это, не осуждая и не укоряя кого-либо, а возставляя свою лѣность и возбуждая себя и другихъ къ исполненію заповѣдей Господнихъ, да, подвизавшись добрымъ подвигомъ и скончавши блаженное теченіе, получимъ всѣ вмѣстѣ тѣ блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его, Ему же слава во вѣки вѣковъ, аминь». Во второй части слова, кромѣ двухъ библейскихъ текстовъ съ толкованіями на нихъ, приведены правила седьмаго вселенскаго собора и выписки изъ отцевъ и учителей церковныхъ — Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Василія Амасійскаго, Іоанна митрополита никейскаго, Никона Черногорца, изъ толковаго Евангелія, изъ житія св. Иларіона Меглицкаго, изъ многосложнаго Свитка, и изъ этихъ свидѣтельствъ одни выражаютъ мысль, что намъ даны два завѣта, ветхій и новый; другія,—что намъ даны двоякаго рода преданія, писанныя и неписанныя, которыя должно сохранять, а третьи перечисляютъ самыя преданія болѣе или менѣе подробно, или останавливаются на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ послѣдней части, весьма краткой, авторъ говоритъ только, что онъ собралъ эти свидѣтельства на пользу себѣ и ближнимъ, къ истинному извѣщенію правой вѣры, да постараемся соблюдать всѣ преданія, писанныя и неписанныя, съ правою вѣрою и чистымъ житіемъ, для полученія вѣчныхъ благъ.

Четвертое слово служитъ какбы продолженіемъ третьяго или прибавленіемъ къ нему ([11]). Здѣсь, въ

([11]) Заглавіе: „Яко пріяхомъ преданія писаная и неписаная, и да знаменуемъ лице свое крестообразно, и еже на востокъ обращатися въ молитвахъ, и зрѣти сице, и покланятися. Слово 4“.

первой части, Даніилъ повторяетъ прежнюю общую мысль о преданіяхъ: «должно неуклонно сохранять всѣ преданія, писанныя и неписанныя». Съ этою цѣлію онъ въ началѣ учитъ, чтобы не только пастыри и иноки, но и міряне, какъ можно чаще читали божественныя книги: такъ какъ чрезъ чтеніе ихъ пріобрѣтается познаніе о Богѣ и о всемъ, чему учили пророки, апостолы и св. отцы, о всѣхъ преданіяхъ, писанныхъ и неписанныхъ, которыя приняла св. церковь; кромѣ того чтеніе это прогоняетъ печаль, веселяетъ радость, убиваетъ злобу, истребляетъ страсть, возбуждаетъ къ добродѣтели, возноситъ отъ земнаго къ небесному и вообще умудряетъ во спасеніе. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ убѣждаетъ всѣхъ, духовныхъ и мірянъ вскаго чина, возраста, пола и состоянія, ревностно соблюдать законы и уставы и всѣ преданія, писанныя и неписанныя, которыя приняла церковь,—не принимать и чуждаться законовъ новыхъ и развращенныхъ, преданій хульныхъ и душепагубныхъ, и постоянно упражняться въ исполненіи заповѣдей Божіихъ и во взаимной христіанской любви, чтобы удостоиться вѣчныхъ благъ. Во второй части слова рѣчь идетъ, въ частности, только о двухъ преданіяхъ: о крестномъ знаменіи и о поклоненіи на востокъ. Для раскрытія ученія о крестномъ знаменіи, о его значеніи, употребленіи и спасительныхъ, иногда чудесныхъ, дѣйствіяхъ приведены мѣста изъ сочиненій Василія Великаго, Аѳанасія, Петра Дамаскина, Оригена, Ѳеодорита, Ѳеодора, Евсевія, Златоуста, Ефрема Сирина, изъ толкованій на пророчество Іезекіиля и на евангеліе отъ Марка, изъ житія Ѳеодора Едесскаго, изъ сказаній Симеона Метафраста объ Іоаннѣ

Богословѣ, изъ канона на воздвиженіе честнаго креста и изъ какого-то неизвѣстнаго «слова, еже о крестящихся». Въ числѣ этихъ мѣстъ, къ сожалѣнію приведено и такъ называемое *Θеодоритово* свидѣтельство о двоеперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, внесенное потомъ въ Стоглавъ и служащее доселѣ однимъ изъ главныхъ основаній для упорства нашихъ раскольниковъ: знакъ, что это подложное свидѣтельство тогда уже существовало и встрѣчалось подъ именемъ Θеодорита въ употреблявшихся у насъ рукописяхъ, и что самъ Даніилъ принялъ свидѣтельство за подлинное и держался изложеннаго въ немъ ученія. Для подтвержденія же и объясненія другаго преданія—о поклоненіи на востокъ—приведены мѣста изъ Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Аθанасія Великаго и «отъ иныхъ книгъ», не сказано, какихъ. Наконецъ, въ третьей части слова, сказавъ, что церковь имѣетъ многія преданія и неписанныя, къ числу которыхъ принадлежатъ знаменіе крестное и поклоненіе на востокъ, проповѣдникъ присовокупляетъ, что древніе отцы и подвижники, особенно въ пустыняхъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ не было ни иконъ, ни храмовъ, молились всегда на востокъ, ожидая съ востока непрестанно втораго пришествія Господа Іисуса Христа и приготовляясь день и ночь къ срѣтенію Его; укоряетъ современныхъ христіанъ, что они помышляютъ только о земномъ и нимало не пекутся о небесномъ, и убѣждаетъ ихъ потрудиться въ настоящей жизни для жизни вѣчной, притекать во св. церковь, сокрушаться о грѣхахъ своихъ, упражняться въ чтеніи божественныхъ писаній и покланяться на востокъ, ибо отъ востока пріидетъ Хри-

стосъ, да и самъ Онъ называется востокомъ и на востокѣ былъ рай, древнее отечество наше... «Но ты, замѣчаетъ при этомъ святитель, свирѣпствуешь и скачешь, какъ будто хотя растерзать меня, и говоришь: знаю, знаю я это, еще и больше того знаю, и новое и ветхое. Благо тебѣ, любомудрый подвижниче, что ты знаешь многое, и ветхое и новое. Но для меня, худаго, не мало и то, чтобы отыскать что-либо для разрѣшенія недоумѣній. Нашедши это, я насыщаю себя и другимъ даю; а относительно тѣхъ, кто отметаетъ и попираетъ это, я имѣю божественное слово: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Матѳ. 7, 6)». Затѣмъ снова укоряетъ христіанъ, что они мудрствуютъ и пекутся только о земномъ, не памятуя ни о смерти, ни о судѣ, ни о вѣчномъ воздаяніи, упражняются въ сквернословіи и сатанинскихъ позорищахъ, враждуютъ, завидуютъ, лгутъ, нарушаютъ клятвы, любятъ слушать дьявольскія пѣсни и кощунства, и убѣждаетъ исполнять божественныя заповѣди для полученія вѣчныхъ благъ.

II. Раскрывъ въ первыхъ четырехъ словахъ тѣ общія начала, которыхъ должны держаться православные въ дѣлахъ своей вѣры и для охраненія себя отъ ересей и лжеученій, Даніилъ три послѣдующія слова посвящаетъ, въ частности, двумъ важнѣйшимъ догматамъ христіанства,—догмату о воплощеніи и догмату объ искупленіи или крестной смерти Спасителя, такъ какъ эти догматы наиболѣе подвергались тогда у насъ пререканіямъ со стороны жидовствовавшихъ еретиковъ и ихъ послѣдователей.

Въ первой части *пятаго* слова митрополитъ изла-

гаетъ православное ученіе о таинствѣ воплощенія, и, нельзя не сознаться къ чести автора, излагаетъ ясно и раздѣльно, языкомъ точнымъ и правильнымъ ([12]). Въ концѣ изложенія онъ прямо указываетъ на цѣль настоящаго своего слова: «да никто же будетъ еретикъ и да никтожъ пріиметъ злую и пагубную ересь *нетлѣнно-мнимую*, но да всякъ вѣруетъ и исповѣдуетъ совершенна Того (т. е. І. Христа) Бога и совершенна человѣка». Эту древнюю нетлѣнно-мнимую ересь, учившую, будто Сынъ Божій воспринялъ на Себя какую-то плоть, которая была нетлѣнна съ самаго Его воплощенія и только казалась подобною тлѣнной человѣческой плоти, какъ извѣстно, проповѣдывалъ у насъ тогда князь-старецъ Вассіанъ Косой, покровитель жидовствовавшихъ. Онъ упорствовалъ въ ней даже на соборѣ, судившемъ его, такъ что, для вразумленія вольнодумца, приведенъ былъ, по приказанію Даніила, цѣлый рядъ древне-отеческихъ свидѣтельствъ ([13]). Неудивительно, если противъ этого лжеученія, можетъ быть, имѣвшаго у насъ не мало и другихъ послѣдователей, кромѣ Вассіана Косаго, Даніилъ счелъ нужнымъ написать особое слово, и притомъ самое обширное изъ всѣхъ своихъ словъ. Во второй части этого слова, для доказательства и разъясненія ученія, что Іисусъ Христосъ, совершенный Богъ, есть вмѣстѣ совершенный человѣкъ и воспринялъ наше человѣческое естество со всѣми его свойствами, кро-

([12]) Заглавіе этого слова: „О воплощеніи Господа нашего Іисуса Христа, воистинну проповѣдуемъ Того совершенна Бога, и совершенна человѣка, а не яко злія еретицы нечествиво глаголютъ, по воплощеніи Господу нашему Іисусу Христу едино естество точію божества имѣти. Слово 5“.

([13]) Нашей Ист. Русск. Церк. VI, 201.

мѣ грѣха, авторъ привелъ а) до 18-ти текстовъ св. писанія, преимущественно новаго завѣта, съ толкованіями на нихъ; б) многіе отрывки изъ сочиненій св. отцевъ и учителей — Геннадія константинопольскаго, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія Великаго, Ѳеодорита, Тимоѳея пресвитера, Епифанія Кипрскаго, Косьмы пресвитера, Симеона новаго богослова, Григорія Неокесарійскаго, Григорія Нисскаго, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, Григорія амиритскаго, Ефрема Сирина,—большею частію, по два, по три и по нѣскольку отрывковъ изъ каждаго; в) цѣлое обширное посланіе Льва, папы римскаго, къ Флавіану, константинопольскому патріарху, и почти все обличительное слово на армянъ Іоанна, митрополита никейскаго; г) многія пѣсни изъ церковныхъ каноновъ и отрывки изъ требника, синаксарей, прологовъ и житій святыхъ; д) отрывки неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ авторовъ, какъ-то: отъ Свитка многосложнаго, отъ слова о чудесахъ пресвятыя Богородицы, отъ правильныхъ завѣщаній о четвертомъ соборѣ, отъ слова о четвертомъ соборѣ, отъ слова на рождество Христово, отъ Хрусовой повѣсти объ обрѣтеніи честнаго креста, отъ книги Іакова жидовина. Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь свидѣтельствъ суть тѣ же самыя, которыя были прочитаны, по приказанію митрополита Даніила, на соборѣ для вразумленія князя-старца Вассіана Косаго ([14]), а въ числѣ вновь приведенныхъ находятся и два свидѣтельства собственно-русскія: отрывокъ изъ похвальнаго слова митрополита Ила-

([14]) «Преніе Даніила съ старцемъ Васьяномъ», въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1847, IX, отд. IV, стр. 11—28.

ріона св. в. к. Владиміру и одна пѣснь изъ канона святителю Петру, митрополиту московскому. Въ послѣдней части слова Даніилъ сначала снова объясняетъ, почему и для чего написано оно. «Все это, говоритъ онъ, я собралъ изъ божественныхъ писаній любви вашей, богомудрые! Не престанемъ же наставлять себя и другъ друга, и порознь и въ бесѣдахъ, какъ проповѣдали пророки, научали апостолы и предали богоносные отцы, относительно воплощенія Іисуса Христа, да, *отрьвая и отськая отъ себя еретическій недугъ*, соблюдемъ ученіе и преданіе неповрежденнымъ. Если мы и не возможемъ наставить всѣхъ, то, насколько возможно, утѣшимъ словомъ и постараемся воздвигнуть долу лежащія души. Это дѣло пастырь долженъ считать важнѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ дѣлъ, т. е., чтобы учить и наставлять, и совѣтовать, и обращать на благое, и запрещать, и возбранять отъ злаго». За тѣмъ, обращаясь къ пасомымъ, продолжаетъ: «а насомыхъ дѣло, чтобы повиноваться во всемъ пастырю о Господѣ. Ты же пастыря презираешь и ни во что полагаешь; но развѣ не знаешь великой власти пастырей, которую приняли они отъ владыки-Христа, вязать и рѣшить на земли и на небеси»?... Далѣе слѣдуютъ общія нравственныя наставленія и обличенія до самаго конца: «зачѣмъ не плачемъ о многихъ нашихъ грѣхахъ? Зачѣмъ небрежемъ о цѣломудріи и чистотѣ и о прочемъ благоразуміи нашихъ дѣтей, рабовъ и рабынь, и нимало не печемся и не скорбимъ о спасеніи братіи нашей?... Поскорбимъ добровольно во временномъ семъ житіи, да возрадуемся вѣчно. Юнъ ли ты: тѣмъ прилежнѣе внимай, да, измлада научившись добродѣтельной жизни,

съ дерзновеніемъ войдешь въ радость Господа своего. Старъ ли ты: еще болѣе внимай, ибо отшествіе твое близко и конецъ неизвѣстенъ. Земледѣлецъ ли ты: отъ сего наиболѣе внимай, ибо земное смертно и тлѣнно, а будущее безсмертно и безконечно... Но ты все сказанное считаешь за басни, ибо ты безчувственъ и нохабенъ...; а помысли, сколько при твоей памяти отошло въ будущую жизнь, сколько до твоей памяти, и какъ скоро нынѣ текутъ другъ за другомъ въ вѣчное селеніе: безсмертнымъ ли себя считаешь»?...

Противъ таинства искупленія жидовствующіе еретики возражали: недостойно Бога такъ уничижаться—принять на себя человѣческую плоть и умереть на крестѣ; развѣ Богъ не могъ спасти человѣка иначе? На это возраженіе защитники православія, каковъ преп. Іосифъ Волоколамскій, отвѣчали, что для Бога, безъ сомнѣнія, все возможно и что Онъ могъ бы спасти человѣка иначе, но Онъ благоволилъ избрать такое, а не другое средство для нашего спасенія, чтобы показать свою безконечную благость и премудрость (Просвѣтитель, слово IV). Тѣ же мысли о благости и премудрости Божіей повторяетъ и Даніилъ; въ *шестомъ* словѣ онъ именно говоритъ о неизреченной благости или милости, которую показалъ Христосъ въ дѣлѣ нашего искупленія ([15]). И какъ истина эта для вѣрующаго сама собою ясна и не требуетъ многихъ доказательствъ, то естественно, что и слово вышло очень не велико. Въ первой части проповѣдникъ кратко объясняетъ, какъ выразилась безконечная любовь къ намъ нашего Спасителя, когда Онъ,

([15]) Заглавіе слова: „О неизреченнѣй милости владыки Христа: ибо не познавшаго грѣха насъ ради грѣхъ сотвори. Слово 6".

будучи Сыномъ Божіимъ, благоволилъ облечься въ наше человѣческое естество и, будучи совершенно безгрѣшнымъ и невиннымъ даже по человѣчеству, волею принялъ на себя всѣ наши грѣхи и виновность, потерпѣлъ за насъ страданія и самую мучительную и позорную смерть. Во второй части приводитъ только четыре текста, одинъ изъ Апостола и три изъ псалмовъ—о страданіяхъ за насъ нашего Спасителя, и нѣсколько краткихъ толкованій или замѣчаній на эти тексты—изъ Θеодора Студита, Исаака, Дидима, Исихія, Θеодорита, Евсевія, Аθанасія, Аполлинарія и Григорія Богослова. Наконецъ, въ третьей части, указывая на это великое и неизреченное милосердіе владыки-Христа, Который понесъ на Себѣ наши грѣхи, потерпѣлъ за насъ всякое поношеніе, страданіе и смерть, омылъ насъ своею пречистою кровію, извелъ насъ отъ смерти въ животъ, отъ тьмы на свѣтъ, отъ рабства на свободу, далъ намъ власть быть чадами Божіими, обѣтовалъ намъ животъ вѣчный, проповѣдникъ спрашиваетъ: «что жъ воздадимъ владыкѣ-Христу за все, что Онъ сотворилъ для насъ и даровалъ намъ вѣчный животъ? Возблагодаримъ владыку-Христа, возлюбленные, возблагодаримъ и прославимъ милость Его неизреченную; возлюбимъ Возлюбившаго насъ, умремъ за Умершаго за насъ; возлюбимъ другъ друга; очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа. Принесемъ Христу Богу нашему дѣла благія со страхомъ и благоговѣніемъ: вѣру, любовь, братолюбіе, упованіе, терпѣніе, смиреніе, кротость, сокрушеніе сердца, умиленіе, слезы, совѣсть очищенную. Поработаемъ Господу, пока имѣемъ время... Адамъ праведно умеръ, ибо согрѣшилъ; а Христосъ неправедно

умеръ, ибо не согрѣшилъ, но ради насъ и нашего спасенія изволилъ претерпѣть всѣ страданія: претерпимъ же и мы ради Его всякую скорбь съ разумомъ, да наслѣдницы будемъ вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава со Отцемъ и Св. Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь». Слово это, судя по краткости его, могло быть произнесено въ церкви все сполна.

Другую мысль—о безконечной премудрости Божіей, явленной въ дѣлѣ нашего искупленія, Даніилъ излагаетъ въ *седьмомъ* своемъ словѣ ([16]). Премудрость эта, какъ изъясняетъ онъ въ первой части, обнаружилась въ томъ, что Христосъ-Богъ «прехитри злаго хитреца діавола», облекшись человѣческою плотію: вслѣдствіе чего діаволъ, признавъ Его за человѣка, дерзнулъ искушать Его, но былъ посрамленъ и поруганъ; возбудилъ противъ Него враговъ, предавшихъ Его смерти, но Христосъ, низшедши по смерти душею своею во адъ, яко Богъ, связалъ діавола, разрушилъ адъ и извелъ изъ него всѣхъ вѣрующихъ. Послѣ этой мысли, которая гораздо съ большею подробностію была раскрыта препод. Іосифомъ Волоцкимъ въ его четвертомъ словѣ противъ жидовствующихъ, Даніилъ обращается къ православнымъ съ своими любимыми убѣжденіями какъ можно чаще и усерднѣе читать божественныя писанія, «да отъ сихъ научаеми истинѣ не отведены будемъ лжею еретическою». Во второй части слова онъ приводитъ, кромѣ двухъ —

([16]) Заглавіе: «О премудрости смотрѣнія Господня вочеловѣченія, яко премудростію прехитри злаго хитреца діавола, да вся вѣрующая въ Онь спасе и спасаетъ. Слово 7».

грехъ библейскихъ текстовъ, многія церковныя пѣсни и стихиры, выписки изъ Толковаго Евангелія, изъ Синаксаря, изъ Временника, изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви — Златоуста, Максима, Кирилла, Аѳанасія, Григорія амиритскаго, Ефрема, Григорія Богослова, Іуліана епископа тавійскаго, Сильвестра, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія папы римскаго и, въ числѣ другихъ, довольно большую выписку изъ четвертаго слова въ Просвѣтителѣ преп. Іосифа Волоцкаго: во всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствахъ повторяется и выражается, такъ или иначе, то кратко, то болѣе или менѣе подробно, одна и таже мысль, что Христосъ «прехитрилъ», посрамилъ и побѣдилъ діавола. Послѣдняя часть слова не имѣетъ внутренней связи съ двумя предшествующими и содержитъ въ себѣ общія нравственныя наставленія. «Убоимся, братіе,—такъ начинается она,—того страшнаго дня, когда придетъ Господь судить на землю и воздать каждому по дѣламъ его. Будемъ подвизаться, пока имѣемъ время, для очищенія грѣховъ и для жизни вѣчной; будемъ вѣровать въ смотрѣніе вочеловѣченія Господа, которое Онъ совершилъ для нашего спасенія, потомъ воскресъ, вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца, будемъ вѣровать второму Его пришествію»... И далѣе: «будемъ бояться Бога и для Него дѣлать все, что ни дѣлаемъ; не мудрствуемъ о себѣ..., возненавидимъ славу и богатство, не пребывающія по смерти... Бѣгай блуда и блудныхъ вещей, бѣгай позорищъ и игранія бѣсовскаго; не украшай лица своего на прельщеніе человѣковъ, за которыхъ Сынъ Божій потерпѣлъ вольную страсть»...

III. *Осьмое* слово въ «Соборникѣ» Даніила служитъ

какбы переходомъ отъ словъ догматическаго характера, доселѣ нами разсмотрѣнныхъ и направленныхъ противъ еретиковъ, лжеучителей и вообще вольнодумства въ дѣлахъ вѣры, къ словамъ нравственнаго содержанія, направленнымъ противъ современнаго развращенія нравовъ. Здѣсь Даніилъ трактуетъ уже о предметѣ нравственномъ; но не оставляетъ и того предмета, который доселѣ постоянно имѣлъ въ виду, т. е. лжеученія враговъ Божіихъ—еретиковъ ([17]). Въ первой части слова, которая представляетъ собою довольно обстоятельное и вполнѣ законченное поученіе, ходъ мыслей слѣдующій: Самъ Богъ, пекущійся о спасеніи человѣческомъ, установилъ между людьми власти, и установилъ *въ отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же благотворцамъ*. Отсюда двоякое слѣдствіе: должно повиноваться властямъ и воздавать всѣмъ имъ должное; но и власти, какъ слуги Божіи, должны имѣть попеченіе о соблюденіи людьми божественныхъ законовъ и соблюдать родъ человѣческій отъ душепагубныхъ волковъ, иначе еретиковъ и лжеучителей. А потому, хотя много у насъ искушеній въ жизни, особенно отъ нашихъ страстей, но будемъ стараться исполнять волю Божію, будемъ милостивы къ самимъ себѣ и другъ къ другу, поможемъ сущимъ въ бѣдѣ, наставимъ безчинныхъ, утѣшимъ скорбящихъ, взыщемъ заблудшихъ отъ истины, обратимъ прельщенныхъ. «Скажи мнѣ, спрашиваетъ между прочимъ святитель, почему ты сопротивляешься Божію повелѣнію, т. е. власти, установленной отъ Бога? Ты говоришь: я не сопротивляюсь. Но почему же ты пре-

([17]) Заглавіе слова: „Яко подобаетъ ко властемъ послушаніе имѣти и честь имъ воздати, и еже на враги Божія. Слово 8“.

ступаешь законы Духа Святаго, почему хулишь имя Божіе? Поступая такъ, ты долженъ принять отмщеніе отъ служителей Божіихъ. Ибо принявшимъ отъ Бога таковое служеніе, какъ слугамъ Божіимъ, подобаетъ имѣть многое попеченіе о божественныхъ законахъ и соблюдать родъ человѣческій невредимо отъ душепагубныхъ волковъ и не давать воли зло творящимъ человѣкамъ, которыми безчестится имя Божіе. Осуждаемы бываютъ тати и разбойники и другіе люди, совершающіе зло; пріемлютъ казнь поправшіе и оплевавшіе образъ земнаго царя; но если эти и прочіе пріемлютъ казнь, тѣмъ болѣе — хулящіе и безчестящіе Сына Божія и Бога и пречистую Богородицу: они достойны совершенной ненависти». Во второй части слова сведено нѣсколько текстовъ изъ посланій къ римлянамъ, колоссаямъ, Титу, Тимоѳею и другихъ—о поставленіи властей отъ Бога, о повиновеніи имъ и объ обязанности ихъ быть въ отмщеніе злодѣямъ и въ похвалу благотворцамъ. За тѣмъ приведены мѣста изъ сочиненій — Василія Великаго, Златоуста, Аѳанасія Великаго, Евѳимія патріарха терновскаго, Ѳеодорита, Евсевія емессійскаго, Іоанна Дамаскина, Іоанна митрополита никейскаго, Нила, Ѳеофилакта, также выписки изъ Изложенія бывшаго церковнаго соединенія, изъ многихъ житій святыхъ, изъ Временника, а изъ русскихъ сочиненій два отрывка изъ похвальнаго слова митрополита Илларіона св. Владиміру и отрывокъ изъ Несторовой лѣтописи о томъ же князѣ. Въ однихъ изъ этихъ свидѣтельствъ говорится о значеніи предержащихъ властей и повиновеніи имъ; въ другихъ о томъ, какъ должны относиться и дѣйствительно нерѣдко относились эти вла-

сти къ еретикамъ и лжеучителямъ; въ третьихъ, какъ должны относиться къ еретикамъ и вообще православные христіане. Послѣдняя часть настоящаго слова, кромѣ того, что представляетъ собою, подобно первой части, довольно полное и законченное поученіе, содержитъ въ себѣ еще ясные намеки, что оно было произнесено предъ вѣрующими въ ряду другихъ поученій. «Вы *слышали* прежде, такъ начинаетъ митрополитъ поученіе это, когда мы сподобились побесѣдовать къ любви вашей, потомъ *говорили* вчера и нынѣ, о любви къ Богу и къ искреннимъ и о прочемъ исполненіи заповѣдей Божіихъ. И опять бесѣдую къ любви вашей, насколько возмогаю по худости моей: ибо знаю, что, по великой вашей духовной любви къ моей худости, вы и худыя и неразумныя мои нѣмотствованія принимаете и не зазираете; если и скудно оно, и ненарочито и нехитрословно, но духовно и полезно для хотящихъ спастися. Да о чемъ же другомъ и бесѣдовать намъ, отцы и братія, какъ не о божественныхъ повелѣніяхъ и прочемъ духовномъ, и полезномъ, и спасительномъ? Преблагій Богъ сотворилъ насъ отъ небытія въ бытіе и даровалъ намъ всѣ блага, обѣщалъ и будущая неизреченная блага, но только если мы соблюдемъ заповѣди Его и будемъ совершать угодная Ему». Вслѣдъ за этимъ проповѣдникъ призываетъ слушателей любить Бога и ближнихъ, показываетъ связь той и другой любви, объясняетъ, въ какихъ дѣйствіяхъ могутъ выражаться онѣ, даетъ нѣкоторыя частныя наставленія—любить бесѣды душеспасительныя, соблюдать мѣру во всемъ, въ пищѣ, питіи, одѣяніи, снѣ, прилѣпляться къ мужамъ богобоязненнымъ, бѣгать бесѣдъ блудныхъ («бѣжи погибель-

наго рова—блудныхъ бесѣдъ, бѣжи упестренія и ломленія женьскаго, не въсхопци зрѣти червленыхъ ея ланитъ, бѣлости же и мягкости тѣла, и тонкаго ея лгаса, и сладости словесъ, яко удицею уловляющія человѣки»), не предаваться никогда праздности, научающей всякому злу, и все это, можно сказать, составляетъ первую половину поученія. Всю вторую половину авторъ направляетъ исключительно противъ еретиковъ: «сотворимъ добрыя дѣла о Господѣ: какія? Покажемъ праведную ярость и божественную ревность, научимъ хулящихъ не хулить имени Господня. А непослушныхъ человѣколюбно врачуй, исцѣляй, исправляй, и если еще не исправляется, снова наставь любовію и мудростію, тихо и кротко; совратившихся съ праваго пути направь человѣколюбно и милостиво, да и самъ получишь милость отъ владыки-Христа въ семъ вѣкѣ и будущемъ. А противъ непріемлющихъ врачеванія, послѣ многаго наставленія, и не восхотѣвшихъ придти наконецъ къ лучшему, возревнуй ревностію божественною, чтобы и прочіе имѣли страхъ, отступили отъ сатаны и обратились къ Господу Богу... Будь ревнитель по Господѣ Богѣ, не попусти еретикамъ хулить имя Христа Бога; вспомни человѣколюбіе владыки твоего Христа, сколько Онъ сотворилъ для тебя—небо, солнце, луну и звѣзды, землю, море...; и человѣкомъ содѣлался ради тебя, и вольную и безчестную страсть претерпѣлъ ради тебя... А ты не хочешь злодѣйственнымъ еретикамъ, хулящимъ Его и пречистую Его Матерь, запретить, возбранить, пригрозить, но совокупляешься съ ними, и ѣшь, и пьешь, и покрываешь ихъ и заступаешь? И какъ наречешься христіаниномъ? Не прельщайся; не

христіаниномъ наречешься ты, но скорѣе лукавымъ бѣсомъ и самимъ сатаною. Ты говоришь: я обращаю и привожу къ покаянію. Хорошо, если такъ: обращай и приводи къ покаянію..; но блюдися отъ волковъ, блюдися отъ псовъ, блюдися отъ свиней, блюдися отъ злыхъ дѣлателей, блюдися отъ татей... Если не принимаютъ наставленій, послѣ многаго врачеванія, если не обращаются и не приходятъ въ познаніе истины Христовой: зачѣмъ съ ними совокупляешься, зачѣмъ бываешь имъ другомъ, зачѣмъ не отдаляешься отъ нихъ и не бережешься?.. Будемъ съ опасеніемъ соблюдать знаменіе православной вѣры, сохранимъ ее твердою и непоколебимою отъ всѣхъ душепагубныхъ еретическихъ ученій, не дадимъ волкамъ и разбойникамъ и татямъ ни входа, ни дверей въ стадо Христово, укрѣпимъ себя и другихъ быть доблестными и непоколебимыми въ православной вѣрѣ и во всемъ о Господѣ». Въ заключеніи кратко повторяются наставленія—любить другъ друга, помогать ближнимъ, чуждаться зависти, ненависти, гнѣва, мести и показывать ревность и праведную ярость только на враговъ Бога, попирающихъ Его законы.

IV. Слѣдующія пять словъ (9—13)—содержанія нравственнаго. Въ трехъ первыхъ изъ нихъ, какъ показываютъ самыя ихъ заглавія, авторъ имѣетъ въ виду преимущественно нѣкоторые частные предметы христіанской нравственности, но касается и общихъ ея основаній, общихъ заповѣдей и правилъ; а въ двухъ остальныхъ словахъ, что̀ также видно изъ ихъ заглавій, хотя разсуждаетъ о нравственности христіанской вообще, о ея главныхъ заповѣдяхъ и правилахъ, но по мѣстамъ особенно останавливается на нѣкоторыхъ

частныхъ предметахъ, на частныхъ нравственныхъ недостаткахъ своихъ современниковъ.

«Опять примемся за евангельское ученіе, опять поучимся въ словахъ Христовыхъ, опять полюбомудрствуемъ въ заповѣдяхъ Господнихъ», — такъ начинается *девятое* слово, озаглавленное: «не судите, да не судими будете». Не смотря однакожъ на такое заглавіе, авторъ, въ первой части слова, сначала призываетъ всѣхъ упражняться въ чтеніи божественныхъ писаній, объясняя, какъ оно душеспасительно,—любить другъ друга, показывая значеніе и превосходство этой добродѣтели,—удаляться неправды, ярости, гнѣва, тщеславія, сребролюбія, гордости,—водиться всегда и во всемъ страхомъ Божіимъ,—быть милостивыми, кроткими, незлобивыми и проч... А за тѣмъ уже начинаетъ учить, что не должно осуждать ближнихъ; что, осуждая другихъ и не оказывая имъ милости и снисхожденія, мы сами не получимъ милости отъ Бога; что если мы имѣемъ какія-либо добродѣтели, то совершили ихъ не сами собою, а только при помощи Божіей («наше есть, еже въсхотѣти и тщатися на лучьшее; Божіе же есть, еже на дѣло извести благое наше хотѣніе и усердіе»); что мы сами великіе грѣшники и должны испытывать и оплакивать свои грѣхи, а не разыскивать и разглашать и осуждать чужіе грѣхи и недостатки. Во второй части слова всѣ приведенныя свидѣтельства—и изъ писанія, и изъ отцевъ церкви и подвижниковъ (именно: изъ Кирилла Александрійскаго, Анастасія Синайскаго, аввы Исаіи, Ефрема Сирина, Петра Дамаскина, Никиты Стиѳата, Іоанна Лѣствичника, Никона Черногорца, Златоуста, аввы Дороѳея, Максима), и изъ житій святыхъ, и осо-

бенно многія обширныя извлеченія изъ «Старчества», — дѣйствительно направлены къ подтвержденію одной истины, что не должно осуждать ближнихъ. Наконецъ, третья часть заключаетъ въ себѣ общія наставленія о любви къ Богу и ближнимъ и исполненіи заповѣдей Божіихъ; перечисляетъ разныя добродѣтели, которыя должны совершать христіане, и разные пороки, въ томъ числѣ стоитъ и осужденіе ближняго, которыхъ должны избѣгать; напоминаетъ о смерти, о судѣ, о вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ, о скоротечности жизни, и убѣждаетъ трезвиться, бодрствовать и со страхомъ и трепетомъ работать Господу. Оба поученія, содержащіяся въ первой и послѣдней части настоящаго слова, могли быть съ назиданіемъ произнесены въ церкви.

Въ *десятомъ* словѣ, носящемъ заглавіе: «аще нѣкая злая сотворимъ братіямъ нашимъ, или укоримъ, или оклеветаимъ, въ таяжде впадемъ», авторъ бесѣдуетъ почти о тойже самой истинѣ, только выраженной въ болѣе общемъ видѣ, о которой бесѣдовалъ въ предыдущемъ словѣ; а потому неудивительно, если какбы повторяется здѣсь и только дополняетъ и поясняетъ то, что сказано тамъ. И здѣсь, въ первой части, онъ сначала убѣждаетъ заботиться о духовной пищѣ — о чтеніи божественныхъ писаній, потомъ преподаетъ нѣкоторыя общія нравственныя наставленія и наконецъ уже говоритъ объ избранномъ предметѣ, т. е., чтобы мы не творили никакого зла братіямъ нашимъ, не осуждали ихъ, не укоряли и не клеветали на нихъ. Начальная мысль, по способу изложенія ея, заслуживаетъ вниманія. «Вчера и нынѣ, — выражается проповѣдникъ, — повара стекаются въ поварню, и

украшаютъ ее, и свиты перемѣняютъ, и руки простираютъ, и листы укрѣпляютъ, и ножи острятъ, и дрова накладаютъ, и огонь возжигаютъ, и котлы наставляютъ, и сковороды и горнецы поставляютъ; они готовятъ пищу къ насыщенію чрева, и тѣло наслаждается этимъ и укрѣпляется, и потомъ сводится къ нетлѣнію. Сколько тщанія и подвиговъ требуетъ пища и питіе, сколько золота и серебра но это изчезаетъ!.... Если же такое тщаніе и попеченіе мы имѣемъ о брашнахъ и питіяхъ, тѣмъ болѣе мы должны имѣть всякое тщаніе и великое попеченіе о духовномъ. Какъ тлѣнныя наши тѣла укрѣпляютъ, услаждаютъ и утучняютъ земные плоды и различныя питанія, такъ души наши напитываютъ, утучняютъ и исполняютъ веселія и благодати духовныя слова. Но земныя и тлѣнныя питанія оканчиваются, отходятъ въ землю и тлѣніе и бываютъ ни во что...... А брашна духовныя, т. е. поученія святыхъ писаній и наставленія, нескончаемо производятъ веселіе и радость и исходатайствуютъ намъ жизнь вѣчную». И здѣсь, какъ въ предыдущемъ словѣ, всѣ приведенныя во второй части свидѣтельства (ихъ впрочемъ приведено не много) изъ писанія, изъ отцевъ церкви (Нила, Златоуста, Кирилла, Θеодора, Іоанна Лѣствичника, Ефрема, Аθанасія Великаго) и отъ «Старчества», относятся только къ избранному предмету слова и служатъ дополненіемъ къ тѣмъ, какія приведены въ предыдущемъ словѣ. И здѣсь послѣдняя часть содержитъ въ себѣ одни общія нравственныя наставленія: «будемъ, братіе, внимать себѣ, очищать свою совѣсть и испытывать себя всякій часъ, каясь о грѣхахъ своихъ, не только о согрѣшеніяхъ дѣломъ и словомъ, но и о помыслахъ,

если и помыслили что лукавое, покаемся, будемъ плакать и рыдать, пока имѣемъ время. Научимся кротости и смиренію и простотѣ, будемъ боголюбцы и человѣколюбцы». И далѣе подробно излагается ученіе о любви къ Богу и ближнимъ почти одними текстами изъ евангелія и посланій апостольскихъ.

Одиннадцатое слово, подъ заглавіемъ: «о Божіихъ судьбахъ, и о младенцахъ умирающихъ, и яко бѣдно есть не исповѣдати помыслы своя отцемъ духовнымъ», по содержанію своему дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому заглавію, по крайней мѣрѣ, въ двухъ первыхъ своихъ частяхъ. Въ первой части Даніилъ преподаетъ, одинъ за другимъ, три урока. Урокъ первый: не должно испытывать какъ непостижимое существо Божіе, такъ и судьбы Божіи, и если мы видимъ что либо совершаемое Промысломъ, для насъ недомыслимое, то должны дивиться тому, славить и благодарить Бога, а не судить о томъ, не укорять и не безчестить благодати Его; неразумны тѣ, которые любятъ пренія о неизреченныхъ судьбахъ Божіихъ и говорятъ: почему такой-то получилъ помощь, такой-то прощенъ и освободился отъ бѣдъ, а такой-то не получилъ помощи, ни прощенія, ни избавленія отъ бѣдствій? Урокъ вторый: не должно сѣтовать и плакать объ умирающихъ младенцахъ, напротивъ должно радоваться, ибо они умираютъ, не научившись злобѣ и лукавству міра сего; если они еще не крещены, то хотя не удостоиваются по смерти царствія небеснаго, за то не отходятъ и въ муку, какъ не согрѣшившіе; а если крещены, то восходятъ прямо въ царство небесное. Урокъ третій: должно исповѣдывать отцамъ духовнымъ не только дѣянія, но и слова и помыш-

ленія; великое зло таить свои помыслы отъ духовныхъ отцевъ и не исповѣдывать предъ ними грѣховъ своихъ. Во второй части приведенныя свидѣтельства изъ слова Божія, изъ отцевъ (Аѳанасія, Анастасія Синайскаго, Златоуста, Григорія, Лѣствичника, Іоанна Постника, Василія Великаго, Григорія Нисскаго), изъ житій святыхъ и изъ «Старчества»—всѣ относятся то къ первому, то ко второму, то къ третьему уроку; чрезвычайно обширныя выписки представлены здѣсь изъ «Старчества». Только въ послѣдней части слова авторъ отъ этихъ частныхъ уроковъ переходитъ къ общимъ наставленіямъ и учитъ хранить вѣру чистою и непорочною, исполнять обѣты данные при крещеніи, соблюдать всѣ преданія, принятыя церковію отъ Бога и отъ апостоловъ и отъ св. отцевъ, любить Бога и соблюдать Его заповѣди, каяться во грѣхахъ, посѣщать храмы Божіи и присутствовать въ нихъ со вниманіемъ и благоговѣніемъ; напоминаетъ о скоротечности жизни, о близости кончины, о судѣ, о воздаяніи за гробомъ, о суетности всѣхъ благъ земныхъ и проч.

Въ *двѣнадцатомъ* словѣ авторъ предположилъ изложить ученіе о томъ, что «вси человѣцы, маліи же и велицыи, и всякъ кождо насъ, пріемшеи божественное крещеніе и евангельскія заповѣди Господни, должны есмы всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею мыслію своею, обоя сія соблюдати,—якоже обѣщаніе наше, еже въ святѣмъ крещеніи, такоже и евангельскія заповѣди Христовы». Но въ первой части своей слово имѣетъ характеръ не столько учительный, сколько обличительный. Сначала авторъ излагаетъ общія мысли объ обязанности нашей ис-

полнять обѣты крещенія и евангельскія заповѣди, выражая эти мысли почти исключительно словами самого Спасителя и апостола Павла, и дѣлаетъ общее замѣчаніе: «всѣ эти Павловы, болѣе же Христовы изреченія безпрестанно наставляютъ насъ на благое; а мы, будучи христіанами, породившись божественнымъ крещеніемъ, держимся обычаевъ поганыхъ язычниковъ, другъ друга кусая, другъ друга пожирая, какъ рыбы, другъ друга укоряя и понося». Затѣмъ приводитъ, одно за другимъ, нѣкоторыя частныя изреченія Спасителя и апостоловъ, или частныя заповѣди, и дѣлаетъ обличенія и укоризны за нарушеніе каждой изъ нихъ: «Господь сказалъ: *блажени есте, егда поносятъ васъ...*; а ты такое блаженство поставляешь ни во что, и такую благодать презираешь, и мало чѣмъ нибудь укорившаго тебя, или досадившаго тебѣ, хочешь ввергнуть въ великую напасть или даже предать смерти... Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши*, и апостолъ: *не себе отмщающе, возлюбленніи*; а ты не только не повинуешься сему, но и слышать о семъ не хочешь, но, отмщая за себя, сваришься, творишь поединки, убиваешь. И какъ же называешься христіаниномъ, совершая противное обѣщанію твоему при св. крещеніи? Знаешь ли, кого ты отрекся и кому обѣщался? Что ты скрежещешь зубами и свирѣпѣешь на меня, какбы убить меня хочешь? Говори: кого ты отрекся и кому обѣщался? Я отрекся сатаны, говоришь ты, и всѣхъ дѣлъ его, и обѣщался Христу, и вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца и проч... Но если ты такъ отвѣчаешь и такъ вѣруешь и исповѣдуешь, какъ христіанинъ,—то почему же, оставивъ Христа, те-

чешь къ сатанѣ, т. е., презрѣвъ заповѣди Божія, течешь на ученія и дѣянія бѣсовская?... Господь сказалъ: *блажени плачущіи*...; а ты, будучи христіаниномъ, пляшешь, скачешь, говоришь блудныя слова и совершаешь многія другія глумленія и сквернословія, играешь въ гусли, въ смыки, въ сопѣли, въ свирѣли и многія служенія приносишь сатанѣ. Господь заповѣдалъ: *бдите и молитеся*, и апостолъ: *непрестанно молитеся*; а ты непрестанно соблазняешь всѣхъ людей, какъ самъ сатана, баснословишь, приводишь смѣхотворныя притчи, хрохочешь, смѣешься... Господь заповѣдалъ: *блюдите, да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ;* а ты объѣдаешься, какъ скотъ, и пьянствуешь день и ночь, такъ что и болишь головою и мѣшаешься въ умѣ... Господь заповѣдалъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*; а ты ни мало не хочешь научиться сей заповѣди, но еще болѣе гордишься, и превозносишься, и рыкаешь, какъ левъ, и лукавствуешь, какъ бѣсъ, и спѣшишь на діавольскія позорища, какъ свинопасъ». Особенно рѣзко и подробно обличаетъ проповѣдникъ современное распутство и заботливость о щегольствѣ, такъ что, опуская наиболѣе рѣзкія изображенія, мы представимъ только нѣкоторыя. «Великій подвигъ совершаешь ты, угождая блудницамъ; перемѣняешь одежды, надѣваешь сапоги, весьма червленые и крайне тѣсные, такъ что ногамъ твоимъ приходится терпѣть великую нужду отъ тѣсноты ихъ и гнетенія... Волосы твои не только срѣзаешь бритвою и съ плотію, но и щипцами исторгаешь изъ корня и не стыдишься выщипывать; позавидовавъ женамъ, мужеское свое лице претво-

ряешь на женское. Или весь хочешь быть женою?... Если не хочешь, то за чѣмъ волосы бороды твоей или и ланить твоихъ щиплешь и не стыдишься исторгать изъ корня, а лице твое много умываешь и натираешь и дѣлаешь ланиты твои червлеными, красными, свѣтлыми?... Желая насыщаться блудными сластями и весь умъ свой непрестанно о томъ имѣя, ты слугамъ своимъ на сія блудныя бѣсовскія дѣянія много серебра и злата истощаешь. И что много изчислять?... Ты, всегда стремясь къ блудницамъ, и самъ себя для многихъ сотворилъ блудницею»... Наконецъ проповѣдникъ убѣждаетъ христіанъ покаяться, исполнять заповѣди Христовы, *мудрствовать горняя, а не земная*, и, опровергая возраженіе, будто такъ можно жить только инокамъ, отрекшимся отъ міра, а не мірянамъ, имѣющимъ жену, дѣтей, рабовъ и многія житейскія заботы, доказываетъ, что всѣ христіане, гдѣ бы они ни жили, и могутъ и должны исполнять обѣты крещенія и евангельскія заповѣди и отдадутъ въ томъ строгій отчетъ предъ Богомъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что эта первая часть слова очень обширна и сама по себѣ есть цѣлое слово, вполнѣ пригодное для произнесенія въ церкви. Во второй части приведенные тексты писанія и свидѣтельства отцевъ (Василія Великаго, наиболѣе Златоуста, Никона, Лѣствичника, Дидима, Аѳанасія) одни поясняютъ, другіе подкрѣпляютъ то общія, то частныя мысли, изложенныя въ первой. Въ третьей части, также довольно обширной и представляющей собою цѣлое поученіе, проповѣдникъ учитъ христіанъ внимать себѣ, показывая, какъ это полезно и какъ вредна невнимательность къ себѣ; подробно

описываетъ характеръ христіанина («христіанинъ есть имѣяй умъ въ небесныхъ, христіанинъ есть достойная небеснаго званія мудрствуяй..., христіанинъ есть имѣяй истину и правду во всемъ, христіанинъ есть имѣяй смиреніе и кротость и простоту въ разумѣ..., христіанинъ есть любяй Христа Бога паче отца своего и матере и жены и дѣтей, христіанинъ есть любяй Христа Бога паче души своеа и искренняго своего яко самъ себе...); убѣждаетъ всегда трезвиться, бодрствовать, бѣгать хищенія, пьянства и другихъ пороковъ, любить другъ друга; укоряетъ слушателя за то, что онъ лѣнится приходить въ церковь и презираетъ божественныя слова, въ ней читаемыя, а ходитъ на игрища и позорища бѣсовскія, смотритъ на блудницъ, слушаетъ говорящихъ скверныя слова, затѣмъ предается пьянству, воровству и подобн.,—дѣлаетъ наставленія, какъ христіанинъ можетъ находить для себя тихія удовольствія и прохладу, разсматривая окружающую природу и свѣтила небесныя, занимаясь своимъ семействомъ и хозяйствомъ, посѣщая свои луга и поля, зеленѣющія травою и цвѣтами, усѣянныя пшеницею, ячменемъ и другими растеніями; наконецъ снова убѣждаетъ покаяться и бѣгать отъ грѣха, какъ отъ змія, чтобы и въ настоящей жизни исполниться радости и въ будущей получить вѣчныя блага.

Тринадцатое слово: «о еже, что міръ и яже въ мірѣ»—Даніилъ начинаетъ воззваніемъ: «возненавидимъ міръ и князя его и міродержательныя его вещи»! И вслѣдъ затѣмъ объясняетъ, что міръ—это молва, лукавство, зависть, вражда, горесть, сокрытая въ сладости, пристрастіе къ мимотекущему, лице-

мѣріе, неправда, грѣхъ; а міродержательныя вещи діавола—это ненависть, неправда, желаніе славы, чести, гордость, татьба, разбойничество, пристрастіе къ вещамъ, любодѣяніе и прочія страсти, которыми діаволъ прельщаетъ и погубляетъ людей: потому-то мы и должны ненавидѣть міръ и его суету. Но ненависть эта не значитъ, будто не слѣдуетъ намъ трудиться, орать, покупать, продавать, управлять рабами, устроять домы; нѣтъ, мы можемъ всѣмъ этимъ заниматься, но не должны ни къ чему пристращаться, ни о чемъ пещися выше мѣры, возлагая надежду на Бога, который одинъ можетъ благословлять наши труды успѣхомъ и помогать намъ противъ всѣхъ враговъ. Воздѣлывая землю, должны помышлять и заботиться и о плодахъ духовныхъ; занимаясь куплею и продажею, должны руководствоваться правдою и истиною; рабами должны управлять со смиреніемъ и кротостію и миловать ихъ, какъ свои естественныя чада, на непослушныхъ же износить великій страхъ, но съ тайнымъ милованіемъ сердечнымъ; устроять домы и имущества должны съ тѣмъ, чтобы пособлять нищимъ. Начало для дѣятельности христіанина—правда и истина во всемъ. Приведши во второй части слова нѣсколько текстовъ библіи и нѣсколько отрывковъ изъ писаній отеческихъ (Симеона новаго богослова, Исаака Сирина, св. Доровея) и отъ «Старчества» въ подтвержденіе своихъ мыслей, авторъ продолжаетъ дальнѣйшее развитіе ихъ въ третьей части. «Мы собрали это, говоритъ онъ, и предложили любви вашей, да увѣдаемъ, что есть міръ и яже въ мірѣ, да не увлекаемся суетными желаніями, да не всю работу нашу будемъ отдавать

чреву и да не все мудрованіе наше имѣемъ въ плотскихъ страстяхъ, но уставимъ мѣру во всемъ—въ пищѣ, питіи, въ одеждахъ и сапогахъ, въ бесѣдахъ и прочихъ вещахъ»,—и объясняетъ по порядку, какъ полагать мѣру въ пищѣ и питіи, въ одеждахъ и сапогахъ, въ бесѣдахъ и въ подаяніи милостыни: «подаяніе нищимъ и убогимъ совершай съ благословеніемъ, тихо и кротко, съ веселымъ сердцемъ и въ сладости словесъ,... будемъ творить милость по возможности...; дай уломокъ хлѣба, дай слово благое, дай умиленіе сердца твоего, воззри на нищаго сладко умиленными очами, поскорби о немъ въ умѣ своемъ»...; наконецъ выражается вообще: «все въ настоящей жизни должно устроять благоразсудно и благопотребно по волѣ Божіей, да не изгубимъ ничего на свои страсти, кромѣ того только, что нужно для потребностей нашего живота». Непосредственно за этимъ идутъ обличенія и укоризны: «какаяжъ нужда имѣть многое, сладкое и раздражающее яство и питіе, выше мѣры? Не проторы ли и убытки приноситъ это многимъ? Какая нужда покупать многія вещи и давать имъ или сгнивать, или отъ огня погибать, или быть похищенными отъ татей? Какая тебѣ нужда во всѣ дни украшаться свѣтлыми одеждами, когда другіе и въ Господскіе дни не имѣютъ обычныхъ одѣяній?... Какая тебѣ нужда выше мѣры умываться и натираться, и почему ты не только волосы твои, но и плоть свою съ волосами остригаешь отъ бороды и ланитъ твоихъ, а часто и твою голову, и вѣшаешь подъ бородою твоею пуговицы сіяющія и очень красныя, и украшаешься такъ, какъ и женамъ неприлично? Какая тебѣ нужда носить сапоги шитые

шелкомъ? Или какая тебѣ нужда не только сверхъ мѣры умывать руки, но и налагать на персты твои золотые и серебряные перстни? Какой прибытокъ тебѣ изнурять дни надъ птицами? Какая тебѣ нужда имѣть множество псовъ? Какая тебѣ похвала ходить на позорища?... Господь не повелѣлъ ученикамъ имѣть и худѣйшихъ сапоговъ, ни двухъ ризъ, а мы не только имѣемъ простыхъ сапоговъ сверхъ потребности, но имѣемъ сапоги и съ серебромъ и съ золотомъ и бисеромъ, также и другія многоцѣнныя одѣянія, и сапоги красные, искусно шитые шелкомъ; и не только это, но и подъ сорочкою, куда никому не видно, нѣкоторые стараются имѣть дорогое препоясаніе, отдѣланное золотомъ и серебромъ. Ради всего этого мы ищемъ многихъ доходовъ, а если чего тебѣ недостаетъ,—такъ какъ ты, по безумію твоему, имѣешь многіе расходы,—ты крадешь, насилуешь, грабишь,ябедничаешь, занимаешь и, не имѣя чѣмъ отдать, бѣгаешь, запираешься, преступаешь клятву и совершаешь другія безчисленныя злодѣянія»... Отъ обличеній проповѣдникъ переходитъ къ увѣщаніямъ и убѣжденіямъ, съ которыми обращается то ко всѣмъ, то къ нѣкоторымъ: «будемъ же бодрствовать, трезвиться, внимать со страхомъ тому, чему научаютъ насъ священ. евангеліе, и св. апостолы, и преподобные отцы. Не все намъ любомудрствовать о тлѣнномъ и мимотекущемъ и работать чреву, а нужно наиболѣе заботиться о духовномъ и подвизаться для будущаго... О мужи! Учите женъ вашихъ бояться Бога и жить по закону Господню и подавать нищимъ! О господа! Милуйте рабовъ своихъ и имѣйте ихъ, какъ присныхъ своихъ дѣтей, ибо всѣ мы созданы рукою Божіею и

всѣ плоть едина..., всѣ мы единымъ божественнымъ крещеніемъ крестилися, всѣ равно искуплены кровію Христовою, всѣ равно причащаемся божественнымъ причащеніемъ..., и если здѣсь на малое время Господь попустилъ одному господствовать, а другому работать, то въ будущемъ нѣтъ раба, ни свободна... О отцы! Имѣйте попеченіе о вашихъ чадахъ, воспитывайте ихъ всегда въ наставленіи и ученіи Господнемъ—бояться Бога и въ законѣ Его поучаться день и ночь, не любить праздности, не творить кощунства, скверномословія и блуда, не красть, не лгать и бѣгать всякаго зла. О юноши! Къ вамъ мое слово: возлюбите Христа Бога, да наслѣдуете животъ вѣчный; возлюбите чистоту и не уподобляйтесь блуднымъ юношамъ, которые всегда велемудрствуютъ о красотѣ тѣлесной, всегда украшаются болѣе женъ умываніями различными и хитрыми натираніями, и которыхъ умъ всегда плаваетъ въ мечтахъ объ одеждахъ, объ ожерельяхъ, о пуговицахъ, о препоясаніи подъ сорочкою, о сапогахъ, объ остриженіи головы, о повѣшеніи космъ, о намизаніи ока, о киваніи главой, о уставленіи перстовъ, о выставленіи ногъ... О отроки и дѣвицы! Возлюбите тихое и смиренное житіе въ цѣломудріи и чистотѣ..., любомудрствуйте, трудясь въ хитростяхъ, сколько по силѣ, или въ писательномъ художествѣ, или въ книжномъ ученіи, или въ какомъ рукодѣліи, если есть, или въ иномъ какомъ-либо художествѣ о Господѣ; только не будьте праздны»... и проч. Вообще эта заключительная часть разбираемаго слова очень обширна и назидательна и, по справедливости, можетъ быть названа однимъ изъ лучшихъ поученій автора.

V. Три остальныя слова въ «Соборникѣ» Даніиловомъ (14—16), судя по заглавію и второй части каждаго изъ нихъ, имѣютъ предметомъ вопросы церковно-практическіе, и именно два первыя—вопросъ о нерасторжимости брака, а третье—вопросъ о бракѣ второмъ и третьемъ. Но судя по первой и заключительной части каждаго изъ этихъ словъ, всѣ они преимущественно содержанія нравственнаго и ничѣмъ не отличаются отъ предшествовавшихъ словъ, только что нами разсмотрѣнныхъ. Надобно также замѣтить, что всѣ эти три слова, по объему своему, самыя краткія изъ всѣхъ словъ въ «Соборникѣ».

Четырнадцатое слово ([16]) авторъ желалъ, повидимому, поставить въ связи съ предыдущимъ и начинаетъ слѣдующими фразами, выражающими какбы выводъ изъ того, о чемъ онъ тамъ бесѣдовалъ: «возлюбленные о Христѣ братіе! Не все тщаніе и попеченіе прилично намъ, христіанамъ, имѣть о настоящей жизни, но подобаетъ стяжать все тщаніе и попеченіе о жизни будущей, и помышляемъ ли мы что въ нашемъ умѣ, или говоримъ, или дѣлаемъ, все да бываетъ ради Бога, по волѣ Его, а не по нашимъ плотскимъ волямъ». Сказавъ послѣ этого очень коротко объ обязанности христіанина держаться заповѣдей Христовыхъ, преданій апостольскихъ и ученія отеческаго, любить Бога болѣе всего, даже собственной души, быть мудрымъ, тихимъ, кроткимъ, смиреннымъ, святитель продолжаетъ: «подобаетъ христіанину, по слову Господа, не разлучаться отъ жены своей, развѣ словеси прелюбодѣйнаго», и указываетъ на

([16]) Заглавіе его: «Не подобаетъ мужу отъ жены, ни женѣ отъ мужа разлучатися, развѣ блудныя вины. Слово 14».

первозданную чету, которую Богъ сочеталъ, но не разлучилъ даже послѣ того, какъ жена соблазнила мужа и сотворила ему великую бѣду; на жену Іова, не оставившую его, не смотря на его болѣзнь; на извѣстныя изреченія Спасителя и апостола Павла о нерасторжимости брака; наконецъ заключаетъ первую часть слова общими замѣчаніями, что добро и великое добро—цѣломудріе и чистота, любовь и милость; добро довольствоваться только необходимымъ въ жизни, а все попеченіе имѣть о небесномъ; добро не преступать законныхъ уставовъ и соблюдать божественныя заповѣди. Во второй части приведено нѣсколько текстовъ изъ новаго завѣта, нѣсколько краткихъ изреченій Василія Великаго и Іоанна Златоустаго и нѣсколько правилъ Тимоѳея Александрійскаго, Василія Великаго и соборовъ карѳагенскаго и трульскаго—о нерасторжимости брака. Въ послѣдней части авторъ учитъ быть тихими, кроткими, смиренномудрыми, не испытывать судебъ Божіихъ, не судить и не роптать на промыслъ, когда мы видимъ, какъ одни возвышаются, другіе низпадаютъ, грѣшники благоденствуютъ, праведники страждутъ, одни умираютъ въ младенчествѣ, другіе живутъ долго; учитъ пребывать въ заповѣдяхъ Христовыхъ, въ преданіяхъ и ученіяхъ апостольскихъ и отеческихъ, чтить св. церковь и ея настоятелей, чтить царя, вельможъ и воеводъ, любить своихъ женъ и не обижать ихъ («ты же грызеши ея непрестанно, якоже и ума изступити ей отъ твоего свѣрѣпства; престани, тако творя, о человѣче!»), не позволять имъ излишнихъ украшеній для предотвращенія соблазна и большихъ расходовъ, наблюдать мѣру во всемъ, въ пищѣ, питіи, въ сапогахъ, одеждахъ и умовеніи.

Въ *пятнадцатомъ* словѣ ([19]) вся первая часть, впрочемъ очень небольшая, наполнена афоризмами въ такомъ родѣ: «всякая вещь, и начиненіе, и дѣло, и слово, да бываетъ для Бога и о Богѣ...; все проходитъ, все мимотечетъ, душа же не мимошественна; блаженна слава не настоящая, но будущая; добро—отечество-рай; добро—вѣнцы терпѣнія; добро—въ благочестіи умереть, нежели предать благочестіе...; если не можешь жить безъ жены, вступи въ бракъ: жена не препятствуетъ благому житію...; иное обычай утвердилъ, и соблюдается даже непреданный въ писаніи церковный обычай, какъ законъ...; другъ вѣрный—помощь крѣпкая...; имѣющій печаль о будущемъ всегда радуется въ сердцѣ...; ты купецъ, подвизайся, пока не разошелся торгъ»... Во второй части приведены только два правила Василія Великаго и одно трульскаго собора съ толкованіями Аристина и Вальсамона, относящіяся къ тѣмъ случаямъ, когда мужъ или жена оставляютъ другъ друга не ради словеси прелюбодѣйнаго, и къ установившемуся, вслѣдствіе обычая, взгляду на такіе случаи. Въ послѣдней части сначала митрополитъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые, хотя мнятся быть вѣрными, поносятъ имѣющихъ вѣру и благочестіе, и одни осуждаютъ безмолвіе о Христѣ и удаленіе отъ людей, плотское мудрствующихъ; другіе—тихость, кротость, смиреніе, простоту въ разумѣ; третьи, одержимые недугомъ зависти, подвергаютъ ближнихъ многимъ напастямъ и бѣдамъ; довольно подробно описываетъ гибельныя

([19]) Заглавіе его: «По евангельскому словеси не подобаетъ мужу отъ жены, и женѣ отъ мужа разлучатися, аще не блудныя вины, обычай же о сихъ иная удержа. Слово 15».

дѣйствія зависти и убѣждаетъ: «отсѣчемъ же, возлюбленные, многоглаваго звѣря — всепагубную зависть, покажемъ изящное житіе; разумѣю не жестоту, не поты чрезмѣрные, не низулеганіе, не посты и жажды, но не завидуй, не лукавствуй, не клевещи, не лжи, не лихоимствуй, не сквернословь, не обижай, будь кротокъ, смиренъ, любовенъ, милостивъ, удержи ярость, отринь свирѣпство, отгони тщеславіе... 'Добро постъ, но когда нѣтъ иныхъ добродѣтелей, онъ не имѣетъ силы... Не должно безразсудно устроять себя въ скудости пищи и питія, и разслабляться, дѣлаться безчувственнымъ и немощнымъ для подвиговъ: но должно, по силѣ тѣлесной, умѣрять воздержаніе, воздерживаться не отъ пищи, а отъ объяденія, и не отъ вина, а отъ пьянства». За симъ слѣдуютъ новыя, болѣе рѣзкія обличенія: «откуда многогубительные расходы и долги? Не отъ гордости ли и безумныхъ проторовъ и на жену и на дѣтей? Откуда кабалы, и поруки, и сиротство, и рыданіе, и мычаніе, и слезы? Всегда наслажденія и упитанія, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистые, всегда праздность и безумныя таскапія, какбы нѣкоихъ мошейниковъ и оманниковъ, по демонскому наученію. Всякъ лѣнится учиться художеству, всѣ бѣгаютъ рукодѣлія, всѣ пренебрегаютъ торгованіемъ, всѣ поносятъ земледѣльцевъ. Всѣ уклоняются отъ душеполезныхъ притчей и повѣстей, всѣ бѣгаютъ духовныхъ бесѣдъ, всѣ любятъ плотское, всѣмъ радостно грѣховное и беззаконное, всѣ хотятъ жить на землѣ, всѣ не памятуютъ о жизни по смерти. Всѣ красятся и упестреваются, и въ томъ весь умъ свой изнурили,

и уже и на небо, не знаю, какъ взираютъ; всѣ кощунники, всѣ смѣхотворцы, всѣ злоязычники и клеветники». Впрочемъ,—заключаетъ свою рѣчь авторъ,—«я говорю это, не другихъ осуждая и понося, но возбуждая свою лѣность; а васъ умоляю,—ибо вы моя радость, вы моя сладость, вы моя слава, вы моя честь, вы мое богатство; — обуздаемъ возлюбленные языкъ нашъ, удержимъ несмысленныя вѣщанія, будемъ бѣгать тучныхъ трапезъ и пьянствъ, бѣгать блудницъ и сіяющихъ лицъ и свѣтлости тѣла; поживемъ чистотою, кротостію, смиреніемъ и любовію, просвѣтимъ себя и другихъ милостынею, да сподобимся и настоящаго житія во славу Божію и будущихъ благъ»...

Въ первой части *шестнадцатаго* слова ([20]) митрополитъ преподаетъ слѣдующее, весьма краткое поученіе: «преблагій Богъ надвое раздѣлилъ человѣческое житіе, на дѣвственное и на брачное. Если кто изволитъ дѣвственное житіе, тотъ будетъ имѣть великое дарованіе, ибо оно приноситъ многосугубный плодъ, сторицею... А кто не можетъ придти въ тризницу терпѣнія и страданій дѣвственнаго, ангельскаго иноческаго житія, тотъ да пріобщится, по закону брачному, женѣ, что изначала повелѣлъ Богъ и похвалилъ апостолъ, сказавъ: *бракъ честенъ и ложе нескверно*... Если же кто предается нечистотѣ блудниковъ и прелюбодѣевъ, тотъ пріиметъ вѣчное мученіе. Не стоитъ никому иждивать дни свои напрасно и всуе и прочить себѣ мимотекущее: ибо нѣтъ ничего на землѣ прочнаго и постояннаго, все превращается и проходитъ, какъ тѣнь. Посему, о возлюбленные,

([20]) Заглавіе его: «О вторѣмъ бракѣ совокупленія. Слово 16».

будемъ плакать и внимать себѣ вcѣ, и оженившіеся и не оженившіеся, да пріобрѣтаемъ все во славу Божію, и исполнимся духа радости, и получимъ и настоящая и будущая благая, благодатію Господа нашего Іисуса Христа». Во второй части приведены по три краткихъ изреченія Василія Великаго и Іоанна Златоустаго относительно втораго брака и правила св. соборовъ, одно лаодикійскаго и два неокесарійскаго, и св. отцевъ, три Василія Великаго и одно Никифора, патріарха константинопольскаго, относительно втораго, третьяго и четвертаго браковъ. Въ послѣдней части ([21]) митрополитъ снова говоритъ, что все въ мірѣ быстротечно, что и сладость его, и величіе, и слава—все басни, все паутина, все дымъ и трава, и цвѣтъ травный, и тѣнь, и сонъ. Вооружается противъ пристрастія къ пищѣ, противъ пьянства, роскоши, позорищъ: «какое божественное писаніе похваляетъ пищу и пьянство, какія Христовы заповѣди и апостольское преданіе предали толстыя и тучныя трапезы? Доколѣ питаніе, доколѣ играніе и роскошь, доколѣ надменіе и тунеядство, и отъ того займы и поруки и кабалы, а женѣ и дѣтямъ—вопли и слезы и тебѣ самому исчезновеніе и изступленіе ума? Что предпосылаешь на небеса? Величіе ли гордыни, объяденіе ли и пьянство?»... Убѣждаетъ всѣхъ пребывать и исполнять евангельскія заповѣди въ томъ званіи, въ какое кто званъ: «властелинъ ли ты, судія ли, воинъ, послушникъ, купецъ; рукодѣльникъ ли, земледѣлецъ ли, ловецъ, пчеловодъ, ка-

---

([21]) Въ древнѣйшемъ спискѣ «Соборника» Даніилова, принадлежащемъ Моск. Д. Академіи, недостаетъ всей этой послѣдней части 16-го слова, и она переписана для насъ съ списка этой Сборника Московск. синод. библіотеки.

меносѣчецъ, кузнецъ, швецъ, древодѣлъ; писецъ ли, зодчій ли, философъ ли, и всѣ, пріявшіе отъ Господа художество,—трудитесь, дѣлайте, работая со вниманіемъ, не ради рукодѣлія и мамоны, но какъ для Бога, и такимъ образомъ отъ труда своего, по силѣ, подавайте церкви Божіей, и нищимъ, и страннымъ, и употребляйте на свои потребы и проторы»... Даетъ частныя наставленія властямъ и судіямъ творить милость и правду всегда, воинамъ—никого не обижать и быть довольными своими оброками, послушникамъ—быть твердыми въ своемъ послушаніи; убѣждаетъ всѣхъ вообще подвизаться о Господѣ и бѣгать тунеядства и праздности, напоминая, что еще Адаму заповѣданъ былъ трудъ и дѣланіе, какъ до паденія, такъ и послѣ паденія, что самъ Христосъ потрудился на землѣ ради нашего спасенія и оставилъ намъ примѣръ для подражанія, сама Богородица постоянно пребывала въ постѣ и въ бдѣніи и въ рукодѣліи, и апостолы дѣлали своими руками, и оканчиваетъ слово пожеланіемъ христіанамъ получить вѣчныя блага, благодатію Господа Іисуса Христа.

II.

Въ Сборникѣ митрополита Даніила, нами разсмотрѣнномъ, содержатся слова его, обращенныя ко всѣмъ православнымъ христіанамъ; здѣсь онъ желалъ, какъ самъ выражается, предложить духовную трапезу всѣмъ вообще своимъ духовнымъ чадамъ. Въ другомъ Сборникѣ помѣщены только такія его сочиненія, которыя адресованы имъ отдѣльнымъ лицамъ, или отдѣльнымъ монашескимъ общинамъ, именно

двѣнадцать посланій его и одно поученіе, хотя, по содержанію своему, и эти сочиненія представляютъ не мало поучительнаго и назидательнаго для всякаго благочестиваго читателя,—что и могло послужить главнымъ побужденіемъ къ собранію ихъ и изданію въ особой книгѣ. Кѣмъ составленъ этотъ второй Сборникъ сочиненій Даніила, неизвѣстно; но онъ могъ быть составленъ самимъ Даніиломъ; по крайней мѣрѣ, онъ составленъ видимо по образцу перваго Сборника Даніилова: и здѣсь, какъ тамъ, всѣ помѣщенныя сочиненія названы словами (слово 1-е, слово 2-е и т. д.), и подъ каждымъ словомъ поставлено оглавленіе его или краткое его содержаніе ([22]). Но

([22]) Въ упомянутомъ выше (примѣч. 5) рукописномъ Сборникѣ Новгор. Соф. библ., № 1281, вслѣдъ за этими тринадцатью сочиненіями Даніила, изъ которыхъ каждое названо въ заглавіи своемъ словомъ (слово 1, слово 2... и, наконецъ, слово 13-е) и каждое прямо приписывается Даніилу, помѣщено посланіе къ царю Ивану Васильевичу IV, которое потому нѣкоторые усвояютъ также Даніилу (*Востоκ.* Опис. Рум. Муз. 158; *преосв. Филар.* Обз. Русск. Дух. Литер., въ статьѣ о Даніилѣ). Но несправедливо: ибо 1) посланіе это не названо въ заглавіи словомъ 14-мъ и не приписывается Даніилу, какъ слѣдовало бы ожидать, еслибы собирателемъ или переписчикомъ оно было признаваемо за сочиненіе Даніила на ряду съ другими тринадцатью, помѣщенными прежде; 2) въ то время, когда Даніилъ уже оставлялъ свою митрополитскую каѳедру, царю Іоанну было едва девять лѣтъ; а въ посланіи кто-то обращается къ царю, какъ къ взрослому, изображаетъ предъ нимъ разныя беззаконія русской земли, вооружается противъ брадобритія и особенно подробно противъ содомскаго грѣха (чего девятилѣтній, конечно, не могъ бы и понять), и, убѣждая царя искоренить этотъ грѣхъ, въ двухъ мѣстахъ повторяетъ: «аще искорениши злое се беззаконіе.... безъ труда спасешися и *прежній свой грѣхъ* оцыстиши». Посланіе это могло быть написано къ Іоанну или митрополитомъ Макаріемъ, который, какъ извѣстно, въ своихъ посланіяхъ дѣйствительно возставалъ и противъ брадобритія и противъ содомскаго грѣха, или попомъ Сильвестромъ, два посланія котораго къ князю Шуйскому, казанскому намѣстнику, помѣщены непосредственно за этимъ самымъ посланіемъ къ царю Іоанну въ томъ же рукописномъ Сборникѣ.

внутреннему характеру, статьи втораго Сборника совершенно однородны съ словами перваго Сборника: и въ этихъ статьяхъ Даніилъ старается учить и наставлять не столько отъ себя, сколько отъ божественныхъ писаній, приводитъ свидѣтельства отеческія, хотя не во всѣхъ статьяхъ и въ меньшемъ количествѣ, и излагаетъ приводимыя свидѣтельства большею частію не безсвязно и не въ особой части, какъ то сдѣлано въ словахъ перваго Сборника, а въ связи съ своими собственными мыслями. Изъ тринадцати сочиненій Даніила, находящихся во второмъ Сборникѣ, только о двухъ извѣстно, къ кому они адресованы; это поученіе къ братіи Іосифо-волоколамскаго монастыря и посланіе во владимірскій николаевскій Волосовъ монастырь. Два другія сочиненія или посланія написаны къ какому-то епископу, неизвѣстному по имени. Остальныя девять адресованы къ лицамъ совершенно неизвѣстнымъ.

Поученіе къ братіи Іосифова волоколамскаго монастыря Даніилъ написалъ еще въ то время, когда былъ настоятелемъ этой обители ([23]). А потому естественно, если онъ началъ свое поученіе слѣдующими словами: «Братіе мои духовные и отцы! Я весьма удивляюсь, что вы вопрошаете меня, худаго и недостойнаго инока Даніила, что̀ есть уставъ общаго житія, и повелѣваете мнѣ писаніемъ о семъ засвидѣтельствовать небрегущимъ и невнимающимъ. Что это? Не понимаю: искушаете ли вы меня, или по-

([23]) Заглавіе поученія: „Того же (т. е. митрополита Даніила) о иноческомъ законѣ и правилѣ обьщаго житіа въ святей обители преславныя Богородица, во общемъ Иосифове монастыре, егда начальство игуменства съдержа и понудиша его старцы сія написати къ спасенію душамъ отъ свѣдетельства божественныхъ писаній. Слово 7».

ступаете такъ отъ полноты вѣры и любви къ моей худости? Вы имѣете многія преданія преподобнаго отца нашего, игумена Іосифа, объ иноческомъ и общежительномъ пребываніи. А я, грѣшный и худый, что́ скажу или что стану излагать, какъ не тѣ же божественныя писанія, которыя вы сами больше меня, непотребнаго, всегда знаете»? За тѣмъ непосредственно говоритъ, что, по уставу иноческаго общежитія, иноки должны имѣть все общимъ и никто не долженъ имѣть ничего своего; что они должны постоянно бодрствовать противъ духовнаго врага—діавола,—въ подтвержденіе чего приводитъ наставленія апостола Петра, Ефрема Сирина, Исихія Іерусалимскаго и Екклезіаста,—и что иноки должны отличаться отреченіемъ отъ міра и совершенною нестяжательностію. Отъ этихъ общихъ мыслей обращаясь къ своимъ братіямъ, Даніилъ умоляетъ ихъ именемъ Господа позаботиться о своихъ душахъ и отвергнуть отъ себя всякое небреженіе и безчиніе; напоминаетъ имъ ихъ первые дни, когда они пришли въ тихое пристанище монастырское, оставивъ міръ, родныхъ, друзей, и изрекли обѣты совершенной нестяжательности и нищеты, глубочайшаго смиренія и послушанія, цѣломудрія и чистоты; указываетъ на то, что они въ своей обители могутъ жить во всякомъ покоѣ и безпечаліи, имѣютъ для себя все готовое, и пищу, и одежду, и обувь, и всѣ необходимыя вещи, въ казнѣ монастырской, и объясняетъ, что послѣ этого они должны отложить «всякія особьныя стяжанія и особьное рукодѣліе» и пещися только объ исполненіи заповѣдей Господнихъ и правилъ иноческаго житія; а если они, имѣя всего вдоволь въ общей казнѣ мо-

настырской на всякія свои потребы, держатъ еще особьныя стяжанія и вещи, ради сребролюбія, продаютъ и покупаютъ, берутъ росты на росты и за свои рукодѣлія копятъ сребро и золото, то они должны подлежать строгому отвѣту предъ Богомъ и не избѣгнутъ страшныхъ мукъ геенскихъ. Приведши за тѣмъ изреченія св. отцевъ и учителей церкви— Василія Великаго, Аммона пресвитера, Іоанна Лѣствичника, Григорія Богослова, Ефрема Сирина и Нила, одно правило константинопольскаго перво-втораго собора, два узаконенія царя Іустиніана и два отрывка изъ «Старчества», проповѣдникъ заключаетъ свое поученіе такъ: «слышали ли вы, отцы мои и братіе возлюбленные, божественныя слова и наставленіе св. отцевъ нашихъ? Не всѣ ли они говорятъ одно, что не должны иноки имѣть стяжанія особьнаго, имѣя покой и все нужное въ казнѣ своего общаго монастыря? А что̀ еще страшнѣе, они говорятъ, что если инокъ преступаетъ законъ Св. Духа и развращаетъ уставы св. отцевъ, то такой долженъ быть изгнанъ изъ обители, и когда изыдетъ въ другой монастырь, долженъ оставить свое особьное стяжаніе въ первомъ монастырѣ, гдѣ былъ постриженъ,— какъ гласятъ и градскіе законы. Слыша такія наставленія отцевъ нашихъ, возлюбленные братіе, оставимъ всѣ наши особьныя стяжанія Господа ради..., и съ радостію потечемъ на дѣланіе заповѣдей Его, пребывая въ молчаніи и нестяжаніи, послушаніи и смиреніи..., нося тяготы другъ друга, не воздавая никому зломъ за зло и не возносясь своимъ благородствомъ. Пусть никто не говоритъ: я рода царскаго, и даже не помышляетъ: я изъ рода великихъ бояръ.

Пусть никто не поднимаетъ вверхъ бровей своихъ, говоря: мы рождены и воспитаны отъ свѣтлыхъ и благородныхъ родителей, а сей изъ рода убогихъ и нищихъ, воспитанъ отъ худыхъ родителей и былъ рабомъ такого-то. Нѣтъ, братіе, никто такъ да не помышляетъ и не говоритъ: это пагубная гордость... А лучше будемъ въ смиреніи возносить другъ друга, покаряться другъ другу, а всего болѣе работать Господу..., да получимъ вѣчныя блага о Христѣ Іисусѣ»...

Посланіе во владимірскій николаевскій Волосовъ монастырь митрополитъ Даніилъ написалъ въ отвѣтъ на посланіе къ нему игумена и старцевъ этого монастыря, жаловавшихся, что у нихъ, вопреки общежительному уставу, пресвитеры и діаконы берутъ приносимое отъ христолюбцевъ по рукамъ, а не въ монастырскую казну, и вообще просившихъ архипастырскаго наставленія ([24]). Соотвѣтственно этому митрополитъ прежде всего заповѣдуетъ, чтобы не давали воли такимъ пресвитерамъ и діаконамъ, а собираніе подаяній и доходовъ въ монастырскую казну поручили добрымъ духовнымъ старцамъ; чтобы никто не смѣлъ, безъ благословенія игумена, провожать приходящихъ христолюбцевъ за монастырь и выпрашивать себѣ у нихъ милостыню деньгами или одеждою, и чтобы игуменъ, если кто изъ пресвитеровъ или изъ простыхъ иноковъ будетъ уличенъ въ лихоимствѣ, постепенно подвергалъ такого разнымъ взы-

([24]) Заглавіе этого посланія: «Посланіе грѣшнаго и худаго инока Данила, милостію Божіею митрополита всея Русін, въ Володимеръ во обитель святаго чудотворца Николы на Волосово, во общій монастырь митрополіи всея Руси, игумену Паонотію и съ братею, о благочиненіи и крѣпости монастырскаго устава. Слово 1».

сканіямъ, а въ случаѣ неисправленія и совсѣмъ удалялъ изъ обители. Затѣмъ митрополитъ даетъ общія наставленія игумену и всей братіи, согласно съ правилами общежитія, касательно трапезы, келлій, церкви, управленія монастыремъ, монастырскаго суда, и убѣждаетъ игумена быть истиннымъ пастыремъ своихъ духовныхъ овецъ и отечески заботиться о всѣхъ ихъ нуждахъ, тѣлесныхъ и духовныхъ, а инокамъ внушаетъ, прежде другихъ добродѣтелей, стяжать смиреніе и не велемудрствовать, не превозноситься ни многолѣтнимъ иночествомъ, ни дѣлами художественными, ни словесами сладкоглаголанными, ни изящнымъ благородіемъ или величествомъ сана, ни богатствомъ приношеній: смиреніе есть дверь въ царствіе небесное.

Два посланія къ какому-то епископу написаны одно за другимъ по поводу недобрыхъ извѣстій о немъ, о его сребролюбіи и небрежности къ своему долгу ([25]). «Такъ какъ до меня, недостойнаго инока Даніила, — говоритъ митрополитъ,—дошли многія и различныя слова о тебѣ, возлюбленный и духовный мой брате, епископе, то я и написалъ къ тебѣ это посланіе. Ибо хотя я и самъ окаяненъ, но тебѣ и другимъ я долженъ говорить и писать полезное, да и самъ, хоть мало воспрянувъ отъ лѣности и унынія, постараюсь творить благое. И какое зло злѣе всѣхъ? Всякая неправда, и хищеніе, и лихоимство—зло; но злѣйшее изъ всѣхъ золъ и достойное ненависти есть, о благолюбецъ, сребролюбіе: ибо сребролюбецъ бы-

([25]) Первое изъ этихъ посланій озаглавлено: «Того же посланіе къ нѣкоему епископу: понеже нѣцыи человѣцы принесоша ему рѣчи на епископа, яко небрежено и лихоимственно житие имать, и сего ради скоро, вькратьцѣ изложивъ, посылаетъ. Слово 2».

ваетъ виною многихъ и великихъ золъ. Посему, о любимиче, утрезвимся, пока есть время.... Будемъ соблюдать себя, чтобы не прельстило насъ житіе сіе суетное и скоро погибающее красотою, славою, богатствомъ, пищею и пьянствомъ... Помыслимъ о себѣ, для чего мы поставлены: не для того ли, чтобы учить божественнымъ заповѣдямъ, наставлять и обращать заблудшихъ, утѣшать печальныхъ, врачевать недужныхъ и, если имѣемъ потребное, раздавать нищимъ и убогимъ, и ко всѣмъ людямъ быть милостивыми и кроткими?... О томъ мы безпрестанно должны помышлять, какъ бы заботиться о порученномъ намъ стадѣ, за которое должны будемъ воздать слово на страшномъ судѣ Христовомъ... Не престанемъ же учить и наставлять порученныхъ намъ людей; если и ненавидятъ и озлобляютъ насъ, но мы не престанемъ творить сего божественнаго дѣла, не будемъ погребать таланта въ пищѣ и сокрывать бисера Господня въ пьянствѣ... Уцѣломудримся, истрезвимся..., отвергнемъ отъ себя нечеловѣколюбіе и лихоимство и возлюбимъ людей, а не серебро и золото»... Посланіе это очень кратко.

«Прежде я написалъ къ тебѣ вкороткѣ спѣшное посланіе, любимиче мой; а нынѣ, благодатію Христовою, я вновь пишу на пользу тебѣ и другимъ, наиболѣе же—возбуждая отъ зла свое окаянство»,—такъ начинаетъ Даніилъ второе, болѣе обширное, посланіе свое къ тому же епископу ([26]). Въ самомъ посланіи онъ развиваетъ двѣ мысли: во первыхъ—ту,

([26]) Заглавіе: „Тогоже посланіе къ тому же епископу: яко святительскый приемлющимъ санъ много подобаетъ попѣченіа имѣти о себѣ же и о пастырьствѣ и ни отъ себе учити или отъ своего разума составляти что, но отъ свидетельства божественныхъ писаній. Слово 3“

что истинный пастырь церкви болѣе всего заботится, чтобы учить спасенію порученныхъ ему людей и чтобы еще прежде самому удаляться отъ всякаго зла въ примѣръ своимъ пасомымъ; а во вторыхъ-ту, что онъ долженъ учить не отъ себя, не отъ своего разума, но отъ божественнаго писанія, и не иначе, какъ согласно съ преданіями св. апостоловъ и св. отцевъ,— въ подтвержденіе чего приводитъ изреченія Θеодора Студита, Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго и 19-е правило шестаго вселенскаго собора, угрожая анаθемою на нарушеніе и искаженіе этихъ священныхъ преданій. Подъ конецъ же посланія, обращаясь къ епископу, говоритъ: «итакъ, умалимъ пищу и пьянство, угасимъ неправедную ярость, отложимъ злой недугъ сребролюбія... и да не лѣнимся учить всѣхъ и свѣтомъ заповѣдей Господнихъ наставлять на истину и благочестіе. Если попечемся творить и учить, какъ угодно Христу Богу, то мы удостоимся получить блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его».

Посланія Даніила къ лицамъ неизвѣстнымъ могутъ быть различаемы по ихъ содержанію. Въ числѣ этихъ посланій два имѣютъ характеръ преимущественно учительный, три излагаютъ болѣе общія нравственныя размышленія и наставленія о благочестіи, о исправленіи жизни, о побужденіяхъ къ тому, и четыре касаются наиболѣе нѣкоторыхъ частныхъ добродѣтелей, каковы цѣломудріе, чистота и проч.

Одно изъ учительныхъ посланій написано, какъ видно изъ содержанія его, къ какому-то міранину, лицу благородному и облеченному властію ([27]). Въ на-

([27]) Заглавіе: „О наказаніи, якоже пріяхомъ отъ Бога и отъ свя-

чалѣ посланія митрополитъ какбы извиняется предъ этимъ лицемъ и выражается о себѣ съ своимъ обычнымъ смиреніемъ: «Я весьма удивился вѣрѣ и любви твоей, о благочестие, что ты не возгнушался грубаго, и несмысленнаго, и мірскаго наученія (наказанія) на пользу души. Тебѣ бы просить сего отъ людей, пребывающихъ въ добродѣтели и вникнувшихъ во глубину разума божественныхъ писаній, а не отъ меня, грѣшнаго и несмысленнаго инока Даніила. — Но какъ вѣра и любовь твоя не оставляютъ меня,— ибо много времени стужаешь мнѣ о семъ,—то, отрясши нелѣпое уныніе, и тяжкій сонъ, и проклятую лѣность, я постарался объ отвѣтѣ, сколько могъ по моей худости, твоему благому произволенію, да неоскорбится еще болѣе благородіе твое. Ибо знаю, знаю, о любезне, что и прежде ты не мало огорчился за непослушаніе моего недостоинства преподать тебѣ душеполезное наученіе. Но знай же, о благородне, что я и самъ весьма требую благаго наученія, и если бы могъ уединиться и укрыться отъ таковаго служенія, которое выше моей мѣры, то очень возлюбилъ бы быть научаемымъ, а не научать другихъ»... Въ самомъ посланіи представляются три главныя части. Въ первой митрополитъ разсуждаетъ о наказаніи, т. е. наученіи, что оно и полезно, и свѣтозарно, и пло-

---

тыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ церковная преданія и законъ, сице съдрѣжати и вѣровати и почитати подобаетъ, и како отъ Бога научени святіи апостоли человѣческое житие на двѣ живни уставиша: на девьственное, сирѣчь на иноческое, и на супружное, и яко хотящему притещи но иноческое житие преже искуситися подобаетъ, и яко лѣпо есть пришедшему къ законьному браку съхранити цѣломудріе и чистоту, сирѣчь кромѣ законьныя его жены не смѣситися любодѣйствомъ, понеже цѣломудріе и чистота многажды отъ смерти избавляетъ человѣка. Слово 6».

доносно, всѣхъ обогащаетъ, всѣхъ умудряетъ, всѣхъ насыщаетъ, всѣхъ цѣлитъ и живитъ; что оно всѣмъ прилично, и юнымъ и старцамъ, и простымъ и благороднымъ, и убогимъ и богатымъ, и власть имѣющимъ и подчиненнымъ; что основаніемъ наученія должна быть вѣра въ тріипостаснаго Бога и воплотившагося Сына Божія и вообще все исповѣданіе вѣры, которое приняла отъ Христа и апостоловъ и неизмѣнно содержитъ св. соборная церковь, отвергая ученія и преданія еретическія, и что мы должны непоколебимо соблюдать, какъ эту вѣру, такъ вмѣстѣ съ нею и данные нами обѣты при крещеніи и всѣ Христовы заповѣди. Во второй части раскрываетъ ученіе, что каждый христіанинъ долженъ избрать для себя одно изъ двухъ житій, дѣвственное и цѣломудренное, или брачное: такъ какъ то и другое равно установлены самими апостолами по повелѣнію Божію, въ доказательство чего указываетъ на примѣръ апостоловъ Петра и Павла и приводитъ ученіе послѣдняго о дѣвствѣ и брачной жизни и свидѣтельства о томъ же Діонисія Ареопагита, Евсевія, Аѳанасія и Василія Великихъ, а затѣмъ объясняетъ, что желающій избрать дѣвственное или иноческое житіе, долженъ предварительно испытать, искусить себя, какъ заповѣдали отцы, чтобы быть достойнымъ инокомъ, а рѣшившійся вступить въ бракъ и жить въ мірѣ долженъ непремѣнно исполнять христіанскія заповѣди, не смотря на всѣ препятствія и искушенія. Въ третьей части излагаетъ мысли, что не одни иноки должны быть цѣломудренны, но и всякій, вступившій въ бракъ, долженъ сохранять чистоту и цѣломудріе, т. е. довольствоваться одною своею женою и удержи-

ваться отъ всякаго любодѣянія и прелюбодѣянія: ибо оскверняющіеся блудомъ и прелюбодѣйствомъ поражаются гнѣвомъ Божіимъ и потребляются отъ земли живыхъ, а чистота о Христѣ избавляетъ человѣка отъ смерти,—въ подтвержденіе чего приводятся примѣры изъ священной ветхозавѣтной исторіи и разсказы изъ житій святыхъ—о Николаѣ воинѣ, о какомъ-то властелинѣ Михаилѣ и другихъ, равно и свидѣтельства нѣкоторыхъ отцевъ. Въ заключеніи посланія митрополитъ пишетъ: «все это я, по силѣ худости моей, подвигся собрать отъ божественныхъ писаній и послалъ благочестію твоему, хотя я недостоинъ и окаяненъ, ради твоего спасенія, и вѣры, и любви ко мнѣ, недостойному, отъ начала и до нынѣ. Только имѣй любовь не ко мнѣ одному, а ко всѣмъ; не взирай на благородіе твое и не возносись, имѣя власть, но пребывай въ смиреніи: ибо смиренныхъ Богъ возноситъ, а гордымъ противится»...

Другое поучительное посланіе написано къ какому-то иноку, который все искушалъ себя, думалъ удалиться въ пустыню изъ общежительнаго монастыря и все недоумѣвалъ, гдѣ удобнѣе спастися, въ пустынѣ ли, или въ общежитіи ([28]). Митрополитъ строго начинаетъ рѣчь свою къ этому иноку: «я узнаю въ тебѣ болѣе мятежелюбца и суемудреннаго, нежели пустынколюбца и любителя молчанія. Діаволъ ловитъ тебя, послѣ многихъ его злыхъ коварствъ, навѣтомъ добраго, или ты самъ ввергаешь себя въ ровъ по неразумію. Ты говорилъ: хочу поискуситися, и еще

([28]) Заглавіе посланія: «О различии иноческаго жительства, и како велми удобно къ спасенію обьщее житіе, аще по Бозѣ имѣютъ разумъ свой, такоже и пустынное житие, и яко творяй волю Божію на всякомъ мѣсте спасеніе обрящетъ. Слово 5».

поискуситися,—и твоимъ искусамъ я уже и числа не знаю, ибо искусъ искуснаго, т. е. внимающаго, научаетъ. Если такъ ты рѣшился провождать жизнь свою, то ты со мною, грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даніиломъ, совѣта о семъ не имѣй»... Вскорѣ, однакожъ, рѣчь митрополита смягчается, и онъ продолжаетъ: «ты писалъ къ моей худости о разныхъ иноческихъ житіяхъ,—общемъ, особномъ и пустынномъ, и спрашиваешь, которое изъ нихъ удобнѣе ко спасенію. Но ты, любимиче, самъ знаешь, что удобнѣе ко спасенію то, чтобы жить по волѣ Бога и творить Его заповѣди, и повсюду, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ иного пути, кромѣ этого, нѣтъ. Ибо сказалъ Христосъ: *не всякъ, глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, иже на небесѣхъ»*... Обращаясь за тѣмъ собственно къ иноческому житію, митрополитъ сначала излагаетъ общее ученіе о трехъ видахъ этого житія: житіи особномъ, отшельническомъ—въ совершенномъ уединеніи или пустынѣ, житіи съ двумя или тремя братіями—въ скитѣ и житіи общежительномъ со многими братіями въ общихъ монастыряхъ, и кратко показываетъ удобства и неудобства того и другаго и третьяго житія. Потомъ, въ частности, говоритъ—а) о житіи особномъ, пустынномъ, о его высокихъ требованіяхъ и трудностяхъ, и порицаетъ нѣкоторыхъ «неразумныхъ пустынниковъ» своего времени, которые служили соблазномъ для всѣхъ, носили только имя пустынниковъ, а не могли провести въ уединеніи и безмолвіи и одного дня, безпрестанно вели споры съ иноками общежительныхъ монастырей, навязывая имъ свои законы, и, переманивая ихъ къ себѣ, счи-

тали однихъ себя великими, святыми, угодившими Богу, а всѣхъ другихъ худѣйшими, всѣхъ учили, всѣхъ наставляли; б) о житіи съ двумя или тремя братіями, которое называетъ среднимъ или царскимъ путемъ, и о житіи общежительномъ, объясняетъ требованія того и другаго и также порицаетъ нѣкоторыхъ общежительныхъ иноковъ за ихъ своеволіе и безчинную жизнь. Наконецъ, выводитъ то общее заключеніе, что можно спастись во всѣхъ видахъ иноческаго житія, если только исполнять ихъ требованія: «можно спастись и въ общемъ житіи и въ пустынѣ, но только если будемъ жить по волѣ Божіей и по свидѣтельству св. писаній, а не по нашимъ страстнымъ хотѣніямъ; вездѣ найдешь угодившихъ Богу, если поищешь: многіе спаслись и во градахъ, многіе спаслись и въ общихъ монастыряхъ, многіе спаслись и въ пустыняхъ; равно какъ и погибшихъ тамъ обрѣтаемъ». При раскрытіи этихъ своихъ мыслей митрополитъ пользовался свидѣтельствами Іоанна Лѣствичника, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Симеона новаго богослова, Никиты Стиѳата, Сираха Іерусалимскаго, Ефрема Сирина и Кирилла Александрійскаго. Посланіе оканчивается совѣтами иноку—жить духовно, исполнять заповѣди Господни и преданія св. отцевъ, вмѣстѣ съ живущими съ нимъ братіями, любить во всемъ иноческое житіе, нестяжательность, убожество, удаленіе отъ мірскаго, чтеніе божественныхъ писаній, рукодѣліе и проч., а за тѣмъ—слѣдующими словами: «живетъ ли кто среди града, или въ пустыни, или въ общемъ житіи, научимся прежде всего жить по волѣ Божіей, и мы сподобимся вѣчныхъ благъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа»...

Оба учительныя посланія, нами разсмотрѣнныя, довольно обширны. Не таковы три посланія, содержащія въ себѣ общенравственныя наставленія и уроки. Одно изъ нихъ даже очень кратко ([29]). Здѣсь митрополитъ пишетъ къ какому-то міряниму: «хотя и многихъ золъ исполнилась душа моя, и я имѣю помраченную мысль внутренняго человѣка, и связанъ, окаянный, узами безчисленныхъ грѣховъ, но тебѣ, возлюбленному и духовному моему, и прежде многократно говорилъ и нынѣ вновь тоже говорю: отринь отъ себя лукавство и нечеловѣколюбіе и воспріими, безъ ухищренія, блаженную простоту и кротостную премудрость и смиреніе ко всѣмъ и страхъ Божій..., а всего прежде любовь къ Богу и ближнимъ»... Замѣтивъ далѣе, что кротости и смиренію учитъ насъ не кто другой, какъ самъ Христосъ своимъ словомъ и примѣромъ, писатель останавливается на страхѣ Божіемъ, приводитъ о немъ тексты св. писанія, изреченіе Златоуста, церковныя пѣсни Іоанна Дамаскина и Ѳеодора Студита, и убѣждаетъ руководиться этимъ страхомъ всегда и вездѣ, говоря, что онъ есть начало нашего спасенія, источникъ живота, учитъ насъ удаляться отъ грѣховъ, побуждаетъ къ подвигамъ добродѣтели. Другое такое же посланіе нѣсколько обширнѣе перваго и, по началу своему, имѣетъ съ нимъ очевидное сходство ([30]). «Я, окаянный,—пишетъ митрополитъ,—есмь пучина безмѣрныхъ прегрѣшеній, и много безуменъ, и ни на что непотребенъ. Потому трепещу и ужасаюсь, какъ бы, по небреже-

([29]) Озаглавлено: «Тогоже о наказаніи. Слово 9».

([30]) Озаглавлено: «Тогоже посланіе наказательно и душеполезно, и яко житіе сіе прелестное, и яко сонъ мимо грядетъ. Слово 4».

нію моему, церковныя вещи не пришли въ крайнее разстройство къ соблазну всѣхъ людей... Много нужно трезвенія моему окаянству... Но хотя я непотребенъ и окаяненъ, тебѣ, возлюбленное и духовное мое чадо, я говорилъ и вновь говорю: люби Господа Бога Іисуса Христа всею душею твоею и ближняго твоего, яко самъ себе. Вотъ тебѣ отъ меня грѣшнаго и худаго инока Даніила, великій даръ»!.. За тѣмъ совѣтуетъ этому духовному своему чаду, которое не разъ называетъ благородіемъ, имѣть въ себѣ непрестанно страхъ Божій и поучаться въ заповѣдяхъ Господнихъ день и ночь, быть кроткимъ и смиреннымъ, напоминая, что кротости и смиренію учитъ насъ не кто другой, какъ самъ Христосъ,—хранить цѣломудріе и чистоту, памятовать о царствѣ небесномъ и геннѣ огненной, удаляться отъ худыхъ обществъ и бесѣдъ, испытывать свою совѣсть и помыслы, пещися о вѣчномъ житіи, а не о временномъ. «Ибо что есть житіе наше, о любезне,—продолжаетъ святитель,—не тоже ли, что сонное видѣніе, цвѣтъ травный, пара восходящая и исчезающая, быстрина рѣки мимотекущія, или роса утренняя? Приблизимся, о любимиче, ко гробамъ и посмотримъ: гдѣ многое имѣніе и безчисленное богатство того или другаго, гдѣ ихъ крѣпость тѣлесная, гдѣ ихъ мужество и храбрость..., гдѣ одры слоновые и златопряденныя постели..., гдѣ боярство и честь, гдѣ красота и слава, гдѣ множество рабовъ, и отроки, гдѣ многоразличныя трапезы и сладкія снѣди и искусство поваровъ, гдѣ ристаніе коней?... Все пепелъ, все персть, все прахъ, все тѣнь. Чтожъ напрасно мятемся?... Твори, о возлюбленне, угодное Богу, да наслѣдишь животъ вѣчный. Какая тебѣ

польза снѣдать себя печалями суетными и скоропреходящими?... За чѣмъ день отъ дня отлагаешь свое исправленіе? Ты человѣкъ смертный... Примись за благое житіе»... Третье такого же рода посланіе нѣсколько обширнѣе и втораго ([31]). Здѣсь митрополитъ наставляетъ кого-то, дошедшаго до крайняго нечестія, и, чтобы сильнѣе подѣйствовать на грѣшника, подробно изображаетъ предъ нимъ картину страшнаго суда. «Возлюбленному,—такъ начинаетъ святитель,—и духовному моему брату миръ о Христѣ. Ты, возлюбленный, совѣтовалъ со мною, окаяннымъ инокомъ Даніиломъ, совѣтъ духовный, чтобы отстать тебѣ отъ твоего злаго и нерадиваго житія и обратиться къ Господу Богу покаяніемъ и исправить себя и жить богоугодно... Но нынѣ я слышу отъ тебя, о любезне, что ты низшелъ до послѣднихъ беззаконій и безстрашно совершаешь пагубныя дѣла. Многократно я писалъ тебѣ, чтобы ты пересталъ отъ такого зла; но ты снова пребываешь въ безстрашіи предъ Богомъ и жируешь, какъ скотъ, и валяешься въ калѣ, какъ свинья»... Сказавъ затѣмъ, что если онъ не покается и не исправится, то его ожидаетъ только мука вѣчная, а еще прежде страшный день суда Господня, и что этого *лютаго дня* боялся самъ царепророкъ Давидъ (Пс. 48, 6), митрополитъ убѣждаетъ: «убоимся и мы, о любимиче мой, и возвратимся отъ беззаконія нашего, оставимъ нечестіе наше... Доколѣ спать намъ тяжкимъ сномъ? Уже довольно для насъ многаго беззаконія, довольно для насъ мно-

([31]) Озаглавлено: «Того же посланіе къ нѣкоему выпадшу въ глубочайши ровъ беззаконія, собрано отъ божественныхъ писаніи о страшнѣмъ судѣ. Слово 8».

гаго нечестія нашего, довольно для насъ скверныхъ словъ, довольно для насъ гнусныхъ дѣлъ... Уже насытились мы злыми и скверными дѣлами и напитались безбожными словами... Убоимся, пока есть время, и покаемся, пока не пришла смерть». Представивъ далѣе, какъ изображали страшный судъ и послѣдствія его пророки—Исаія, Михей, Моисей, Софонія, самъ Христосъ въ евангеліи и апостолы Петръ и Павелъ въ своихъ посланіяхъ, снова убѣждаетъ: «обратимся и возстанемъ, утрезвимся и восплачемъ предъ Господомъ, сотворившимъ насъ, обратимся отъ беззаконія нашего, оставимъ злобу». Не довольствуясь и этимъ, приводитъ еще мысли о страшномъ судѣ св. отцевъ—Аѳанасія Великаго и Іоанна Златоустаго и восклицаетъ: «увы мнѣ, грѣшному! Что сотворимъ тогда мы, о любезный, повинные многимъ грѣхамъ? Какъ убѣжимъ лютой муки?... Нѣтъ тамъ покаянія, ни исповѣданія; нѣтъ предстателя, ни помощника... О возлюбленный брате! Слыша все это, обратимся къ Господу Богу покаяніемъ и исповѣданіемъ.., потрудимся и восплачемъ въ маловременной сей жизни, чтобы тогда вѣчно намъ не плакать»... Вообще посланіе это одно изъ самыхъ назидательныхъ.

Изъ четырехъ посланій Даніила, касающихся наиболѣе частныхъ предметовъ христіанской нравственности, три весьма кратки. Въ одномъ ([32]) онъ излагаетъ нѣсколько совѣтовъ относительно иноческой жизни: заповѣдуетъ какому-то своему возлюбленному духовному брату—любить благоговѣніе, воздержаніе и пощеніе, не увлекаться тщеславіемъ и печалями жи-

([32]) Заглавіе его: „Того же посланіе о целомудреннемъ и благоговѣйнѣмъ житіи. Слово 12“.

тейскими, любить блѣдность лица и сухоту тѣла, имѣть очи и выю долу преклоненными, взоръ тихій, поступь кроткую, бесѣду душеполезную, любить безпрестанную молитву, нелѣностное чтеніе божественныхъ писаній, рукодѣліе, бдѣніе, безпостеліе, имѣть память смертную и худость ризную, а особенно отсѣкать начатки скверныхъ и лукавыхъ помысловъ, потому что съ отсѣченіемъ ихъ легче уже удерживаться отъ самаго видѣнія лицъ женскихъ и отрочатъ юныхъ и смѣшенія съ ними. Во второмъ посланіи ([33]) наставляетъ, какъ сохранять цѣломудріе и чистоту. Посланіе начинается словами: «ты просилъ меня, грѣшнаго и худаго инока Даніила, написать тебѣ о цѣломудріи и чистотѣ, и вотъ я столько времени отлагалъ, считая это дѣло выше моея мѣры. Ибо что могу сказать я, не сотворивъ самъ ничего добраго? Но какъ ты многократно понуждалъ меня на сіе, то я, недостойный, прося помощи отъ Господа Бога и Его пречистой Матери, дерзнулъ послужить твоему произволенію, только не отъ себя, но отъ св. писаній и преданій богоносныхъ отцевъ». За тѣмъ слѣдуютъ самыя наставленія: если ты хочешь пожить цѣломудренно и чисто, то прежде всего старайся угождать Богу, а не людямъ, и исполняй заповѣди Господни; отсѣкай нечистые помыслы и начала ихъ, такъ называемые прилоги; никогда не оставляй умъ свой празднымъ, а занимай его слушаніемъ или чтеніемъ слова Божія, пѣніемъ, славословіемъ, молитвами, добрыми размышленіями; бѣгай худыхъ обществъ, удаляйся отъ скверныхъ бесѣдъ и блудныхъ

([33]) Заглавіе его: «Того же посланіе о цѣломудріи и чистотѣ. Слово 11».

рѣчей; блюди себя отъ зрѣнія лицъ женскихъ, доброзрачныхъ отроковъ и другихъ лицъ женовидныхъ, и не помышляй объ нихъ, хотя бы они казались тебѣ и благочестивыми; болѣе же всего блюди умъ свой отъ суетнаго поученія, а пребывай въ поученіи заповѣдей Господнихъ и преданіи св. отцевъ. Въ третьемъ посланіи ([34]) митрополитъ убѣждаетъ какого-то человѣка, больнаго и скорбящаго, отстать отъ своей нечистой и позорной страсти. «Много разъ, любимиче мой, и отъ многихъ я слышалъ о твоей напасти и весьма горько плакалъ о бѣдѣ твоей, желая твоего спасенія, и весьма желалъ подать тебѣ руку помощи; но не находилъ приличнаго времени, какъ подступить къ тебѣ. Хотя я многократно бесѣдовалъ любви твоей и дѣлалъ намеки притчею, но ничего не успѣлъ, потому что ты самъ не заботился о томъ. Когда же Богъ, невѣдомыми судьбами, устрашилъ жестокое твое сердце и приклонилъ желѣзную твою выю, ты подробно разсказалъ всѣ твои напасти моему окаянству. Вспомни вопль твой, вспомни слезы твои; вспомни, какъ плача, ты говорилъ ко мнѣ, грѣшному иноку Даніилу: ты долженъ поучать и укрѣплять меня,—и весь свой недугъ открылъ моему недостоинству. Нынѣ же ты пишешь къ моей худости: я въ скорби великой отъ обдержащей меня болѣзни и отъ горечи сильныхъ страстей, немилосердо на меня воюющихъ, — но отъ чего тебѣ вредъ, это ты скрываешь отъ моего недостоинства. Вспомни, любимиче мой ...., какъ я говорилъ тебѣ не только не совокупляться

([34]) Заглавіе его: «Того же посланіе, яко душевредно есть совокуплятися и бесѣдовати с женами и съ мужи женовидными, и аще отъ которыхъ человѣкъ приходитъ душевный вредъ, сихъ подобаетъ отъвращати и отъвращатися. Слово 10».

и не бесѣдовать съ женами и юными отроками, но даже не взирать безстудно на ихъ лица, ибо великая отъ сего бываетъ душѣ пагуба... А о томъ человѣкѣ, на котораго восходитъ твоя душевредная любовь, я многократно говорилъ тебѣ, чтобы отсѣкъ себя отъ него и не совокуплялся, даже не бесѣдовалъ съ нимъ, особенно наединѣ... Отсѣки-жъ отъ себя этого человѣка, къ которому имѣешь великую любовь и повреждаешься душою. Если отженешь его отъ себя, ты успокоишься отъ обдержащей тебя скорби и залога злыхъ и нечистыхъ страстей. А если закоснишь отсѣчь его отъ себя, то страсть мало по малу возрастетъ и ты неволенъ будешь противиться ей. Уразумѣй же, о возлюбленный и духовный мой братъ, какая бѣда бываетъ отъ сего человѣку, въ какомъ унынiи, сѣтованiи и скорби бываетъ человѣкъ, впадающiй въ эту напасть, и потомъ въ какое нисходитъ безнадежiе и отчаянiе. И какъ возведетъ онъ очи или воздѣетъ руки, живя въ нечистотѣ! Какой стыдъ, и срамъ, и поношенiе, и укоризны онъ долженъ терпѣть отъ людей!.. Не лучше ли захочемъ умереть, нежели жить и находиться въ стыдѣ и поношенiи отъ всѣхъ людей»?...

Четвертое посланiе, однородное съ тремя только что разобранными, чрезвычайно обширно, такъ что оно одно почти равняется, по объему своему, всѣмъ вмѣстѣ двѣнадцати другимъ посланiямъ этого Сборника ([35]). По содержанiю же своему оно сходно со

([35]) Оно озаглавлено: „Того же о цѣломудрiи и о чистотѣ и о храненiи дѣвьства, и яко непрестаньно подобаетъ поминати намъ обѣщанiе наше яже на крещенiи, и заповѣди Христовы и творити я, и яко многыми скорбьми подобаетъ намъ внити въ царство небесное; яко вставiи пастырiе ни о чемъ же о иномъ печахуся, точiю еже научати

вторымъ изъ только что разобранныхъ посланій. И здѣсь, какъ тамъ, митрополитъ въ началѣ объясняетъ неизвѣстному, что долго не рѣшался, не смотря на его многократныя просьбы, написать ему что-либо душеполезное, считая себя неразумнымъ и грѣшнымъ, и что теперь рѣшается писать, съ Божіею помощію, только вынуждаемый его любовію и неотступностію. И здѣсь, какъ тамъ, предметомъ посланія служитъ рѣшеніе вопроса, предложеннаго неизвѣстнымъ, о цѣломудріи и чистотѣ и храненіи дѣвства. Только здѣсь авторъ излагаетъ свои мысли со всѣми подробностями, приводитъ множество изреченій св. отцевъ, особенно подвижниковъ, множество назидательныхъ разсказовъ, и часто вдается въ повторенія и отступленія. Къ сожалѣнію изреченія отеческія излагаются здѣсь въ такой связи, какъ между собою, такъ и съ собственными мыслями автора, что нерѣдко трудно различить, гдѣ оканчиваются слова одного отца и начинаются слова другаго и гдѣ говоритъ самъ авторъ. Насколько можно подмѣтить порядокъ въ этомъ обширномъ посланіи, въ немъ можно различать пять главныхъ отдѣленій или частей. Въ первой части митрополитъ учитъ, что для сохраненія цѣломудрія и чистоты мы должны тщательно соблюдать сердце свое отъ скверныхъ помысловъ и вообще исполнять данные нами при крещеніи обѣты—отречься отъ діавола

люди къ спасенію и уставы церковныя непоколебимы соблюдати; и яко не подобаетъ намъ отчаятися отъ находящихъ ны страстей, но крепцѣ терпѣти и молитися и бѣгати отъ вредящихъ ны и мѣстъ, и лицъ, и бесѣдъ, плотская мудроствующихъ, и желаніе имѣти о раи и о царствіи небеснемъ, и поминати смерть и страшный судъ Спасовъ и мученіе безконечное, и плакатися грѣхъ своихъ. Благослови, отче. Слово 13».

и всѣхъ дѣлъ его и сочетаться Христу и свято хранить всѣ Его заповѣди, и что эти обѣты и эти заповѣди обязательны не для однихъ только иноковъ, но и для всѣхъ мірянъ; затѣмъ предлагаетъ въ примѣръ строгаго исполненія Христовыхъ заповѣдей древнихъ мучениковъ, древнихъ пастырей и учителей и древнихъ отшельниковъ и подвижниковъ, изображая кратко самые подвиги тѣхъ, другихъ и третьихъ; наконецъ, вопреки ложныхъ мнѣній, объясняетъ, что и въ нынѣшнія времена, какъ и древнія, христіане обязаны соблюдать *вся, елика заповѣдалъ* Христосъ, что если бы не всѣ заповѣди евангельскія нужны были для спасенія, то не всѣ бы Онъ и заповѣдалъ, и что не достаточно для спасенія только призывать имя Господа, а надобно и вѣровать въ Него, надобно и творить волю Отца небеснаго. Во второй части указываются болѣе частныя средства для сохраненія цѣломудрія и чистоты, съ объясненіемъ каждаго, каковы: постъ и бдѣніе, молитва и псалмопѣніе, прощеніе обидъ и смиреніе, удаленіе отъ лицъ женскаго пола и благообразныхъ отроковъ и вообще лицъ женовидныхъ. При разъясненіи этого послѣдняго средства, авторъ, пользуясь руководствомъ древнихъ подвижниковъ, входитъ въ большія подробности о страсти блудной, о ея различныхъ проявленіяхъ и степеняхъ грѣховности, излагаетъ аскетическое ученіе о духовной брани, о борьбѣ съ помыслами и лукавыми бѣсами, и дѣлаетъ замѣчаніе, что эта брань и борьба необходимы не только для иноковъ, но и для всѣхъ мірянъ. Третья часть, самая обширная въ посланіи, есть часть историческая: тутъ представляется, особенно изъ «Старчества» и патериковъ, цѣлый и весьма длинный рядъ краткихъ разсказовъ

о разныхъ инокахъ и подвижникахъ, какъ они боролись съ страстію блуда, какъ обращались за совѣтами къ опытнымъ старцамъ и какія наставленія давали имъ эти старцы. Въ четвертой части митрополитъ снова обращаетъ вниманіе на болѣе общія средства для сохраненія цѣломудрія и чистоты и проповѣдуетъ, что христіане вообще обязаны *распинать свою плоть со страстьми и похотьми*, *умерщвлять своя уды*, *яже на земли*, строго соблюдать воздержаніе во всемъ и вести жизнь, исполненную самоотверженія и всякаго рода лишеній, страданій и скорбей, и въ примѣръ для подражанія указываетъ на нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, на самого Христа Спасителя, на св. апостоловъ и мучениковъ. А въ пятой послѣдней части снова предлагаетъ для той же цѣли нѣкоторыя болѣе частныя средства, именно: уединеніе и удаленіе отъ людей суетныхъ, мудрствующихъ о плотскомъ и грѣховномъ, размышленіе о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ, и собесѣдованія о разныхъ предметахъ вѣры и благочестія. Надобно замѣтить, что не въ нѣкоторыхъ только, а во всѣхъ частяхъ посланія, при раскрытіи своихъ мыслей, митрополитъ пользуется, кромѣ слова Божія, писаніями св. отцевъ, что чаще всего онъ приводитъ изреченія и свидѣтельства, иногда очень обширныя, Василія Великаго, Златоустаго, Ефрема Сирина и Лѣствичника, затѣмъ Аѳанасія Великаго, Нила подвижника, Петра Дамаскина, Максима, Исаакія, Макарія Великаго, Ѳеодора Студита и другихъ, и что въ каждой части излагаетъ, по мѣстамъ, то нравственныя размышленія, то обличенія, то убѣжденія къ покаянію и исправленію жизни. Оканчивая это свое по-

сланіе, требовавшее не малыхъ трудовъ, святитель обращается къ тому, для кого потрудился, съ слѣдующими словами: «все это, о любимиче, при помощи Господа Бога, воздвигшаго мое окаянство, я написалъ, ради закона любви и ради Самого рекшаго: *возлюбиши искренняго своего яко самъ себе*, и изложилъ какъ для тебя, такъ и для себя и для другихъ, хотящихъ спастися, да подвигнутся на путь истинный и избѣгнутъ належащаго гнѣва и бѣдъ, да и мене, недостойнаго, помилуетъ всеблагій и многомилостивый Богъ. Ты же, показавъ такую любовь по Богѣ, не облѣнись поминать наше окаянство на пользу душѣ и для благоугожденія Богу, да обрящемъ милость отъ Него въ сей вѣкъ и въ будущій молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ».

III

Третій сборникъ, хотя и небольшой, можно было бы составить изъ тѣхъ сочиненій Даніила, которыя не вошли въ составъ двухъ первыхъ его Сборниковъ и встрѣчаются порознь въ разныхъ рукописяхъ. Такихъ сочиненій, сколько доселѣ извѣстно, шесть: два слова и четыре посланія.

Въ концѣ одного изъ этихъ словъ есть помѣтка, что оно «писано на Москвѣ лѣта 7047 (1539) генваря мѣсяца», т. е. писано не болѣе, какъ за мѣсяцъ до отреченія митрополита Даніила отъ каѳедры (36). И

(36) Слово это находится въ сборникѣ Моск. Дух. Академіи, писанномъ въ 1563 г., № $\frac{\text{514 Волокол.}}{\text{151 Акад.}}$, л. 413—425, подъ заглавіемъ: «Смиреннаго Даніила, митрополита всеа Русіи, о смиреніи, и о съединеніи, и о согласіи, и о любви, и о съблюденіи православныя вѣры и закона, ученіе и наказаніе всѣмъ купно. Слово 39». А напечатано въ Памятн. Старин. Русск. Литер. IV, 191—199.

при чтеніи самаго слова нельзя не чувствовать, какъ оно соотвѣтствовало обстоятельствамъ времени. То былъ періодъ крайняго своеволія, раздоровъ и смутъ боярскихъ въ малолѣтство Іоанна IV, гибельно отзывавшихся во всей Россіи и не встрѣчавшихъ себѣ никакого обузданія со стороны гражданской власти; а съ другой стороны, то было время дерзкаго вольномыслія о предметахъ вѣры, какъ мы могли уже убѣдиться и изъ разбираемыхъ нами сочиненій. Въ виду этихъ-то раздоровъ и нестроеній, царствовавшихъ въ отечествѣ и смущавшихъ церковь, митрополитъ русскій обращается ко всѣмъ православнымъ: «мужи, братья и други любезные, вѣрные священноначальники, пастыри и сослужебники, и всѣ любезныя о Христѣ духовныя чада! Примите слово о смиреніи и о соединеніи, и о согласіи и о любви, и твердо соблюдайте православную вѣру и догматы благочестія. Такъ, ради Господа Іисуса Христа, и молю васъ и говорю вашей любви я, рабъ вашъ и грубый архіерей вашъ, безумный Даніилъ, грѣшнѣйшій изъ грѣшныхъ... Многою о Христѣ любовію къ вамъ и божественною ревностію возгараюсь я, ища и желая вашего спасенія, заботясь и трудясь, чтобы вы всегда праведно и истинно по Богѣ жили, и любомудрствовали въ согласіи о Господѣ, и твердо сохраняли совершенный разумъ христіанства въ соединеніи о Христѣ». Слово, соотвѣтственно ясно выраженной авторомъ темѣ, распадается на двѣ главныя части. Въ первой, наиболѣе обширной, онъ прежде всего призываетъ христіанъ пребывать въ смиренномудріи о Христѣ, очиститься отъ злаго недуга раздѣленія и разгласія, и съ подробностію излагаетъ ученіе о любви

къ ближнимъ, пользуясь почти исключительно текстами священнаго писанія: называетъ ее отличительнымъ признакомъ истинныхъ послѣдователей Христа, показываетъ ея неразрывную связь съ любовію къ Богу, изображаетъ ея свойства, дѣйствія, плоды, и дѣлаетъ выводъ, что «любовь есть и начало и конецъ всѣхъ добродѣтелей, а разгласіе и нестроеніе—начало и конецъ всякаго зла». Затѣмъ убѣждаетъ своихъ духовныхъ чадъ бѣгать отъ творящихъ распри и раздѣленія, водиться духомъ кротости, смиренномудрія, долготерпѣнія и любви, не позволять себѣ никакого гнилаго слова, не лгать другъ на друга, прогонять шепотниковъ и клеветниковъ, такъ какъ они то—лжецы, шепотники и клеветники — всему злу виною, возбуждаютъ между людьми ненависть, зависть, распри и раздѣленія, они то суть братоубійцы. Наконецъ заповѣдуетъ христіанамъ, во свидѣтельство своей взаимной любви и согласія, молиться другъ за друга и присовокупляетъ: «молитеся и о насъ, да слово Божіе течетъ и славится въ васъ, и да избавимся отъ безмѣстныхъ и лукавыхъ человѣковъ, а обидящій да воспріиметъ за обиду»... При этомъ старается оградить себя, чтобы кто либо не принялъ словъ его на свой счетъ и прямо указываетъ на раздоры и нестроенія своего времени: «да не поречетъ кто либо на насъ за такія слова: мы никого не имѣли въ виду, никого не назвали по имени, а сказали, уча только самихъ себя и наставляя послушающихъ насъ, и еще—желая показать *«вину лѣтъ сихъ..., несогласія же и пререканія, раздѣленія же и распрѣнія, яко да кождо по насъ въ себе зазритъ и поречетъ себѣ»*. Во второй и послѣдней части святитель учитъ своихъ

духовныхъ чадъ пребывать непоколебимыми въ православной вѣрѣ: «вы, возлюбленные Богу угодники и христолюбцы, возросшіе въ благочестивѣйшемъ вашемъ отечествѣ россійскомъ и въ честномъ православіи и въ великомъ благочестіи, крѣпко держите и соблюдайте великое, честное и святое православіе и преданіе и законы Божіи, которые приняла св. великая, Божія, соборная и апостольская церковь отъ Господа Бога и отъ св. Его учениковъ, и отъ вселенскихъ св. соборовъ и помѣстныхъ, равно преданія и законы, установленныя отъ прочихъ божественныхъ писаній, во славу Господа нашего Іисуса Христа и пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ». И вслѣдъ за тѣмъ преподаетъ наставленія, какъ относиться православнымъ къ уклонившимся отъ православія и лжеучителямъ, и именно заповѣдуетъ, во первыхъ, уклоняться отъ содружества и общенія съ ними, отъ ихъ бесѣдъ и ученія, отъ ихъ мудрованій и преданій; во вторыхъ,—убѣждать ради любви духовной и умолять ихъ, чтобы они возвратились въ единство правовѣрія и исправились, и если они обратятся—считать ихъ друзьями и братьями, а если останутся упорными, отлучаться отъ таковыхъ; наконецъ прилежно молиться о нихъ, соборнѣ и особнѣ, человѣколюбцу Богу, *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истинный пріити*, да премѣнитъ ихъ отъ злаго обычая, да избавитъ ихъ отъ сѣти діавола и да приведетъ ихъ въ свѣтъ истиннаго православія. Не можемъ оставить безъ вниманія, что настоящее слово, судя по сдѣланной въ концѣ его помѣткѣ: «писано на Москвѣ», было, вѣроятно, разослано по всей Россіи въ видѣ окружнаго посланія, и что это едва-

ли не было самое послѣднее слово митрополита Даніила, обращенное ко всей его духовной паствѣ: такъ какъ вскорѣ онъ самъ сдѣлался жертвою тѣхъ самыхъ разгласій, нестроеній и смутъ, противъ которыхъ здѣсь столько вооружался, и принужденъ былъ отказаться навсегда отъ своей святительской каѳедры.

Другое слово митрополита Даніила, хотя неизвѣстно, когда написано, но несомнѣнно было имъ произнесено въ церкви, и именно въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, и также направлено имъ противъ современныхъ недостатковъ ([37]). Въ этомъ словѣ митрополитъ учитъ своихъ чадъ внимать себѣ, трезвиться, бодрствовать и имѣть всякое попеченіе о своихъ душахъ, указывая на то, что дни наши быстро текутъ, что мы на землѣ только на время, странники и пришельцы, а отечество наше на небеси, что, какъ гостей, приняла она насъ и скоро, какъ гостей, отпуститъ насъ въ другую жизнь и ничего не дастъ намъ на путь, если сами не приготовимъ себѣ добрыхъ дѣлъ, что вдругъ по смерти всѣ люди, пастыри и пасомые, цари и князи, рабы и свободные и всѣ другіе должны будутъ отдать отчетъ Богу и ни откуду на судѣ не найдутъ себѣ помощи, кромѣ только отъ добрыхъ дѣлъ. Потому-то и должны всѣ, особенно же освященные Богу, незабытно и нелѣностно совершать свой настоящій подвигъ и всячески заботиться не только о внутреннемъ благочестіи души и сердца, которыя видитъ Богъ, но и о строгомъ соблюденіи благочестія и благочинія во внѣшнихъ дѣлахъ, которыя видятъ люди, чтобы никому не послужить въ соблазнъ и преткновеніе. А между тѣмъ,—продолжаетъ

([37]) Напечатано въ Памятн. старинн. Русск. Литер. IV, 200—204.

митрополитъ,—«есть нынѣ нѣкоторые изъ священныхъ лицъ, пресвитеры и діаконы, и иподіаконы, и чтецы и пѣвцы, которые, глумясь, играютъ въ гусли, въ домбры, въ смыки, также въ зерны и шахматы и тавлеи, и проводятъ время въ пѣсняхъ бѣсовскихъ и премногомъ пьянствѣ, любя всякое плотское мудрованіе и наслажденіе болѣе духовнаго и такимъ образомъ служа въ великій вредъ себѣ и другимъ. И мы отнынѣ научаемъ и напоминаемъ святыми писаніями, чтобы не быть такому безчинному обычаю, исполненному всякаго студа и срама и зазрѣнія. А особенно въ *семъ* священномъ *домѣ пречистыя Богородицы*, великія и святѣйшія митрополіи всей Россіи, не глумиться и не играть ни пресвитерамъ, ни діаконамъ, ни иподіаконамъ, ни чтецамъ, ни пѣвцамъ, ни свѣщеносцамъ, ни пономарямъ, ни сторожамъ, ни всѣмъ прочимъ людямъ, служащимъ въ *семъ* святомъ мѣстѣ пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя. Ибо живущимъ въ *семъ* священномъ домѣ подобаетъ быть благимъ образомъ для всѣхъ людей. Святые апостолы и богоносные отцы заповѣдали всѣмъ имѣть незазорное и добродѣтельное житіе, и епископамъ и пресвитерамъ, и прочему священному чину, также и мірскимъ людямъ». Вслѣдъ за тѣмъ святитель приводитъ правила—апостольскія (два), соборовъ—трульскаго (шесть), лаодикійскаго (два) и карѳагенскаго (одно), возбраняющія христіанамъ и особенно пастырямъ церкви разныя неблагопристойныя игры, пѣсни, пляски, посѣщеніе корчемницъ, позорищъ, ристалищъ, гаданія, волхвованія и подоби. Послѣ правилъ приводитъ такого же содержанія отрывки изъ сочиненій св. Ефрема и св. Златоуста, и въ за-

ключеніе говоритъ: «посему молю васъ, не любите сквернословія, и игранія, и глумленія, удаляйтесь отъ душетлѣнныхъ бесѣдъ и всякимъ храненіемъ соблюдайте свои сердца отъ нечистыхъ и скверныхъ помысловъ, а свои очи сохраняйте отъ зрѣнія неполезнаго и отъ слышанія душевреднаго, и бѣгайте, какъ отъ змія, отъ роскоши и гордости, зависти и пьянства... Внимайте и трезвитесь и никогда не отступайте отъ ученія божественнаго писанія, но всегда поучайтесь въ немъ, читайте, пойте, внимайте прилежно молитвѣ..., не отлучайтесь отъ церковнаго собранія, подавайте нищимъ, бесѣдуйте о раѣ и царствѣ небесномъ, воспоминайте смерть; всекрасную же и премудрую простоту, и кротость, и смиреніе болѣе всего соблюдайте, да избавитъ насъ Господь отъ сѣтей вражіихъ, и отъ всякаго плотскаго мудрованія, и отъ всѣхъ злокозненныхъ людей, и да помилуетъ и спасетъ насъ»... Повторяемъ, слово это несомнѣнно было произнесено въ церкви.

Изъ четырехъ посланій Даніила одно написано еще въ санѣ игумена. Это посланіе къ князю Юрію Іоанновичу Дмитровскому, брату великаго князя Василія Іоанновича. Оно весьма кратко и содержитъ отвѣтъ на вопросъ, переданный игумену Даніилу словесно келаремъ того же монастыря Саввою, по порученію князя Юрія: не слѣдуетъ ли держать постъ на праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы, который случился тогда въ понедѣльникъ? Даніилъ увѣдомляетъ князя, что о постѣ въ понедѣльникъ писано въ правилахъ Іоанна Постника и въ уставѣ іерусалимскомъ; но постъ этотъ налагается только въ видѣ епитиміи отцами духовными за нѣкоторыя дѣла,

и притомъ налагается, если въ понедѣльникъ не бываютъ праздники. А потому нынѣ, когда въ понедѣльникъ случился праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы, не должно быть поста не только для всѣхъ не находящихся, но и для находящихся подъ епитиміею, и разрѣшается и на мясо, и на вино, и на сыръ, и на яйца, во славу Божію и пречистой Богородицы ([38]).

На другомъ посланіи Даніила сохранилась помѣтка, что оно написано въ октябрѣ 1528 г., и слѣдовательно еще въ первой половинѣ его архипастырскаго служенія. Посланіе адресовано къ старцу Діонисію Звенигородскому ([39]). Этотъ Діонисій былъ изъ рода князей Звенигородскихъ, принялъ постриженіе отъ самого преп. Іосифа Волоцкаго, какъ и митрополитъ Даніилъ, съ которымъ, вѣроятно, и познакомился еще въ Іосифовой обители. Любя уединеніе, Діонисій, вмѣстѣ съ другимъ старцемъ княжескаго же рода—Ниломъ Полевымъ, удалился было изъ Іосифовой обители на Бѣлоозеро, гдѣ оба и устроили для себя пустыньки близъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря. Но, по поводу сдѣланнаго ими донесенія преподобному Іосифу о замѣченныхъ ими между нѣкоторыми пустынниками слѣдахъ жидовской ереси, оба подверглись гнѣву великаго князя, который приказалъ пустыньки ихъ сжечь, а самихъ взять въ Кирилловъ монастырь. Въ этомъ ли монастырѣ, гдѣ оба они «въ велицѣй нуждѣ многи скорби претерпѣша», или уже въ монастырѣ Іосифовомъ, куда они вскорѣ, по по-

([38]) Помѣщено въ Сборн. Импер. публ. библ., изъ Собранія графа Ѳ. А. Толстаго, Отд. II, № 68, л. 282 обор., подъ заглавіемъ: „Посланіа Даниила игумена».

([39]) Акт. Истор. 1, № 293.

велѣнію великаго князя, переселились, Діонисій подвергся разнымъ напастямъ, притѣсненіямъ и гоненіямъ, и въ своей скорби обратился съ письмомъ къ митрополиту Даніилу, прося его наставленія ([40]). Въ отвѣтномъ посланіи Даніила къ Діонисію можно различать двѣ главныя части. Въ первой, напомнивъ старцу, что онъ монахъ, отрекся отъ міра и далъ обѣтъ Христу терпѣть всякую скорбь и тѣсноту ради царствія небеснаго, святитель объясняетъ, что бѣдствія и скорби могутъ быть благотворны для насъ въ нравственномъ отношеніи, что посреди нихъ человѣкъ очищается отъ грѣховъ, какъ серебро и золото очищаются въ огнѣ, и въ подтвержденіе этой мысли указываетъ на пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, подвизавшихся въ общежитіяхъ, отшельниковъ и пустынниковъ, которые всѣ терпѣли многоразличныя бѣды и скорби, озлобленія и гоненія, и ими очищались отъ всякаго грѣха. Но бѣдствія и скорби могутъ быть для насъ благодѣтельны только тогда, когда мы будемъ переносить ихъ безъ ропота, съ смиреніемъ и терпѣніемъ, съ благодарностію къ Богу и духовною радостію: «*его же любитъ Господь, наказуетъ* и попущаетъ на него всякія скорби, чтобы онъ исправилъ себя и смирился, и пожилъ въ тихости и покоѣ, со смиреніемъ и умиленіемъ, безмолвно, безъ роптанія и зазрѣнія, никого не судя и не укоряя, а судя и укоряя только себя и оплакивая грѣхи свои». Во второй части приводитъ рядъ наставленій древнихъ подвижниковъ о необходимости повиноваться настоятелю: въ общежительномъ монастырѣ инокъ долженъ отсѣкать свою

([40]) Нашей Истор. русск. церкви VI, 153.

волю и безпрекословно повиноваться настоятелю; долженъ повиноваться настоятелю, и не осуждать, не укорять его, хотя бы всѣ его ненавидѣли и укоряли; долженъ повиноваться настоятелю безропотно, хотя бы самъ видѣлъ его небрежное и зазорное житіе. Отсюда можемъ заключить, что Діонисій, вѣроятно, терпѣлъ напасти и скорби и отъ своего настоятеля и жаловался на него Даніилу. Въ заключеніе митрополитъ совѣтуетъ старцу примириться со врагами, а если они не укротятся, то молиться за нихъ Богу и заботиться о спасеніи собственной души, любомудренно терпѣть находящія скорби и призывать на помощь Господа Бога и пречистую Богородицу.

Когда и къ кому написано третье посланіе Даніила, неизвѣстно ([41]). Митрополитъ обращается здѣсь къ какому-то иноку или міряннну: «ты писалъ мнѣ, какъ быть моей головѣ, ибо я сильно объятъ отъ блудныхъ помысловъ. Но о семъ не тебѣ только одному забота и подвигъ, а всѣмъ подвизающимся Бога ради. Это борьба великая и предъ нами двоякая рать—въ душѣ и въ тѣлѣ». Затѣмъ предлагаетъ неизвѣстному наставленія—трезвенно и бодренно соблюдать сердце свое отъ блудныхъ помысловъ, всегда имѣть предъ очами страхъ Божій и помнить обѣты, данные при крещеніи: «отрицаюся сатаны, и всѣхъ дѣлъ его, и всея службы его, и всего студа его», т. е. обѣты отложить всего ветхаго человѣка, тлѣюшаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облечься въ человѣка новаго и сохранять всѣ заповѣди Христовы. Да-

([41]) Находится въ Сборн. Моск. Дух. Акад.; XVI в., въ 8-ю долю листа, № $\frac{\text{535 Волоколам.}}{\text{166 Академ.}}$, л. 15—51, подъ заглавіемъ: «Посланіе Даніила митрополита».

дѣе учитъ во время борьбы съ помыслами прилежно молиться Богу и призывать на помощь угодниковъ Божіихъ, подвизавшихся о цѣломудріи и чистотѣ; а когда брань начнетъ подавлять тебя, тогда скорѣе встань, простри очи и руки на небо и молись такъ: «Ты силенъ еси, Господи, и Твой есть подвигъ; Ты ратуй и побѣди въ томъ, Господи, о насъ». А также возопій со смиреніемъ: «помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь; изцѣли мя, Господи, яко смутишася костя моя, и душа моя смутися зѣло...; изми душу мою, спаси мя ради милости Твоея». Если такъ будешь поступать въ борьбѣ съ помыслами, то опытно познаешь, что благодатію Божіею они сильно побѣждаются. Наконецъ, совѣтуетъ отвергать отъ себя даже друзей, если они соблазняютъ насъ, оберегать себя отъ видѣнія молодыхъ и красивыхъ лицъ и отъ слышанія бесѣдъ, возбуждающихъ страсть, никогда не празднословить и не говорить смѣхотворныхъ словъ, воздвигающихъ нечистые помыслы, а любить бесѣду духовную съ людьми добродѣтельными, украшенными сѣдиною въ старости маститой: «и Богъ соблюдетъ тя»,—заключаетъ свое посланіе святитель. Очевидно, что наставленія, кратко изложенныя Даніиломъ въ этомъ посланіи, суть тѣже самыя, какія мы уже видѣли въ другихъ его посланіяхъ о цѣломудріи и чистотѣ.

Четвертое посланіе Даніила—одно изъ всѣхъ его посланій—имѣетъ характеръ не пастырскаго посланія, а частнаго письма, и содержитъ отвѣтъ какому-то знакомому митрополита, вопросившему его о состояніи его здоровья ([42]). Посланіе это такъ кратко

([42]) Находится въ упомянутомъ выше (примѣч. 36) Сборн. Моск.

и вмѣстѣ такъ любопытно по содержанію и своеобразности нѣкоторыхъ выраженій, что мы рѣшаемся представить его цѣликомъ и въ подлинномъ текстѣ. «Боголюбивыя твоея души нравъ,—пишетъ Даніилъ,—любомудрствуетъ и съдѣваетъ вся о Бозѣ, о христолюбче и человѣколюбче, якоже бо любовь твоя о Христѣ всѣмъ явлена есть. Всю убо Господню евангельскую заповѣдь исполняя, въпрошаеши о здравіи смиренія моего, како пребываю и яко свободенъ ли есмь отъ немощей, или еще съдержимъ ими, яко отъ многихъ лѣтъ и временъ извѣстна тебѣ немощь моя и знаема тебѣ худость моя, боголюбче! Нынѣ же наипаче пребываю убо немощенъ трегубо: главою, нутремъ, ногами. И отъ сихъ много сугубо—и печаль, и утѣсненіе, и оскудѣніе смысла, и зубомъ болѣзни, и изнуреніе, и свѣта очію умаленіе, и крѣпости и силы изнеможеніе, и врачевъ, иже по Бозѣ, любомудрыхъ и еже о Христѣ духовныхъ философовъ пустость, и утѣшающихъ неполученіе, и друговъ вѣрныхъ оскудѣніе, и удаленіе и духовныхъ сыновъ и добрыхъ пріятелей. Крѣпость вѣры изнеможе. Свойственницы же отчуждишася, домашнихъ же различныя клеветы и вражды умножишася, враждотворцы же радостнѣ прескакаютъ сѣмо и овамо, вражды творяще, рати воздвизающе. Врази не смиряются, бѣсовѣ радуются, человѣцы смущаются, варвары луки спѣютъ, іюдеи и еллини мечи острятъ, еретицы преграды и стѣны прелазятъ, копія уготовляютъ. Богу и Отцу, архіерею великому, пастырю и наставнику,

---

Дух. Акад., д. 425, подъ заглавіемъ: „Тогоже смиренаго Данила, митрополита всеа Руси, отвѣтъ к нѣкоему христолюбцу, вьпрошьшу его о здравіи».

и учителю, и начальнику спасенія нашего, Господу нашему Іисусу Христу купно вси обще молитву сотворимъ, и прилежно помолимъ сохранитися и спастися всѣмъ намъ. Аминь». Нельзя не чувствовать, какъ тяжело и печально было тогда положеніе митрополита Даніила, а отчасти и самой церкви. Посланіе написано святителемъ, вѣроятно, уже подъ конецъ его пастырскаго служенія.

Какъ бы кто ни судилъ о митрополитѣ Даніилѣ на основаніи тѣхъ свидѣтельствъ, какія оставили о немъ современники,—свидѣтельствъ далеко не безпристрастныхъ([43]),—собственныя сочиненія Даніила даютъ о немъ весьма выгодное понятіе. Это былъ, прежде всего, любитель просвѣщенія. Едва ли какую мысль онъ повторялъ такъ часто и съ такою настойчивостію, какъ мысль о необходимости читать «божественныя писанія», подъ именемъ которыхъ разумѣли тогда, въ обширномъ смыслѣ, не однѣ книги ветхаго и новаго завѣта, но и книги отеческія и церковныя, книги вообще благочестивыя и назидательныя, или общѣе—всю духовную письменность, за исключеніемъ только апокрифовъ, книгъ отреченныхъ, лживыхъ. Онъ убѣждалъ, чтобы не только пастыри и иноки, но и міряне, какъ можно чаще читали божественныя писанія, и не просто читали, но испытывали ихъ, упражнялись въ нихъ съ великимъ любомудріемъ. Объяснялъ, что чтеніе божественныхъ писаній не только доставляетъ намъ познаніе о всемъ, относящемся къ нашей вѣрѣ и благочестію, но и вообще просвѣщаетъ умъ, направляетъ волю, успокоиваетъ и

([43]) Нашей Истор. русск. церкви VI, 167 и слѣд.

веселитъ сердце, укрощаетъ страсти, возбуждаетъ къ добродѣтели, и что все зло между нами, всѣ заблужденія, всѣ суевѣрія и пороки зависятъ, главнымъ образомъ, отъ незнанія нами божественныхъ писаній. И мало того, что Даніилъ призывалъ другихъ заниматься чтеніемъ и изученіемъ книгъ, онъ самъ любилъ читать ихъ, признавалъ это занятіе лучшимъ занятіемъ своей жизни и принадлежалъ къ числу самыхъ начитанныхъ и просвѣщенныхъ людей своего времени. Уже въ своемъ поученіи братіи, онъ, будучи игуменомъ, показалъ немалое знакомство съ твореніями отцевъ, особенно подвижниковъ, и съ правилами церкви; а въ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ обнаружилъ это знакомство и начитанность еще несравненно болѣе. Если въ главномъ литературномъ трудѣ препод. Іосифа Волоколамскаго, «Просвѣтителѣ», насчитываютъ до сорока писателей, свидѣтельства которыхъ онъ приводитъ; то въ одномъ «Соборникѣ» митрополита Даніила можно насчитать почти до пятидесяти такихъ писателей. Не говоримъ уже о множествѣ свидѣтельствъ или отрывковъ, приводимыхъ имъ изъ богослужебныхъ книгъ, кормчей, житій святыхъ, прологовъ, синаксарей, патериковъ и разныхъ сборниковъ. Не напрасно Даніилъ, первый изъ русскихъ, удостоился получить имя «*доктора* Христова закона» или христіанскаго *богословія* изъ устъ Максима Грека, который, какъ бывшій питомецъ западныхъ училищъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что разумѣлось тогда подъ этимъ именемъ. Даніилъ дѣйствительно обладалъ богословскою ученостію, какая была у насъ тогда возможна, и въ сочиненіяхъ своихъ болѣе всего поражаетъ массою самыхъ раз-

народныхъ познаній въ области духовной литературы. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы умственныя способности Даніила соотвѣтствовали его познаніямъ. Въ немъ виденъ умъ здравый, но не довольно сильный отъ природы и недостаточно развитый; умъ, мало пріученный къ самодѣятельности и не привыкшій къ строгой, отчетливой, логической мыслительности. Это не господинъ, а какбы рабъ своихъ познаній; онъ не владычествуетъ надъ ними, а почти подавляется ими, и не умѣетъ распорядиться ими, какъ бы слѣдовало. Понятія и сужденія его почти всегда вѣрны, но часто въ нихъ недостаетъ ясности и раздѣльности и еще чаще—связности и основательности. Даніилъ изложилъ въ своихъ словахъ ученіе о священныхъ преданіяхъ, писанныхъ и неписанныхъ, равно ученіе о таинствѣ воплощенія, съ такою обширностію и подробностію, съ какими доселѣ ни то ни другое ученіе у насъ не были изложены никѣмъ. Но онъ вовсе не различаетъ преданій догматическихъ отъ обрядовыхъ и приписываетъ послѣднимъ совершенно такую же важность, какъ и первымъ; а при раскрытіи догмата о воплощеніи, выразивъ кратко собственное исповѣданіе вѣры, довольствуется исключительно чужими мнѣніями и свидѣтельствами, которыя приводитъ въ громадномъ количествѣ. Онъ здраво разсуждаетъ о разныхъ обязанностяхъ христіанина, обязанностяхъ пастырей церкви и, въ частности, епископовъ, обязанностяхъ господъ къ рабамъ; правильно опредѣляетъ значеніе жизни мірской и брачной, по отношенію къ вѣчному спасенію, и жизни монашеской, значеніе и относительное достоинство разныхъ видовъ монашеской жизни, значеніе

поста и внѣшнихъ подвиговъ; преподаетъ полезныя наставленія относительно жизни внутренней, духовной брани, борьбы съ грѣховными помыслами; вѣрно учитъ о дѣйствіяхъ промысла Божія въ мірѣ, о постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, о смерти младенцевъ и о многомъ другомъ. Но почти всегда и во всемъ ограничивается только общими понятіями и поверхностными замѣчаніями, а не углубляется въ истины, не раскрываетъ ихъ въ подробностяхъ и съ ихъ основаніями; рѣдко сосредоточивается на одномъ какомъ либо предметѣ, а большею частію перебѣгаетъ съ предмета на предметъ, повторяетъ одно и тоже, уклоняется въ сторону, и вообще излагаетъ свои мысли безъ надлежащей отчетливости и послѣдовательности. Въ этомъ отношеніи Даніилъ много уступаетъ своему знаменитому наставнику, преподобному Іосифу Волоколамскому, который, при богатствѣ свѣдѣній, обладалъ также сильнымъ и свѣтлымъ умомъ и глубоко развитою мыслительностію.

Еще на одну высокую черту въ характерѣ Даніила указываютъ намъ его сочиненія,—на его пламенную ревность о вѣрѣ и благочестіи, ревность о своемъ пастырскомъ долгѣ, о своемъ духовномъ стадѣ. Онъ смѣло боролся съ духомъ вольномыслія и противленія уставамъ церкви, господствовавшимъ тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, и училъ, наставлялъ, убѣждалъ православныхъ пребывать твердыми и непоколебимыми въ православіи, хранить неизмѣнно всѣ преданія церкви, писанныя и неписанныя, всячески оберегаться отъ лжеучителей и еретиковъ и стоять за истину Христову даже до смерти. Онъ зорко слѣдилъ и за нравственны-

ми недостатками и слабостями своихъ пасомыхъ и въ своихъ обличеніяхъ не щадилъ никого, ни богатыхъ и знатныхъ, ни пастырей и самихъ архипастырей, ни простыхъ иноковъ, ни ихъ властей, стараясь въ тоже время дѣйствовать на обличаемыхъ словомъ кротости и любви и трогательными вразумленіями, увѣщаніями, даже мольбою. Почти всѣ сочиненія Даніила направлены, болѣе или менѣе, противъ заблужденій и пороковъ его времени, и лучшія мѣста въ его сочиненіяхъ тѣ, гдѣ онъ начинаетъ изображать эти заблужденія и пороки. Тутъ онъ оставляетъ свой спокойный, холодный тонъ, и замѣтно одушевляется; слово его становится живѣе, образнѣе, краснорѣчивѣе; чувствуешь, что онъ проникнутъ тѣмъ, о чемъ говоритъ, и свои краски и образы беретъ прямо изъ жизни. Въ этомъ отношеніи сочиненія Даніила можно сравнить съ сочиненіями Максима Грека: въ тѣхъ и другихъ ярко отражаются современные недостатки русскаго народа.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

О церковном суде

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 10. С. 276-299.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

О церковномъ судѣ.

(Окончаніе).

ГЛАВА VII.

О судебномъ приговорѣ.

§ 469. Понятіе о судебномъ приговорѣ.

Судебный приговоръ есть окончательное опредѣленіе результата судебнаго разбирательства какой либо жалобы или тяжбы; въ субъективномъ отношеніи это есть окончательно выработавшееся воззрѣніе суда на предметъ какой-либо жалобы или тяжбы, въ объективномъ же—это есть рѣшеніе тяжбы ([1]).

§ 470. Что слѣдуетъ суду наблюдать при постановленіи приговора?

При постановленіи приговора, со стороны суда должно быть наблюдаемо.

1) чтобы, кромѣ предсѣдателя и секретаря, судъ состоялъ изъ столькихъ членовъ, сколько ихъ должно быть по закону для учиненія законнаго приговора;

2) чтобы судебный персоналъ былъ приведенъ къ присягѣ; послѣднее нужно наблюдать также и относительно кандидатовъ на должность судебныхъ членовъ;

[1]) Слово «sententia» происходитъ отъ латинскаго слова «sentio» и на юридическомъ языкѣ означаетъ выраженіе воззрѣнія судьи.

3) чтобы—далѣе—провѣрено было, что рѣшаемое дѣло дѣйствительно подвѣдомственно тому суду, который имѣетъ произнесть о немъ приговоръ;

4) чтобы по надлежащей описи дѣловыхъ бумагъ видно было, соблюдены ли всѣ законныя формы при разборѣ тяжбы, по которой слѣдуетъ постановить рѣшеніе, и всѣ ли на лицо акты и документы, на которые есть ссылки въ процессѣ;

5) чтобы тяжущіяся стороны держались въ своихъ показаніяхъ сущности дѣла и представили ихъ суду съ объясненіемъ, что *онѣ ничего болѣе не имѣютъ прибавить* и ждутъ рѣшенія своего процесса; такъ какъ иначе—окончательно состоявшееся рѣшеніе было бы не законно, исключая тѣ случаи, въ которыхъ самъ судъ признаетъ за лучшее объявить показанія тяжущихся сторонъ законченными, когда именно въ дальнѣйшихъ своихъ показаніяхъ обѣ стороны впадаютъ въ одно пустое словопреніе; равнымъ образомъ должно быть наблюдено—

6) приведены ли къ присягѣ свидѣтели, потому что безъ присяги имъ не дается вѣры;

7) достаточно ли доказана основательность иска и облечены ли эти доказательства въ законную форму;

8) или, достаточно ли и въ законной ли формѣ доказана основательность требованія относительно отказа въ искѣ;

9) есть ли въ дѣлѣ документъ, или нѣтъ, о приглашеніи, со стороны суда, тяжущихся сторонъ—объявить, желаютъ ли онѣ въ своемъ процессѣ сдѣлать еще какія нибудь показанія, или не желаютъ, такъ какъ, когда какая либо изъ тяжущихся сторонъ не

желаетъ отказаться отъ дальнѣйшихъ объясненій по дѣлу и когда при этомъ самое дѣло оказывается еще недостаточно раскрытымъ, то судъ дозволяетъ представлять, съ соблюденіемъ предписаннаго срока, дальнѣйшія объясненія, въ исключительныхъ случаяхъ—даже до пяти разъ. Но если въ такомъ случаѣ стороны не представили своихъ объясненій въ теченіе предписаннаго имъ судомъ срока; то судъ имѣетъ право объявить тяжбу конченною и совсѣмъ не принимать несвоевременныхъ возраженій, исключая процессовъ по расторженію брака, или лишенію сана, равно какъ процессовъ по поводу оскорбленія святыни и нарушенія мира церкви. Вообще, впрочемъ, судъ можетъ брать во вниманіе и запоздалыя объясненія, если ими не нарушается должное къ нему уваженіе.

§ 471. О различіи приговоровъ.

Приговоры бываютъ двоякаго рода, именно: 1) рѣшительный приговоръ и 2) предварительный. Первый имѣетъ мѣсто при окончаніи процесса и простирается на всѣ моменты объясненій тяжущихся сторонъ,—онъ называется также окончательнымъ приговоромъ; а второй, т. е. предварительный приговоръ, бываетъ во время веденія процесса и можетъ касаться—разрѣшенія вопроса о подсудности дѣла, побужденія тяжущихся сторонъ къ подачѣ объясненій, приглашенія ихъ явиться къ суду, постановленія о приведеніи свидѣтелей къ присягѣ [1]. Само собою разумѣется, что какъ предварительный приговоръ, такъ тѣмъ болѣе приговоръ окончательный

[1] См. въ § 452 подъ II, о судебныхъ постановленіяхъ.

долженъ быть обоснованъ изреченіями Христа Спасителя, или апостоловъ, правилами помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, или авторизованными церковною властію объясненіями толкователей церковныхъ правилъ.

§ 472. Какъ должно производиться объявленіе предварительныхъ и окончательныхъ приговоровъ?

Если тяжущіяся стороны имѣютъ свое пребываніе въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и судъ, то объявленіе имъ предварительнаго приговора производится или посредствомъ вызова ихъ въ судъ для выслушанія предварительнаго рѣшенія, или же чрезъ выписку изъ судебнаго протокола, передаваемую имъ съ отобраніемъ отъ нихъ подписки о полученіи судебнаго рѣшенія, которая представляется затѣмъ судейскимъ служителемъ суду; а если тяжущіяся стороны живутъ внѣ мѣстопребыванія суда, тогда для выслушанія предварительнаго рѣшенія онѣ вызываются въ судъ чрезъ мѣстнаго приходскаго священника, который беретъ отъ нихъ письменное удостовѣреніе о передачѣ имъ вызова явиться въ судъ, или о сообщеніи имъ предварительнаго рѣшенія суда, и потомъ это удостовѣреніе представляетъ въ судъ.

Объявленіе же окончательнаго приговора должно производиться слѣдующимъ образомъ. Послѣ того, какъ по соблюденіи всего нужнаго состоится окончательный приговоръ, опредѣляется срокъ для его объявленія и къ этому опредѣленному сроку приглашаются тяжущіяся стороны явиться въ судъ для выслушанія приговора.

Объявленіе должно производиться съ приличною торжественностію и притомъ въ присутствіи всего

судебнаго персонала, облеченнаго въ свойственную духовному званію одежду; на столѣ должны находиться крестъ, евангеліе, книга правилъ и два подсвѣчника съ возженными свѣчами. Какъ только явились тяжущіяся стороны, секретарь суда громко и внятно читаетъ имъ послѣдовавшій по ихъ процессу приговоръ. Объявленіе приговора должно происходить въ дополуденное время; но если тяжущіяся стороны по какимъ либо уважительнымъ причинамъ опоздаютъ, то объявленіе приговора можетъ быть также послѣ полудня и даже вечеромъ при свѣчахъ.

§ 473. О юридическомъ значеніи объявленнаго приговора.

Юридическое значеніе объявленнаго приговора выражается въ слѣдующемъ:

1) тотъ судъ, которымъ положенъ и объявленъ извѣстный приговоръ, не можетъ уже этого приговора ни измѣнить, ни переиначить, потому что по одному и тому же дѣлу судъ можетъ положить приговоръ не иначе, какъ только одинъ разъ;

2) объявленный приговоръ вступаетъ въ законную силу, если заинтересованныя стороны объявятъ свое довольство имъ, и полагаетъ конецъ всякому спору;

3) тяжущіяся стороны, заявляющія свое недовольство приговоромъ, сохраняютъ право на подачу апелляціи подлежащему высшему судебному мѣсту; но апелляція должна быть подана или тотчасъ же при объявленіи приговора, или, если при объявленіи приговора только испрашивается дозволеніе на апелляцію,—она должна быть доставлена послѣ того въ низшій судъ въ теченіе 15 дней, такъ какъ по истеченіи этого срока состоявшійся окончательный при-

говоръ вступаетъ въ законную силу, и аппелляція болѣе уже невозможна. Пропустившему срокъ подачи аппелляціи можетъ не иное что помочь, какъ рекурсъ, посредствомъ котораго у низшаго суда просится позволеніе снова начать и возобновить тяжбу, чтобы такимъ путемъ достигнуть новаго приговора (judicium novum);

4) тяжущаяся сторона, недовольная окончательнымъ приговоромъ, имѣетъ право по выслушаніи приговора представить на него возраженія, однако до тѣхъ поръ, пока приговоръ еще не вошелъ въ законную силу. Подобныя возраженія имѣютъ мѣсто:

a) въ процессахъ по дѣламъ бракоразводнымъ, если приговоромъ опредѣляется совершенное расторженіе брака;

b) въ уголовныхъ процессахъ, въ которыхъ окончательнымъ приговоромъ духовныя лица присуждаются къ лишенію сана;

c) въ тѣхъ процессахъ, въ которыхъ приговоръ основывается на подложныхъ документахъ, если осужденный надѣется доказать ихъ подлогъ, и

d) въ тѣхъ процессахъ, въ которыхъ, по недостатку другихъ доказательствъ, судъ постановляетъ окончательный приговоръ на основаніи пополнительной присяги.

Эти возраженія тяжущейся стороны, называемыя также оправданіями (justificationes), будучи представлены суду прежде, чѣмъ окончательный приговоръ вступитъ въ законную силу, присоединяются къ другимъ документамъ процесса и окончательному приговору и въ такомъ видѣ препровождаются на аппелляцію въ высшую судебную инстанцію.

ГЛАВА VIII.

О способахъ и льготахъ поддержанія права.

§ 474. Понятіе о способахъ и льготахъ поддержанія права.

Подъ способами и льготами поддержанія права разумѣется вообще всякое законное средство, употребляемое для защиты и охраненія права, какъ, напримѣръ, жалобы, иски, возраженія, реплики; въ частности же разумѣются подъ ними рекурсъ и аппелляція.

§ 475. Въ какихъ случаяхъ низшая судебная инстанція можетъ подать тяжущимся сторонамъ поводъ прибѣгнуть къ какому-либо способу поддержанія права?

Низшая судебная инстанція можетъ подать тяжущимся сторонамъ поводъ прибѣгнуть къ извѣстному способу поддержанія права:

1) когда низшій судъ отказываетъ какому-либо истцу или отвѣтчику въ разборѣ его дѣла, или безъ нужды медлитъ его разбирательствомъ;

2) когда низшимъ судомъ постановляется рѣшеніе, представляющееся неправильнымъ;

3) когда сторона, потерявшая свой процессъ, утверждаетъ, что приговоръ низшаго суда учиненъ съ намѣреніемъ нанести ей вредъ;

4) когда низшій судъ при разборѣ тяжбы, по видимому, не соблюлъ тѣхъ формъ, которыя предписаны для судопроизводства;

5) когда тяжущаяся сторона считаетъ себя лично оскорбленною низшимъ судомъ;

6) когда, помимо воли судьи, состоявшійся приговоръ окажется для какой-либо изъ тяжущихся сторонъ обременителенъ.

§ 476. О способахъ поддержанія права въ собственномъ смыслѣ.

Способы поддержанія права въ собственномъ смыслѣ суть:

1) аппелляція;

2) искъ объ уничтоженіи приговора;

3) просьба о возстановленіи прежняго положенія.

Жалобы, подаваемыя высшему судебному мѣсту на отказъ, или проволочку въ судебномъ разбирательствѣ, или на личное оскорбленіе со стороны суда, называются рекурсомъ и не числятся въ ряду собственно такъ называемыхъ способовъ поддержанія права.

§ 477. Дѣленіе способовъ поддержанія права и ихъ дѣйствіе.

Способы поддержанія права раздѣляются на обыкновенные и чрезвычайные. Подъ обыкновенными способами поддержанія права разумѣются тѣ законныя средства, которыя по существующему порядку употребляются каждый разъ, какъ скоро кто-либо, оставаясь недовольнымъ постановленіемъ или приговоромъ низшаго суда, обращается въ высшую инстанцію, какъ напримѣръ просьба о ревизіи процесса, и вообще—всѣ тѣ прошенія, которыя подаются въ высшую судебную инстанцію въ теченіе десяти или четырнадцати дней послѣ объявленія приговора, состоявшагося въ низшемъ судѣ. Подъ чрезвычайными же способами поддержанія права разумѣются тѣ, которыя могутъ употребляться только въ особо упомянутыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, просьба объ уничтоженіи приговора низшей судебной инстанціи, или о возвращеніи прежняго положенія, и въ частности—

всѣ тѣ просьбы, которыя представлены по истеченіи срока 10 или 14 дней послѣ объявленія приговора, состоявшагося въ низшей судебной инстанціи.

Дѣйствіе этихъ способовъ поддержанія права можетъ быть деволютивнымъ, или недеволютивнымъ, суспансивнымъ, или несуспансивнымъ. Деволютивное дѣйствіе состоитъ въ томъ, что посредствомъ даннаго способа поддержанія права тяжебное дѣло переносится отъ низшей судебной инстанціи въ подлежащую высшую инстанцію съ тѣмъ, чтобы здѣсь снова были пересмотрѣны, какъ весь предварительный ходъ дѣла, такъ и приговоръ по нему, состоявшійся въ низшей инстанціи, и чтобы по разсмотрѣніи всего этого состоявшійся приговоръ былъ или отмѣненъ, или утвержденъ. Недеволютивными же называются, напротивъ, тѣ способы поддержанія права, посредствомъ которыхъ просятъ прежній же судъ рѣшить дѣло на основаніи новаго заявленія, при чемъ дѣло, значитъ, не поступаетъ уже въ высшую судебную инстанцію.

Суспансивное дѣйствіе состоитъ въ томъ, что, вслѣдствіе употребленія извѣстнаго способа поддержанія права, вступленіе въ законную силу и вмѣстѣ съ тѣмъ экзекуція постановленія или рѣшенія низшаго судебнаго мѣста отсрочиваются до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ о томъ приговора высшей судебной инстанціи.

Въ противномъ же случаѣ данный способъ поддержанія права не имѣетъ суспансивнаго дѣйствія.

§ 478. Что такое аппелляція?

Аппелляція есть такой способъ поддержанія права,

посредствомъ котораго лицо, недовольное приговоромъ низшей судебной инстанціи, переноситъ свое дѣло въ подлежащее высшее судебное мѣсто, чтобы это послѣднее измѣнило приговоръ, состоявшійся въ низшей судебной инстанціи.

Каноническое основаніе аппелляціи заключается въ 16 правилѣ кареагенскаго собора, которымъ опредѣляется, что аппелляція позволительна, если она приносится высшему суду по общему законоположенію, которое гласитъ, что судъ, къ которому аппеллируютъ, долженъ имѣть болѣе высшую власть сравнительно съ тѣмъ, отъ котораго аппеллируютъ, и что послѣдній не долженъ оскорбляться тѣмъ, если положенный имъ приговоръ будетъ высшею инстанціею отмѣненъ или измѣненъ.

§ 470. Какъ производится аппелляція?

Аппелляція совершается:

1) чрезъ устное заявленіе лица, считающаго себя обиженнымъ, тотчасъ же при объявленіи приговора или рѣшенія низшей судебной инстанціи;

2) или въ теченіе десяти дней по объявленіи приговора, или рѣшенія, причемъ аппеллируетъ или самъ недовольный, или уполномоченный имъ защитникъ;

3) чрезъ письменное заявленіе причинъ, служащихъ основаніемъ для аппелляціи;

4) или чрезъ прошеніе, поданное высшему суду о томъ, чтобы онъ обязалъ низшій судъ снова пересмотрѣть дѣло и приговоръ. Недовольному рѣшеніемъ и послѣ того—позволяется вторично аппеллировать (¹).

(¹) 5 пр. сард соб.

§ 480. Когда апелляція имѣетъ мѣсто и когда нѣтъ?

Апелляція имѣетъ мѣсто:

1) когда проигравшій свой процессъ считаетъ себя чрезъ приговоръ низшей судебной инстанціи обиженнымъ, или неудовлетвореннымъ;

2) когда апелляція подается или самимъ проигравшимъ процессъ, или его защитникомъ;

9) когда она подается подлежащей высшей инстанціи;

4) когда случится, что по объявленіи приговора, состоявшагося въ низшей инстанціи, недовольному имъ лицу сдѣлается извѣстнымъ какое-либо обстоятельство, или даже много обстоятельствъ, служащихъ въ его пользу,—хотя въ подобномъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться также способомъ поддержанія права, состоящимъ въ просьбѣ о возстановленіи прежняго положенія;

5) когда судебный приговоръ еще не вошелъ въ законную силу;

6) когда апеллирующему не можетъ быть поставлено въ вину, что онъ хочетъ апеллировать по дѣлу маловажному, котораго нельзя представлять на разсмотрѣніе высшаго суда.

Само собою разумѣется, что апелляція можетъ быть не только противъ окончательнаго приговора, но и противъ всякаго другаго рѣшенія низшаго суда, и именно:

1) когда предварительное рѣшеніе имѣетъ силу окончательнаго;

2) когда необходимость подачи апелляціи на предварительное рѣшеніе проситель-рекуррентъ доказы-

ваетъ тѣмъ, что если бы не была принята и разсмотрѣна эта его аппелляція, то въ такомъ случаѣ его аппелляція на окончательный приговоръ была бы уже безполезна.

Аппелляція не имѣетъ мѣста:

1) когда противъ епископа произносится приговоръ на митрополичьемъ соборѣ—единогласно (¹);

2) когда епископъ лишенъ своей епархіи митрополичьимъ соборомъ на томъ основаніи, что онъ, удалясь изъ своей епархіи, оставался въ другомъ мѣстѣ болѣе шести мѣсяцевъ, не будучи удерживаемъ здѣсь ни тяжкою болѣзнію, ни исполненіемъ порученій высшаго церковнаго начальства, ни царскимъ повелѣніемъ (²);

3) когда тяжба рѣшается судьями, которыхъ избрали сами тяжущіяся стороны (³);

4) когда священнослужитель осужденъ по приговору своего епископа за оставленіе своего прихода (⁴);

5) когда какой бы то ни было священнослужитель, пренебрегши подлежащимъ церковнымъ судомъ, обратится за разсмотрѣніемъ своего церковнаго дѣла къ царскому суду (⁵);

6) когда кто нибудь вздумалъ бы подать аппелляцію по истеченіи десятидневнаго срока (⁶);

7) когда какой-либо клирикъ не захочетъ принять возведенія его на высшую степень служенія, а

(¹) 16 прав. карѳ. соб. и стр. 278 въ Пидаліонѣ.

(²) 16 прав. двукр. конст. собора.

(³) 17 прав. карѳ. соб.

(⁴) 3 пр. антіох. соб.

(⁵) 12 прав. антіох. соб.

(⁶) Примѣч. къ 28 апост. правилу въ Пидаліонѣ.

епископъ не оставляетъ его на прежней степени ([1]); наконецъ

8) когда какой-либо пресвитеръ, или діаконъ, или епископъ, въ случаѣ низложенія первыхъ своимъ епископомъ, а послѣдняго соборомъ митрополичьимъ, — обратился бы съ аппелляціею къ царю ([2]).

§ 481. О возобновленіи и переслѣдованіи дѣла, какъ способѣ поддержанія права.

Къ законнымъ способамъ и льготамъ поддержанія права причисляются также возобновленіе и переслѣдованіе прежняго производства дѣла. Это бываетъ тогда, когда осужденный считаетъ себя совершенно несправедливо обвиненнымъ и крайне обиженнымъ окончательнымъ приговоромъ закончившагося процесса и подаетъ просьбу о дозволеніи возобновленія прежняго процесса, представляя на то уважительныя причины, именно, что у него имѣется новое доказательство въ свою защиту, котораго онъ прежде не имѣлъ.

Просьба о возобновленіи тяжбы можетъ быть представляема высшему, или низшему суду, смотря по роду дѣла; т. е., если состоявшійся въ первой инстанціи приговоръ утвержденъ высшимъ судомъ, то въ такомъ случаѣ просьба о возобновленіи тяжбы должна быть подана высшему суду.

Въ связи съ этимъ должно замѣтить, что если окончательный приговоръ дисциплинарнаго свойства, то просьба о возобновленіи тяжбы не мѣшаетъ приведенію его въ исполненіе; потому что если истецъ нѣкоторое время въ силу приговора, состоявшагося по прежнему разбирательству тяжбы,

(1) 40 прав. карѳ. соб.
(2) 12 прав. ант. соб.

и потерпитъ ущербъ, то, въ случаѣ рѣшенія возобновленной тяжбы въ его пользу, онъ имѣетъ право требовать вознагражденія убытковъ,—т. е., возстановленія прежняго положенія. Напротивъ того, приговоръ, учиненный низшею судебною инстанціею по какому либо дѣлу, касающемуся таинствъ, слѣдуетъ придержать и не приводить въ исполненіе, какъ скоро осужденный заявляетъ о своемъ желаніи воспользоваться правомъ возобновленія прежняго процесса, потому что иначе его выигрышъ въ возобновленной тяжбѣ, который, вообще говоря, не невозможенъ, былъ бы для него безполезенъ по своимъ благодѣтельнымъ результатамъ. Напримѣръ, приговоръ, учиненный по тяжбѣ между двумя духовными лицами изъ-за получаемыхъ ими церковныхъ доходовъ, приводится въ исполненіе, хотя бы осужденный рѣшился опять возобновить прежній процессъ, потому что если возобновленная тяжба кончится въ его пользу, то понесенный ущербъ можетъ быть ему возмѣщенъ; напротивъ діаконъ, пресвитеръ, или епископъ, напрасно возобновилъ бы прежде веденный процессъ, закончившійся лишеніемъ его сана, если бы приговоръ о лишеніи сана былъ уже приведенъ въ исполненіе, потому что если бы онъ и выигралъ дѣло въ возобновленной тяжбѣ, тѣмъ не менѣе, однако, онъ уже не могъ бы возвратить себѣ прежняго своего сана, котораго однажды лишился, такъ какъ таинство священства, подобно таинству крещенія, не можетъ быть повторяемо надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Лишенный духовнаго сана не можетъ быть также поставленъ на какую либо низшую, сравнительно съ прежде занимаемою имъ, іерархическую степень; на-

примѣръ, лишенный своего сана епископъ не можетъ быть сдѣланъ пресвитеромъ, равно какъ лишенный своего сана пресвитеръ не можетъ занимать діаконской должности; ибо постановленія нашей церкви учатъ насъ, что тотъ, кто не достоинъ быть епископомъ, не достоинъ и пресвитерства, равно какъ пресвитеръ, не достойный пресвитерства, не достоинъ также и діаконства.

При этомъ слѣдуетъ, однако, дѣлать различіе между лишеніемъ сана и отрѣшеніемъ или простымъ удаленіемъ отъ должности, потому что лишенный сана не можетъ быть ни возведенъ опять въ прежнее положеніе, ни удостоенъ низшей какой либо степени священства; напротивъ тотъ, кого просто только отрѣшили или удалили, можетъ быть снова опредѣленъ по приговору низшаго или высшаго суда, ибо правило *опредѣляетъ*, что «епископамъ, не по своей винѣ лишившимся занимаемаго ими мѣста, должно быть опять возвращено ихъ прежнее положеніе» ([1]).

ГЛАВА IX.

О церковныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, и о наказаніяхъ, за нихъ полагаемыхъ.

§ 482. Общія понятія.

Дѣла по церковнымъ преступленіямъ, раздѣляемыя, согласно 15-му правилу кареагенскаго собора, на дѣла обвинительныя (или уголовныя) и тяжебныя (или церковно-гражданскія), предполагаютъ такія дѣйствія, которыми со стороны какого либо отдѣльнаго члена церкви, или общественнаго церковнаго учреж-

(1) 29 правило IV вселенск. соб. и объясненіе на него въ Пидаліонѣ, равно какъ объясненіе на него Зонары у Бевeрегія.

денія, нарушаются основные члены христіанской вѣры, или правила благочинія,—I) чрезъ небреженіе и неисполненіе своихъ обязанностей, или II) чрезъ уничиженіе и поношеніе того, что мы обыкновенно называемъ на церковномъ языкѣ *святыней*.

Церковный судъ обязанъ возбудить производство дѣла касательно такихъ церковныхъ преступленій или проступковъ по должности даже и въ томъ случаѣ, когда бы не послѣдовало по поводу ихъ формальной жалобы, поручивъ судебнымъ обвинителямъ оффиціально выступить противъ того, кѣмъ совершено преступленіе, или проступокъ. Судебные обвинители путемъ слѣдствія обязаны вывесть на свѣтъ всю истину и, пріобрѣтши такимъ образомъ полное свѣдѣніе о совершившемся преступленіи, должны потомъ все дѣло представить суду для дальнѣйшаго съ его стороны распоряженія.

§ 483. О преступленіяхъ, проистекающихъ отъ упущенія и неисполненія своихъ обязанностей, и о полагаемыхъ за нихъ наказаніяхъ.

Преступленія, проистекающія отъ упущенія и неисполненія обязанностей, суть такія дѣянія, которыя совершаетъ частное лицо, принадлежащее къ церкви, или общественное церковное учрежденіе, безъ злаго умысла, вслѣдствіе небреженія или нерадѣнія объ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на него занимаемымъ имъ въ церкви положеніемъ.

Такого рода преступленіе, будучи разсматриваемо объективно, тѣмъ важнѣе и влечетъ за собою тѣмъ большую степень наказанія, чѣмъ важнѣе то церковное постановленіе, котораго оно касается; напримѣръ, епископъ, или пресвитеръ, нерадящій о своей

паствѣ, наказывается отрѣшеніемъ отъ должности на болѣе или менѣе продолжительное время, а если онъ не исправится въ этомъ отношеніи, то совсѣмъ лишается своего сана ([1]); нерадѣніе же, допускаемое относительно одежды, присвоенной духовнымъ лицамъ, влечетъ за собою только недѣльное отлученіе отъ священнодѣйствія ([2]). Будучи же разсматриваемо субъективно, преступленіе этого рода влечетъ за собою тѣмъ высшее наказаніе, чѣмъ выше въ церкви положеніе совершившаго его лица; напримѣръ, епископъ, пресвитеръ, или діаконъ, занимающійся волшебствомъ, ростовщичествомъ, или корчемничествомъ, если не перестанетъ этого дѣлать, подвергается лишенію сана, прочіе же клирики и міряне только отлучаются за это отъ святаго причащенія ([3]). Если епископъ, или пресвитеръ, вопреки ученію Спасителя, изложенному въ 12-мъ стихѣ XVIII главы евангелія отъ Матѳея, а также въ 7-мъ стихѣ XV главы евангелія отъ Луки, и вопреки 52 апостольскому правилу, не принимаетъ и отвергаетъ обращающагося отъ грѣха, то онъ лишается своего сана, ибо опечаливаетъ Христа, сказавшаго, что на небесахъ бываетъ радость о каждомъ кающемся грѣшникѣ; если же онъ присвоиваетъ себѣ что-либо изъ церковнаго или монастырскаго имущества, то наказывается за нарушеніе правилъ, повелѣвающихъ хранить его, подъ надзоромъ епископа, во всей цѣлости ([4]).

Нерадѣніе или небреженіе объ исполненіи своихъ

([1]) 58 апостол. прав.

([2]) 27 прав. VI вс. соб.

([3]) 42, 43 и 44 ап. пр.; прав. 10-е VI всел. соб.;—9 пр. VI вс. соб.

([4]) 38 апостольск. пр.; 12 пр. VII всел. соб.; 24 и 25 прав. антіохійскаго соб.

обязанностей, допускаемое со стороны духовныхъ лицъ, составляя проступокъ, тѣмъ не менѣе наказывается, какъ мы это видѣли выше, лишеніемъ сана; это потому, что оно свидѣтельствуетъ вмѣстѣ и о лицемѣріи виновнаго въ немъ, лицемѣріе же есть большое преступленіе, особенно въ служителѣ церкви. Въ этомъ убѣждаютъ насъ слова Спасителя, сказанныя Имъ въ осужденіе лицемѣрныхъ книжниковъ и фарисеевъ: *горе вамъ, лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ, и на показъ молитесь долго: за это примете тягчайшее осужденіе* (¹); немилосердыхъ же Христосъ осудилъ, сказавши: *идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его* (²).

§ 484. О преступленіяхъ, состоящихъ въ уничиженіи и оскорбленіи того, что мы называемъ святыней?

Уничиженіе и оскорбленіе святыни, разсматриваемое какъ преступленіе, предполагаетъ собою такія дѣйствія, которыя совершаются служителемъ церкви, или простымъ христіаниномъ, противъ догматовъ вѣры и которыя направлены къ тому, чтобы или составить новый символъ вѣры, или дать силу и значеніе положеніямъ, противорѣчащимъ ученію Іисуса Христа.

Это преступленіе можетъ совершаться въ активной, или пассивной формѣ: въ пассивной формѣ— когда кто либо уничиженіе и оскорбленіе того, что мы называемъ святыней, совершаетъ въ своей собственной душѣ,—въ такомъ случаѣ оно называется

(¹) Матѳ. XXIII, 14.— Марк. XII, 40.
(²) Матѳ. XXV, 41.

просто атеизмомъ; активную же форму оно принимаетъ тогда, когда кто либо уничиженіе и оскорбленіе того, что мы называемъ святыней, выражаетъ письменно или словесно,—въ этомъ послѣднемъ случаѣ его называютъ вѣроотступничествомъ, богохульствомъ или ересью, и оно составляетъ величайшее церковное преступленіе. Епископъ, или пресвитеръ, наказывается за него лишеніемъ своего епископскаго, или пресвитерскаго сана, міряникъ—отлученіемъ отъ церкви ([1]). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что епископъ, или пресвитеръ, виновный въ ереси, лишается своего сана, но отъ церкви не отлучается, такъ какъ 25 апостольское правило предписываетъ, что священнослужитель, уличенный въ преступленіи и приговоренный къ лишенію сана, не можетъ быть въ тоже время приговоренъ къ отлученію отъ церкви, ибо св. писаніе говоритъ: *не отмстиши дважды за едино* ([2]).

Впрочемъ само собою разумѣется, что если епископъ или пресвитеръ, лишенный сана за ересь, не перестаетъ распространять ее, то таковый отлучается также и отъ церкви, какъ неисправимый вѣроотступникъ. Впрочемъ, если отлученный отъ церкви приноситъ раскаяніе и проситъ о принятіи его опять въ нѣдра церкви, то ему нельзя отказать въ прощеніи, и онъ опять можетъ быть принятъ въ лоно церкви; но, если онъ былъ прежде епископомъ или пресвитеромъ, ему нельзя опять возвратить прежняго его сана, потому что, разъ лишенный священства, онъ уже не можетъ снова пріобрѣсть его ([3]).

([1]) 7 прав. III всел. соб.
([2]) Наум., гл. I., ст. 9.
([3]) 21 пр. VI всел. соб. и 59 пр. карѳ. собора.

§ 485. Преступленія, наказываемыя анаѳематствомъ.

Въ правилахъ нашей церкви мы находимъ, что слѣдующія преступленія были наказываемы анаѳематствомъ:

1) ересь Арія противъ божества Христова;

2) ересь Македонія противъ Святаго Духа;

3) всѣ ереси, порожденныя ученіями Арія и Македонія;

4) ересь Евстаѳія, епископа севастійскаго въ Арменіи, который началъ распространять нѣкоторыя вредныя для человѣчества и общественныхъ отношеній лжеученія, какъ-то:

a) порицать бракъ, утверждая, что будтобы вступившіе въ него не могутъ войти въ царство небесное;

b) осуждать тѣхъ христіанъ, которые въ теченіе всей жизни не воздерживаются отъ употребленія въ пищу мяса;

c) соблазнять рабовъ и отклонять ихъ отъ подчиненія своимъ господамъ;

d) не принимать святаго причащенія отъ женатыхъ священниковъ;

e) презирать собранія христіанъ въ храмѣ Божіемъ для молитвы и въ другихъ мѣстахъ для разсужденія о церковно-хозяйственныхъ дѣлахъ;

f) оставаться въ безбрачіи съ безнравственною цѣлію; равно какъ—нѣкоторыя другія подобнаго рода лжеученія, оскорбительныя для человѣческаго достоинства, которыя были разсмотрѣны и осуждены на помѣстномъ гангрскомъ соборѣ и которыя можно видѣть въ правилахъ этого собора.

§ 486. О поношеніи церковныхъ властей, какъ преступленіи противъ подчиненія имъ.

Высказавъ въ предыдущихъ параграфахъ положеніе, что никто изъ членовъ нашей церкви не изъятъ отъ подчиненія церковнымъ правиламъ, мы ставимъ теперь другое, подобное ему, именно, что всякій можетъ всегда принесть подлежащему суду жалобу на кого бы то ни было изъ клира, или изъ міранъ, если только онъ имѣетъ къ тому основательный поводъ.

Какъ скоро оба эти положенія,—то есть, что никто не изъятъ отъ подчиненія церковнымъ правиламъ и что на каждаго можно принесть жалобу подлежащему суду,—приняты; то слѣдуетъ, что ни одинъ членъ нашей церкви, изъ среды духовныхъ лицъ или міранъ, не можетъ имѣть законнаго повода злословить или поносить свой церковный судъ, такъ какъ правила не препятствуютъ ему подать подлежащему судебному мѣсту жалобу даже на своего епископа, митрополита или патріарха, и такимъ образомъ найти себѣ удовлетвореніе законнымъ путемъ.

Но такъ какъ случается, что кто либо, вмѣсто того, чтобы искать себѣ удовлетворенія законнымъ путемъ, прибѣгаетъ къ незаконнымъ средствамъ, какъ-то: поношеніямъ, заговорамъ и ковамъ; то церковное законодательство, для пресѣченія подобнаго рода преступленій, опредѣляетъ за нихъ наказанія, и именно:

1) если поданная подлежащему суду жалоба на епископа, или вообще священнослужителя, оказывается неосновательною и ложною, заключая въ себѣ только поношеніе или клевету, то обвинитель, по смыслу 6 правила II вселенскаго собора, наказывает-

ся тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ бы наказанъ обвиняемый, если бы онъ дѣйствительно оказался въ томъ виновнымъ;

2) если бы епископъ или другой кто либо изъ клира, отрѣшенный отъ должности, отважился пренебрегать рѣшеніемъ своихъ судей и исправлять свою должность, то таковый учиняетъ преступленіе поношенія противъ суда и неподчиненія состоявшемуся о немъ приговору, и по 38 правилу карѳагенскаго собора наказывается совершеннымъ низложеніемъ;

3) если какой-либо клирикъ или монахъ вступаетъ въ заговоръ противъ своего епархіальнаго епископа, то таковый по 34 правилу VI вселенскаго собора совсѣмъ низлагается со своей степени.

ГЛАВА X.

Объ экзекуціи.

§ 487. Что такое экзекуція?

Экзекуція есть такой судебный актъ, посредствомъ котораго вошедшій въ законную силу окончательный приговоръ приводится въ исполненіе.

§ 488. Что слѣдуетъ наблюдать при экзекуціи?

При экзекуціи слѣдуетъ наблюдать:

1) чтобы экзекуція производилась тѣмъ судомъ, который разбиралъ процессъ въ первой инстанціи;

2) если проигравшая процессъ сторона живетъ внѣ округа суда, долженствующаго учинить экзекуцію, то подлежащій судъ передаетъ исполненіе экзекуціи суду той мѣстности, гдѣ приговоренная сторона имѣетъ жительство, — когда, напримѣръ, мужъ прогналъ свою жену и она воротилась къ своимъ ро-

дителямъ, живущимъ въ другомъ протоіерейскомъ округѣ. Или, напримѣръ, мужъ началъ процессъ о расторженіи брака въ томъ протоіерейскомъ округѣ, къ которому принадлежитъ жена. Здѣсь его процессъ разбирался и въ концѣ концовъ состоялся приговоръ о расторженіи брака, съ прибавленіемъ, чтобы мужъ возвратилъ женѣ ея платье и все ея приданое. Въ такомъ случаѣ протоіерейскій судъ той мѣстности, гдѣ живетъ жена, сносится съ подлежащимъ протоіерейскимъ судомъ округа, въ которомъ живетъ мужъ, дабы этотъ послѣдній судъ привелъ въ исполненіе приговоръ относительно мужа о выдачѣ имъ женѣ платья и приданаго;

3) чтобы экзекуція не приводилась въ дѣйствіе, пока окончательный приговоръ не вошелъ въ законную силу ([1]);

4) экзекуція по церковнымъ преступленіямъ, за которыя виновные присуждаются къ лишенію сана, или по бракоразводнымъ дѣламъ, оканчивающимся расторженіемъ брака, не можетъ быть приведена въ дѣйствіе прежде, чѣмъ состоявшійся въ первой инстанціи приговоръ не будетъ пересмотрѣнъ и утвержденъ высшею судебною инстанціею.

§ 489. **Что слѣдуетъ церковному суду дѣлать, когда осужденный не подчиняется экзекуціи?**

Такъ какъ церковный судъ присуждаетъ виновнаго только къ духовнымъ наказаніямъ и такъ какъ правило предписываетъ, чтобы «біющій вѣрнаго или невѣрнаго былъ извергаемъ изъ священнаго чина, будетъ ли то епископъ, или пресвитеръ» ([2]), а дру-

([1]) См. §§ 447—449.

([2]) 27 апост. прав.

гое правило, подъ опасеніемъ наказанія лишеніемъ сана, запрещаетъ бить кого-либо бичами, или наносить человѣческому тѣлу другіе какіе-либо удары [1], распространяя это наказаніе и на тѣхъ епископовъ и пресвитеровъ, которые другимъ даютъ приказаніе бить [2]; такъ какъ, наконецъ, можетъ случиться, что кто-либо изъ осужденныхъ церковнымъ судомъ не только окажетъ сопротивленіе наряженной противъ него, на основаніи судебнаго приговора, экзекуціи, но и заведетъ споръ и ссору: то, въ подобныхъ случаяхъ сопротивленія, церковный судъ сносится касательно такихъ строптивыхъ лицъ, — безъ различія, будутъ ли это лица духовнаго званія, или міряне,—съ гражданскою властію, дабы она находящимися въ ея распоряженіи и свойственными ей мѣрами положила конецъ ихъ безчинствамъ [3].

Заключеніе сочиненія.

Благословенъ Ты, Господи! Устами моими возвѣстилъ я всѣ суды устъ Твоихъ. На пути откровеній Твоихъ я радуюсь, какъ во всякомъ богатствѣ (Псал. 118, ст. 12—14).

Слава Тебѣ, показавшему мнѣ свѣтъ! Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе! Восхваляю Тебя, прославляю Тебя, молюсь Тебѣ; славословлю Тебя, благодарю Тебя, великаго въ Твоей славѣ [4].

---

[1] 9 прав. двукр. конст. соб.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же и 5 прав. ант. соб.

[4] Великое славословіе на утрени.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. В.Г. Рождественский

История новозаветного канона

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 10. С. 300-310.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИСТОРІЯ НОВОЗАВѢТНАГО КАНОНА.

Исторія новозавѣтнаго канона составляетъ сколько любопытный, столько же и важный предметъ изслѣдованія. Когда и какъ сложился кодексъ нашихъ священныхъ новозавѣтныхъ книгъ, каковы были судьбы его въ теченіе вѣковъ, чѣмъ руководилась древняя вселенская церковь въ канонизаціи входящихъ въ составъ этого кодекса книгъ, имѣемъ ли мы, наконецъ, въ настоящее время канонъ ихъ въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ его знала и утвердила церковь издревле,—изслѣдованіе всѣхъ этихъ и другихъ, стоящихъ въ связи съ ними, вопросовъ знакомитъ насъ съ одною изъ интереснѣйшихъ сторонъ внутренней жизни древней вселенской церкви, представляетъ нашему вниманію и наблюденію факты, изъ которыхъ всего лучше, самымъ нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ, узнается и несомнѣнная подлинность нашихъ новозавѣтныхъ книгъ, т. е. происхожденіе ихъ отъ тѣхъ именно лицъ, которымъ онѣ приписываются преданіемъ и вѣрованіемъ церкви, и совершенная цѣлость и неповрежденность содержащагося въ нихъ ученія и исторіи, и наконецъ тотъ исключительный священный авторитетъ, какой издревле и доселѣ усвояется имъ въ вопросахъ вѣры и дѣлахъ церковной

жизни и практики предъ всѣми другими произведеніями древней христіанской письменности. Говорить ли о томъ промыслительномъ содѣйствіи Божіемъ, какое со всею ясностію открывается для изслѣдователя исторической судьбы нашихъ священныхъ книгъ въ ихъ сохраненіи, распространеніи, утвержденіи ихъ авторитета въ мірѣ христіанскомъ, и которое, укрѣпляя нашу вѣру и благоговѣніе къ нимъ, какъ отъ самого Бога дарованнымъ для всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ письменнымъ памятникамъ новозавѣтнаго христіанскаго домостроительства о спасеніи рода человѣческаго, научаетъ насъ блюсти со всею строгостію ихъ священный авторитетъ, ихъ цѣлость и неповрежденность отъ всѣхъ покушеній произвольной критики, отъ всѣхъ нападокъ, направленныхъ противъ нихъ со стороны невѣрія или неправовѣрія? Между тѣмъ,— и въ этомъ заключается новый, еще бо̀льшій интересъ и значеніе для насъ научнаго изслѣдованія исторіи новозавѣтнаго канона,—если покушеній этого рода на апостольскія писанія было много еще въ первые вѣка собранія ихъ въ одинъ составъ и утвержденія ихъ каноническаго авторитета, и они всегда вызывали со стороны защитниковъ христіанской истины строгія обличенія; то ихъ, какъ извѣстно, встрѣчается не менѣе и въ наше время, съ тою только разницею, что тогда какъ въ первые вѣка христіанства для обличенія различныхъ неправыхъ мнѣній и толковъ о писаніяхъ апостольскихъ существовали самыя дѣйствительныя и большею частію для всѣхъ доступныя средства—живой, неумолкающій голосъ преданія тѣхъ христіанскихъ обществъ или церквей, къ которымъ первоначально были адресованы наши священныя

книги и откуда онѣ распространились и по другимъ христіанскимъ церквамъ, для насъ, отдаленныхъ восемнадцатью вѣками и отъ писателей нашихъ священныхъ книгъ и отъ первыхъ читателей и хранителей ихъ, это обличеніе стало не столь легкимъ и для всѣхъ возможнымъ. Правда, и для насъ также не утратилось свидѣтельство церковно-вселенскаго преданія о писаніяхъ апостольскихъ, но оно уже потеряло характеръ живаго, очевиднаго для всѣхъ и каждаго свидѣтельства, и отъ обращающагося къ нему,—съ цѣлію ли собственнаго убѣжденія въ ихъ подлинности и каноническомъ авторитетѣ, или для обличенія сомнѣній относительно этого въ другихъ,—требуетъ, говоря словами апостола, *чувствія обучена долгимъ ученіемъ* благовѣрія *въ разсужденіи добра же и зла* (Евр. V, 14), т. е. требуетъ и многосторонняго знанія и просвѣщеннаго пониманія духа и внѣшнихъ обстоятельствъ древне-вселенской церкви Христовой. Потому-то особенно и представляется опасною для многихъ новѣйшая отрицательная критика священныхъ писаній, что въ своихъ разрушительныхъ выводахъ и сужденіяхъ относительно подлинности и авторитета нѣкоторыхъ изъ нихъ она также по большей части опирается на свидѣтельства христіанской древности, и, толкуя ихъ по своему, совершенно извращаетъ истинное положеніе дѣла. Но весьма справедливый также упрекъ дѣлается въ этомъ отношеніи и самимъ апологетамъ новозавѣтныхъ писаній (¹). Упрекъ этотъ состоитъ въ томъ, что, защищая подлин-

(¹) См. Versuch zur Herstellung des historischen Stadpuncts für die Kritik der Neutestamentlichen Schriften, H. Thiersch, Erlang. 1845. s. 306—308.

ность и каноническій авторитетъ ихъ противъ возраженій отрицательной критики, они сами по большей части ослабляли силу церковно-вселенскаго преданія о нихъ,—и ослабляли тѣмъ, что раздробляли историческую, жизненную, если можно такъ сказать, цѣлость этого преданія на отдѣльныя, частныя свидѣтельства или цитаты изъ сочиненій различныхъ отцевъ и учителей церкви, и эти-то частныя, раздробленныя свидѣтельства ихъ полагали въ основаніе своей защиты или своего опроверженія, между тѣмъ какъ ихъ сила и важность можетъ быть вполнѣ понята и оцѣнена только тогда, когда они разсматриваются, какъ выраженіе общаго вселенскаго свидѣтельства церкви Христовой въ ту или другую эпоху, когда, другими словами, будетъ выясненъ для насъ исторически послѣдовательный ходъ самаго происхожденія, развитія и утвержденія въ древней вселенской церкви тѣхъ преданій, въ силу которыхъ и сама она чтила въ извѣстномъ намъ теперь составѣ новозавѣтныхъ писаній свой канонъ подлинно-апостольскихъ и истинно-божественныхъ писаній и завѣщала это почитаніе всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ. Но такова, между прочимъ, и есть прямая задача исторіи новозавѣтнаго канона,—и въ этомъ, повторяемъ, заключается особенный интересъ, особенное значеніе научнаго изслѣдованія ея для насъ.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этому изслѣдованію, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о литературѣ нашего предмета, а съ тѣмъ вмѣстѣ напередъ установить порядокъ или планъ историческаго его разсмотрѣнія.

Опытовъ обстоятельнаго научнаго обзора и раз-

бора исторіи канона новозавѣтныхъ книгъ въ западной богословской литературѣ существуетъ довольно много; но лишь немногіе изъ этихъ опытовъ могутъ служить пособіемъ или руководствомъ православному изслѣдователю священнаго писанія. Отрицательная критика разныхъ школъ и направленій на западѣ, совершенно перепутавшая всѣ вопросы о нашихъ новозавѣтныхъ книгахъ, въ особенности вопросы, касающіеся первоначальной исторіи ихъ, внесла также и въ изслѣдованіе нашего предмета множество самыхъ произвольныхъ предположеній и теорій. Эти предположенія и теоріи проводились и проводятся въ примѣненіи къ канону новозавѣтныхъ книгъ тѣмъ съ бо́льшею свободою и кажущеюся основательностію, чѣмъ менѣе сохранилось опредѣленныхъ и ясныхъ историческихъ данныхъ, по которымъ изслѣдователю приходится воспроизводить историческое образованіе его. Отсюда мы и видимъ въ произведеніяхъ западной литературы, посвященныхъ изслѣдованію исторіи новозавѣтнаго канона, бо́льшею частію или сочиненія совершенно тенденціозныя, т. е. составленныя въ духѣ тѣхъ или другихъ предвзятыхъ теорій, каковы напр. изслѣдованія *Креднера* (1), *Гильгенфельда* (2)

(1) Zur Geschichte des Kanons, Halle, 1847; Geschichte des Neutestamentlichen Kanon, herausg. von. G. Volkmar, Berlin, 1860. Въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій, изданномъ уже послѣ его смерти (†1857 г.), Креднеръ во многомъ сходится съ воззрѣніями новотюбингенской школы, хотя онъ собственно не принадлежалъ къ ней; критика его, точно также какъ критика де-Ветте и др., развилась подъ вліяніемъ отрицательныхъ идей, пущенныхъ въ ходъ еще Земмеромъ и его школою.

(2) Der Kanon und die Kritik des Neuen Testaments in ihrer geschichtlichen Ausbildung und Gestaltung, Halle, 1863. Главный предметъ изслѣдованія Гильгенфельда, почти единственнаго въ настоящее время представителя новотюбингенской школы, составляетъ собственно

и др.; или же такія, которыя хотя и не направлены къ оправданію напередъ составленныхъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе представляютъ, подъ видомъ безпристрастной, чуждой будтобы вліянія теологическихъ воззрѣній, исторической критики фактовъ, такой на самомъ дѣлѣ критическій произволъ въ оцѣнкѣ и комбинаціи ихъ, что въ результатѣ получаются выводы, столь же несогласные съ дѣйствительною исторіею, какъ и въ первомъ случаѣ: въ такомъ видѣ ведется изслѣдованіе, напр., у *Рейсса* (¹), у *М. Николя* (²) и др. Такой характеръ бо́льшей части изслѣдованій нашего предмета давно уже обратилъ, впрочемъ, на себя вниманіе спеціалистовъ и на западѣ, старавшихся установить вѣрные историческіе принципы или руководительныя начала для надлежащаго уразумѣнія какъ отдѣльныхъ фактовъ, такъ и общей исторіи канона новозавѣтныхъ книгъ. Таковъ прекрасный трактатъ извѣстнаго протестантскаго богослова *Тирша*, въ сочиненіи его подъ заглавіемъ: «Опытъ уста-

не исторія новозавѣтнаго канона, но, какъ легко видѣть изъ самаго заглавія книги, исторія критики новаго завѣта въ послѣдовательномъ ея развитіи и образованіи; исторія канона, хотя вкороткѣ, по необходимости, однако, должна была войти въ его изслѣдованіе (въ первую часть его, излагающую критику новаго завѣта въ древней церкви), такъ какъ въ образованіи канона и усматривается главнымъ образомъ великое критическое дѣло древней церкви.

(¹) Die Geschichte der heilig. Schriften Neuen Testaments, 1864. 4 ausg. s. 281—350; Histoire du Canon des Saintes-Ecritures dans l'Eglise Chretienne, 2 edit. Strasbourg, 1864 г. Оба названныя сочиненія Рейсса, въ особенности послѣднее изъ нихъ, заслуживаютъ, впрочемъ, вниманія по обстоятельному и точному изслѣдованію многихъ частныхъ сторонъ нашего предмета.

(²) Etudes critiques sur la Bible-Nouveau Testament, Paris 1864, p. 291—371. М. Николя идетъ въ своемъ изслѣдованіи по слѣдамъ главнымъ образомъ Креднера и Рейсса и не прибавляетъ съ своей стороны ничего новаго, доводя лишь подъ-часъ до нелѣпости ихъ отрицательные выводы.

новленія исторической точки зрѣнія для критики новозавѣтныхъ писаній» (1).Указанія талантливаго оппонента новотюбингенской школы не прошли безслѣдно. Предъ нами два опыта историческаго обзора канона новозавѣтныхъ книгъ, составленные, очевидно, по указаніямъ Тирша; одинъ изъ нихъ принадлежитъ богослову реформатской церкви — *Госсану*, а другой — католическому ученому *Рейтмайру* (2). Нельзя, безъ сомнѣнія, сказать, чтобы и эти опыты заслуживали одной лишь безусловной похвалы и подражанія съ нашей стороны, точно также какъ нельзя отрицать многихъ высокихъ научныхъ достоинствъ и въ трудахъ указанныхъ нами выше изслѣдователей— Креднера, Гильгенфельда, Рейсса и др.; тѣмъ не менѣе какъ общая постановка, такъ и частнѣйшее раскрытіе предмета далеки въ нихъ отъ крайностей и односторонностей этихъ послѣднихъ, и съ этой стороны они могутъ служить во многихъ отношеніяхъ руководствомъ и для насъ. Не останавливаемся на

(1) Не имѣя намѣренія излагать полную исторію новозавѣтнаго канона, Тиршъ въ VI гл. названнаго сочиненія («Ueber die Geschichte des Neutestamentlichen Kanons», s. 305—443) представилъ общій обзоръ главнѣйшихъ моментовъ этой исторіи, указавъ какъ тѣ задачи, которыя подлежатъ разрѣшенію въ ней, такъ и тотъ путь, которымъ, по его мнѣнію, задачи эти могутъ быть разрѣшены. Ни одна область церковно-исторической науки, по замѣчанію его, не загромождена такою массою предубѣжденій и недоразумѣній, и доселѣ тяготѣющихъ надъ умами лучшихъ изслѣдователей, какъ исторія новозавѣтнаго канона. Указанія его, впрочемъ, встрѣтили также сильныя возраженія противъ себя,—и они дѣйствительно не всегда идутъ точнымъ историческимъ путемъ, хотя вообще проливаютъ много свѣта на историческое изслѣдованіе нашего предмета.

(2) Le Canon des Saintes-Ecritures au double point de vue de la science et de la foi, L. Gaussen, tom I—II, Lausanne, 1860.—Einleitung in die canonischen Bücher des Neuen Bundes, F. Reithmayr, Regensburg, 1858, s. 21—161.

разборѣ и оцѣнкѣ другихъ, относящихся къ предмету нашего изслѣдованія, сочиненій западныхъ ученыхъ; всѣ они, по своему направленію, равно какъ по своимъ достоинствамъ или недостаткамъ, могутъ быть отнесены къ той или другой категоріи уже означенныхъ нами трудовъ (1).

Наша отечественная богословская литература, не богатая вообще спеціальными изслѣдованіями по библіологіи, и по предмету, насъ занимающему, имѣетъ очень небольшое число ученыхъ трудовъ. Лишь краткія историческія свѣдѣнія о немъ можно читать въ «Введеніи въ православное богословіе» преосвящ. Макарія, архіеп. литовскаго (стр. 171—173). Весьма интересный историческій опытъ, но опять опытъ изслѣдованія только одного изъ вопросовъ исторіи новозавѣтнаго канона, составляетъ напечатанная въ прошедшемъ году въ «Твореніяхъ св. Отцевъ» статья о. прот. А. В. Горскаго: «Образованіе канона священныхъ книгъ новаго завѣта» (1871 г., кн. 2, стр. 297—327). Предметомъ изслѣдованія ученаго автора служитъ доказательство той мысли, что собраніе священныхъ

---

(1) Таковы: Beiträge zur Geschichte des Neutestamentlich. Kanons. *Chr. F. Weber*, Tübing. 1791; Versuch einer Beleuchtung der Geschichte des Jüdischen und christlichen Bibelcanons, *H. Corrodi*, Halle, 1792 г. 2 th.—*Oehler und Landerer*, Art. „Kanon“ въ Энциклопедіи Герцога; *Jachmann*, Entstehung des Neutest. Kanon (Zeitschrift fur histor. Theologie, 1842); *Ch. Wordsworth*, On thé canon of the Old and New Testament, London, 1842 г.; *Wescott*, A history of the canon of the N. Testamentum, 2 ed. 1866; *Kirchhofer*, Quellensammlung zur Geschichte des Neutest. Canon bis auf Hieronimus, Zürich, 1844 г. „Wann wurden unsere Evangelien verfasst? *Const. Tischendorf*, Leipz. 1866. Указаніе другихъ болѣе древнихъ изслѣдованій см. у Рейсса: Die Geschichte der heilig. Schriften N. Testaments, s. 284; а также у Креднера—Geschichte des Neutest. Canon, herausg. von Volkmar, S.s. 80—81.

книгъ новаго завѣта и утвержденіе ихъ каноническаго достоинства всего скорѣе могло и должно было совершиться въ церкви ефесской, основанной апостоломъ Павломъ, ввѣренной ученику его Тимоѳею и долгое время состоявшей подъ ближайшимъ руководствомъ св. апостола Іоанна. Находящееся въ переведенной съ нѣмецкаго языка книгѣ проф. Герике («Введеніе въ новозавѣтныя книги св. писанія», Москва, 1869 г., 2 пол., стр. 175—225) обозрѣніе исторіи новозавѣтнаго канона отличается, какъ и вся вообще книга почтеннаго нѣмецкаго ученаго, болѣе богатымъ собраніемъ матеріала въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, чѣмъ полнотою и отчетливостію самаго изложенія предмета. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи болѣе замѣчательна напечатанная въ «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія» (Москва, 1872 г. кн. III и IV) статья о. архимандрита Михаила: «Библейскій канонъ священныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ». Въ краткомъ, но отчетливо составленномъ, очеркѣ авторъ весьма удовлетворительно знакомитъ читателя со всѣми существенными моментами исторіи библейскаго канона ветхозавѣтнаго, какъ и новозавѣтнаго. Вотъ весь запасъ существующихъ у насъ пособій для изученія исторіи канона новозавѣтныхъ книгъ.

Переходя къ установленію порядка или плана историческаго обзора канона новозавѣтныхъ книгъ, мы имѣемъ ясныя указанія для этого въ самой сущности предмета. Въ исторической судьбѣ новозавѣтнаго канона ясно можно различать, хотя и трудно разграничить хронологически, три періода развитія или состоянія: 1) періодъ первоначальнаго образованія его въ церкви апостольскаго вѣка и ближайша-

го къ нему времени,—когда подъ ближайшимъ руководствомъ отчасти еще самихъ апостоловъ и въ особенности ихъ непосредственныхъ учениковъ и сотрудниковъ въ церкви образовалось первое, еще не полное и въ различныхъ мѣстныхъ церквахъ различное по своему составу, но общепризнанное по своему значенію, собраніе нашихъ священныхъ новозавѣтныхъ книгъ. Такъ какъ данныя для опредѣленія его въ этотъ древнѣйшій періодъ почерпаются преимущественно изъ сочиненій разныхъ писателей первой половины II вѣка, то половину этого вѣка и можно поставить, какъ конечный предѣлъ этого періода [1]; 2) періодъ состоянія его отъ половины втораго вѣка (или вообще со втораго вѣка) до временъ никейскаго перваго вселенскаго собора. Этотъ періодъ въ исторіи новозавѣтнаго канона можно назвать переходнымъ періодомъ его образованія, когда именно и остальныя апостольскія писанія, не вошедшія по разнымъ обстоятельствамъ въ первоначальный, образовавшійся въ различныхъ христіанскихъ общинахъ первенствующей церкви, канонъ божественныхъ новозавѣтныхъ писаній, мало по малу распространялись

[1] Тиршъ въ своемъ очеркѣ исторіи новозавѣтнаго канона (S. 310—311) конечнымъ предѣломъ этого періода полагаетъ конецъ перваго и начало втораго вѣка, время царствованія Нервы и Траяна (начало царствованія этого послѣдняго),—время, когда, по его мнѣнію, совершилось образованіе и утвержденіе въ церкви такъ называемаго имъ *ur-канона*, т. е. той части книгъ новозавѣтнаго канона, которая у Евсевія называется ὁμολογούμενα. Но если къ этому времени дѣйствительно можно отнести образованіе канона нашего четвероевангелія, то нельзя утверждать этого относительно всѣхъ прочихъ ὁμολογουμένων, хотя также, какъ увидимъ, каноническое собраніе большей части посланій ап. Павла, а также нѣкоторыхъ изъ соборныхъ посланій, восходитъ, безспорно, къ этому же древнѣйшему періоду церкви Христовой.

и обобщались между ними; вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось и обобщалось также преданіе, хранившееся въ различныхъ мѣстныхъ церквахъ, о ихъ подлинности и апостольскомъ авторитетѣ,—вслѣдствіе чего и они, бывъ приняты въ разныхъ церквахъ мало по малу для церковнаго употребленія на ряду со всѣми прочими апостольскими писаніями, вошли такимъ образомъ въ общій вселенскій канонъ книгъ священныхъ. Мы указали, какъ на конечный предѣлъ этого втораго періода исторіи новозавѣтнаго канона, на время никейскаго собора—не въ смыслѣ опять точно опредѣленной хронологической границы, но какъ на такое обстоятельство въ церкви Христовой, съ котораго начинается новая эпоха ея жизни и которое, въ связи съ разными другими обстоятельствами, имѣло, дѣйствительно, чрезвычайно важное вліяніе, какъ увидимъ, и на судьбу новозавѣтнаго канона. Наконецъ, 3) періодъ состоянія его со времени никейскаго собора и далѣе,—періодъ окончательнаго утвержденія его и дальнѣйшей судьбы въ церкви восточной и западной. Изслѣдованіе самаго дѣла покажетъ, насколько справедливо и основательно это, сдѣланное нами, раздѣленіе исторической судьбы канона новозавѣтныхъ книгъ, равно какъ и устанавливаемый на основаніи этого раздѣленія планъ научнаго обозрѣнія его.

В. Рождественскій.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Внутреннее обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 10. С. 311-323.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Засѣданія с.-петербургскаго епархіальнаго съѣзда.—Открытіе классовъ иконописанія и ученія о расколѣ и новоіудействѣ при кишиневской духовной семинаріи.—Общежитія для духовныхъ воспитанниковъ въ епархіяхъ самарской, московской и черниговской. Результаты педагогической дѣятельности владимірской семинаріи за прошлый учебный годъ.—Недостатокъ кандидатовъ на священство въ казанской епархіи.

Въ сентябрѣ происходили засѣданія петербургскаго епархіальнаго съѣзда. Главный интересъ этого съѣзда сосредоточивался на ходатайствѣ его о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ программѣ училища, вызванномъ неудовлетворительными результатами экзаменовъ, произведенныхъ въ послѣдніе три года при переходѣ учениковъ с.-петербургскаго училища въ семинарію. Въ 1869 году изъ 80-ти воспитанниковъ, выпущенныхъ изъ этого училища, двѣ трети не были приняты въ семинарію вслѣдствіе крайне слабыхъ успѣховъ по русскому языку, обнаружившихся въ недостаточномъ знаніи русскаго правописанія. Въ 1870 году въ училищѣ окончило курсъ 75 воспитанниковъ; но изъ нихъ только 35 удостоены были пріема въ семинарію, а 40 остались не принятыми опять по незнанію русскаго правописанія. Наконецъ въ 1871 году изъ 49 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ 4-мъ классѣ училища, только 22 приняты въ семинарію; остальные 27 не были признаны достаточно подготовленными для поступленія въ нее, по той же причинѣ, какъ и ихъ предшественники 1869 и 1870 годовъ. Приписывая такой плачевный результатъ дѣятельности училища недостаткамъ училищной программы, по

которой на русскій языкъ въ 4-мъ классѣ положенъ *только* 1 урокъ, тогда какъ на греческій 9, а на латинскій 4, духовенство ходатайствовало о томъ, чтобы преподаваніе русскаго языка въ 4-мъ классѣ училища было усилено на счетъ греческаго языка, такъ чтобы на русскій языкъ назначено было 3 урока въ недѣлю, а на греческій оставлено 7. Кромѣ того, съѣздъ ходатайствовалъ ввесть въ программу училища преподаваніе русской исторіи, назначивъ на нее по одному уроку въ 3 и 4-мъ классахъ въ тѣ дни, когда уставомъ назначено только 3 урока въ день. Формулируя такое ходатайство, съѣздъ желалъ, чтобы, съ усиленіемъ преподаванія русскаго языка въ училищѣ и введеніемъ русской исторіи, училищное воспитаніе могло быть болѣе или менѣе законченнымъ для тѣхъ воспитанниковъ, которые не поступили бы въ семинарію, и открывало имъ возможность поступать въ другія учебныя заведенія, такъ какъ поступать въ причетники они не могутъ, равно какъ неспособны занять мѣсто и на гражданской службѣ по недостатку свѣдѣній въ русскомъ языкѣ.

Ходатайство петербургскаго съѣзда духовенства было разрѣшено Св. Синодомъ въ смыслѣ отрицательномъ. Состоявшіеся по сему предмету и прочитанные на съѣздѣ указы Св. Синода имѣютъ весьма важное значеніе для духовенства не одной только петербургской, но и всѣхъ другихъ епархій, такъ какъ ими устанавливается норма для дѣятельности епархіальныхъ съѣздовъ по отношенію къ училищнымъ дѣламъ и вмѣстѣ указываются средства къ достиженію болѣе удовлетворительныхъ результатовъ отъ организаціи духовныхъ училищъ.

Въ касающемся вышеупомянутаго ходатайства мнѣніи учебнаго комитета, утвержденномъ Святѣйшимъ Синодомъ, указывается прежде всего на важность изученія классическихъ языковъ для нормальнаго образованія и развитія юношества и на то, что разумное преподаваніе ихъ, состоящее въ объясненіи правилъ ихъ строенія и въ переводахъ греческой и латинской рѣчи на чисто русскую и обратно, значительно содѣйствуетъ познанію языка отече-

ственнаго, для изученія котораго притомъ назначено въ духовныхъ училищахъ достаточное количество уроковъ въ первыхъ трехъ классахъ и рекомендованы лучшіе учебники и методы, сравнительно съ бывшими прежде въ употребленіи. Въ виду этого, учебный комитетъ полагаетъ, что недостаточность свѣдѣній по русскому языку въ александро-невскомъ училищѣ зависѣла, по всей вѣроятности, не отъ недостаточности числа уроковъ по этому предмету, а отъ неумѣнья наставниковъ вести дѣло преподаванія согласно съ требованіями, изложенными въ объяснительной въ нормальной программѣ по этому предмету запискѣ. Что касается преподаванія русской исторіи, то оно по мнѣнію учебнаго комитета, отнимая у воспитанниковъ время, съ одной стороны послужило бы въ ущербъ успѣшному прохожденію установленнаго училищнаго курса, съ другой, по малочисленности предполагаемыхъ для него уроковъ, не могло бы сообщить достаточныхъ свѣдѣній и потому не привело бы къ предполагаемой съѣздомъ полнотѣ и законченности училищнаго образованія, которыя, впрочемъ, и не были принимаемы въ соображеніе при составленіи устава духовныхъ училищъ, въ виду дальнѣйшаго обученія воспитанниковъ училищъ въ семинаріяхъ. Для большаго же усовершенствованія воспитанниковъ училища въ проходимыхъ ими предметахъ и для сообщенія имъ сверхъ того свѣдѣній, напримѣръ, изъ русской исторіи, духовенству предоставлено открывать, на основаніи примѣчанія къ § 9 училищнаго устава, высшіе при училищахъ классы.

Съ своей стороны Святѣйшій Синодъ призналъ ходатайство петербургскаго епархіальнаго съѣзда неправильнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла духовно-училищной части, не принадлежащія вѣдѣнію епархіальныхъ съѣздовъ. Неправильный образъ дѣйствія и поспѣшное заключеніе съѣзда относительно недавно утвержденнаго Высочайшею властію училищнаго устава, сказано далѣе въ указѣ Свят. Синода, тѣмъ прискорбнѣе и неизвинительнѣе, что въ продолженіе трехлѣтняго только промежутка времени, протекшаго со дня преобразованія училища до бывшаго въ прош-

домъ году съѣзда духовенства, ни время, ни опытъ не могли представить сколько нибудь положительныхъ данныхъ для сужденія о пользѣ или неудобствѣ введенныхъ въ семинаріи и училищѣ уставовъ. Въ этомъ случаѣ самая новость дѣла обязывала бывшій съѣздъ духовенства вникнуть глубже въ причины того грустнаго явленія, по которому онъ домогается измѣненія правилъ новаго устава, и, вмѣсто голословныхъ нареканій на уставъ, разобрать съ требуемою, по важности предмета, обстоятельностію, вполнѣ ли точно и неуклонно осуществляются въ училищѣ всѣ постановленія относительно учебно-воспитательной части.

Въ числѣ мѣръ къ устраненію затрудненій, встрѣчаемыхъ въ отношеніи дальнѣйшаго образованія тѣхъ воспитанниковъ, которые, по окончаніи курса въ училищахъ, не удостоятся принятія въ семинаріи, Св. Синодъ предлагаетъ: 1) учрежденіе параллельныхъ классовъ въ семинаріяхъ, какъ способствующее принятію бо̀льшаго числа дѣтей духовенства въ семинаріи; и 2) открытіе при духовныхъ училищахъ пятаго высшаго класса, въ который могутъ быть допускаемы только тѣ изъ воспитанниковъ училища, коимъ будетъ отказано въ принятіи въ семинарію. Но устройство пятаго класса должно быть таково, чтобы оно не стояло въ противорѣчіи съ назначеніемъ и устройствомъ духовныхъ училищъ, и чтобы постановка учебной части въ четырехъ нормальныхъ классахъ оставалась ненарушимою. По программѣ пятаго класса полагается, кромѣ 7 уроковъ для повторенія пройденнаго въ первыхъ 4 классахъ училища, 4 урока для алгебры и геометріи, 4 урока для всеобщей и русской исторіи, 5 уроковъ для естественной исторіи и 2 урока для французскаго и нѣмецкаго языковъ; но преподаваніе этихъ двухъ языковъ, въ виду невозможности удовлетворительнаго ихъ изученія въ теченіе одного года въ 5-мъ классѣ, должно начинаться съ 1-го класса училища.

Наконецъ, для устраненія вмѣшательства епархіальныхъ съѣздовъ въ не принадлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла духовно-училищной части, продолжающагося, несмотря на не-

однократныя со стороны Святѣйшаго Синода разъясненія по этому предмету, Св. Синодъ призналъ необходимымъ предписать епархіальнымъ преосвященнымъ, дабы они, при каждомъ съѣздѣ духовенства по духовно-училищнымъ дѣламъ: а) строго внушали съѣздамъ о точнѣйшемъ и неуклонномъ соблюденіи существующихъ постановленій касательно ограниченія занятій съѣздовъ тѣми единственно предметами, которые имъ предоставлены, и невмѣшательства съѣздовъ въ не принадлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла, и б) въ случаѣ безосновательнаго уклоненія съѣздовъ отъ этого правила, принимали законныя мѣры къ устраненію подобныхъ уклоненій.

По выслушаніи этихъ указовъ, обратившись къ обсужденію средствъ для доставленія не попавшимъ въ семинарію выпускнымъ ученикамъ училища дальнѣйшаго образованія, съѣздъ остановился на рекомендуемомъ Святѣйшимъ Синодомъ учрежденіи пятаго класса и призналъ такой классъ необходимымъ; но относительно программы, утвержденной для учреждаемыхъ или уже учрежденныхъ пятыхъ классовъ при духовныхъ училищахъ въ Харьковѣ, Вяткѣ и Владимірѣ, съѣздъ пришелъ къ необходимости составить изъ своихъ депутатовъ особую коммиссію, которой и поручилъ предварительное разсмотрѣніе программъ пріемныхъ экзаменовъ при поступленіи въ слѣдующія, указанныя нѣкоторыми депутатами, свѣтскія учебныя заведенія: гатчинскую учительскую семинарію, лисинское лѣсное училище, военно-фельдшерскую школу, пиротехническую школу и въ реальныя училища, съ тѣмъ, чтобы на основаніи этихъ программъ составленъ былъ для пятаго класса проектъ особой учебной программы, выполненіе которой давало бы возможность ученикамъ, по выходѣ изъ этого класса, поступать въ вышеноименованныя училища. Очевидно, что эта программа должна расходиться съ программою, утвержденною Святѣйшимъ Синодомъ для пятаго класса духовныхъ училищъ, такъ какъ послѣдняя установлена съ тою исключительною цѣлію, чтобы дать возможность не поступившимъ въ семинарію воспитанникамъ училища подгото-

виться къ поступленію въ пятый классъ гимназіи, или въ соотвѣтствующій классъ семинаріи, програмы же этихъ послѣднихъ заведеній не вполнѣ согласны съ програмами вышеупомянутыхъ училищъ чисто реальнаго характера.

На этомъ основаніи коммиссіею съѣзда предположено было ввесть въ програму пятаго класса слѣдующіе предметы: законъ Божій—1 урокъ, для повторенія пройденнаго по сему предмету въ предыдущихъ классахъ; руccкій языкъ —3 урока; математика (ариѳметика и начала алгебры и геометріи)—4 урока; всеобщая и русская исторія (ходъ событій въ эпизодическихъ разсказахъ)—по 2 урока для каждой; естественныя науки: анатомія (ознакомленіе съ устройствомъ человѣческаго тѣла и отправленіемъ его органовъ), зоологія (свѣдѣнія о главнѣйшихъ видахъ животныхъ по семействамъ), ботаника (органографія и физіологія растеній, преимущественно относящихся къ медицинѣ)— 4 урока; латинскій языкъ—2 урока; географія—2 урока; чистописаніе и черченіе—1 урокъ, и рисованіе 1—урокъ. Програма эта была одобрена съѣздомъ; но когда вопросъ дошелъ до самаго открытія пятаго класса, то оказалось, что наличныхъ средствъ духовенства не достаетъ для этой цѣли и потому рѣшено: отложить открытіе пятаго класса при училищѣ до того времени, когда, посредствомъ новой раскладки 21% взноса съ церквей, выяснятся денежныя средства епархіи.

Къ мысли о необходимости новой раскладки этого взноса съѣздъ былъ приведенъ прошеніями причтовъ 19-ти церквей, ходатайствовавшихъ о его уменьшеніи. Ходатайства эти съѣздъ призналъ тѣмъ болѣе подлежащими удовлетворенію, что во многихъ церквахъ обложены 21% сборомъ такія суммы, которыя, по силѣ указовъ Святѣйшаго Синода и консисторіи, не должны подлежать этому сбору; таковы: суммы процентныя, пожертвованныя на извѣстный предметъ, собранныя по выданнымъ изъ консисторіи книгамъ, арендныя и взятыя заимообразно. Неправильность произошла въ этомъ случаѣ отъ того, что означенныя суммы по прежнимъ порядкамъ записывались на приходъ въ гра-

фахъ кружечныхъ и кошельковыхъ суммъ и въ этихъ же графахъ были записаны въ годичныхъ вѣдомостяхъ, по которымъ составлялась раскладка 21% сбора. Вслѣдствіе этого, съѣздъ призналъ необходимымъ измѣнить существующую нынѣ раскладку и замѣнить ее новою, болѣе правильною, причемъ собраніе вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній возложить на благочиннические совѣты, совмѣстно съ депутатами нынѣшняго съѣзда. Вслѣдъ за тѣмъ была избрана коммиссія изъ 5-ти депутатовъ, на обязанность которой возложено составить форму для единообразнаго составленія росписаній благочинническими совѣтами; по доставленіи же отъ совѣтовъ требуемыхъ росписаній, разсмотрѣть ихъ въ полномъ своемъ составѣ, отдѣльно отъ консисторіи, и представить данныя для окончательнаго постановленія въ консисторіи. При этомъ само собою разумѣется, что, съ освобожденіемъ нѣкоторыхъ церквей отъ взноса 21%, или съ сокращеніемъ этого взноса, должна быть сдѣлана раскладка суммы, недостающей до опредѣленной Святѣйшимъ Синодомъ цифры, на церкви болѣе состоятельныя, согласно прежде опубликованному указу.

Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ кишиневской епархіи Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено, между прочимъ, открыть классы иконописанія. Разрѣшеніе это послѣдовало по представленію мѣстнаго преосвященнаго, въ которомъ было объяснено, что въ кишиневской епархіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимо обученіе будущихъ священнослужителей иконописанію для того, чтобы съ одной стороны предотвратить крайнее затрудненіе въ пріисканіи способныхъ иконописцевъ для писанія церковныхъ иконостасовъ, — съ другой стороны, чтобы положить конецъ употребленію въ бессарабскихъ, даже городскихъ церквахъ, до крайней степени неискусныхъ изображеній и чтобы занятіе священнослужителей иконописаніемъ, особенно въ небольшихъ и небогатыхъ приходахъ, могло доставить имъ и средства, могущія служить пособіемъ для обезпеченія ихъ и семействъ ихъ, и благородный трудъ, отвлекающій отъ праздности съ ея послѣдствіями. Число желающихъ учиться иконопи-

санію между духовными воспитанниками гор. Кишинева весьма значительно: въ семинаріи 124 и въ училищѣ 116 воспитанниковъ. Кстати замѣтимъ, что въ кишиневской семинаріи введено также съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода преподаваніе ученія о расколѣ и новоіудействѣ, на тѣхъ же основаніяхъ какъ это принято уже постановленіями Синода относительно миссіонерскихъ предметовъ въ казанской академіи и вводимыхъ по мѣстнымъ нуждамъ епархій особыхъ предметовъ преподаванія въ другихъ семинаріяхъ, т. е. съ предоставленіемъ изученія этихъ предметовъ добровольному желанію и усердію воспитанниковъ и съ назначеніемъ на занятія ими времени, свободнаго отъ учебныхъ часовъ, опредѣленныхъ уставомъ. Означенные миссіонерскіе предметы введены въ 5 и 6 классахъ семинаріи.

Устройство общежитій для воспитанниковъ семинарій и училищъ по прежнему продолжаетъ озабочивать духовенство тамъ, гдѣ это оказывается необходимымъ. На съѣздѣ выборныхъ отъ духовенства самарскаго училищнаго округа, происходившемъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, было заявлено, что большинство учениковъ самарскаго училища занимаютъ квартиры грязныя, неудобныя какъ въ гигіеническомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи: многіе ученики не имѣютъ отдѣльныхъ комнатъ и кроватей, по недоступной для большинства духовенства дороговизнѣ удобныхъ квартиръ, проводятъ ночь въ лѣтнее время на сѣновалахъ, въ амбарахъ, лабазахъ, ложась на полу; въ зимнее же время въ душныхъ, сырыхъ, рядомъ съ кухнею, квартирахъ, безъ кроватей. Квартируютъ они у спекулянтовъ—мѣщанъ, которые смотрятъ на учениковъ, какъ на предметъ своего промысла, иногда вблизи кабаковъ, у людей, которые, по невѣжеству своему, обращаются съ учениками грубо, что можетъ вліять и на обращеніе самихъ учениковъ между собою. Для устраненія подобныхъ неудобствъ съѣздъ постановилъ учредить общежитіе для всѣхъ учениковъ, не имѣющихъ права на церковное содержаніе. Плата за помѣщеніе въ общежитіи предположена въ 75 р. въ годъ, но съ предоставленіемъ правленію училища права

дѣлать исключенія изъ общаго правила для бѣдныхъ родителей, взимая съ нихъ взносъ въ уменьшенномъ количествѣ, для чего таковымъ родителямъ необходимо представлять свидѣтельства о бѣдности отъ благочинническихъ съѣздовъ. Съѣздамъ предоставляется также право понижать взносъ для бѣдныхъ родителей.

Существующее въ Москвѣ общежитіе для воспитанниковъ семинаріи находится въ удовлетворительномъ положеніи и приноситъ ожидаемую отъ него пользу. Въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года въ общежитіи состояло пансіонеровъ 13 и полупансіонеровъ 22. Плата съ пансіонеровъ 100 р., съ полупансіонеровъ 60 р. Способъ пользованія общежитіемъ таковъ: воспитанники, приходя съ общежительной квартиры въ семинарію утромъ къ самой молитвѣ, остаются здѣсь и послѣ классовъ на цѣлый день, обѣдаютъ и ужинаютъ въ общей столовой, проводятъ вмѣстѣ съ своими товарищами рекреаціонные часы и время вечернихъ занятій въ тѣхъ же классныхъ комнатахъ, а въ квартиру возвращаются уже послѣ ужина и вечерней молитвы—только ночевать, съ двумя надзирателями.

Въ черниговской епархіи вопросъ объ общежитіи подалъ поводъ къ печальному столкновенію между епархіальнымъ съѣздомъ и семинарскимъ правленіемъ. Въ сентябрѣ 1871 года правленіе семинаріи просило съѣздъ назначить изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ жалованье тремъ надзирателямъ надъ воспитанниками, преимущественно живущими въ общежитіяхъ, по 100 р. каждому, всего 300 руб. Съѣздъ духовенства не только не назначилъ этой суммы для помянутыхъ надзирателей; но даже сдѣлалъ постановленіе: просить епархіальное начальство о немедленномъ закрытіи самыхъ общежитій. Поводомъ къ такому постановленію послужили два заявленія о недостаткахъ общежитія, сдѣланныя членами педагогическаго собранія семинаріи. Правленіе семинаріи признало однако такое постановленіе основаннымъ на заявленіяхъ голословныхъ, что частію подтверждено и преосвященнымъ викаріемъ, который лично осматривалъ самое большое изъ семинарскихъ общежитій и

нашелъ его вполнѣ соотвѣтствующимъ своему назначенію. Правленіе семинаріи мнѣніемъ положило: а) удержать общежитія до конца учебнаго года; б) для усиленія надзора надъ воспитанниками, живущими въ общежитіяхъ, пригласить всѣхъ преподавателей семинаріи посѣщать оныя во всякое время; в) для улучшенія общежитій въ экономическомъ отношеніи, поручить членамъ отъ духовенства наблюдать надъ общежитіями съ этой стороны, и г) по прежнему дозволить частное квартированіе воспитанниковъ, съ вѣдома семинарскаго начальства, внѣ общежитій. Въ тоже время педагогическое собраніе постановило просить преосвященнаго о распоряженіи, чтобы съѣздъ не предоставлялъ себѣ, вопреки постановленіямъ Святѣйшаго Синода, права вмѣшательства въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію и рѣшенію семинарскаго правленія, и контроля по его заключеніямъ, какъ это сдѣлано имъ въ разсужденіи общежитій и инспекторскаго въ нихъ надзора, потому что такое вмѣшательство можетъ въ конецъ подрывать довѣріе молодыхъ людей къ начальству, во вредъ ихъ, и разстроивать все дѣло воспитанія. Постановленія эти утверждены епархіальнымъ начальствомъ.

Во «Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» сообщаются результаты 1871—72 учебнаго года въ преобразованной мѣстной семинаріи, по сравненію съ результатами дѣятельности того же заведенія до его преобразованія. Изъ сравненія этихъ результатовъ оказывается слѣдующее: въ бывшихъ до преобразованія трехъ отдѣленіяхъ богословскаго класса обучалось 140—150 человѣкъ, и изъ нихъ оканчивало курсъ студентами не болѣе 60 человѣкъ; нынѣ въ двухъ послѣднихъ классахъ, соотвѣтствующихъ бывшему богословскому, обучалось только 111 человѣкъ, въ томъ числѣ 70 въ 6-мъ классѣ; изъ нихъ со степенью студента окончило курсъ 30 воспитанниковъ: слѣдовательно процентъ студентовъ больше. Въ прежнихъ трехъ отдѣленіяхъ философскаго класса обучалось 180—200 человѣкъ и изъ нихъ до 30 и болѣе увольнялось по малоуспѣшности и другимъ причинамъ изъ семинаріи; нынѣ въ соотвѣтствующихъ фи-

лософскому классу 3-мъ и 4-мъ классахъ обучалось только 144 человѣка; но за то уволено за малоуспѣшность только 4, оставлено въ тѣхъ же классахъ 9, и вышло, по прошеніямъ, большею частію лучшихъ учениковъ, 32 для поступленія въ высшія учебныя заведенія. Въ 1869—70 учебномъ году, первомъ по преобразованіи семинаріи, поступило изъ 4-го класса въ высшія учебныя заведенія 25 человѣкъ, и однакоже это не помѣшало выпустить изъ этого же самаго курса въ нынѣшнемъ году, какъ сказано выше, 30 студентовъ, изъ которыхъ 8 назначены въ духовныя академіи на казенный счетъ и 3 держатъ тамъ же экзаменъ волонтерами. Въ трехъ отдѣленіяхъ бывшаго риторическаго класса обучалось 225 — 250 и болѣе человѣкъ; въ нынѣшнихъ двухъ первыхъ классахъ, соотвѣтствующихъ прежнему риторическому, обучается почти тоже количество, именно 223 человѣка; но за то уволенныхъ за малоуспѣшность изъ этого числа было только 28 человѣкъ, тогда какъ прежде число увольняемыхъ по той же причинѣ обыкновенно превышало цифру 50. Такимъ образомъ виденъ успѣхъ, несомнѣнно говорящій въ пользу нынѣшней постановки учебной части въ семинаріяхъ.

Не такъ отрадны извѣстія изъ казанской епархіи: оттуда идутъ жалобы на недостатокъ кандидатовъ на священническія мѣста, постоянно увеличивающійся: число оканчивающихъ курсъ въ семинаріи, какъ говорится въ отчетѣ казанскаго преосвященнаго за 1871 годъ, крайне ограниченно и видимо уменьшается; ихъ не болѣе 20 человѣкъ въ курсѣ. Нѣкоторыя священническія вакансіи некѣмъ замѣстить. Для восполненія этого недостатка преосвященный уже вынужденъ былъ произвесть во священники всѣхъ окончившихъ курсъ въ 1870 году воспитанниковъ семинаріи, не стѣсняясь ихъ лѣтами и не заставляя ихъ проходить предварительно причетническую службу. Нѣсколько кандидатовъ на священническія мѣста было принято имъ изъ окончившихъ богословскій курсъ смоленской семинаріи; но воспитанники другихъ епархій не могутъ поступать въ инородческіе приходы, которыхъ въ казанской епархіи бо-

двѣ половины; для этихъ приходовъ тѣмъ труднѣе находить кандидатовъ, что въ семинаріи прекращено обязательное изученіе инородческихъ языковъ. Преосвященный вынужденъ теперь рукополагать во священники не окончившихъ курса въ семинаріи діаконовъ, которые выдерживаютъ надлежащее испытаніе и отличаются вполнѣ безукоризненною жизнію. Но и этотъ запасъ кандидатовъ истощается, такъ какъ діаконовъ въ казанской епархіи и вообще было немного, а теперь осталось еще менѣе. Преосвященный предполагаетъ, что для инородческихъ приходовъ едва ли не придется въ скоромъ времени искать кандидатовъ уже не между воспитанниками семинаріи, а изъ народныхъ церковныхъ школъ. Правда, такого рода кандидаты не будутъ имѣть классическаго образованія: но они могутъ имѣть достаточно нужныхъ познаній и обладать должною подготовкою къ пастырскому служенію, такъ какъ это отчасти предвидѣлось семинарскимъ уставомъ и оправдывается примѣрами успѣшной миссіонерской дѣятельности подобнаго рода лицъ въ населенныхъ черемисами приходахъ казанской епархіи.

А. П.

Третій выпускъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ. Истекшій мѣсяцъ ознаменовался новымъ выпускомъ «священныхъ книгъ ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ», по благословенію Святѣйшаго Синода. Не входя въ разборъ ученыхъ достоинствъ этого, во всякомъ случаѣ не сравнимаго по своей авторитетности, изданія, замѣтимъ только, что настоящій третій выпускъ его заключаетъ въ себѣ тѣ священныя книги, которыя и на малопонятномъ славянскомъ языкѣ всегда составляли и составляютъ любимое чтеніе всякаго набожнаго христіанина. Это именно книги—Іова, Псалмовъ, Притчей, Екклезіаста и Пѣсни Пѣсней, а также непосредственно слѣдующія за ни-

ми въ славянской библіи неканоническія книги—Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса сына Сирахова. Такимъ образомъ мы имѣемъ уже три четверти священныхъ книгъ ветхаго завѣта въ авторизованномъ церковною властію русскомъ переводѣ; остаются одни Пророки, которые съ приложеніемъ къ нимъ книгъ Маккавейскихъ и такъ называемой третьей книги Ездры составятъ послѣдній—четвертый выпускъ. Нужно ли прибавлять, что день, въ который приведено будетъ къ окончанію великое дѣло перевода библіи на нашъ отечественный языкъ, сдѣлается истиннымъ праздникомъ всѣхъ ревнителей вѣры и благочестія въ русской церкви! *Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Псал. 41, 2)! *Откровенія Твои—утпшеніе мое, и уставы Твои—совѣтники мои* (Псал. 118, 24). Если пріобрѣтеніе русской библіи составляетъ предметъ горячихъ желаній каждаго грамотнаго русскаго человѣка; то оно составляетъ непремѣнный долгъ каждаго прихода, и, намъ кажется, епархіальныя начальства сдѣлали бы благодѣяніе, если бы въ устраненіе убыточныхъ хлопотъ отдѣльнаго пріобрѣтенія существующихъ выпусковъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ — тою, или другою церковію ихъ епархіи порознь, сдѣлали распоряженіе объ одновременной и совмѣстной выпискѣ ихъ для своихъ епархій, по числу существующихъ въ каждой изъ нихъ причтовъ. Цѣна за третій выпускъ, въ печатной оберткѣ, назначена таже, что и за первый, то есть сорокъ копѣекъ, такъ какъ и по внѣшнему объему оба эти выпуска равны; четвертый же выпускъ объемомъ своимъ будетъ равняться второму, продающемуся по 60 копѣекъ; слѣдовательно всѣ четыре будутъ стоить, по всей вѣроятности, два рубля. Форматъ и шрифтъ всѣхъ выпусковъ — одинаковы; но нумерацію страницъ каждый имѣетъ свою, что, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ ни ихъ употребленію, ни соединенію ихъ въ одну книгу, а представляетъ даже нѣкоторое удобство.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Иностранное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 10. С. 324-376.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вѣсти съ Востока. Прибытіе въ Константинополь первоіерарховъ греческой церкви; несогласіе ихъ съ константинопольскою патріархіею во взглядѣ на распрю ея съ болгарскою церковію; вынужденная уступчивость патріарха Софронія александрійскаго; успѣхи аѳинскихъ агитаторовъ; насильственныя мѣры патріархіи и терроризмъ демонстрацій ультра-эллинской партіи. Открытіе «великаго» собора 29 августа; доблестная твердость патріарха Кирилла іерусалимскаго; неустойчивость антіохійскаго патріарха Іероѳея; посланіе къ нему сирійскихъ іерарховъ. Послѣднія засѣданія и рѣшеніе собора; мнѣніе о немъ нашего константинопольскаго корреспондента.

Желаніе ультра-эллинской партіи вполнѣ исполнилось: константинопольскій синодъ объявилъ болгарскую церковь состоящею въ расколѣ. На этомъ соборѣ присутствовали представители трехъ патріархатовъ восточной церкви, а равно и архіепископъ кипрскій; одинъ іерусалимскій патріархъ отказался принять участіе въ его дѣйствіяхъ. Патріархи антіохійскій и александрійскій, а также архіепископъ кипрскій, прибывши въ Константинополь съ миролюбивою цѣлію предотвратить расколъ между греками и болгарами, къ сожалѣнію, не могли устоять предъ чрезмѣрною настойчивостью ультра-эллинской партіи, и имѣли слабость подчиниться требованію раскола, противъ котораго, повидимому, долго ратовали. Впрочемъ для безпристрастной оцѣнки дѣйствій этого собора необходимо принять во вниманіе предшествовавшія ему событія и обстоятельства: ими вполнѣ объясняется неустойчивость большинства представителей восточныхъ патріархатовъ.

Прибывъ въ Константинополь назадъ тому три мѣся-

ца, восточные іерархи положили себѣ задачею—устроить какъ нибудь примиреніе патріарха константинопольскаго съ экзархомъ болгарскимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по тѣмъ частнымъ совѣщаніямъ, которыя они имѣли то между собою, то съ константинопольскимъ патріархомъ. Но такое миролюбивое настроеніе не было въ духѣ ни константинопольскихъ грековъ крайняго направленія, ни, какъ оказалось, самого святѣйшаго патріарха, который пригласилъ восточныхъ патріарховъ въ столицу не для безпристрастнаго разрѣшенія спорнаго дѣла, а только для того, чтобы они подписали уже предрѣшенное осужденіе освободившемуся изъ подъ власти грековъ болгарскому народу.

Послѣ продолжительныхъ и напрасныхъ усилій склонить патріарховъ къ расколу, крайняя греческая партія прибѣгла къ мѣрамъ рѣшительнымъ. 23-го іюля, по ея наученію, толпы греческаго народа явились къ константинопольскому патріарху съ прошеніемъ о немедленномъ открытіи помѣстнаго собора и провозглашеніи болгаръ схизматиками. Прочимъ патріархамъ было также представлено по экземпляру копіи одного и того же содержанія. «Мы, истинные сыны православной восточной церкви,—говорилось въ этомъ прошеніи,—съ тяжкою печалью слѣдимъ за тѣми испытаніями, которыя съ нѣкотораго времени претерпѣваетъ наша великая мать-церковь отъ чадъ непослушныхъ и неблагодарныхъ, воздающихъ горькую желчь за кровь, пролитую ею какъ за нихъ, такъ и за весь православный народъ... Въ виду такого страшнаго нападенія на права нашей церкви, которыя цѣлые вѣка, тяжкіе вѣка, пользовались уваженіемъ, православный народъ не можетъ долѣе терпѣть, видя въ дальнѣйшемъ терпѣніи только крайнюю опасность для православія. Пора дѣйствовать тяжелой и острой сѣкирой правды. Медлительность лишь болѣе и болѣе волнуетъ совѣсть вѣрующихъ, даетъ оружіе врагамъ нашимъ, разжигаетъ страсти и можетъ довесть до того, что церковь будетъ плакать горько, но напрасно. Собравшійся здѣсь православный народъ, принимая во вниманіе тѣ опас-

ности, которыя угрожаютъ религіи, зная, что Богъ низвелъ въ тартаръ даже денницу за гордость, умоляетъ васъ, святѣйшій владыко, и всѣхъ, составляющихъ собою помѣстный соборъ, святѣйшихъ и святыхъ патріарховъ и іерарховъ нашей святой православной восточной церкви, приступить возможно скорѣе, безъ всякаго отлагательства, къ открытію помѣстнаго собора, и безъ колебанія провозгласить расколъ, отсѣчь отъ православной церкви гнилые, зараженные, члены и отдѣлить отъ ея вѣрныхъ чадъ всѣхъ начальниковъ самозванной болгарской церкви, всѣхъ ихъ послѣдователей и всѣхъ тѣхъ, кто признаетъ ихъ, хотя бы то были цѣлыя націи. Живъ Великій Богъ и Его православная церковь! Да здравствуетъ православіе, да здравствуетъ султанъ!» и проч.

Константинопольскій патріархъ отвѣчалъ толпѣ, что ея желаніе будетъ исполнено скоро. При всемъ томъ, восточные патріархи и архіепископъ кипрскій не соглашались съ константинопольскою патріархіею, совѣтуя лучше покончить распрю уступками съ обѣихъ сторонъ. Съ своей стороны верховный визирь также подавалъ патріарху совѣтъ воздержаться отъ принятія крайнихъ рѣшеній и вмѣстѣ требовалъ, чтобы ему сообщенъ былъ послѣдній патріаршій проектъ рѣшенія болгарскаго вопроса. Проектъ дѣйствительно былъ сообщенъ визирю; но при этомъ святѣйшій патріархъ Анѳимъ счелъ нужнымъ заявить, что нынѣшнія обстоятельства налагаютъ на него единственно обязанность „соблюдать и примѣнить церковные каноны" и что означенный проектъ, составленный при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, считается имъ уже непримѣнимымъ.

Между тѣмъ слухи о разногласіяхъ между іерархами крайне безпокоили поборниковъ раскола. Броженіе умовъ и озлобленіе противъ болгаръ не ограничивалось Константинополемъ, а проникло за предѣлы турецкой имперіи. Въ Аѳинахъ, гдѣ и прежде большинство газетъ высказывалось противъ болгаръ, агитація разгорѣлась едва ли еще не больше, чѣмъ въ Константинополѣ. Аѳинскіе панэллинисты отправили въ Константинополь сирскаго архіепископа,

преосвященнаго Александра Ликурга, извѣстнаго своимъ патріотизмомъ, съ порученіемъ—спасти погибающее эллинство. Одновременно съ нимъ явились въ Константинополь архимандритъ Никифоръ Калогера и нѣсколько другихъ профессоровъ аѳинскаго университета, съ цѣлью нравственно подѣйствовать на предстоятелей автокефальныхъ церквей въ томъ же духѣ. Въ то же время александрійскіе греки написали патріарху Софронію, что если онъ и впредь будетъ дѣйствовать не заодно съ константинопольской патріархіею, то они сочтутъ нужнымъ избрать себѣ вмѣсто него другаго патріарха. Патріархъ Софроній отвѣчалъ на это, что онъ никогда и не думалъ идти противъ константинопольской церкви, и такимъ образомъ, уступая угрозамъ, перешелъ на сторону поборниковъ раскола. Дѣйствія аѳинскихъ агитаторовъ остались также не безслѣдны: профессоръ Сарипулъ не прежде оставилъ Константинополь, какъ уже заручившись увѣренностію, что архіепископъ кипрскій, его другъ и землякъ, не пойдетъ противъ константинопольскаго патріархата. Главный аргументъ, который приводятъ ревнители раскола не только устно, но и печатно,—тотъ, что болгарскій вопросъ есть единственно панславистская затѣя, направленная противъ цѣлости эллинизма, и что, слѣдовательно, всякая мировая сдѣлка съ болгарами равнялась бы уступкѣ панславизму, этому опасному врагу каждаго благороднаго эллина. Одинъ преосвященный Александръ Ликургъ потерпѣлъ пораженіе отъ патріарховъ іерусалимскаго и антіохійскаго. Блаженнѣйшій патріархъ Іерооей безцеремонно указалъ ему дверь своихъ палатъ и приказалъ выйти вонъ, назвавъ его интриганомъ, поступающимъ недостойно своего званія.

Между тѣмъ, какъ аѳинскіе агитаторы пропагандировали расколъ между образованными эллинами Константинополя, константинопольская патріархія съ своей стороны употребляла мѣры противъ тѣхъ изъ подчиненныхъ ей духовныхъ лицъ, которыя позволили себѣ отзываться неодобрительно о ея дѣйствіяхъ по отношенію къ болгарамъ. Такъ извѣстный читателямъ преосвященный Василій, митрополитъ анхіаль-

скій, совѣтывавшій умѣренность въ собраніяхъ патріархіи и высказавшій неодобреніе образу дѣйствій его святѣйшества, былъ удаленъ отъ должности ректора халкскаго богословскаго училища. Подобная участь грозила и двумъ лучшимъ профессорамъ этого училища—архимандриту Іоанну Анастасіади и г. Ильѣ Танталиди, которые вынуждены были поэтому въ письмѣ къ патріарху заявить о своей преданности великой церкви. Рядомъ съ насильственными мѣрами патріархіи шли постоянно и народныя демонстраціи, устрояемыя вліятельнѣйшими лицами изъ неумѣренныхъ грековъ. Одна изъ такихъ демонстрацій устроена была, въ первыхъ числахъ августа, подъ окнами вселенскаго патріарха, съ оглушительными криками: «да здравствуетъ султанъ,—да здравствуетъ расколъ!» Неистовая толпа осыпала оскорбленіями и ругательствами болгаръ и всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ съ ними общенія. Такъ какъ іерусалимскій патріархъ Кириллъ рѣзче всѣхъ выдавался своимъ несочувствіемъ расколу, то народныя демонстраціи направились преимущественно противъ него. По улицамъ Галаты и Фанара часто раздавались оглушительные крики: «долой іерусалимскаго патріарха! долой Іуду предателя, измѣнника православію и эллинизму!» Толпу подстрекали нерѣдко и лица духовныя, служащія при самомъ константинопольскомъ патріархѣ.

Послѣ одной изъ подобныхъ демонстрацій, 9 августа вселенскій патріархъ созвалъ іерарховъ для произнесенія приговора по возникшей распрѣ. Всѣ патріархи, за исключеніемъ александрійскаго, присутствовали на этомъ засѣданіи. Корреспондентъ французскаго с.-петербургскаго журнала передаетъ объ этомъ засѣданіи слѣдующія подробности. «Въ комнатахъ, смежныхъ съ залой, гдѣ происходили совѣщанія, находились преосвященный Александръ Ликургъ, архіепископъ сирскій, и архимандритъ Никифоръ Калогера, оба извѣстные поборники крайнихъ мѣръ, и вмѣстѣ съ ними—редакторы греческихъ газетъ. Кромѣ того, множество другихъ лицъ буквально осаждало жилище патріарха. Послѣ краткаго изложенія подробностей, вселенскій патріархъ сдѣлалъ обзоръ «противоканоническихъ» дѣйствій болгарска-

го экзарха и предложилъ собранію одобрить послѣднія рѣшенія, принятыя имъ, патріархомъ, относительно помянутаго епископа, т. е. отлученіе его. Затѣмъ, святѣйшій патріархъ подвергъ разсмотрѣнію собранія вопросъ о провозглашеніи раскола. Предложеніе его гласило, что въ этомъ заключается единственная дѣйствительная мѣра, способная произвесть спасительный переворотъ въ самихъ болгарахъ и возвратить заблудшихъ въ лоно матери-церкви. Предложеніе объ объявленіи раскола встрѣчено было однако серьезными возраженіями со стороны патріарховъ іерусалимскаго и антіохійскаго и митрополита кипрскаго. Въ особенности блаженнѣйшій патріархъ Кириллъ іерусалимскій сильно возставалъ противъ принятія этой мѣры, которая, по его словамъ, навлекла бы порицаніе на соборъ и неминуемо вызвала бы пагубныя послѣдствія въ будущемъ. Онъ рекомендовалъ напротивъ умѣренность, какъ единственное средство достигнуть соглашенія обѣихъ сторонъ. Не смотря на всѣ доводы вселенскаго патріарха, три означенные іерарха рѣшительно отказались согласиться на предложеніе его святѣйшества, и засѣданіе кончилось, не приведя къ тому, на что разсчитывала крайняя греческая партія. Главные ея предводители, недовольные исходомъ совѣщаній, отправились, послѣ засѣданія, къ іерусалимскому патріарху и кипрскому митрополиту Софронію, прося ихъ во имя всего святаго взять назадъ заявленныя ими мнѣнія и согласиться на предложеніе вселенскаго патріарха, чтобы такимъ образомъ придти къ желаемому соглашенію. Но и на этотъ разъ всѣ усилія ихъ остались еще тщетными. Преосвященный митрополитъ кипрскій даже раздражилъ ревнителей раскола, рѣзко замѣтивъ имъ, что «не дѣло журналистовъ и свѣтскихъ людей вмѣшиваться въ рѣшеніе дѣлъ, исключительно принадлежащее предстоятелямъ церкви».

Такъ увѣряетъ вышеупомянутый корреспондентъ; но газета „Византисъ", напротивъ, говоритъ, будтобы іерархи согласились на то, чтобы экзархъ болгарскій и его послѣдователи объявлены были раскольниками, но требовали, чтобы въ то же время болгарскій народъ признаваемъ былъ

находящимся въ общеніи съ константинопольскою церковію (№ 1608). Какъ бы то ни было, ультра-эллины остались недовольны результатами этого совѣщанія и прибѣгли къ новымъ мѣрамъ. На условленномъ свиданіи у сирскаго архіепископа Ликурга, гдѣ присутствовали редакторы различныхъ греческихъ газетъ, было рѣшено теперь подать коллективное прошеніе константинопольскому патріарху и великому визирю, а въ случаѣ надобности и самому султану. Спустя нѣсколько дней, именно 13 августа, дѣйствительно и подано было прошеніе верховному визирю—за подписью тридцати корпорацій и многихъ отдѣльныхъ значительныхъ лицъ. Выражая радость по случаю назначенія Митхадъ-паши великимъ визиремъ, просители умоляли вступиться за сохраненіе неприкосновенности тѣхъ привилегій, которыя дарованы были султанами церкви. Митхадъ-паша ограничился въ своемъ отвѣтѣ имъ простымъ заявленіемъ, что онъ разсмотритъ ихъ прошеніе. Другое прошеніе было представлено 14 августа отъ имени тѣхъ же корпорацій и лицъ самому вселенскому патріарху съ требованіемъ немедленно открыть соборъ и провозгласить расколъ.

Патріархъ отвѣтилъ, что соборъ скоро начнетъ свои дѣйствія и что его рѣшенія вполнѣ будутъ согласны съ ихъ просьбою. Почти въ тоже время онъ вновь собралъ высшее греческое духовенство въ домѣ преосвященнаго митрополита ираклійскаго, для новаго обсужденія вопроса о расколѣ. Хотя бывшіе константинопольскіе патріархи Іоакимъ и Григорій VI высказались въ смыслѣ благопріятномъ крайней партіи, однако собраніе не пришло ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ въ немъ не приняли участія патріархи іерусалимскій и александрійскій. Впрочемъ присутствовавшіе на немъ условились собраться на новое, подготовительное къ открытому засѣданію собора, засѣданіе 19 августа въ Фанарѣ. Между тѣмъ депутація живущихъ въ Константинополѣ самосцевъ, соотечественниковъ патріарха іерусалимскаго, явилась къ нему съ выраженіемъ глубокой печали своей или, лучше сказать, своего крайняго недоволь-

ства поведеніемъ его по дѣлу болгаръ. Блаженнѣйшій патріархъ Кириллъ отпустилъ ихъ съ миромъ, увѣряя, что онъ поступитъ не иначе, какъ согласно съ церковными канонами. На засѣданіи же 19 августа патріархи іерусалимскій, антіохійскій, а равно и архіепископъ кипрскій, въ отвѣтъ на предложеніе константинопольскаго патріарха о необходимости провозглашенія раскола, сказали, что они не примутъ никакого рѣшенія, пока не будутъ открыты переговоры съ болгарами и пока они, іерархи, лично не ознакомятся съ ихъ желаніями и воззрѣніями. Они заявили, что попытаются сами съ своей стороны достигнуть мирнаго окончанія распри, для чего уже и вошли въ сношенія съ нѣкоторыми изъ болгарскихъ вождей. Вслѣдствіе этого заявленія положено было отложить соборъ еще на восемь дней.

Какіе же результаты имѣли сношенія названныхъ первоіерарховъ съ болгарскими вождями? По отзыву даже самихъ греческихъ газетъ, представители болгаръ выразили глубокое сожалѣніе о стремленіи крайней эллинской партіи къ расколу и полную готовность сдѣлать всѣ возможныя уступки константинопольскому патріархату, только бы сохранить миръ. Между прочимъ они доложили патріарху іерусалимскому, что готовы даже принять послѣдній проектъ, представленный патріархомъ Анѳимомъ бывшему великому визирю Махмудъ-пашѣ—съ самыми незначительными измѣненіями. Но мы видѣли, что святѣйшій патріархъ Анѳимъ рѣшительно объявилъ уже Митхадъ-пашѣ, что свой прежній проектъ онъ считаетъ въ настоящее время неисполнимымъ.—Грекамъ хотѣлось, во что бы то ни стало, объявить расколъ.

Чего только не предпринимали горячіе эллинисты въ продолженіе этихъ восьми дней для того, чтобы вынудить предстоятелей восточныхъ церквей дѣйствовать въ угоду константинопольской патріархіи! Съ отчаянія они рѣшились прибѣгнуть къ явнымъ насиліямъ. Не говоря о множествѣ другихъ демонстрацій, 25-го августа явилась къ іерусалимскому патріарху депутація, которая осыпала его самыми язвительными выходками, покушаясь даже перейти отъ оскорб-

ленія словами къ оскорбленіямъ дѣйствіемъ. Въ тотъ же день вечеромъ другая депутація, составившаяся изъ вліятельнѣйшихъ въ Константинополѣ лицъ,—Саввы-паши, Аристархи—бея, Икіади—эфенди, Калліади и нѣкоторыхъ другихъ, явилась къ патріархамъ антіохійскому и іерусалимскому, настойчиво требуя отъ нихъ уступить желанію народа и обвиняя ихъ въ измѣнѣ эллинизму и православію. Въ заключеніе свиданія депутація требовала отъ патріарховъ немедленно же присоединиться къ мнѣнію, господствующему въ Фанарѣ, и объявить расколъ, грозя имъ въ противномъ случаѣ буйною и самовольною расправою недовольнаго ими народа. Точно такъ же поступилъ съ названными патріархами въ этотъ же день извѣстный константинопольскій богачъ Зарифи. Даже Смѣшанный Патріаршій Совѣтъ счелъ необходимымъ, въ интересахъ греческой націи, вслѣдъ за упомянутою депутаціею и г. Зарифи, повторить патріархамъ тоже самое. Эту доблесть онъ выказалъ въ лицѣ своихъ членовъ 26 августа.

Вслѣдствіе такого-то рода мѣръ, принятыхъ крайнею греческою партіею, наконецъ рѣшено было открыть «великій», какъ его назвали эллинисты, соборъ—29 августа, въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Послѣ литургіи, которую совершилъ въ патріаршей церкви святѣйшій патріархъ Анеимъ VI, въ сослуженіи съ патріархами александрійскимъ и антіохійскимъ, съ кипрскимъ архіепископомъ и осьмью членами своего синода, открылось первое засѣданіе собора. Засѣданіе это ограничилось, впрочемъ, избраніемъ только коммиссіи изъ десяти членовъ для составленія краткаго очерка исторіи болгарскаго вопроса и соображенія тѣхъ правилъ, которыя должны быть примѣнены къ его рѣшенію. Изъ всѣхъ первоіерарховъ одинъ іерусалимскій патріархъ не назначилъ отъ себя члена въ эту коммиссію; впрочемъ и антіохійскій назначилъ своего уполномоченнаго съ тѣмъ условіемъ, что онъ приметъ участіе въ коммиссіи не иначе, какъ послѣ достаточныхъ попытокъ къ примиренію съ болгарами.

Можно себѣ представить, каково было озлобленіе фана-

ріотовъ противъ патріарха іерусалимскаго: одна демонстрація слѣдовала за другою то въ патріархіи, то около іерусалимскаго подворья, гдѣ жилъ патріархъ. Блаженнѣйшій Кириллъ долженъ былъ сказаться больнымъ и не выходить изъ своей кельи на встрѣчу толпѣ. Даже въ день имянинъ вселенскаго патріарха Анѳима, 3 сентября, непристойные крики: «да здравствуетъ Анѳимъ, да здравствуетъ расколъ! долой Іерусалимскаго, іуду, предателя» (1)! оглушали патріархію. Греческія газеты, которыя и прежде отличались своимъ безумнымъ фанатизмомъ, теперь съ особенною яростію стали нападать на маститаго старца. Газета «Νεολόγος», не стѣсняясь, прямо назвала его Іудой, измѣнникомъ православія и эллинизма и низкимъ угодникомъ иностранной державы. Но выходки и оскорбленія, направленныя противъ него, все-таки не привели къ желанному результату: вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Іерусалимъ, объявивъ патріархату ясно и опредѣленно, что безъ предварительныхъ соглашеній съ болгарами онъ не приметъ никакого участія въ соборѣ и что о дѣйствіяхъ этого собора, посовѣтовавшись предварительно съ своими іерархами, онъ впослѣдствіи сообщитъ мнѣніе іерусалимской церкви (2). Совсѣмъ иначе поступилъ патріархъ антіохійскій Іероѳей, хотя онъ не имѣлъ даже права принять участіе въ соборѣ, цѣль котораго была бы объявить болгарскую церковь состоящею въ расколѣ, такъ какъ семь изъ девяти епархіальныхъ преосвященныхъ антіохійскаго патріархата предст а

(1) Ζήτω ὁ Ἄνθιμος, ζήτω το σχίσμα! Κάτω ὁ Ἱεροσολύμων, ὁ Ἰούδας, ὁ προδότης!

(2) По извѣстіямъ одного изъ нашихъ корреспондентовъ, блаженнѣйшій патріархъ Кириллъ, на вопросъ одной изъ многочисленныхъ являвшихся къ нему депутацій: «признаетъ ли онъ дѣйствія константинопольской патріархіи противъ болгаръ каноническими, или нѣтъ»? отвѣтилъ, пересыпая свою рѣчь, по усвоенной привычкѣ, выраженіемъ να εἰποῦμεν, то есть, такъ сказать: «чтобы сказать вамъ по совѣсти, нужно подвергнуть суду обѣ спорящія стороны, какъ экзарха болгарскаго, такъ и его святѣйшество патріарха константинопольскаго. А теперь, когда одинъ изъ подсудимыхъ, такъ сказать, самъ возсѣдаетъ во главѣ судей, такъ сказать, то какъ тутъ судить, такъ сказать»?

вили ему письменное заявленіе еще передъ отъѣздомъ его изъ Сиріи, что они никогда изъ-за вопроса недогматическаго не признаютъ болгарскаго народа состоящимъ въ расколѣ. «Всѣ затрудненія и препятствія къ мирному рѣшенію греко-болгарской распри, — между прочимъ писали они его блаженству,—могутъ быть преодолѣны святѣйшими патріархами и прочими досточтимыми членами собора; ибо они, конечно, вполнѣ отрѣшатся отъ племенныхъ воззрѣній и симпатій, которыхъ православная церковь, имѣющая въ виду исключительно спасеніе душъ, не знаетъ и не допускаетъ: будучи исполнены христіанской любви, миролюбія, снисхожденія и живой ревности по отношенію къ вѣрѣ, они будутъ помнить, что они должны быть подражателями кроткаго и незлобиваго Господа нашего Іисуса Христа, который, бывъ поносимъ, не поносилъ и, терпѣвъ страданія, не угрожалъ, и должны слѣдовать его святымъ ученикамъ и апостоламъ, которые учатъ снисхожденію, кротости и терпѣливости..., говоря: «пусть будетъ извѣстна ваша кротость всѣмъ людямъ,—не побѣждайся зломъ, но побѣждай зло добромъ, — долготерпѣніе имѣйте ко всѣмъ. — мы, сильные, должны носить тяжести немощныхъ». Они должны принять во вниманіе, что св. церковь всегда употребляла снисхожденіе въ дѣлахъ недогматическихъ, дабы сохранить единеніе вѣры непоколебимымъ.... *Мы должны просить* ваше блаженство руководствоваться *именно этимъ духомъ христіанской любви* и, въ качествѣ посредника и благовѣстника мира, стараться только о мирномъ рѣшеніи вопроса, ибо *только такое рѣшеніе* угодно Богу, похвально и согласно съ духомъ православной церкви. Расколъ, котораго, къ сожалѣнію, домогаются съ обѣихъ сторонъ нѣкоторые имѣющіе ревность не по разуму, есть дѣло ненавистное и сатанинское, достойное проклятія всѣхъ будущихъ христіанскихъ поколѣній. При одной даже мысли о немъ мы приходимъ въ ужасъ; ибо знаемъ, сколько золъ приносилъ и приноситъ расколъ нашей антіохійской церкви. *Мы считаемъ противнымъ основнымъ началамъ вѣры то, чтобы народъ многомилліонный и православный былъ признанъ и объ-*

явленъ состоящимъ въ расколѣ». Его блаженству вполнѣ также было извѣстно, что весь православный сирійскій народъ сочувственно относится къ дѣлу болгаръ. Онъ самъ неоднократно, и даже послѣ уже перваго засѣданія собора, давалъ торжественное обѣщаніе дѣйствовать заодно съ іерусалимскимъ патріархомъ противъ задуманнаго константинопольскою патріархіею раскола, высказывая, что подобнаго рода рѣшеніе дѣла совершенно противорѣчитъ его убѣжденіямъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ имѣлъ честь лично выслушивать твердыя заявленія и положительныя увѣренія его блаженства въ этомъ смыслѣ. Не смотря на все это, угрозы константинопольской толпы и обольщенія богачей оказали на его блаженство такое сильное вліяніе, что, вопреки волѣ своихъ іерарховъ, желанію своего народа и собственнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ подписалъ осужденіе болгаръ. Само собою понятно, что, при вышеизложенномъ положеніи дѣла, его подпись подъ опредѣленіемъ собора имѣетъ значеніе только его личной подписи, но не подписи представителя всей православной антіохійской церкви.

11 сентября было второе засѣданіе собора. Въ этомъ-то засѣданіи и рѣшено было поручить опять коммиссіи составить опредѣленіе, въ силу котораго болгарская церковь была бы провозглашена состоящею въ расколѣ. 16 сентября, въ третье и послѣднее засѣданіе собора, это опредѣленіе было принято и подписано всѣми присутствовавшими членами собора, въ числѣ тридцати двухъ лицъ; на другой день, въ воскресенье 17 сентября, оно было торжественно прочитано въ патріаршей церкви; а черезъ недѣлю, въ воскресенье 24-го сентября, и во всѣхъ другихъ греческихъ церквахъ Константинополя. Вотъ его текстъ.

«Внимать *себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею*»,—повелѣваетъ намъ сосудъ избранный, предвѣщая, что среди церкви Божіей возстанутъ алчные волки, не щадящіе стада, и люди, глаголющіе развращенная, чтобы отторгать учениковъ въ слѣдъ себя,—и по тому самому заповѣдуя намъ бодрствовать. Съ ужасомъ

и болѣзнію сердца замѣтили мы, что и въ послѣднее время въ лонѣ вселенскаго престола, изъ среды благочестиваго болгарскаго народа, возстали таковые люди, которые и осмѣлились изъ мірской жизни ввести въ церковь нѣкое новое начало—филетизма, и въ презрѣніи къ божественнымъ и священнымъ канонамъ дерзнули даже составить свое филетическое незаконное сборище. Посему, препоясавшись, какъ должно, ревностію о Господѣ и желая остановить, по требованію справедливости, распространеніе зла въ средѣ этого народа, мы собрались здѣсь во имя Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Призвавъ съ сокрушеніемъ души благодать свыше отъ Отца свѣтовъ и положивъ основаніемъ для себя евангеліе Іисуса Христа, въ которомъ сокрыты всѣ сокровища мудрости и знанія, мы разсмотрѣли филетизмъ предъ судомъ евангельскаго ученія и всегдашней церковной практики, и нашли его не только чуждымъ, но и прямо противнымъ евангелію и практикѣ церковной; тѣ же беззаконія, постоянно повторяющіяся со времени учрежденія ихъ филетическаго незаконнаго сборища, нашли явно заслуживающими каноническаго осужденія. Вкупѣ со святыми и богоносными отцами нашими «съ услажденіемъ пріемля божественные каноны, изложенные трубами Духа—всехвальными апостолами, седьмью святыми вселенскими соборами, соборами помѣстными и св. отцами,—ибо всѣ они, будучи просвѣщены однимъ и тѣмъ же Духомъ, полезное установили»,—опредѣляемъ: статья 1) Мы порицаемъ и осуждаемъ филетизмъ, т. е. племенныя различія, національныя ссоры, соперничества и раздоры въ церкви Христовой, признавая его противнымъ духу евангелія и правиламъ блаженныхъ отцевъ нашихъ... Ст. 2) Сторонниковъ филетизма, осмѣлившихся основывать сборища на подобныхъ началахъ, мы согласно съ священными канонами отлучаемъ отъ единой святой каѳолической и апостольской церкви и признаемъ схизматиками. Посему и отдѣлившихъ себя отъ православной церкви, водрузившихъ себѣ особый жертвенникъ и учредившихъ себѣ филетическія сборища, прежде низверженныхъ и отлученныхъ бывшихъ митрополитовъ—Иларіона

маваріупольскаго, Панарета филиппопольскаго, Иларіона ловчанскаго, Анеима виддинскаго и нынѣ низверженныхъ — Доровея софійскаго, Парфенія вишавскаго, Геннадія велесскаго, равно какъ и всѣхъ посвященныхъ ими епископовъ, священниковъ и діаконовъ, со всѣми духовными и міряеами, которые имѣютъ съ ними общеніе, раздѣляютъ ихъ убѣжденія и считаютъ ихъ богопротивныя благословенія и священнодѣйствія дѣйствительными и каноническими, всѣхъ ихъ объявляемъ схизматиками и чуждыми православной церкви Христовой»...

Таково опредѣленіе собора, который въ Фанарѣ назвали великимъ, *по скромности* отказавшись назвать его помѣстнымъ. Корреспондентъ, сообщившій намъ нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ подробностей о ходѣ дѣлъ этого собора, сопровождаетъ опредѣленіе его слѣдующимъ разсужденіемъ, хотя не вполнѣ одобряемымъ нами, тѣмъ не менѣе заслуживающимъ, по нашему мнѣнію, вниманія; такъ какъ подобнымъ образомъ, увѣряетъ онъ, разсуждаютъ почти всѣ православные антіохійскаго патріархата.

«Соборъ—разсуждаетъ нашъ авторъ—осудилъ такъ называемый филетизмъ, какъ начало антихристіанское, и приписываетъ это начало болгарамъ. Но что такое филетизмъ? Слово филетизмъ, φυλετισμός—слово новое, фанаріотами придуманное. Доселѣ его не существовало даже на языкѣ греческомъ. Изобрѣтшіе его фанаріоты объясняютъ его такъ: филетизмъ есть примѣненіе такъ называемыхъ племенныхъ особенностей къ церковной жизни. Но тутъ смысла нѣтъ; потому что каждое племя, въ томъ числѣ и греческое, имѣетъ свои особенности, которыя такъ или иначе выражаются и въ церковной жизни. Если же разумѣть подъ словами: *племенныя различія*—φυλετικαί διακρίσεις, стремленіе одного племени къ привиллегіямъ и преимуществамъ въ области церковной жизни на счетъ другихъ единовѣрныхъ племенъ: то въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, филетизмъ есть начало антихристіанское, противное изреченію апостола Павла: *о Христѣ Іисусѣ нѣсть еллинъ, ни іудей* и проч. Но если фанаріоты въ этомъ смыслѣ понимаютъ филетизмъ; то онъ къ болга-

рамъ въ данномъ случаѣ никакъ не примѣнимъ. Не болгары стремятся къ преобладанію надъ другими племенами и къ исключительному господству въ области церковной жизни; не они ратуютъ за привиллегіи, которыя никакъ не мирятся съ духомъ христіанства. Если филетизмъ въ этомъ смыслѣ къ кому-либо примѣнимъ, то именно къ константинопольскому патріархату, и, если угодно, къ тѣмъ самымъ отцамъ, которые засѣдали на означенномъ соборѣ. Въ самомъ дѣлѣ — *греческіе* іерархи объявляютъ раскольниками болгаръ за то, что тѣ свергли съ себя греческое иго фанаріотовъ,—за то, что болгары похристіански не хотятъ признавать за греческою іерархіею никакихъ правъ и привиллегій по отношенію къ своей собственной, — другими словами, за то, что болгары хотятъ быть братьями грекамъ по вѣрѣ, а не рабами. Спрашивается, какая изъ двухъ сторонъ заслуживаетъ осужденія и порицанія церкви? Исключая сторонниковъ филетизма изъ среды единой святой апостольской и каѳолической церкви, греческіе епископы, возсѣдавшіе на константинопольскомъ соборѣ, не себя ли самихъ исключаютъ? Неужели всѣ отцы собора не могли понять той простой истины, что греки, какъ племя, не должны имѣть въ области церковной жизни ни предъ болгарами, ни предъ другимъ какимъ-либо племенемъ, особыхъ правъ и отличій, и что всякое стремленіе удерживать за собою эти права и эти отличія какъ разъ подходитъ къ тому, что они называютъ филетизмомъ! Еслибы члены собора послушали совѣта даже своихъ умѣренныхъ единоплеменниковъ — не обращать вниманія на крики толпы и на страсти заинтересованныхъ въ Фанарѣ лицъ; то, конечно, они не позволили бы себѣ затѣять ненавистный расколъ и не сдѣлались бы пассивными орудіями въ рукахъ тѣхъ неумѣренныхъ грековъ, для которыхъ православіе есть не болѣе, какъ подставка и средство къ достиженію цѣлей, не имѣющихъ никакого отношенія ни къ православію, ни вообще къ религіи. Но мы и теперь не теряемъ надежды, что константинопольская іерархія рано или поздно пойметъ, что въ дѣлѣ болгаръ она доселѣ поступала неправильно, и отмѣнитъ то, что заставили ее сдѣлать насиліе и возбужденныя страсти».

Окружное посланіе къ болгарскому народу преосвященнаго Анеима, митрополита виддинскаго и экзарха болгарскаго (¹).

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога (2 Кор. I, 3 — 4). Славу и благодареніе должны мы воздавать Богу, чада наши о Господѣ возлюбленныя, когда насъ несправедливо огорчаютъ и преслѣдуютъ, — дабы найти утѣшеніе во дни нашей скорби и почерпать дерзновеніе въ дѣлахъ нашихъ. Такъ поступали св. апостолы, когда ихъ, проповѣдниковъ истины, преслѣдовали люди, враждовавшіе истинѣ и справедливости. Такъ поступила православная болгарская экзархія, когда константинопольская патріархія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, направила противъ нея тѣ несправедливыя и антиканоническія осужденія, о которыхъ была рѣчь во второмъ окружномъ посланіи нашемъ. Благодареніе Всевышнему экзархія воздаетъ и нынѣ, когда патріархія опять налагаетъ на всѣхъ членовъ православнаго болгарскаго экзархата, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, еще новыя осужденія. Ибо какъ первыя были несправедливы и антиканоничны, вслѣдствіе чего всѣ истинные ревнители христіанской любви и любители церковнаго мира глубоко сожалѣли о нихъ; такъ несправедливы, несообразны съ священными канонами и чужды православной церкви и эти новыя осужденія, которыя хотятъ наложить на весь православный болгарскій народъ: и потому всѣ чада православной церкви Христовой глубоко будутъ жалѣть о поведеніи константинопольской патріархіи.

Извѣстно всѣмъ вамъ, чада о Господѣ, какихъ подвиговъ и какихъ моленій требовало учрежденіе и признаніе православнаго болгарскаго экзархата, которое весь православный болгарскій народъ встрѣтилъ съ радостію и востор-

(¹) Посланіе это было объявлено и прочитано въ воскресенье, 24-го сентября, въ Константинополѣ, въ церкви св. Стефана, во время литургіи, которую совершалъ преосвященный Анеимъ, митрополитъ виддинскій и экзархъ болгарскій.

гомъ, ибо имъ обновлялась упраздненная его церковная жизнь и въ немъ отразились благосклонность и правосудіе по отношенію къ болгарскому народу императорскаго правительства султана. Одною изъ первыхъ обязанностей православнаго болгарскаго экзархата была та, что онъ просилъ константинопольскаго патріарха помириться съ нимъ, на основаніи пріобрѣтенныхъ уже нами церковныхъ правъ. Но, вмѣсто того, чтобы, пользуясь миролюбивыми предложеніями и расположеніемъ болгарскаго экзархата, проникнуться ревностію въ умиротворенію православной церкви и утвердить миръ съ тѣми, кого долговременныя страданія, проистекавшія отъ несправедливостей церковнаго управленія, довели до раздраженія, патріархъ употребилъ всѣ средства и всѣ усилія, чтобы, если возможно, уничтожить болгарскій экзархатъ. Однако—живъ Господь, Богъ правды и истины! Онъ тщетными творитъ дѣла несправедливыхъ!—Тогда константинопольскій патріархъ прибѣгъ къ послѣднему средству, которое давно готовилъ и на которое возлагалъ всѣ надежды осуществить свое задушевное желаніе—видѣть нашъ православный экзархатъ упраздненнымъ, разрушеннымъ и оставленнымъ.

Этимъ послѣднимъ средствомъ его было то, чтобы провозгласить православный болгарскій экзархатъ состоящимъ въ расколѣ и всѣхъ его членовъ—раскольниками. Онъ это и сдѣлалъ въ воскресенье, 17 сентября. Напрасно люди достопочтенные, занимающіе высокое мѣсто въ средѣ православной іерархіи и горячіе поборники церковнаго единенія и евангельскаго мира, неустанно трудились, чтобы предотвратить это печальное событіе; напрасно всячески старались они убѣдить патріарха константинопольскаго помириться съ православнымъ болгарскимъ экзархатомъ; напрасно возвысили свой голосъ издалека досточтимые іерархи одной церкви, съ которою мы ничего не имѣемъ общаго, кромѣ единства религіи и государственнаго подданства (1);

(1) Разумѣется, по всей вѣроятности, вышеприведенное нами посланіе епископовъ антіохійскаго патріархата къ блаженнѣйшему патріарху антіохійскому Іероѳею.

напрасно всѣ они возвышали свой голосъ во имя мира и церковнаго единенія: проникнутый ненавистію къ болгарамъ, константинопольскій патріархъ никого не слушалъ, никого не потерпѣлъ и изъ говорившихъ ему о мирѣ и любви однихъ отправилъ въ ссылку, другихъ побѣдилъ устрашеніемъ и такимъ образомъ достигъ осужденія православной болгарской церкви.

Мы можемъ только сожалѣть объ этомъ поступкѣ константинопольской патріархіи. Онъ показываетъ, насколько она раздражена противъ болгаръ и въ какой мѣрѣ ея рѣшенія проникнуты духомъ справедливости и кротости, которыми всегда долженъ руководиться каждый христіанинъ. Но въ то же время мы считаемъ своимъ долгомъ пригласить всѣхъ чадъ православнаго болгарскаго экзархата серьезно вникнуть въ этотъ послѣдній поступокъ константинопольской патріархіи и усмотрѣть, какія мысли и какіе планы преслѣдуетъ она, провозглашая состоящимъ въ расколѣ болгарскій экзархатъ, который содержитъ и хранитъ всѣ догматы, всѣ преданія и все церковное благочиніе православной восточной церкви и слѣдовательно не менѣе православенъ, какъ и сама патріархія. Вникнувъ въ это, они поймутъ, въ чемъ состоятъ цѣли провозглашенія раскола и какое уваженіе и значеніе поэтому мы должны ему придавать. Константинопольская патріархія, конечно, постарается воспользоваться провозглашеніемъ раскола для достиженія той цѣли, чтобы заставить чадъ православнаго болгарскаго экзархата отторгаться отъ прочихъ братій своихъ; для успѣха своего она употребитъ, вѣроятно, противъ болгарскаго экзархата какъ проклятія, такъ и поношенія, зачатки которыхъ мы видимъ уже растущими среди насъ, подобно тому, какъ среди прекраснаго и плодоноснаго поля растутъ плевелы. Но вы, чада о Господѣ возлюбленныя, дерзайте, *облекшись во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе* (Кол. III, 12), прощайте противникамъ вашимъ и молите Всевышняго Бога, да внушитъ Онъ ихъ сердцу и уму духъ мира и любви. Этому учитъ насъ святая православная вѣра; этого тре-

буетъ отъ насъ и высокое правительство, которое постоянно представляетъ блестящія доказательства своей къ намъ благосклонности; эту обязанность возлагаетъ на насъ и собственная польза нашего православнаго экзархата, который всѣ мы должны ограждать, настойчиво стараясь о его укрѣпленіи и утвержденіи, дабы онъ сдѣлался питателемъ алчущаго духовной пищи православнаго своего народа. Для этого необходимо, чтобы исчезли изъ среды чадъ православнаго болгарскаго экзархата всякіе раздоры и всякій духъ партій. *Всякая горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличь, и хула, да возмется отъ васъ со всякою злобою. Бывайте же другъ ко другу благи, милосерди, прощающе другъ другу, яко же и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ* (Ефес. IV, 31—32).

Если всякое новоучрежденное управленіе, для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ, имѣетъ нужду въ единодушіи и согласномъ дѣйствованіи, то еще болѣе требуется единодушія, когда это новоучрежденное управленіе имѣетъ характеръ духовный и когда ему предстоитъ распространять между подвѣдомственными ему членами высокія и божественныя истины евангелія единственно силою ученія. Тогда, въ виду усиленныхъ и единодушныхъ подвиговъ, подвиговъ благородныхъ и почтенныхъ, переносимыхъ людьми, желающими поднять, въ предѣлахъ православной вѣры, свой нравственный уровень и воспользоваться плодами, которыхъ достигло человѣческое знаніе,—даже нынѣшніе неправедные судьи наши будутъ болѣе къ намъ справедливы, весь образованный міръ будетъ нами доволенъ и императорское правительство будетъ удовлетворено въ своихъ заботахъ о нашемъ благоденствіи. *Самъ же Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда, во всякомъ образѣ: Господь со всѣми вами* (2 Сол. III, 16)».

Извѣстія съ Запада. Сербскій церковный конгрессъ православной церкви въ австро-венгерскихъ владѣніяхъ.

Выборы депутатовъ въ сербскій церковный конгрессъ, созванный къ 18 августа въ Карловцы, начались, по словамъ венгерскихъ и австрійскихъ газетъ, сильными агита-

ціями со стороны національной сербской партіи. Еще задолго до назначеннаго срока, предположеннаго для созванія конгресса,—именно въ половинѣ іюля, въ Новомъ Садѣ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго бургомистра города г. Брановацкаго, происходила шумная конференція сербовъ, въ которой участвовало 300 представителей отъ 44 бачскихъ церковныхъ общинъ, изъ Срема, Баната и другихъ округовъ, и на которой единогласно рѣшено членами собранія не приступать къ выбору патріарха на предстоящемъ конгрессѣ до формальной отмѣны, со стороны австро-венгерскаго правительства, прежняго порядка избранія патріарха и до объявленія новаго избирательнаго закона, выработаннаго послѣднимъ сербскимъ церковнымъ конгрессомъ, но доселѣ еще не получившаго правительственнаго утвержденія; затѣмъ постановлено не избирать депутатовъ на предстоящій конгрессъ изъ приверженцевъ анти-національной сербской партіи, тянущей на сторону мадьярской политики и, изъ-за политическихъ видовъ, готовой жертвовать интересами православной сербской церкви; наконецъ, рѣшено снова, послѣ уже неоднократныхъ просьбъ,—ходатайствовать предъ правительствомъ объ ограниченіи правъ правительственнаго коммисара, присутствующаго на сербскомъ конгрессѣ въ качествѣ государственнаго контролера, такъ какъ конгрессъ этотъ имѣетъ чисто церковный, а не политическій характеръ. Въ тоже самое время правительственная мадьяро-сербская партія, съ главнымъ органомъ своимъ «Сербскій Народъ», по словамъ сербскихъ газетъ, употребляла съ своей стороны всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону большинство сербскаго населенія, доказывала необходимость правительственнаго контроля надъ дѣлами сербскаго церковнаго конгресса въ видахъ обезпеченія его юридической законности, восхваляла прежній способъ избранія сербскаго патріарха, употреблявшійся на прежнихъ конгрессахъ, и предостерегала сербскій народъ отъ избранія депутатовъ на конгрессъ, не пользующихся довѣріемъ правительства. Если вѣрить національнымъ сербскимъ газетамъ, партія эта получила даже будтобы тайное предпи-

саніе отъ бывшаго венгерскаго министра духовныхъ дѣлъ г. Паулера—дѣйствовать какъ можно энергичнѣе въ пользу усиленія на предстоящемъ конгрессѣ мадьяронскаго элемента; однакоже происки этой партіи не увѣнчались успѣхами. При выборахъ въ сербскій церковный конгрессъ, происходившихъ отъ 14—15 августа, сербско-народная партія одержала рѣшительный перевѣсъ надъ мадьяронскою и достигла такихъ блистательныхъ результатовъ, на которые не разсчитывали даже самые горячіе сербскіе патріоты. По сообщеніямъ сербскихъ газетъ, подтверждаемымъ оффиціальными извѣстіями изъ Пешта, въ депутаты на конгрессъ изъ правительственной партіи избраны только 7 кандидатовъ, тогда какъ изъ національно-сербской партіи получили избирательные голоса 68 народныхъ представителей, принадлежащихъ притомъ большею частію къ извѣстнѣйшимъ вождямъ національной сербской партіи и ревнителямъ сербской національной церкви. Такъ, между прочимъ, представителемъ отъ Новаго Сада избранъ издатель сербской газеты «Застава» г. Милетичъ, представителемъ отъ Земуна—издатель газеты «Народъ» г. Субботичъ и другіе. Относительно правильности и совершеннѣйшей законности этихъ выборовъ не осмѣливались взводить никакихъ нареканій на сербовъ даже рьяные противники сербскихъ національно-церковныхъ интересовъ въ ряду органовъ австро-венгерской печати. Эти выборы не были дѣломъ одной какой нибудь партіи: въ нихъ высказался голосъ всего православнаго сербскаго народа, потому что, въ силу дѣйствующаго нынѣ избирательнаго закона, право участія въ выборѣ депутатовъ на конгрессъ имѣетъ каждый совершеннолѣтній сербъ православнаго вѣроисповѣданія, право же засѣданія въ немъ имѣютъ 30 представителей, избранныхъ изъ православнаго сербскаго духовенства, и остальные изъ міранъ; кромѣ того безъ выбора имѣютъ право засѣдать въ конгрессѣ всѣ сербскіе епископы, какъ представители сербской православной церкви. Все это, повидимому, какъ нельзя больше благопріятствовало сербамъ наилучшимъ образомъ устроить свои церковныя дѣла на предстоящемъ

конгрессѣ, такъ какъ этотъ конгрессъ по всѣмъ правамъ могъ считаться національно-сербскимъ соборомъ. Но сербскія газеты напередъ предсказывали, что безъ исполненія со стороны правительства законныхъ требованій, заявленныхъ сербами относительно отмѣны прежняго способа и порядка избранія патріарха и проч., нынѣшнее созваніе сербскаго церковнаго конгресса ни къ чему не поведетъ. Къ сожалѣнію, такъ на самомъ дѣлѣ и случилось. За день или за два до предполагавшагося открытія конгресса между сербами распространилось весьма не утѣшительное, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрное извѣстіе, что въ Карловицы ѣдетъ съ самыми широкими полномочіями отъ правительства королевскій коммисаръ генералъ фельдмаршалъ Моллинари для открытія конгресса съ строжайшимъ соблюденіемъ всѣхъ прежнихъ обычаевъ и порядковъ, узаконенныхъ для этого случая. Это извѣстіе послужило для сербовъ явнымъ знакомъ, что австро-венгерское правительство не обратило никакого вниманія на ихъ заявленія и не имѣетъ никакого желанія удовлетворить ихъ просьбамъ. Въ виду этого сербы, послѣ предварительнаго совѣщанія, рѣшили не дѣлать торжественной встрѣчи королевскому коммисару, предписанной особливою инструкціею, изданною австрійскимъ правительствомъ въ 1779-мъ году. Формальности этой встрѣчи, отъ которыхъ хотѣли уклониться сербы, на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ много такихъ церемоній, на исполненіи которыхъ не слѣдовало бы настаивать просвѣщенному австрійскому правительству въ XIX вѣкѣ и которыя представляются болѣе умѣстными въ какой нибудь китайской имперіи, нежели въ цивилизованномъ европейскомъ государствѣ. По требованію вышепоименованной инструкціи, напечатанной дословно въ вѣнской газетѣ «Ost und West» (см. № 71, 1872 г.), на встрѣчу правительственному коммисару, за нѣсколько верстъ отъ Карловицъ должна быть высылаема золоченая карета, въ которой коммисаръ медленно приближается къ городу. Въ 400 шагахъ отъ Карловицъ правительственнаго коммисара должны встрѣчать два епископа и шесть депутатовъ изъ членовъ

конгресса и тамъ привѣтствовать его съ подобающими почестями отъ имени всего православнаго сербскаго клира и народа, послѣ чего епископы и названные депутаты обязаны слѣдовать впереди золоченой кареты коммисара, въ качествѣ его почетныхъ провожатыхъ. У самаго въѣзда въ Карловицы королевскаго коммисара обязана встрѣтить новая депутація, состоящая также изъ двухъ епископовъ и шести членовъ конгресса, которые, послѣ обычныхъ привѣтствій, на смѣну прежней депутаціи, сопровождаютъ своего высокаго гостя до назначенной ему въ городѣ квартиры. Между тѣмъ какъ коммисаръ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ во всѣхъ православныхъ сербскихъ церквахъ, ѣдетъ по городу, у самаго подъѣзда дома, назначеннаго для его квартиры, должна ожидать его въ полномъ сборѣ новая депутація, состоящая изъ всего высшаго карловицкаго духовенства и изъ всѣхъ депутатовъ конгресса, которые, выстроившись въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ подъѣзжающей кареты коммисара, привѣтствуютъ его поклонами и, по выходѣ изъ кареты, почтительно сопровождаютъ его до назначенныхъ для него покоевъ. На другой день послѣ описанныхъ церемоній, къ правительственному коммисару обязаны представиться, въ качествѣ оффиціальныхъ уполномоченныхъ отъ конгресса, нѣсколько епископовъ и свѣтскихъ депутатовъ для принесенія почтительнѣйшей просьбы объ открытіи конгресса и о дозволеніи совершить во всѣхъ карловицкихъ православныхъ церквахъ торжественное всенощное бдѣніе наканунѣ дня открытія конгресса. Королевскій коммисаръ, послѣ предварительнаго просмотра и одобренія списка депутатовъ, избранныхъ въ члены конгресса, назначаетъ день и часъ для открытія конгресса. За нѣсколько минутъ до назначеннаго часа, въ квартиру коммисара обязано опять явиться все высшее сербское духовенство и всѣ члены конгресса для торжественнаго сопровожденія королевскаго уполномоченнаго въ домъ, назначенный для собранія конгресса. По прибытіи этой процессіи на мѣсто, депутаты конгресса остаются въ прихожей комнатѣ, ведущей въ за-

лу конгресса, а королевскій коммисаръ, въ сопровожденіи однихъ епископовъ, переводчика и секретаря, проходитъ въ залу собранія. Потомъ черезъ секретаря конгресса громко по именамъ вызываются въ залу собранія депутаты, имѣющіе законное полномочіе участвовать въ выборѣ патріарха. По провѣркѣ депутатовъ, правительственный коммисаръ садится въ золоченое кресло, поставленное на возвышенномъ мѣстѣ подъ балдахиномъ, и отсюда объявляетъ открытіе конгресса. «Представьте себѣ, пишетъ сербская газета „Застава», всѣ детали этого въ высшей степени устарѣвшаго церемоніала, противорѣчащаго всѣмъ новѣйшимъ обычаямъ, къ тому же до крайности унизительнаго для нашихъ архипастырей и почтенныхъ членовъ конгресса, и вы поймете, почему нашъ конгрессъ не захотѣлъ допустить себя въ настоящій разъ до униженія разыгрывать сцены, напоминающія сцены восточнаго рабства—особливо послѣ того, какъ въ своемъ послѣднемъ засѣданіи въ запрошломъ году конгрессъ предначерталъ совсѣмъ иной порядокъ открытія конгресса и, между прочимъ, постановилъ, чтобы, согласно съ древними автономическими правами сербской церкви, право председательства на конгрессѣ, право созванія, открытія и закрытія его, принадлежало сербскому патріарху или его намѣстнику». При этомъ конгрессъ оставлялъ вполнѣ неприкосновеннымъ право правительства назначать отъ себя уполномоченнаго для присутствія на конгрессѣ въ качествѣ королевскаго коммисара, но рѣшительно протестовалъ противъ вмѣшательства правительственнаго коммисара въ церковныя дѣла сербовъ и противъ раболѣпнаго отношенія къ нему членовъ конгресса; правда, правительство не утвердило этого рѣшенія конгресса, но уже одно простое благоразуміе должно бы внушить австро-венгерскимъ властямъ не доводить до послѣдней крайности тѣхъ требованій отъ православнаго сербскаго народа, которымъ онъ не можетъ подчиняться безъ униженія для себя и для своей церкви. Между тѣмъ генералъ Моллинари энергически настаивалъ именемъ правительства на соблюденіи всѣхъ означенныхъ церемоній, предписанныхъ

инструкціею 1779 года, и только подъ этимъ условіемъ соглашался приступить къ открытію конгресса, не рѣшаясь сдѣлать ни одного шага изъ Петервардейна (Peterwardein) —городскаго предмѣстья, гдѣ онъ засѣлъ въ ожиданіи золоченой кареты. Въ виду этого нѣкоторые изъ горячихъ сербскихъ патріотовъ настаивали предъ патріаршимъ намѣстникомъ, епископомъ Стойковичемъ, чтобы онъ самъ приступилъ къ открытію конгресса, но благоразумный архипастырь отклонилъ отъ себя это предложеніе и рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что онъ не можетъ приступить къ открытію конгресса безъ присутствія правительственнаго коммисара. Сербскіе націоналы уступили этому заявленію и отправили къ г. Моллинари депутацію, состоящую изъ епископовъ съ Стойковичемъ во главѣ, для переговоровъ по дѣламъ сербскаго конгресса. Въ отвѣтъ на заявленіе депутатовъ, что большинство членовъ конгресса не соглашается ни на торжественную встрѣчу генерала Моллинари, ни на произведеніе выбора патріарха по прежнему порядку, основываясь на единогласномъ и твердомъ рѣшеніи послѣдняго сербскаго церковнаго конгресса, генералъ Моллинари объявилъ, на основаніи правительственнаго полномочія, распущеніе сербскаго церковнаго конгресса и отправился въ Пештъ для представленія отчета о послѣднихъ событіяхъ въ Карловицахъ предъ конференціею венгерскаго министерства, происходившею, по оффиціальнымъ извѣстіямъ изъ Пешта, 22 августа, подъ председательствомъ президента венгерскихъ министровъ, графа Лоньяя.

Такимъ образомъ, какъ остроумно замѣчаютъ сербскія газеты, совершилось нѣчто необычайное и по истинѣ изумительное въ исторіи парламентской жизни въ Австро-Венгріи — «закрытіе еще не открытаго конгресса». Генералъ Моллинари былъ видимо приготовленъ венгерскимъ министерствомъ къ такому исходу дѣла и, имѣя на всякій случай полномочіе къ распущенію конгресса, не замедлилъ воспользоваться своимъ правомъ, какъ скоро убѣдился въ безуспѣшности склонить сербовъ подчиниться прежнему порядку избранія патріарха. При настоящемъ разногласіи

между органами австро-венгерской и сербской печати, по поводу распущенія карловицкаго конгресса, трудно составить понятіе объ истинныхъ причинахъ печальнаго исхода столь важнаго для православной сербской церкви дѣла. Однѣ изъ венгерскихъ газетъ распущеніе конгресса приписываютъ единственно тому, что депутаты конгресса на отрѣзъ отказались отъ торжественной встрѣчи королевскаго коммисара; другія объясняютъ это обстоятельство тѣмъ, что будтобы партія сербскихъ патріотовъ, предводительствуемая Милетичемъ и Субботичемъ, послѣ секретныхъ совѣщаній, постановила, чтобы конгрессъ, въ качествѣ представителя не только церковнаго, но «и народнаго», самоуправленія австрійскихъ сербовъ былъ освобожденъ отъ всякаго вліянія со стороны австро-венгерской правительственной власти; иныя, наконецъ, настоящее распущеніе конгресса называли дѣломъ случайности и объясняли тѣмъ, будтобы генералъ Моллинари получилъ неожиданное порученіе отъ австрійскаго императора отправиться въ Бѣлградъ для принесенія поздравленія сербскому князю Милану по случаю его возшествія на престолъ и потому принужденъ былъ отсрочить открытіе сербскаго церковнаго конгресса на неопредѣленное время. Но это извѣстіе оказалось положительно ложнымъ. Сербскія же газеты почти всѣ единогласно приписываютъ быстрое и рѣшительное закрытіе своего церковнаго конгресса съ одной стороны желанію венгерскаго правительства воспрепятствовать избранію патріарха народною сербскою партіею, заручившеюся почти всѣми голосами на конгрессѣ, съ другой нежеланію сербскихъ народныхъ депутатовъ подчиниться правиламъ старинной инструкціи при открытіи конгресса и прежнему порядку самаго избранія патріарха. Порядокъ этотъ, какъ онъ описывается въ вѣнской славянской газетѣ «Ost und West» (№ 65), опять представляется въ высшей степени страннымъ, и послѣдній сербскій церковный конгресъ, повидимому, имѣлъ полное основаніе предложить австро-венгерскому правительству для утвержденія новый проектъ избранія патріарха. По старому порядку избраніе патріарха производилось посредствомъ от-

крытой баллотировки, именно, слѣдующимъ образомъ: сначала писались имена всѣхъ сербскихъ православныхъ епископовъ,—каждое на отдѣльномъ листѣ бумаги,— потомъ поочередно входили въ залу собранія выборные депутаты, уполномоченные отъ сербскихъ церковныхъ общинъ, и каждый подписывалъ свое имя на листѣ того епископа, въ пользу котораго онъ хотѣлъ дать *свой голосъ*; когда всѣ избиратели такимъ образомъ подписывали свои имена, листы отбирались и вручались правительственному коммисару, присутствовавшему *на конгрессѣ*; потомъ собственноручная подпись каждаго избирателя, чрезъ посредство коммисара, препровождалась къ правительству, при чемъ каждый епископъ всегда имѣлъ возможность узнать имена своихъ благожелателей и неблагожелателей. Ясно само собою, какое неудобство заключается въ этой формѣ избранія для избирателей; она очень часто служила источникомъ неудовольствій, тайной и явной вражды, а нерѣдко давала поводъ и къ преслѣдованіямъ, такъ какъ депутаты конгресса большею частію состоятъ изъ лицъ духовныхъ, которые находятся въ зависимости отъ своихъ епископовъ и потомъ становятся въ зависимость отъ избраннаго патріарха. Для депутатовъ изъ свѣтскихъ лицъ, между которыми много людей должностныхъ, также не совсѣмъ удобно подписывать свое имя на листѣ кандидата, почему-нибудь не пользующагося расположеніемъ правительства и не отвѣчающаго его видамъ. Но съ этимъ неудобствомъ соединяется другое, еще большее. Актъ избранія патріарха, по прежнему порядку, тогда только могъ получить безусловное одобреніе со стороны правительства, если *всѣ* члены конгресса сходились въ подписи своихъ именъ подъ именемъ одного какого-нибудь епископа; если же находился хотя одинъ голосъ не въ пользу избраннаго кандидата, правительство предоставляло себѣ право назначить патріарха для сербовъ по своему собственному усмотрѣнію и притомъ кого ему угодно, такъ что правительство могло назначить не только того, кто получилъ большинство или равное число избирательныхъ голосовъ на конгрессѣ, но и того, кто получилъ только два, или три

голоса, даже наконецъ того, кто не получилъ ни одного избирательнаго голоса. Этимъ правомъ австро-венгерское правительство неоднократно на дѣлѣ пользовалось, какъ извѣстно изъ исторіи предшествующихъ сербскихъ церковныхъ конгрессовъ. Такъ уже въ 1748 г. правительственный коммисаръ заявилъ тогдашнему конгрессу, что онъ долженъ предложить императору только одно лицо изъ епископовъ для утвержденія въ санѣ патріарха, что императоръ можетъ утвердить или не утвердить представленнаго кандидата,—такъ какъ право утвержденія скрыто заключаетъ въ себѣ и право неутвержденія. Само собою разумѣется, что о выборномъ началѣ при этомъ не могло быть никакой рѣчи. Въ 1770 году предписанъ уже самый церемоніалъ избранія патріарха: конгрессъ въ теченіи «одного дня» долженъ былъ тогда произвести выборъ, потомъ королевскій коммисаръ обнародовалъ результаты выбора и отправился въ Вѣну для исходатайствованія императорскаго утвержденія новоизбранному кандидату по большинству голосовъ. Правительство не утвердило выбора и велѣло произвести перебаллотировку. Въ 1790 году правительственный коммисаръ уже прямо заявилъ конгрессу, что его выборъ только въ томъ случаѣ можетъ имѣть силу, если въ этомъ выборѣ сойдутся всѣ до одного голоса избирателей, иначе правительство назначитъ патріарха по своему усмотрѣнію, безъ вниманія къ результатамъ выборовъ, произведенныхъ на конгрессѣ; и на самомъ дѣлѣ, правительство утвердило въ достоинствѣ патріарха одного изъ епископовъ, получившаго меньшинство избирательныхъ голосовъ на конгрессѣ, сравнительно съ другими кандидатами. Отъ 1790 до 1837 г. не было никакихъ выборовъ, потому что во весь этотъ періодъ времени православною церковью въ Австро-Венгріи управлялъ епископъ Стратимировичъ. Но въ 1837 году австрійское правительство сдѣлало еще одинъ шагъ впередъ. Королевскій коммисаръ безъ всякихъ обиняковъ заявилъ въ этотъ годъ конгрессу, что если члены его не сойдутся всѣ въ выборѣ одного лица въ званіе сербскаго патріарха, то австрійскій монархъ уничтожитъ привилле-

гіи, дарованныя сербамъ въ ихъ церковномъ управленіи, и будетъ самъ «назначать сербамъ митрополитовъ». Здѣсь уже такимъ образомъ не было больше никакой рѣчи «объ утвержденіи», а прямо говорилось «о назначеніи» патріарха по высочайшему усмотрѣнію. Въ 1842 г. королевскій коммисаръ повторилъ членамъ конгресса то же самое внушеніе. При выборахъ на этомъ конгрессѣ епископъ Райячичъ получилъ меньшинство, а епископъ Савковичъ большинство избирательныхъ голосовъ. Императоръ Фердинандъ утвердилъ между тѣмъ епископа Райячича. При выборѣ же прошлаго патріарха Маширевича королевскій коммисаръ Филиповичъ ничего не говорилъ; этотъ генералъ не терпѣлъ никакого противорѣчія, онъ только командовалъ и отдавалъ конгрессу приказанія въ афористической формѣ: «смирно», «безъ разсужденій» и т. п. (¹) Принимая во вниманіе подобный образъ дѣйствій правительственныхъ коммисаровъ на сербскихъ церковныхъ конгрессахъ, нельзя много удивляться тому, что сербы желаютъ во что бы то ни стало освободить свой церковный конгрессъ отъ тяжелаго полицейскаго контроля и настаиваютъ на измѣненіи доселѣ принятаго способа избранія и утвержденія своего митрополита, такъ какъ этотъ способъ избранія и утвержденія не согласуется ни съ канонами православной церкви, ни съ тѣми правами, которыя предоставлены австрійскимъ правительствомъ сербамъ при ихъ переселеніи въ Банатъ съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ. Австрійское правительство тогдашняго времени предоставило полную автономію сербамъ въ дѣлахъ ихъ церковнаго управленія, свободный и независимый выборъ ихъ церковныхъ предстоятелей и т. п. Могутъ ли сербы забыть объ этихъ привиллегіяхъ? «Нѣтъ, увѣряетъ сербская газета «Застава», сербы охотнѣе согласны на самое тяжелое пожертвованіе, готовы отказаться отъ всякаго выбора патріарха для своей церкви, нежели приступить къ такому выбору, которому можетъ быть дано это названіе только развѣ въ ироническомъ смыслѣ. Серб-

(¹) Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ поименованнаго нумера газеты „Ost und West".

скій народъ, продолжаетъ газета, горячо желаетъ выбора патріарха для своей церкви; каждое дитя у насъ знаетъ, что для австрійскихъ сербовъ замѣщеніе митрополичьей каѳедры въ Карловицахъ составляетъ насущную необходимую потребность въ интересахъ нашей православной церкви,—но мы нисколько не жалѣемъ о распущеніи настоящаго конгресса, на которомъ правительство предписало намъ произвести выборъ патріарха; мы ждемъ созванія такого конгресса, на которомъ мы будемъ имѣть полную возможность произвести избраніе нашего будущаго владыки согласно съ канонами нашей святой церкви и съ желаніемъ нашего православнаго народа. Народъ, который ждалъ двѣсти лѣтъ, можетъ ждать и болѣе. Благодареніе Богу, церковныя православныя общины и епархіи организованы у насъ довольно прочно, а общины у насъ—это наши твердыни. Митрополитъ только тогда можетъ принести пользу своему народу, когда онъ свободно имъ избранъ и держитъ его сторону; въ противномъ случаѣ онъ вовсе не нуженъ для сербскаго народа. Впрочемъ, утѣшаетъ себя газета, нынѣшній «неоткрытый и закрытый конгресъ» все-таки, надѣемся, не останется для насъ безъ добрыхъ послѣдствій. По поводу его ясно высказалось настроеніе всего сербскаго православнаго народа, такъ какъ ни одинъ изъ уполномоченныхъ депутатовъ отъ народа въ собраніи 21 іюля, происходившемъ въ Новомъ Садѣ, не подалъ своего голоса въ пользу избранія патріарха при настоящемъ порядкѣ вещей, и огромное большинство депутатовъ, избранныхъ въ качествѣ представителей на конгрессъ, твердо устояло въ этой рѣшимости. Правительство наше теперь не можетъ недоумѣвать, чего хочетъ отъ него большинство сербскаго народа и въ какомъ духѣ желаетъ устроить свое церковное управленіе, высшимъ органомъ котораго долженъ служить, по своей задачѣ, нашъ церковный конгресъ». Не знаемъ, удастся ли австрійскимъ сербамъ когда либо добиться отъ правительства исполненія своихъ стародавнихъ желаній, но въ настоящее время, судя по образу выраженій венгерскихъ оффиціозныхъ и неоффиціозныхъ газетъ, австро-венгерское правительство, повиди-

ному, далеко отъ этого; въ виду не состоявшагося собранія сербскаго церковнаго конгресса оно намѣрено, по словамъ венгерской оффиціозной газеты «Pester Lloyd», провозгласить въ странѣ «исключительный порядокъ вещей», клонящійся къ ограниченію церковной автономіи сербовъ, и издать какой-то временной уставъ о порядкѣ управленія православной сербской церкви. По оффиціальному извѣстію изъ Пешта отъ 31 августа, австро-венгерское правительство уже приступило къ довольно сильнымъ и энергическимъ мѣрамъ, клонящимся къ вразумленію безпокойныхъ сербовъ.

Архіепископъ Стойковичъ, извѣстный своею энергическою дѣятельностію въ пользу православной сербской церкви, согласно рѣшенію австро-венгерскаго совѣта министровъ, въ настоящее время уже удаленъ отъ своей должности мѣстоблюстителя патріарха и на его мѣсто назначенъ епископъ Никаноръ Груичъ, котораго сербскія газеты называютъ приверженцемъ мадьяронской партіи; администрація сербскихъ церковныхъ имуществъ и училищныхъ фондовъ, которыми управлялъ особливый комитетъ, избранный послѣднимъ сербскимъ церковнымъ конгрессомъ, теперь поручена королевскому коммисару барону Майтеньи (Mayt-henyi). Этою послѣднею мѣрою отнято у сербской національной партіи одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для ея поддержки. Въ пештскихъ правительственныхъ кружкахъ, какъ увѣряетъ венгерская газета «Reform», ходятъ слухи еще о другихъ мѣрахъ, которыя правительство намѣрено предпринять для окончательнаго уничтоженія автономіи сербовъ въ церковныхъ дѣлахъ, на томъ основаніи, что сербы пользовались своею автономіею въ церковныхъ дѣлахъ «по праву обычая», а такъ какъ сербскій конгрессъ нарушилъ старинный обычай относительно пріема королевскаго коммисара, то тѣмъ самымъ нарушилъ будтобы самый принципъ своего законнаго существованія. Югославянскія газеты утверждаютъ, что въ виду этого члены распущеннаго сербскаго конгресса обнародовали 31 августа меморандумъ, который слагаетъ всю отвѣтственность за распущеніе конгресса на венгерское прави-

тельство и энергически протестуетъ противъ всѣхъ мѣръ, предпринимаемыхъ пештскимъ кабинетомъ къ ограниченію церковной самостоятельности сербовъ. Члены конгресса требуютъ въ своемъ меморандумѣ полной автономіи сербской церкви, отвергаютъ вмѣшательство королевскаго коммисара въ управленіи нѣсколько-милліоннымъ сербскимъ церковнымъ имуществомъ и протестуютъ противъ незаконнаго увольненія Стойковича. «Венгерское правительство, заключаетъ меморандумъ, взяло на себя огромную отвѣтственность предъ короною, предъ сербскимъ народомъ и предъ всѣмъ міромъ, преслѣдуя всякое либеральное движеніе и посягая на достоинство и права сербской церкви. По другимъ извѣстіямъ, церковная община въ Новомъ Садѣ постановила представить австрійскому императору петицію объ утвержденіи постановленій сербскаго конгресса 1870—1871 г. и о немедленномъ созваніи новаго конгресса, соотвѣтствующаго требованіямъ, предъявленнымъ въ петиціи. Но относительно созванія новаго церковнаго конгресса пока еще нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій, хотя сербскія газеты сообщаютъ въ видѣ слуха, будто правительство намѣрено созвать въ скоромъ времени новый конгрессъ въ Карловицахъ, подъ наблюденіемъ новаго управляющаго сербскимъ патріархатомъ. Съ этимъ намѣреніемъ сербскія газеты ставятъ въ связь смѣну бывшаго доселѣ венгерскаго министра духовныхъ дѣлъ г. Паулера г. Трефоромъ и путешествіе правительственныхъ агентовъ по разнымъ округамъ словенской и хорватской военной границы, въ Сремѣ и въ Банатѣ, съ тою будтобы цѣлію, чтобы изъ будущихъ выборовъ въ конгрессъ вышла по крайней мѣрѣ одна треть приверженцевъ правительственной партіи. Достигнетъ ли австро-венгерское правительство съ помощію непопулярнаго въ сербскомъ народѣ Грунча того, чего не могло достигнуть при Стойковичѣ, который пользовался полнымъ сочувствіемъ сербовъ,—покажетъ время. Что же касается созванія новаго церковнаго конгресса, то слухи объ этомъ, повидимому, относятся пока къ области однихъ гаданій. По словамъ венгерской оффиціальной газеты «Pesti

Napl o», на запросъ сербскаго депутата г. Николича, предложенный въ венгерскомъ сеймѣ министру-президенту, о причинахъ закрытія конгресса и о дальнѣйшихъ планахъ правительства по сербскому вопросу, министръ-президентъ отвѣтилъ въ засѣданіи палаты 17 сентября, что «все сдѣланное относительно сербскаго *конгресса—сдѣлано* законнымъ путемъ; нелегальностей въ распущеніи «еще не открытаго» конгресса *никакихъ* не было, точно такъ же, какъ въ неутвержденіи рѣшеній, произвольно постановленныхъ сербскимъ конгрессомъ 1870—1871 года».

Кельнскій конгрессъ старокатоликовъ.

Въ вѣнской газетѣ «Presse», № 261—263, напечатанъ подробный стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ кельнскаго конгресса, происходившаго 7 (19)—10 (22) сентября. Помѣщая съ нѣкоторыми сокращеніями и незначительными поправками на основаніи другихъ источниковъ этотъ интересный отчетъ на страницахъ нашего журнала, мы надѣемся, что присутствовавшій на этомъ конгрессѣ въ качествѣ гостя о. протоіерей І. Л. Янышевъ подѣлится съ нашими читателями своими личными впечатлѣніями по этому предмету.

7 (19) сентября вечеромъ въ Кельнѣ происходило предварительное собраніе конгресса старокатоликовъ, на который съѣхалось болѣе 300 депутатовъ. Собраніе привлекло множество посѣтителей и было привѣтствовано предсѣдателемъ кельнскаго комитета, оберрегирунгсратомъ Вюльфингомъ краткою рѣчью, въ которой ораторъ говорилъ объ успѣхахъ старокатолическаго движенія въ теченіе года и въ доказательство прогрессивнаго хода движенія указалъ между прочимъ на присутствіе въ настоящемъ собраніи утрехтскаго архіепископа, епископовъ линкольнскаго, мэрилендскаго, элійскаго, и замѣчательнѣйшихъ представителей другихъ исповѣданій. Затѣмъ обратился къ собранію съ рѣчью на французскомъ языкѣ линкольнскій

епископъ Уордворсъ, который выставлялъ на видъ главнымъ образомъ тѣ пункты, въ которыхъ англиканская церковь сходится съ католическою, и заключилъ свою рѣчь выраженіемъ надежды, что придетъ время, когда всѣ христіане, на основаніи вѣры, священнаго писанія и ученія древней церкви опять составятъ «едино стадо съ единымъ пастыремъ». Слѣдующіе ораторы, епископъ Уитингемъ изъ Мэриленда и епископъ Броунъ изъ Эли въ рѣчахъ, сказанныхъ на англійскомъ языкѣ, съ переводомъ на нѣмецкій однимъ англиканскимъ священникомъ, выразили сочувствіе своихъ епархій къ конгрессу и пожеланіе успѣховъ начатому движенію въ достиженіи окончательнаго единенія. Оба епископа упомянули между прочимъ въ своихъ рѣчахъ о томъ, что въ ихъ епархіяхъ въ послѣднюю недѣлю возносились молитвы за конгрессъ. По этому поводу епископъ линкольнскій во второй своей рѣчи, сказанной поанглійски, изъявилъ желаніе, чтобы поскорѣе присиѣло время, когда всѣ христіане могли бы молиться не только другъ за друга, но и вмѣстѣ другъ съ другомъ. Ректоръ с.-петербургской духовной академіи, протоіерей Янышевъ указалъ въ своей рѣчи, сказанной на нѣмецкомъ языкѣ, на то, что въ русской церкви во время литургіи постоянно возносится молитва о благосостояніи всѣхъ церквей и соединеніи ихъ; къ этому ораторъ прибавилъ, что и въ Россіи высказывается живое сочувствіе къ единенію христіанскихъ церквей, основанному на истинахъ христіанства, признанныхъ таковыми всею древнею нераздѣленною церковію. Въ подобномъ же миролюбивомъ духѣ сказалъ нѣсколько словъ собранію маститый утрехтскій архіепископъ Генрихъ Лоосъ, слова котораго, сказанныя на голландскомъ нарѣчіи, переводилъ на нѣмецкій языкъ учитель гимназіи Тюрлингъ. Докторъ Рокъ (по другимъ извѣстіямъ «Rose», по инымъ «Rohan», еще по другимъ «Ron»), изъ Нью-Йорка, выразилъ въ своей рѣчи сочувствіе къ конгрессу нѣсколькихъ американскихъ католиковъ, надежду, что и въ Америкѣ старокатолическое движеніе можетъ найдти почву для распространенія, и въ заключеніе ска-

залъ, что многіе нѣмецкіе католики въ Америкѣ съ напряженнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдятъ за борьбою своихъ братьевъ въ Германіи. Англиканскій священникъ Лангдонъ, изъ Флоренціи, сообщилъ, что и въ Италіи старокатолическое движеніе находитъ сочувствіе. Затѣмъ профессоръ Шульте (изъ Праги), указавъ на замѣчающіяся въ рѣчахъ предшествующихъ ораторовъ искренность и единодушіе, выразилъ живѣйшее желаніе, чтобы такая же искренность и такое же единодушіе проявились и во время предстоящихъ разсужденій конгресса. Послѣ этого прочитанъ былъ рядъ предложеній, представленныхъ на разсмотрѣніе и утвержденіе конгресса двумя спеціально избранными коммисіями: юридически-политическою (juridisch-politische Commission) и богословскою (theologische Commission). Первая изъ названныхъ коммисссій, выходя изъ тѣхъ основаній, что многія правительства отказали прямымъ оффиціальнымъ путемъ во всякомъ юридическомъ значеніи ватиканскимъ опредѣленіямъ 18 іюля 1870 года, что признанная государствами церковь есть церковь старокатолическая и что ультрамонтанская церковь, созданная ватиканскими опредѣленіями и не имѣющая ни догматическаго, ни историческаго основанія, не получила государственнаго признанія, внесла предложеніе обратиться съ ходатайствомъ къ правительствамъ Германіи, Австріи и Швейцаріи, чтобы эти государства, остающіяся въ старой католической церкви, признали католиковъ, отвергающихъ ватиканскіе декреты, членами признанной государственной церкви и приняли ихъ подъ свою защиту, епископовъ же вновь образовавшейся ватиканской церкви, признающей ватиканскіе декреты, объявили, вмѣстѣ съ подчиненными имъ органами, лишенными всякаго права юрисдикціи надъ старокатоликами. Богословская коммиссія, съ своей стороны, внесла на утвержденіе конгресса нѣсколько предложеній, цѣль которыхъ—опредѣлить, примѣнительно къ настоящимъ церковнымъ нуждамъ старокатоликовъ, кругъ дѣятельности отлученныхъ старокатолическихъ священниковъ, установить право ихъ совершать таинства, и принять мѣры къ распредѣленію старокатолическихъ приходовъ по епархіямъ и къ установленію правильнаго порядка богослуженія. Сооб-

разно съ этимъ, коммиссія предложила оставить безъ измѣненій существующее по мѣстамъ употребленіе нѣмецкаго языка при богослуженіи; принять мѣры противъ злоупотребленія относительно индульгенцій, почитанія святыхъ, продажи четокъ и медалей; озаботиться объ устраненіи съ церковныхъ каѳедръ всякихъ рѣчей и проповѣдей о церковно-политическихъ современныхъ вопросахъ. Затѣмъ коммиссія внесла рядъ предложеній о порядкѣ исполненія обязанностей духовнаго званія, объ организаціи приходскихъ общинъ, о церковной законности старокатолическихъ брачныхъ союзовъ, причемъ коммиссія признала требуемое обыкновенно для разводовъ и всегда даваемое разрѣшеніе папы или епископовъ не безусловно необходимымъ. Въ дополненіе къ прежней резолюціи мюнхенскаго конгресса коммиссія предложила признать епископовъ утрехтской и армянской церквей имѣющими право совершать епископскія священнодѣйствія для старокатоликовъ и уполномочить церковныя старокатолическія общины озаботиться избраніемъ себѣ своего собственнаго епископа чрезъ посредство представителей приходовъ. Въ заключеніе коммиссія, выражая надежду на возсоединеніе всѣхъ раздѣленныхъ вѣроисповѣданій, предложила образовать особливую коммиссію, которая вошла бы въ сношенія съ другими существующими или образующимися обществами, заботящимися объ устраненіи церковныхъ несогласій, и вмѣстѣ съ этими послѣдними содѣйствовала бы словомъ и посредствомъ печати подготовленію возсоединенія раздѣленныхъ церквей. Чтеніемъ этихъ предложеній заключилось предварительное собраніе конгресса. Къ концу собранія прибылъ деканъ вестминстерскаго собора изъ Лондона и получено извѣстіе о прибытіи на конгрессъ доктора Деллингера.

На другой день, 8 (20) сентября, утромъ съѣздъ старокатоликовъ открытъ богослуженіемъ въ часовнѣ городской ратуши. Богослуженіе совершалъ пасторъ старокатолической общины въ Кельнѣ Тангерманъ, обратившійся, по окончаніи богослуженія, съ краткою рѣчью къ собранію. Въ половинѣ десятаго въ обширной залѣ началось первое

засѣданіе депутатовъ конгресса, которое открылъ обер-регирунгсратъ Вюльфингъ; въ собраніи присутствовало до 400 делегатовъ, почти всѣ извѣстнѣйшіе представители старокатолическаго движенія и многія изъ высокопоставленныхъ и ученѣйшихъ—духовныхъ и свѣтскихъ—особъ, прибывшихъ на конгрессъ изъ разныхъ иностранныхъ земель, въ качествѣ гостей. Изъ присутствовавшихъ особенно заслуживаютъ упоминанія: утрехтскій архіепископъ Лоосъ; линкольнскій епископъ Уордворсъ; мэрилендскій епископъ Уитингемъ; епископъ изъ Эли Броунъ; деканъ вестминстерскаго собора А. Станлей; оксфордскій профессоръ Іог. Уордворсъ; уполномоченный лондонскаго епископа Мэй, ректоръ с.-петербургской духовной академіи протоіерей Янышевъ; адъютантъ Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича А. Кирѣевъ, пештскій протоіерей Константинъ Лукичъ Кустодіевъ; священникъ висбаденской церкви А. Тачаловъ; англиканскій священникъ Лангдонъ (изъ Флоренціи); I. Nevin, ректоръ della capella americana (изъ Рима); аббатъ Мишо (изъ Парижа); императорскій государственный совѣтникъ берлинскаго посольства Куссеровъ; reichsrath д-ръ Деллингеръ; профессоръ Фридрихъ, профессоръ Губеръ, профессоръ Корнеліусъ; д-ръ Гиршвальдеръ (изъ Мюнхена); священникъ Рейфтле (изъ Меринга); священникъ Тюрлингсъ (изъ Кемптена); профессоръ Шульте (изъ Праги); профессоръ Маасенъ (изъ Вѣны), профессоръ Герцогъ (изъ Люцерна); профессоръ Михелисъ; священникъ Грунертъ (изъ Кенигсберга); профессоръ Рейнкенсъ (изъ Бреславля); профессоръ Кноодтъ, профессоръ Рейшъ, профессоръ Лянгенъ (изъ Бонна), священникъ Каминскій (изъ Каттовица), д-ръ Газенклеферъ (изъ Дюссельдорфа), совѣтникъ апелляціоннаго суда Петри (изъ Висбадена) и др. Въ предсѣдатели конгресса, по предложенію профессора Михелиса, единогласно избранъ, предсѣдательствовавшій на прошлогоднемъ мюнхенскомъ конгрессѣ, профессоръ Шульте (изъ Праги); въ вицепрезиденты собраніе выбрало члена апелляціоннаго суда Петри (изъ Висбадена) и профессора Корнеліуса (изъ Мюнхена). Затѣмъ избранный предсѣдатель обратился къ

собранію съ слѣдующею рѣчью. «Въ настоящемъ году мы имѣемъ, можетъ быть, болѣе трудную задачу, нежели въ прошломъ году. Въ прошломъ году мы еще боролись только за наше существованіе, тогда мы еще не успѣли устроиться, и самый вопросъ о нашемъ устройствѣ, составляющій во всякомъ случаѣ самое главное условіе нашего движенія, до рѣшеній прошлогодняго конгресса, оставался у насъ совершенно невыясненнымъ. *Я разумѣю вопросъ объ образованіи общинъ.* Можно конечно и теперь держаться относительно этого вопроса того мнѣнія, что еще не пришло время приступать къ фактическому образованію общинъ; но съ другой стороны нельзя не признать, что нужда и крайность уже такъ долго тяготѣютъ надъ нами, что мы совершенно вправѣ озаботиться образованіемъ общинъ, нисколько не впадая въ противорѣчія съ рѣшеніями, принятыми на прошломъ конгрессѣ. Необходимо, чтобы мы вообще не впадали ни въ какія непослѣдовательности и никогда не оставляли безъ вниманія той точки зрѣнія, на которую стали съ полнымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ. Ближайшею причиною нашего движенія было то, что мы воспротивились принять ученія, противныя слову Божію, обязанныя своимъ происхожденіемъ человѣческому измышленію и произволу. Мы всѣ сознавали, что этотъ произволъ послужилъ виною раздѣленія, обнаружившагося въ католической церкви. Мы всѣ сознавали, что и древнѣйшее раздѣленіе церквей имѣло свое основаніе не въ догматическихъ вопросахъ, а въ іерархическомъ высокомѣріи и притязаніи. Мы поставили поэтому своею задачею дѣлать все, что̀ можетъ *способствовать возсоединенію раздѣленныхъ церквей*, и мы должны оставаться совершенно вѣрными этой задачѣ. Не мы отдѣлились отъ католической церкви,—мы твердо и непоколебимо держались и держимся католической вѣры; насъ отлучили, насъ объявили отщепенцами тѣ лица, которыя, юридически, по существующему праву признаются епископами католической церкви. Такъ какъ они согласились принять нововведеніе, послужившее причиною раздѣленія въ католической церкви, то мы вправѣ были совершенно по совѣсти сказать имъ:

мы не имѣемъ надобности въ васъ, вы же не имѣете права навязывать намъ того, что̀ противорѣчитъ нашей совѣсти. Но вслѣдствіе того, что не нѣкоторые только или многіе, а всѣ епископы, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, перешли на сторону нововведенія, для насъ открылась нужда, послужившая поводомъ къ нашимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Мы поставлены были въ необходимость позаботиться о собственной организаціи. Мы не имѣли и не имѣемъ никакого высшаго самостоятельнаго суда, мы не могли никому жаловаться на епископовъ и въ томъ числѣ на римскаго епископа за сдѣланное ими нововведеніе, чрезъ которое повреждена чистота церковнаго ученія и ниспровергнуто церковное устройство. Мы не могли аппеллировать къ вселенскому собору, и такъ какъ у насъ нѣтъ никакой высшей инстанціи, которая могла бы взять насъ подъ свою защиту, то намъ ничего не оставалось, какъ самимъ устроиться на основаніи церковнаго права, и въ настоящее время это составляетъ одну изъ нашихъ главныхъ задачъ. Къ этому мы вынуждаемся еще другою крайностію. Извѣстно, что не только всѣ епископы, но и большая часть клира, всѣ органы епископской власти приняли нововведеніе. Вслѣдствіе этого во многихъ странахъ и епархіяхъ многіе старокатолики лишены всякой возможности на практикѣ удовлетворять своимъ религіознымъ нуждамъ: имъ отказываютъ въ преподаніи таинствъ, ихъ оскорбляютъ въ церквахъ, ихъ проклинаютъ съ церковныхъ каѳедръ и т. под. Эта крайность безусловно уполномочиваетъ насъ завести свои общины и при предстоящихъ разсужденіяхъ заняться съ особеннымъ вниманіемъ ихъ организаціею. Я долженъ сказать, что предложенія коммиссіи, касающіяся этого предмета, въ общемъ цѣломъ совершенно умѣренны и цѣлесообразны. Я желалъ бы, чтобы при нашихъ разсужденіяхъ преобладало совершенно спокойное настроеніе и не было произнесено ни одного оскорбительнаго слова противъ новокатоликовъ, противъ отпадшихъ отъ церкви епископовъ, священниковъ и міранъ. (Въ собраніи выражается живое одобреніе). Я надѣюсь также, что какъ въ этомъ отношеніи,

такъ и въ отношеніи къ нашимъ требованіямъ и рѣшеніямъ, мы будемъ избѣгать всякой неумѣренности; чѣмъ больше мы представимъ міру и нашимъ правительствамъ доказательствъ, что вмѣстѣ съ нравственною строгостію нами руководитъ и нравственное благоразуміе, тѣмъ больше мы выиграемъ. Остается еще одинъ пунктъ, о которомъ я долженъ сказать нѣсколько словъ. Всѣ мы желаемъ реформъ въ церкви,—нужда въ которыхъ чувствуется больше, нежели въ теченіи пяти вѣковъ. Но не должно забывать, что мы не имѣемъ законнаго органа власти для произведенія какихъ нибудь значительныхъ и существенныхъ реформъ въ церкви. Конечно мы можемъ дѣлать въ отдѣльныхъ общинахъ измѣненія въ такихъ вещахъ, которыя не имѣютъ никакого значенія, какъ, напримѣръ, отмѣнить продажу въ церквахъ четокъ и т. под. Но мы не имѣемъ права предпринимать никакихъ реформъ, которыя измѣняютъ общее церковное право или добрые обычаи, утвердившіеся вѣками; поэтому я надѣюсь и осмѣливаюсь просить васъ избѣгать подобныхъ пунктовъ при настоящихъ разсужденіяхъ. Это могло бы повести только къ раздѣленіямъ и вызвать справедливые упреки намъ; намъ по праву могутъ сказать: вы рѣшаетесь идти дальше, нежели докуда можете идти; вы поступаете какъ сектанты. Для нашихъ недоброжелателей ничто такъ не желательно, какъ получить поводъ сказать намъ: вы не признаете никакого церковнаго права. Почва, на которой мы должны стоять твердо и неуклонно, есть почва положительнаго христіанства. Кто не стоитъ на этой почвѣ, кто не исповѣдуетъ христіанской вѣры въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ священномъ писаніи и изложена въ опредѣленіяхъ семи вселенскихъ соборовъ, тотъ не можетъ считаться католикомъ и не можетъ принадлежать къ намъ въ качествѣ дѣйствительнаго нашего члена. Я надѣюсь, что слова мои не будутъ перетолкованы въ томъ смыслѣ, будто я допускаю, чтобы хотя одинъ кто-нибудь, не имѣя подъ собою названной почвы, позволилъ себѣ участвовать въ нашемъ собраніи; я упомянулъ объ этомъ только потому, что со всѣхъ сторонъ,—и со стороны іезуитовъ, и со-

стороны ультрамонтановъ,—на насъ сыплются упреки, будто мы не хотимъ даже стоять на почвѣ положительнаго христіанства. Изъ вашего молчанія я позволяю вывести заключеніе, что мы съ энергію можемъ протестовать противъ подобныхъ нареканій и смѣло можемъ сказать нашимъ противникамъ: *наша точка зрѣнія была и останется каѳолическою точкою зрѣнія*». (Браво!)

По окончаніи рѣчи президента говорили архіепископъ Лоосъ, изъ Утрехта, и линкольнскій епископъ Уордсворсъ. Затѣмъ въ собраніи начались разсужденія о предложеніяхъ коммиссіи, прежде всего касающихся исполненія обязанностей духовнаго званія. Профессоръ Рейшъ, въ качествѣ референта, объяснялъ подробно въ своемъ докладѣ предложенія, выработанныя коммиссіею, которыя, какъ замѣтилъ референтъ, составляютъ родъ временнаго церковнаго права и пастырскаго руководства при настоящей крайней нуждѣ. При объясненіи 8-го параграфа, касающагося осуществленія реформъ въ сферѣ церковной дисциплины и внѣшнихъ обрядовъ, референтъ замѣтилъ: «хотя мы предоставляемъ будущему произвести болѣе важныя реформы, относящіяся къ церковной дисциплинѣ, но въ настоящій разъ нельзя не коснуться вопроса: можетъ ли принадлежать къ этого рода реформамъ также отмѣна или измѣненіе закона о безбрачіи духовенства? Мы твердо держимся того основанія, что измѣненія въ области церковной дисциплины, а слѣдовательно и по вопросу о безбрачіи, могутъ быть предприняты и произведены только чрезъ посредство законнаго авторитетнаго органа церковной власти, отвѣчающаго духу истинной церкви, но отнюдь не чрезъ отдѣльныя лица, дѣйствующія по своему личному произволу». При чтеніи 14 §, въ которомъ говорится о правѣ совершенія епископскихъ обязанностей въ старокатолическихъ общинахъ утрехтскимъ и армянскимъ епископами, референтъ упомянулъ мимоходомъ о томъ, что утрехтскій архіепископъ обѣщалъ рукоположить въ священники для старокатолическихъ общинъ въ Германіи двухъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ богословскихъ наукъ въ Боннѣ. По окончаніи чтенія референта,

изъ всѣхъ пунктовъ доклада параграфъ 8-й возбудилъ наиболѣе продолжительныя и оживленныя пренія между членами собранія. Профессоръ Бауеръ (изъ Мюнхена) выразилъ желаніе, чтобы въ предложеніяхъ, касающихся реформъ въ сферѣ дисциплины, точнѣе были указаны тѣ реформы, которыя въ настоящее время могутъ быть произведены, — причемъ ораторъ полагалъ бы на ряду съ упоминаемыми въ предложеніи коммиссіи злоупотребленіями индульгенціями, суевѣрнымъ обожаніемъ святыхъ и проч., упомянуть о злоупотребленіи духовными лицами безбрачіемъ и о злоупотребленіяхъ, допускаемыхъ при устной исповѣди, которыя также, по мнѣнію оратора, нуждаются въ устраненіи, какъ и злоупотребленія названныя въ предложеніи коммиссіи. Профессоръ Гельмесъ (изъ Celle) выразилъ мнѣніе, что и постановленія о постахъ, принятыхъ въ католической церкви, нуждаются въ пересмотрѣ. Священникъ Каминскій (изъ Каттовица) высказалъ убѣжденіе въ необходимости опредѣленныхъ руководительныхъ началъ при произведеніи хотя бы и незначительныхъ реформъ въ обрядовой и дисциплинарной области; поэтому ораторъ находилъ бы умѣстнымъ указать въ предложеніяхъ коммиссіи на правила семи вселенскихъ соборовъ, какъ на единственныя руководительныя нормы при произведеніи реформъ. Предложенія всѣхъ трехъ ораторовъ не нашли достаточной поддержки. Противъ заявленія Каминскаго говорили оберъ-регирунгсратъ Вюльфингъ и профессоръ Маасенъ (изъ Вѣны); противъ заявленія двухъ предшествующихъ ораторовъ — самъ президентъ, который настойчиво предостерегалъ собраніе противъ несвоевременнаго и безправнаго произведенія реформъ. Въ заключеніе единогласно приняты предложенія коммиссіи по означенному предмету—съ поправкою, предложенною профессоромъ Рейнкенсомъ, въ томъ смыслѣ, что, окончательное изслѣдованіе всѣми глубоко сознаваемыхъ злоупотребленій и осуществленіе соотвѣтственныхъ реформъ должно быть предоставлено законнымъ органамъ церкви.

На второмъ засѣданіи депутатовъ, происходившемъ того же 8 (20) сентября съ 4 часовъ пополудни, ректоръ с.-

петербургской духовной академіи, протоіерей Янышевъ, выразилъ предъ собраніемъ въ краткой рѣчи сочувствіе тому, что члены конгресса на предшествующемъ засѣданіи всѣ единогласно высказались за сохраненіе вѣры и управленіе древней церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ признали себя неполноправными для произведенія реформъ безъ органа законной церковной власти; къ этому о. Янышевъ прибавилъ нѣсколько словъ и о томъ значеніи, которое имѣютъ въ восточной церкви семь вселенскихъ соборовъ, о которыхъ такъ много упоминалось въ утреннемъ засѣданіи. Президентъ собранія, поблагодаривъ въ сочувственныхъ выраженіяхъ оратора за спокойное и вполнѣ умѣренное (massvol) выраженіе точки зрѣнія своей церкви, упомянулъ объ упрекѣ, сдѣланномъ ему нѣкоторыми лицами, какъ президенту собранія, въ томъ, что онъ на утреннемъ засѣданіи конгресса дозволилъ произнесеніе рѣчей, въ которыхъ содержались очень сильныя и, по убѣжденію многихъ, неосновательныя упреки католической церкви. «Но я допустилъ это, сказалъ президентъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы показать, что нѣмцы могутъ сносить открытое выраженіе различныхъ мнѣній и убѣжденій» (громкое одобреніе). Вслѣдъ за этимъ председательское мѣсто занялъ вицепрезидентъ конгресса, а профессоръ Шульте представилъ на обсужденіе собранія, въ качествѣ референта, проектъ объ учрежденіи коммиссіи изъ семи членовъ, въ томъ числѣ, по крайней мѣрѣ, трехъ богослововъ и двухъ канонистовъ, для предварительнаго изслѣдованія и обсужденія вопросовъ: о выборѣ самостоятельнаго епископа для старокатоликовъ, о времени выбора, о мѣстѣ резиденціи избраннаго епископа, о суммѣ назначеннаго ему содержанія (Dotation), объ отношеніи его къ правительствамъ и общинамъ, о порядкѣ приглашенія избирательнаго собранія, состоящаго изъ священниковъ и представителей общинъ, для произведенія выбора и проч. При этомъ референтъ замѣтилъ: «нельзя не пожелать, чтобы въ возможно скоромъ времени избраны были одинъ или даже нѣсколько епископовъ для старокатолическихъ общинъ, и старокатолики, безъ сомнѣнія, имѣютъ право при настоящей нуждѣ произвести

выборъ епископа чрезъ священниковъ и представителей общинъ; но нельзя не признать и большихъ трудностей, которыя предстоятъ при самомъ избраніи епископа, при назначеніи ему жалованья, при соглашеніи съ правительствами относительно признанія его со стороны государства» и т. п. Поэтому референтъ полагалъ бы не назначать опредѣленнаго срока для выбора, именно къ Пасхѣ 1873 года, какъ проектировано было коммиссіею, при обсужденіи этого вопроса. Послѣднее предложеніе референта подало поводъ къ довольно продолжительнымъ преніямъ. Обер-регирунгсратъ Вюлльфингъ заявилъ, что онъ съ своей стороны рѣшительно протестуетъ противъ откладыванія дѣла на неопредѣленный срокъ и предлагалъ бы постановить опредѣленный терминъ для избранія епископа,—а также произвести измѣненіе въ составѣ проектируемой для этого коммиссіи, по причинѣ преобладанія въ ней духовнаго элемента. Профессоръ Михелисъ высказался противъ назначенія опредѣленнаго срока. Слѣдуетъ во всемъ, сказалъ ораторъ, сообразоваться съ нуждами и твердо держаться этой точки зрѣнія. Настоятельной нужды приступать къ выбору епископа пока еще не видится, такъ какъ утрехтскій архіепископъ можетъ помогать намъ въ крайнихъ нуждахъ. Выборъ епископа безъ крайней необходимости не можетъ способствовать успѣху нашего дѣла, — а ошибки, допущенныя при выборѣ, могутъ не мало повредить намъ. Профессоръ Шульте, отвѣчая на возраженіе Вюлльфинга, замѣтилъ, что при предполагаемомъ составѣ членовъ проектируемой коммиссіи (Фридрихъ, Газенклеферъ, Михелисъ, Маасенъ, Рейшъ, Шульте, Вюлльфингъ), такъ же мало можно опасаться преобладанія духовнаго элемента въ ней, какъ и отлагательства дѣла въ долгій ящикъ (ad calendas graecas). При собраніи голосовъ, предложеніе Вюлльфинга о назначеніи опредѣленнаго срока для избранія епископа было отвергнуто, и въ члены коммиссіи единогласно избраны вышепоименованныя лица. Затѣмъ профессоръ Шульте предложилъ собранію уполномочить эту коммиссію составить проектъ правилъ относительно временнаго управленія общинъ. Это предложеніе было принято безъ всякихъ преній.

Особенно любопытно было третье засѣданіе депутатовъ конгресса, происходившее 9 (21) сентября, въ 9 часовъ утромъ. На этомъ засѣданіи обсуждался преимущественно проектъ коммиссіи о приготовительныхъ мѣрахъ къ соединенію различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Профессоръ Рейнкенсъ (изъ Бреславля) въ пространной рѣчи изложилъ свой взглядъ на этотъ проектъ соединенія, которое, по его мнѣнію, можетъ осуществиться только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Желаніе единенія, сказалъ профессоръ, такъ часто высказывалось въ доселешнихъ нашихъ разсужденіяхъ отъ всѣхъ сторонъ, что едва ли по этому вопросу можно ожидать какихъ-нибудь преній. Въ этомъ вопросѣ не компетентны слѣдующія четыре вещи (Dinge): невѣріе, суевѣріе, индифферентизмъ и болѣе всего политика; исторія доказываетъ, что попытки къ соединенію западной церкви съ восточною никогда не удавались главнымъ образомъ потому, что двигателями ихъ были политическіе замыслы; отдѣльныя попытки къ примиренію западныхъ исповѣданій—Боссюэта, Лейбница, Каликста и Гроціуса не привели ни къ чему главнымъ образомъ потому, что духъ тогдашней эпохи не допускалъ примѣненія ихъ теорій къ практикѣ. Ораторъ доказывалъ затѣмъ, что при попыткахъ къ единенію никакъ нельзя задаваться цѣлію достигнуть внѣшняго однообразія (Uniformität) въ церковныхъ обычаяхъ, и настаивалъ на сохраненіи національныхъ особенностей церквей. Объединеніе, по мнѣнію оратора, могло бы быть достигнуто на основаніи священнаго писанія и древнихъ вселенскихъ символовъ, объясняемыхъ согласно съ вѣрою вѣковъ, предшествовавшихъ раздѣленію церквей. Но иниціатива при попыткахъ къ соединенію церквей, продолжалъ ораторъ, не должна выходить ближайшимъ образомъ отъ оффиціальныхъ органовъ церковныхъ властей; потому что іерархія церкви, отдѣляющая себя отъ вѣрующихъ, всегда стремится къ преобладанію надъ тѣми, кто соединяется съ ея церковью; основанія для единенія нужно искать въ сердцахъ вѣрующихъ; въ умахъ и сердцахъ самихъ вѣрующихъ должны зародиться и возрости желаніе и надежда

на окончательное объединеніе. Кромѣ того, прибавилъ Рейнкенсъ, на объединеніе не должно смотрѣть какъ на присоединеніе одной церкви къ другой, но какъ на взаимное соглашеніе, основанное на христіанской вѣрѣ. Попытки къ единенію не должны выходить только отъ членовъ одного какого-нибудь исповѣданія, но должны основываться на взаимной готовности къ примиренію всѣхъ раздѣленныхъ церквей; поэтому ни западная церковь не можетъ требовать простаго обращенія къ себѣ восточной церкви, — ни наоборотъ восточная отъ западной. (Es dürfte weder von Osten, noch von Westen ein anfacher Uebertritt verlangt werden). Каждая церковь должна признать, что она можетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ подлежать преобразованіямъ, и рано или поздно это признаніе отразится благотворными послѣдствіями для общаго христіанскаго единенія. Что же касается до настоящаго, заключилъ ораторъ, то достаточно, чтобы, согласно предложеніямъ коммиссіи, приступлено было немедленно къ сношенію съ представителями церквей, въ средѣ которыхъ проявилось желаніе къ взаимному сближенію. По окончаніи рѣчи Рейнкенса, аббатъ Мишо заявилъ желаніе, чтобы въ предложеніяхъ касательно подготовительныхъ мѣръ къ возсоединенію христіанскихъ исповѣданій было ясно и опредѣлительно указано на то, что единеніе церквей возможно лишь на основаніи семи первыхъ, единственно истинныхъ, вселенскихъ соборовъ, и предложилъ конгрессу внести соотвѣтствующее своему заявленію прибавленіе къ предложеніямъ коммиссіи. Мотивируя свое желаніе, ораторъ сталъ на ту точку зрѣнія, которую выразилъ въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ «Кельнской Газетѣ», и въ длинной рѣчи, сказанной на нѣмецкомъ языкѣ, развивалъ подробно мысль о необходимости возстановленія порядка, существовавшаго до раздѣленія церквей. Въ заключеніе своей рѣчи ораторъ представилъ на обсужденіе конгресса вопросъ, могутъ ли старокатолики во Франціи, не имѣющіе своихъ церквей, присутствовать при богослуженіи въ греко-православныхъ церквахъ и принимать тамъ святыя таинства. Президентъ конгресса, профессоръ Шульте, отвѣтилъ, что

конгрессъ не въ состояніи дать подобнаго дозволенія. Ничто, впрочемъ, сказалъ президентъ, не препятствуетъ старокатолическимъ священникамъ совершать свое богослуженіе въ православныхъ церквахъ и мірянамъ, въ крайней необходимости, предусмотрѣнной каноническимъ правомъ, принимать святое причащеніе изъ рукъ священниковъ восточной церкви; допущенный же въ принципѣ фактъ общенія въ таинствахъ предполагалъ бы полное объединеніе между нами и восточною церковію, котораго еще не существуетъ. Предложеніе по вопросу о единеніи церквей единогласно принято членами конгресса въ формѣ, выраженной коммиссіею, безъ всякихъ прибавленій, и затѣмъ конгрессъ приступилъ къ избранію членовъ коммиссіи, долженствующей войдти въ сношенія съ представителями другихъ церквей по вопросу о возсоединеніи христіанскихъ исповѣданій. Въ члены коммиссіи единогласно избраны: рейхсратъ Деллингеръ, профессоръ Фридрихъ (изъ Мюнхена), профессоры: Лянгенъ и Рейшъ (изъ Бонна), Рейнкенсъ (изъ Бреславля), Люттербекъ (изъ Гиссена), Михелисъ (изъ Браунсберга), Шульте (изъ Праги), совѣтникъ аппелляціоннаго суда Ротельсъ (изъ Кельна) и аббатъ Мишо. По очередному порядку слѣдовало потомъ обсужденіе предложенія относительно «правъ старокатоликовъ». Совѣтникъ аппелляціоннаго суда Ротельсъ, развивая руководящую мысль предложенія, указалъ на основанія, по которымъ старокатолики могутъ ходатайствовать предъ правительствами о признаніи церкви старокатоликовъ за настоящую католическую церковь и просить, чтобы правительства предоставили старокатолическимъ священникамъ право получать часть дотацій, назначаемыхъ нынѣшнимъ католическимъ священникамъ; чтобы совершаемыя ими по должности акты, какъ-то: крещеніе, бракъ и проч., были признаваемы имѣющими законную силу; чтобы за старокатолическими общинами были признаны права юридическихъ личностей и чтобы имъ дозволено было отправлять богослуженіе въ существующихъ нынѣ церквахъ, безъ обязательнаго участія въ церковныхъ поборахъ, идущихъ въ пользу новокатолическихъ приходовъ. Совѣтникъ аппел-

ляціоннаго суда д-ръ Петри и профессоръ Фридрихъ предложили резолюцію, для облегченія возможности старокатолическихъ *церковныхъ* браковъ, ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи обязательнаго (obligatorische) гражданскаго брака и о предоставленія права веденія метрикъ гражданскимъ властямъ. Профессоръ Маасенъ (изъ Пешта) предложилъ отвергнуть основанное на постановленіи тридентинскаго собора положеніе, по которому согласія двухъ обрученныхъ въ присутствіи приходскаго священника достаточно для церковной законности брака, который потомъ можетъ быть благословленъ въ церкви и не приходскимъ священникомъ. Rechtsanwalt Шмидтъ мотивировалъ предложеніе рекомендовать старокатоликамъ домогаться судебнымъ порядкомъ (in Wege des Prozesses) полученія права пользованія церковными имуществами и доходами. Всѣ означенныя предложенія были приняты безъ преній, и потомъ единогласно одобрены и утверждены остальныя положенія, выработанныя коммиссіею.

Въ 4 часа пополудни 9 (21) сентября происходило *первое открытое собраніе* конгресса, на которомъ присутствовало болѣе 3,000 человѣкъ. Профессоръ Шульте открылъ собраніе привѣтственною рѣчью, въ которой старался уяснить характеръ и цѣль старокатолическаго движенія, указывая главнымъ образомъ на его примирительныя стремленія. Епископъ изъ Эли Броунъ,—въ качествѣ президента англійскаго континентальнаго общества, — сообщилъ въ своей рѣчи, что и это общество содѣйствуетъ всѣми мѣрами дѣлу примиренія церквей. Профессоръ Губеръ (изъ Мюнхена) назвалъ въ своей рѣчи настоящее собраніе единственнымъ зрѣлищемъ, какого давно и очень давно уже не представляла церковная жизнь,—единственнымъ въ томъ отношеніи, что къ нему съѣхались представители разныхъ церквей, чтобы обмѣняться словами мира и взаимно поучиться другъ у друга терпимости. «Здѣсь, въ Кельнѣ, сказалъ ораторъ, приготовляется эра религіознаго мира, и мы надѣемся, что зародышъ здѣсь брошенный не умретъ, но принесетъ прекраснѣйшіе плоды въ будущемъ. Въ области общественнаго

мнѣнія нашъ врагъ повсюду потерпѣлъ пораженіе; во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного мыслящаго человѣка, который искренно и съ убѣжденіемъ подчинялся бы ватиканскимъ опредѣленіямъ; мрачное подозрѣніе и недовѣрчивость къ Риму закрадываются повсюду въ души народа; въ умахъ и сердцахъ нѣмецкаго народа подготовляется нѣчто такое, что приводитъ въ ужасъ нашихъ іерарховъ и грозитъ явною опасностью ниспроверженія зданія, воздвигнутаго ватиканскими опредѣленіями. При такомъ положеніи дѣла религіозный вопросъ становится на самомъ первомъ планѣ, въ ряду вопросовъ, занимающихъ общественное мнѣніе,—имъ занимаются лучшіе и серьезнѣйшіе умы. Что оставалось въ забвеніи и пренебреженіи, благодаря религіозному индифферентизму прежнихъ эпохъ, къ тому мы больше и больше приходимъ вслѣдствіе событій настоящаго времени, именно —къ убѣжденію, что какъ суевѣріе, такъ и нигилизмъ (nihilismus), въ одинаковой степени вредны для народа и парализуютъ нравственную жизнь народа въ самомъ глубочайшемъ ея основаніи. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ нѣмецкій народъ почувствовалъ важность изученія богословія въ такой мѣрѣ, какъ, можетъ быть, никогда не чувствовалъ со времени реформаціи. Великая книга церковной исторіи теперь предъ нимъ открыта, и каждый, кто хочетъ читать ее, можетъ удовлетворить своему желанію. Изъ исторіи мы узнали причины тѣхъ злополучныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ мы теперь страдаемъ; мы узнали изъ ней причины тѣхъ несчастныхъ раздѣленій, которыя разрываютъ сердце христіанства. Зная, какую громадную роль при этомъ играли человѣческія страсти и часто необдуманныя заблужденія, мы положительно склоняемся къ примиренію. Этотъ новый глубоко нравственный и глубоко серьезный духъ миролюбія все больше и больше возростаетъ въ обществѣ, и мы смѣло можемъ положиться на этотъ духъ, что онъ довершитъ прекрасное дѣло, трудиться надъ которымъ обязываетъ насъ нравственный долгъ; смѣло можемъ сказать, что и въ настоящее время сочувствіе большинства на нашей сторонѣ; по крайней мѣрѣ, я могу ска-

зать это. о Баваріи. Еслибы баварское министерство поменьше говорило и побольше дѣлало въ нашу пользу (одобреніе), если бы наше министерство дало намъ одну изъ церквей, которую оно можетъ дать; я съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать, что сегодня же къ намъ открыто присоединилась бы половина Мюнхена. Но если и не такъ сложились обстоятельства, если еще цѣлыя тысячи народа удерживаются отъ явнаго, открытаго присоединенія къ намъ; то во всякомъ случаѣ, — я могу сказать это какъ истину, — баварцы и мюнхенцы не принадлежатъ больше нашимъ противникамъ. Повсюду въ нашей странѣ разцвѣтаютъ новыя общины. Друзья наши съ успѣхомъ подвизаются въ Швейцаріи. Мы имѣемъ общины на самыхъ крайнихъ границахъ нѣмецкой имперіи, и вся Австрія проникнута старокатолическимъ духомъ. Но намъ еще многое предстоитъ впереди для достиженія полнаго успѣха. Пока католическому клиру будетъ внушаться іезуитская догматика и мораль, пока католическіе епископы будутъ оставаться въ безусловномъ послушаніи римскому епископу, какъ іезуиты своему генералу, пока они будутъ исполнять всѣ приказанія, идущія изъ-за альпійскихъ горъ, не обращая вниманія на нужды нашего народа; до тѣхъ поръ іезуитство не изгладится окончательно съ нѣмецкой почвы. Многіе упрекаютъ насъ въ половинчатости (Halbheit), и этотъ упрекъ высказывается именно со стороны либеральнѣйшей части нашего общества. Но что такое половинчатость? Насколько я могу понять, этимъ словомъ выражается то, когда кто нибудь находится на половинѣ пути, продолжаетъ идти съ намѣченной точки зрѣнія, но еще не достигъ конечной цѣли. Но не есть ли это существенный признакъ всякаго движенія и всякаго развитія? Всякій смертный всегда находится въ извѣстномъ отношеніи на половинѣ пути. Въ главномъ дѣлѣ мы не останавливаемся на половинѣ; мы хотимъ полной истины, всецѣло хотимъ и всецѣло стремимся къ ней (Браво!). Но мы должны уяснить себѣ, что́ есть истина, что́ составляетъ вѣчное и неизмѣнное содержаніе христіанства. Уясненіе этого можетъ быть достигну-

то въ теченіе только *долгаго* времени; потому что оно требуетъ серьезнаго и основательнаго убѣжденія. Если такимъ образомъ насъ упрекаютъ въ половинчатости, то это равносильно тому, что насъ упрекаютъ въ серьезности и основательности изслѣдованія, и мы не видимъ основанія стыдиться этого упрека, потому что не приписываемъ себѣ непогрѣшимости. На ученіе о непогрѣшимости мы смотримъ, какъ на послѣдній отпрыскъ тысячелѣтняго ложнаго развитія въ церкви,—какъ на высшую ступень развитія той внѣшней іерархіи, которая не заботилась о сохраненіи ввѣреннаго ей вѣчнаго блага, какъ вѣрный стражъ и приставникъ, не обращалась къ вѣчно живому источнику совѣсти, но, какъ *вымершее*, отжившее учрежденіе, только тяготѣла своимъ гнетомъ надъ умами, сердцами и совѣстями людей. Эта ложная іерархія нашла свое *полное* выраженіе, достигла послѣдней вершины своего развитія, высказалась вся, какъ есть, въ ученіи о непогрѣшимости. Протестуя противъ этого ученія, мы нападаемъ на послѣдній валъ, и если одолѣемъ его, то должно рухнуть все зданіе ложной іерархіи, извратившей самыя существенныя основы истинной христіанской церкви. Если съ евангеліемъ въ рукахъ посмотрѣть на нынѣшнее состояніе римской церкви, то трудно вѣрить, чтобы принадлежащіе къ этой церкви находились въ лонѣ Христовой церкви. Не такова та церковь, которая основывается на словахъ, о которыхъ Господь сказалъ: *они суть духъ и жизнь*. Время, въ которое мы живемъ, полно глубоко-серьезныхъ задачъ,—теперь происходитъ движеніе во всѣхъ областяхъ общественной жизни; въ такое время всякій, кто имѣетъ хотя малѣйшее чутье къ пониманію современныхъ потребностей, не можетъ оставаться холоднымъ зрителемъ, и въ то время, когда идетъ борьба за самыя драгоцѣнныя блага человѣческой жизни, замыкаться въ себя самого. Если каждый на своемъ мѣстѣ будетъ серьезно и честно дѣйствовать въ пользу того, чтó ему кажется истиною, тогда и въ общемъ ходѣ развитія человѣчества будетъ пролагаться путь къ большему и большему торжеству истины. Такимъ образомъ

каждый долженъ бороться за то, что ему кажется истиною, и прежде всего онъ долженъ бороться со всею энергiею всей нравственной воли противъ того, что носитъ на себѣ очевидные признаки неистины; и тогда съ совершенно спокойною совѣстiю онъ можетъ предоставить окончательный исходъ борьбы высшему руководителю судьбами исторiи». (Громное и продолжительное одобренiе.)

Слѣдующiй ораторъ д-ръ Газенклеферъ (изъ Дюссельдорфа) указалъ въ своей рѣчи на то, что старокатолическое движенiе не имѣетъ цѣлiю образовать новую секту и не стремится къ нарушенiю единства церкви. Профессоръ Кноодтъ, изъ Бонна, доказывалъ незаконный способъ веденiя дѣлъ на ватиканскомъ соборѣ, и между прочимъ сообщилъ въ своей рѣчи, что вѣнскiй кардиналъ Раушеръ еще въ декабрѣ 1870 года объявилъ, что неоднократное предложенiе его и многихъ другихъ епископовъ объ основательномъ обсужденiи предмета соборныхъ совѣщанiй было рѣшительно отклонено Римомъ. Профессоръ Михелисъ (изъ Браунсберга) нападалъ въ своей рѣчи главнымъ образомъ на вредное влiянiе схоластической системы Ѳомы Аквината. Теперь, сказалъ ораторъ, время положить конецъ господству въ богословской наукѣ схоластики Ѳомы Аквината. Ѳома Аквинатъ отнюдь не былъ самостоятельнымъ богословомъ: онъ только привелъ въ систему ученiе Алберта Великаго,-потомъ въ своемъ сочиненiи, извѣстномъ подъ названiемъ «Summa Theologiae», представилъ сокращенное руководство для своихъ учениковъ и послѣдователей. Это то именно руководство (Compendium) въ слѣдующiе вѣка сдѣлалось господствующимъ въ католическомъ богословiи, и извлеченiя изъ него начали выдаваться за сокровища всей богословской учености. Научное господство Ѳомы, заключилъ ораторъ, должно быть отстранено вмѣстѣ съ устраненiемъ курiалистской системы. Послѣ Михелиса говорили другiе ораторы и между прочими Фаанъ Флооденъ (изъ Утрехта).

10 (22) сентября, въ день окончанiя конгресса, утромъ въ церкви Панталеона совершено было богослуженiе, при

которомъ присутствовали утрехтскій епископъ, многіе другіе депутаты конгресса и тысячи вѣрующихъ. Въ полдень происходило *четвертое и послѣднее засѣданіе депутатовъ*. На этомъ засѣданіи говорилъ профессоръ Блунчли, въ качествѣ члена нѣмецкой евангелической церкви. Шульте благодарилъ оратора и указалъ на необходимость единодушнаго отверженія всякой невѣротерпимости, какъ противной христіанской любви. Потомъ предсѣдатель сообщилъ собранію письмо армянскаго архіепископа, выразившаго въ своемъ посланіи полное сочувствіе къ стремленіямъ конгресса и сожалѣніе о томъ, что не могъ самъ лично присутствовать на конгрессѣ. Въ заключеніе собраніемъ утверждены всѣ предложенія коммиссіи касательно организаціи католическаго движенія; а въ параграфъ первый предложенія, съ единодушнаго согласія членовъ конгресса, внесено дополненіе, что центральный комитетъ будетъ имѣть свою резиденцію попеременно, то въ Мюнхенѣ, то въ Кельнѣ, а общее собраніе слѣдующаго конгресса—въ Мюнхенѣ.

Вечеромъ того же дня происходило *послѣднее открытое засѣданіе конгресса*, при многочисленномъ стеченіи публики, доходившей до 4,000 человѣкъ. Изъ рѣчей, сказанныхъ на этомъ засѣданіи, обратили на себя особенное вниманіе: рѣчь Винклера, говорившаго отъ имени швейцарскаго центральнаго комитета; рѣчь профессора Фридриха о церковныхъ реформахъ; рѣчь профессора Маасена объ отношеніи государства къ догмату о непогрѣшимости и рѣчь профессора Рейнкенса о надеждахъ старокатоликовъ и препятствіяхъ къ осуществленію нѣкоторыхъ изъ этихъ надеждъ. Въ заключеніе говорилъ профессоръ Шульте о тѣхъ мрачныхъ сторонахъ жизни католика-міряннна, которыя окружаютъ ее отъ колыбели до гроба, благодаря ватиканской церкви; его рѣчь, касающаяся близко каждаго слушателя и не лишенная юмора, неоднократно прерывалась, какъ и рѣчи другихъ ораторовъ, громкими одобреніями публики. Засѣданіе окончилось около $8^1/_2$ часовъ предложеніемъ hoch въ честь Шульте, принятымъ съ всеобщимъ восторгомъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.А. Чистович

История перевода Библии на русский язык

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 11. С. 377-419.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИСТОРІЯ ПЕРЕВОДА БИБЛІИ
НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

V. ПРИЛОЖЕНІЯ.

1-е. Краткое историческое обозрѣніе цѣли, хода и послѣдствій учрежденія библейскихъ обществъ въ Россіи.

Введеніе. Въ Англіи, гдѣ протестантство породило тысячу чудовищныхъ сектъ ([1]), учреждено въ 1804 году первое библейское общество подъ именемъ Великобританскаго и Иностраннаго; и съ сего времени агенты его начали образовывать таковыя общества по всему свѣту. Главное лицо во всѣхъ сихъ предпріятіяхъ представляли методисты и масоны; самыя собранія общества въ Лондонѣ происходили въ ложѣ

([1]) См. книгу: L'Anglettere et les Anglais, т. 1. стр. 328 и 329, Anabaptistes, antimoniens, ariens, arminiens, athanasiens, baptistes. baxteriens, brownistes, calvinistes, destructionistes, dunkers, episcopaliens, hernoutes, huguenots hutchinsoniens, independents, iumpers ou sauteurs, lutheriens, materialistes, methodistes, milleneriens, moraves, maggletoniens, necessariens, non inreurs ou insermentaires, nouvaux americains, papistes, paedobaptistes ou laveurs de pieds, presbyteriens, protestants, quakers on trambleurs, sabbatariens, subbeliens, sandemoriens, seciders ou reclus, shakers ou danseurs, sociniens, sublapsariens ou tombeurs sur le dos, supralapsariens ou tombeurs sur le ventre, swedenbo rgiens, trinitaires, unitaires, universalistes et c. et c.

сихъ послѣднихъ (1). Распространяя повсюду библію и поставляя за правило всѣмъ и каждому читать ее безъ истолкованій, примѣчаній и разсужденій (2), оно достигало постоянной цѣли своей вселить въ людей равнодушіе ко всякой вообще религіи.

Вскорѣ возникли библейскія общества въ разныхъ частяхъ Европы, Азіи и Америки (3). Имѣя непосредственную связь, частыя между собою сношенія, и руководствуясь однимъ и тѣмъ же духомъ, они представляли какое-то всемірное сословіе, вовсе не зависящее отъ различія націй, вѣроисповѣданій ихъ, правленія, обычаевъ и нравовъ, какое-то странное и неслыханное явленіе въ политическомъ отношеніи.

Въ томъ же году, когда учреждено библейское общество въ Англіи, многіе помѣщики Россіи пожелали поселить у себя колонистовъ, и по сему случаю испрошены имъ разныя выгоды, подробно означенныя въ высочайшемъ указѣ 12 апрѣля 1804 года. Вслѣдъ за симъ еще бо́льшія преимущества исходатайствованы шотландскимъ колонистамъ въ кавказской губерніи. Указомъ 1806 года декабря 29-го имъ предоставлено право не только принимать въ свое вѣроисповѣданіе кабардинцевъ, черкесъ, татаръ и язычниковъ, но даже и покупать отъ горскихъ народовъ невольниковъ. Такое же позволеніе испрошено 1808 г. мая 23 сарептскому обществу и другимъ подобнымъ относительно покупки и вымѣна киргизскихъ дѣтей по близости оренбургской и по всей сибирской линіи.

---

(1) Feuille publié chez Tiffling et Hughes imprimeurs, Mai 1817.

(2) Книга о библейскихъ обществахъ и объ учрежденіи таковаго въ С.-Петербургѣ, стр. 7.

(3) Тамъ же, стр. 10.

Сіи благотворныя мѣры правительства къ населенію многихъ безлюдныхъ провинцій, конечно, не упустили имѣть въ виду главные распорядители Английскаго и Иностраннаго библейскаго общества въ предположеніяхъ своихъ на Россію. Они, при умножающихся иновѣрныхъ населеніяхъ, надѣялись открыть надежные источники распространенія мнѣній своихъ, ослабить въ народѣ преданность къ православію и установить болѣе постоянныя сношенія съ агентами своими. Сіе послѣднее обстоятельство доказывается событіями. Послѣ письма лорда Теймута къ преосвященному Платону, въ которомъ не только выхвалялъ цѣль и превозносилъ успѣхи Великобританскаго и Иностраннаго библейскаго общества, но даже на счетъ его предлагаемо было напечатать новое изданіе русской библіи, послѣ сего письма, которое не удостоено было отвѣтомъ, общество сіе сдѣлало первый приступъ къ учрежденіямъ своимъ въ Россіи заведеніемъ сношенія съ сарептскимъ братскимъ обществомъ (¹). Потомъ таковое же сношеніе установлено съ шотландскими миссіонерами на Кавказѣ; и на корреспондентовъ возложены были разныя предварительныя распоряженія (²). Съ другой стороны, чтобы произвесть нѣкоторое смѣшеніе въ понятіяхъ о вѣрѣ, переводились на русскій языкъ разныя масонскія книги о духовныхъ предметахъ. Такова, напримѣръ, книга—«Наставленіе ищущимъ премудрости»,—изданная въ 1806 г., въ которой между прочими хуленія-

(¹) Histoire de la Société biblique T. I, pag. 193—195. Отчетъ Росс. Библ. Общ. за 1813 г., стр. 41.
(²) Histoire de la Société biblique, T. I, p. 217.

ми Іисусъ Христосъ называется: «нашъ братъ мастеръ, нашъ Уримъ и Туммимъ» ([1]).

Шотландскій миссіонеръ Пинкертонъ, находившійся съ 1805 г. въ Карассѣ (на Кавказѣ) для проповѣди слова Божія, переселился въ 1809 г. въ Москву. Зимою 1811 г. онъ успѣлъ склонить нѣкоторыхъ особъ изъ знатнѣйшаго дворянства къ принятію дѣятельнаго участія въ учрежденіи Библейскаго Общества въ Москвѣ; весною 1812 г. уже предпріятію сего рода составленъ былъ планъ на русскомъ языкѣ ([2]). Намѣренія Пинкертона относительно къ Москвѣ оказались на сей разъ неудобоисполнительными за нашествіемъ непріятелей; а потому онъ обратилъ всѣ виды свои на Петербургъ и присоединился въ семъ дѣлѣ къ Патерсону ([3]). Сей послѣдній учредилъ весною 1812 г. Библейское Общество въ Або и уже былъ въ Петербургѣ подъ предлогомъ заказа литеръ для финской библіи. Онъ имѣлъ свиданіе съ главноуправляющимъ тогда дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи и извѣдалъ расположеніе его къ покровительству намѣреній Англинскаго Библейскаго Общества въ отношеніи къ протестантамъ россійской имперіи ([4]). Послѣ столь благопріятнаго начинанія Патерсонъ отправился къ Пинкертону въ Москву, гдѣ даже во время приближенія непріятеля не оставлялъ совѣщаться о мѣрахъ, какія употребить должно для дальнѣйшаго успѣха библейскаго дѣла въ Россіи, и оба отправились въ Петербургъ не ранѣе какъ со вшествіемъ французовъ въ Москву.

([1]) Histoire de la Société biblique. T. I. p. 363 и 365.
([2]) Тамъ же, т. II, стр. 101—102.
([3]) Тамъ же, стр. 101—102.
([4]) Тамъ же, стр. 101 и 102.

Такимъ образомъ мало по малу открывался входъ библейскимъ обществамъ въ самую Россію. Но изъ всѣхъ сихъ предварительныхъ мѣръ можно ли было подумать, что библейскія общества такъ далеко распространятся въ нашемъ отечествѣ, что они произведутъ столько зловредныхъ послѣдствій въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ? Конечно нѣтъ; и, судя только по началу дѣйствій Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества, даже нельзя было чаять, чтобы когда либо могли существовать въ Россіи другія сего рода общества какъ только для иновѣрцевъ.

Учрежденіе Библейскаго Общества въ С.-Петербургѣ 1812 г.—Наконецъ Великобританское и Иностранное библейское общество прислало къ намъ проповѣдника библейскаго дѣла въ пасторѣ Патерсонѣ, и въ какое время? (¹)—когда внѣшніе враги, какъ новыя азіатскія орды, находясь въ сердцѣ отечества нашего, владычествовали огнемъ и мечемъ, посѣкали россіянъ безъ различія возраста, пола и сана, поѣдали домы наши и попирали святость алтарей Господнихъ. Надобно было воспользоваться сею страшною годиною, когда всеобщее вниманіе, отъ монарха до послѣдняго подданнаго, обращено было къ спасенію Россіи, чтобы успѣть въ такомъ предпріятіи; и ревнители библейскаго дѣла не ошиблись въ своемъ разсчетѣ. По предложенію Патерсона, сдѣланъ былъ докладъ главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, и существованіе Санктпетербургскаго

(¹) Извѣст. о библ. обществахъ 1824 г. генварь стр. 7.

Библейскаго Общества утверждено ([1]). При семъ случаѣ постановлено однако весьма важное въ пользу церкви правило, чтобы общество сіе имѣло единственнымъ предметомъ изданіе книгъ ветхаго и новаго завѣта для иновѣрцевъ на языкахъ иностранныхъ; изданіе же книгъ священнаго писанія на славянскомъ языкѣ, какъ принадлежащее въ особенности и исключительно вѣдомству Синода, оставлено неприкосновеннымъ ([2]).

Вскорѣ составилось въ Россіи нѣсколько комитетовъ, и въ томъ числѣ въ Москвѣ, которые дѣйствовали какъ отдѣленія С.-Петербургскаго библейскаго общества. Въ числѣ членовъ сихъ комитетовъ уже усматриваемъ архіереевъ и съ ними извѣстнѣйшее духовенство наше, вопреки постановленіямъ церковнымъ ([3]). Въ правилахъ св. апостолъ сказано: «епископъ, пресвитеръ, или діаконъ, аще помолится токмо съ еретики, да отлучится» ([4]). Въ тоже время вмѣсто продажи славянской библіи при Св. Синодѣ, всѣ наличные экземпляры оной откуплены вдругъ Библейскимъ Обществомъ, и поручены для продажи Патерсону и Шмиту въ домѣ сарептскаго общества ([5]).

([1]) О Библ. Обществахъ и учрежденіи таковаго въ С.-П-бургѣ. Президентомъ сего общества при самомъ учрежденіи онаго былъ назначенъ главноуправляющій духов. дѣлами иностр. исповѣданій, оберъ-прокуроръ Св. Синода.

([2]) Докладъ главноуправляющаго духов. дѣлами иностран. исповѣданій. высочайше утвержденный 6 декабря 1812 г.

([3]) Архіереи были приглашены къ принятію на себя званія членовъ Библейскаго Общества президентомъ сего общества оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Смот. Отчетъ Библейс. Общества за 1813 г, стр. 101. Письмо преосвящ. Августина, викарія московскаго, къ президенту Библейс. Общества отъ 26 іюля 1813 г.

([4]) Кормчая кн. стр. 8 на оборотѣ.

([5]) Отчетъ Библ. Общ. за 1813 г. стр. 15.

Сколь ни новымъ показалось внезапное появленіе въ отечествѣ нашемъ библейскихъ обществъ, обстоятельства самаго дѣла достаточно показываютъ, что сіи общества были не совсѣмъ новыя, по крайней мѣрѣ, въ намѣреніи людей возстававшихъ въ разное время противъ церкви. Изъ примѣровъ, которые бы можно было привести въ подкрѣпленіе сей истины, довольно здѣсь показать только одинъ. Извѣстный распорядитель масонскихъ ложъ въ Россіи Новиковъ, человѣкъ, отъ котораго не были сокрыты самыя нечестивыя таинства всѣхъ христо-ненавистныхъ братствъ, предлагалъ печатать на свой счетъ библію, и въ случаѣ позволенія правительства, готовъ былъ продавать экземпляры оной по одному только рублю ([1]). Спрашивается: какое другое могъ онъ имѣть намѣреніе, принимаясь съ такою ревностію за дѣло, совершенно для него чуждое, какъ не потрясеніе православія въ самомъ основаніи?

Но обратимся къ видимой цѣли библейскихъ обществъ. Разсѣеваемыя повсюду въ великомъ множествѣ библіи и отдѣльныя книги св. писанія, безъ толкователей и проповѣдниковъ, какое могутъ произвести дѣйствіе? При семъ необузданномъ и, можно сказать, всеобщемъ наводненіи книгами св. писанія, гдѣ найдутъ мѣсто правила апостольскія, творенія св. отцевъ, дѣянія св. соборовъ, преданія, установленія и обычаи церковные, однимъ словомъ—все, что доселѣ служило оплотомъ православію? Все сіе будетъ смыто, попрано и ниспровержено. Вся-

([1]) Обстоятельство сіе, какъ заслуживающее всякое вѣроятіе, разсказывалъ преосв. Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

кій сдѣлается самъ себѣ толкователемъ библіи, и, образовавъ вѣру свою по собственнымъ понятіямъ и страстямъ, отторгнется отъ союза съ церковію. Сначала породятся расколы и ереси, а когда они до чрезвычайности размножатся, то мѣсто ихъ заступитъ совершенное равнодушіе ко всему тому, что̀ 18-ть вѣковъ признавалось священнымъ.

Но что простираться вдаль? Библейскія общества не замѣняютъ ли уже нѣкоторымъ образомъ видимую церковь? Что̀ значитъ проповѣдь слова Божія въ ихъ собраніяхъ, молитвенныя воззванія, торжественное пѣніе пѣсней церковныхъ (1), всенародное объявленіе, что они сходятся во имя Св. Духа, какъ не святотатственныя покушенія на права, дарованныя церкви ея божественнымъ Основателемъ? Трудно ли уразумѣть, что смѣшеніе въ собраніяхъ ихъ всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ есть только образецъ той всеобщей религіи, которую они затѣваютъ? И сего ли ожидаетъ наша православная церковь, когда при всякомъ своемъ служеніи возсылаетъ молитвы о соединеніи святыхъ Божіихъ церквей? Ужели кто либо помыслитъ, что она можетъ разумѣть подъ симъ что либо другое, какъ не единомысліе и единодушіе церквей въ православіи?

1814.—Наконецъ намѣренія Англинскаго и Иностраннаго библейскаго общества относительно къ Россіи совершились вполнѣ. С.-Петербургское Библейское общество наименовано Россійскимъ библейскимъ обществомъ (2), и съ сего времени начало смѣло пу-

(1) Ни одного библейскаго собранія не бываетъ безъ пѣнія извѣстной церковной пѣсни: «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра».....

(2) Сентября 4.

скать отрасли свои по всей Россіи. Въ семъ же году появилась на русскомъ языкѣ ужаснѣйшая по своему содержанію книга: «Таинство Креста»,въ которой синоды и вселенскіе соборы духовенства названы «звѣремъ, порожденіемъ великаго Вавилона, напаяющимъ всѣхъ людей отъ чаши любодѣяній своихъ и мерзостей», и что чрезъ нихъ-то змій или духъ антихристовъ и распространяетъ владычество свое съ неограниченною властію и заставляетъ всѣхъ поклоняться себѣ (1).Сочиненіе сіе принадлежитъ къ тѣмъ поновленнымъ въ наши времена книгамъ, которыя старался распространять Новиковъ и его сообщники. Въ доказательство сего предлагается оригинальное сочиненіе: Mystere de la croix, напечатанное 1786 г. въ Москвѣ, въ типографіи П. В. Лопухина, безъ означенія на ней позволенія цензуры (2). Извѣстно, что въ сей же типографіи, безъ разсмотрѣнія цензуры, издаваемы были Новиковымъ многія другія книги въ духѣ совершенно противоположномъ ученію нашей церкви, — книги, по случаю коихъ императрица Екатерина нашлась въ необходимости дать 1787 г. строгій указъ Св. Синоду,—книги, которыя тогда же запрещены и отобраны правительствомъ и сочинители коихъ подвержены были отвѣтственности, а самъ Новиковъ за изданіе ихъ заключенъ въ крѣпость (3). Необходимость вести рядомъ оба сіи обстоятельства, т. е. распространеніе библіи и обращеніе въ народѣ такъ называемыхъ въ превратномъ смыслѣ духовнонрав-

(1) Стр. 202 и 203.

(2) Книга сія тогда же дошла къ преосв. Серафиму отъ самого издателя.

(3) Полезно было бы разсмотрѣть дѣла того времени, производившіяся о Новиковѣ и его сообщникахъ.

ственныхъ книгъ, еще яснѣе выказалась въ нынѣшнихъ дѣйствіяхъ главныхъ распорядителей библейскихъ обществъ. Одна и та же цѣль, одни и тѣже способы. Правительство хотя и прекратило тогда злонамѣренныя дѣйствія Новикова, но разсѣянное имъ лжеученіе хранилось между его агентами, и даже распространялось.

1815.—Напечатана на русскомъ языкѣ «Побѣдная повѣсть вѣры христіанской или толкованіе апокалипсиса», книга, исполненная хульными о нашей церкви выраженіями и возмутительными воззваніями. Сочинитель говоритъ, что «свѣтильникъ греческой церкви сдвинутъ съ мѣста за крайнее ея поврежденіе, что всѣ христіане изъ меннонитовъ, сепаратистовъ, піетистовъ, методистовъ, квакеровъ» и проч. соберутся въ одинъ союзъ, въ одно общество, въ церковь филадельфійскую, т. е. братолюбскую (1).

Обѣ сіи книги были употреблены, какъ орудіе къ установленію какой-то всеобщей религіи, и съ нею всеобщаго гражданства, согласно съ предначертаніемъ Библейскаго Общества. Сіе послѣднее намѣреніе, какъ отдаленную цѣль, имѣли въ виду какъ всѣ вообще масоны, такъ и общество карбонаріевъ.

1816.— Англійскіе и другіе иностранные миссіонеры и корреспонденты безпрепятственно разъѣзжали по Россіи, и, учреждая въ разныхъ мѣстахъ новыя библейскія отдѣленія и сотоварищества, передавали имъ духъ свой и настоящую цѣль библейскихъ обществъ. Кто можетъ поручиться, что они не служили

(1) Гл. II, стр. 34. Глав. III, стр. 45. Книга сія издана членомъ Библ. Общ. Лабзинымъ.

вмѣстѣ и къ приведенію въ исполненіе видовъ чужеземныхъ правительствъ, посредствомъ тайныхъ съ ними сношеній, къ которымъ существованіе библейскихъ обществъ подаетъ столь благовидный способъ? Имѣя рекомендательныя письма отъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи лицъ, и нерѣдко отъ духовныхъ, они свободны были отъ всякаго подозрѣнія (1). Въ доказательство того, сколь превратно начинали разумѣть нѣкоторыя мѣста св. писанія, отдѣляясь въ семъ дѣлѣ отъ церкви, которой одной дано спасительное разумѣніе слова Божія, довольно здѣсь будетъ одного примѣра. Президентъ Россійскаго библейскаго общества, въ рѣчи своей 15 іюня 1816 г., не поколебался назвать сіе общество апокалипсическимъ ангеломъ, имѣющимъ евангеліе вѣчно благовѣстити живущимъ на земли и всякому племени, и языку, и колѣну и людямъ (2).

1817.— Учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и соединено съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Одно лицо вмѣстѣ съ сими важными частями пріобрѣло и главное управленіе почтами. Всѣ сіи званія, соединенныя въ президентѣ Россійскаго библейскаго общества, доставили оному обширнѣйшій кругъ дѣйствія, большіе къ распространенію способы и надежнѣйшее покровительство. Въ сіе же время появился вновь запрещенный (1816) прежде Сіонскій Вѣстникъ, имѣвшій косвенное направленіе къ уничтоженію святости постановленій и преданій нашей церкви. Авторъ между прочими нелѣпостями

(1) Смотри отчетъ за 1815 г. стр. 249: письмо Пинкертона къ секретарю Библ. Общ. Попову. Воронежъ, 6 мая 1816 г.

(2) Отчетъ за 1815 г. стр. 7.

упоминаетъ, что въ колоніяхъ саратовской губерніи Духъ Божій явился на 86-ти дѣтяхъ, молившихся въ полѣ; что однажды отецъ засталъ свою дочь молящуюся въ конюшнѣ и сказалъ ей, что она могла бы и въ комнатѣ молиться. «О, конечно, отвѣчала она, но и конюшня не святое ли мѣсто? Вѣдь Спаситель родился въ ясляхъ!» (¹). Не чему впрочемъ удивляться, что человѣкъ, глубоко вдавшійся въ масонскія таинства, составлялъ подобныя басни ко вреду нашей православной церкви, и при всемъ томъ о немъ представляемо было на высочайшее воззрѣніе, какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ монаршее благоволеніе за распространеніе благочестивыхъ сочиненій.

Около сего времени чужеземные равнители библейскаго дѣла, въ жару восторговъ своихъ объ успѣхахъ предпріятій ихъ въ Россіи, не могли удержаться, чтобы не обнаружить отчасти дальнѣйшихъ намѣреній своихъ. Въ 13-е годичное собраніе Великобританскаго и Иностраннаго библейскаго общества въ Лондонѣ, 7 мая 1817 г., вотъ какъ между прочимъ всенародно и торжественно объяснялся о Россіи глава секты методистовъ Рихардъ Ватсонъ (²). «Мы можемъ быть увѣрены, что скоро въ семъ пространномъ государствѣ религія возстановится во всей ея чистотѣ, и единственно отъ размноженія книгъ св. писанія,

---

(¹) Сентябрь 1817 г. стр. 417 и 422.

(²) Feuille publié chez Tiffling et Hughes, imprimeurs Mai 1815. Хоть на сей разъ и не найдено сего печатнаго листка, но въ достовѣрности его кажется нельзя усумниться, судя по многимъ спискамъ.

переведенныхъ на разные употребительные тамъ языки».—И далѣе:-«только обращеніе во всемъ народѣ библіи можетъ возстановить греческую церковь и исторгнуть ее изъ состоянія упадка, въ которомъ она нынѣ находится». Вотъ самая малая часть благотворныхъ намѣреній главныхъ распорядителей библейскихъ обществъ относительно къ Россіи.

Ватсонъ продолжаетъ: «своды храма существуютъ, библія не замедлитъ возжечь огнь на алтаряхъ». Кто не увидитъ въ сихъ выраженіяхъ связи библейскаго дѣла съ ложами извѣстныхъ тайныхъ обществъ! «Въ странѣ сей (т. е. въ Россіи) есть болѣе, нежели думаютъ, праведныхъ священнослужителей, которые хотя нынѣ и почитаются мертвыми, подобно свидѣтелямъ апокалипсиса, но возстанутъ и будутъ пророчествовать, коль скоро вселится въ нихъ духъ истины». Слѣдовательно, по мнѣнію библейскихъ сообщниковъ, даже и праведные священнослужители нашей церкви не имѣютъ въ себѣ духа истины, и онъ не можетъ вселиться въ нихъ иначе, какъ посредствомъ библейскихъ обществъ!

За симъ упоминая, что протестантство родилось отъ обнародованія книгъ св. писанія и было источникомъ благоденствія и благословенія, ораторъ Англинскаго библейскаго общества присовокупляетъ: «нынѣ можемъ надѣяться, что скоро греческая церковь насладится тѣми же выгодами». И далѣе: «свободное проповѣдываніе истины, открывая греческой церкви ея собственныя заблужденія, оживотворитъ вѣру и будетъ соблюдать союзъ вѣрующихъ. Предполагаемая въ россійской имперіи реформа уподобится восходящему солнцу».

Итакъ, въ самомъ гнѣздѣ библейскихъ обществъ, откуда по всему свѣту разсылаются агенты, предположена явно реформа для Россіи, и, судя по времени, конечно не малою частію приведена уже въ исполненіе.

1818.—Къ сожалѣнію должно здѣсь замѣтить, что въ самой Россіи подъ конецъ уже вовсе не старались прикрывать цѣль библейскихъ обществъ, но по мѣрѣ распространенія ихъ выставляли ее во всеобщее свѣдѣніе. Въ печатномъ прибавленіи къ отчету Россійскаго библейскаго общества, вотъ что между прочимъ сказано: «небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посредствомъ библейскихъ обществъ въ великомъ христіанскомъ семействѣ, открываетъ прекрасную зарю брачнаго дня христіанъ и то время, когда будетъ единъ пастырь и едино стадо, т. е. когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ различно образованныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, которыя въ началѣ различествовали между собою въ нестроеніи, но нынѣ въ семъ духѣ и могутъ и будутъ оставаться при своихъ различіяхъ» ([1]). Спрашивается: при какомъ духѣ грекороссійская церковь съ лютеранскою, напримѣръ, могутъ оставаться при своихъ различіяхъ единымъ стадомъ и подъ единымъ пастыремъ? По крайней мѣрѣ, достовѣрно поручиться можно, что сей духъ уже не тотъ самый, которымъ одушевлялись святые мученики, пострадавшіе за православіе, и отцы церкви, не щадившіе за него живота своего!

Продолженіе 1818 г. При дѣятельномъ участіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣ-

---

([1]) Отчетъ за 1818 г. стр. 35.

щенія, библейскія общества введены по всей Россіи (1). Не было губерніи, гдѣ бы не находилось отдѣленій и сотоварищеcтвъ ихъ; не только въ городахъ, въ самыхъ даже селеніяхъ появились сотрудники и корреспонденты ихъ; броженіе умовъ начиналось дѣлаться всеобщимъ. Прибывшіе изъ Германіи колонисты, напитавшись духомъ библейскихъ обществъ и чтеніемъ написанныхъ въ томъ же духѣ сочиненій, изъявили желаніе поселиться въ Грузіи, чтобы приблизиться къ Іерусалиму и ожидать появленія въ 1836 г. Мессіи! Они были туда отправлены, но главный начальникъ того края вынужденъ былъ оффиціально увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ, сколь безполезны повсюду люди сіи, занимающіеся однимъ только толкованіемъ апокалипсиса; а паче, сколько вредны въ Грузіи; и присовокупляя, что изъ нихъ мало такихъ, коихъ нравственность не представляла бы самаго вреднаго разврата, просилъ довести о семъ до свѣдѣнія комитета гг. министровъ.

1819.—Книги св. писанія, переводимыя на простонародное русское нарѣчіе и издававшіяся сначала со славянскимъ текстомъ, въ послѣдствіи стали быть печатаемы отдѣльно. Сіе подало поводъ къ искаженію во многихъ мѣстахъ смысла и къ превратнымъ толкованіямъ. Такимъ образомъ Псалтирь на простонародномъ языкѣ, напечатанный отдѣльно, въ нѣкоторыхъ псалмахъ совершено не согласенъ съ славянскимъ текстомъ.

1820.—Удивительные успѣхи библейскихъ обществъ,

(1) Отчетъ за 1817 г. стр. 6. Рѣчь, произнесенная президентомъ Р. Библ. Общества, министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

съ которыми, какъ надобно полагать, имѣли связь и масонскія ложи; поелику члены послѣднихъ большею частію были и членами первыхъ!

Вскорѣ по запрещеніи и отобраніи (1819 г.) книги г. Станевича «Бесѣда на гробѣ младенца», издана г. Ястребцовымъ книга «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Возмутительныя начала противъ христіанской религіи и гражданскаго благоустройства составляютъ сущность ея содержанія. Сочиненіе сіе, предшествовавшее первымъ своимъ изданіемъ (1727) появленію методистовъ, а вторымъ (1790) французской революціи, напечатано у насъ въ то время, когда на югѣ Европы приготовлялось скопищами карбонаріевъ торжественное отреченіе отъ повиновенія законнымъ властямъ [1]. Зловредной книги сей (которая нынѣ разсматривается) менѣе нежели въ шесть мѣсяцевъ напечатано два полныхъ изданія. Замѣчательно, что сочиненіе сіе, пропущенное безъ разсмотрѣнія духовной цензуры, въ противность изданныхъ узаконеній 1787 и 1802 гг., разослано было по духовнымъ училищамъ. Издателю испрошены въ разное время весьма важныя награды!

1821 и 1823.—Превратныя толкованія св. писанія самозванцами учителями и учительницами, отъ времени до времени издаваемыя, переведены на русской языкъ и разсѣяны въ народѣ. Мистическое ученіе о какомъ-то внутреннемъ христіанствѣ, упраздняющемъ необходимость видимой церкви, распространено по всей Рос-

---

[1] См. предувѣдомленіе къ «Воззванію» и кн. L'Angletere et les Anglais томъ II, стр. 279. Въ семъ мѣстѣ упоминается, что секта методистовъ воспріяла начало свое въ 1729 г.

сіи. Библейскія общества заведены даже между юношествомъ [1]. Мистики, духовидцы, пророки появились во множествѣ. Проповѣдники, по вѣрѣ своей не принадлежащіе ни къ какому существующему исповѣданію, разглашали повсюду свои толки, пребывая въ тѣсномъ союзѣ съ библейскими обществами. Криднерши, Татариновы, Фесслеры, Линдели и проч. явнымъ образомъ употребляли во зло слово Божіе. Отдѣльныя отъ церкви общества въ народѣ, подъ предлогомъ чтенія библіи, сдѣлались извѣстными на Дону, въ Саратовѣ, Тамбовѣ и многихъ другихъ губерніяхъ, подъ названіями духоносцевъ, молокановъ, духовныхъ христіанъ, духоборцевъ, скопцовъ, субботниковъ и проч. Они позволяли себѣ литургисовать по домамъ и почитали себя въ правѣ совершать безъ священниковъ и прочія таинства. Духовнымъ, гражданскимъ чиновникамъ и прочимъ особамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ библейскихъ обществъ, испрашивались значительныя награды.

1824.—Богохульное толкованіе Евангелія Госнеромъ (имѣющее цѣль къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ), принаровленное къ духу библейскихъ обществъ, и сообщниками ихъ явно покровительствуемое, печаталось [2]. Въ тоже время множество слушателей стекалось въ домъ къ сему лжеучителю на публичныя проповѣди. Директоръ департамента народнаго просвѣщенія и секретарь Россійска-

---

(1) Отч. за 1820 г., стр. 45. Отношеніе попечит. харьк. учеб. округа къ г. президенту Р. Библ. Общ. 26 февр. 1821 г. объ учрежденіи имъ въ университетѣ библейскаго сотоварищества между студентами.

(2) Госнеръ былъ не только членомъ, но и директоромъ Р. Библ. Общ. Отчетъ за 1821 г., стр. 11.

го Библейскаго Общества, возвратясь изъ Англіи, осмѣлились исправлять своеручно рукопись перевода книги, въ которой заключается неслыханная хула на Божію Матерь, и упорствовать, называя даже письменно автора оной человѣкомъ благочестивымъ, похваляя самое сочиненіе уже по высылкѣ сочинителя за границу. Библейскія общества столько утвердились въ Россіи, что комитетовъ ихъ, вмѣстѣ съ сотоварществами, уже въ концѣ 1823 г. считалось около 300, не упоминая о значительномъ числѣ корреспондентовъ (1).

Изъ сего, впрочемъ, краткаго обозрѣнія цѣли и дѣйствій библейскихъ обществъ уже весьма ясно видно опасное для правительства направленіе ихъ: что же открыло бы обстоятельное разсмотрѣніе дѣла сего? Мы увидѣли бы дерзновенное покушеніе на вѣру и царей гораздо опаснѣйшее всѣхъ прежнихъ замысловъ масонскихъ и карбонарскихъ ложъ, поелику оно прикрыто самою благовидною личиною любви къ ближнимъ и усердія къ распространенію слова Божія; мы увидѣли бы зіяющую подъ престолами Бога и царей ужасную пропасть, готовую пожрать алтари Господни и чертоги владыкъ земныхъ.

А потому, дабы уничтожить вдругъ всѣ нечестивыя на Россію намѣренія чужеземныхъ распорядителей библейскаго дѣла и предупредить пагубныя послѣдствія отъ дальнѣйшаго существованія въ Россіи библейскихъ обществъ, необходимо нынѣ же безъ отлагательства закрыть библейскіе комитеты по всей имперіи, и для принятія мѣръ къ отвращенію произведеннаго уже ими въ народѣ зла, составить особый

(1) Извѣст. о Библ. Общ. январь 1824 г, стр. 34.

комитетъ (изъ извѣстныхъ духовныхъ и гражданскихъ особъ), на обязанность коего возложить изысканіе благоразумныхъ способовъ къ обращенію немалаго числа соотечественниковъ нашихъ, и въ особенности поселянъ, которые были уловлены въ хитрыя сѣти библейскихъ нововводителей и чрезъ то отдѣлились отъ православной нашей церкви. Въ противномъ же случаѣ люди сіи будутъ не сынами ея, а отступниками и врагами, не вѣрными подданными царю, но злоумышленными на законную власть посягателями, и могутъ содѣлаться весьма страшными правительству».

2-е. О злыхъ дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ, выдумавшихъ библейское общество въ Европѣ, и неусыпно чрезъ оное все къ своей цѣли направляющихъ.

Соч. министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова.

«Библейское общество въ системѣ у методистовъ-иллюминатовъ (ибо есть методисты простые и методисты иллюминаты) есть тоже, что масонскія ложи въ системѣ иллюминатства *Вейсгаупта*, то есть, низшая степень, въ которую принимаются безъ разбора всякаго рода лица, дабы потомъ избирать изъ нихъ орудія двухъ родовъ: 1-е людей съ отличными способностями, 2-е слѣпыхъ фанатиковъ.

Всѣ главные методисты иллюминаты, какъ и президентъ ихъ въ Англіи. Лордъ Теймутъ, суть члены Библейскаго Общества.

Въ Россіи произошли уже отъ сего общества слѣдующія послѣдствія:

1) Преобладавшее министерство духовныхъ дѣлъ

устремило всѣ выгоды честолюбія на пропаганду сего общества и на его начало.

2) Начальники областей и губерній, равно какъ все почтовое начальство, увѣрены были, что они исполняютъ дѣло самое угодное правительству. Сверхъ сей уловки употреблялись скрытно многія другія средства, и именно: *Воззваніе* о содѣйствіи Библейскому Обществу, въ отсутствіе Его Императорскаго Величества изъ Россіи, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ разосланное.

3) Въ отсутствіе же Государя были посланы славный методистъ *Патерсонъ* и помощникъ Попова *Сѣрова* для истребованія на мѣстахъ во всѣхъ губерніяхъ строгаго отчета въ медленности дѣйствій библейскихъ обществъ. Они объѣхали многія губерніи, и когда въ С.-Петербургѣ услышали, что Его Величество возвращается изъ Тропау или Лейбаха (не помню), то *Патерсону* велѣно проѣхать къ границѣ Персіи въ видѣ путешествія, а *Сѣрову*, не додѣлавъ своего порученія, скорѣе возвращаться. Вся переписка о семъ должна быть въ канцеляріи Библейскаго Общества.

Вредъ, Библейскимъ Обществомъ Россіи причиненный, состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Раскольники обрадовались Библейскому Обществу, что учредилось, и будто подъ предлогомъ крестьянскихъ сотовариществъ (какъ то видно изъ многихъ печатныхъ отчетовъ Библейскаго Общества) уже со смѣлостію открыли свои секты, собранія и скопища раскольническія и ученію своему дали ходъ, презирая св. церкви, собираются явно въ избахъ для своихъ толковъ, что прежде тайно у нихъ было. Библейское Общество съ ними переписывалось.

письма ихъ хвалило и печатало, называя благочестивыми крестьянами тѣхъ, которые опаснѣе самыхъ духоборцевъ.

2) Библейское Общество и поспѣшно и дурно перевело новый завѣтъ, и съ такою между прочимъ ошибкою, что стихи псалмовъ, въ Евангеліи приводимые, переведены иначе, какъ тѣ же самые стихи въ Псалтири. И сіе неудивительно: ибо переводъ сихъ книгъ священныхъ, который прежде со страхомъ и трепетомъ совершали мужи святые и вдохновенные (Кириллъ и Меѳодій),—былъ брошенъ нѣсколькимъ студентамъ академіи, съ приказаніемъ сдѣлать оный какъ можно скорѣе ([1]).

3) Когда главные вводители Библейскаго Общества, яко коммиссіонеры тайныхъ обществъ, увидѣли, что дозволено имъ священный-церковный языкъ, одинъ неоскверненный общественнымъ употребленіемъ, замѣнить общенароднымъ, на который нынѣ священное писаніе переводится, тогда испросили они дозволеніе, отнявъ славянскій текстъ, издать весь новый завѣтъ на одномъ русскомъ языкѣ. Сей поступокъ слишкомъ смѣлъ, важенъ и на будущее время опасенъ страшное негодованіе во всѣхъ классахъ людей произошло отъ того.

Прежде расколы отъ перемѣны и поправки книгъ старыхъ сдѣлались, которыя рукописями были пере-

([1]) Въ переводѣ новаго завѣта на русской языкъ трудились: архим. Филаретъ, ректоръ академіи, впослѣдствіи митрополитъ московскій: архимандритъ Поликарпъ, ректоръ с.-петербургской семинаріи; архим. Григорій, инспекторъ академіи, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; іером. Кириллъ, впослѣдствіи архіепископъ Подольскій; іером. Моисей, впослѣдствіи архіепископъ, экзархъ Грузіи, и свящ. Г. П. Павскій. И. Ч.

порчены: а нынѣ книги священныя, никакой нужды не имѣвшія по чистотѣ и правильности своей, болѣе или менѣе искажены; и вмѣсто священнаго языка на площадной дурной переложены: то чего-жъ можно ожидать впредь отъ библейскихъ обществъ, когда и старымъ расколамъ, и вновь хотящимъ быть дверь явно растворена.

Важность перевода состоитъ въ томъ: 1) тогда уже переводился священникомъ Павскимъ ветхій завѣтъ съ еврейскаго, который одинъ онъ знаетъ, такъ искаженный, что долженъ былъ непремѣнно показать славянскій текстъ совсѣмъ обезображеннымъ, уронить уваженіе и къ св. прелагателямъ его и къ церкви, произвесть, вѣроятно, новыя разодранія съ расколами и приблизить нашъ переводъ къ лютеранскому.

Примѣч: Внимательное разсмотрѣніе сихъ переводовъ докажетъ истину моихъ обличеній.

2) Подъ ложнымъ и тщетнымъ предлогомъ всеобщаго требованія (котораго не было), издать Пятокнижіе Моисеево на русскомъ языкѣ отдѣльно отъ пророческихъ книгъ ветхаго завѣта и сдѣлать тѣмъ ересь молокановъ (субботниковъ) и обращеніе въ іудейство; ибо простой народъ, видя книгу заключающую законъ Божій, и не зная ничего далѣе, легко могъ бы ею прельститься по невѣдѣнію. Иначе какая причина такъ спѣшить изданіемъ сего отрывка библіи, отпечатать его въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ, кои вѣроятно въ библейской типографіи уже готовы (во многихъ тысячахъ).

3) Библейская печать служитъ надежнѣйшимъ покровомъ для пересылки денегъ и переписокъ методи-

стовъ, и разъѣздовъ членовъ Библейскаго Общеста, закрытіемъ для путешествія и личныхъ сношеній ихъ агентовъ во всѣ концы въ Россіи, въ Константинополь, Германію и Швецію, что также можно видѣть изъ бумагъ библейской канцеляріи».

4) Въ четвертомъ пунктѣ говорится о богохульствѣ, допущенномъ будтобы въ персидскомъ переводѣ Евангелія. «Хуленіе сіе двукратно публично повторено при 60 человѣкахъ секретаремъ Общества, съ изъясненіемъ, что переводъ сей распространенъ въ Персіи и поднесенъ Шаху англійскимъ посломъ». Ежели на семъ языкѣ восточномъ выдѣланномъ могли произойти подобные ужасы, то чего нѣтъ на тѣхъ 30-ти, или болѣе, дикихъ нарѣчіяхъ, у коихъ нѣтъ ни письмянъ, ни выраженій не только для предметовъ духовныхъ, но ниже для самыхъ обыкновенныхъ въ жизни: какъ-то стулъ, шляпа и проч. По неимѣнію письмянъ на сихъ языкахъ, употреблены русскія и отъ того переводы сіи вышли столь соблазнительны, что, читая нѣсколько листовъ въ библейскомъ комитетѣ, члены онаго, кромѣ тѣхъ, которые готовы были плакать, смѣялись надъ чтеніемъ мордовскихъ и чувашскихъ евангелій. — Не простѣе ли было обучить дикарей сихъ славянской грамотѣ, ежели бы Библейское Общество не имѣло *другихъ вредныхъ цѣлей?*

5) Для римскихъ католиковъ сдѣланъ Обществомъ подлогъ весьма коварный. Подъ видомъ итальянской библіи продавался переводъ Лютеровой библіи на сей языкъ.

Таковыя дѣйствія Библейскаго Общества на память и безъ всякой возможности видѣть его бумаги

въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ собранныя. Они капля въ морѣ предъ тѣми, кои имѣть можно, поручивъ разсмотрѣніе бумагъ сихъ надежному комитету.

Истребить опасное и злое дѣйствіе тайныхъ обществъ чрезъ Библейское Общество, представляется одно средство.

Въ началѣ учреждено было Библейское Общество единственно для раздачи св. писанія иновѣрцамъ, въ Россіи обитающимъ: то весьма легко и справедливо обратить его къ сему началу, предложивъ вмѣстѣ съ симъ на собранныя съ русскихъ деньги печатать для раздачи даромъ и дешевой продажи православное исповѣданіе и церковныя книги. Англичане поймутъ сію перемѣну и сами отъ Общества отступятъ, иновѣрцы иностранные и русскіе послѣдуютъ за ними: собственность Общества останется той самой церкви, которую разрушить стремились тайныя общества чрезъ Библейское Общество.

Содрогается вся душа моя, провидя, какой вредъ церкви и государству готовится въ Россіи отъ тайныхъ обществъ чрезъ Библейское Общество.

Блюдите да никто же васъ прельститъ подъ видомъ библейскаго общества.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ методистовъ и *на пути грѣшныхъ*, прикрывающихся библіею, *не ста: и на сѣдалищи губителей*, посланныхъ отъ тайныхъ обществъ, въ Библейскомъ Обществѣ *не сѣде: но въ законѣ Господни поучится день и нощь*, якоже чрезъ 1824 отъ Р. Х. учитъ св. церковь православная».

Приложенія эти «найдены въ числѣ бумагъ, ос-

тавшихся послѣ покойнаго кіевскаго митрополита Евгенія, вызваннаго въ 1824 г. въ Святѣйшій Синодъ особенно для содѣйствія новгородскому митрополиту Серафиму въ закрытіи библейскихъ обществъ, въ остановленіи перевода священнаго писанія на русское нарѣчіе и для разсмотрѣнія появившихся тогда многихъ неправославныхъ книгъ на русскомъ языкѣ». Первое изъ сихъ приложеній по всей вѣроятности есть то самое «извлеченное изъ печатныхъ актовъ описаніе ежегоднаго хода библейскихъ обществъ», которое А. С. Шишковъ въ 1824 г. представлялъ Государю, чтобы показать, какъ связь ихъ (библейскихъ обществъ) съ англійскими методистами, такъ и тожъ самое намѣреніе о распространеніи книгъ, содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой (sic) христіанской вѣрѣ и всякому правительству». (Записки адмирала А. С. Шишкова въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1868 г. кн. 3, стр. 75).

Второе приложеніе—*о злыхъ дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ*—относится къ тому же времени, и хотя въ рукописи приписано Шишкову, но принадлежитъ вѣроятно перу Магницкаго, какъ можно заключать по буквальному почти сходству 4-го пункта этого приложенія съ заявленіемъ Магницкаго относительно погрѣшности въ переводѣ новаго завѣта на персидскій языкъ, и по тому, что сочинитель статьи говоритъ о бывшихъ въ Р. Б. Обществѣ разговорахъ по поводу этой неправильности, какъ *лично* слышавшій ихъ или присутствовавшій при нихъ. Шишковъ не былъ членомъ Библейскаго Общества, а Магницкій присутствовалъ въ собраніяхъ Общества и принималъ участіе въ разсужденіяхъ о персидскомъ переводѣ новаго завѣта.

Чтобы оцѣнить достоинство этихъ приложеній и достовѣрность того, что въ нихъ содержится, приведемъ слова изъ одного письма покойнаго моск. митр. Филарета, отъ 18 авг. 1857 года: «думаю, извѣстно, что въ 1824 году возстаніе противъ министра духовныхъ дѣлъ и противъ Библейскаго Общества и перевода священныхъ книгъ образовали люди, водимые личными видами, которые, чтобы увлечь за собою другихъ благонамѣренныхъ, употребляли не только изысканныя и преувеличенныя подозрѣнія, но и выдумки и клеветы».

VI. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ СЪ НАЧАЛА ПЕРЕВОДА БИБЛІИ ВЪ 1813 Г. ДО 1856 ГОДА.

Обозрѣвая исторію перевода библіи съ начала ея въ 1813 г. до 1856 года, мы встрѣтились со многими явленіями, чрезвычайно важными и характеристическими для исторіи духовнаго просвѣщенія, богословской науки и вообще нашей церкви въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Одну половину этихъ явленій составляютъ тѣ, которыя относятся къ Библейскому Обществу и собственно къ тому времени его, которое прошло подъ президентствомъ князя А. Н. Голицына. Другую—всѣ по времени послѣдующія событія, развившіяся сначала какъ реакція противъ Библейскаго Общества и вообще тайныхъ обществъ въ Россіи, а потомъ какъ система охраненія status quo установившагося положенія вещей. Нѣкоторыя отдѣльныя явленія этого періода времени носятъ слѣды латинства, не вслѣдствіе намѣреннаго наклоненія дѣйствователей къ ла-

тинству, но вслѣдствіе недостаточно яснаго различенія ими принадлежащаго православію и латинству.

1) Время свободнаго существованія Библейскаго Общества—какія нибудь пять или шесть лѣтъ—было съ самаго начала XVIII столѣтія единственнымъ, когда свѣтское общество съ живымъ и напряженнымъ интересомъ устремилось къ религіознымъ предметамъ, выдвинуло на первый планъ интересы духовно-нравственнаго развитія народа.

Нельзя не согласиться, что въ направленіи и дѣйствіяхъ Общества много было такого, что могло подать поводъ къ укоризнамъ и обвиненіямъ: но за этими темными сторонами не должны быть упущены изъ виду и свѣтлыя стороны.

Прежде всего нѣтъ никакого повода думать, что Библейское Общество и все то, что являлось и даже скрывалось подъ защитою Общества, направлялось намѣренно къ поколебанію православной вѣры и церкви. Ни президентъ и никто изъ членовъ Общества ни при одномъ случаѣ не выразилъ враждебнаго отношенія къ православной церкви, не обнаружилъ стремленія поколебать ея устройство и установленія, унизить достоинство и значеніе православной іерархіи и поколебать довѣріе къ ней народа. Президентъ Общества былъ типическимъ лицомъ своего времени, и характеристика его всего лучше объяснитъ намъ отношеніе членовъ Б. О. къ православной церкви.

Князь А. Н. Голицынъ, по природному расположенію, очень мягкій и воспріимчивый человѣкъ, сблизившись съ мистиками своего времени, и самъ сдѣлался мистикомъ. Это не былъ мистицизмъ теоріи, но нравственнаго чувства и сердца. Евангеліе

съ божественною заповѣдію любви ко всѣмъ людямъ сдѣлалось его постояннымъ спутникомъ и руководителемъ. Но какъ область нравственнаго чувства и благожелательности сближаетъ всѣхъ людей между собою, такъ Евангеліе, въ извѣстномъ отношеніи, сближаетъ всѣхъ христіанъ безъ различія исповѣданій. Въ этихъ двухъ сферахъ вращалась жизнь и дѣятельность Голицына. Православіе и всякое другое христіанское исповѣданіе, со всѣми выродившимися изъ нихъ духовными обществами, расколами и сектами, казались ему образованіями, по составу болѣе сложными и по времени болѣе поздними, нежели собственно христіанство, или христіанство Евангелія, первоначальная основа всѣхъ исповѣданій, первообразъ нашей вѣры и жизни. Разности, раздѣляющія между собою различныя исповѣданія и ихъ членовъ, были ли онѣ догматическія, каноническія или обрядовыя, имѣли въ его глазахъ только второстепенное и подчиненное значеніе, значеніе вѣроисповѣдной формы, сквозь которую духъ вѣрующаго въ каждомъ исповѣданіи долженъ пробиваться къ духу Евангелія и къ свѣту заповѣдуемой имъ любви ко всѣмъ, какъ братьямъ во Христѣ, членамъ одного тѣла Христова.

Устройство и составъ Библейскаго Общества вполнѣ соотвѣтствовали этому взгляду на христіанство. Это было общество библіи, ближайшимъ образомъ Евангелія, въ отношеніи къ которому нѣтъ ни православнаго, ни католика, ни протестанта, но существуютъ только христіане, послѣдователи евангельской заповѣди. За учрежденіемъ Библейскаго Общества послѣдовало соединеніе въ одномъ лицѣ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ православнаго и иностранныхъ исповѣданій.

Выходя изъ этихъ понятій, князь Голицынъ относился одинаково къ православной церкви, какъ и къ неправославнымъ церквамъ и исповѣданіямъ, принялъ подъ свое покровительство всѣ секты и религіозныя общества, не исключая «людей Божіихъ» и даже скопцовъ. Все это было *для него* явленіемъ одного и того же Духа Христова, заслуживающимъ вниманія и уваженія. Чѣмъ непосредственнѣе и живѣе казалось ему отношеніе къ этому Христову Духу въ томъ или другомъ религіозномъ пунктѣ, чѣмъ менѣе, по его взгляду, въ немъ было преградъ, отдѣляющихъ человѣка отъ Бога, внѣшнихъ формъ, обрядовъ и проч., тѣмъ болѣе онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе князя А. Н. Голицына и одинаково съ нимъ настроенныхъ лицъ. Ничто не было болѣе противно ему, какъ фанатизмъ, религіозная нетерпимость и мертвое благочестіе обряда и внѣшней формы. Стремленія князя Голицына наклонялись къ тому, чтобы вывесть русскій народъ изъ того усыпленія и равнодушія въ дѣлѣ вѣры, какое казалось ему почти повсюднымъ, пробудить въ немъ высшіе духовные инстинкты и чрезъ распространеніе священныхъ книгъ ввести въ него живую струю внутренняго пониманія христіанства, между тѣмъ какъ русское общество, по его мнѣнію, довольствовалось однимъ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ и одною внѣшнею набожностью. То, что мы сказали о кн. Голицынѣ, примѣнимо въ разной мѣрѣ и къ другимъ мистикамъ этого времени, исключая, разумѣется, тѣхъ, для которыхъ мистицизмъ и принадлежность къ тому или другому обществу были только средствомъ обратить на себя вниманіе вліятельныхъ лицъ.

Но, отдавая справедливость просвѣтительнымъ тенденціямъ Общества, нужно сказать, что онѣ одною своею стороною глубоко оскорбляли православное чувство. Христіанство—одно, и церковь первоначально и въ продолженіе многихъ вѣковъ была одна, точно такъ, какъ истина, хранимая и проповѣдуемая ею, была одна для всѣхъ; но потомъ западная церковь, отдѣлившись отъ восточной и отъ единства съ вселенскою церковію, къ этой одной и для всѣхъ общей истинѣ церкви, привнесла свои ученія дотолѣ неизвѣстныя церкви; наконецъ порожденное злоупотребленіями западной церкви протестантство отвергло ея авторитетъ, отдѣлилось отъ нея и распалось на множество частныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ, какія видимъ въ западной Европѣ и въ Америкѣ. Такимъ образомъ по взгляду православныхъ нѣтъ и не можетъ быть равноправности между христіанскими исповѣданіями въ отношеніи къ истинѣ. Истина существуетъ только въ одной истинной церкви, которая потому и называется *православною* и составляетъ правило (критерій) истины для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. И потому приравнивать православную церковь къ различнымъ исповѣданіямъ и обществамъ—значитъ унижать и оскорблять ее въ противность исторіи и самаго существа вѣры. Князь Голицынъ не дѣйствовалъ намѣренно противъ православной церкви: но, ставя ее въ одинъ рядъ со всѣми другими исповѣданіями, онъ унижалъ ея достоинство. Какъ министръ духовныхъ дѣлъ онъ не понималъ своего положенія, превращая вѣротерпимость въ признаніе равнаго внутренняго достоинства всѣхъ исповѣданій; не болѣе понималъ онъ свое положеніе и какъ сынъ православ-

ной церкви, являясь принадлежащимъ ко всѣмъ исповѣданіямъ.

Но за всѣмъ тѣмъ у него нельзя отнять заслуги, на которую мы выше указали—пробужденія въ высшемъ обществѣ интереса къ дѣламъ вѣры и церкви, обращенія его отъ внѣшней обрядности къ духу религіозности. Не забудемъ, что рядомъ съ библейскими обществами шло, выходя изъ тѣхъ же побужденій, на которыя мы указали выше, у главныхъ руководителей этого дѣла стремленіе распространить христіанское просвѣщеніе между массами народа, ввести лучъ свѣта туда, куда до сихъ поръ правительство, можно сказать, еще не простирало своего взора и своего попеченія. Изданіе книгъ для народа въ доступной для него формѣ, написанныхъ понятнымъ языкомъ и о предметахъ насущной важности, было у насъ явленіемъ новымъ. Какого бы достоинства ни были эти книги, но онѣ расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, читались съ жадностью и долго питали народъ, даже послѣ того, какъ Библейское Общество было закрыто. Мы разумѣемъ не мистическія книги Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, Бема и др., которыя доступны были немногимъ и привлекали къ себѣ немногихъ, а брошюры и книжки, изданныя собственно для народа, въ составленіи и переводѣ которыхъ трудилась особенно княгиня Мещерская.

Рядомъ также съ Библейскимъ Обществомъ шло устроеніе различныхъ благотворительныхъ учрежденій и обществъ для народа. Почти повсюду, гдѣ открывалось мѣстное отдѣленіе Библейскаго Общества, учреждались и благотворительныя общества.

Смотря съ этихъ точекъ зрѣнія на явленія нашей общественной жизни въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, мы не можемъ не отнестись къ нимъ сочувственно, хотя, нужно признаться, они еще болѣе возбудили бы наше сочувствіе, если бы вышли изъ духа нашей церкви и развились въ полномъ согласіи съ нимъ. Православіе не менѣе, напротивъ гораздо болѣе просвѣтительно, чѣмъ протестантство; оно заключается не въ однихъ обрядахъ и внѣшней набожности. Если та духовно-народная литература, о которой мы упомянули выше и которая назначена была прямо для просвѣщенія народныхъ массъ, образовалась главнымъ образомъ изъ переводныхъ сочиненій, появившихся первоначально въ протестантскихъ странахъ и написанныхъ въ духѣ протестантства: то это зависѣло, конечно, не отъ недостатка просвѣтительныхъ началъ въ нашей церкви, а отъ того, что починъ въ этомъ дѣлѣ и веденіе его взяли на себя лица, желавшія сдѣлать добро, но не имѣвшія образовательныхъ средствъ, соотвѣтствующихъ этому желанію. Наше духовенство и та консервативная часть общества, которая заявила свое неудовольствіе противъ непризванныхъ учителей, имѣли, конечно, право протестовать противъ направленія этого учительства, хотя, съ другой стороны, сами справедливо подвергались укору въ томъ, что неправильному дѣйствію противопоставляли одно только порицаніе, не дѣлая сами ничего или дѣлая очень мало для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ народа. Русскіе люди жаждали живой проповѣди, и, не находя ее въ своихъ храмахъ, увлекались въ иностранныя церкви, гдѣ проповѣдывали проповѣдники, выписанные изъ-

за границы. Русскій народъ жаждалъ духовно-нравственнаго чтенія и читалъ—что ему давали—«арапа невольника»; «разговоръ двухъ матросовъ послѣ бури», и под. Нужно было бы противопоставить иностранной проповѣди свою, иностраннымъ сочиненіямъ для народа—свои: но ихъ не было. Кого же винить?—Далѣе ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что это Общество учреждено у насъ по настоянію англичанъ. Это отнюдь не означало того, что «неправославные учатъ православныхъ» (Преосв. Филарета, Обзоръ, ч. 2, стр. 238, Черниговъ), потому что такимъ общечеловѣческимъ и всенароднымъ учителемъ было слово Божіе, печатаемое притомъ съ изданій Св. Синода въ Москвѣ, въ синодальной типографіи. Притомъ же оно издаваемо было на славянскомъ и русскомъ языкахъ, безъ всякихъ объясненій и примѣчаній, которыя еще могли бы быть проводниками инославныхъ исповѣданій и ихъ воззрѣній. Наконецъ то обстоятельство, что «библія и новый завѣтъ валялись въ кабакахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ» (Преосв. Филаретъ, тамъ же), не служитъ укоромъ для дѣйствій Общества, потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы отказать народу вообще въ домашнемъ назиданіи словомъ Божіимъ; между тѣмъ какъ цѣль общества именно и состояла въ томъ, чтобы ввести слово Божіе повсюду, не минуя и тѣхъ мѣстъ, которыя не имѣютъ благолѣпія, соотвѣтствующаго святынѣ, какъ и самъ І. Христосъ не гнушался входить въ домъ прокаженнаго и бесѣдовать съ мытарями и грѣшниками.

Но были другія стороны въ Библейскомъ Обществѣ, которыя трудно защитить.

Библейское Общество винили въ предвосхищеніи права, принадлежащаго церкви, духовному правительству, сословію пастырей—издавать библію для народнаго употребленія. Въ этомъ есть часть правды. Авторизація священныхъ книгъ для народнаго употребленія на томъ или другомъ языкѣ, въ томъ или другомъ изданіи, естественно и исключительно принадлежитъ высшей церковной власти, и у насъ — Св. Синоду. Библейское Общество, присвоивъ себѣ изданіе даже славянской библіи, предпринявъ издать переводъ библіи на русскій языкъ, тѣмъ самымъ какбы устраняло Св. Синодъ отъ дѣла, прямо ему принадлежащаго, и умаляло его церковное значеніе. Присутствіе нѣсколькихъ духовныхъ особъ въ Обществѣ, ближайшее наблюденіе ихъ за изданіемъ славянской и за русскимъ переводомъ библіи, не ослабляли силы этого нареканія; потому что духовныхъ лицъ въ Б. Обществѣ было сравнительно очень не много, а въ переводномъ комитетѣ, состоявшемъ всего изъ 5—6 человѣкъ, членами были, и конечно не для счета, а для дѣла, и Поповъ и Лабзинъ. Если присовокупить къ этому, что переводы Евангелій и даже всей библіи на различные мѣстные языки дѣлались и издавались не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Св. Синода, а подъ наблюденіемъ Библейскаго Общества, что недосмотры и даже догматическія погрѣшности, которыя могли быть и дѣйствительно оказались, возникли именно изъ этой постановки дѣла: то ненормальность этой постановки окажется еще яснѣе и очевиднѣе. Такимъ образомъ вотъ одна сторона Библейскаго Общества, которая подпала укорамъ по справедливости.

Другая сторона, которая также подвергалась нареканіямъ, заключается въ томъ, что наше библейское общество выступило какбы отдѣломъ Великобританскаго Общества, между тѣмъ какъ оно должно было быть вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ иностранныхъ протестантскихъ обществъ. Русская церковь въ своей христіанской миссіи имѣетъ другія цѣли, нежели протестантство. Сообразно съ этимъ и Русское Библейское Общество должно было имѣть другой составъ лицъ и другую организацію. Къ чему въ составѣ Русскаго Библейскаго Общества, на ряду съ православными пастырями и мірянами, католики и протестанты различныхъ исповѣданій? Въ какихъ другихъ цѣляхъ и въ какихъ интересахъ они могли дѣйствовать, кромѣ своихъ вѣроисповѣдныхъ? Какая находка отъ этого могла быть для церкви православной?

Но даже, если бы Россійское Библейское Общество образовалось изъ лицъ нашей церкви свѣтскихъ и съ участіемъ духовныхъ: то, какъ частное учрежденіе, должно было ограничиться только содѣйствіемъ церковному правительству, предоставляя ему окончательное утвержденіе дѣлъ и предпріятій, входящихъ въ его задачу. Предположивъ же само окончательно рѣшать и утверждать церковныя дѣла, принадлежащія церковному правительству, оно приняло на себя дѣло и предвосхитило право, ему не принадлежащее.

Нельзя отвергать, что наше духовное правительство дѣйствовало косно для христіанскаго просвѣщенія народа и что свѣтское общество имѣло поводъ войти съ участіемъ въ столь дорогіе для него интересы, недостаточно уваженные сословіемъ, которое

имѣло естественную и прямую обязанность духовнаго просвѣщенія народа. Но тѣмъ не менѣе просвѣщеніе русскаго народа посредствомъ изданій и проповѣдей протестантскихъ нельзя признать соотвѣтствующимъ цѣлямъ воспитанія народа въ духѣ народной православной церкви.

Но то, что было самаго честнаго и безукоризненнаго въ дѣйствіяхъ Общества, это—самое исполненіе перевода библіи на русскій языкъ. Даже когда найдено было нужнымъ закрыть Общество, не было не только никакой необходимости, но даже никакого повода останавливать продолженіе этого перевода и изданіе въ народъ переведенныхъ частей. Если справедливо найдено было неудобнымъ авторизовать этотъ переводъ именемъ Библейскаго Общества: то можно было и надлежало возвратить это дѣло на прямой его путь, т. е. продолжать переводъ ученымъ порядкомъ при академіяхъ и издавать его тѣмъ же порядкомъ, или же и отъ лица Св. Синода. Но негодованіе противъ Общества простерлось и на переводъ библіи, который подвергся запрещенію, и вообще на самое дѣло перевода, которое если не въ опредѣленіи, то въ системѣ дѣйствій оглашено было какъ вредное для православной церкви.

2) Послѣдующія событія до 1856 года развивались въ этомъ направленіи. Важнѣйшими моментами въ исторіи этого направленія были: прекращеніе перевода библіи, предпринятаго Библейскимъ Обществомъ, запрещеніе переводовъ Павскаго и Макарія и оффиціально сдѣланныя попытки утвердить исключительное достоинство и исключительную достовѣрность славянскаго текста библіи и запретить народу домаш-

нее чтеніе библіи, оставивъ его при томъ только, что онъ услышитъ въ церкви.

Переводъ Библейскаго Общества оффиціально не былъ запрещенъ. Въ 1825 г., 7 ноября, объявлено было высочайшее повелѣніе: «чтобъ оконченный печатаніемъ первый томъ библіи въ переводѣ на русскій языкъ не приводить въ употребленіе впредь до разрѣшенія». Въ 1826 году, 12 апрѣля, въ рескриптѣ на имя митрополита Серафима, объявлена высочайшая воля: «книги священнаго писанія, отъ Общества уже напечатанныя на славянскомъ и русскомъ языкѣ, равно и на прочихъ, жителями имперіи употребляемыхъ, Я дозволяю продолжать продавать желающимъ по установленнымъ на нихъ цѣнамъ». Въ оффиціальной запискѣ, составленной при возобновленіи перевода священнаго писанія въ 1856 году сказано: «Святѣйшій Синодъ, въ 1813 году, съ высочайшаго соизволенія, разрѣшилъ приступить къ переводу священнаго писанія на русское нарѣчіе; и въ слѣдовавшіе потомъ годы сдѣланъ переводъ новаго завѣта подъ смотрѣніемъ и съ участіемъ приснопамятныхъ первенствующихъ членовъ Святѣйшаго Синода, митрополитовъ новогородскихъ: Амвросія, Михаила и Серафима. Въ слѣдующіе далѣе годы дѣло перевода священнаго писанія на русское нарѣчіе и изданія онаго, не по разсужденію Святѣйшаго Синода, но по причинамъ, оффиціально не объясненнымъ, пріостановлено; впрочемъ напечатанные экземпляры онаго продолжали поступать въ общее употребленіе, между прочимъ, чрезъ общество попечительное о тюрьмахъ, дотолѣ, пока запасъ ихъ въ недавніе уже годы истощился». Такимъ образомъ ни высочайшаго повелѣнія, ни опре-

дѣленія Св. Синода о запрещеніи изданнаго Библейскимъ Обществомъ перевода нѣкоторыхъ частей библіи на русскій языкъ не было. Между тѣмъ, фанатическое негодованіе противъ Библейскаго Общества противниковъ его распространено ими и на этотъ переводъ и увлекло ихъ къ мѣрѣ противъ одной части этого перевода сколько жестокой, столько же несправедливой и незаконной. Мы выше видѣли заявленіе Шишкова о вредѣ изданія въ русскомъ переводѣ одного Пятокнижія Моисеева отдѣльно отъ пророческихъ книгъ ветхаго завѣта. Шишковъ и раздѣлявшіе образъ его мыслей боялись, какъ бы подъ вліяніемъ этого перевода не развилась ересь молоканъ и не послѣдовали совращенія простаго народа въ іудейство. Мало этого. Переводчиковъ и издателей винили въ этомъ, какъ въ преднамѣренно поставленной ими цѣли. О недостоинствѣ этой клеветы и крайнемъ преувеличеніи этихъ опасеній, конечно, и говорить не стоитъ. Но заявленіе не ограничилось однимъ протестомъ, а перешло въ дѣло, легшее темнымъ пятномъ на памяти тѣхъ, кто совершилъ его. Отдѣльныя изданія Пятокнижія Моисеева въ русскомъ переводѣ были сожигаемы (въ послѣдней половинѣ 1824 или въ первой 1825 года). «Я не могу, — писалъ покойный митрополитъ кіевскій, преосв. Филаретъ, въ 1857 г., — безъ глубокой скорби вспомнить, что верховное духовное начальство нашло необходимымъ предать огню на.... кирпичныхъ заводахъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ пяти книгъ св. пророка Моисея, переведенныхъ на русское нарѣчіе въ с.-петербургской духовной академіи и напечатанныхъ Библейскимъ обществомъ»

(5 января 1857 г.). Преосвященный Филаретъ говорилъ объ этой мѣрѣ, какъ ужасной, но вынужденной крайностію, и, вѣроятно, не имѣвъ случая близко узнать это дѣло и довѣривъ какому-либо неточному извѣстію, полагалъ, что эта мѣра предпринята по рѣшенію духовнаго правительства. Другой архипастырь, ближайшимъ образомъ знавшій положеніе дѣлъ, приписываетъ эту мѣру неизвѣстнымъ частнымъ лицамъ, безусловно отрицая участіе въ ней духовнаго правительства. «Что касается,—писалъ покойный преосвящ. Филаретъ, митрополитъ московскій, въ томъ же 1857 г.,—до упоминаемаго кіевскимъ владыкою сожженія нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ перевода пяти книгъ Моисеевыхъ, напечатаннаго Библейскимъ Обществомъ, соглашаюсь съ нимъ въ томъ, что нельзя сего вспомнить безъ глубокой скорби. Это темное пятно на томъ, кто выдумалъ сію мѣру, и своею необдуманною ревностію увлекъ другихъ. Но пятно сіе не падаетъ на верховное духовное начальство. Св. Синодъ не составлялъ опредѣленія о семъ. Въ переводѣ Пятокнижія не было ничего такого, что заслуживало бы такую строгую мѣру. Онъ пострадалъ мученически. Въ переводѣ Псалтири критика могла найти болѣе неудовлетворительнаго, нежели въ переводѣ Пятокнижія Моисеева: но Псалтирь тогда оставлена отъ суда свободною; а Пятокнижіе осуждено. Сія несообразность показываетъ, что дѣло произведено не по зрѣлому разсмотрѣнію духовнаго начальства, а по случайному возбужденію кого нибудь изъ тѣхъ, на которыхъ владыка кіевскій указывалъ въ 1825 году, какъ «на людей, не призванныхъ

ни Богомъ, ни начальствомъ (1)». (18 августа 1857 года).

Относительно провозглашенія каноническаго до-

(1) Это письмо кіевскаго митрополита Филарета, на которое ссылается московскій митрополитъ, относится къ 1825 году, когда кіевскій митрополитъ былъ еще епископомъ калужскимъ и московскій Филаретъ еще архіепископомъ, и когда первый показывалъ еще сочувствіе къ переводу библіи на русскій языкъ. Оно извѣстно намъ не въ полномъ объемѣ, а въ выпискѣ, и представляется весьма любопытнымъ и важнымъ для объясненія съ нѣкоторыхъ сторонъ событій того времени. Вотъ эта выписка. «Получивъ любезное писаніе Вашего Высокопреосвященства отъ 31 декабря, поблагодарилъ я Господа Бога, что Онъ укрѣпляетъ духъ вашъ миромъ Своимъ среди искушеній и скорбей. Сего и надѣялся я отъ вашего благочестія, и отъ благости къ вамъ Господа, Которому вѣрно служите. Изъ письма владыки (1) усматривается ясно, что онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ дѣйствователемъ въ остановкѣ катихизиса, а только страждущимъ. Въ доказательство сего и для вашего соображенія посылаю къ вамъ копію съ письма, нечаянно мнѣ попавшагося. Болѣзненно видѣть, какихъ мечтателей слушаютъ, и въ какія важныя дѣла допущаютъ людей не призванныхъ ни Богомъ, ни начальствомъ. По ревности моей хотѣлъ было я послать сію штуку ко владыкѣ, и просить его Господомъ Богомъ, чтобы онъ сихъ возмутителей остерегался для блага и мира церкви и для собственной своей чести и безопасности. Но безъ совѣта вашего къ сему не рѣшился приступить. Еще въ доказательство того, что владыка былъ только страждущимъ и можетъ быть не довольно твердымъ, прилагаю и копію съ отношенія министра просвѣщенія. Какъ бы то ни было, но церковь зѣло болѣзнуетъ, и дай Богъ, чтобы болѣзни ея кончились рожденіемъ радости».

«Вызовъ кіевскаго митрополита (2) по необычайности своей много заставляетъ думать. Но мнѣ помнится, что или въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», или въ библейскихъ отчетахъ, напечатанъ былъ весьма одобрительный его отзывъ о переводѣ новаго завѣта, которому противорѣчитъ, кажется, для него будетъ несовмѣстно. Желательно, чтобъ хотя бы онъ заставилъ молчать мечтателей. Впрочемъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ—утвержденіе своей церкви, и Онъ, вѣчная премудрость Бога Отца, вѣрно найдетъ способъ извести во свѣтъ истину ими же вѣсть судьбами». 5 января 1825 г.

(1) Митрополита Серафима.

(2) Евгенія Болховитинова. Кіевскій м. Евгеній въ концѣ 1824 г. вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ и ближайшимъ образомъ для содѣйствія м. Серафиму и министру народнаго просвѣщенія Шишкову въ борьбѣ съ распространявшимися ложными ученіями.

стоинства славянской библіи, мы знаемъ изъ напечатанной уже записки м. Филарета о догматическомъ значеніи и употребленіи перевода LXX. Нѣкоторыя подробности этого дѣла изложены въ одномъ письмѣ его же преосвященнаго м. Филарета, писанномъ въ 1857 году.—Еще въ первыхъ сороковыхъ годахъ въ Св. Синодѣ возбужденъ былъ вопросъ о провозглашеніи текста славянской библіи «исключительно самостоятельнымъ» и «самодостовѣрнымъ», т. е. не допускающимъ перевода на русскій языкъ. «Посему требовано мнѣніе трехъ митрополитовъ и, вѣроятно, разсчитываемо было на согласіе митрополита кіевскаго. Но видя, что сіе предположеніе не въ духѣ восточной православной церкви и что оно повело бы къ запутанностямъ, подобно какъ и тридентское опредѣленіе о Вульгатѣ, я,— пишетъ о себѣ москов. митр. Филаретъ, — рѣшился дать мнѣніе въ смыслѣ отклоненія онаго предположенія. Въ прежнія времена въ подобныхъ случаяхъ я совѣщался съ митрополитомъ Серафимомъ; но въ сіе время уже не могъ по слабости его здоровья. И такъ я сообщилъ мое мнѣніе митрополиту кіевскому и нынѣшнему новгородскому (1); воспользовался ихъ замѣчаніями; получилъ ихъ согласіе, и тогда уже представилъ мое мнѣніе Св. Синоду. Послѣдствій не было; а это значило, что никто на мое мнѣніе не возражалъ и что предположеніе оставлено безъ дѣйствія».

Услужливые люди, пользуясь минутой, предлагали для сего сдѣлать новый переводъ библіи съ греческаго *на славянскій языкъ*. «Не рѣдкая въ наше время черта,—писалъ по этому поводу моск. митропо-

(1) Митр. Григорію.

литъ Филаретъ,—что нѣкоторые люди мнятъ знать дѣло, ревновать о пользѣ, службу приносити Богу, а въ самомъ дѣлѣ угадываютъ (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь въ модѣ и покровительствуется сильными, и служатъ ей, въ надеждѣ, что и она имъ послужитъ». 9 мая 1846 г. (¹).

Объ источникѣ этого предположенія, равно какъ и другаго, стоящаго съ нимъ въ связи, о запрещеніи народу читать слово Божіе, не двусмысленно, хотя, впрочемъ, только предположительно, писалъ преосв. Григорій къ митр. Филарету: «не могу постигнуть, откуда происходитъ такое мнѣніе? Не есть ли оно изобрѣтеніе всегда скрытно дѣйствующихъ агентовъ *латинства?*» (²).

Послѣ того, какъ не состоялось дѣло о провозглашеніи славянской библіи въ исключительномъ достоинствѣ, предположенія обратились, въ томъ же направленіи, къ исключительному употребленію славянскаго текста и греческаго перевода LXX въ духовныхъ училищахъ при изъясненіи священнаго писанія, съ устраненіемъ отъ сего текста еврейскаго, какъ испорченнаго. Косвенно черезъ это подвергались запрещенію всѣ попытки перевода цѣлыхъ священныхъ книгъ или только отдѣльныхъ мѣстъ съ еврейскаго и всякое обращеніе къ еврейскому тексту. Преосв. Филаретъ, м. московскій, и въ этотъ разъ отстоялъ равночестное достоинство еврейскаго и греческаго текстовъ, представивъ въ 1845 г. въ Св. Синодъ пространную записку «о догматическомъ до-

(¹) *Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс.* 1868 г. кн. 2. См. стр. 185.
(²) Письмо преосв. Григорія къ м. Филарету отъ 12 декабря 1844 г. въ *Прав. Обозр.* 1861 г. ч. V, стр. 3—18.

стоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго семидесяти толковниковъ и славянскаго перевода священнаго писанія». Записка эта еще при жизни митр. Филарета, но уже только въ 1858 г., напечатана была въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ».

Таковъ былъ рядъ мѣръ, направленныхъ противъ перевода библіи на русскій языкъ въ разсмотрѣнное нами время.

И. Чистовичъ.

(Продолженіе будетъ).

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Барсов

Иоанн (Соколов),епископ Смоленский, как проповедник

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 11. С. 420-440.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ІОАННЪ,

ЕПИСКОПЪ СМОЛЕНСКІЙ,

КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ.

«Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа смоленскаго, сказанныя смоленской паствѣ». Смоленскъ. 1871 г.

Одинъ изъ усердныхъ почитателей памяти и таланта преосвященнаго Іоанна, нѣкто г. Н. Б., пользуясь позволеніемъ его наслѣдниковъ, собралъ и издалъ плоды его проповѣднической дѣятельности въ Смоленскѣ—«бесѣды, поученія и рѣчи», помѣщенныя въ разное время, по мѣрѣ произнесенія, въ мало кому извѣстныхъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Нельзя не пожалѣть, конечно, что почтенный издатель не внесъ въ свой сборникъ проповѣдей предшествовавшаго, болѣе блестящаго періода проповѣднической дѣятельности преосвящ. Іоанна,—нельзя не пожалѣть тѣмъ болѣе, что перепечатка ихъ изъ «Христіанскаго Чтенія» и «Православнаго Собесѣдника» не представила бы большаго труда; тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что любители духовно-назидательнаго чтенія будутъ благодарны ему и за то, что онъ сдѣлалъ. Изданныя г. Н. Б. проповѣди преосв. Іоанна нѣсколько слабѣе или, говоря точнѣе, проще, низменнѣе, ординарнѣе, чѣмъ проповѣди, сказанныя въ

Петербургѣ и особенно въ Казани, создавшія его проповѣдническую знаменитость, и перепечатанныя въ свое время въ свѣтскія газеты и даже, въ качествѣ образцовъ церковнаго краснорѣчія, въ учебныя хрестоматіи (гг. Галахова и Филонова). Прежде всего, конечно, это зависѣло отъ характера паствы, предъ которою проповѣдывалъ преосв. Іоаннъ въ Смоленскѣ. Епископскій санъ проповѣдника, съ другой стороны, какъ извѣстно, дѣлаетъ авторитетнымъ его слово и независимо отъ блестящихъ ораторскихъ красотъ и до нѣкоторой степени уполномочиваетъ его меньше заботиться о внѣшнемъ изяществѣ слова. Наконецъ, изъ напечатанныхъ въ настоящемъ сборникѣ проповѣдей многія говорились одна за другою каждый день (напримѣръ проповѣди на дни страстной седмицы), такъ, что проповѣднику не было, можетъ быть, и времени на болѣе тщательную обработку ихъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на все вышесказанное, оригинальная даровитость нашего знаменитаго оратора бьетъ и въ нихъ роскошною и обильною струею, и прекрасныя качества ораторскаго таланта преосв. Іоанна, въ большей или меньшей мѣрѣ, сказываются въ каждомъ изъ настоящихъ его поученій.

Преосв. Іоаннъ на самой первой порѣ своей проповѣднической дѣятельности, какъ извѣстно, является новаторомъ въ области церковнаго слова. Онъ привнесъ въ современную проповѣдь и сдѣлалъ въ ней господствующимъ такъ называемый публицистическій элементъ. Начиная съ самыхъ первыхъ его проповѣдей, появившихся въ печати съ именемъ проповѣдника,—каковы: «слово въ недѣлю православія и

на день торжественнаго вступленія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича» ([1]) и

([1]) Произнесено въ казанскомъ соборѣ 24 февраля 1856 года. Это былъ первый опытъ проповѣди преосв. Іоанна въ томъ родѣ, какой впослѣдствіи составилъ его славу. (Проповѣди, говоренныя до этого времени, въ бытность проповѣдника баккалавромъ, потомъ профессоромъ и инспекторомъ с.-петерб. академіи, при всемъ своемъ достоинствѣ имѣли предметомъ болѣе или менѣе общіе вопросы догматики и морали). Послѣ небольшаго вступленія выразивши мысль, что «народное просвѣщеніе, развитіе жизни общественной, жизнь по современнымъ идеямъ гражданственности, промышленности, разнообразной изобрѣтательности» суть тѣ предметы, на которые «направлены общія мысли и стремленія въ нашемъ отечествѣ»,—проповѣдникъ задаетъ себѣ вопросъ: «какъ мыслитъ объ этихъ предметахъ, объ этихъ стремленіяхъ церковь?» и, отвѣчая на него, развиваетъ тотъ свой взглядъ на взаимныя отношенія ученія церкви и идей гражданственности, какой подробнѣе, во всѣхъ частностяхъ, развиваетъ въ послѣдующихъ своихъ проповѣдяхъ. Здѣсь же впервые высказана его любимая мысль, основной старо-славянофильскій принципъ, который такъ часто повторяетъ онъ потомъ: «для Россіи есть своя самобытная школа и ограда истиннаго просвѣщенія—церковь, которая изъ начала воспитала и возрастила отечество наше въ своихъ нѣдрахъ: доколѣ отечество сохранитъ свой духовный союзъ и единеніе съ церковію, дотолѣ пребудетъ въ немъ истинный свѣтъ и тьма его не обыметъ»... Мы живо помнимъ громадное впечатлѣніе, произведенное этою проповѣдію на слушателей. По окончаніи обѣдни и молебна, толпа лицъ, стоявшихъ на клиросѣ, съ лентами черезъ плечо и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, окружила проповѣдника, испрашивая благословенія или просто пожимая ему руки. Была ли то простая, случайная, безпричинная и безцѣльная великосвѣтская любезность, или проповѣднику удалось серьезно затронуть мысль и чувство «благорожденныхъ слушателей» (обычное обращеніе преосв. Іоанна въ проповѣдяхъ, сказанныхъ при дворянскихъ выборахъ), какъ бы то ни было, проповѣдникъ, согласно просьбамъ этихъ лицъ, въ тотъ же, кажется, день отослалъ свою проповѣдь въ типографію для напечатанія, сдѣлавъ, согласно замѣчаніямъ покойнаго высокопреосв. митрополита Григорія, строгаго пуриста въ словоупотребленіи, замѣну нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ русскими. Такъ, мы помнимъ, въ заключительной фразѣ проповѣди: «*пусть же такія мысли и правила, именно такія, а не иныя, отъ края до края движутся по желѣзнымъ дорогамъ, передаются по телеграфамъ*» и проч., слова: *по телеграфамъ*, замѣнены фразой: «*по желѣзнымъ скороговорнымъ нитямъ*». Отдавая проповѣдь въ печать, проповѣдникъ (въ то время ректоръ спб. семинаріи), въ качествѣ члена

слова «о христіанскомъ просвѣщеніи народа» (съ знаменитымъ «народъ, помни Бога!»), всѣ проповѣди его, сказанныя до посвященія его въ санъ епископа, имѣютъ своимъ предметомъ обсужденіе, съ религіозной точки зрѣнія, того или другаго капитальнаго современнаго вопроса и представляютъ всегда своеобразное, остроумное и глубоко-основательное его рѣшеніе. Таковъ же характеръ и настоящихъ его «бесѣдъ, поученій и рѣчей». Содержаніе почти всѣхъ ихъ составляетъ опять рѣшеніе, съ религіозной точки зрѣнія, современныхъ общественныхъ вопросовъ, занимающихъ образованный русскій міръ. Въ последнее время, правда, и всѣ наши проповѣдники более или менѣе живо сознаютъ необходимость привнести въ свою проповѣдь элементъ современности; рѣдко въ настоящее время услышите «слово», въ которомъ бы не упоминалось «настоящее время, когда...» и проч. Но большею частію это затрогиваніе современности оказывается риторической фигурой, прикрасой, невинною военной хитростію, для того, чтобы привлечь вниманіе слушателей къ своей проповѣди. Трактовать въ цѣломъ словѣ одинъ какой-нибудь современный общественный вопросъ оказывается большею частію не по силамъ нашимъ зауряднымъ про-

духовно-цензурнаго комитета, не счелъ нужнымъ испрашивать на то особаго разрѣшенія цензуры. Между тѣмъ, по недоразумѣнію въ типографіи, по отпечатаніи, на оберточномъ листкѣ брошюры, оказалась обычная надпись цензурнаго комитета, за подписью «цензора профессора Карпова». Это обстоятельство стоило преосв. Іоанну не малыхъ хлопотъ и непріятностей... Рукопись была отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и, не бывъ пущена въ продажу, быстро разошлась, такъ что проповѣдь стала распространяться въ спискахъ; о ней заговорили «въ обществѣ», «въ свѣтѣ», и въ продолженіе нѣкотораго времени проповѣдникъ былъ «героемъ дня».

повѣдникамъ, и, кое-какъ прицѣпивъ къ своему «слову» въ приступѣ, или заключеніи, современность, «настоящее время, когда...», они затѣмъ безъ особеннаго труда обращаются исключительно къ какой либо общей мысли нравоученія или догматики, или же даютъ такое незатѣйливое, избитое рѣшеніе поставленнаго въ началѣ проповѣди вопроса, что оно не удовлетворяетъ самыхъ непритязательныхъ слушателей... Преосв. Іоаннъ не занимается въ своихъ проповѣдяхъ изложеніемъ и раскрытіемъ общихъ истинъ христіанскаго ученія или повтореніемъ, лишь въ видоизмѣненной формѣ, общеизвѣстныхъ правилъ христіанской морали; у него, такъ называемое въ гомилетикахъ, частное содержаніе проповѣди беретъ перевѣсъ надъ общимъ, которое у него болѣе предполагается, нежели высказывается. А современные общественные вопросы у него служатъ не поводомъ только или риторической прикрасой проповѣди, но темой, предметомъ цѣлой проповѣди; рѣшая въ ней, съ свойственною ему глубиною мысли, тотъ или иной общественный или соціальный вопросъ, онъ исчерпываетъ его вполнѣ и аподиктически, не оставляя ничего недосказаннаго и невыясненнаго, не порождая въ умѣ слушателя никакихъ недоумѣній и сомнѣній... Способности формулировать современные религіозные вопросы и освѣщать ученіемъ евангелія обсуживаемые ораторомъ явленія современной мысли и жизни —по истинѣ можно поучиться нашимъ современнымъ проповѣдникамъ у преосвящ. Іоанна. Близко и, по видимому, непосредственно знакомый съ современными интеллектуальными и соціальными интересами нашего общества, онъ какбы чутьемъ отгадываетъ

потребность раскрытія слушателямъ въ данную минуту именно тѣхъ мыслей, которыя только еще напрашиваются на уясненіе, находятся въ умахъ слушателей лишь въ видѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ понятій, не имѣющихъ формы, но ожидающихъ уже, чтобы кто-нибудь нашелъ приличное слово для ихъ выраженія и уяснилъ ихъ сознанію слушателей. Преосвящ. Іоаннъ не только даетъ этимъ неопредѣленнымъ понятіямъ опредѣленную форму, облекаетъ ихъ въ точное слово, но объясняетъ ихъ смыслъ и значеніе, при помощи тонкаго психологическаго анализа выясняетъ слушателямъ ихъ собственное душевное состояніе, и затѣмъ указываетъ исходъ и направленіе ихъ дальнѣйшаго пути—по руководству церкви и по началамъ христіанскаго ученія.

Оригинальный, какъ всегда, въ выборѣ и постановкѣ предмета въ своей проповѣди, преосв. Іоаннъ въ настоящихъ поученіяхъ не менѣе оригиналенъ въ его раскрытіи и изложеніи. Отбросивъ рутинные, традиціонные пріемы изложенія, какъ напримѣръ искусственное методическое расположеніе мыслей по отдѣламъ, усnащиваніе проповѣди текстами—такъ называемый библейскій (но не церковно-библейскій) обликъ проповѣди, нашъ проповѣдникъ вездѣ слѣдуетъ непосредственному и естественному теченію мыслей и излагаетъ ихъ общеупотребительною литературною рѣчью, по степени изящества и художественности не уступающею образцовымъ нашимъ духовнымъ и свѣтскимъ писателямъ.

Вообще мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что проповѣдническая дѣятельность преосв. Іоанна составляетъ не просто рѣзко выдающееся явленіе въ

новѣйшей исторіи нашего проповѣдничества, но и характеризуетъ собою начало новаго ея періода, отмѣчаетъ новую эпоху въ ея развитіи. Послѣ его словъ, намъ кажется, настоящая церковная проповѣдь, обращенная къ образованному обществу, не можетъ быть иною, какъ только такою, какою она является въ устахъ преосв. Іоанна, то есть, проповѣдію публицистическою, разъясняющею принципы христіанскаго міровоззрѣнія въ ихъ соприкосновеніи съ вопросами современной общественной и соціальной жизни.

Есть еще одна сторона въ изданныхъ г. Н. Б. поученіяхъ преосвящ. Іоанна, составляющая, какъ намъ кажется, характеристическую ихъ особенность въ сравненіи съ проповѣдями предыдущаго періода его проповѣднической дѣятельности: это—субъективный, лирическій элементъ въ нихъ. Въ этихъ автобіографическихъ отступленіяхъ проповѣдника, въ этихъ обращеніяхъ его къ своей *личности*, а также и къ слушателямъ отъ своего лица, въ этомъ отечески-фамиліарномъ тонѣ поученія — какъ нельзя болѣе умѣстныхъ въ властномъ отеческомъ тонѣ проповѣдника-архипастыря—есть что-то напоминающее лиризмъ бесѣдъ и словъ св. Григорія Богослова. Видно, что проповѣдникъ на этотъ разъ проповѣдуетъ не по оффиціи только, не по назначенію отъ начальства, а и въ слѣдствіе внутренней потребности высказаться, передать внимающей ему паствѣ свои задушевныя, продуманныя и прочувствованныя идеи,—что онъ относится къ этого рода обязанностямъ своего пастырскаго служенія съ особенною охотою, съ любовію,—влагаетъ въ него свою *душу*... Человѣкъ, по установившемуся о немъ понятію, черствый и сухой,

строгій отвлеченный мыслитель, преосвящ. Іоаннъ въ настоящихъ своихъ проповѣдяхъ неожиданно является человѣкомъ теплой души, съ широко-развитыми симпатіями, съ нѣжностію и задушевностію чувства... Обыкновенно ничего нѣтъ труднѣе, какъ охарактеризовать большую часть нашихъ проповѣдей: до того онѣ безличны, безхарактерны, удивительно какъ похожи одна на другую, какъ солдаты, выстроенные въ шеренгу и одѣтые въ однообразный мундиръ;—словно въ старинной ложно-классической одѣ, въ каждой изъ нихъ «сперва прочтешь вступленіе, тутъ предложеніе.... а тамъ и заключеніе». Не таково впечатлѣніе, производимое проповѣдями преосвящ. Іоанна. Это тѣ изъ немногихъ нашихъ проповѣдей, въ которыхъ сказывается личность оратора, по которымъ можно воспроизвесть черты его индивидуальности, открыть его задушевныя симпатіи и антипатіи, опредѣлить содержаніе и характеръ его міровоззрѣнія...

Читатель легко убѣдится въ справедливости нашихъ замѣчаній, если прочтетъ разсматриваемую нами книгу съ тѣмъ вниманіемъ, какого она заслуживаетъ. Здѣсь мы можемъ привести лишь нѣсколько выдержекъ для нѣкотораго знакомства читателей съ проповѣдями преосв. Іоанна.

«Не правда ли, что васъ занимаетъ теперь мысль, съ чѣмъ пришелъ къ вамъ новый пастырь», говоритъ проповѣдникъ въ заключеніе первой своей вступительной бесѣды, сказанной при первомъ священнослуженіи въ каѳедральномъ соборѣ. «И вотъ я хочу сказать, что пришелъ съ древнимъ духомъ Руси православной. Не подумайте, что одинъ видъ здѣшней

стороны напоминаетъ мнѣ этотъ духъ и обращаетъ къ нему мои мысли и чувства; не думайте, что древняго духа ищу я въ однѣхъ внѣшнихъ своеобразныхъ формахъ народной жизни, уже отжившихъ свой вѣкъ. Нѣтъ, я имѣю въ виду существенный, чистый духъ, самородный духъ древней Руси, независимый отъ преходящихъ условій времени и формъ, и называю его древнимъ потому, что онъ изначала жилъ на Руси и самобытно въ ней развивался преимущественно въ старинныя времена...» (стран. 7—8). «Онъ, этотъ духъ, всегда вѣрный самому себѣ, неизмѣнный въ своихъ коренныхъ началахъ вѣры и народности, невозмутимый въ своемъ національномъ сознаніи, непоколебимый въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ и совѣсти, которая изначала воспитана, утверждена и ограждена православною церковію, духъ этотъ и здѣсь, какъ повсюду въ Россіи, далъ всю нравственную и гражданскую силу небольшому сначала народу и направлялъ событія его исторіи къ его росту и единству... Что же нынѣ? Много-ли еще жизни въ этомъ духѣ? Много-ли его въ насъ осталось?.. Да, онъ еще не умеръ; онъ еще живетъ въ народѣ, но наибольшею частію—въ корнѣ народнаго организма, въ неиспорченной простотѣ народнаго быта, куда не доходило новѣйшее образованіе Россіи по чужимъ образцамъ, въ особенности куда не проникло еще недавнее у насъ направленіе образованныхъ умовъ и нравовъ. Вы знаете это направленіе: русское-ли оно? Много ли въ немъ русскаго духа?...» (стр. 9).

Съ такою ясностію и опредѣленностію выразилъ преосвященный проповѣдникъ основный принципъ своего міровоззрѣнія при первомъ же своемъ вступле-

нiи на епархiальную епископскую каѳедру. Читатель видитъ, что этотъ его принципъ есть не что иное, какъ коренной догматъ такъ называемаго славянофильства, въ его первичной, архаической формацiи. Москвичъ родомъ, выросшiй и воспитывавшiйся въ древней столицѣ въ то самое время, когда около С. Т. Аксакова и А. С. Хомякова группировалось тамъ все, что было въ ней интеллигентнаго, преосвящ. Iоаннъ не могъ не увлечься столь симпатичнымъ для человѣка духовной школы религiознымъ направленiемъ тогдашняго славянофильства со всѣмъ жаромъ даровитой юности.... Этотъ славянофильскiй принципъ, въ болѣе или менѣе ощутительныхъ проявленiяхъ, можно прослѣдить и во всей предшествовавшей епископству преосв. Iоанна его проповѣднической и литературной дѣятельности; а сдѣлавшись самостоятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ, въ качествѣ епархiальнаго архiерея, преосвященный не обинуясь полагаетъ его въ основу своей проповѣднической дѣятельности и остается ему вѣренъ во все дальнѣйшее ея продолженiе. Въ послѣдующихъ своихъ проповѣдяхъ, вездѣ, гдѣ представлялся ему случай, проповѣдникъ высказываетъ глубокую симпатiю къ народу, и теплымъ, задушевнымъ словомъ старается передать ее своимъ слушателямъ. Дума о народѣ, народномъ благѣ, народномъ образованiи, всякаго рода народномъ преспѣянiи, сопутствуетъ ему неразлучно, о чемъ бы онъ ни разсуждалъ въ своей проповѣди. Говоритъ ли онъ о любви и единенiи духа между пастыремъ и пасомыми, онъ не забываетъ замѣтить, что «это—сила, сила нравственная, которая много можетъ сдѣлать и въ духовной и въ общественной

жизни и... *въ нравахъ народныхъ*». «Ничто не можетъ одолѣть этой силы, когда, твердая въ своихъ основаніяхъ, она идетъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли *духовнаго развитія народа*» (стр. 2). Превосходную рѣчь, произнесенную въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, онъ начинаетъ такъ: «...Пойдемъ за словомъ туда, откуда пришли и куда возвратятся эти воспитанницы: тамъ, въ темныхъ и тѣсныхъ избахъ, гдѣ виды людей не простираются далѣе насущнаго хлѣба, гдѣ наилучшее наслажденіе имъ доставляетъ видъ покрытаго хорошо уродившимся хлѣбомъ поля, гдѣ и пастырь духовный, какъ и овцы его, питаются отъ земли и отъ тѣхъ мелкихъ долей, какія изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ удѣляютъ ему пасомые, — тамъ найдемъ, что думать и сказать относительно училищъ, подобныхъ здѣшнему» (стр. 35).

«День, который мы нынѣ празднуемъ», говоритъ проповѣдникъ въ одномъ изъ словъ на день восшествія на престолъ Государя Императора, «который съ началомъ настоящаго царствованія положилъ начало новому движенію жизни народной, стоитъ въ нашей исторіи какъ грань между прошедшимъ и настоящимъ Россіи, рѣзко раздѣляющая то и другое. Это движеніе, это начало новой жизни вызываетъ на размышленіе о судьбахъ русскаго народа. Широко поле историческихъ судебъ его, и когда обозрѣваемъ это поле, оно представляется намъ какъ поле пахатное, покрытое полосами,—которыя каждое царствованіе проводило въ жизни народа и засѣвало своими мыслями и дѣлами, а народъ пожиналъ ихъ. Теперь, на новой полосѣ, идетъ новая работа, уже не государственная только, а и народная, уже не съ тяже-

лымъ плугомъ прежнихъ временъ и не съ унылою пѣснью неволи, а съ бойкими звуками развивающейся жизни, и вырабатываетъ теперь русскій народъ дальнѣйшія судьбы для своихъ грядущихъ поколѣній. Какъ должна измѣниться жизнь Россіи, когда царствованіе, вѣрное своимъ началамъ и неизмѣнное въ своихъ идеяхъ, раскроетъ ихъ вполнѣ, а народъ, подъ его водительствомъ, разовьетъ всѣ свои силы»! (стр. 73—74).

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать хотя нѣкоторыя мѣста изъ слова въ день явленія смоленской иконы Божіей Матери,—хотя это слово заслуживало бы быть выписаннымъ все до послѣдней буквы. «Пройдите по всѣмъ концамъ Россіи: въ рѣдкомъ городѣ не найдете вы исторической, или чудотворной святыни, особенно чтимой мѣстнымъ населеніемъ. Вы увидите, какъ въ дни празднованія этой святыни поднимается все населеніе, мѣстное и окрестное, и даже отдаленное, и толпами, какъ волнами, приливаетъ къ ней,—какъ сельскіе жители несутъ свои послѣдніе трудовые гроши или скудныя домашнія издѣлія своихъ рукъ, чтобы положить ихъ къ подножію святыни. Какая сила такъ привязываетъ народъ къ его святынѣ? Какое стремленіе движетъ тутъ духомъ народнымъ? Тотъ ошибется, кто припишетъ это только силѣ преданія, обычая; еще болѣе ошибется тотъ, кто все это отнесетъ къ одному народному суевѣрію. Мало ли въ народѣ преданій, обычаевъ? Да нѣтъ въ нихъ той души, какая видна въ усердіи народа къ святынѣ. Мало ли въ народѣ суевѣрій? Да нѣтъ въ нихъ той, душу успокоивающей, силы, какая здѣсь открывается... Посмотрите

на душу простую, необразованную, когда она спѣшитъ къ своей родной святынѣ и предъ ней изливаетъ свои чувства и желанія; вы увидите тутъ ясность мысли, спокойствіе преданнаго Богу сердца, твердость убѣжденія, безбоязненное упованіе. И выходитъ изъ-подъ сѣни святыни душа, ободренная въ мысляхъ, освѣженная въ силахъ. Нѣтъ, это не суевѣріе! Это глубокая сила духа, сила нравственная, сила столько же религіозная, сколько и народная, народная не потому только, что принадлежитъ массѣ народа, но и потому, что основана на народной совѣсти, на убѣжденіяхъ народнаго духа... Укажите мнѣ силу, которая бы, безъ особенныхъ побужденій, безъ начальственныхъ распоряженій, безъ всякаго насилія, однимъ мановеніемъ могла двинуть народныя массы къ самымъ важнымъ и тяжкимъ подвигамъ, къ неодолимой борьбѣ со всякою противною силою, къ самымъ великимъ пожертвованіямъ... У другихъ народовъ такими силами нынѣ служатъ идеи прогресса, цивилизаціи, свободы; тамъ, подъ этими знаменами народныя массы движутся, волнуются, борются между собою. Покажите эти знамена нашему народу; онъ посмотритъ и спроситъ: есть ли на нихъ знаменіе креста? Нѣтъ?... Значитъ, скажетъ онъ, они не христіанскія. А вотъ мы воззовемъ къ народу во имя родной вѣры и святыни, и тогда нѣтъ силы, которая одолѣла бы нашъ народъ, нѣтъ жертвы, которой онъ не принесъ бы этимъ завѣтнымъ сокровищамъ и силамъ своей души и жизни... Люди, далеко стоящіе отъ народнаго быта, обыкновенно думаютъ, что въ религіи народа мало мысли и внутренней жизни, что его религія не болѣе, какъ об-

рядъ, внѣшность... Вотъ въ тѣхъ неразвитыхъ толпахъ, которыя особенно въ нѣкоторые дни стекаются въ нашъ городъ, вникните вы въ побужденія, заставляющія ихъ оставлять свои дома, хозяйства и семейства и съ черствымъ кускомъ хлѣба, подъ зноемъ или дождемъ, идти сюда; вступите съ ними въ серьезныя бесѣды, вслушайтесь въ ихъ вздохи, жалобы и мольбы: сколько живаго сознанія, сколько серьезной мысли и жизни, внутренней, душевной жизни найдете у нихъ! Здѣсь смиренный, недовѣрчивый къ себѣ, разумъ повергаетъ предъ Богомъ тяготящій душу его вопросъ жизни, и темная мысль ищетъ свѣта; здѣсь растерзанное скорбями сердце проситъ отрады; здѣсь совѣсть, смущенная грѣхомъ, молитъ о благодатномъ прощеніи и мирѣ; здѣсь душа, не знающая въ мірѣ другой опоры для себя кромѣ Бога, въ чаяніи помощи Его, даетъ Ему свои простодушные обѣты; здѣсь рабочая рука, сама себѣ выработывающая дневной кусокъ хлѣба, поднимается къ небу, призывая благословеніе Божіе на свои тяжелые труды; словомъ, тутъ является и сказывается жизнь, сама жизнь, какъ она есть, во всей, ничѣмъ не прикрытой, дѣйствительности, жизнь не лживая, не искусственная, не праздная, со всѣми ея нуждами и задачами»...

Симпатіи нашего проповѣдника, впрочемъ, не ограничиваются народомъ, не изчерпываются его матеріальными и духовными нуждами. Съ такимъ же чувствомъ высокой христіанской любви, съ тѣмъ же глубокимъ пониманіемъ дѣла, обращается онъ и къ другимъ низменнымъ сферамъ человѣческаго существованія, умѣетъ понять и живописать матеріаль-

ную нужду бѣдняка—пролетарія, и изнемогшую больную душу измученнаго внутреннею душевною борьбою страдальца, и всякое человѣческое горе и нужду.

«Самая жалкая жизнь,—говоритъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ,—при всемъ ея внѣшнемъ ничтожествѣ, имѣетъ свое значеніе нравственное: и бѣднякъ имѣетъ духъ, слѣдовательно имѣетъ свою нравственную силу и свою долю участія въ общей жизни людей; его мысли, чувства, намѣренія, дѣйствія—все это отъ него такъ же, какъ и отъ другихъ, идетъ въ общую массу дѣлъ человѣческихъ, и онъ, какъ и всѣ, имѣетъ свои нравственныя отношенія къ другимъ, къ обществу, человѣчеству. Этого уже довольно, чтобы не считать его жизнь ничего незначащею. А что, если внутренняя жизнь бѣднаго еще богатѣе богатыхъ? Что, если подъ отрепьями и безъ куска хлѣба таится сила души, болѣе другихъ способная дѣйствовать въ мірѣ? И знаемъ мы, что изъ среды бѣдняковъ, почти умиравшихъ съ голода, выходили, и не слишкомъ рѣдко, великіе дѣятели въ умственной, нравственной, религіозной, общественной жизни народовъ. Тутъ внутренняя жизнь, ея сила духовная вступала въ открытую борьбу со внѣшнею жизнью, ея горькою долею, и—или торжествовала надъ нею и измѣняла ее къ лучшему, или падала жертвою борьбы, но и въ самой борьбѣ выказывала все богатство и величіе своихъ внутреннихъ силъ... Но есть сила въ мірѣ, которая и самую безсильную жизнь можетъ сдѣлать не напрасною и не безплодною: то — нравственная сила христіанства»... (стр. 26—27).

«Жизнь каждаго изъ насъ есть капля въ морѣ

жизни цѣлаго человѣчества. Наука открыла въ каждой каплѣ воды цѣлый міръ жизни: тутъ незримо для нашихъ глазъ вмѣщаются особые роды существъ, которыя родятся, движутся, плодятся, совершаютъ свой кругъ бытія со всѣми естественными дѣйствіями и проявленіями жизни. То, что эта микроскопическая жизнь незамѣтна для нашего глаза, отнимаетъ ли у ней всякое значеніе въ мірѣ? Безъ сомнѣнія— нѣтъ. Такъ, внутри каждаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ, не всегда явно по наружности, тѣмъ не менѣе дѣйствительно, движется цѣлый міръ,—міръ мысли и чувства, желаній и страстей, добра и зла, радостей и скорбей... И тотъ, котораго жизнь ограничивается только насущными потребностями, и тотъ, котораго внутренней жизни никто другой не знаетъ и знать не хочетъ, и тотъ, котораго внутренняя жизнь представляется намъ слишкомъ мало развитою, чтобы придавать ей какое нибудь значеніе, и онъ все тоже, что и всѣ другіе, носитъ въ душѣ своей. Чего онъ не испытываетъ въ самомъ себѣ, какихъ мыслей и чувствъ, какой борьбы, какихъ бурь и страданій не переработаетъ въ душѣ своей! И если все это не имѣетъ значенія для другихъ, то очень важно для него самого: тутъ развивается его внутренній міръ, выработывается его личная судьба, его нравственное значеніе. А безсмертная душа, съ ея неумирающими потребностями? А образъ Божій въ человѣкѣ...? А благодать искупленія...?»

«Бываютъ тяжелыя минуты въ жизни человѣка— минуты душевнаго разлада. Душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое

значеніе; онъ самъ себя спрашиваетъ: зачѣмъ дана ему жизнь? Умъ, терзаемый всеотрицаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее ко всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ: какое ужасное состояніе! Тогда ядъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшею смертію вдвойнѣ—нравственною и физическою. Что можетъ спасти тогда человѣка?... Вспомни онъ тогда, что онъ христіанинъ; сквозь мракъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души: тамъ скрытъ благодатный свѣтъ христіанства, тамъ примиришься съ жизнью и поймешь ея высокій смыслъ...»

Относясь съ глубокою любовію къ своему народу, обнаруживая такъ много пониманія его духовныхъ нуждъ, его національнаго темперамента и характера, свойствъ его внутренней жизни, нашъ проповѣдникъ чуждъ, однакожъ, духа національной исключительности и замкнутости, и едва-ли будетъ справедливъ тотъ, кто вздумалъ бы упрекнуть преосв. Іоанна въ такъ называемомъ квасномъ патріотизмѣ. «Какія судьбы вдали ожидаютъ Россію?» спрашиваетъ онъ въ одной изъ проповѣдей. «Не дано намъ видѣть будущее. Но *каждый народъ, кромѣ мѣстной своей судьбы, имѣетъ участіе въ судьбахъ другихъ народовъ, и еще далѣе—въ судьбахъ всего человѣчества. Не здѣсь-ли, въ этихъ судьбахъ общечеловѣческихъ, надобно искать разрѣшенія народныхъ судебъ?*... Русскому народу болѣе, чѣмъ всякому другому, открытъ путь во всю высоту и широту міровыхъ судебъ, потому что ни у одного народа святыня вѣры не соединяется съ такимъ народнымъ мо-

гуществомъ и съ такою историческою силою, какъ у русскаго. Великія судьбы ожидаютъ Россію и въ собственной ея жизни, и въ цѣломъ мірѣ, если она пойметъ свое призваніе, не забудетъ его, и не дастъ сбить себя съ этого пути». И затѣмъ проповѣдникъ, съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ и пониманіемъ дѣла, въ большей части настоящихъ поученій, философствуетъ, съ точки зрѣнія вѣрующаго христіанина, о разныхъ вопросахъ общеевропейской публицистики и общечеловѣческаго міросозерцанія: объ основныхъ общихъ законахъ жизни народовъ (стр. 74—83), о свободѣ политической и гражданской, о свободѣ совѣсти и мысли, о женской эмансипаціи, о принципахъ суда, объ условіяхъ истиннаго человѣческаго счастія, о законахъ нравственной жизни человѣка, о характерѣ современныхъ лжеученій и проч.

Здѣсь мы должны замѣтить, что, дѣлая современность главнымъ предметомъ своей бесѣды, проповѣдникъ большею частію является ея обличителемъ,— въ особенности обличителемъ невѣрія и отрицанія, почерпаемыхъ изъ фельетонныхъ глумленій и нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ легкаго содержанія. Но обличеніе его такъ элегически-мягко, въ немъ столько научной компетентности, такое богатство знаній по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, столько искренности, правдивости, безпристрастія и серьезнаго достоинства, что едва-ли самый притязательный свободный мыслитель рѣшится упрекнуть его въ чемъ либо похожемъ на обскурантизмъ. Нашъ проповѣдникъ—не столько обличитель, въ строгомъ смыслѣ этого слова, современныхъ аномалій въ области мысли и уклоненій отъ нравственнаго христіанскаго идеала, расточающій іе-

ремiады и укоризны, сколько апологетъ *христiанскихъ основъ жизни,* выясняющiй истинный духъ церкви въ ея отношенiяхъ къ современной жизни, —глубокоученый богословъ, близко и непосредственно знакомый съ современными научными доктринами и проникающiй въ ихъ суть. Проповѣдника печалитъ не прогрессивный характеръ современности, за который, въ принципѣ, онъ самъ твердо стоитъ, и которому, говоря вообще, глубоко сочувствуетъ, а то, что «страшная быстрота и шумъ движенiй современнаго мiра, на всѣхъ парахъ несущагося по новопроложеннымъ путямъ своихъ стремленiй къ саморазвитiю умственному, нравственному и общественному, независимому ни отъ какого, хотя бы и высшаго, авторитета истины и нравственности, не даетъ ему ни слышать голоса церкви, ни остановиться въ ея предѣлахъ. Въ быстротѣ и шумѣ его стремленiй церковь кажется ему слишкомъ неподвижною, слишкомъ безжизненною, наполненною образами древнихъ временъ, уже потерявшими для новаго времени свое значенiе и силу плодотворную» (стр. 65) (1),—между тѣмъ какъ «сре-

(1) При чтенiи этого мѣста въ проповѣди преосв. Іоанна намъ невольно припоминается превосходная характеристика отношенiй современной науки въ вѣрѣ и церкви, какую находимъ въ предисловiи Ю. Ѳ. Самарина къ богословскимъ сочиненiямъ Хомякова (стр. III и слѣд.). „Подъ влiянiемъ направленiя, даннаго на западѣ, наука смотритъ на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанiя, изъ которой человѣчество должно выбиваться на просторъ. Временная необходимость вѣры, ея условная законность, какъ одного изъ моментовъ безначальнаго и безконечнаго развитiя чего-то саморазвивающагося, не оспаривается; но этимъ же признанiемъ за нею нѣкотораго значенiя заявлялась и ея ограниченность, какъ преходящей формы, которою это *нѣчто* не могло удовлетворяться навсегда», и пр. Какъ удивительно могутъ совпадать частныя мысли, самыя выраженiя у двухъ писателей, вовсе незнакомыхъ между собою, какъ скоро въ своемъ мiровоззрѣнiи они выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ!

ди хаоса мнѣній, ни въ чемъ еще не утвердившихся, неясныхъ и неопредѣленныхъ, среди вольномыслія, лжемыслія въ самыхъ важнѣйшихъ вопросахъ человѣческаго духа, среди общаго броженія умовъ, все колеблющаго, но еще ничего не создавшаго, гдѣ умъ благомыслящій найдетъ утвержденіе и огражденіе, умъ колеблющійся—опору, умъ заблуждающійся—путь истины, гдѣ самая истина можетъ имѣть убѣжище и надежную охрану, какъ не въ церкви,—тѣсномъ союзѣ вѣрующихъ, для того и основанномъ, чтобы быть хранилищемъ чистой христіанской истины?»

Но мы никогда бы не кончили, если бы вздумали выписывать все, что есть прекраснаго въ проповѣдяхъ преосвящ. Іоанна. Наша цѣль въ настоящемъ случаѣ будетъ вполнѣ достигнута, если читатель возметъ въ руки книгу, изданную г. Н. Б.; онъ прочтетъ ее, мы увѣрены, отъ первой страницы до послѣдней и испытаетъ все то наслажденіе, какое свойственно человѣку испытывать при изученіи художественныхъ произведеній человѣческаго слова, составляющихъ плодъ зрѣлой и глубокой мысли. Въ области церковной проповѣди намъ давно—давно, можетъ быть со временъ Иннокентія, не доводилось читать что либо подобное бесѣдамъ преосв. Іоанна.

Въ предисловіи, которое предпосылаетъ самымъ проповѣдямъ издатель настоящаго сборника, онъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о проповѣднической дѣятельности преосв. Іоанна въ Смоленскѣ. Прибытію новаго архипастыря въ Смоленскъ предшествовала громкая слава о его многостороннемъ образованіи и высокомъ проповѣдническомъ талантѣ. «Но нужно признаться, замѣчаетъ почтенный издатель, мы не могли представить себѣ, на какую

высоту созерцанія можетъ восходить умъ, просвѣщенный наукою..., съ какою легкостію онъ въ состояніи бываетъ овладѣвать вопросами вѣры и жизни и съ какою силою мысли и изяществомъ слова можетъ отвѣчать на нихъ». Проповѣдь преосв. Іоанна превзошла самыя смѣлыя ожиданія его слушателей, и чѣмъ болѣе они слушали ее, тѣмъ болѣе возбуждала она ихъ вниманіе, тѣмъ болѣе поражала ихъ глубиною мысли оратора, свѣтлостію и широтою его взглядовъ, ясностію пониманія современныхъ вопросовъ и потребностей общества и неподражаемымъ искусствомъ удовлетворять этимъ потребностямъ...

Владѣя даромъ слова какъ немногіе, преосвящ. Іоаннъ тѣмъ не менѣе всегда готовился къ произнесенію проповѣди заблаговременно, всегда напередъ тщательно обработывалъ ее: примѣръ достоподражаемый для нашихъ проповѣдниковъ! Готовясь къ выходу на каѳедру, преосвященный обыкновенно надѣвалъ одну и ту же митру—бѣлую съ золотою сѣткою, которую его слушатели поэтому прозвали: «шапка—говорунъ». Никакихъ другихъ приготовленій предъ выходомъ его на каѳедру не дѣлалось, аналогія не ставилось: когда наставало время говорить поученіе, преосвященный выходилъ изъ алтаря, бралъ въ лѣвую руку архіерейскій посохъ, становился на амвонъ и говорилъ не громко, но ясно, плавно, спокойно, безъ особенныхъ интонацій, такъ что проповѣдь его, по способу произнесенія, походила на безъискусственную домашнюю бесѣду; но она лилась безостановочно, пока ораторъ не прерывалъ ея какимъ нибудь вопросомъ, который какбы задавалъ слушателямъ для размышленія на будущее время.

Н. Барсовъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. В.Г. Рождественский

История Новозаветного канона

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 11. С. 441-495.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИСТОРІЯ НОВОЗАВѢТНАГО КАНОНА.

(*Продолженіе.*)

Первый періодъ исторіи образованія новозавѣтнаго канона.

Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго періода исторіи образованія новозавѣтнаго канона, мы во 1-хъ представимъ возможно-обстоятельное обозрѣніе всѣхъ дошедшихъ до насъ изъ апостольскаго вѣка и ближайшаго къ нему времени извѣстій, свидѣтельствующихъ о весьма раннемъ появленіи въ церкви сборниковъ апостольскихъ писаній, и объ употребленіи ихъ, какъ книгъ священныхъ, каноническихъ, на ряду съ писаніями ветхозавѣтными; и во 2-хъ, въ виду нѣкоторыхъ возраженій отрицательной критики противъ того и другаго, укажемъ тѣ обстоятельства, которыя имѣли существенное вліяніе на быстрый ходъ этого собранія и утвержденія каноническаго достоинства апостольскихъ книгъ въ первенствующей христіанской церкви.

I. Есть извѣстіе, передаваемое патріархомъ Фотіемъ въ своей библіотекѣ ([1]), что будтобы еще

([1]) Photii, Bibliotheca, graec. edit. D. Hoeschelius, latin. vero redd. Andr. Schottus Antverpianus, Genevae, 1612. Cod. 254, pag 1403. Патр. Фотій приводитъ это извѣстіе изъ одного анонимнаго по-

св. апостолъ Іоаннъ Богословъ, послѣ возвращенія изъ заточенія съ о. Патмоса и поселенія въ Ефесѣ, собралъ и привелъ въ порядокъ новозавѣтныя, апостольскія писанія, присоединивъ къ существовавшимъ тремъ евангеліямъ свое—четвертое. Хотя это извѣстіе и не имѣетъ за собою авторитета глубокой древности, а равно для подтвержденія его нѣтъ прямыхъ историческихъ данныхъ; тѣмъ не менѣе несправедливо и отвергать свидѣтельство его, какъ совершенно ложное, легендарное, какимъ представляется оно для многихъ изслѣдователей новозавѣтнаго канона (1). Въ основаніи этого извѣстія, каковъ бы ни былъ его источникъ, лежитъ несомнѣнно справедливая мысль,—не та только, что св. Іоаннъ Богословъ, какъ послѣдній изъ писателей — апостоловъ, дарованіемъ церкви своихъ богодухновенныхъ писаній заключилъ рядъ священныхъ новозавѣтныхъ книгъ, но и та, что начало самому собранію ихъ въ одинъ составъ или канонъ, въ разныхъ мѣстныхъ церквахъ, было положено еще при апостолахъ и происходило, вѣроятно, во многихъ изъ нихъ не безъ руководства апостольскаго; и въ частности именно св. апостолъ Іоаннъ, котораго святую и дѣятельную жизнь не безъ

вѣствованія подъ заглавіемъ: Μαρτύριον Τιμοθέου τοῦ ἀποστόλου. Какъ древне это повѣствованіе—неизвѣстно.

(1) Въ сущности ту же самую мысль, хотя и независимо отъ передаваемаго п. Фотіемъ извѣстія, развиваетъ и доказываетъ, какъ мы сказали, и о. прот. Горскій въ поименованной нами выше статьѣ; и если выводы его во многихъ случаяхъ держатся на однихъ лишь болѣе или менѣе вѣроятныхъ историческихъ предположеніяхъ, не имѣя опредѣленныхъ фактическихъ основаній для себя, то тѣмъ не менѣе нельзя отказать имъ въ большей или меньшей справедливости, а не рѣдко и въ полной несомнѣнности. Но и указанное извѣстіе п. Фотія, правильно понимаемое, думаемъ мы, говоритъ не болѣе и не иное что, какъ тоже, что доказываетъ и нашъ почтенный ученый.

особенныхъ высшихъ цѣлей божественный Пастыреначальникъ церкви хранилъ такъ долго, имѣлъ, можно думать, существенное участіе въ собраніи и утвержденіи канона новозавѣтныхъ писаній въ различныхъ христіанскихъ церквахъ, и ближайшимъ образомъ, разумѣется, въ церкви ефесской и другихъ малоазійскихъ церквахъ, среди которыхъ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Для этихъ предположеній мы имѣемъ уже болѣе или менѣе положительныя историческія данныя. Для бóльшаго удобства и ясности дѣла мы разсмотримъ эти данныя отдѣльно,— сначала относительно канона нашихъ евангелій и потомъ относительно другихъ апостольскихъ книгъ.

А. Что касается канона нашихъ св. евангелій— Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, то ясно и твердо хранившееся въ древней церкви преданіе открываетъ намъ, что когда св. апостолъ Іоаннъ приступилъ къ написанію своего евангелія, первыя три евангелія (Матѳея, Марка и Луки) были уже распространены повсюду, были подъ руками у него самого, и что онъ, засвидѣтельствовавъ истинность этихъ евангелій, побуждаемый просьбами малоазійскихъ христіанъ, рѣшился восполнить ихъ повѣствованіе описаніемъ такихъ событій и рѣчей І. Христа, которыя были опущены ими [1]. Не вѣрить въ истинность и пол-

[1] Слѣды этого преданія можно видѣть еще въ дошедшемъ до насъ изъ второй половины втораго вѣка такъ называемомъ Мураторіевомъ канонѣ новозавѣтныхъ книгъ или Мураторіевомъ отрывкѣ (см. свѣдѣнія о немъ и самый текстъ его въ Введеніи въ новоз. книги св. писанія, Герике, перев. съ нѣмецкаго подъ ред. архим. Михаила, 2 пол., стр. 201). Болѣе ясно и полно передаютъ это преданіе: Климентъ Александрійскій (у Евсевія, Церк. исторія, кн. III, 24), Ѳеодоръ Мопсуетскій (см. B. Corderi, Catena Patrum Graecorum in Ioannem, Antwerp., 1630 Prooemium), затѣмъ бл. Іеронимъ (см.

30*

ную достовѣрность этого древняго преданія мы не имѣемъ никакихъ основаній. Напротивъ съ нимъ согласуются, какъ извѣстно, и особенныя свойства нашего четвертаго евангелія,—свойства, замѣченныя еще древними учителями церкви, называвшими его по преимуществу евангеліемъ духовнымъ (πνευματικόν) (¹), и которыя признаетъ за нимъ и современная наука, считающая его дѣйствительно восполненіемъ первыхъ трехъ евангелій и относительно отдѣльныхъ повѣствованій и относительно духовнаго характера (²). Ни мало не противорѣчатъ также этому преданію относительно образованія нашего четвероевангелія обстоятельства происхожденія и распространенія и первыхъ трехъ евангелій. Будучи написаны болѣе или менѣе за долго еще до разрушенія Іерусалима и вручены непосредственно самими священными писателями ихъ членамъ главнѣйшихъ апостольскихъ церквей іерусалимской, римской и антіохійской, съ яснымъ притомъ завѣщаніемъ—принять и хранить вручаемыя писанія, какъ священнѣйшій залогъ и воспоминаніе устно преподаннаго св. апостолами благовѣстія о спасеніи (³), книги первыхъ

Prolegus Comment. in evang. Mattaei, p. 18—19. (Migne, t. XXVI) cf. de Viris illustribus, cap. IX (Migne, tom. XXIII, p. 624).

(¹) Евсевія Церк. исторія, кн. VI, 14.

(²) Введеніе въ новозав. книги св. писанія, соч. Герике, вып. 1, стр. 153.

(³) См. подробное изложеніе обстоятельствъ написанія каждаго изъ этихъ евангелій у Герике—Введеніе въ новоз. книги св. писанія, вып. I, стр. 97 и дал. Мы не указываемъ на весьма близкое, не рѣдко буквальное сходство различныхъ мѣстъ въ посланіяхъ ап. Павла, Іакова и др. съ рѣчами І. Христа, какъ онѣ излагаются въ евангеліяхъ (наприм. I Кор. X, 27: πᾶν τὸ παρατιθέμενον ὑμῖν ἐσθίετε, ср. Лук. X, 9, ἐσθίετε τὰ παρατιθέμενα ὑμῖν I Кор. VII, 10—11; ср. Марк. X, 12; Луки XVI 18; 1 Кор. IX, 14; ср. Лук. X, 9; Тимоѳ. V, 18, ср. Луки X, 7; 1 Ѳессал. IV, 16, ср. Мѳ. XXIV, 30—31, и мн. др.; Іак. I, 17, ср.

трехъ евангелистовъ, неоспоримо, весьма быстро распространились изъ мѣстъ своего первоначальнаго происхожденія по разнымъ христіанскимъ церквамъ и сдѣлались въ нихъ, вмѣстѣ съ устнымъ преданіемъ, драгоцѣннымъ источникомъ христіанскаго наученія и утѣшенія; и между прочимъ именно въ церкви ефесской (какъ и вообще въ церквахъ малоазійскихъ), находившейся въ самыхъ благопріятныхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ одной стороны съ Іерусалимомъ и Антіохіею, а съ другой—съ Римомъ, собраніе ихъ могло совершиться особенно легко и удобно, такъ что и съ этой стороны указанное преданіе древней церкви представляется, слѣдовательно, заслуживающимъ полнаго вѣроятія. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что самыя подробности разсматриваемаго преданія представляютъ съ такою вѣрностью и нужды церквей малоазійскихъ во время дѣятельности среди нихъ апостола Іоанна, особенно къ концу ея, и истинно-отеческое отношеніе ко всѣмъ этимъ нуждамъ самого апостола-старца, какъ извѣстно то и другое изъ другихъ историческихъ источниковъ, что преданіе это, несомнѣнно, происходитъ изъ устъ непосредственныхъ свидѣтелей служенія

Мѳ. VII, 11; Іак. I, 20, ср. Мѳ. V, 22, Іак. II, 13, ср. Мѳ. V, 7 и мн. др.), такъ какъ это сходство еще не доказываетъ необходимо заимствованія первыми изъ письменнаго изложенія послѣднихъ; сходство это есть слѣдствіе не письменнаго изложенія, но однообразія въ передачѣ рѣчей І. Христа и разныхъ обстоятельствъ его жизни, установившагося еще въ живомъ, устномъ преданіи, откуда оно естественнымъ образомъ перешло потомъ и въ различные памятники апостольской письменности. Сходство это служитъ для насъ лишь доказательствомъ того, что въ оставленныхъ намъ евангелистами и апостолами писаніяхъ мы имѣемъ самое точное воспроизведеніе, самую точную запись ученія І. Христа, какъ и всѣхъ вообще божественныхъ дѣлъ Его жизни.

св. Іоанна въ церкви ефесской, а не есть лишь какая нибудь позднѣйшая догадка, образовавшаяся въ церкви на основаніи внимательнаго сличенія содержанія четвертаго евангелія съ содержаніемъ первыхъ трехъ, какъ представляютъ это нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи (¹).

По отношенію, такимъ образомъ, къ нашимъ четыремъ евангеліямъ можно, какъ кажется, признать вполнѣ достовѣрнымъ передаваемое патріархомъ Фотіемъ извѣстіе (²), что именно еще св. апостолъ Іоаннъ Богословъ привелъ въ порядокъ и заключилъ священный канонъ ихъ, какъ четырехъ богодухновенныхъ повѣствованій, обнимавшихъ собою все содержаніе подлинно апостольскаго преданія о дѣлахъ и ученіи Іисуса Христа *во всяко лѣто, въ нежже вниде и изыде Господь Іисусъ, наченъ отъ крещенія Іоаннова даже до дне, въ оньже вознесеся на небо* (Дѣян.

(¹) Утверждать, въ самомъ дѣлѣ, какъ утверждаетъ это напр. Рейссъ и др. (Histoire du Canon p. 31 cf. Geschichte der heilig. Schriften N. T. s. 222), что будтобы все это древнее вселенское преданіе, засвидѣтельствованное голосомъ столькихъ знаменитыхъ ученыхъ христіанской древности, основывается на одной лишь экзегетической комбинаціи, на «въ высшей степени грубомъ и даже весьма опасномъ» (höchst rohe, sehr gefährliche) пониманіи четвертаго евангелія и его отношенія къ первымъ тремъ, можетъ только или ученое высокомѣріе и самомнѣніе, считающее свои личные взгляды выше и непогрѣшимѣе всякихъ историческихъ свидѣтельствъ, или преднамѣренное отрицаніе очевидной истины. Первое замѣчаніе особенно приложимо къ Рейссу, такъ какъ онъ вооружается противъ этого преданія именно по увлеченію своими мнимо-высокими метафизическими воззрѣніями на евангеліе Іоанна, не замѣчая, что эти-то мнимо-высокія воззрѣнія и составляютъ на самомъ дѣлѣ если не особенно опасныя, то въ высшей степени грубыя заблужденія относительно нашего четвертаго евангелія.

(²) Думаютъ, впрочемъ, что это извѣстіе и образовалось на основаніи именно вышеуказаннаго древняго преданія церковнаго; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ въ немъ еще новое звѣно въ длинной цѣпи свидѣтелей этого преданія.

I, 21—22). Такъ составилась и утвердилась «святая четверица евангелій» сначала въ церкви ефесской и другихъ малоазійскихъ церквахъ, а затѣмъ очень скоро, безъ сомнѣнія, и во всей церкви.

Но и помимо указаннаго преданія церковнаго,—принимать ли, или не принимать его,—мы имѣемъ другія многочисленныя историческія данныя, частію изъ апостольскаго же вѣка, частію изъ времени ближайшаго къ нему (т. е. первой половины втораго вѣка), которыя также съ бо́льшею или меньшею рѣшительностію говорятъ за то, что образованіе канона нашихъ евангелій нужно отнести во всякомъ случаѣ къ самой глубокой древности, именно: къ концу перваго или къ началу втораго вѣка—эпохѣ, имѣвшей всѣ необходимыя условія, равно какъ всѣ побужденія къ тому, чтобы чрезъ это собраніе основоположительныхъ новозавѣтныхъ писаній положить твердое основаніе церковному преданію и ученію на всѣ послѣдующія времена, оградить то и другое отъ принятія свидѣтельствъ ложныхъ, чуждыхъ подлинно-апостольскому благовѣстію.

Первыми и самыми важными свидѣтелями для насъ, въ настоящемъ случаѣ, являются такъ называемые мужи апостольскіе, какъ непосредственные ученики апостоловъ, которые были, слѣдовательно, въ числѣ самыхъ первыхъ читателей и хранителей всѣхъ вообще оставленныхъ ими писаній, и въ частности евангелій. И дѣйствительно, какъ ни малочисленны дошедшіе до насъ письменные памятники ихъ, тѣмъ не менѣе и въ томъ немногомъ, что̀ сохранилось отъ нихъ, ясно можно видѣть не только слѣды употребленія нашихъ четырехъ евангелій, какъ извѣстныхъ

уже и чтимыхъ въ церкви наряду съ закономъ и пророками писаній, но и слѣды именно того (по крайней мѣрѣ въ посланіяхъ св. Игнатія Богоносца), что они разсматривались какъ одно цѣлое или единое богопреданное церкви и письмени евангеліе Христово (τὸ τετράμορφον εὐαγγέλιον). Правда, разсѣянные въ ихъ писаніяхъ болѣе или менѣе ясные слѣды пользованія нашими каноническими евангеліями, во первыхъ, говоря относительно, немногочисленны,—гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ, напримѣръ, слѣды яснаго заимствованія различныхъ мѣстъ изъ книгъ ветхаго завѣта, хотя, повидимому, поводовъ къ употребленію различныхъ новозавѣтныхъ, апостольскихъ писаній вообще, и въ частности именно евангелій, часто представлялось весьма много; во вторыхъ, и заимствованныя, какъ нужно думать, изъ евангелій и другихъ апостольскихъ книгъ мѣста приводятся большею частію не съ буквальною точностію и обыкновенно безъ указанія имени того священнаго писателя, которому они принадлежатъ, или изъ писанія котораго заимствуются; наконецъ, на ряду съ мѣстами, взятыми несомнѣнно изъ тѣхъ или другихъ апостольскихъ писаній, находятся и такія, относительно источника которыхъ трудно сказать съ опредѣленностію, заимствованы ли они изъ устнаго преданія, или изъ какого либо апокрифическаго сочиненія (1); но видѣть во всемъ

(1) Указываютъ напр. на слѣдующія слова изъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Смирнянамъ, гл. 3 (Patrum Apostolicorum opera, Car. I. Hefele, edit. 4, Tubing. 1855, pag. 222—224): «И когда Онъ (I. Христосъ) пришелъ къ бывшимъ съ Петромъ, то сказалъ имъ: *возьмите и осяжите Меня и посмотрите, что Я не духъ безтѣлесный*». Cf. Barnab. epistol. cap. 4: (Hefele, pag. 7): «Ибо все время нашей жизни и вѣры не доставитъ намъ никакой пользы, если не будемъ ненавидѣть неправды и будущихъ искушеній, какъ говоритъ Сынъ

этомъ, какъ хотятъ видѣть нѣкоторые [1], прямое будтобы доказательство того, что хотя апостольскія писанія, и въ частности именно евангелія, и были распространены въ разсматриваемую эпоху далѣе первоначальнаго круга ихъ читателей, тѣмъ не менѣе отнюдь не имѣли еще того особеннаго, законоположительнаго значенія въ церкви, какое усвоено было имъ впослѣдствіи, совершенно несправедливо. Всѣ указанныя особенности легко объясняются изъ особенныхъ также обстоятельствъ того времени, которому принадлежатъ разсматриваемые нами письменные памятники, равно какъ изъ особеннаго характера самаго содержанія и формы этихъ памятниковъ.

Какъ ни высоко цѣнили апостольскія писанія съ самаго начала ихъ появленія вѣрующіе всѣхъ церквей, тѣмъ не менѣе употребленіе ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ особенности употребленіе именно литературное, если можно такъ сказать, не представлялось для нихъ тогда дѣломъ такой же настоятельной, существенной важности, какую имѣетъ оно большею частію для насъ теперь, и не имѣло, еще болѣе, тѣхъ удобствъ, съ какими мы можемъ пользоваться ими въ настоящее время. Церковь Христову, особенно въ первый періодъ ея существованія, справедливо называютъ *церковію свидѣтельства устнаго*,—и называютъ такъ потому, что все въ ея жизни созидалось и благоустроялось въ то время на основаніи главнымъ образомъ живаго устнаго преданія,

Божіи: *будемъ противиться всякой неправдѣ и возненавидимъ ее*». Ibid. cap. VII. (Hefele, pag. 18) и др.

[1] См. Reuss, Histoire du Canon des S. Ecritures dans l'Eglise Chrétienne, pag. 28—29.

а не какихъ—либо письменныхъ документовъ; и для этого преданія въ каждой мѣстной церкви были еще такіе обильные и чистѣйшіе источники въ лицѣ разныхъ, если не очевидцевъ и свидѣтелей Іисуса Христа, то ближайшихъ «общниковъ» и сотрудниковъ апостольскихъ, которые не только могли служить замѣною письменнаго апостольскаго слова, но нерѣдко и восполненіемъ этого слова. Къ этимъ живымъ источникамъ апостольскаго ученія, какъ понятно, христіане первенствующей церкви чаще и съ бо́льшею охотою должны были обращаться, чѣмъ къ письменнымъ памятникамъ его,—и не потому, чтобы церковь, какъ говорятъ иногда, расположена была въ первое время *уважать болѣе* живое, устное преданіе, чѣмъ письменное, но просто потому, что тогда какъ первое представляло всегда и всюду доступное для всѣхъ средство назиданія и утѣшенія, памятники послѣдняго и относительно еще весьма мало были распространены между вѣрующими, и для большинства изъ нихъ—людей простыхъ, неграмотныхъ, оставались недоступнымъ сокровищемъ. Если мы, обращаясь въ частности къ самимъ писаніямъ мужей апостольскихъ, припомнимъ при этомъ, что эти писанія и произошли отнюдь не изъ стремленія — представить какое либо ученое обстоятельное богословское раскрытіе истинъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, а были вызваны лишь частными случайными нуждами различныхъ христіанскихъ обществъ,—нуждами, требовавшими для своего удовлетворенія не высоты и искусства богословской учености, но лишь твердаго, проникнутаго любовію и одушевленіемъ вѣры, свидѣтельства истины: то для насъ еще менѣе должно

быть удивительнымъ отсутствіе въ нихъ такого же систематическаго, регулярнаго пользованія апостольскими писаніями, какое мы привыкли видѣть въ научно-богословскихъ произведеніяхъ своего времени и какого не находимъ не только у мужей апостольскихъ, но долгое время и у послѣдующихъ отцевъ и учителей церкви. Что же касается того, что очень многія мѣста, заимствованныя, очевидно, изъ нашихъ евангелій, приводятся однако не съ буквальною точностію, безъ всякой предварительной формулы, которая бы ясно показывала именно на письменные источники ихъ, безъ указанія имени автора и его книги и проч.; то отсюда еще менѣе можно выводить какія либо неблагопріятныя заключенія по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу,—т. е. что всѣ эти и другія мѣста заимствованы будтобы вовсе не изъ нашихъ каноническихъ евангелій, а изъ устнаго преданія, или что хотя и заимствованы изъ нихъ, но это заимствованіе таково, что оно отнюдь не указываетъ будтобы на какое либо особенное значеніе или церковный авторитетъ ихъ. Противъ подобныхъ заключеній нужно замѣтить слѣдующее: во 1-хъ, подобнымъ же образомъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ приводится очень много мѣстъ и изъ книгъ ветхаго завѣта; однако никто не рѣшится на этомъ основаніи утверждать, чтобы всѣ подобныя мѣста были заимствованы не изъ книгъ ветхаго завѣта, или чтобы эти книги не были признаваемы въ ихъ время книгами священными, каноническими; во 2-хъ, въ способѣ или формѣ заимствованія мѣстъ изъ новозавѣтныхъ писаній не одни только мужи апостольскіе, но и послѣдующіе писатели

церковные вообще позволяли себѣ бо́льшую свободу, чѣмъ при цитатахъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ,—и позволяли не потому, чтобы менѣе, такъ сказать, уважали ихъ, чѣмъ эти послѣднія, но просто потому, что за малочисленностію, какъ сказали мы, списковъ ихъ на первыхъ пора́хъ самимъ писателямъ приходилось большею частію, конечно, приводить мѣста изъ нихъ на память и слѣдовательно по необходимости не всегда точно такъ именно, какъ читалось дѣйствительно то или другое мѣсто въ евангеліи или посланіи апостольскомъ, а для читателей, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, точное цитированіе какого-либо мѣста, съ поименованіемъ автора и его книги, было излишне и безполезно; наконецъ, въ 3-хъ, не нужно при этомъ опускать изъ виду указаннаго уже нами особеннаго характера самыхъ писаній мужей апостольскихъ,—писаній въ высшей степени простыхъ по своему изложенію, писанныхъ безъ притязанія на какое либо литературное значеніе, въ которыхъ поэтому «чисто гомилетическое или риторическое» употребленіе апостольскихъ писаній, какимъ его находитъ Рейссъ (когда, т. е., или заимствуется только сущность мысли тѣхъ или другихъ словъ І. Христа и апостоловъ, безъ точнаго выраженія ихъ въ той именно формѣ, въ какой они стоятъ въ свящ. книгѣ, или собственныя мысли, напр. нравственныя увѣщанія и наставленія облекаются въ формулы, встрѣчающіяся у того или другаго изъ свящ. писателей), составляетъ явленіе совершенно согласное со всѣмъ характеромъ ихъ [1].

[1] Ср. Einleitung in die Schriften des N. Testaments, L. Hug, 2 ausg. th. I, s. 37—41; «О евангеліяхъ и евангельской исторіи», архим. Михаила, Москва, 1870 г., стр. 80—94.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы должны, слѣдовательно, тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ остановиться на тѣхъ, хотя и немногочисленныхъ, но болѣе или менѣе ясныхъ данныхъ, какія открываемъ мы въ писаніяхъ мужей апостольскихъ относительно канона новозавѣтныхъ писаній; и эти данныя, по отношенію къ евангеліямъ, дѣйствительно замѣчательны (1).

Въ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ писаній мужей апостольскихъ,—именно въ посланіяхъ св. апостола Варнавы и св. Климента римскаго, мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе ясные слѣды употребленія по крайней мѣрѣ двухъ евангелій нашихъ—Матѳея и Луки. Такъ въ посланіи Варнавы особенно замѣчательно, какъ извѣстно, одно мѣсто, гдѣ великій сотрудникъ апостола языковъ приводитъ слова І. Христа, находящіяся въ евангеліи Матѳея (XX, 16; XXII, 14), съ такою формулою: *какъ написано* (sicut scriptum est): «будемъ внимательны, чтобы не оказаться именно таковыми, какъ написано: *многи суть звани, мало же избранныхъ*» (2). Въ этой формулѣ, совершенно, оче-

(1) Указываемъ, какъ на прекрасное пособіе для ознакомленія съ находящимися не только въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, но и въ сочиненіяхъ всѣхъ послѣдующихъ писателей церковныхъ (до Іеронима включительно, не исключая и различныхъ писателей—еретиковъ) свидѣтельствами о нашихъ евангеліяхъ и всѣхъ вообще новозавѣтныхъ писаніяхъ, на сочиненіе Кирхгофера: Quellensammlung zur Geschichte des N. Canons bis auf Hieronymus, Zurich, 1844.

(2) S. Barnab. epist. cap. IV (Hefele, pag. 8). Извѣстно, что выраженіе: sicut scriptum est, которое очень долгое время считали многіе прибавкою, сдѣланною будтобы древнимъ латинскимъ переводчикомъ посланія, читается также и въ подлинномъ греческомъ текстѣ его (ὡς γέγραπται), находящемся въ Синайскомъ манускриптѣ Тишендорфа. Что же касается попытки нѣкоторыхъ критиковъ (напр. Штрауса, Фолькмара, Шолтена и др.) доказать, что будтобы этотъ многознаменательный цитатъ заимствованъ Варнавою изъ 1-й книги Ездры (по слав. библіи 3 Ездры VIII. 3), а не изъ евангелія отъ Матѳея, то эта по-

видно, однозначущей съ обычными въ устахъ Христа Спасителя и апостоловъ формулами указаній на различныя мѣста ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ: «да сбудется реченное», или: «да сбудется писаніе», мы имѣемъ неоспоримое свидѣтельство не только того, что указанныя слова Господа заимствованы не изъ устнаго, а изъ письменнаго евангелія, но и что это евангеліе пользовалось каноническимъ церковнымъ авторитетомъ наравнѣ съ священными книгами ветхаго завѣта ([1]). Послѣ этого не иначе, какъ такъ именно, мы въ правѣ понимать и всѣ другія открываемыя въ посланіи Варнавы выдержки, заимствованныя ближайшимъ образомъ, какъ кажется, изъ евангелія Матѳея ([2]), т. е., какъ выдержки именно изъ священной чтимой церковію книги.

Въ посланіи Климента римскаго, хотя и исполненномъ также, подобно посланію Варнавы, преимуще-

пытка доказываетъ только, по справедливому замѣчанію Тишендорфа, къ какимъ нелѣпостямъ приводитъ упорное отрицаніе древности канона нашихъ евангелій. (K. Tischendorf, Wann wurden unsere Evangelien verfasst? Leipz. 1866, 4 ausg. ss. 94—95)

([1]) Такое именно значеніе даетъ этой формулѣ цитаціи и Тишендорфъ, прежде самъ сомнѣвавшійся въ подлинности ея въ посланіи Варнавы (см. его „Aus dem heilig. Lande, 1862, s. 124; ср. архим. Михаила, «О евангеліяхъ и евангельской исторіи»—стр. 91).

([2]) Таковы напр: Epistol. cap. V, (Hefele pag. 9): «избралъ онъ (І. Христосъ) собственныхъ апостоловъ для проповѣданія евангелія своего, людей крайне грѣшныхъ, чтобы показать, что пришелъ не праведниковъ, а грѣшниковъ призвать на покаяніе» (ср. Мѳ. IX, 13; Марка II. 17; Луки. V, 32). Cap. XIX (Hefele, pag. 48): «всякому просящему у тебя дай» (ср. Мѳ. V, 42; Луки VI, 30). Полный сводъ этихъ и разныхъ другихъ мѣстъ изъ посланія Варнавы см. у Киркгофера: Quellensammlung. .. ss 77—79. «Если всѣ приведенныя изъ посланія Варнавы мѣста,—говоритъ Киркгоферъ въ заключеніе своего собранія,—не доказываютъ непремѣнно того, что онъ пользовался евангеліемъ Матѳея, то неоспоримо, что онъ вообще зналъ и употреблялъ апостольскія евангелія».

ственно цитатъ изъ книгъ ветхаго завѣта, встрѣчается, однако, нѣсколько изреченій Господа, заимствованныхъ также, нужно думать, изъ нашихъ каноническихъ евангелій—Матеея или Луки. Въ этомъ мы убѣждаемся частію изъ буквальнаго почти сходства приводимыхъ изреченій съ соотвѣтствующими имъ мѣстами въ указанныхъ евангеліяхъ, частію изъ весьма опредѣленныхъ также и обыкновенныхъ у древнихъ церковныхъ писателей формулъ цититированія новозавѣтныхъ, точно также какъ и ветхозавѣтныхъ мѣстъ священнаго писанія,—каковы: «будемъ помнить слова Господа Іисуса», «такъ сказалъ Онъ» (т. е. І. Христосъ) и проч. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ посланія св. Климента: «вспомните слова Іисуса Господа нашего. Онъ сказалъ: горе тому человѣку; лучше было бы ему не родиться, нежели соблазнить одного изъ избранныхъ Моихъ; было бы лучше для него, еслибы онъ повѣсилъ себѣ камень жерновый, и ввергнулся въ море, нежели соблазнить одного изъ малыхъ Моихъ» (¹).

Обращаясь къ посланіямъ св. Игнатія и св. Поликарпа, мы переносимся изъ перваго вѣка въ первое десятилѣтіе втораго, время, когда канонъ четырехъ евангелій изъ церкви ефесской могъ уже, какъ естественно предполагать, распространиться далеко въ разныхъ предѣлахъ церкви восточной и западной. И мы находимъ, дѣйствительно, нѣкоторыя данныя для

(¹) Epist. ad Corinth. I, cap. 46 (Hefele pag. 116-118). Здѣсь св. Климентъ, по замѣчанію Гефеле, соединилъ нѣсколько евангельскихъ свидѣтельствъ въ одно (а именно: Мѳ. XVIII, 6; XXVI, 24; Луки XVII, 2; Марк. IX, 42), какъ это было довольно обыкновенно у древнихъ церковныхъ писателей. Другое подобное же мѣсто см. cap. XIII. (Hefele, pag. 72); ср. Мѳ. VI, 12-15; VII, 1-2; ср. Лук. VI, 36-38. См. критическія замѣчанія относительно того и другаго изъ этихъ мѣстъ у Кирхгофера, Quellensammlung, ss. 79-80.

видно, однозначущей съ обычными въ устахъ Христа Спасителя и апостоловъ формулами указаній на различныя мѣста ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ: «да сбудется реченное», или: «да сбудется писаніе», мы имѣемъ неоспоримое свидѣтельство не только того, что указанныя слова Господа заимствованы не изъ устнаго, а изъ письменнаго евангелія, но и что это евангеліе пользовалось каноническимъ церковнымъ авторитетомъ наравнѣ съ священными книгами ветхаго завѣта (¹). Послѣ этого не иначе, какъ такъ именно, мы въ правѣ понимать и всѣ другія открываемыя въ посланіи Варнавы выдержки, заимствованныя ближайшимъ образомъ, какъ кажется, изъ евангелія Матѳея (²), т. е., какъ выдержки именно изъ священной чтимой церковію книги.

Въ посланіи Климента римскаго, хотя и исполненномъ также, подобно посланію Варнавы, преимуще-

пытка доказываетъ только, по справедливому замѣчанію Тишендорфа, въ какимъ нелѣпостямъ приводитъ упорное отрицаніе древности канона нашихъ евангелій. (K. Tischendorf, Wann wurden unsere Evangelien verfasst? Leipz. 1866, 4 ausg. ss. 94—95)

(¹) Такое именно значеніе даетъ этой формулѣ цитаціи и Тишендорфъ, прежде самъ сомнѣвавшійся въ подлинности ея въ посланіи Варнавы (см. его „Aus dem heilig. Lande, 1862, s. 121; ср. архим. Михаила, «О евангеліяхъ и евангельской исторіи» — стр. 91).

(²) Таковы напр: Epistol. cap. V, (Hefele pag. 9): «избралъ онъ (І. Христосъ) собственныхъ апостоловъ для проповѣданія евангелія своего, людей крайне грѣшныхъ, чтобы показать, что пришелъ не праведниковъ, а грѣшниковъ призвать на покаяніе» (ср. Мѳ. IX, 13; Марка II. 17; Луки. V, 32). Cap. XIX (Hefele, pag. 48): «всякому просящему у тебя дай» (ср. Мѳ. V, 42; Луки VI, 30). Полный сводъ этихъ и разныхъ другихъ мѣстъ изъ посланія Варнавы см. у Кирхгофера: Quellensammlung. .. ss 77—79. «Если всѣ приведенныя изъ посланія Варнавы мѣста, — говоритъ Кирхгоферъ въ заключеніе своего собранія, — не доказываютъ непремѣнно того, что онъ пользовался евангеліемъ Матѳея, то неоспоримо, что онъ вообще зналъ и употреблялъ апостольскія евангелія».

ственно цитатъ изъ книгъ ветхаго завѣта, встрѣчается, однако, нѣсколько изреченій Господа, заимствованныхъ также, нужно думать, изъ нашихъ каноническихъ евангелій—Матѳея или Луки. Въ этомъ мы убѣждаемся частію изъ буквальнаго почти сходства приводимыхъ изреченій съ соотвѣтствующими имъ мѣстами въ указанныхъ евангеліяхъ, частію изъ весьма опредѣленныхъ также и обыкновенныхъ у древнихъ церковныхъ писателей формулъ цититированія новозавѣтныхъ, точно также какъ и ветхозавѣтныхъ мѣстъ священнаго писанія,—каковы: «будемъ помнить слова Господа Іисуса», «такъ сказалъ Онъ» (т. е. І. Христосъ) и проч. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ посланія св. Климента: «вспомните слова Іисуса Господа нашего. Онъ сказалъ: горе тому человѣку; лучше было бы ему не родиться, нежели соблазнить одного изъ избранныхъ Моихъ; было бы лучше для него, еслибы онъ повѣсилъ себѣ камень жерновый, и ввергнулся въ море, нежели соблазнить одного изъ малыхъ Моихъ» (1).

Обращаясь къ посланіямъ св. Игнатія и св. Поликарпа, мы переносимся изъ перваго вѣка въ первое десятилѣтіе втораго, время, когда канонъ четырехъ евангелій изъ церкви ефесской могъ уже, какъ естественно предполагать, распространиться далеко въ разныхъ предѣлахъ церкви восточной и западной. И мы находимъ, дѣйствительно, нѣкоторыя данныя для

(1) Epist. ad Corinth. I, cap. 46 (Hefele pag. 116-118). Здѣсь св. Климентъ, по замѣчанію Гефеле, соединилъ нѣсколько евангельскихъ свидѣтельствъ въ одно (а именно: Мѳ. XVIII, 6; XXVI, 24; Луки XVII, 2; Марк. IX, 42), какъ это было довольно обыкновенно у древнихъ церковныхъ писателей. Другое подобное же мѣсто см. cap. XIII. (Hefele, pag. 72); сн. Мѳ. VI, 12-15; VII, 1-2; ср. Лук. VI. 36-38. См. критическія замѣчанія относительно того и другаго изъ этихъ мѣстъ у Кирхгофера, Quellensammlung. ss. 79-80.

подтвержденія этого въ названныхъ посланіяхъ, открывая въ нихъ не только болѣе частыя, чѣмъ у предшествовавшихъ двухъ писателей, выдержки изъ нашихъ евангелій, и притомъ какъ изъ первыхъ трехъ, такъ и изъ четвертаго, но и болѣе или менѣе ясныя указанія на то, что четверица этихъ евангелій, тѣсно связанная между собою единствомъ духа и содержанія, и видимо составляла собою уже также единое цѣлое, въ которомъ церковь, какъ мы уже замѣчали, видѣла и чтила, на ряду съ писаніями Моисея и пророковъ, основоположительное новозавѣтное благовѣствованіе въ томъ видѣ, *якоже предаша иже испервa самовидцы и слуги бывшіе словесе* (Луки I, 2). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательны нѣкоторыя мѣста изъ посланій св. Игнатія Богоносца. Такъ въ посланіи къ Филадельфійцамъ св. отецъ, между прочимъ, пишетъ: «будемъ прибѣгать къ евангелію (*τῷ εὐαγγελίῳ*), какъ къ плоти Іисусовой, и къ апостоламъ, какъ къ пресвитерству церковному (*καὶ τοῖς ἀποστόλοις ὡς πρεσβυτερίῳ ἐκκλησίας*). Будемъ любить также и пророковъ, ибо и они возвѣщали то, что относится къ евангелію» (¹). Въ посланіи къ Смирнянамъ читаемъ также: «ихъ (т. е. докетовъ) не убѣдили ни пророчества, ни законъ Моисеевъ; ихъ не убѣждаютъ даже доселѣ ни евангеліе (*οὐδὲ μέχρι νῦν τὸ εὐαγγέλιον*), ни страданія каждаго изъ насъ» (²). «Посему слѣдуетъ удаляться отъ таковыхъ (т. е. еретиковъ) и не говорить о нихъ ни наединѣ, ни въ общей бесѣдѣ, а внимать пророкамъ, особенно же

(¹) S. Ignatii, epist. ad Philadelphenses, cap. V, (Hefele, pag. 214); cf. cap. VIII (pag. 216—217).

(²) Epist. ad Smyrn. cap. V, (Hefele, pag. 224.)

евангелію (ἐξαιρέτως δὲ τῷ εὐαγγελίῳ), въ которомъ открыто намъ страданіе (I. Христа), и изъ котораго вполнѣ ясно Его воскресеніе» ([1]). Какъ ни своеобразенъ языкъ посланій св. Игнатія Богоносца, тѣмъ не менѣе только съ помощію софистики, какъ справедливо замѣчаетъ Тиршъ ([2]), можно утверждать, что во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ его посланій подъ словомъ «евангеліе» нужно будтобы разумѣть не заключенную собственно въ писаніяхъ евангельскую исторію или не книги евангельскія, но просто устное евангельское преданіе или проповѣдь о жизни и дѣлахъ I. Христа ([3]). Напротивъ, и точный вообще смыслъ самаго содержанія указанныхъ мѣстъ, взятыхъ въ контекстѣ, и въ частности — ясное сопоставленіе въ словахъ св. Игнатія слова «евангеліе» съ «закономъ и пророками» — употребительнымъ въ древности общимъ наименованіемъ состава ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, и наконецъ — подобное же (т. е. въ смыслѣ общаго наименованія нашихъ четырехъ евангелій и въ подобномъ же сопоставленіи съ закономъ и пророками) употребленіе этого слова у другихъ церковныхъ писателей ([4]) даютъ неоспоримое преимуще-

---

([1]) Ibid. cap. VII, (Hefele pag. 228).

([2]) Versuch zur Herstellung des histor. Standpuncts fur die Kritik der Neutest. Schriften, Thiersch. Erlang. 1845, s. 425.

([3]) Non scriptum evangelium, sed evangelica prædicatio de vita et factis Christi (См. Patrum Apostol. opera, ed. Hefele, p. 225, Not. 10; cf. pag. 214, Not. 2); Reuss, Histoire du Canon des S.-Ecritures dans l'Eglise Chretienne, p. 18.

([4]) Такъ въ посланіи къ Діогнету, въ гл. XI (Patrum Apostol. opera, Hefele, pag. 318) читаемъ: «Εἶτα φόβος νόμου ᾄδεται, κὰι προφητῶν χάρις γινώσκεται, καὶ εὐαγγελίων πίςις ἵδρυται, κὰι ἀποςτόλων παράδοσις φυλάσσεται, κὰι ἐκκλησίας χάρις σκιρτᾷ». У св. Иринея, Contra haeres., lib. II, cap. 27 (Migne, ser. gr. tom. VII, col. 803): «Cum itaque *universae scripturae*, et *prophetiae et evangelia* in aperto, et sine ma

ство тому, принимаемому лучшими и безпристрастнѣйшими изслѣдователями, пониманію, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ слово „евангеліе" употребляется св. Игнатіемъ, какъ общее также наименованіе собранныхъ въ одно цѣлое и чтимыхъ церковію на ряду съ писаніями Моисея и пророковъ евангельскихъ писаній или даже, какъ полагаютъ нѣкоторые, всего вообще состава извѣстныхъ въ то время въ антіохійской церкви новозавѣтныхъ апостольскихъ книгъ. И почему бы, въ самомъ дѣлѣ, могло казаться невѣроятнымъ употребленіе въ такомъ именно смыслѣ слова «евангеліе» у св. Игнатія? Положеніе антіохійской церкви, бывшей центромъ не сирійскихъ только церквей, но и сосѣднихъ церквей Малой Азіи, представляло всѣ благопріятствующія обстоятельства къ тому, чтобы въ ней скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сдѣлался извѣстнымъ составившійся въ Ефесѣ канонъ четырехъ евангелій. Въ тоже время нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что именно въ антіохійской церкви, гдѣ увѣровавшіе во Христа изъ язычниковъ впервые стали называться христіанами, гдѣ въ первый разъ богослуженіе христіанское огласилось антифоннымъ пѣніемъ, и составившійся канонъ четырехъ евангелій сталъ прежде всѣхъ другихъ церквей называться метонимически общимъ именемъ «евангелія» (1).

bignitate.... unum et solum Deum, ad excludendos alios, prædicent omnia fecisse per Verbum suum», et cet. У Климента Александр. Strom. Lib. VII (Kirchhofer, Quellensammlung s. 21). «Ἔχομεν γὰρ τὴν ἀρχὴν τῆς διδασκαλίας τὸν κύριον, διά τε τῶν προφητῶν, διά τε τοῦ εὐαγγελίου, κάι διὰ τῶν μακαρίων ἀποστόλων, πολυτρόπως κάι πολυμερῶς ἐξ ἀρχῆς εἰς τέλος ἡγούμενον τῆς γνώσεως». Cf. Constit. Apostol. lib. II, cap. 59. (Coteler., Patres apostol., Amsterd. 1724, tom. I pag. 271).

(1) И вообще можно полагать, что наименованіе это, сначала въ

Но какъ бы мы ни понимали вышеприведенныя выраженія св. Игнатія, во всякомъ случаѣ необходимо допустить, что какъ ему, такъ и его другу,—св. Поликарпу, были извѣстны наши евангелія,—и они пользовались ими какъ общеизвѣстными и чтимыми въ церкви писаніями. Въ этомъ мы убѣждаемся опять изъ многихъ мѣстъ, встрѣчающихся въ посланіяхъ того и другаго отца, которыя и по содержанію, а не рѣдко и по буквѣ представляютъ столь замѣчательное сходство съ текстомъ нашихъ евангелій, что ихъ нельзя не признать заимствованными именно изъ этихъ послѣднихъ, а не изъ живаго, устнаго преданія. Приведемъ нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ. «Нѣтъ для меня сладости, — пишетъ напр. св. Игнатій въ посланіи къ Римлянамъ, — въ пищѣ тлѣнной, ни въ удовольствіяхъ этой жизни. Хлѣба Божія желаю, хлѣба небеснаго, хлѣба жизни, который есть плоть Іисуса Христа, Сына Божія... И питія Божія желаю,—крови Его, которая есть любовь нетлѣнная и жизнь вѣчная» (1). И мысль и самое выраженіе ея въ этихъ словахъ св. Игнатія не указываютъ ли ясно на извѣстную рѣчь Христа Спасителя, изложенную въ евангеліи Іоанна (ср. Іоан. VI, 32 — 33; 51 — 54), объ истинномъ хлѣбѣ жизни и о причащеніи тѣломъ и кровію Его? Въ посланіи къ Филадельфійцамъ чи-

---

примѣненіи къ каждой изъ евангельскихъ книгъ въ отдѣльности, а потомъ и къ общему составу ихъ, явилось и утвердилось въ церкви очень рано, особенно если вѣрить сказанію Златоуста, что будтобы въ первомъ случаѣ это наименованіе ихъ произошло даже отъ самихъ свящ. писателей. Такъ это утверждаетъ св. отецъ относительно по крайней мѣрѣ перваго изъ нашихъ евангелій (Бесѣды на еванг. Матѳея, Москва, 1869 г., ч. 1, бес. 1, стр. 4—5).

(1) Epist. ad Romanos, cap. VII (Hefele, pag. 206).

таемъ: «и меня нѣкоторые хотѣли обольстить по плоти, но духъ, будучи отъ Бога, не обольщается: ибо онъ знаетъ, откуда приходитъ и куда идетъ» (¹). «Крестился (Господь нашъ) отъ Іоанна, чтобы исполнить,—говоритъ св. Игнатій,—*всякую правду*» (²). Другу своему Поликарпу св. отецъ говоритъ въ посланіи къ нему извѣстными словами І. Христа: «будь мудръ во всемъ, какъ змія, и незлобивъ, какъ голубь» (³). У самого Поликарпа въ единственномъ, и притомъ очень небольшомъ, посланіи его, читаемъ: «будемъ помнить то, чему училъ Господь, говоря: не судите, чтобы не быть вамъ судимыми; прощайте, и вамъ будетъ прощено; милуйте, чтобы вамъ быть помилованными; какою мѣрою мѣрите, такою возмѣрится и вамъ; и блаженны бѣдные и гонимые за правду, ибо ихъ царствіе Божіе» (⁴). Еще: «въ молитвахъ будемъ просить всевидящаго Бога не ввести насъ во искушеніе, какъ сказалъ Господь: духъ бодръ, плоть же немощна» (⁵). Нельзя также не обратить вниманія на одно мѣсто въ посланіи Поликарпа, въ которомъ св. отецъ почти буквально приводитъ сло-

(¹) Epistol. ad Philadelph., cap. VII (Hefele, pag. 216); ср. Іоан. III, 8.

(²) Epist ad Smyrn., cap. I (Hefele, p. 222); сн. Мѳ. III, 15.

(³) Epist. ad Policarp., cap. II (Hefele, pag. 236); сн. Мѳ. X, 16. Обстоятельное обозрѣніе разныхъ другихъ евангельскихъ мѣстъ въ посланіяхъ св. Игнатія, съ критическими замѣчаніями о нихъ, см. у Киркгофера, Quellensammlung ss. 17—19; 83—85; 144—145.

(⁴) Epist. ad Philippen., cap. II (Hefele, pag. 258). Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, какъ и у св. Климента Римскаго, нѣсколько изреченій Господа І. Христа соединенными вмѣстѣ и процитованными, по всей вѣроятности, также на память (сн. Мѳ. VII. 1; Лук. VI, 37; Мѳ. VI, 12, 14; Мѳ. VII, 2; Луки VI, 38; Мѳ. V, 3, 10).

(⁵) Ibid. cap. VII (Hefele, pag. 264) сн. Мѳ. XXVI, 41; Марка XIV, 38. Другія мѣста см. у Киркгофера, Quellensammlung... ss. 85—86; 27—28.

на апостола Іоанна изъ перваго посланія его: «всякій, кто не исповѣдуетъ, что І. Христосъ пришелъ во плоти, есть антихристъ» ([1]). Въ этихъ словахъ справедливо видятъ доказательство не только того, что св. Поликарпу было извѣстно первое посланіе Іоанна, но что онъ зналъ также, слѣдовательно, и евангеліе его, такъ какъ и то и другое,—и внутренно по содержанію и исторически по своему первоначальному назначенію или цѣли,—стоятъ въ самой тѣсной связи между собою, такъ что не безъ основанія считаютъ нѣкоторые первое, т. е. посланіе Іоанна, какбы прикладною частію евангелія его, практическою или полемическою ([2]). И можно-ли думать иначе, имѣя въ виду то, что св. Поликарпъ былъ ученикъ апостола Іоанна и вмѣстѣ епископъ одной изъ тѣхъ церквей, по неусыпному попеченію о которыхъ Іоаннъ и написалъ какъ свое евангеліе, такъ потомъ и свое первое посланіе? ([3]).

Таковы данныя относительно канона нашихъ четырехъ евангелій, открываемыя въ писаніяхъ мужей апостольскихъ ([4]). Данныя эти бо̀льшею частію, какъ

([1]) Epist. ad Philipp. cap. VII (Hefele, pag. 264); ср. 1 Іоан. IV, 3.

([2]) Введеніе въ новозавѣтныя книги священнаго писанія, Герике, ч. I, стр. 259—262.

([3]) «Историческія обстоятельства жизни Поликарпа,—говоритъ Кирхгоферъ вслѣдъ за Ольсгаузеномъ,—были вообще такого рода, что хотя бы даже въ его посланіи не было ни одного евангельскаго цитата, мы должны были бы допустить, что онъ зналъ собраніе нашихъ евангелій» (Quellensammlung zur Geshichte des N. Canons... s. 85—86 ср. s. 28).

([4]) Мы не привели никакихъ выдержекъ изъ книги Эрмы «Пастырь», потому что открываемые въ ней слѣды заимствованій изъ нашихъ евангелій такъ не ясны и неопредѣленны, что почти невозможно доказать дѣйствительность этихъ заимствованій именно изъ нашихъ евангелій, а не вообще изъ преданія. Впрочемъ Кирхгоферъ привелъ въ своемъ сборникѣ нѣсколько мѣстъ и изъ сочиненія Эрмы (см. ss. 80—83).

видимъ, такого рода, что не даютъ конечно права на какіе-либо рѣшительные, категорическіе выводы; однако они, полагаемъ, вполнѣ достаточны для того, чтобы на основаніи ихъ можно было съ вѣроятностію предполагать распространеніе и церковное употребленіе нашихъ евангелій еще во дни непосредственныхъ учениковъ и преемниковъ апостольскихъ.

Кромѣ писаній мужей апостольскихъ, изъ первой половины втораго вѣка до насъ дошли, частію въ отрывкахъ, частію въ цѣломъ видѣ, сочиненія еще трехъ церковныхъ писателей, которые если и не были непосредственными учениками апостольскими, то во всякомъ случаѣ стояли еще весьма близко къ апостольскому времени, почерпая свѣдѣнія о немъ изъ устъ первой генераціи преемниковъ апостольскаго служенія. Писатели эти суть: Папій, епископъ іерапольскій, неизвѣстный авторъ прекраснаго посланія къ Діогнету, и наконецъ св. Іустинъ философъ и мученикъ—мужъ, недалеко отстоявшій отъ апостоловъ,—говоритъ о немъ Меѳодій Тирскій,—какъ по времени, такъ и по добродѣтелямъ (1).

Что-же представляютъ намъ сочиненія этихъ трехъ писателей относительно канона нашихъ евангелій?

Историческій авторитетъ Папія, какъ одного изъ древнихъ свидѣтелей по вопросу о подлинности и каноническомъ значеніи нашихъ евангелій, подвергся, правда, въ послѣднее время сильнымъ возраженіямъ и притомъ — со стороны самихъ же защитниковъ того и другаго, считающихъ самого Папія вполнѣ заслуживающимъ будтобы строгаго приговора о

---

(1) Photii, Bibliotheca, cod. 234, pag. 921; ср. Евсев., Церк. ист. кн. II гл. 13.

немъ Евсевія, что онъ былъ человѣкъ «ума весьма ограниченнаго», а его сочиненіе (Λογίων κυριακῶν ἐξήγησις) исполненнымъ баснословія (¹); но возраженія эти, хотя и дѣлаются они, безспорно, съ самыми безпристрастными цѣлями, переступаютъ тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, предѣлы, въ какихъ умѣлъ удержаться при своей историко-критической оцѣнкѣ личности и сочиненій іерапольскаго епископа самъ Евсевій. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на свой строгій приговоръ о Папіѣ, Евсевій, въ слѣдъ же за нимъ, счелъ однако необходимымъ привести буквально записанное имъ преданіе нѣкоего пресвитера Іоанна о евангеліяхъ Матѳея и Марка,—счелъ, безъ сомнѣнія, потому, что видѣлъ въ этомъ преданіи уже не баснословіе, а драгоцѣнное во многихъ отношеніяхъ свидѣтельство древняго писателя церковнаго о происхожденіи этихъ евангелій. Послѣ этого, какъ бы мы ни судили о личности Папія и о достоинствѣ его сочиненій, во всякомъ случаѣ, на основаніи сохраненныхъ намъ Евсевіемъ отрывковъ изъ нихъ (²), должны признать, что онъ зналъ первыя два евангелія наши,—и зналъ ихъ, какъ священныя именно, апостольскія писанія, пользовавшіяся церковнымъ признаніемъ и авторитетомъ. Въ виду, разумѣется, такого значенія ихъ Папій и собиралъ преданія о происхожденіи ихъ отъ древнѣйшихъ пресвитеровъ, занесъ потомъ эти преданія о нихъ и въ свои книги, хотя самъ лично, какъ видно изъ его словъ, считалъ живое, устное преданіе объ ученіи І. Христа и апосто-

(¹) Tischendorf, Wann wurden unsere Evangelien verfasst? 4 Aufl. 1866, s. 111.

(²) Церк. исторія, кн. III. гл. 39.

довъ выше и полезнѣе книжныхъ свѣдѣній о немъ. Были ли извѣстны Папію и другія два евангелія наши, т. е. евангелія—Луки и Іоанна, и признавалъ ли онъ апостольскій и вмѣстѣ канонический авторитетъ ихъ,—относительно этого мы ничего не находимъ ни въ отрывкахъ изъ сочиненій Папія, какъ ихъ передаетъ Евсевій, ни въ историческихъ замѣткахъ о Папіѣ самого Евсевія; въ рѣшеніи этого вопроса мы остаемся, слѣдовательно, въ области однихъ лишь предположеній. Но если въ историческихъ выводахъ позволительны иногда и болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, то въ данномъ случаѣ мы считаемъ вполнѣ достойнымъ вѣроятія то предположеніе, что Папій зналъ и эти два евангелія,—и зналъ ихъ также или признавалъ, какъ каноническія, апостольскія писанія. Первое, т. е. что Папій зналъ дѣйствительно и эти два евангелія, вовсе не нуждается даже и въ доказательствахъ, такъ какъ этого не отрицаютъ въ настоящее время и болѣе безпристрастные представители самой отрицательной критики евангелій и евангельской исторіи, обращая даже вниманіе на замѣчательное сходство предисловія Папіева сочиненія съ предисловіемъ нашего третьяго евангелія,—сходство, показывающее, что Папій имѣлъ подъ руками это евангеліе (¹). Предметомъ спора остается только то, признавалъ ли Папій каноническій, апостольскій авторитетъ и этихъ двухъ евангелій, или нѣтъ? Но сомнѣнія и въ этомъ отношеніи лишены также всякихъ серьёзныхъ истори-

---

(¹) A. Hilgenfeld, Der Canon und die Kritik des N. Testaments, Halle, 1863 ss. 15—17.

ческихъ основаній (¹). Лучшимъ доказательствомъ противнаго для насъ служитъ уже одно то, что Евсевій, обѣщавшій дѣлать замѣчанія (и дѣйствительно постоянно дѣлающій ихъ въ своей исторіи),—«кто изъ церковныхъ писателей по временамъ пользовался тѣми или другими спорными сочиненіями, и что́

(¹) На чемъ держатся эти сомнѣнія? Сколько извѣстно, на двухъ главнымъ образомъ основаніяхъ: во первыхъ на томъ, что Папій былъ хиліастъ и потому будтобы отвергалъ оба евангелія, какъ антихиліастическія; и во вторыхъ — на томъ, что онъ принадлежалъ къ такъ называемой (школою Баура) іудейско-христіанской партіи, не принимавшей писаній апостола Павла, какъ отступника Моисеева закона, равно какъ и его спутника Луки. Но первое изъ этихъ основаній опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что мнѣніе Папія о тысящелѣтнемъ царствѣ Христовомъ раздѣляли также, какъ извѣстно, потомъ Іустинъ мученикъ, Ириней, Ипполитъ и др., и однакожъ извѣстно,—особенно о св. Иринеѣ, съ какою твердостію отстаивалъ онъ апостольскій авторитетъ всѣхъ четырехъ евангелій нашихъ противъ еретиковъ своего времени; мнѣніе это, слѣдовательно, не соединялось непремѣнно съ отрицаніемъ каноническаго, апостольскаго авторитета двухъ изъ нашихъ евангелій. И почему бы, въ самомъ дѣлѣ, Папій, какъ и всякій другой подобный ему хиліастъ, евангелія Матѳея и Марка могъ предпочитать евангеліямъ Луки и Іоанна? Хиліастическое ученіе одинаково чуждо, противно всѣмъ четыремъ евангеліямъ нашимъ, и не на нихъ, а на какомъ-то «неписанномъ преданіи» Папій основывался въ своихъ хиліастическихъ умствованіяхъ. Еще менѣе состоятельно второе основаніе. Если Папій, какъ юдаистъ, имѣлъ побужденія отрицать авторитетъ евангелія Луки, спутника апостола Павла, котораго христіане-юдаисты вообще считали отступникомъ Моисеева закона, то непонятно, что́ могло вооружить его съ этой точки зрѣнія противъ евангелія Іоанна,—противъ писанія одного изъ тѣхъ апостоловъ, которыхъ іудействующіе христіане почитали «столпомъ вѣры» (Гал. II, 9), и объ ученіи которыхъ онъ самъ, какъ говоритъ, заботливо распрашивалъ у лицъ, обращавшихся со старцами-апостолами? Сами отрицательные критики путаются въ объясненіи этого, то ссылаясь на духъ евангелія, несогласный будтобы съ юдаистическими воззрѣніями, то на существованіе въ средѣ современниковъ Папія сомнѣнія въ его апостольскомъ авторитетѣ или въ его подлинности. Но произволъ того и другаго мнѣнія очевиденъ, точно также, какъ до очевидности ясна вся вообще фальшь, натянутость доказываемаго положенія. (См. Tischendorf. Wann wurden unsere Evangelien verfasst? ss. 112—119).

говорилъ какъ о завѣтныхъ и признанныхъ, такъ и объ иныхъ» (1)—не преминулъ бы отмѣтить столь крупный фактъ, что одинъ изъ древнѣйшихъ и извѣстныхъ епископовъ церкви Христовой, принимая евангелія Матѳея и Марка, отвергалъ другія два—евангелія Луки и Іоанна. Думать такъ мы тѣмъ болѣе въ правѣ, что въ своихъ сообщеніяхъ о Папіѣ Евсевій съ замѣтною рѣзкостію выставляетъ на видъ его слабыя стороны. Между прочимъ, по ясному свидѣтельству Евсевія, Папій пользовался свидѣтельствами изъ перваго посланія Іоаннова: не служитъ ли это, скажемъ опять, лучшимъ ручательствомъ того, что онъ зналъ и признавалъ и евангеліе Іоанна? И справедливо ли, наконецъ, на томъ основаніи, что Евсевій въ своихъ выдержкахъ изъ сочиненія Папія не приводитъ никакихъ извѣстій о евангеліяхъ Луки и Іоанна, хотя онъ сообщаетъ записанное у Папія преданіе о евангеліяхъ Матѳея и Марка, заключать, что Папій отнюдь не зналъ или не признавалъ канона четырехъ евангелій нашихъ? Такое заключеніе тѣмъ менѣе возможно, что на этомъ основаніи нельзя со всею рѣшительностію утверждать даже того, что дѣйствительно у Папія никакихъ извѣстій и не было о евангеліяхъ Луки и Іоанна; какія-либо извѣстія, по всей вѣроятности, были и о нихъ,—что подтверждается и нѣкоторыми новѣйшими историческими изысканіями (2), но Евсевій не «счелъ нуж-

(1) Церк. ист. кн. III, 2.

(2) Такъ именно Тишендорфъ, разбирая свидѣтельство Папія о нашихъ евангеліяхъ, въ названномъ выше сочиненіи приводитъ, между прочимъ, любопытное свидѣтельство этого изъ одного латинскаго манускрипта евангелій, хранящагося въ Ватиканской библіотекѣ, и написаніе котораго относится, по его мнѣнію, къ IX вѣку. По находяще-

нымъ» привести ихъ потому, какъ полагаютъ, что не находилъ въ нихъ ничего достойнаго замѣчанія, какъ онъ поступалъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ (¹).

Но то, чего мы не находимъ ясно у Папія, открываемъ въ памятникахъ другихъ писателей того же

нуся въ этомъ манускриптѣ предисловію къ евангелію Іоанна,—предисловію, обнаруживающему, по Тишендарфу, до—Іеронимовское составленіе, Папій и его сочиненіе представляются прямыми свидѣтелями подлинности этого евангелія. Таковы первыя слова этого предисловія, выписанныя Тишендорфомъ: «Evangelium Iohannis manifestatum et datum est ecclesiis ab Iohanne adhuc in corpore constituto, sicut Papias nomine hierapolitanus discipulus Iohannis carus in exotericis, id est extremis quinque libris retulit». Болѣе опредѣленное извѣстіе о свидѣтельствѣ Папія относительно евангелія Іоанна невозможно, говоритъ Тишендорфъ. Подлинность этого извѣстія подвергается, впрочемъ, сомнѣнію. (См. Grundriss der Einleitung in das N. Testament, I. Langen, Freiburg, 1868. s. 64).

(¹) Сообразно съ своимъ дѣленіемъ книгъ новозавѣтнаго канона на *общепризнанныя* (ὁμολογούμενα) и *спорныя* (ἀντιλεγόμενα), Евсевій и въ сообщеніи извѣстій о нихъ изъ сочиненій разныхъ древнихъ писателей церковныхъ поступаетъ вообще такъ, что по отношенію къ первымъ онъ обыкновенно ограничивается выборомъ такихъ извѣстій, которыя содержатъ что-либо замѣчательное относительно обстоятельствъ самаго происхожденія ихъ, напр. относительно повода къ написанію той или другой изъ нихъ, времени написанія, цѣли и проч., и отнюдь не имѣетъ въ виду подтверждать подлинность ихъ. И это въ особенности замѣчается относительно евангелій, доказывать подлинность которыхъ ему не приходило даже и на мысль (ср. кн. V, гл. 8; VI, 14, 25); относительно же *спорныхъ* книгъ,—напр. соборныхъ посланій, посланія къ Евреямъ и Апокалипсиса,—напротивъ, Евсевій видимо старается прослѣдить самую подлинность ихъ, древность каноническаго признанія ихъ, указывая, кто изъ церковныхъ писателе. упоминаетъ о той или другой изъ нихъ, или дѣлаетъ извлеченіе мѣстъ изъ нихъ и проч. Отсюда объясняется, почему весьма часто Евсевій, говоря о томъ, какъ тотъ или другой писатель пользовался какою либо изъ спорныхъ книгъ, напр. Климентъ Римскій—посланіемъ къ Евреямъ (кн. III, гл. 38), Іустинъ мученикъ—Апокалипсисомъ (кн IV, 18) и пр., ничего не говоритъ въ тоже время объ употребленіи тѣми же самыми писателями другихъ книгъ апостольскихъ (изъ числа общепризнанныхъ), хотя слѣды такого употребленія и для него были очевидны.

времени. Таково, прежде всего, прекрасное апологетическое посланіе къ Діогнету, неизвѣстный авторъ котораго если и не былъ ученикъ апостольскій, то во всякомъ случаѣ былъ одинъ изъ старѣйшихъ современниковъ св. Іустина мученика, которому долгое время приписывали его ([1]). Подобно тому какъ въ сочиненіяхъ мужей апостольскихъ, въ посланіи къ Діогнету мы не находимъ также прямыхъ цитатъ изъ нашихъ евангелій, и это, не смотря на сравнительно позднѣйшее появленіе его, нисколько не удивительно. Посланіе писано къ язычнику, вовсе незнакомому съ христіанствомъ и его священными писаніями, для котораго, поэтому, какіе либо цитаты изъ этихъ послѣднихъ не могли быть особенно важны и убѣдительны. Тѣмъ не менѣе и это незначительное по объему посланіе представляетъ въ содержаніи многихъ своихъ мыслей и образѣ выраженія ихъ ясные слѣды знакомства и употребленія со стороны автора его нашихъ евангелій, и въ особенности евангелія Іоанна, какъ источниковъ познанія о тѣхъ «нечеловѣческихъ тайнахъ», распоряженіе которыми, по выраженію его, ввѣрено христіанамъ, и сущность которыхъ онъ отчасти передаетъ своему другу—язычнику. Такъ, когда авторъ посланія называетъ І. Христа «единороднымъ Сыномъ Божіимъ» (cap. X, Hefele, p. 316), котораго Богъ, какъ *любящій*, а *не судящій*, послалъ къ людямъ (cap. VII, Hefele, p. 310), когда говоритъ о христіанахъ, что хотя они

([1]) Изъ разнообразныхъ предположеній о времени написанія этого посланія, наиболѣе вѣроятное, по нашему мнѣнію, есть предположеніе Мёлера, которое раздѣляетъ и ученый Гефеле, что оно написано въ царствованіе Траяна, можетъ быть въ концѣ его (Hefele, Patrum apostol. opera, Prolegomena, p. XCI).

живутъ въ мірѣ, но *не суть отъ міра* (cap. VI, Hefele, p. 306) и пр., то не ясно-ли, что во всѣхъ этихъ случаяхъ уму его предносились извѣстныя мѣста изъ евангелія Іоанна, заключающія тѣже мысли и въ тѣхъ же почти самыхъ выраженіяхъ (1)? Встрѣчается также нѣсколько подобныхъ же, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ посланія, выраженій и понятій, имѣющихъ весьма близкое сходство съ евангеліемъ Матѳея (2). Въ особенности же замѣчательныя мѣста представляютъ XI и XII главы посланія, гдѣ, между прочимъ, встрѣчаемъ ясное употребленіе выраженія «евангеліе» въ смыслѣ, очевидно, общаго наименованія сборника евангельскихъ книгъ (3); но такъ какъ подлинность этихъ главъ многими новѣйшими изслѣдователями подвергается сомнѣнію и, какъ кажется, не безъ основанія, то мы и не считаемъ себя въ правѣ пользоваться заключающимися въ нихъ данными, тѣмъ болѣе, что имѣемъ еще болѣе замѣчательныя историческія данныя въ сочиненіяхъ другаго свидѣтеля изъ той же эпохи, къ которой относится и посланіе къ Діогнету.

Свидѣтель этотъ есть св. Іустинъ философъ и мученикъ. Въ лицѣ св. Іустина мы имѣемъ, безспорно, одного изъ важнѣйшихъ свидѣтелей первой половины втораго вѣка по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу. Въ сочиненіяхъ его мы находимъ не только болѣе ясныя и многочисленныя заимствованія

(1) Сн. Іоанна гл. I, 14, 18; III, 16—17; XVII, 11, 14, 16; III, 5 и др.

(2) Ср. Cap. VIII, Hefele, pag. 312; сн. Мѳ. XIX, 17; Cap. IX, Hefele, pag. 914; сн. Мѳ. VI, 25—31.

(3) Cap. XI, Hefele p. 318.

изъ нашихъ евангелій или такъ называемыхъ у него «воспоминаній апостоловъ» (ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων), чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ нами доселѣ памятникахъ, но и эти заимствованія у него, по своей формѣ, приближаются уже къ прямымъ цитатамъ изъ нихъ (¹).

(¹) Что цитуемыя у св. Іустина такъ называемыя «воспоминанія» или «памятныя записи апостоловъ» суть не что иное, какъ наши каноническія евангелія, а не другое какое-либо евангельское сочиненіе,— напр. евангеліе отъ евреевъ, какъ думали одни, или сходное съ нимъ евангеліе Петра, какъ предполагали другіе, или другое подобное,—это въ настоящее время признается всѣми лучшими и безпристрастнѣйшими изслѣдователями. Отсылая желающихъ ближе ознакомиться съ означеннымъ предметомъ къ многочисленнымъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ его (см. указаніе ихъ у Креднера: Geschichte d. Neutest. Canon, Berlin, 1860, s. 7—8), мы ограничимся въ этомъ отношеніи слѣдующими краткими замѣчаніями: 1) св. Іустинъ ясно говоритъ въ *одномъ мѣстѣ* что такъ называемыя имъ ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων, изъ которыхъ онъ заимствуетъ евангельскія мѣста, составлены *апостолами и ихъ послѣдователями* (Dialog. cum Tryph., cap. 103—Migne, ser. graeca, tom VI, col. 718): не очевидное ли указаніе на наши четыре евангелія, составленныя дѣйствительно двумя апостолами и двумя спутниками или послѣдователями апостольскими? 2) Очень многія изъ приводимыхъ у св. Іустина евангельскихъ мѣстъ буквально согласуются съ текстомъ нашихъ евангелій и тѣмъ ясно показываютъ, что они заимствованы именно изъ нихъ; правда, много есть также и такихъ, которыя болѣе или менѣе уклоняются въ чтеніи отъ текста нашихъ евангелій; но это, какъ мы уже имѣли случай объяснять, составляетъ обыкновенное явленіе въ сочиненіяхъ древнихъ церковныхъ писателей, пользующихся писаніями апостольскими, точно также какъ нерѣдко и ветхозавѣтными, совершенно свободно, не привязываясь строго къ буквѣ текста; кромѣ того, и самъ по себѣ текстъ апостольскихъ писаній вообще, и въ частности текстъ именно евангелій, къ концу первой половины втораго столѣтія представлялъ уже, по замѣчанію Тишендорфа, чрезвычайное разнообразіе чтеній, такъ что, слѣдовательно, въ весьма многихъ случаяхъ уклоненія евангельскихъ цитатъ Іустина отъ нашего теперешняго текста евангелій были естественными послѣдствіями этого разнообразія; что же касается, наконецъ, такихъ изъ приводимыхъ у Іустина мѣстъ евангельскихъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ нашихъ евангеліяхъ, то, во первыхъ, число такихъ мѣстъ весьма немногочисленно и слѣдовательно несправедливо на основаніи ихъ дѣлать какіе либо отрицательные выводы по отношенію къ нашимъ евангеліямъ; и во вторыхъ, всѣ подобныя мѣста легко могли быть заимствованы изъ устнаго преданія, хотя нельзя от-

Насчитываютъ до 50 такихъ евангельскихъ цитатъ въ его апологіи (первой) и до 70 въ разговорѣ съ Трифономъ іудеемъ; изъ нихъ большая часть заимствована изъ евангелій Матеея и Луки; сравнительно менѣе—изъ евангелія Іоанна и въ особенности Марка, хотя и заимствованія изъ нихъ не менѣе ясны и опредѣленны ([1]). Уже это самое множество приводи-

рицать и того, что Іустинъ могъ имѣть подъ руками и отчасти пользоваться, кромѣ каноническихъ евангелій, и еще какимъ-либо евангельскимъ сочиненіемъ. 3) Цитуемыя св. Іустиномъ «воспоминанія апостоловъ» были читаемы, по ясному свидѣтельству его, при богослужебныхъ собраніяхъ христіанъ на ряду съ книгами пророческими: это обстоятельство, въ связи съ указанными, также не позволяетъ думать, чтобы означенныя этимъ именемъ писанія были не подлинно апостольскія, или не наши каноническія евангелія, но какія-либо другія, апокрифическія. 4) Еще болѣе прямое доказательство этого мы имѣемъ въ такъ называемомъ τὸ διὰ τεσσάρων ученика Іустинова—Таціана; это же διὰ τεσσάρων Таціана было, по свидѣтельству Евсевія, Өеодорита и др. (Ц. истор. IV, 29; Haeret. fab. lib. 1, c. 20), не что иное, какъ гармонія или сводъ четырехъ евангелій нашихъ; и «воспоминанія апостоловъ» Іустина были слѣдовательно тѣже самыя четыре евангелія, тѣмъ болѣе, что и самъ Іустинъ довольно ясно обозначаетъ четверочастный составъ цитуемыхъ имъ «воспоминаній», называя ихъ воспоминаніями апостоловъ и ихъ спутниковъ, и цѣлый рядъ другихъ свидѣтельствъ, современныхъ Іустину, раннихъ и позднѣйшихъ, говоритъ объ употребленіи въ церкви того же четвероевангелія. Наконецъ 5) совершенно произвольно и странно утверждать и доказывать, какъ это дѣлаетъ Креднеръ (Geschichte d. N. Canon, s. 16), что хотя св. Іустинъ зналъ наши евангелія, но не употреблялъ ихъ; если такое разграниченіе между *знаніемъ* и *употребленіемъ* въ иныхъ случаяхъ и является, быть можетъ, исторически—необходимымъ, то въ данномъ случаѣ, въ отношеніи къ св. Іустину, оно не оправдывается никакими историческими соображеніями. Вотъ главнѣйшія основанія, по которымъ необходимо признать, что цитуемыя Іустиномъ «воспоминанія апостоловъ» были наши четыре евангелія, а не какое-либо отличное отъ нихъ евангельское сочиненіе.

([1]) Полный сводъ всѣхъ этихъ мѣстъ, съ необходимыми критическими замѣчаніями, см. у Кирхгоеера: Quellensammlung zur Geschichte d. N. Canon ss. 34—36; 89—104; 125—132, 136; 146—147. Въ частности, весьма обстоятельное критическое обозрѣніе мѣстъ въ сочиненіяхъ св. Іустина, заимствованныхъ собственно изъ евангелія Іоанна,

мыхъ св. Іустиномъ мѣстъ изъ нашихъ евангелій показываетъ, что онъ обращался къ нимъ не случайно, не по риторическимъ или гомилетическимъ побужденіямъ только, но по сознанію дѣйствительной важности ихъ, особеннаго значенія въ практикѣ современной ему церкви Христовой. Такое, впрочемъ, значеніе ихъ весьма ясно видно и изъ другихъ открываемыхъ у него данныхъ. На сборникъ цитуемыхъ «воспоминаній апостоловъ» св. Іустинъ весьма опредѣленно указываетъ, какъ на источникъ, въ которомъ заключается *все*, касающееся Спасителя нашего І. Христа ([1]); такимъ образомъ ясно выдѣляетъ ихъ изъ ряда всѣхъ другихъ источниковъ евангельской исторіи, бывшихъ въ ходу въ его время; затѣмъ—называетъ входящія въ составъ его книги *нашими писаніями* или собственными писаніями христіанъ (ἡμέτερα συγγράμματα) ([2]),—выраженіе, показывающее не только то, что наши евангелія пользовались всеобщею извѣстностію и признаніемъ въ христіанскомъ мірѣ, но и то, что они составляли священное, драгоцѣнное достояніе христіанства. Наконецъ, Іустинъ положительно свидѣтельствуетъ, что «воспоминанія апостоловъ» или евангелія были читаемы въ его время въ богослужебныхъ

знакомство съ которымъ Іустина и доселѣ еще, не смотря на всѣ доводы, нѣкоторые отрицательные критики, напр. Фолькмаръ, Гильгенфельдъ и др., стараются отвергнуть, см. у Годэ въ его Commentaire sur l'Evangile de s. Jean, Paris, 1864, tom. I., Introduction, p. 23—30.

([1]) Apolog. I, cap. 33 (Migne, ser. graeca, tom. VI. col. 381): ὡς οἱ ἀπομνημονεύσαντες πάντα τὰ περὶ τε Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐδίδαξαν.

([2]) Apolog. I., c. 28 (Migne, tom. VI, col. 372): ὡς καὶ ἐκ τῶν ἡμετέρων συγγραμμάτων ἐρευνήσαντες μαθεῖν δύνασθε. Подобнымъ же образомъ выражался о нашихъ евангеліяхъ, ссылаясь на нихъ, Цельсъ: ταῦτα μὲν οὖν ὑμῖν ἐκ τῶν ὑμετέρων συγγραμμάτων.... (См. Orig. Contra Celsum, lib, II, cap. 74. Migne, ser. graeca, tom. XI, col. 910).

собраніяхъ христіанъ на ряду съ писаніями пророковъ (1). Это послѣднее обстоятельство служитъ особенно рѣшительнымъ свидѣтельствомъ того, что слѣдовательно евангелія наши отъ временъ древнѣйшихъ пользовались каноническимъ, священнымъ авторитетомъ въ церкви христіанской. Говоримъ: *отъ временъ древнѣйшихъ*, потому что хотя съ извѣстіемъ о церковномъ употребленіи нашихъ евангелій мы и встрѣчаемся въ первый разъ у св. Іустина, но начало этого обычая восходитъ, какъ мы постараемся доказать ниже, еще ко временамъ апостольскимъ. Нельзя также не обратить вниманія и на самое наименованіе—«воспоминанія апостоловъ» (*ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων*), подъ какимъ постоянно цитируются Іустиномъ наши евангелія (2). Въ этомъ наименованіи (*ἀπομνημονεύματα*), заимствованномъ, по всей вѣроятности, св. Іустиномъ подобно другимъ встрѣчающимся у него названіямъ, напр. воскреснаго дня — днемъ солнца, Іудеевъ — варварами, изъ греческо-языческой терминологіи и литературы (3), священныя евангелія наши, во первыхъ, ясно представляются составляющими одно цѣлое, тѣсно связанными между собою единствомъ и своего содер-

(1) Apolog. I, c. 67 (Migne, col., 429): καὶ τὰ ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων ἢ τὰ συγγράμματα τῶν προφητῶν ἀναγινώσκεται μέχρις ἐνχωρεῖ.

(2) Наименованіе же: «евангелія» (εὐαγγέλια) или «евангеліе» (εὐαγγέλιον), употребленіе котораго мы встрѣтили еще въ посланіяхъ Игнатія Богоносца, у св. Іустина представляется уже, какъ общеизвѣстное, общеупотребительное. См. Apolog. I, cap. 66 (Migne, col. 429): Οἱ γὰρ ἀπόστολοι εν τοῖς γενομένοις ὑπ' αὐτῶν ἀπομνημονεύμασιν, ἃ καλεῖται εὐαγγέλια. Cf. Dialog. c. Tryph. c. 10, 100 (Migne. col. 496, 709).

(3) Между памятниками послѣдней очень многіе носили названіе «ἀπομνημονεύματα» и изъ числа ихъ въ особенности извѣстны «ἀπομνημονεύματα Σωκράτους» Ксенофонта.

жанія и самаго происхожденія; во вторыхъ, ссылка на нихъ подъ такимъ общимъ наименованіемъ, безъ указанія самыхъ именъ писателей ихъ (которыхъ, впрочемъ, Іустинъ весьма опредѣленно обозначаетъ, какъ апостоловъ и ихъ спутниковъ), съ очевиднымъ въ тоже время выраженіемъ ихъ безусловнаго священнаго авторитета, позволяетъ прямо заключать, по замѣчанію Тишендорфа ([1]), о совершившейся уже въ церкви канонической авторизаціи ихъ; потому что только при такой общей авторизаціи ихъ личности отдѣльныхъ писателей, не смотря на то, что это были апостолы и ихъ спутники, какбы отступали на задній планъ. Всѣ эти данныя, открываемыя у св. Іустина относительно канона нашихъ евангелій, помимо своей древности, представляются потому еще особенно важными, что они принадлежатъ такому христіанскому мужу, который, во время своихъ путешествій по различнымъ церквамъ Азіи, Африки и Европы, имѣлъ полную возможность хорошо ознакомиться съ преданіемъ и практикою ихъ, и котораго голосъ, поэтому, справедливо можетъ быть признанъ выраженіемъ мнѣній и взглядовъ всего современнаго ему христіанскаго міра.

Итакъ, сопоставляя свидѣтельства всѣхъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами писателей церковныхъ первой половины втораго вѣка, мы не только открываемъ въ нихъ, какъ у мужей апостольскихъ, болѣе или менѣе ясные слѣды употребленія нашего четвероевангелія, но и встрѣчаемся, во первыхъ, съ яснымъ указаніемъ имени и самаго происхожденія двухъ изъ евангельскихъ книгъ его (Матѳея и Марка), причемъ извѣстія

([1]) Wann wurden unsere Evangelien verfasst? s. 37.

этого послѣдняго рода прямо показываютъ господствовавшее уже въ церкви уваженіе къ нимъ, какъ къ источникамъ подлинно-апостольскаго преданія; и во вторыхъ—со множествомъ такихъ данныхъ относительно значенія и положенія его въ церковномъ учительствѣ и практикѣ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наши четыре евангелія составляли издавна особый священный кодексъ евангельской исторіи, въ которомъ церковь видѣла и чтила подлинныя писанія апостоловъ и ихъ спутниковъ.

Но свидѣтельства христіанской древности относительно канона нашихъ евангелій еще не исчерпываются разсмотрѣнными нами доселѣ памятниками. Конецъ перваго и первая половина втораго вѣка замѣчательны въ исторіи церкви появленіемъ многочисленныхъ гностическихъ и другихъ еретическихъ сектъ, весьма различныхъ по своимъ доктринамъ, но сходившихся въ одномъ — въ оппозиціи апостольскому ученію церкви Христовой, — сектъ, имѣвшихъ свою богатую литературу. Разнообразные памятники этой литературы также не дошли до насъ, или дошли только въ отрывкахъ; но объ ихъ характерѣ и содержаніи мы можемъ съ точностію судить на основаніи полемическихъ сочиненій различныхъ отцовъ и учителей церкви, занимавшихся опроверженіемъ ихъ, — каковы напр. сочиненія св. Иринея Ліонскаго, Тертулліана, Климента Александрійскаго, св. Ипполита, Оригена и др. Изъ совокупныхъ свидѣтельствъ этихъ писателей мы узнаемъ, что еще прежде появленія названныхъ сектъ канонъ нашихъ четырехъ евангелій былъ уже такъ хорошо извѣстенъ въ церкви Христовой и пользовался такимъ

высокимъ, непререкаемымъ авторитетомъ въ ней, что и «сами еретики,—какъ говорилъ св. Ириней,—воздавали свидѣтельство нашимъ евангеліямъ и, исходя отъ нихъ, каждый изъ нихъ старался подтвердить свое ученіе» ([1]). Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ относящихся сюда извѣстій, какъ ни интересны они, мы остановимся для примѣра на томъ, что̀ извѣстно въ этомъ отношеніи о представителяхъ трехъ болѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ гностическихъ школъ,—именно: *о Маркіонѣ, Валентинѣ* и *Василидѣ*.

Извѣстны отношенія Маркіона, главы антиіудейской гностической секты, къ священнымъ новозавѣтнымъ книгамъ вообще. Находясь въ Римѣ, а можетъ быть еще въ Синопѣ—своей родинѣ (съ точностію неизвѣстно), Маркіонъ составилъ для своихъ учениковъ особый сборникъ апостольскихъ писаній, исключительно почитаемыхъ имъ священными; въ составъ этого сборника, раздѣлявшагося на двѣ части—εὐαγγέλιον и ἀπόστολος или ἀποστολικόν, входили у него: *одно* евангеліе, не носившее надписанія имени ни одного изъ четырехъ евангелистовъ ([2]), а назы-

([1]) Contra hæres., lib. III, 11, 7 (Migne ser. græca, tom. VII, col. 884). Каноническаго значенія въ строгомъ смыслѣ никто изъ древнихъ еретиковъ, особенно гностиковъ, не признавалъ за нашими евангеліями, какъ и за всѣми вообще апостольскими писаніями; тѣмъ не менѣе, желая оправдать предъ вселенскою церковію свои еретическія, мнимо-философскія воззрѣнія, они очень часто прибѣгали къ свидѣтельству ихъ, не заподозривая ихъ подлинности; и это-то употребленіе еретиками нашихъ евангелій и другихъ апостольскихъ книгъ служитъ, безспорно, убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ какъ подлинности ихъ, такъ и древности каноническаго признанія въ церкви Христовой (см. Thiersch, Versuch zur Herstellung d. histor. Standpuncts für die Kritik. d. N. Schriften, ss. 323—326).

([2]) Tertul., Advers. Marcion, lib. IV, 2 (Migne, tome II., pars.

вавшееся просто *евангеліемъ Христа*, и *десять* посланій апостола Павла ([1]). Въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ, былъ ли этотъ составленный Маркіономъ сборникъ новозавѣтныхъ книгъ первый вообще, образцовый опытъ въ этомъ родѣ, какъ утверждаютъ многіе изслѣдователи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно рѣшеніе другаго вопроса: какого рода было принятое Маркіономъ въ свой сборникъ евангеліе подъ именемъ евангелія Христа? Открываемыя у св. Иринея и Тертулліана—почти современниковъ Маркіона—извѣстія относительно этого не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это было наше третье евангеліе — св. Луки, только передѣланное, искаженное Маркіономъ ([2]), и что ему были очень хо-

secund., col. 363): Marcion evangelio, scilicet suo, nullum adscribit auctorem, quasi non licuerit illi titulum quoque affingere, cui nefas non fuit ipsum corpus evertere; cf. Pseudo-Orig., Dialog. de recta in Deum fide, sect. I (Kirchhofer, Quellensammlung zur Geschichte des N. Canons, s. 362).

([1]) Указаніе числа и самаго порядка входившихъ въ составъ Маркіонова сборника книгъ апостольскихъ см. у Тертулліана Advers. Marc. cap. IV — XXI (Migne tom. II, ser. pr.); у св. Епифанія, Hæres. lib. 42, 9 (Opp. tom. I, edit. Petav. p. 309).

([2]) Iren., Contra hæres., lib. 1, c. 27, 2 (Migne, tom. VII, col. 688): Et super hæc, id quod est secundum Lucam evangelium (Marcion) circumcidens, et omnia quæ sunt de generatione Domini conscripta auferens, et de doctrina sermonum Domini multa auferens, in quibus manifestissime conditorem hujus universitatis suum patrem confitens Dominus conscriptus est; semet ipsum esse veraciorem, quam sunt hi, qui evangelium tradiderunt, apostoli, suasit discipulis suis. Cf. lib. III, c. XII, 12 (Migne, col. 906): Marcion, et qui ab eo sunt, ad intercidendas conversi sunt scripturas, quasdam quidem in totum non cognoscentes, secundum Lucam autem evangelium, et epistolas Pauli decurtantes, hæc sola legitima esse dicunt, quæ ipsi minoraverunt.—Tertul., advers Marcion, lib. IV. c. 2 (Migne, col. 364): Ex iis commentatoribus quos habemus, Lucam videtur Marcion elegisse, quem cæderet". Cf. lib. IV, c. 4 (Migne, col. 365): „Quod ergo pertinet ad evangelium interim Lucæ, quatenus communio ejus inter nos et Marcionem de veritate disceptat,

рошо извѣстны и прочія три евангелія церковныя, но онъ не принялъ ихъ въ свой сборникъ,—и не принялъ не потому, чтобы сомнѣвался самъ, или находилъ сомнѣнія въ ихъ подлинности у другихъ, но потому, что находилъ содержаніе ихъ несогласнымъ съ своими еретическими воззрѣніями ([1]). Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ особенно ясно свидѣтельствуетъ Тертулліанъ ([2]), который, какъ видно изъ

---

adeo antiquius Marcione est, quod est secundum nos...—Сводъ другихъ относящихся сюда мѣстъ изъ сочиненій Иринея и Тертулліана, равно какъ и отрывки изъ Маркіонова евангелія см. у Кирхгофера ss. 357—386.

([1]) Св. Ириней, жалуясь вообще на усѣченіе, искаженіе Маркіономъ апостольскихъ писаній, относительно евангелій прямо замѣчаетъ, что онъ передалъ своимъ ученикамъ не *все евангеліе* (non evangelium), т. е. не всѣ четыре евангелія, *но только частицу евангелія* (sed particulam evangelii tradens eis), т. е. одно евангеліе Луки (Contra hæres., lib. I, c. 27, 2. — Migne, col. 688). Cf. lib. III, c. XI, 9.— Migne, col. 890.

([2]) Adver. Marc. lib. IV, c. 3 (Migne, tom. II, ser. prim., col. 364): „Sed. enim Marcion nactus epistolam Pauli ad Galatas, etiam ipsos apostolos suggillantis (Gal. II), ut non recto pedes incedentes ad veritatem evangelii, simul et accusantis pseudapostolos quosdam pervertentes evangelium Christi, *connititur ad destruendum statum eorum evangeliorum, quae propria, et sub apostolorum nomine eduntur, vel etiam apostolicorum, ut scilicet fidem, quam illis adimit, suo conferat*". Въ той же IV книгѣ, указывая на одинаковое свидѣтельство апостольскихъ церквей относительно всѣхъ четырехъ евангелій, Тертулліанъ выражаетъ удивленіе, почему Маркіонъ избралъ именно евангеліе Луки для своей секты (cap. V, Migne, col. 367), а не другое какое-либо, почему онъ не воспользовался евангеліемъ, имѣвшимъ за собою бóльшій авторитетъ (auctoritatem receptiorem), т. е. разумѣется, евангеліемъ Матѳея или Іоанна;—называетъ его исправителемъ (emendator) евангелія (c. IV, col. 366) и пр. Или въ сочиненіи: De carne Christi, c. III (Migne, tom. II, ser. pr., col. 758) Тертулліанъ между прочимъ такъ опровергаетъ Маркіона: „Si scripturas opinioni tuæ resistentes non de industria *alias rejecisses, alias corrupisses,* confudisset te in hac specie evangelium Iohannis, prædicans Spiritum columbæ corpore lapsum desedisse super Dominum".—Обозрѣніе другихъ свидѣтельствъ см. у Кирхгофера ss. 357—366.

нѣкоторыхъ его замѣчаній, имѣлъ подъ руками даже какое-то посланіе Маркіона, въ которомъ самъ лжеучитель сознавался, что до времени своего сектаторства онъ, вмѣстѣ со всею церковію, признавалъ все содержащееся въ нашихъ евангеліяхъ (т. е. какъ въ принятомъ имъ евангеліи Луки, такъ и въ другихъ евангеліяхъ) и лишь впослѣдствіи пришолъ къ мысли, что будтобы въ нихъ ученіе І. Христа искажено апостолами чрезъ смѣшеніе его съ іудействомъ (1). Отъ этого недостатка не былъ совершенно свободенъ, по мнѣнію Маркіона, даже и самъ Павелъ—единственный апостолъ, авторитетъ котораго онъ признавалъ,—почему и въ евангеліи его спутника—Луки, принятомъ имъ въ свой сборникъ, сдѣлалъ многія мнимыя исправленія (2). Итакъ, вотъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ одномъ изъ еретиковъ первой половины втораго вѣка, современникѣ св. Іустина философа. Предметомъ разномыслія, какъ видимъ, служитъ между прочимъ канонъ новозавѣтныхъ писаній, и въ частности именно канонъ евангелій; но разномыслія въ какомъ отношеніи? Не относительно ихъ подлинности, но относительно авторитета, или церковнаго, каноническаго значенія ихъ. Подлинность ихъ, стало быть, бы-

(1) De carne Christi, c. 2 (Migne, col. 755—756): „...Et eo magis mortuus es, quo magis non es christianus: qui cum fuisses, excidisti, rescindendo quod retro credidisti; *sicut et ipse confiteris in quadam epistola, et tui non negant, et nostri probant*". Cf. Adver. Marc., lib. IV, c. 4 (Migne, col. 365—366).

(2) „Si enim id evangelium quod Lucae refertur penes nos (viderimus an et penes Marcionem) ipsum est quod Marcion per antitheses suas arguit, *ut interpolatum a protectoribus judaïsmi* ad concorporationem legis et prophetarum,....utique non potuisset arguere, nisi quod invenerat" (Adver. Marc., lib. IV, c. 4.—Migne, col. 366).

ла непререкаема. Но имѣла ли бы также какой нибудь смыслъ и оппозиція Маркіона противъ канонического авторитета нашихъ евангелій, точно такъ же, какъ и полемика противъ него по этому поводу указанныхъ церковныхъ писателей, если бы эти евангелія въ его время были еще дѣйствительно, какъ утверждаетъ Рейссъ ([1]), совершенно частными писаніями, предоставленными личному, произвольному употребленію каждаго, подобно обыкновеннымъ книгамъ, а не священными и нѣкоторымъ образомъ оффиціальными церковными документами (instrumenta, какъ часто называетъ ихъ Тертулліанъ), т. е. если бы, другими словами, церковь не чтила уже въ нихъ свой канонъ истинно-божественныхъ, завѣтныхъ писаній?...

Не менѣе Маркіона извѣстенъ другой лжеучитель изъ первой же половины втораго вѣка, основатель многочисленной также гностической секты—*Валентинъ*, пришедшій въ Римъ изъ Александріи около 140-го года ([2]) и слѣдовательно жившій одвовременно съ Маркіономъ и св. Іустиномъ мученикомъ. До насъ дошли отрывки изъ его сочиненій ([3]), хотя о его ученіи мы знаемъ главнымъ образомъ по воззрѣніямъ его учениковъ — Птолемея, Гераклеона и др. Ученики, правда, во многихъ пунктахъ ученія разошлись

([1]) Histoire du canon des S. Écritures dans l'Église Chrétienne, p. 72.

([2]) Св. Ириней (Contra hæres., lib. III, c. 4, 3; ср. Евс., Цер. истор. кн. IV, 11) говоритъ, что Валентинъ пришолъ въ Римъ при Гигинѣ, епископство котораго въ церкви римской обыкновенно полагаютъ въ 137—141 годахъ.

([3]) Собраніе этихъ отрывковъ см. у Грабе: „Spicilegium ss. Patrum et hæreticorum", Oxon , tom. II, p. 50—58; а также у Миня—Patrolog. Cursus complet., ser. græca, tom. VII: Appendix. ad Irenaei libros contra hæres., fragmenta gnostica, p. 1271- 1278.

съ своимъ учителемъ, но въ отношеніи къ апостольскимъ писаніямъ они слѣдовали, надобно полагать, въ точности его примѣру. Какъ на отличительную особенность послѣдователей Валентина, св. Ириней, читавшій по его собственнымъ словамъ сочиненія ихъ и познакомившійся съ ихъ образомъ мыслей посредствомъ личной бесѣды съ нѣкоторыми изъ нихъ (1), указываетъ на то, что они для подтвержденія своего лжеученія пользовались преимущественно евангеліемъ Іоанна,—и между прочимъ приводитъ примѣръ того, какъ они изъ первой главы этого евангелія выводили одинъ изъ главныхъ пунктовъ своего лжеученія—ученіе о первой осмерицѣ, матери всѣхъ эоновъ (2). Извѣстія Иринея вполнѣ подтверждаются изложеніемъ системы Валентина у св. Ипполита (3). Однимъ изъ учениковъ Валентина, Гераклеономъ, былъ составленъ даже, какъ извѣстно, цѣлый комментарій на евангеліе Іоанна (4), въ которомъ этотъ искус-

(1) Contra hæres., lib. 1, Praef. n. 2 (—Migne, ser. gr., tom. VII, col. 442).

(2) Contra hæres., lib. III, c. XI, 7 (Migne, col. 884): „Hi autem, qui a Valentino sunt, eo (sc. evangelio) quod est secundum Iohannem *plenissime* utentes ad ostensionem conjugationum suarum, ex ipso detegentur nihil recte dicentes, quemamodum ostendimus in primo libro“. Cf. lib. I, cap. VIII, 5 (Migne, col. 531—538).

(3) См. его Philosophumena sive haeresium omnium confutatio, ed. P. Cruice, Paris, 1860. Lib. VI, p. 268—301. (§ 35. p. 294: «Πάντες οὖν οἱ προφῆται καὶ ὁ νόμος ἐλάλησαν ἀπὸ τοῦ Δημιουργοῦ, μωροῦ, λέγει, θεοῦ, μωροί, οὐδὲν εἰδότες. Διὰ τοῦτο, φησί (т. е. Валентинъ), λέγει ὁ Σωτήρ: «Πάντες οἱ πρὸ ἐμοῦ ἐληλυθότες κλέπται καὶ λῃσταί εἰσι». Ср. Іоан. X, 8).

(4) Отрывки его, простирающіеся впрочемъ лишь до V гл. евангелія, сохранились у Оригена въ его толкованіи на тоже евангеліе и сведены въ одно цѣлое у Грабе: Spicilegium Ss. Patrum et haereticorum, tom. II, p. 85—117; а также у Миня—Patrolog., ser gr., tom. VII, col. 1322 et cet.

нѣйшій ученикъ валентиновой школы, какъ называетъ его Климентъ Александрійскій (Strom., lib IV, 9), старался подтвердить ея лжеученіе мѣстами этого евангелія. И вся вообще гностическая система Валентина и его школы, во множествѣ частныхъ понятій и самой терминологіи, представляетъ такую тѣсную связь съ нашимъ четвертымъ евангеліемъ, что изъ этой именно школы отрицательная критика думала выводить, какъ извѣстно, самое происхожденіе этого евангелія.

Но столь же несомнѣнно, что Валентинъ зналъ также и пользовался и первыми тремя евангеліями, т. е., слѣдовательно, всѣми четырьмя нашими евангеліями, какъ писаніями подлинно-апостольскими, имѣвшими уже общепризнанный церковный авторитетъ. Тертулліанъ прямо свидѣтельствуетъ о Валентинѣ, что онъ, въ противоположность Маркіону, который ради своего ученія поднялъ руку на самую цѣлость писаній (confecit caedem scripturas), пользовался, какъ кажется, *integro instrumento*, т. е. цѣлымъ, неусѣченнымъ или неуменьшеннымъ составомъ апостольскихъ писаній (а слѣдовательно въ частности и евангелій); и при этомъ замѣчаетъ еще, что онъ, пользуясь ими, старался даже, повидимому, не писанія приспособлять къ содержанію своего ученія, а на оборотъ—это послѣднее къ первымъ (non ad materiam scripturas, sed materiam ad scripturas excogitavit), хотя на самомъ дѣлѣ исказилъ его ложными толкованіями своими болѣе, чѣмъ Маркіонъ (¹). Согласно съ Тертулліаномъ свидѣтельствуетъ также иИриней о послѣдователяхъ Валентина, что они чрезъ превратное

(¹) De praescription. haeret., cap. 38 (Migne, col. 52).

истолкованіе и поддѣльное изложеніе пытались извлекать въ свою пользу доказательства не только *изъ евангельскихъ* и апостольскихъ словъ, но и изъ закона и пророковъ ([1]). Тотъ же св. отецъ замѣчаетъ о нихъ, что кромѣ четырехъ евангелій они имѣли еще *пятое*, называвшееся «евангеліемъ истины» (Evangelium veritatis),—и хвалились, что имѣютъ бóльше евангелій, чѣмъ сколько ихъ есть ([2]). Эти общія историческія свидѣтельства вполнѣ подтверждаются какъ частнѣйшими указаніями писателей церковныхъ на разныя мѣста изъ первыхъ трехъ евангелій, которыми пользовались валентиніане для доказательства своихъ фантастическихъ умозрѣній ([3]), такъ и содержаніемъ сохранившихся въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ сочиненій ихъ ([4]). Итакъ,

([1]) Contra haeres. lib. I, c. 3, 6 [Migne ser. gr. tom. VII. col. 478].

([2]) Ibid., lib. III, cap. XI, 9 (Migne, col. 891).

([3]) Длинный списокъ такихъ мѣстъ можно видѣть особенно у св. Иринея въ первой книгѣ сочиненія его противъ ересей (гл. I—XXIII), гдѣ Ириней, излагая ученіе валентиніанъ, показываетъ и примѣры того, какъ они извращаютъ писаніе въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній, «взявшись по пословицѣ,—говоритъ св. отецъ,—изъ песку вить верёвки, пытаются къ своимъ положеніямъ приладить съ видомъ вѣроятности Господни притчи, или пророческія изреченія, или апостольскія слова, чтобы вымыселъ ихъ не казался не имѣющимъ никакого свидѣтельства». Правда, всѣ указываемыя св. Иринеемъ мѣста изъ нашихъ евангелій приводятся не отъ имени Валентина собственно, а отъ имени вообще валентиніанъ; но относительно употребленія апостольскихъ писаній ученики слѣдовали безъ сомнѣнія, сказали мы, примѣру своего учителя.—Св. Ипполитъ въ своихъ Philosophumena, излагая ученіе Валентина и его послѣдователей, указываетъ также нѣсколько мѣстъ изъ первыхъ трехъ евангелій (Lib. VI, 295; 324).

([4]) Въ небольшихъ фрагментахъ, принадлежащихъ самому Валентину и касающихся лишь нѣкоторыхъ особенныхъ его мнѣній, не встрѣчается ссылокъ на наши евангелія; за то мы въ обиліи находимъ ихъ въ сочиненіяхъ его учениковъ, напр. у Птолемея въ его посланіи «къ Флорѣ»; у Гераклеона, который кромѣ комментарія на евангеліе Іоанна писалъ еще толкованіе и на евангеліе Луки; у Теодота въ со-

вотъ новый и еще более достопримѣчательный примѣръ того, какъ другой лжеучитель разсматриваемаго нами времени, не смотря на свой разрывъ съ церковію, пользуется, однако, всѣми четырьмя евангеліями нашими; по примѣру учителя ученики стараются всячески (и задача была не легкая) привести свою систему въ согласіе съ ними, какбы прикрыться ихъ авторитетомъ. Не ясно ли опять, что, стало быть, канонъ нашего четвероевангелія имѣлъ уже общепризнанное значеніе въ церкви Христовой,—такое значеніе, авторитетъ котораго еретикамъ или нужно было опровергать, какъ дѣлалъ это Маркіонъ, или же, сознавая явную нелѣпость подобнаго опроверженія, искать, напротивъ, въ немъ опоры своимъ мнѣніямъ, какъ сдѣлалъ это Валентинъ и за нимъ—его школа?

Еще ранѣе Маркіона и Валентина выступилъ въ Александріи въ качествѣ лжеучителя гностической также секты *Василидъ*, ученикъ Менандра, «сплетавшій, по выраженію Евсевія, подъ видомъ вещей невыразимыхъ, чудовищныя басни нечестивой своей ереси» ([1]). Что и Василидъ, подобно Маркіону и Валентину, зналъ уже также всѣ четыре евангелія наши, какъ священные памятники апостольской проповѣди, чтимые въ церкви Христовой, отрицать этого не можетъ самая строгая, но безпристрастная

хранившихся при твореніяхъ Климента Александрійскаго отрывкахъ изъ его сочиненій. Собраніе этихъ памятниковъ см. у Грабе—Spicilegium, tom. II, p. 50 f; а также у Миня—Patrolog. Cursus complet., ser. gr, tom. VII, p. 1282—1321. Выборъ болѣе замѣчательныхъ свидѣтельствъ можно читать у Киpхгофера, Quellensammlung, ss. 395—411.

([1]) Церк. истор. кн. IV, 7. Время дѣятельности его, по Евсевію, падаетъ на царствованіе Адріана (117—138).

критика. Сохранившіеся у Климента Александрійскаго, Оригена, Архелая и св. Епифанія фрагменты изъ сочиненій Василида и его послѣдователей ([1]), не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго въ этомъ отношеніи. Болѣе важно для нашей цѣли одно передаваемое Евсевіемъ извѣстіе о Василидѣ, въ особенности же—содержащееся въ «Философуменахъ» св. Ипполита изложеніе ученія его и его школы. Евсевій передаетъ извѣстіе Агриппы Кастора, современника Василидова и знаменитаго, по словамъ его, писателя того времени, что Василидъ *написалъ 24 книги на евангеліе* ([2]). Слова Евсевія, къ сожалѣнію, не вполнѣ ясны, такъ какъ не видно, какого рода евангеліе нужно разумѣть здѣсь, на которое Василидъ писалъ свои двадцать четыре книги; а потому весьма многіе изъ изслѣдователей, ссылаясь на Оригена, Амвросія и Іеронима, упоминающихъ о существованіи особаго или собственнаго евангелія Василида (*τὸ κατὰ Βασιλείδην εὐαγγέλιον*) ([3]), думаютъ, что это было составленное самимъ же Василидомъ евангеліе, и что писанныя имъ 24 книги были не что иное, какъ толкованіе на это евангеліе, или что эти са-

---

([1]) См. у Грабе, Spicilegium Ss. Patrum et haereticorum, tom. II, p. 39—43; у Миня—Patrlog. ser. gr., tom. VII, col. 1263—1266.

([2])... «До насъ дошло,—говоритъ Евсевій,—весьма удовлетворительное обличительное слово на Василида, сочиненное знаменитѣйшимъ тогда писателемъ Агриппою Касторомъ, который открываетъ въ немъ всѣ ухищренія сего обманщика. Обнаруживая тайны его, Агриппа говоритъ, что Василидъ написалъ 24 книги на евангеліе» (φησὶν αὐτὸν εἰς μὲν τὸ εὐαγγέλιον τέσσαρα πρὸς τοῖς εἴκοσι συντάξαι βιβλία). Ц. истор. IV, 7.

([3]) Orig. Homil. I in Luc. (Migne ser. gr. tom. XIII. col, 1803); Ambros. Prooemium in Lucam (Migne, t. XV, col. 1533); Hyeron. Prelog. Comment. in Evang. Mattaei (Migne, t. XXVI, col. 18).

мыя книги и составляли собственно евангеліе Василида, содержавшее вмѣстѣ съ текстомъ и толкованіе ([1]). Но мнѣніе это нельзя назвать безспорнымъ; напротивъ есть основанія понимать слово: *евангеліе* въ указанномъ мѣстѣ Евсевія, — принадлежитъ ли оно самому Евсевію, или Агриппѣ Кастору,—иначе, т. е. не въ смыслѣ какой-либо отдѣльной евангельской книги, но въ смыслѣ общаго наименованія нашего четвероевангелія (τὸ τετράμορφον εὐαγγέλιον); и такимъ образомъ написанныя Василидомъ 24 книги были не что иное, какъ толкованіе на это четвероевангеліе,—толкованіе составленное, разумѣется, въ духѣ своей школы. Въ такомъ по всей вѣроятности смыслѣ принималъ слова Агриппы Кастора самъ Евсевій, который, безъ сомнѣнія, о собственномъ евангеліи Василида (если бы рѣчь шла о немъ) не выразился бы просто, безъ всякихъ ограниченій: написалъ «*на евангеліе*» (εἰς τὸ εὐαγγέλιον), но сказалъ бы: или «на свое евангеліе» (εἰς τὸ ἑαυτοῦ εὐαγγέλιον), или «на составленное имъ самимъ евангеліе» (εἰς τὸ ἑαυτῷ συντεταγμένον εὐαγγέλιον ([2]). Если Оригенъ, Амвросій и Іеронимъ говорятъ (послѣдніе два по всей вѣроятности со словъ перваго), что было собственное евангеліе Василида, то, ни мало не заподозривая справедливости ихъ свидѣтельства, можно думать, что Василидъ, имѣя дѣйствительно собственное евангеліе, въ содержаніе котораго могли входить тѣ мнимыя преданія Матѳія, ко-

---

([1]) Grabius, Specileg. ss. Patrum et haeraeticorom, tom. II, p. 38; cf. Kirchhofer, Quellensammlung zur Geschichte des N. Canons, s. 414—415; cf. 75. Anmerk. 7.

([2]) См. разсужденія объ этомъ у Тирша: Versuch zur Herstellung des histor. Standpuncts fur die Kritik der N. Schriften, s. 393—395. Cf. Tischendorf, Wann warden unsere Evangelien verfasst? s. 51.

торыми, по свидѣтельству св. Ипполита ([1]), хвалились Василидъ и его послѣдователи, пользовался въ тоже время и нашими каноническими евангеліями и писалъ на нихъ толкованіе. Аналогическое доказательство этого мы имѣемъ у валентиніанъ, которые, имѣя свое особое Evangelium veritatis, пользовались въ тоже время и нашимъ четвероевангеліемъ; одинъ же изъ учениковъ Валентина занимался также, видѣли мы, и комментированіемъ нашихъ евангелій. Весьма опредѣленныя свидѣтельства для такого взгляда мы имѣемъ, впрочемъ, у св. Ипполита, который, какъ сказали мы, въ своихъ Philosophumena, между другими ересями, разсматриваетъ довольно обстоятельно и ученіе Василида ([2]). Въ одномъ мѣстѣ св. Ипполитъ замѣчаетъ вообще о василидіанахъ, что о всѣхъ обстоятельствахъ жизни І. Христа послѣ рожденія они учатъ точно также, *какъ написано въ евангеліяхъ* ([3]), т. е. разумѣется въ нашихъ церковныхъ евангеліяхъ. Замѣчаніе это показываетъ, что евангелія наши имѣли, стало быть, не безразличное значеніе для еретиковъ; но они обращались къ нимъ, какъ къ источникамъ евангельской исторіи, если и не исключительнымъ, то во всякомъ случаѣ пользовавшимся высокимъ авторитетомъ даже предъ судомъ ихъ лжеименнаго гносиса. Такъ дѣйствительно и

([1]) «Βασιλείδης τοίνυν καὶ Ἰσίδωρος... φασὶν εἰρηκέναι Ματθίαν αὐτοῖς λόγυς ἀποκρύφυς, οὓς ἤκυσε παρὰ τοῦ Σωτῆρος κατ᾽ἰδίαν διδαχθεὶς». (Philosoph., ed. Cruice, lib. VII, § 20, p. 344.).

([2]) Philosophumena, ed. Cruice, lib. VII, s. 334—367.

([3]) «Οὐδὲ Ἰησοῦς γεγένηται κατ᾽ αὐτοὺς ὡς προειρήκαμεν. Γεγενημένης δὲ τῆς γενέσεως τῆς προδεδηλωμένης, γέγονε πάντα ὁμοίως κατ᾽ αὐτοὺς τὰ περὶ τοῦ Σωτῆρος, ὡς ἐν τοῖς εὐαγγελίοις γέγραπται». (Lib. VII, p. 365).

видимъ мы это еще болѣе ясно изъ нѣкоторыхъ прямыхъ цитатъ Василида изъ нашихъ евангелій,—цитатъ, приводимыхъ не только съ буквальною почти точностію, но и съ такими предварительными формулами, которыя показываютъ опять не безразличное, случайное лишь употребленіе ихъ, но выражаютъ особенный авторитетъ, особенное значеніе цитуемыхъ книгъ (¹).

Такимъ образомъ, чѣмъ ближе подходимъ мы въ обозрѣніи памятниковъ еретической литературы первой половины втораго вѣка къ первому, такъ называемому апостольскому вѣку, тѣмъ яснѣе и яснѣе обрисовывается предъ нами глубокая, апостольская древность канона нашихъ евангелій. Можно бы продолжить это обозрѣніе еще далѣе, обратившись къ разсмотрѣнію сохранившихся извѣстій о другихъ еретическихъ сектахъ, еще болѣе древнихъ, чѣмъ разсмотрѣнныя нами,—каковы напр. секты наассеевъ и ператовъ (²), сиѳянъ (³), антиномистовъ Карпо—

(¹) Lib. VII. 22, p. 348: „Καὶ τοῦτο, φησὶν (sc. ὁ Βασιλείδης), ἔστι τὸ λεγόμενον ἐν τοῖς εὐαγγελίοις:" ἦν τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν, ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον". Cf, Іоан. 1, 9. — Нельзя не обратить здѣсь вниманія на самое выраженіе: *въ евангеліяхъ*, указывающее прямо на сборникъ евангельскихъ книгъ, а не на одно какое-либо евангеліе.—Lib. VII, 26, p. 362: «Τοῦτο ἐστί, φησί (sc. Βασιλείδης), τὸ εἰρημένον: «Πνεῦμα Ἅγιον επελεύσεται ἐπὶ σέ.» Cf. Лук. 1, 35.—Lib. VII, 27, p. 364: «Ὅτι δέ, φησίν, ἕκαστον ἰδίως ἔχει καιρούς, ἱκανὸς ὁ Σωτὴρ λέγων: „Οὔπω ἥκει ἡ ὥρα μου". Cf. Іоан. 2, 4.—Ibid. cf. Мѳ. 2, 1—2.

(²) Обѣ названныя секты поставляются у св. Ипполита въ числѣ древнѣйшихъ гностическихъ сектъ; изложеніемъ ихъ ученія онъ и открываетъ, въ V-й книгѣ Philosophumena, свое опроверженіе всѣхъ ересей и при этомъ приводитъ изъ сочиненій тѣхъ и другихъ еретиковъ очень многіе примѣры весьма опредѣленныхъ цитатъ изъ всѣхъ четырехъ евангелій нашихъ, въ особенности евангелія Іоанна (см. lib. V, p. 128—201; cf. Tertul. de Praescript. audvers. haer. cap. 47.—Migne tom. II, p. 63—64).

(³) Philosophumena, lib V, p. 209—224.

крата и сына его Епифана ([1]) и др.; но и полученные нами доселѣ результаты, по своей ясности и опредѣленности, позволяютъ со всею увѣренностію сказать, что образованіе канона нашихъ евангелій древнѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ еретическихъ сектъ втораго вѣка, что всѣ эти секты пользуются уже его авторитетомъ, то въ цѣломъ видѣ, то по частямъ, для подтвержденія своего лжеученія.

Не будемъ останавливаться также на доказательствахъ нашего предмета, заимствуемыхъ изъ содержанія нѣкоторыхъ памятниковъ новозавѣтной апокрифической литературы, а также изъ исторіи самаго текста нашихъ евангелій, потому что какъ ни любопытны они ([2]), но спеціальность и еще болѣе — недостаточное еще современное изученіе самыхъ предметовъ, въ кругу которыхъ они вращаются, если и не лишаютъ ихъ всякаго значенія, то дѣлаютъ во всякомъ случаѣ доказательствами болѣе или менѣе проблемматическими, представляющими всѣ удобства для нападеній отрицательной критики. Подобныя доказательства сильны и убѣдительны развѣ подъ перомъ такихъ ученыхъ авторитетовъ, какъ Тишендорфъ. Опуская, такимъ образомъ, означенныя доказательства, мы остановимся въ заключеніе нашего обозрѣнія древнѣйшей исторіи канона нашихъ евангелій еще на одномъ обстоятельствѣ, по-

([1]) Дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этихъ еретикахъ, къ сожалѣнію, очень кратки; но изъ того немногаго, что передаетъ намъ о нихъ напр. св. Ириней, видно, что для подверждения своихъ гностико-антиномистическихъ воззрѣній они обращались къ авторитету нашихъ евангелій, толкуя по своему нѣкоторыя притчи І. Христа (Мѳ. V, 26 и д; Лук. XII, 58). См. у Кирхгофера, s. 419—420.

([2]) Разборъ этихъ доказательствъ можно читать у Тишендорфа: Wann wurden unsere Evangelien verfasst? ss. 75—91, 120—127.

видимому маловажномъ, но на самомъ дѣлѣ такомъ, которое представляетъ весьма многознаменательный по отношенію къ нашему предмету историческій фактъ: разумѣемъ самый *порядокъ*, въ какомъ слѣдуютъ наши евангелія одно за другимъ въ библіи, и относительно древности котораго изслѣдователи самыхъ различныхъ направленій согласны въ томъ, что онъ есть наидревнѣйшій, установившійся съ самаго же начала соединенія нашихъ евангелій въ одно цѣлое ([1]). И дѣйствительно, самыя опредѣленныя историческія извѣстія древности свидѣтельствуютъ намъ о томъ же ([2]). Уклоненія, открываемыя въ нѣкоторыхъ манускриптахъ и другихъ памятникахъ отъ этого общепринятаго распорядка нашихъ евангелій—явленія исключительныя и сравнительно съ нимъ менѣе древнія ([3]). Въ виду такой

([1]) Credner, Geschichte des Neutest. Canon, Berlin, 1860, s. 92; Reuss, Histoire du canon des S. Ecritures dans l'Eglise chretienne, p. 128; также Шольцъ, Тишендорфъ и др.

([2]) Такой порядокъ евангелій мы видимъ напр. въ канонѣ Мураторія (см. у Герике, стр. 201), у св. Иринея (Contra haeres., lib. III, 1), у Оригена (Евс., Ц. истор. VI, 25), у Евсевія (Ц. истор. III, 24) и др. Подробный обзоръ относящихся сюда данныхъ, и притомъ не только относительно порядка евангелій въ канонѣ древней церкви, но и всѣхъ другихъ новозавѣтныхъ книгъ,—можно читать въ весьма любопытномъ изслѣдованіи Фолькмара, помѣщенномъ имъ въ видѣ прибавленія къ сочиненію Креднера (Geschichte d. N. Canon): „Der ursprüngliche Bestand des N. Testament's im Einzelnen, im Besondern die Reihenfolge", s. 341—416.

([3]) Уклоненія эти состоятъ, во первыхъ, въ томъ, что евангелисты-апостолы изъ двѣнадцати (т. е. Матѳей и Іоаннъ) поставляются прежде евангелистовъ-спутниковъ апостольскихъ (Марка и Луки); и во вторыхъ—въ томъ, что, въ частности, самый порядокъ этихъ послѣднихъ не одинаковъ: иногда Лука предшествуетъ Марку (Матѳей, Іоаннъ, Лука и Маркъ), а иногда Маркъ предшествуетъ Лукѣ (Матѳей, Іоаннъ, Маркъ и Лука). Порядокъ перваго рода можно видѣть во многихъ кодексахъ древняго латинскаго перевода; и онъ былъ, какъ

глубокой древности существующаго размѣщенія евангелій въ канонѣ Библіи, нѣкоторыя особенности его получаютъ въ глазахъ изслѣдователя весьма важное значеніе и даютъ полное право на нѣкоторые немаловажные также выводы.

И во первыхъ, евангеліе Іоанна, какъ видимъ, издревле занимало послѣднее мѣсто въ составѣ евангельскаго канона: не имѣемъ ли мы, такимъ образомъ, въ этомъ фактѣ наглядное доказательство образованія канона нашихъ евангелій такъ именно, какъ представляетъ это образованіе извѣстное уже намъ древнее преданіе церковное? Иного въ самомъ дѣлѣ основанія, кромѣ чисто *историческаго*, для такого положенія четвертаго евангелія въ составѣ новозавѣтнаго канона указать невозможно. И по личному авторитету писателя его, какъ одного изъ двѣнадцати апостоловъ и притомъ—возлюбленнаго ученика Іисусова, и по возвышенному характеру самаго содержанія, вслѣдствіе котораго еще въ древности его называли евангеліемъ *духовнымъ*, оно должно было бы, повидимому, всего естественнѣе и правильнѣе занимать если не первое, то по крайней мѣрѣ второе мѣсто послѣ евангелія Матѳея, какъ это мы и видимъ въ нѣкоторыхъ манускриптахъ. Если же, несмотря на то, существующій порядокъ размѣщенія евангелій представляется издревле господствующимъ и общепринятымъ, а уклоненія отъ него, столь, повидимому, естественныя, являются лишь въ видѣ

видно, господствующимъ нѣкоторое время на западѣ; порядокъ же втораго рода былъ преобладающимъ на востокѣ въ V-мъ вѣкѣ, какъ видно изъ различныхъ памятниковъ этого времени (см. подробнѣе у Фолькмара въ указанномъ выше изслѣдованіи, зз. 393—394).

частныхъ исключеній: то объяснить это обстоятельство можно не иначе, какъ такъ, что въ то время, когда апостолъ Іоаннъ даровалъ церкви Христовой свое евангеліе, первыя три евангелія были уже распространены повсюду и составляли собою одно цѣлое, такъ что евангеліе Іоанна, составляя по своему содержанію завершеніе евангельской исторіи, завершило и по своему внѣшнему положенію собраніе письменныхъ памятниковъ подлинно-апостольскаго благовѣстія этой исторіи. Такой видъ получило это собраніе сначала въ церкви ефесской, а затѣмъ, съ распространеніемъ четвертаго евангелія, и въ другихъ церквахъ и сдѣлалось такимъ образомъ повсюднымъ, общепринятымъ.

Другая особенность издревле существующаго размѣщенія нашихъ евангелій въ библіи,—особенность хотя и не столь замѣчательная, но справедливо также обращающая на себя вниманіе изслѣдователей, касается порядка самихъ первыхъ трехъ евангелій. Большинство изслѣдователей, вслѣдъ за Иринеемъ, Оригеномъ и др., усматриваетъ въ установившемся издревле размѣщеніи этихъ евангелій (почему т. е. первое мѣсто постоянно принадлежало евангелію Матѳея, второе—евангелію Марка, третье—Луки) соотвѣтствіе съ порядкомъ самаго происхожденія ихъ, т. е. евангелія слѣдуютъ одно за другимъ въ канонѣ новаго завѣта въ томъ порядкѣ, въ какомъ они последовательно появлялись или были написаны ихъ авторами. Нѣкоторые же изъ изслѣдователей, основываясь на свидѣтельствѣ Климента Александрійскаго, по словамъ котораго евангелія, содержащія въ себѣ родословіе І. Христа, написаны прежде всѣхъ дру-

гихъ (¹), и примиряя это сказаніе Климента или точнѣе—*преданіе древнѣйшихъ пресвитеровъ* съ существующимъ размѣщеніемъ евангелій въ канонѣ новаго завѣта, утверждаютъ, что этотъ издревле существующій порядокъ синоптическихъ евангелій въ библіи есть слѣдствіе не въ такомъ именно порядкѣ слѣдовавшаго самаго написанія ихъ (тогда евангеліе Луки должно было бы занимать второе мѣсто, а не третье), но первоначальной, еще до появленія четвертаго Іоаннова евангелія установившейся въ церкви практики по отношенію къ этимъ евангеліямъ, т. е. въ такомъ порядкѣ они первоначально сдѣлались общеизвѣстными въ церквахъ и такой порядокъ ихъ установился при чтеніи ихъ въ богослужебныхъ собраніяхъ христіанъ первенствующей церкви (²). Но какое бы изъ этихъ объясненій ни приняли мы, въ результатѣ мы одинаково получаемъ свидѣтельство о глубокой, апостольской древности объединенія или собранія нашихъ первыхъ трехъ евангелій въ одно цѣлое. Второе изъ указанныхъ объясненій прямо, какъ мы видѣли, основывается на авторитетѣ этой древности и всякое иное объясненіе защитники его считаютъ невозможнымъ. Но и держась того мнѣнія, что издревле установившійся порядокъ первыхъ трехъ евангелій въ канонѣ новаго завѣта основывается на послѣдовательномъ порядкѣ самаго появленія ихъ, мы равно приходимъ къ тому же выводу относитель-

(¹) Евсев., Ц. истор. VI, 14: «Въ этихъ же книгахъ (т. е. начертаніяхъ) Климентъ излагаетъ слѣдующее преданіе древнѣйшихъ пресвитеровъ касательно порядка евангелій: «изъ евангелій, говоритъ онъ, прежде написаны тѣ, которыя содержатъ въ себѣ родословіе І. Христа».

(²) Versuch zur Herstellung des historisch. Standpuncts für die Kritik der N. Schriften, H. I. Thiersch, s. 316—348.

но собранія ихъ въ одно цѣлое или одинъ составъ. Собраніе ихъ совершилось, стало быть, не по волѣ или распоряженію какого-либо отдѣльнаго лица или какой-либо мѣстной церкви, но само собою и одновременно въ различныхъ церквахъ, путемъ постепеннаго, послѣдовательнаго появленія и обобщенія ихъ между ними, такъ что въ видимомъ нами распорядкѣ ихъ въ библіи мы имѣемъ предъ собою какбы наглядную исторію образованія канона ихъ.

Итакъ, относительно первой части новозавѣтнаго канона, извѣстной издревле подъ именемъ εὐαγγέλιον или 'εὐαγγελικόν, всѣ данныя исторіи приводятъ къ тому убѣжденію, высказанному нами выше, что не только начало собранія, но и окончательное утвержденіе этой части его послѣдовало если не въ вѣкъ апостольскій, то во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ него, т. е., или въ концѣ перваго, или въ первыхъ годахъ втораго вѣка. «Это было время, —какъ говоритъ К. Тишендорфъ въ заключеніе также своего обозрѣнія историческихъ свидѣтельствъ о времени написанія и каноническаго собранія нашихъ евангелій,— когда со смертію маститаго старца—апостола Іоанна всѣ святые мужи, самовидцы Господа Іисуса, отошли изъ сей жизни и своимъ личнымъ авторитетомъ не представляли уже болѣе высшаго средоточія для юной церкви Христовой, — время, когда церковь, распространяясь далѣе и далѣе внѣ предѣловъ своего первоначальнаго отечества, внутри была волнуема разнородными стремленіями, а со внѣ была окружена врагами. Въ это-то время было естественно съ благоговѣніемъ обратиться къ оставленнымъ апостолами писаніямъ, какъ драгоцѣнному и священнѣй-

шему завѣщанію, какъ достовѣрнѣйшему свидѣтельству о жизни и ученіи Спасителя, какъ высшей нормѣ вѣры и дѣятельности христіанской. Вмѣстѣ съ тѣмъ это время было самымъ удобнымъ временемъ для того, чтобы и писанія новаго завѣта поставить на одинаковую высоту съ писаніями ветхаго завѣта. Церковь въ это время окончательно отдѣлилась отъ синагоги; послѣ разрушенія Іерусалима и храма жизнь ея обособлялась болѣе и болѣе, проявлялась съ большею и большею самостоятельностію; однимъ изъ знаменательныхъ проявленій этой самостоятельности и было присоединеніе къ древнимъ священнымъ памятникамъ синагоги, на которыхъ обосновывалось и само христіанство, достовѣрнѣйшихъ памятниковъ о жизни и ученіи І. Христа и другихъ древле-апостольскихъ писаній, какъ совершенно равныхъ имъ по своему происхожденію и значенію» ([1]). Понятно послѣ этого, почему и въ послѣдующее время, до окончательнаго утвержденія новозавѣтнаго канона вообще, мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ церквей ни малѣйшаго разногласія, никакихъ пререканій относительно состава этой части канона. Фактъ этотъ ясно и рѣшительно говоритъ за глубокую, апостольскую древность ея происхожденія. «Общее и опредѣленное признаніе евангелій съ конца 2-го столѣтія было бы исторически совершенно непонятнымъ, если бы оно не предуготовлялось исторически признаніемъ ихъ въ теченіе всего 2-го столѣтія и даже апостольскаго времени» ([2]).

В. Рождественскій.

(*Продолженіе будетъ*).

([1]) Tischendorf, Wann wurden unsere Evangelien verfasst? Leipz. 1866. s. 99—100.

([2]) Герике, Введеніе въ новозав. книги свящ. писанія, 1-я пол. стр. 200.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 11. С. 496-524.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРІАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

Продолженіе. (*)

V.

Имѣли ли право Арсениты отдѣляться отъ церкви изъ за несправедливаго низложенія патріарха Арсенія? Вотъ тотъ вопросъ, который дебатировался въ ученой полемикѣ, вызванной арсеніанскимъ движеніемъ. Намъ остается разсмотрѣть эту полемику.

Судя по многочисленнымъ прямымъ и косвеннымъ заявленіямъ современныхъ историковъ (1), должно думать, что полемическая литература, вызванная «распрей» Арсенитовъ съ церковію, была довольно обширна; но, къ сожалѣнію, все, что написано было самими Арсенитами въ свою защиту, или безвозвратно погибло для нашего времени, или скрывается въ пыли западныхъ библіотекъ (2), такъ что объ

(*) Предшествующія статьи см. въ Хр. Чт. 1869 г. ноябрь и декабрь и 1871 г. апрѣль и августъ.

(1) Pachym. de Michaële Palaeologo lib. V, c. 28, p. 413—416; lib. VI, c. 23, p. 476—483; c. 24, p. 483—492; de Andronico Palaeologo lib. I, c. 22, p. 60—63; lib. III, c. 22, p. 244—245. Григор. Римская исторія по русск. перев. стр. 5—11, 158—159.

(2) Доказательствомъ того, что въ пыли западныхъ библіотекъ

ихъ доводахъ приходится судить отчасти по тѣмъ отрывочнымъ заявленіямъ, которыя они при разныхъ случаяхъ и по разнымъ поводамъ дѣлали церковному и свѣтскому правительству и которыя внесены въ свои записи современными историками, отчасти по сочиненіямъ ихъ противниковъ, опровергавшихъ ихъ доводы, отчасти наконецъ по аналогіи арсеніанскаго движенія съ предшествовавшими ему движеніями въ томъ же родѣ.

Изъ сочиненій, написанныхъ защитниками церкви противъ Арсенитовъ, уцѣлѣло, или, по крайней мѣрѣ, извѣстно въ настоящее время два—одно изъ нихъ принадлежитъ монаху Меѳодію, другое извѣстному уже намъ Іоанну Хилѣ, митрополиту ефесскому. Первое озаглавливается *Μεθοδίου μοναχοῦ συλλογὴ ἐκ διαφόρων συνοπτικῶν βιβλίων, ὅτι οὐ δεῖ σχίζεσθαι τοὺς λαοὺς ἀπὸ τῶν ἀρχιερέων ὀρθοδόξων ὄντων, εἰ κατὰ τινὰ ἐγκληματικὴν περίστασιν ἡ χειροτονία αὐτῶν προβῇ* (¹); второе—*Τοῦ μετροπολίτου Ἐφέσου Ἰωάννου λόγος συντεθεὶς κατὰ σχισματικῶν ἐκ διαφόρων κανόνων καὶ γραφικῶν ἀποδείξεων, ἀποδεικνὺς ὅτι ὀρθοδοξούσης τῆς ἐκκλησίας ἀλόγως ταύτης διίστανται* (²).

скрывается не мало письменныхъ памятниковъ, относящихся къ арсеніанскому движенію, служитъ то, что нѣсколько такихъ памятниковъ недавно отыскано о. Андроникомъ Димитракопуломъ между рукописями Вѣнской библіотеки и издано въ его *Ἱστορία τοῦ σχίσματος*, неоднократно нами цитованной.

(¹) Издано Ангело Маи въ III томѣ Scriptorum veterum nova collectio, Romae. 1828 г. p. 246—265, хотя, къ сожалѣнію, не въ полномъ составѣ.

(²) Сочиненіе это находится въ двухъ рукописныхъ сборникахъ Ватиканской библіотеки Ottob. №№ 213, 225, и одномъ Вѣнской за № 288. Приведенное нами выше оглавленіе его заимствовано изъ перваго кодекса, цитуемаго Ангело Маи въ предисловіи къ VI т. Spicilegium Romanum. Romae, 1841 г. p. XVI—XXII, гдѣ дается и довольно подробный анализъ этого сочиненія. Въ цитуемомъ у о. Андроника Димитракопула кодексѣ Вѣнской оно носитъ слѣдующее заглавіе:

Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ авторѣ перваго изъ поименованныхъ произведеній не имѣется ([1]). Самое его произведеніе появилось въ свѣтъ, по всей вѣроятности, во время перваго патріаршества Іосифа и, можетъ быть, даже въ первые годы этого патріаршества. На это время указываетъ а) прямое свидѣтельство автора, который говоритъ объ Іосифѣ, какъ о своемъ «священномъ патріархѣ, добромъ представителѣ нашего благочестія» ([2]), б) то обстоятельство, что авторъ опровергаетъ лишь *каноническое* основаніе Арсенитовъ къ отдѣленію ихъ отъ церкви, не касаясь *догматическаго*, которое присоединено было ими къ первому уже послѣ провозглашенія ліонской уніи на востокѣ въ 1275 г.»

Основная мысль, защищаемая авторомъ противъ Арсенитовъ, ясно выражена въ самомъ оглавленіи его труда,—именно: «вѣрующіе не должны отдѣляться отъ своихъ пастырей, если послѣдніе православны, хотя бы ихъ рукоположеніе и совершилось среди обстоятельствъ, дающихъ поводъ къ жалобамъ». Доводы, которыми онъ доказываетъ справедливость

Λόγος ἀποδεικνὺς, ὅτι ὀρθοδοξούσης τῆς ἐκκλησίας ἀλόγως ταύτης διΐστανται οἱ νῦν ταύτης ἀποσχιζόμενοι (Ἱστορία τοῦ σχίσματος, σελ. 90).

([1]) Аллацій въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи de Methodiis, et eorum scriptis diatriba (ad calcem Methodii convivii virginum. Rom. 1656) могъ собрать объ этомъ писателѣ не больше свѣдѣній, чѣмъ сколько дается въ приведенномъ нами оглавленіи его сочиненія, именно,—что онъ былъ монахъ, жилъ при патріархѣ Іосифѣ и написалъ противъ Арсенитовъ извѣстное съ его именемъ сочиненіе. Эти же свѣдѣнія повторяетъ и Ангело Маи въ своемъ предисловіи къ изданному имъ сочиненію Меѳодія, откровенно признаваясь, что nihil praeterea de hoc homine compertum est, p. IX.

([2]) Καὶ μὴ ἀποπέμπεσθαι οὕτως ἀκρίτως τὸν τῆς ἡμετέρας καλῶς προϊστάμενον εὐσεβείας, ἁγιώτατον Ἰωσήφ, τὸν ἱερὸν ἡμῶν πατριάρχην. Apud Maium p. 263.

этой мысли, распадаются на двѣ категоріи: съ одной стороны онъ перебираетъ всѣ случаи насильственнаго устраненія патріарховъ съ константинопольской каѳедры и рукоположенія ихъ преемниковъ, начиная съ отреченія св. Григорія Богослова (481 г.) и кончая низложеніемъ патріарховъ при Исаакѣ (1185—1295) и Алексѣѣ Ангелахъ (1195—1204), и противоканоническаго перемѣщенія съ одной каѳедры на другую; съ другой,—разсматриваетъ случаи не совсѣмъ безукоризненныхъ хиротоній въ разныя іерархическія степени нѣкоторыхъ особенно-чтимыхъ церковію великихъ учителей и святителей. Первымъ рядомъ фактовъ онъ доказываетъ, что насильственное устраненіе съ престола патріарховъ не препятствовало рукоположенію ихъ преемниковъ быть правильнымъ и законнымъ, равно какъ перемѣщеннымъ съ одной каѳедры на другую быть дѣйствительными епископами, вторымъ,—что и несовсѣмъ безукоризненная съ канонической точки зрѣнія хиротонія нѣкоторыхъ нарочитыхъ святыхъ не препятствовала имъ быть дѣйствительно рукоположенными и церкви признавать ихъ въ ихъ санѣ (¹).

Общій тонъ сочиненія апологетическій, авторъ не столько обличаетъ Арсенитовъ, сколько защищаетъ церковь противъ ихъ нападокъ; но по мѣстамъ его спокойная, ровная рѣчь прерывается горькимъ упрекомъ противникамъ.

Было бы слишкомъ долго, да и излишне, слѣдить за всѣми, приводимыми у автора фактами первой

(¹) Πρὸς οὐδένα καὶ γὰρ διεφέροντο, οὔτε Κύριλλος, οὔτε οἱ λοιποὶ πατριάρχαι ἕνεκα τῆς μετατέσεως, καὶ τῶν παρὰ τὴν κανόνων ἀκρίβειαν χειροτονιῶν. ἀλλ᾽ οὐδὲ αἱ τούτων χειροτονίαι ἄδεκτοί τινι ἐγεγόνεισαν· πῶς γὰρ αὐτῶν ἐπαινουμένων; p. 248.

категоріи, и потому мы ограничимся лишь тѣми, которые имѣютъ ближайшую аналогію съ дѣломъ Арсенія. Такими фактами должны быть признаны: а) дѣло св. Златоуста, б) дѣло патріарховъ Никифора и Тарасія съ студитами изъ-за эконома Іосифа, в) дѣло Игнатія и Фотія и г) дѣло Николая Мистика и Евѳимія.

а) Первое изъ этихъ дѣлъ излагается и коментируется у автора такимъ образомъ: «кто не знаетъ о виновникахъ беззаконнѣйшаго и нечестивѣйшаго низложенія (*τὴν ἀδικωτάτην καὶ παρανομωτάτην καθαίρεσιν*,) великаго Златоуста? Первымъ изъ нихъ былъ Ѳеофилъ александрійскій; за нимъ слѣдовалъ Северіанъ гавальскій и Акакій верейскій; но папа Иннокентій, къ которому эти послѣдніе явились послѣ кончины Златоуста, не подвергъ ихъ ни низложенію, ни запрещенію (*οὔτ᾽ ἐπιτιμήσασαν*), предоставивъ отмщеніе имъ за Златоуста Богу. И самого Ѳеофила кто отвергалъ? Объ этомъ виновникѣ всѣхъ несчастій Златоуста, содѣйствовавшемъ этимъ несчастіямъ словомъ и дѣломъ, мы потомъ читаемъ въ патерикахъ (*εἰς τὰ πατερικά*): сказалъ святый Ѳеофилъ, епископъ александрійскій (*εἶπεν ὁ ἅγιος Θεόφιλος ἐπίσκοπος Ἀλεξανδρείας*). Затѣмъ въ доказательство того, что преемники св. Златоуста на константинопольской каѳедрѣ Арсакій, Аттикъ и Сисиній не только признаны были законными патріархами, но и вмѣстѣ съ Нектаріемъ, преемникомъ св. Григорія Богослова, причтены были церковію къ лику святыхъ, онъ ссылается на общій тропарь, составленный и воспѣваемый въ церкви въ честь этихъ святителей 11 октября (¹).

(¹) Ἀναγινώσκομεν καὶ εἰς τὰ συναξάρια ἐκκλησιῶν οὕτως τῇ ἑνδεκάτῃ

Разсказавши затѣмъ печальную исторію низложенія и убіенія св. Флавіана на разбойническомъ ефесскомъ соборѣ 450 г. и съ одной стороны поставивши Арсенитамъ на видъ фактъ единодушнаго признанія въ санѣ преемника Флавіанова Анатолія, съ другой напомнивши имъ мудрое сужденіе папы Льва I о законности хиротоніи послѣдняго ([1]), авторъ сравниваетъ образъ дѣйствій Арсенитовъ съ дѣйствіями мудрыхъ предстоятелей церкви того времени. Это сравненіе внушаетъ ему слѣдующія горячія строки: «теперь переведемъ рѣчь на нашихъ современниковъ, которые такъ легко обо всемъ говорятъ, прикрываясь именемъ киръ Арсенія, которые, очертя голову (ὑπὲρ τὰ ἐσκαμμένα πηδῶντες), мутятъ всю церковь Божію и, если бы только отъ нихъ зависѣло, готовы были бы повернуть вверхъ дномъ всю вселенную, въ каждый Божій день переполняя всѣ улицы и дома спорами да раздорами; между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ не могутъ дать себѣ отчета въ томъ, изъ-за чего они такъ бьются (μάχωνται). Въ самомъ дѣлѣ что это такое? однимъ оказана несправедливость, а другіе присвояютъ себѣ право суда и наказанія за эту несправедливость, тогда какъ этихъ другихъ упомянутая несправедливость очень мало, или

τοῦ Ὀκτωβρίου μνήμη τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν ἀρχιεπισκόπων Κωνσταντινουπόλεως Νεκταρίου, Ἀρσακίου, Ἀττικοῦ, καὶ Σισινίου. — Τροπάριον ἦχος δ. — Ὦ θεοφόροι κυβερνῆται λαῶν, τῶν ὅλων κυβερνήτῃ θεῷ ἐκτενῶς πρεσβεύσατε, ἱεραρχικῶς ὁδηγοῦντες καὶ νῦν τὴν ποίμνην ὑμῶν ἄνωθεν εἰρήνην αἰτήσασθε ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν (p. 249).

([1]) Μαρτυρεῖ τοῦτο καὶ ἡ πρὸς τὸν βασιλέα Μαρκιανὸν ἐπιστολὴ τοῦ πάππα Λέοντος, γραφεῖσα διὰ τὴν τότε γεγονυῖαν παρακίνησιν τῶν ἐνοριῶν. φησὶ γὰρ ἐν αὐτῇ ὁ πάππας Λέων οὕτως· διὰ δὲ τὸ προστεθῆναι αὐτὸν, ἤγουν τὸν Ἀνατόλιον, τῇ ὀρθοδόξῳ πίστει, εἰάσαμεν τὰ περὶ τῆς χειροτονίας αὐτοῦ ἀνεξέταστα· ἀρκεσθήτω γοῦν ἐν τούτῳ, καὶ παραιτέρω μὴ προβαινέτω (p 250).

даже вовсе не касается: на самомъ же дѣлѣ они-то больше всѣхъ и волнуются,—лишь улучатъ удобную минуту, сейчасъ же и начинаютъ судить и рядить объ этомъ дѣлѣ, снискивая себѣ такимъ образомъ почетный пріемъ въ разныхъ домахъ и похвалу отъ другихъ. А развѣ можно сказать что-либо подобное о поименованныхъ выше (великихъ свѣтильникахъ церкви)? Не говоримъ уже о свѣтилѣ вселенной Іоаннѣ Златоустѣ. Онъ ли не подвергался зависти? Онъ ли не потерпѣлъ несправедливости? Но, будучи правиломъ (σταθμὴ) истины, онъ предоставилъ судъ надъ несправедливостью, которую потерпѣлъ, Богу, имѣющему судить всю землю: а самъ, заботясь о церкви и о томъ, чтобы не разтерзать тѣла Христова, на вопросъ сорока, сущихъ при немъ, епископовъ, о томъ, что̀ имъ дѣлать въ виду столь беззаконныхъ, противныхъ всѣмъ каноническимъ правиламъ, поступковъ противъ него, отвѣчалъ съ внушительною настойчивостью: «вступите въ общеніе съ ними (врагами Златоуста), чтобы не сдѣлаться вамъ виновниками раскола»; и такимъ образомъ вину (за предполагаемый расколъ) приписалъ не тѣмъ, которые осудили его беззаконно (ἀδίκως) и вопреки канонамъ, но сущимъ съ нимъ и (ратовавшимъ) за него святымъ епископамъ, если бы они не сошлись и не вступили въ общеніе (съ его судьями): явно отсюда, что онъ и ихъ считалъ православными» (¹).

б) Дѣло патріарховъ Тарасія и Никифора съ студитами изъ-за эконома Іосифа въ изложеніи нашего автора является въ такомъ видѣ: «обрати вниманіе и на соблазны, возникшіе (въ церкви) во дни бла-

(¹) Pag. 250—251.

женныя памяти святѣйшихъ патріарховъ Тарасія и Никифора и исповѣдника Θеодора Студита изъ-за беззаконнѣйшаго и необузданнаго Іосифа, тогдашняго эконома церкви. Соблазны эти возникли изъ-за того, что этотъ послѣдній противозаконно (παρανόμως) далъ благословеніе сыну великой Ирины, Константину, прогнавшему свою законную супругу и прелюбодѣйнымъ образомъ взявшему на свое ложе другую, на сожитіе съ этою послѣднею, послѣ того, какъ въ такомъ благословеніи отказалъ императору священный Тарасій. Правда, блаженный патріархъ подвергъ беззаконнаго Іосифа отлученію, но не только не выдержалъ до конца (εἰς τέλος οὐκ ἴσχυσεν), но и снова принялъ его въ общеніе, конечно, не по доброй волѣ, а противъ воли: онъ принялъ его принужденный угрозами императора Константина снова поднять только-что благополучно подавленное иконоборство, если только патріархъ окончательно откажется принять въ общеніе Іосифа, о которомъ сей часъ была рѣчь. Впослѣдствіи принялъ его (Іосифа) въ общеніе и патріархъ Никифоръ исповѣдникъ, принужденный къ тому Никифоромъ, который, будучи начальникомъ τῶν γενικῶν, силою похитилъ царство и изгналъ блаженную Ирину. И потомъ уже, когда Никифоръ безславно погибъ въ битвѣ съ болгарами и царство перешло къ сыну его Ставракію и за послѣдовавшей чрезъ два мѣсяца кончиной этого послѣдняго, сдѣлался обладателемъ скипетра Михаилъ Куропалата, Іосифъ болѣе, чѣмъ по достоинству (ὑπεραξίως), какъ могъ бы выразиться кто-нибудь отъ преизбытка радости, былъ подвергнутъ отлученію священнымъ патріархомъ Никифоромъ».

«Когда это совершилось, вступилъ въ общеніе съ церковію и божественный (θεῖος) Θеодоръ (Студитъ) и присоединился къ патріарху, отдавая должную справедливость его позналіямъ (γνώσει) и добродѣтели, какъ объ этомъ пишется въ житіи его и значится въ одномъ изъ его писемъ. Написавшій его житіе говоритъ объ этомъ такъ: «по возвращеніи божественнаго Θеодора и патріарха Никифора изъ ссылки, Θеодоръ, бросивши всѣ споры и пререканія (τὸν φίλεριν καὶ φιλόνεικον τρόπον ἀποῤῥιψάμενος), сталъ совершенно единомысленъ (ὁμόφρων) съ патріархомъ, раздѣлялъ съ нимъ и кровъ и трапезу (ὁμόστεγος, ὁμοδίαιτος) и превозносилъ его многими похвалами». Сказанное подтверждается и тѣмъ, что́ мы знаемъ о великомъ между исповѣдниками патріархѣ Меθодіѣ; ибо этотъ послѣдній въ одномъ изъ своихъ писемъ къ саккудіанамъ и воскитіанамъ ([1]), не присоединившимся еще къ церкви, а продолжавшимъ отдѣляться отъ нея, говоритъ: «если бы блаженный отецъ нашъ Θеодоръ напередъ не отрекся отъ всего того, что́ онъ говорилъ и писалъ противъ святыхъ патріарховъ Тарасія и Никифора, то мы не приняли бы его въ общеніе». Это письмо желающій можетъ найти въ книгѣ святаго отца нашего Никона» ([2]).

([1]) Разумѣются монахи монастыря, основаннаго родителями преподобнаго Θеодора Студита, въ своемъ родовомъ имѣніи Воскитіонѣ близъ Саккудіана.

([2]) Разумѣется преподобный Никонъ кающійся † 998 г. Не находя въ изданныхъ доселѣ произведеніяхъ преподобнаго Никона указываемаго Меθодіемъ мѣста, ученые думали, что оно находится въ какомъ либо неизданномъ еще его сочиненіи. Но изъ арабскихъ кодексовъ, отысканныхъ въ Ватиканской библіотекѣ и изданныхъ Ангело Маи въ IV томѣ его Scriptorum veterum nova collectio, Romæ 1829, оказывается, что мѣсто это находится въ типикѣ препод. Никона, сохранившемся между этими кодексами (№ 176). (Vid. Spicileg. Romanum t. VI. Praefat.

в) Дѣло патріарховъ Игнатія и Фотія Меѳодій излагаетъ такъ: «преемникомъ св. Меѳодія былъ св. патріархъ Игнатій. Дядя императора Михаила, кесарь Варда, вопреки всѣмъ приличіямъ (ἀσελγῶς) вступилъ въ преступную связь со своей снохой, прогнавши безъ всякой причины свою законную жену. И когда св. Игнатій настаивалъ на томъ, чтобы онъ прервалъ эту нечистую связь, то Варда, желая избѣжать обличеній и соединеннаго съ ними стыда,— такъ какъ патріархъ удалилъ его изъ церкви,— низвелъ его съ престола и отправилъ въ ссылку, воспользовавшись для исполненія своего желанія легкомысліемъ Михаила. По низложеніи его (Игнатія), благодаря стараніямъ и рекомендаціи (σπουδῇ καὶ συνεναίσει) Варды, съ соизволенія Михаила, былъ возведенъ на престолъ Фотій. А когда Василій Македонянинъ, умертвившій Михаила, овладѣлъ царствомъ, то низвелъ Фотія съ престола и снова возвелъ на оный Игнатія. Причиною, говорятъ, было то, что Фотій объявилъ ему отлученіе отъ животворящаго причащенія, такъ какъ его руки были запятнаны кровію Михаила. Но когда Игнатій кончилъ жизнь, Фотій снова былъ возведенъ на престолъ тѣмъ же царемъ. Сынъ его, мудрѣйшій (ὁ πολὺς τὴν φιλοσοφίαν) Левъ, снова низложивши Фотія изъ опасенія, какъ говорятъ, что онъ не дозволитъ ему отмстить Сантаварину за его извѣтъ противъ него предъ (покойнымъ) императоромъ и отцемъ: ибо объ этомъ помышлялъ Левъ, сдѣлавшись самодержцемъ,—

p. XXIII). Оно приводится также вполнѣ и у Іоанна Ефесскаго и, по тексту его, извлеченному изъ сочиненія митрополита ефесскаго и напечатанному у Маи въ указанномъ томѣ Spicileg. Roman. p. XXIV—XXVI, будетъ приведено нами ниже.

поставилъ въ патріархи собственнаго брата Стефана самовластно (ἐξουσιαστικῶς): и между тѣмъ никто изъ этихъ патріарховъ не былъ отвергнутъ, а напротивъ всѣ были и признаются достойными принятія и чести (δεκτοὶ καὶ σεβάσμιοι) въ церкви вѣрныхъ. Это ясно изъ синодика; ибо въ немъ написано слѣдующее: Игнатію, Фотію, Стефану и Антонію, святѣйшимъ патріархамъ, вѣчная память. И еще: всему, что было сказано и написано противъ Игнатія и Фотія, святѣйшихъ патріарховъ, анаѳема» (¹).

«Упомянувши сейчасъ о синодикѣ, я припомнилъ то, что забылъ было сначала, именно: въ немъ значится также и слѣдующее: «святѣйшимъ патріархамъ Тарасію и Никифору вѣчная память; и еще: всему, что было сказано и написано противъ святѣйшихъ патріарховъ, Тарасія и Никифора, анаѳема. Смотрите же вы, противорѣчащіе нынѣ общему сонму (πληρώματι) православныхъ, какой правый и благопріятный Богу судъ произнесла святая каѳолическая церковь, и священно-проповѣдники святые апостолы, и святые отцы; содрогнитесь, убѣждаю васъ, помысливши о томъ, какое зло вы причиняете, и исправьтесь. И выше реченные святые, такъ какъ всѣ были люди, то и испытали нѣчто человѣческое (ἀνθρώπινον τι παθόντες),—всѣ вы знаете, сколько они другъ противъ друга говорили и писали,—поелику они дѣйствительно имѣли къ тому благовидные поводы (εὐλόγοις δῆθεν ἐνέπεσον ἀφορμαῖς) и думали найти себѣ защиту въ точномъ смыслѣ каноновъ (τῆς ἀκριβείας ἀντιποιεῖσθαι ἐνόμισαν),—что, повидимому, и съ нѣкоторыми изъ васъ незадолго предъ симъ случилось.

(¹) Ibid. p. 256—257.

Впрочемъ, о многомъ, что дѣлаютъ и чему учатъ прикрывающіеся вашимъ радѣніемъ о точности (канонов), лучше прейти молчаніемъ, чѣмъ предавать письмени: *бываемая бо отай отъ нѣкоторыхъ*, говоритъ божественный апостолъ, *срамно есть и глаголати*: о дѣяніяхъ этихъ людей разсказываютъ обратившіеся къ намъ изъ вашего заблужденія, сопровождая свою исповѣдь (ἐξομολόγησιν) великимъ сокрушеніемъ и слезами. И такъ снова повторяю, вышереченные святые написали то, что писали, находясь въ свойственномъ людямъ раздражительномъ состояніи; а внушенный свыше (ἔνθεος) судъ церкви подвергъ соборнѣ анаѳемѣ то, что было сказано и написано во время любопренія (φιλονεικίας) и въ разгарѣ страстей, самихъ же сказавшихъ и написавшихъ всѣхъ принялъ любезнѣ (ἀσπασίως) и вотъ возглашаетъ всѣмъ имъ вѣчную память» (¹).

«Чему же все это насъ поучаетъ? Поучаетъ тому, что единеніе и миръ между православными христіанами, безмятежно и единодушно охраняемые со страхомъ Божіимъ и любовію, лучше, чѣмъ погоня за точностью законовъ (ἢ τῷ ἀκρίβειαν δοκεῖν διώκειν) и терзаніе прекраснаго тѣла церкви Христовой; *о семъ бо*, говоритъ и Господь, *познаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, а не о томъ, что будете соваться всюду съ точностью каноновъ. Кто изъ-за точности какого либо канона производитъ смуты, поднимаетъ мятежи (στάσεις) и раздираетъ тѣло церкви, когда она хранитъ благочестіе при православіи, тотъ морочитъ самъ себя (λέληθεν ἑαυτὸν), хотя бы мнилъ, что онъ дѣйствуетъ по религіозному

(¹) Ibid. p. 257—258.

чувству» (ἀπὸ εὐλαβείας κινεῖσθαι) (¹). Подтвердивши свою мысль авторитетомъ св. Златоуста (²) и св. Игнатія Богоносца, онъ переходитъ къ дѣлу патріарховъ Николая Мистика и Евѳимія.

г) «Левъ мудрый, о которомъ я недавно упоминалъ, изгнавши незаконно (ἀδίκως) съ престола Николая Мистика за то, что тотъ не дозволялъ ему четвертаго брака, назначилъ патріархомъ синкелла Евѳимія. Но когда Левъ отшелъ отъ сей жизни, а Александръ, братъ его, присвоилъ себѣ царскую власть, то низложилъ съ престола Евѳимія и снова возстановилъ на собственномъ престолѣ Николая. Но оба эти патріарха пріемлются всеконечно церковію, какъ православные и подвизавшіеся за божественные законы; ибо и Евѳимій, говорятъ, много подвизался о томъ, чтобы воспрепятствовать Льву написать и принять законъ о четвертомъ бракѣ; въ чемъ и дѣйствительно успѣлъ» (³).

Вопросъ о законности или незаконности патріарховъ, перемѣщенныхъ на константинопольскую каѳедру

(¹) Ibid. p. 258—259.

(²) Homil. XI in Epist. ad Ephes., тамъ же приводится и относящееся сюда мѣсто изъ твореній св. Игнатія Богоносца. По русскому переводу оба эти мѣста читаются такъ: «ничто не можетъ столько производить раздѣленій въ церкви, какъ любоначаліе; ничто такъ не оскорбляетъ Бога, какъ то, когда кто производитъ въ ней раздѣленія. Хотя бы мы совершили тысячу добрыхъ дѣлъ, подвергнемся осужденію не меньше тѣхъ, которые терзали тѣло Его (І. Христа), если будемъ расторгать цѣлость церкви... Сказанное мною относится не къ начальствующимъ только, но и къ подчиненнымъ. Одинъ святый мужъ сказалъ нѣчто такое, что могло бы показаться дерзновеннымъ, если бы не было имъ сказано. Что именно такое? Сказалъ, что такого грѣха не можетъ загладить даже кровь мученическая». По русск. пер. Бесѣдъ св. Златоуста на посланіе къ Ефесеямъ, помѣщенныхъ въ Христіанскомъ Чтеніи за 1858 г., стр. 202—203.

(³) Ibid. p. 259.

съ другихъ каѳедръ, былъ возбужденъ Арсенитами по случаю перемѣщенія преемника Арсеніева Германа съ адріанопольской каѳедры на константинопольскую. Арсениты, какъ мы видѣли, провозгласили это перемѣщеніе духовнымъ прелюбодѣяніемъ и на томъ основаніи, что подобныя перемѣщенія строго запрещены церковными канонами, отказались признать Германа законнымъ патріархомъ. Изъ полемическаго произведенія Меѳодія видно, что среди полемики съ защитниками упомянутаго перемѣщенія, ссылавшимися на бывшіе прежде примѣры подобныхъ перемѣщеній, Арсениты соглашались сдѣлать нѣкоторую уступку своимъ противникамъ въ пользу нѣкоторыхъ, особенно уважаемыхъ, святыхъ архипастырей константинопольской церкви, перемѣщенныхъ на ея каѳедру съ другихъ каѳедръ. «Нѣкоторые,—говоритъ Меѳодій,—изъ раздѣляющихъ вашъ образъ мыслей, когда-то разсуждая со мной, пресерьезно, хотя и пребезсмысленно, утверждали, что Мелетія Антіохійскаго, Германа Исповѣдника и Прокла, изъ Кизика перемѣщеннаго въ сей царствующій градъ, и на ряду съ ними Григорія Богослова мы пріемлемъ съ разсужденіемъ по благодати (μετὰ διακρίσεως κατὰ χάριν δεχόμεθα), а не какъ настоящихъ архіереевъ (ἀλλ᾽ οὐχ ὡς γνησίως ἀρχιερατεύσαντας). Неужели всѣ вы такъ же думаете? Или болѣе благочестивые изъ васъ такъ же точно отплевываются (καταπτύετε) отъ этихъ нечестивыхъ рѣчей, какъ и мы, и благоговѣйно чтутъ вышереченныхъ святыхъ, какъ дѣйствительныхъ представителей истины (γνησίους τῆς ἀληθείας προστάτας) и законно іераршествовавшихъ въ церкви, а не по присущей имъ благодати (κατ᾽ οἰκείαν χάριν) и разсужденію. Впрочемъ, что вы объ

этомъ думаете, вамъ лучше знать. Что же касается церкви Божіей, то она гордится ими, какъ дѣйствительными представителями, учителями и защитниками православной нашей вѣры (τοῦ ὀρθοῦ τῆς κατ' ἡμᾶς πίστεως λόγου) и, пронося ее повсюду, побѣждаетъ всякую ересь и всякое злоумышленіе (κακόνοια) усиливающихся подъ прикрытіемъ благоговѣнія растерзать тѣло вѣрующихъ, отражая и далече отгоняя ихъ ученіемъ и дѣяніями этихъ святыхъ мужей» (1).

На фактахъ второй категоріи (2) мы не останавливаемся, такъ какъ они прямаго отношенія къ распрѣ Арсенитовъ съ церковію не имѣютъ и введены авторомъ въ свой апологетическій трудъ лишь для усиленія основной, развиваемой имъ мысли.

Приведенныя нами выдержки изъ апологетическаго произведенія Меѳодія показываютъ, что онъ сводитъ всю распрю Арсенитовъ съ церковію къ вопросу о законности перемѣщенія Германа и дѣйствительности хиротоніи Іосифа, доказывая ту и другую историческими примѣрами прежняго времени, т. е., другими словами, — опровергаетъ *каноническое* основаніе къ отдѣленію ихъ отъ церкви. Но извѣстно,

(1) Ibid. p. 262.

(2) Здѣсь Меѳодій ссылается на примѣръ а) св. Кирилла іерусалимскаго, который, принадлежа къ числу ὁμοιοῦ—никовъ и будучи возведенъ на каѳедру іерусалимскую на мѣсто низложеннаго за ὁμοούσιο Максима, не только не былъ никогда отвергаемъ за то, что занялъ престолъ при жизни своего предшественника, но и почитается церковію въ числѣ святыхъ; б) св. Мелетія, который за единомысліе и услуги свои аріанамъ, послѣдовательно былъ возведенъ на каѳедры севастійскую, беррійскую и антіохійскую и при всемъ томъ ни кѣмъ не былъ отвергаемъ; в) св. Василія Великаго и Іоанна Златоуста, которые получили свою хиротонію—первый, пресвитерскую, а второй, діаконскую,—отъ этого Мелетія, и между тѣмъ эта хиротонія безспорно признаваема была всѣми дѣйствительною. Pag. 231—263.

что со времени провозглашенія ліонской уніи на востокѣ въ 1275 г., Арсениты присоединили къ этому основанію другое—*догматическое*, состоявшее сначала въ томъ, что «церковь вступила въ общеніе съ латинянами», и потомъ въ томъ, что во главѣ ея стоялъ патріархъ ([1]), обличенный въ ереси, и такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, запятнала себя общеніемъ съ еретиками и потеряла чистоту православія. Вслѣдствіе этого, задача церковной апологетики осложнилась, — кромѣ каноническаго основанія ей пришлось опровергать еще догматическое и притомъ явившееся въ двухъ различныхъ формахъ. Такимъ образомъ дѣйствительно и понимаетъ свою задачу второй апологетъ церкви, Іоаннъ Хила, митрополитъ ефесскій. Въ своемъ выше приведенномъ сочиненіи онъ опровергаетъ на ряду съ каноническимъ и догматическое основаніе своихъ противниковъ.

Къ сожалѣнію, мы знаемъ о содержаніи этого сочиненія лишь по анализу его, сообщенному Ангело Маи въ предисловіи къ VI тому его Spicilegium Romanum, и по нѣсколькимъ отрывкамъ, изъ которыхъ четыре помѣщены упомянутымъ ученымъ въ текстѣ означеннаго предисловія, одинъ о. Андроникомъ Димитракопуломъ въ его *Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἑλληνικῆς*, и два Алляціемъ въ его изслѣдованіяхъ: de Methodiis (p. 383—384) и de octava Synodo Photiana (ed. Romae 1662, p. 137—138). Всѣ эти отрывки относятся къ каноническому вопросу, дебатировавшемуся между Арсенитами и церковію, и лишь помѣщенный у о. Андроника—къ догматическому. Но эти скудные отрывки изъ объеми-

([1]) Григорій кипрскій.

стаго произведенія митрополита ефесскаго, даютъ намъ ясное представленіе лишь о томъ, какъ авторъ выгораживалъ свою церковь изъ обвиненія въ еретичествѣ за общеніе съ патріархомъ Григоріемъ, и не даютъ почти никакого понятія о томъ, какъ онъ оправдывалъ ее за унію съ латинянами. Повидимому, на этомъ пунктѣ онъ поддерживалъ мысль, выраженную императоромъ Андроникомъ въ своей рѣчи къ Арсенитамъ, на собраніи 23 сентября 1306 г., именно, что допущенное предшествовавшимъ правительствомъ зло исправлено тщаніемъ и трудами настоящаго главы государства ([1]).

Но способъ защиты церкви отъ обвиненія въ еретичествѣ за общеніе съ патріархомъ Григоріемъ поражаетъ своею неожиданностію. Мы видѣли, что авторъ сильнѣе, чѣмъ кто-либо, поддерживалъ и сло-

([1]) Такъ заставляетъ думать а) широковѣщательный панегирикъ, сказанный авторомъ благочестію, ревности по чистотѣ православія и особеннымъ заслугамъ на его пользу императора Андроника (Ibi enim laudat Andronicum, quod adeptus sceptrum, ilico patrium (id est patriæ) dogma professus sit, quovis alio ob peregrinitatem excluso, et quod omnem novitatem corruptelamque doctrinæ abjecerit, etc.; quibus verbis reditum Andronici ad schisma (т. е. къ православію) post Michaëlis parentis obitum, qui anno contigit MCCLXXXII, significare ac dilandare videtur. Præfatio Maii p. XX) и б) слѣдующая цитуемая у Маи фраза изъ сочиненія митрополита ефесскаго: σημείωσαι ταῦτα, ἴσως γὰρ ὠφεληθήσονται οἱ κακῶς λέγοντες ἀποσχισθῆναι ἡμᾶς ἀπὸ τῆς Ῥώμης, πρὸ τοῦ καταδικασθῆναι αὐτὸν καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν ὡς κακόφρονας (Ibid.). Превознося императора Андроника за устраненіе уніи, авторъ, очевидно, не отрицалъ факта вступленія въ общеніе съ латинянами и, значитъ, основывалъ свою защиту не на отсутствіи этого факта, а на послѣдующемъ отмѣненіи его. Въ свою очередь приведенная нами фраза изъ апологетическаго произведенія Іоанна показываетъ, что онъ не хотѣлъ основать своей защиты (да и не могъ, такъ какъ это поставило бы его въ противорѣчіе съ самимъ собою) на томъ фактѣ, что латиняне не были формально осуждены, какъ еретики. Изъ-за чего бы въ такомъ случаѣ прерывать общеніе съ ними, установленное на ліонскомъ соборѣ?

весно и письменно обвиненіе этого патріарха въ ереси, такъ что за эту настойчивость поплатился даже потерей своей епархіи. Но теперь, по вопросу о православіи Григорія, онъ держитъ къ Арсенитамъ такую рѣчь: «снова повторяемъ, что хотя противъ патріарха Григорія и было выставлено извѣстное обвиненіе (въ ереси), но выставлено было противниками церкви Христовой (παρά του τῶν ἀντικειμένων τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦ Χριστοῦ), а тѣ, которые находились въ общеніи съ нею и занимали первыя мѣста (τὰ πρῶτα φερόντων) въ великомъ клирѣ сего царствующаго и величайшаго изъ городовъ, и которые подписали и власть (патріаршую) на него, движимые самою истиною, тѣ считали его τόμος ничѣмъ инымъ, какъ огражденіемъ (ἀσφάλειαν) всякаго благочестія и православія. Притомъ, когда было заявлено противъ него извѣстное обвиненіе, онъ первѣе всего выставилъ за себя письменныя апологіи [1], въ которыхъ, между прочимъ, предалъ анаѳемѣ и извѣстное еретическое и вздорное (φλυαρόν) произведеніе Марка вмѣстѣ съ его хулами (βλασφημίας); мало того, онъ заклялъ себя страшнѣйшими клятвами, что ничего не зналъ о странномъ и совершенно неумѣстномъ измышленіи (φρόνημα), проведенномъ въ означенномъ сочиненіи, ни тогда, когда онъ (Маркъ) его замышлялъ, ни тогда, когда писалъ, ни когда издавалъ для другихъ съ такимъ вредомъ. Послѣ этого онъ самъ вмѣстѣ съ окружавшими его епископами, а не кто-либо изъ супротивныхъ и постороннихъ, исправилъ и самый, заподозрѣнный въ неправославіи τόμος, и за это (παρὰ τοῦτο) сей мудрѣйшій мужъ не только не заслуживаетъ никакого осу-

(1) Эти апологіи цитованы нами выше.

жденія, а напротивъ достоинъ всевозможныхъ похвалъ; ибо и та кажущаяся погрѣшность (τὸ δοκοῦν ἐκεῖνο ὀλίσθημα) не была дѣломъ ни лукавства, ни злоумышленности, ни неправомыслія, и въ самомъ началѣ, когда онъ составлялъ τόμος противъ мнѣнія Векка и его противнаго пустословія (κενοφωνίας), не имѣлъ чего-либо другаго въ умѣ, а предположилъ себѣ цѣлію собрать во едино всѣ его лживыя измышленія и опровергнуть, насколько хватитъ силъ (ὁπόση τίς δύναμις), поставить и укрѣпить потверже (κραταιότερον) всепобѣждающую истину. Если же этотъ благородный борецъ за правые догматы, полемизируя письменно съ противникомъ, въ своемъ бурномъ порывѣ, въ увлеченіи истиной и благочестіемъ и въ неудержимомъ стремленіи своемъ обличить ложь, споткнулся нѣсколько и впалъ въ погрѣшность, вовсе этого не желая, сколько мы знаемъ; то всѣмъ здравомыслящимъ и правильно понимающимъ цѣль сочиненій не безъизвѣстна эта слабость (τὸ πάθος ἐκεῖνο), и было бы несправедливо слишкомъ строго порицать его за нее,—ее можно встрѣтить и въ твореніяхъ такихъ великихъ мужей, какъ священно-мученикъ Діонисій Александрійскій и великій въ чудесахъ Григорій. Что написали эти святые и сколько и какія пораженія нанесли они въ свое время еретичествующимъ, подвизаясь противъ этихъ враговъ истины и благочестія, желающіе могутъ узнать, прочитавши письмо великаго отца нашего Василія къ философу Максиму и къ неокесарійцамъ». Прочитавши относящіяся сюда мѣста изъ упомянутыхъ писемъ, ораторъ продолжалъ: «кто, слыша и видя это и мысленно сближая съ этимъ дѣло патріарха Гри-

горія, рѣшится произнести судъ и осужденіе противъ этого дивнаго (ἄριςον) и православнаго мужа, противъ этого истиннаго жилища (οἶκον) всякой мудрости и наставленія (παιδεύσεως), какъ и противъ тѣхъ святыхъ архіереевъ» ([1]).

Отклонивши такимъ образомъ отъ своей церкви обвиненіе въ ереси, авторъ смѣло ставитъ и защищаетъ положеніе, что «законно и праведно можно отдѣляться отъ церкви лишь изъ-за очевидной и доказанной ереси».

По примѣру своего предшественника, онъ доказываетъ справедливость этого положенія путемъ историческимъ; но, сообразно съ болѣе широкой постановкой своего положенія, ведетъ иначе и рядъ своихъ доказательствъ. Съ одной стороны онъ рисуетъ великолѣпную картину благъ любви и мира между членами церкви для ея преспѣянія и процвѣтанія ([2]), съ другой—мрачную картину всевозможныхъ золъ, производимыхъ въ церковной жизни расколами, и,

---

([1]) Ἱςορία τοῦ σχίσματος, σέλ. 90—92. Это мѣсто довольно точно опредѣляетъ и время написанія апологетическаго произведенія митрополита ефесскаго. Очевидно, оно написано уже послѣ удаленія Григорія кипрскаго на покой и, можетъ быть, даже и послѣ его кончины.

([2]) «Нѣтъ ничего въ жизни выше и сладостнѣе любви, нѣтъ ничего въ мірѣ полезнѣе и вожделѣннѣе мира и единенія; ибо и самъ Богъ есть и называется любовь, и *миръ но Богъ превосходитъ всякъ умъ*, какъ мы научены: они (миръ и любовь) склонили Зиждителя и Владыку всяческихъ преклонить небеса и сойти на землю; и Онъ дѣйствительно сошелъ и по намъ ради насъ содѣлался по истинѣ человѣкомъ, кромѣ грѣха; и все совершивъ и исполнивъ свойственное людямъ (ἀνθρώπινα), благовѣстилъ блага мира ближнимъ и дальнимъ. Паче другихъ возлюбилъ ихъ (миръ и любовь) и благовѣрный рода нашего царь и вслѣдствіе этого, какъ видите, созвалъ всѣхъ сюда для того, чтобы вмѣстѣ съ Богомъ благовѣстить намъ блага мира, прекратить долговременную войну и свести раздѣленное къ прежнему союзу (συνάφεια)». Lib. cit. p. XVIII.

взвѣсивши затѣмъ тѣ основанія, на которыя опирались раскольники, отдѣляясь отъ церкви, съ тою безмѣрною массою зла, которое отсюда возникало для членовъ церкви, приходитъ къ заключенію, что эти основанія далеко не уравновѣшиваются съ этою массою. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ основаній, авторъ находитъ, что они принадлежатъ къ категоріи тѣхъ *ἐγκλήματα*, которыя, конечно, весьма желательно устранять и исправлять, но которыя, по существу своему, суть не что иное, какъ *μικροψυχίαι*, которыя такъ порицаетъ въ членахъ церкви св. Василій Великій, и изъ-за которыхъ онъ такъ настойчиво совѣтуетъ не причинять такой страшной напасти народу Божію, каковъ расколъ».

Здѣсь между прочимъ ученый митрополитъ возвращается къ дѣлу студитовъ съ патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ, извѣстному уже намъ по изложенію его предшественника на полемическомъ поприщѣ, Мефодія. Въ изложеніи митрополита ефесскаго дѣло это дополняется нѣкоторыми подробностями, дающими ему болѣе характерную постановку. Разсказавши въ общихъ чертахъ ходъ и исходъ этого дѣла при жизни патріарховъ Тарасія и Никифора, онъ старается опредѣлить взглядъ на это дѣло и отношеніе къ нему четвертаго преемника Никифорова св. Мефодія (842—846), пользуясь одною изъ его бесѣдъ, давно уже утраченною для нашего времени (¹), и его письмомъ, на которое между прочимъ ссылался и монахъ Мефодій. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій св. Мефодій, по словамъ нашего автора, предостерегалъ свою паству отъ общенія съ студи-

(¹) *Mai*. Praefat. ad t. VI. Spicileg. p. XXII.

тами въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «не вкушайте вмѣстѣ съ ними пищи и не здоровайтесь съ ними, поелику, если пріобщитесь къ ихъ дѣламъ, то по необходимости будете общниками и въ ихъ анаѳемѣ. И о томъ вамъ напомнимъ, что если они когда-нибудь обратятся и предадутъ анаѳемѣ свои злостныя писанія, направленныя не столько противъ патріарховъ (1), сколько противъ церкви, такъ какъ эти, утвердившіе церковь, св. мужи представляютъ собою саму церковь (ἐκεῖνοι γάρ ἦσαν ἡ ἐκκλησία οἱ καὶ ταύτην στηρίξαντες), то имъ дано будетъ время, для покаянія, но не для священства (ἱερωσύνης)» (2). Въ письмѣ своемъ, адресованномъ къ самимъ студитамъ, св. Меѳодій выражается о томъ же предметѣ такъ: «если вы не предадите анаѳемѣ того, что̀ вами написано противъ преподобнаго Никифора и треблаженнаго (τρισολβίου) Тарасія, сегодня въ присутствіи нашихъ братій и сослужителей, или въ назначенный для того день, по прибытіи ихъ въ вашъ монастырь для выслушанія оной, и не исполните опредѣленія о сожженіи и анаѳематствованіи упомянутыхъ сочиненій, какъ мы написали въ постановленіяхъ о церкви (καθὼς ἀπολογούμενοι ἐν ταῖς περὶ τῆς ἐκκλησίας διοικήσεσι γεγράφηκαμεν), то знайте, братья, что мы не просто предадимъ васъ анаѳемѣ (ἀναθεματίσομεν) вмѣстѣ со всѣми вашими приверженцами, а анаѳематствуемъ (καταθεματίσομεν) васъ съ позоромъ (3); ибо блаженный игуменъ

(1) Тарасія и Никифора.

(2) *Mai*, loco cit. p. XXII—XXIII.

(3) Противъ этого мѣста на полѣ манускрипта сдѣлана, по свидѣтельству Маи, слѣдующая, не лишенная значенія для характеристики воззрѣнія, представляемаго противниками Арсенитовъ, приписка: «нужно знать, что ученики Студита (Ѳеодора) послѣ его святой кончины, не желая подчиняться каѳолической церкви Христовой какъ должно,

вашъ и учитель въ концѣ своей добропобѣдной жизни, литургисая съ нами, на дѣлѣ отрекся отъ своихъ словъ (ἔργῳ τοὺς ἰδίους λόγους ἠθέτισεν), иначе онъ никогда не былъ бы съ нами, если бы написанное имъ противъ насъ носилъ въ душѣ противъ себя самого. Не въ видѣ упрека мы написали это; да не будетъ этого; не того мы хотимъ и не о томъ молимся; но мы высказали все это потому, что у насъ наболѣло на душѣ и намъ хотѣлось облегчить ее откровеннымъ объясненіемъ, и высказали для того, чтобы вы знали, какъ мало мы желали бы останавливаться на этомъ предметѣ; а если бы мы хотѣли, то могли бы выставить вамъ противъ ва-

---

а лучше водиться собственнымъ произволомъ (θελήματι), взявши предлогомъ для себя старинное обвиненіе его (противъ церкви), сфабриковавши (συμπλασσόμενοι) и присовокупивши къ нему нѣкоторыя другія причины, снова отшатнулись и отдѣлились отъ общей церкви Христовой. Вслѣдствіе этого приснопамятный между патріархами св. Меѳодій, подвигшись соборнѣ (συνοδικῶς κινηθεὶς), произнесъ противъ нихъ анаѳему. Но въ тоже время этотъ великій патріархъ, часто увѣщевая ихъ, говорилъ имъ такъ: «церковное ученіе никогда не было и не будетъ двоякимъ и не можетъ дѣлиться (μεριστή); не можетъ быть также ни анархическимъ, ни безголовымъ (οὐδὲ ἄναρχός τις καὶ ἀκέφαλος), не имѣющимъ надъ собою никого начальствующаго (κατάρχοντα), и не носящимъ надъ собой головы,—этого никогда не видано, да никогда и не будетъ видано. Ибо глава всей земли есть человѣкъ, по апостолу; а такъ какъ человѣкъ раздѣляется на мужа и жену, то главою жены бываетъ мужъ; глава мужа—Христосъ; а глава нераздѣлимаго (ἀμερίστου) Христа, о чудо!—Богъ. И такимъ образомъ все тѣло церкви, счиняемое (συναρμολογούμενον) отъ Христа и во Христа, возрастаетъ въ мѣру возраста Христова. Вы же совершенно чужды этой церкви; и такъ какъ вы не имѣете главы и начала (ἀκέφαλοι ὄντες καὶ ἄναρχοι), то не имѣете права называться и участниками и общниками церкви Христовой. Ибо не имѣющій главы не можетъ никакимъ образомъ быть главою другаго; желая подчинить себѣ другихъ, вы, при собственномъ неподчиненіи никому (ἀνυποταξίᾳ), не можете имѣть и этихъ другихъ въ своемъ подчиненіи; ибо, желая подчинять ихъ себѣ словомъ, вы дѣломъ учите ихъ оставаться неподчиненными». Lib. cit. p. XXIV Not. 1.

шего упорства и каноническія правила и примѣръ самыхъ прямыхъ на этотъ счетъ судебныхъ постановленій (δικαιωμάτων ῥήματα καὶ εὐθύτατα κρίματα),—у насъ очень много и тѣхъ и другихъ, — но, чтобы не раздражить васъ еще болѣе, мы умолчимъ объ этихъ правилахъ и примѣрахъ, равно какъ и о многомъ другомъ, что́ можно было бы присоединить къ нимъ и что̀ не безполезно было бы вамъ выслушать. Вмѣсто того, мы молимъ преблагаго Господа I. Христа и не престанемъ и впредь усердно молить, дабы Онъ даровалъ намъ и вамъ миръ Свой, единеніе, согласіе и другъ ко другу благорасположеніе, съ прекращеніемъ всѣхъ волнующихъ насъ теперь толковъ и словоизверженій».

Дѣло патріарховъ Игнатія и Фотія въ изложеніи митрополита ефесскаго также имѣетъ свою болѣе характерную постановку: «кто не знаетъ, сколько въ то время произошло совершенно неожиданнаго между патріархами Игнатіемъ и Фотіемъ и какъ тогдашніе архіереи въ полномъ своемъ составѣ (τὸ πλήρωμα τῶν τότε ἀρχιερέων) не разъ, не два и не три брали назадъ свои заручныя записи (τὰς ἐγγράφους ἀσφαλείας ἑαυτῶν). Сегодня они даютъ подписку (ἐγγράφοντες) стоять за Игнатія до смерти. Завтра дѣлаютъ тоже самое относительно Фотія, отложивши въ сторону свои прежнія записи (т. е. данныя Игнатію). Затѣмъ, послѣ всѣхъ этихъ гарантій (ἀσφαλείας), того же самаго Фотія и его приверженцевъ низлагаютъ, отлучаютъ отъ церкви, предаютъ анаѳемѣ, мало того призываютъ на себя всѣ напасти, если они когда либо измѣнятъ то, что̀ ими постановлено и примутъ Фотія снова въ архіереи послѣ того, какъ отвергли его такимъ образомъ.

Но потомъ, спустя нѣсколько времени, разрушаютъ и эти закрѣпы (ἰσχυρά), и, какбы снова, по пословицѣ, марка перевернулась надъ церковію; на общихъ собраніяхъ (καθολικαῖς συνελεύσεσι), провозглашаютъ, встрѣчаютъ шумными оваціями (ἀνευφημοῦντες), рукоплещутъ, превозносятъ, осыпаютъ и увѣнчиваютъ Фотія широкими (μακροῖς) похвалами и панегириками, называя его истиннымъ человѣкомъ Божіимъ, законнымъ архіереемъ, каноническимъ (ἔγκανον) свѣтильникомъ церкви, свѣтиломъ вселенной, благочестія поборникомъ (προστάτην), истины учителемъ» ([1]).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, касался ли такимъ же образомъ Іоаннъ и другихъ, изложенныхъ нами выше со словъ Меѳодія, дѣлъ, имѣвшихъ аналогію съ дѣломъ Арсенія. Въ анализѣ Маи дальнѣйшее направленіе мыслей въ трудѣ митрополита ефесскаго идетъ въ такомъ порядкѣ.

Воспѣвши панегирикъ Андронику за его неослабныя усилія къ возвращенію церкви благъ любви и мира и освобожденію ея отъ бѣдствій раскола чрезъ устраненіе всѣхъ поводовъ къ соблазну, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ пресловутой ἀκρίβεια τῶν κανόνων, которою Арсениты мотивировали свое отдѣленіе отъ церкви. Находя «точное соблюденіе каноновъ» дѣломъ весьма похвальнымъ само по себѣ, онъ однакожъ думаетъ, что мудрая церковная политика (οἰκονομία ἐκκλησιαστική) требуетъ не всегда и не безусловно настаивать на этой ἀκρίβεια, чтобы, держась слишкомъ упорно за часть, не потерять цѣлаго.

Подтвердивши эту мысль авторитетомъ св. Кирилла Александрійскаго ([2]), доказываетъ далѣе са-

([1]) De octava Synodo Photiana p. 137—138.

([2]) Изъ твореній св. Кирилла Александрійскаго, по словамъ Маи,

мою исторiею каноновъ, что хотя эти каноны прекрасны и въ большинствѣ своемъ чрезвычайно полезны, не настолько однакожъ непреложны и неподвижны, чтобы церковная власть, по требованiю обстоятельствъ, не могла благоразумно измѣнять ихъ: «нужно ли говорить вамъ о томъ, сколько каноновъ, постановленныхъ древнѣйшими отцами, бывшiе послѣ нихъ архiереи и великiе отцы наши совершенно отмѣнили (ἀργία τελεία συνέστειλαν)? Знакомые съ исторiей священныхъ каноновъ хорошо знаютъ это. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, напримѣръ, теперь тотъ канонъ, который установилъ, чтобы епископы жили съ своими женами? Гдѣ тотъ, который повелѣваетъ перекрещивать схизматиковъ и еретиковъ? Гдѣ тотъ, который опредѣляетъ, чтобы въ каждомъ городѣ было не больше седми дiаконовъ? Гдѣ тотъ, которымъ было узаконено, чтобы мы въ великiй четвергъ причащались страшныхъ Христовыхъ таинъ послѣ вкушенiя пищи, по подражанiю, вѣроятно (τάχα), извѣстной Господней вечери? Гдѣ и тотъ канонъ, которымъ избранiе и утвержденiе (ἐκλογὴν καὶ ψῆφον) епископовъ предоставлялось народнымъ массамъ (τοῖς πλήθεσι)? Но довольно. Было бы слишкомъ долго перечислять и предлагать общему вниманiю (εἰς μέσον παράγεσθαι) всѣ, вышедшiе изъ употребленiя каноны ([1]).»

онъ цитуетъ письмо этого св. отца къ архимандриту Геннадiю (по париж. изд. творенiй св. Кирилла 1638 г. t. V part. 2, p. 191). Св. Кириллъ въ этомъ письмѣ убѣждаетъ Геннадiя не смущаться тѣмъ, что св. Проклъ константинопольскiй принялъ въ церковное общенiе iерусалимскаго епископа и не прерывать изъ-за этого общенiя съ константинопольскимъ святителемъ, такъ какъ μία γὰρ γέγονεν φροντὶς ἐμοί τε καὶ τῇ ὁσιότητι αὐτοῦ (Прокла) καὶ ὁ τῆς οἰκονομίας τρόπος, ὃς οὐδενὶ τῶν συνετῶν ἀπῄρεσεν.

([1]) Spicil. Rom. t. VI Praefatio, p. XXI—XXII.

Мысль объ измѣняемости церковныхъ каноновъ ученый митрополитъ подтверждаетъ между прочимъ авторитетомъ папы Іоанна VIII, цитуя одно мѣсто изъ письма этого папы къ императору Василію Македонянину, по дѣлу о возстановленіи Фотія на престолѣ ([1]).

Такимъ образомъ въ апологетическомъ произведеніи митрополита ефесскаго частный вопросъ о нарушеніи нѣкоторыхъ церковныхъ правилъ превращается въ общій вопросъ о значеніи всѣхъ церковныхъ правилъ вообще. Какимъ образомъ произошло это превращеніе, мы сейчасъ увидимъ.

Итакъ, оба апологета церкви, не смотря на разность въ пониманіи своей задачи, не отъ нихъ, впрочемъ, зависѣвшую, совершенно согласны въ своихъ взглядахъ на своихъ противниковъ. Въ глазахъ того и другаго Арсениты—раскольники, такъ какъ отдѣляются отъ церкви изъ за нарушенія ею каноновъ,—что̀ не можетъ быть признано достаточнымъ основаніемъ къ отдѣленію отъ нея, какъ это несомнѣнно доказывается а) фактами изъ церковной исторіи и каноники прежняго времени, и б) ясными изреченіями на этотъ счетъ знаменитѣйшихъ отцовъ и учителей церкви. Другими словами, они оправдываютъ научнымъ образомъ взглядъ на Арсенитовъ, усвоенный церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ въ сферѣ практическихъ къ нимъ отношеній.

Арсениты, какъ мы видѣли, энергически оспоривали этотъ взглядъ, стараясь доказать, что они не только не раскольники, но и что одни только они

([1]) Письмо это обыкновенно помѣщается въ актахъ константинопольскаго собора 879 г., *Mai* loco cit. p. XXI.

и представляютъ собою истинную церковь. Свое уклоненіе отъ общенія съ церковію, представляемою іерархіею, согласившеюся на низложеніе Арсенія, они оправдывали тѣмъ, что она измѣнила ему, не только не поддержавши его въ его дѣлѣ, но и низложивши его, не смотря на его правоту, и такимъ образомъ допустила вопіющую несправедливость. Свое уклоненіе отъ общенія съ преемникомъ Арсенія Германомъ они оправдывали тѣмъ, что въ его перемѣщеніи нарушены церковные каноны, запрещающіе подобныя перемѣщенія ([1]), и такъ какъ Германъ кромѣ того дозволилъ себѣ этотъ переходъ «съ престола дочери на престолъ матери» при жизни законнаго патріарха, то совершилъ духовное прелюбодѣяніе, дѣлающее его недостойнымъ не только патріаршаго, но и вообще священнаго сана. Свой отказъ вступить въ общеніе съ Іосифомъ они основывали на томъ, что Іосифъ, разрѣшивши императора Михаила отъ духовныхъ узъ, наложенныхъ на него Арсеніемъ, не только не разрѣшилъ его отъ этихъ узъ, такъ какъ законно и канонически могъ разрѣшить его лишь самъ связавшій, но и тѣми же узами связалъ и себя самого. Свой разрывъ съ Григоріемъ, съ которымъ они вступили было въ общеніе послѣ извѣстной атрамитской трагикомедіи, они оправдывали во 1-хъ тѣмъ, что несправедливость защищаемаго ими дѣла имъ не доказана, въ 2-хъ тѣмъ, что Григорій былъ будтобы посвященъ въ

([1]) Неизвѣстно, какіе именно каноны разумѣли Арсениты, но могли ссылаться на 14 правило апостольское, 21 антіохійскаго собора, 1 и 2 прав. сардик., 59 прав. кареагенскаго и 15 прав. никейскаго, перваго вселенскаго собора.

чтецы латинянами, и въ 3-хъ тѣмъ, что впалъ будто-бы въ ересь. Свое уклоненіе отъ общенія съ Іоанномъ XII и Аѳанасіемъ они мотивировали отчасти общимъ отношеніемъ къ нимъ церкви, трактовавшей ихъ какъ раскольниковъ, отчасти тѣмъ, что эти патріархи управляли церковію «не по евангелію и не по божественнымъ правиламъ», а по собственному произволу. Кратко: Арсениты оправдывали свое уклоненіе отъ общенія съ церковію цѣлымъ рядомъ нарушеній ею своихъ собственныхъ каноновъ и соглашались вступить въ общеніе съ нею лишь подъ условіемъ «точнаго соблюденія ею этихъ каноновъ». Такимъ образомъ мало по малу частный вопросъ о нарушеніи нѣсколькихъ церковныхъ каноновъ превратился въ общій вопросъ о значеніи всѣхъ этихъ каноновъ, и въ этой его постановкѣ, какъ мы видѣли, разсматривается и рѣшается вторымъ апологетомъ церкви, Іоанномъ ефесскимъ.

И. Троицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Внутренее обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 11. С. 525-537.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Движеніе буковинскихъ и майносскихъ раскольниковъ въ пользу православія.—Противораскольническая дѣятельность саратовскаго братства св. Креста.—Учрежденіе братства св. Петра митрополита въ Москвѣ.—Постановленіе правительства относительно лицъ, состоящихъ въ званіи церковнаго старосты.

Въ послѣднее время произошло нѣсколько отрадныхъ явленій въ старообрядческомъ мірѣ. Живущіе въ Буковинѣ (въ австрійской имперіи) раскольники заявили нашему правительству о желаніи своемъ, въ числѣ 4000 душъ, переселиться въ Россію, на свой собственный счетъ, безъ всякаго пособія отъ правительства, но съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ льготъ по надѣлу землею, платежу земскихъ налоговъ и отправленію воинской повинности. По сношенію съ Святѣйшимъ Синодомъ, правительство признало въ этомъ движеніи важное не только политическое, но и религіозное значеніе, въ виду проявившагося между буковинскими раскольниками стремленія въ пользу православія, вслѣдствіе чего въ правительственныхъ сферахъ разработывается въ настоящее время проектъ правилъ, на которыхъ буковинскіе раскольники могутъ быть допущены къ возвращенію въ Россію.

Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года раскольники—некрасовцы (потомки казаковъ — староверовъ, бѣжавшихъ въ царствованіе Петра Великаго, подъ предводительствомъ атамана своего Игната Некрасова, въ Турцію), живущіе, въ числѣ 3.000 человѣкъ, въ сел. Майносъ, въ Азіатской Турціи, обратились къ старцамъ аѳонской обители св. Пантелеймона, именуемой Русикъ, съ просьбою исхода-

тайствовать разрѣшеніе константинопольскаго патріарха на устроеніе у нихъ церкви на правилахъ единовѣрія. Старцы Русика, въ виду важнаго значенія просьбы майносскихъ старообрядцевъ, отправили инока о. Михаила, который самъ принадлежитъ къ единовѣрію, къ русскому послу въ Константинополѣ для необходимыхъ объясненій. Посолъ принялъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ; а между тѣмъ составлена была на греческомъ языкѣ просьба къ патріарху, которая и была подписана значительнымъ числомъ майносскихъ старообрядцевъ. О. Михаилъ, вмѣстѣ съ двумя повѣренными майносскаго общества, лично представлялся патріарху по этому дѣлу, при чемъ его святѣйшество сказалъ повѣреннымъ приблизительно слѣдующее: «душевно радуюсь, видя вашу готовность присоединиться къ святой церкви и, согласно вашему желанію, благословляю васъ избрать на первый случай на Аѳонѣ, въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, священника, который и будетъ совершать вамъ богослуженіе по вашимъ книгамъ и обрядамъ. Ты же, присовокупилъ святѣйшій Анѳимъ, обращаясь къ о. Михаилу, будешь ихъ руководителемъ». Такимъ образомъ желаніе майносскихъ старообрядцевъ исполнено, и православная церковь съ радостію приняла въ свои нѣдра долго заблуждавшихся и чуждавшихся ея духовныхъ чадъ своихъ.

Съ утѣшеніемъ можемъ мы отмѣтить также нѣсколько фактовъ изъ жизни саратовскаго старообрядства, заявленныхъ въ отчетѣ учрежденнаго въ Саратовѣ братства св. Креста за прошедшій годъ. Извѣстно, что братство это поручило одному изъ своихъ членовъ, съ вознагражденіемъ изъ братскихъ суммъ, преподавать въ мѣстной семинаріи ученіе о расколѣ, съ тѣмъ, чтобы слушающихъ это ученіе, по окончаніи семинарскаго курса, отправлять въ населенныя раскольниками мѣстности для миссіонерской въ средѣ ихъ дѣятельности. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что дѣятельность эта оказывается вполнѣ плодотворною и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расколъ пошатнулся въ своемъ основаніи. Молодые миссіонеры, спеціально знакомые съ

духомъ мѣстнаго раскола и способные къ борьбѣ съ нимъ, встрѣтили въ средѣ раскольническихъ населеній, какъ того и слѣдовало ожидать, различный пріемъ. Одни изъ раскольниковъ, при появленіи ихъ, выразили удивленіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ смущеніемъ; другіе смотрѣли на нихъ, какъ на «антихристовъ»; иные съ готовностію являлись на бесѣды миссіонеровъ; другіе напротивъ упорно отказывались отъ посѣщенія этихъ бесѣдъ. Только православные жители зараженныхъ расколомъ мѣстностей приняли молодыхъ людей съ распростертыми объятіями. Многимъ изъ православныхъ, не смотря на доброе желаніе, недостатокъ знанія не давалъ возможности отвѣчать, какъ должно, на несправедливыя укоризны старообрядцевъ, и они по неволѣ иногда могли смущаться совѣстію. Теперь открылась возможность ближе ознакомиться имъ съ сущностію старообрядческихъ вопросовъ и чрезъ то они сдѣлались помощниками для миссіонеровъ, такъ какъ вынесенныя изъ бесѣдъ миссіонеровъ познанія они распространяли между своими знакомыми, по временамъ вели даже успѣшную полемику и тѣмъ способствовали упадку мнимаго старообрядства. Что касается самихъ раскольниковъ, то хотя миссіонерамъ и трудно было бороться съ ихъ упорствомъ, однако миссіонерская дѣятельность не осталась безъ видимыхъ слѣдовъ: во первыхъ, сократился кругъ дѣятельности расколоучителей, которые уже не стараются совращать православныхъ, а довольствуются удержаніемъ въ расколѣ своихъ приверженцевъ. За тѣмъ, многіе изъ вожаковъ раскола, потерпѣвъ пораженіе въ бесѣдахъ съ миссіонерами, лишились авторитета между своими приверженцами. Многіе, хотя еще и не оставляютъ своихъ заблужденій, но въ глубинѣ души уже сознаютъ ихъ. Одинъ расколоучитель говорилъ: «бросилъ бы я свою вѣру, да стыдно: сколько людей-то я совратилъ! Они станутъ меня укорять и глаза мнѣ колоть». Наконецъ, не мало отпадшихъ отъ православія, съ искреннимъ убѣжденіемъ и радостію, возвратились нынѣ въ лоно св. церкви; православное богослуженіе, давно ими оставленное и забытое, и теперь сно-

ва увидѣнное, произвело на нихъ благотворное дѣйствіе. У нѣкоторыхъ старообрядцевъ явилось желаніе ближе ознакомиться съ новопечатными книгами и православнымъ богослуженіемъ. Одинъ старообрядческій лжеучитель просилъ православнаго священника о дозволеніи войти въ алтарь и ближе посмотрѣть служеніе, что́ и было ему дозволено,—фактъ неслыханный, такъ какъ раскольники считали до сихъ поръ посѣщеніе православнаго храма оскверненіемъ. Довѣріе крестьянъ къ молодымъ миссіонерамъ выразилось наконецъ тѣмъ, что они стали открывать имъ нѣкоторыя завѣтныя свои тайны, напр. заговоры отъ болѣзней, гаданія и тому под. Подобные результаты дѣлаютъ величайшую честь миссіонерамъ, свидѣтельствуя сколько объ ихъ хорошей подготовкѣ и ревности къ дѣлу, столько же о замѣчательномъ тактѣ и умѣньи обходиться и бесѣдовать съ простыми людьми.

Мысль объ усиленіи средствъ для дѣйствованія на раскольниковъ въ послѣднее время нашла себѣ новое примѣненіе въ Москвѣ. Здѣсь, для содѣйствія ослабленію раскола и возсоединенію раскольниковъ съ православною церковію, образовалось новое братство — во имя св. Петра митрополита московскаго. Потребность въ учрежденіи таковаго братства и ожидаемая оттого польза, по мысли учредителей братства, едва ли гдѣ можетъ быть болѣе ощутительною, какъ въ Москвѣ. Москва, съ ея ближайшими окрестностями, сказано въ запискѣ учредителей, всегда служила и, къ сожалѣнію, доселѣ служитъ средоточіемъ раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, какъ по количеству живущихъ здѣсь раскольниковъ, такъ особенно по религіозному и матеріальному вліянію ихъ на иногородныя раскольническія общества. Отсюда сама собою очевидна потребность такого братства, которое приняло бы на себя заботу возможными для него средствами содѣйствовать ослабленію раскола въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Далѣе, Москва болѣе, чѣмъ всякій другой городъ, можетъ представить и способныхъ дѣятелей и удобныхъ средствъ для противораскольническаго братства; слѣдовательно, имѣетъ

больше залоговъ для успѣшной его дѣятельности. Здѣсь сословіе духовенства такъ многочисленно, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ въ православномъ мірѣ городовъ, и большинство духовныхъ лицъ получило высшее образованіе. Учредители не сомнѣваются, что между ними найдется не мало готовыхъ потрудиться въ столь важномъ и близкомъ для нихъ дѣлѣ, какъ обращеніе раскольниковъ къ православной церкви и предохраненіе сыновъ церкви отъ заблужденій раскола. Здѣсь существуетъ цѣлое общество присоединившихся къ православію бывшихъ прежде знаменитыхъ дѣятелей раскола: ихъ содѣйствіе можетъ быть тѣмъ полезнѣе для братства, что эти лица въ совершенствѣ знаютъ ученіе и духъ раскола, и вмѣстѣ обладаютъ умѣніемъ вести пренія съ раскольниками. Здѣсь и въ обществѣ гражданъ находится не мало людей, съ любовію и успѣхомъ упражняющихся въ изученіи раскола и въ разглагольствіяхъ съ раскольниками. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, можно найти усердныхъ благотворителей, которые не откажутся содѣйствовать обществу матеріальными средствами. Наконецъ нигдѣ не имѣется такихъ богатыхъ пособій для занимающихся изученіемъ раскола и полемикою противъ него, какъ въ московскихъ синодальныхъ, монастырскихъ, общественныхъ и частныхъ библіотекахъ.

Цѣль братства св. Петра митрополита выражена въ уставѣ его слѣдующимъ образомъ: братство учреждается съ цѣлію содѣйствовать вразумленію раскольниковъ и ослабленію раскола; изыскивать и употреблять возможные и удобные для него способы къ разъясненію истинъ православія и обличенію заблужденій раскольническихъ не только самимъ раскольникамъ, но, что не менѣе, если не болѣе важно, и живущимъ среди раскольниковъ православнымъ, дабы эти послѣдніе, достаточно уразумѣвъ православное ученіе вѣры и получивъ понятіе о заблужденіяхъ раскола, имѣли возможность и самихъ себя легко предохранить отъ обольщенія со стороны раскольническихъ наставниковъ, и при удобномъ случаѣ подать вразумленіе

лицамъ совращаемымъ или совращеннымъ въ расколъ. Къ достиженію этихъ цѣлей братство будетъ стремиться на первый разъ посредствомъ двухъ главныхъ способовъ: 1) посредствомъ составленія, печатанія и распространенія, нужныхъ для указанной цѣли книгъ, и 2) посредствомъ устной проповѣди и бесѣдъ съ раскольниками и о расколѣ.

Относительно перваго изъ этихъ двухъ способовъ предположенія устава заключаются въ слѣдующемъ: братство заботится о составленіи чрезъ посредство собственныхъ, способныхъ къ тому членовъ, или о пріобрѣтеніи отъ другихъ, не принадлежащихъ къ братству лицъ, оригинальныхъ сочиненій, необходимыхъ для его цѣли, каковы именно: а) сочиненія, кратко и ясно излагающія, на основаніи слова Божія и отеческихъ писаній, положительное ученіе вѣры, особенно въ тѣхъ частяхъ его, которыя подвергаются искаженію и перетолкованію со стороны раскольниковъ; б, историческія сочиненія о существующихъ въ Россіи раскольническихъ сектахъ, объ ихъ происхожденіи, развитіи и современномъ положеніи; в) полемическія сочиненія противъ раскола, обличающія расколъ или во всемъ его составѣ, или въ частности ученіе той или другой раскольнической секты, или наконецъ отдѣльные пункты ученія разныхъ сектъ. Братство пользуется и готовыми, уже существующими въ печати, сочиненіями всѣхъ трехъ указанныхъ родовъ, — и именно дѣлаетъ по своему усмотрѣнію извлеченія изъ старыхъ (напр. изъ отеческихъ твореній, изъ полемическихъ прежняго времени сочиненій противъ раскола и проч.) и изъ новыхъ книгъ, а равно избираетъ нѣкоторыя печатныя сочиненія для изданія и въ полномъ ихъ видѣ; извлеченіе изъ недавно изданныхъ сочиненій или новое ихъ изданіе совершаются по предварительному на то согласію авторовъ этихъ сочиненій. Вновь составленныя сочиненія и извлеченія изъ сочиненій готовыхъ разсматриваются совѣтомъ братства, или, по порученію совѣта, однимъ изъ его членовъ, и затѣмъ совѣтъ опредѣляетъ: могутъ ли эти сочиненія быть изданы въ томъ видѣ, въ какомъ представлены, или требуютъ исправленія, или совер-

шенно неудобны къ изданію. Желающіе перепечатать, въ видахъ большаго распространенія, какое-либо изъ изданій братства, могутъ это дѣлать, но не иначе, какъ испросивъ дозволеніе отъ братскаго совѣта. Братство можетъ открыть, съ надлежащаго разрѣшенія, свою типографію и производить печатаніе книгъ не только гражданскимъ, но и славянскимъ шрифтомъ, такъ какъ напечатанныя славянскимъ шрифтомъ книги читаются раскольниками съ большею охотой, нежели книги гражданской печати, а нѣкоторые изъ старообрядцевъ не только чуждаются сихъ послѣднихъ, но даже не умѣютъ и разбирать ихъ. Изданія свои братство старается распространить въ возможно большемъ количествѣ; съ этою цѣлію оно имѣетъ для продажи своихъ изданій собственную книжную лавку; назначаетъ за свои книги самыя умѣренныя цѣны, имѣя въ виду не пріобрѣтеніе матеріальныхъ выгодъ чрезъ ихъ продажу, но единственно духовную пользу читателей; лицамъ же, не имѣющимъ средствъ, раздаетъ свои изданія съ значительной уступкой въ цѣнѣ, а инымъ и совершенно безмездно.

Предположенія братства относительно втораго способа дѣйствованія противъ раскола заключаются въ слѣдующихъ мѣрахъ: братство изыскиваетъ между духовными и мірскими лицами способныхъ и готовыхъ вести бесѣды съ раскольниками и о расколѣ. По назначенію братства или по выраженному предъ братствомъ желанію, духовныя лица, состоящія членами братства, открываютъ собесѣдованіе въ назначенное время въ той церкви, гдѣ будетъ признано удобнымъ отъ епархіальнаго начальства; кромѣ того братство можетъ назначать собранія для собесѣдованій и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ церкви, съ надлежащаго разрѣшенія. Собесѣдованія въ церкви открываются послѣ литургіи, или послѣ вечерняго богослуженія, смотря по удобству времени; каждая бесѣда непремѣнно предначинается лицомъ духовнымъ, но не съ церковной каѳедры и не съ амвона, а съ нарочито приготовленнаго для сей цѣли мѣста посрединѣ церкви, или въ такъ называемой

трапезѣ, если таковая имѣется; такъ какъ эти собесѣдованія не будутъ имѣть характера въ строгомъ смыслѣ церковныхъ бесѣдъ, то могутъ принимать въ нихъ участіе, съ дозволенія предначинателя бесѣды, и свѣтскія лица изъ способныхъ къ тому членовъ братства. Для пособія занимающимся составленіемъ сочиненій противъ раскола и устной проповѣдью, братство озаботится заведеніемъ своей собственной библіотеки старопечатныхъ и прочихъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ. Братство, по мѣрѣ возможности, озаботится учрежденіемъ училищъ для дѣтей глаголемыхъ старообрядцевъ по примѣру училища, находящагося въ никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

Братство св. Петра учреждается при московской благовѣщенской церкви въ Златоустовскомъ монастырѣ. Членами его могутъ быть лица обоего пола и всѣхъ званій и состояній, принадлежащія къ православному исповѣданію. Ежегодный денежный взносъ членовъ составляетъ не менѣе 3 рублей; но лица, внесшія единовременно 200 р., освобождаются отъ ежегодной денежной платы; отъ нея освобождаются также, по желанію, и тѣ члены, которые будутъ служить братству своимъ литературнымъ, проповѣдническимъ и миссіонерскимъ трудомъ. Пожертвованія въ пользу братства принимаются во всѣхъ размѣрахъ.

Уставъ братства удостоился утвержденія высокопреосвященнаго митрополита московскаго 24 августа текущаго года, а 26 сентября, въ домѣ А. И. Хлудова, обладающаго драгоцѣннымъ собраніемъ рѣдкихъ старообрядческихъ книгъ и рукописей, состоялось предварительное собраніе нѣкоторыхъ членовъ братства. Въ собраніи этомъ происходилъ выборъ лицъ, долженствующихъ стать во главѣ братства. Председателемъ избранъ архимандритъ Веніаминъ, товарищемъ его игуменъ единовѣрческаго монастыря извѣстный о. Павелъ прусскій, секретаремъ профессоръ московской духовной академіи Н. И. Субботинъ, извѣстный въ публикѣ интересными сообщеніями о движеніяхъ, совершающихся въ наше время между раскольниками у насъ въ Россіи и въ Австріи; казначеемъ А. И. Хлудовъ. Въ члены

совѣта избраны настоятель Златоустовскаго монастыря отецъ архимандритъ Григорій, бывшій прежде инспекторомъ и профессоромъ московской семинаріи; іеромонахъ Пафнутій, извѣстный своими публичными собесѣдованіями съ раскольниками на кремлевской площади и въ Чудовѣ монастырѣ; священники І. Г. Виноградовъ и В. П. Нечаевъ, и двое ревнителей православія изъ мірянъ гг. Кононовъ и Шапошниковъ. Оффиціальное открытіе братства послѣдуетъ 21 декабря, въ день памяти св. Петра митрополита московскаго.

Изъ новѣйшихъ распоряженій правительства касательно церкви укажемъ въ этотъ разъ на постановленіе, подтверждающее права лицъ, состоящихъ въ званіи церковнаго старосты. Затрудненія въ выборѣ церковныхъ старостъ увеличиваются иногда тѣмъ обстоятельствомъ, что люди достойные привлекаются къ общественной службѣ другаго рода, иногда даже вопреки желанію ихъ, причемъ недостаточная опредѣленность относившихся къ этому узаконеній давала поводъ къ пререканіямъ и спорамъ, какъ это и было въ орловской епархіи по поводу избранія въ общественную должность состоявшаго церковнымъ старостою купца Хорева. По несогласію въ этомъ дѣлѣ между консисторіею и губернскимъ правленіемъ завязалась переписка, и дѣло дошло до Синода, сената, министерства юстиціи, наконецъ государственнаго совѣта, мнѣніе котораго удостоилось высочайшаго утвержденія. Государственный совѣтъ разрѣшилъ возникшій вопросъ согласно съ мнѣніемъ управляющаго министерствомъ юстиціи, который нашелъ, что въ этомъ дѣлѣ разрѣшенію подлежитъ прежде всего общій вопросъ о томъ: обязаны ли лица купеческаго сословія, выбранныя въ церковные старосты, нести другую общественную службу? Къ разрѣшенію этого вопроса служатъ слѣдующія соображенія. Статья 174-я устава о службѣ по выб., т. III, по которой дворяне, принявшіе на себя званіе церковнаго старосты, подлежатъ избранію дворянствомъ во всякую должность, не можетъ быть принята въ основаніе при обсужденіи вышеизложеннаго во-

проса, такъ какъ она относится только до лицъ дворянскаго происхожденія и не распространяется на лица купеческаго сословія, для коихъ должны имѣть примѣненіе правила, заключающіяся въ высочайше утвержденномъ 17 апрѣля 1808 г. докладѣ Св. Синода, не отмѣненномъ позднѣйшими узаконеніями и потому сохранившемъ силу до настоящаго времени. Равнымъ образомъ приведенный особый законъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе при обсужденіи статьи 343 и послѣдующихъ устава о службѣ по выборамъ, въ которыхъ перечислены всѣ должности, съ коими соединены права общественной службы, но о должности церковнаго старосты не упоминается. По мнѣнію управляющаго министерствомъ юстиціи, высочайшее повелѣніе 17 апрѣля 1808 г., дѣлая исключеніе для лицъ, занимающихъ должность церковнаго старосты, восполняетъ пробѣлъ, находящійся въ вышеприведенныхъ статьяхъ закона. Статьею 2-ою этого высочайшаго повелѣнія узаконено, что прохожденіе должности церковнаго старосты считается наравнѣ съ прочими службами по выборамъ, а статьею 3-ею запрещено опредѣлять церковнаго старосту въ какія бы то ни было по выборамъ должности, пока не исполнятся положенные для службы старосты 3 года. Отсюда вытекаетъ прежде всего тотъ выводъ, что лицо, состоящее въ должности церковнаго старосты, имѣетъ полное право отказаться отъ выбора въ другія общественныя должности. Кромѣ того, по смыслу вышеупомянутаго высочайшаго повелѣнія, лицамъ, занимающимъ должность церковнаго старосты, предоставлено пользованіе такими же льготами и они имѣютъ право на такія же награды, какъ и лица, служащія по выборамъ. Такимъ образомъ, законъ, признавая должность церковнаго старосты за общественную, обезпечиваетъ за лицами купеческаго сословія, ее занимающими, права, присвоенныя другимъ общественнымъ должностямъ, и въ тоже время освобождаетъ эти лица отъ обязанности нести другія общественныя должности.

А. П.

Докторскій диспутъ профессора Е. И. Ловягина.

5-го ноября въ здѣшней духовной академіи происходилъ диспутъ профессора Е. И. Ловягина, защищавшаго свою докторскую диссертацію *«Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ»*. Оппонентами были профессоръ И. В. Чельцовъ и экстраординарный профессоръ Д. А. Хвольсонъ. По отзывамъ газетъ, диспутъ былъ для публики интересенъ, но вмѣстѣ рѣзокъ и оскорбителенъ для докторанта. Рѣзкость диспута въ значительной степени могла быть вызвана, впрочемъ, и самою постановкою изслѣдованія въ защищавшемся сочиненіи. Рѣшая поднятый вопросъ согласно съ общими предположеніями и выводами отрицательной исторической школы, докторантъ зналъ и выразилъ это въ своемъ сочиненіи, что отрицательный образъ рѣшенія его стоитъ въ связи съ другими гораздо болѣе важными мнѣніями отрицательной критики, по которымъ, на оборотъ, библейскіе писатели заимствовали свое религіозное ученіе отъ другихъ современныхъ имъ народовъ и богооткровенная религія была вообще будтобы продуктомъ естественнаго развитія религіозно-нравственныхъ потребностей человѣчества, и такъ далѣе. Докторантъ самъ написалъ en toutes lettres, что *рѣшеніе его вопроса въ ту или другую сторону можетъ имѣть не малое вліяніе и на рѣшеніе всѣхъ вышеизъясненныхъ* имъ, поднятыхъ отрицательною критикою, *вопросовъ* (стр. 45—47). Между тѣмъ, принявъ въ результатѣ отрицательное рѣшеніе вопроса, доводы для такого рѣшенія онъ заимствовалъ изъ дѣйствительной исторіи, оцѣнивающей теоріи по фактамъ, а не факты по теоріямъ; потому что не хотѣлъ, да и не могъ по своему положенію, раздѣлять другихъ выводовъ новѣйшей критической школы. При такой постановкѣ сочиненія положеніе докторанта походило на положеніе врача—аллопата, или обязаннаго быть аллопатомъ, который, рекомендуя публикѣ гомеопатическій способъ леченія данной болѣзни, мотивировалъ бы его аллопатическими доказательствами,

отнюдь не отказываясь вообще отъ аллопатіи, — а вмѣстѣ, чтобы, не смотря на такой родъ доказательствъ, не показаться все-таки гомеопатомъ за свой выводъ, рискнулъ бы утверждать, что гомеопатическій способъ леченія данной болѣзни въ сущности есть аллопатическій, такъ что если прежніе знаменитые аллопаты и лечили въ данномъ случаѣ иначе, то дѣлали это по несообразительности съ началами своей науки и, главнымъ образомъ, по довѣрію къ прежней практикѣ народныхъ шарлатановъ. «Я защищаю древнихъ апологетовъ», говорилъ докторантъ, «и всю вину ихъ ошибки приписываю излишнему ихъ довѣрію къ александрійскимъ евреямъ». Диспутъ долженъ былъ выдти и рѣзкимъ, и оживленнымъ. Одинъ изъ оппонентовъ (продолжимъ сравненіе) выступилъ въ роли аллопата и укорялъ докторанта за сокращеніе аллопатическихъ доводовъ и насильственное приноровленіе ихъ къ гомеопатическому выводу, отвергая рѣшительно самый результатъ изслѣдованія, какъ гомеопатическій и не соотвѣтствующій дѣйствительному разуму историческихъ фактовъ, или доказательствъ. Другой, — разумѣется, также аллопатъ, — выступилъ въ роли гомеопата и похвалилъ результатъ изслѣдонія, какъ гомеопатически — вѣрный и самъ собою разумѣющійся, но напалъ на его доводы, или доказательства, и объявилъ ихъ старымъ аллопатическимъ хламомъ, никуда не годнымъ и ни на что не нужнымъ. Говорятъ, что первый былъ тягучъ и придирчивъ, какъ нѣмецъ, а второй быстръ и рѣшителенъ, какъ французская кавалерія. Самъ же докторантъ, безспорно, придерживался русской тактики отсиживанья въ крѣпостяхъ и политическаго выжиданія времени. Ученые маневры кончились, разумѣется, благополучно, и убитыхъ на мѣстѣ не оказалось: но нападеніе на докторанта казалось публикѣ такъ серьезнымъ и *язвительнымъ*, что вмѣсто того, чтобы пополнить собою ряды оппозиціи, она, противъ обыкновенія, наоборотъ, не разъ пыталась защищать самого докторанта. Иные выражали даже желаніе, чтобы нападающіе лучше ужъ воевали бы другъ съ другомъ, чѣмъ съ своимъ общимъ противникомъ,

который держалъ себя такъ деликатно и вѣжливо, что заслужилъ всеобщее сочувствіе, и который могъ бы даже, будтобы, явиться ихъ примирителемъ.

Мораль диспута можно выразить коротко: кто хочетъ угодить и нашимъ и вашимъ, тотъ рискуетъ не угодить никому. Иначе: кто хочетъ примирить огонь и воду, тотъ долженъ, по меньшей мѣрѣ, обладать искусствомъ извлекать изъ нихъ движущій паръ, или свѣтоносный газъ,—въ противномъ случаѣ рискуетъ произвесть.... оживленный диспутъ.

Намъ достовѣрно извѣстно, что только скарлатина помѣшала оппонентамъ раздѣлить вмѣстѣ съ докторантомъ дружескій праздникъ по случаю одержанной имъ побѣды. Полученіе докторской степени ничего болѣе не доставляетъ Е. И. Ловягину, какъ только возможность еще десять лѣтъ занимать въ с.-петербургской духовной академіи каѳедру греческой словесности, которую онъ занимаетъ теперь и занималъ большую часть времени своей двадцатипятилѣтней службы.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Иностранное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 11. С. 538-574.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вѣсти съ Востока.—Торжество константинопольскихъ грековъ по случаю константинопольскаго собора.—Финансовое положеніе греческаго духовенства.—Отношеніе къ вопросу о константинопольскомъ соборѣ аѳинской церкви, антіохійскаго патріархата и іерусалимской церкви.—Сужденія о томъ же вопросѣ умѣренной части эллинскаго народа.—Вліяніе собора на положеніе дѣлъ болгарскаго экзархата.

Константинопольскіе греки поспѣшили, говоритъ корреспондентъ «Journal de St. Petersbourg», отпраздновать свое мнимое торжество надъ болгарами и панславизмомъ. Въ воскресенье 24 сентября, послѣ торжественнаго патріаршаго служенія, одинъ изъ свѣтскихъ произнесъ — въ присутствіи іерарховъ и вслухъ всего народа—рѣчь, въ которой старался доказать, что константинопольскій соборъ блистательно защитилъ дѣло эллинизма, прервавъ сношенія съ болгарами и обезпечивъ, такимъ образомъ, существованіе и развитіе эллинскаго элемента въ Турціи. Такимъ образомъ ораторъ вслухъ самихъ іерарховъ, не стѣсняясь, прямо высказалъ тѣ національныя тенденціи, которыя греческое духовенство строго осудило въ болгарахъ и которыя соборъ провозгласилъ противными духу православія и евангелія. Эта рѣчь встрѣчена была рукоплесканіями и криками: «да здравствуетъ султанъ! да здравствуетъ соборъ и преосвященный Ликургъ!» Корреспондентъ увѣряетъ, что преосвященный Ликургъ намѣревался ѣхать на Аѳонъ, чтобы и тамъ и здѣсь подстрекать греческое духовенство противъ русскаго монашества.

Но можно сказать, что, при всѣхъ этихъ безпорядоч-

ныхъ проявленіяхъ суемудрія и греческаго хвастовства, положеніе константинопольскаго духовенства — самое непрочное. Не говоря о внутреннихъ разногласіяхъ по отношенію къ самому расколу (извѣстно, что многіе писали вопреки своимъ убѣжденіямъ, по принужденію отвнѣ), финансовое положеніе патріархата—самое безотрадное. Убытокъ, понесенный патріархіею вслѣдствіе отдѣленія болгаръ, простирается до 20,000 ф. стерлинговъ ежегодно и предстоятели не знаютъ, чѣмъ восполнить эту чувствительную потерю. Правда, аѳинскіе греки доставили ей значительную денежную сумму — въ видѣ пособія, но она не можетъ покрыть даже тѣхъ расходовъ, которые употребила на то, чтобы достичь раскола.... Патріархія 1 октября созвала народное собраніе для обсужденія вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта греческихъ іерарховъ въ такъ называемыхъ смѣшанныхъ епархіяхъ. На послѣднемъ засѣданіи рѣшено, между прочимъ, обратиться (съ просьбою о помощи) ко всему православному народу. Извѣстный богачъ Зарифи обязался ежегодно жертвовать 400 лиръ, а Стефановичъ—200 лиръ. Рѣшено также, чтобы деркосскій митрополитъ, вмѣстѣ съ докторомъ Вассіади, производилъ сборъ въ Египтѣ, а преосвященный варнскій, вмѣстѣ съ Вутера и Каллıади—въ Дунайскихъ княжествахъ. Греки надѣются, что Египетъ и Дунайскія княжества доставятъ имъ такія пособія, которыя бы дали имъ возможность не только поддержать свое духовенство такъ называемыхъ смѣшанныхъ епархій, но и—открывать греческія школы.

Кромѣ того, достойно замѣчанія слѣдующее обстоятельство: патріархъ просилъ Высокую Порту во первыхъ—дать новый костюмъ болгарскому доховенству, чтобы не смѣшивать его съ православнымъ; во вторыхъ, замѣнить нынѣшній фирманъ объ учрежденіи отдѣльнаго церковнаго управленія для болгаръ другимъ фирманомъ, такъ какъ въ прежнемъ они признаны православными. Измѣненіе въ костюмѣ касается, впрочемъ, одной камилавки, форма которой, представленная патріархомъ на утвержденіе Высокой Порты, отличается отъ греческой тѣмъ, что она нѣсколько

выше и верхъ ея шести-угольный. Бывшій визирь Митхадъ-паша обѣщалъ патріарху исполнить эту (какъ и многія другія) просьбу, но какъ отнесется къ этой просьбѣ, а равно и ко всему болгарскому вопросу, теперешній верховный визирь, — неизвѣстно. Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» увѣряетъ, что болгары, судя по замѣчаемому въ нихъ расположенію умовъ, какъ не согласятся принять на себя другаго названія, кромѣ названія православныхъ, такъ не захотятъ принять никакой перемѣны и въ одеждѣ своего духовенства. Болгары разсуждаютъ такъ, что рѣшеніе составленнаго противъ нихъ собора не имѣетъ, по законамъ церкви, никакой силы и не будетъ одобрено всѣми отдѣльными церквами. Не будучи осуждены всею церковію, они будутъ и должны называться православными; если же, во всякомъ случаѣ, греческому духовенству желательно отличаться отъ болгарскаго, то ему, а не болгарскому, слѣдуетъ перемѣнить одежду. Что же касается новаго фирмана, котораго патріархія требуетъ отъ Порты, то болгары утверждаютъ, что въ немъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ они довольны уже существующимъ касательно этого вопроса фирманомъ.

Расколъ встрѣченъ съ особеннымъ восторгомъ главнымъ образомъ въ Аѳинахъ, какъ и слѣдовало ожидать. Мѣстныя газеты извѣщаютъ, что опредѣленіе константинопольскаго собора напечатано въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, для раздачи по всѣмъ церквамъ греческаго королевства. 15 октября оно было прочитано во всѣхъ аѳинскихъ церквахъ, а въ соборѣ аѳинскомъ — оберъ-секретарь синода греческаго королевства, архимандритъ Аверкій, по прочтеніи его, произнесъ слово на текстъ: *отъ насъ изыдоша, но не бяша отъ насъ* (1 Іоан. II, 19).

Аѳинскихъ борзописцевъ занимаетъ въ настоящее время вопросъ: что, если русскій синодъ выскажется не въ пользу патріархіи? Слѣдуетъ-ли тогда составить новое опредѣленіе, провозглашающее русскихъ схизматиками, или нужно признать ихъ таковыми въ силу того, что опредѣленіе костантинопольскаго собора признаетъ раскольниками и

всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ болгарамъ? Вопросъ этотъ, говоритъ корреспондентъ издающейся въ Тріестѣ греческой газеты «Κλειώ», настоятельно необходимо рѣшить. Въ русскую церковь въ Аѳинахъ ходитъ много грековъ, которые не только молятся, но и причащаются въ ней. Такой порядокъ не можетъ дольше продолжаться, если русская церковь не признаетъ опредѣленій константинопольскаго собора. Газета «Οἱ Καιροί» утверждаетъ, что великая церковь, рано или поздно, должна объявить русскую церковь состоящею въ расколѣ. Бѣдные борзописцы! Не даромъ говоритъ греческая пословица: «утопающій хватается за свои волоса» (ὁ πνιγόμενος πιάνεται ἀπὸ τὰ μαλλιά του).

Совсѣмъ не такъ приняли извѣстіе о расколѣ въ антіохійскомъ патріархатѣ. Читателямъ извѣстно, что іерархи антіохійской церкви еще ранѣе заявили своему патріарху, что они противъ раскола и что весь православный сирійскій народъ во всемъ былъ на сторонѣ болгаръ. По извѣстіямъ нашего корреспондента, многія лица высшаго круга въ Сиріи намѣрены были объявить антіохійскому патріарху, что они болѣе не признаютъ его своимъ, такъ какъ онъ поступилъ вопреки желанію своего духовенства и народа. Но болѣе умѣренные изъ тамошнихъ православныхъ признали за лучшее не дозволять чтеніе опредѣленія константинопольскаго собора въ церквахъ антіохійскаго патріархата и такимъ образомъ совершенно игнорировать его.

За то въ Іерусалимѣ разыгралась борьба между братіей монастыря св. Гроба и высшимъ духовенствомъ исключительно греческаго происхожденія — съ одной стороны и между народомъ и патріархомъ—съ другой. Высшее духовенство съ братіею св. Гроба, узнавъ о противодѣйствіи своего патріарха осуществленію раскола, собралось 20-го сентября и составило актъ, которымъ церковь іерусалимская безусловно осуждаетъ филетизмъ, и всѣ дѣйствія, идущія въ разрѣзъ съ опредѣленіемъ константинопольскаго собора, считаетъ противозаконными и антиканоническими. Объ этомъ актѣ оно извѣстило телеграммою и константинопольскій патріархатъ. Въ это время блаженнѣйшій Ки-

риллъ, патріархъ іерусалимскій, находился на пути изъ Константинополя въ Іерусалимъ. Іерусалимскіе іерархи и отцы св. Гроба рѣшили не иначе принять его въ качествѣ своего законнаго патріарха, какъ послѣ подписанія имъ составленнаго ими акта. 22-го числа, когда ожидали патріарха въ Яффѣ, посланы были туда два архіерея св. Гроба, сопровождаемые оберъ-секретаремъ св. Гроба, первымъ драгоманомъ и ректоромъ іерусалимскаго богословскаго училища—съ требованіемъ отъ патріарха подписать актъ, такъ какъ подъ такимъ только условіемъ онъ можетъ быть принятъ въ Іерусалимѣ. Но эта жалкая манифестація рѣшительно не удалась: патріархъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе депутаціи, а народъ яффскій принялъ его съ подобающимъ его сану уваженіемъ. Но пораженіе братіи св. Гроба и греческаго духовенства было еще ощутительнѣе, когда 24 числа святитель прибылъ въ Іерусалимъ. Православный кварталъ былъ иллюминованъ, а народъ среди ночи встрѣтилъ его за городомъ съ громкими криками: „да здравствуетъ Кириллъ II!“ — Корреспондентъ извѣстной своимъ фанатизмомъ газеты „Νεολόγος“ съ досадою замѣчаетъ, что этотъ торжественный пріемъ былъ не болѣе, какъ новая панславистическая затѣя,—и эту нелѣпую мысль подтверждаетъ тѣмъ, что въ числѣ встрѣчавшихъ патріарха были и русскіе поклонники, а равно и тѣмъ, что нашъ консулъ въ Іерусалимѣ отнесся къ патріарху съ тою предупредительностію, съ какою вообще наши агенты на востокѣ относятся ко всѣмъ высшимъ православнымъ іерархамъ. Въ виду несочувствія іерусалимскаго народа затѣямъ представителей высшаго духовенства и братіи св. Гроба, послѣдніе стали разыгрывать роль страдальцевъ. Иностранная интрига, говоритъ корреспондентъ Νεολόγος'а, пустила въ ходъ молву, что братія и епископы хотѣли свергнуть своего патріарха и этимъ раздражили народъ, тогда какъ они искренно любятъ своего патріарха, какъ отца, желая только, чтобы онъ не шелъ наперекоръ имъ (тогда какъ на пароходѣ въ Яффѣ объявляли, что если патріархъ не подпишетъ акта, то они от-

казываются отъ него!). Этого мало. Они просили покровительства вселенскаго патріарха, и святѣйшій Анѳимъ, какъ говоритъ газета Κωνσταντινούπολις, обратился къ Высокой Портѣ съ просьбою — принять надлежащія мѣры противъ тѣхъ насилій, къ которымъ блаженнѣйшій патріархъ Кириллъ прибѣгаетъ для привлеченія на свою сторону народа и духовенства іерусалимскаго. Но верховный визирь Митхадъ-паша, какъ извѣстно, смѣненъ, а какъ отнесется новый визирь къ этой просьбѣ патріарха, опять трудно сказать.

Что же касается церквей сербской и румынской, то доселѣ неизвѣстно, какъ онѣ приняли опредѣленіе константинопольскаго собора о расколѣ. Впрочемъ едва ли можно сомнѣваться, что и та и другая поступятъ совершенно такъ же, какъ поступила церковь антіохійская—за исключеніемъ своего патріарха.

Такимъ образомъ одни греки высказались одобрительно и сочувственно о расколѣ. Но одни ли только греки такъ ревниво охраняютъ чистоту православія? Не служитъ ли это обстоятельство яснымъ доказательствомъ того, что именно греки «вводятъ изъ мірской жизни въ церковь какое-то новое начало филетизма»? Не одни ли они водятся тѣми племенными тенденціями, которыя константинопольскій соборъ осудилъ? Не они ли хотятъ сдѣлать православіе послушнымъ орудіемъ своихъ національныхъ интересовъ?.. Впрочемъ, говоря это, мы вовсе не утверждаемъ, что вся греческая іерархія и всѣ греки водятся такими принципами. Мы неоднократно замѣчали, что благоразумнѣйшіе и добросовѣстнѣйшіе изъ грековъ не только не одобряютъ, но положительно осуждаютъ поведеніе своихъ рьяныхъ соплеменниковъ. Намъ извѣстно, что многіе даже изъ константинопольскихъ іерарховъ участвовали въ константинопольскомъ соборѣ, вопреки своимъ убѣжденіямъ, уступая лишь внѣшнему давленію. Въ этомъ открыто даже сознались преосвященные Іоанникій, митрополитъ никейскій, и Агаѳангелъ, митрополитъ ефесскій, когда отъ имени константинопольскаго патріарха они представились Его Импе-

раторскому Высочеству великому князю Николаю Николаевичу въ Константинополѣ. Греческія газеты не скрыли этого факта; онѣ сами передаютъ, что на вопросъ великаго князя—прилично ли христіанамъ предавать анаѳемѣ своихъ братьевъ—христіанъ, два вышеназванныхъ іерарха, послѣ продолжительной бесѣды сознались въ томъ, что поступили дурно, но замѣтили, что они лично сдѣлали это противъ воли, уступая насилію. Правда, тѣ же газеты высказали сомнѣніе въ дѣйствительности этого факта и въ то же время надежду, что великій протосинкеллъ патріархіи оффиціально опровергнетъ это. Но этого опроверженія со стороны протосинкелла мы еще не встрѣчали на столбцахъ ни одной греческой газеты. Да еслибы оно и послѣдовало, трудно повѣрить, чтобы оно дѣйствительно возстановило истину.

Еще до открытія собора нѣкоторыя изъ греческихъ газетъ, какъ, напримѣръ, константинопольская «Βυζαντίς» и аѳинскія Αἰών и Μελλον, совѣтовали константинопольскому патріархату и греческой іерархіи уступчивость и умѣренность и осуждали всѣ тѣ демонстраціи, которыя производились въ то время въ Константинополѣ, не безъ участія лицъ весьма вліятельныхъ даже изъ среды самаго духовенства. Такъ газета Αἰών замѣчала, что пагубное вмѣшательство толпы въ дѣла церкви въ средневѣковомъ Византійскомъ государствѣ должно бы служить назидательнымъ урокомъ для современныхъ іерарховъ. Газета Μέλλον неодповратно твердила, что, если судить Болгаръ за ихъ стремленіе къ церковной независимости отъ константинопольскаго патріархата, то слѣдуетъ осудить прежде самихъ грековъ греческаго королевства, которые давно сдѣлали то, чего только недавно достигли болгары.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ два письма, помѣщенныя въ 588 № газеты Κλειώ въ тотъ самый день, когда константинопольскіе патріархи подписали расколъ,—16 сентября. Считаемъ не лишнимъ привесть нѣкоторые отрывки изъ этихъ замѣчательныхъ писемъ: въ нихъ раскрыты всѣ тайныя пружины провозглашенія схизмы. «Если

бы эллинская и константинопольская печать—говорится въ одномъ письмѣ — знала хорошо сущность болгарскаго вопроса и истинные интересы эллинизма; еслибы она путемъ здравыхъ разсужденій своевременно раскрыла глаза власть имущимъ и должнымъ образомъ направила общественное мнѣніе: то самый вопросъ не запутался бы въ такой степени, какъ теперь, когда онъ сталъ гордіевымъ узломъ, который имѣетъ разсѣчь схизма между эллинами и всѣми славянами, къ которымъ, по всей вѣроятности, присоединятся и всѣ прочія православныя народности. Вотъ къ чему привела мнимоэллинская печать. Эти самозванные патріоты считаютъ расколъ для эллинизма чѣмъ-то весьма полезнымъ, потому что имъ, какъ они думаютъ, обезпечивается эллинизмъ отъ панславистскаго потока, ограждаясь дружескимъ союзомъ всей Европы, которая въ продолженіе стольких вѣковъ злоумышляла противъ грековъ лишь вслѣдствіе ихъ религіознаго единства съ русскими. Вотъ настоящая, истинная причина раскола, а вовсе не беззаконіе болгарскихъ архіереевъ и не ересь ѳенофилетизма, какъ назвали ее ищущіе раскола со свѣчкой въ рукахъ; потому что проступокъ болгарскихъ архіереевъ, т. е. совершеніе ими литургіи и хиротоніи безъ патріаршаго разрѣшенія, вовсе не есть неизвинительный грѣхъ, такъ какъ эти іерархи предварительно просили разрѣшенія у патріарха и притомъ просили убѣдительно, ссылаясь на необходимость, въ виду настойчивости народа. Будучи не въ состояніи противодѣйствовать народному требованію, они и приступили къ священнодѣйствію, не смотря на то, что испрашиваемое разрѣшеніе не было имъ дано, — не было дано если не по упорству, то по недостатку благоразумія. Что истинная причина раскола вовсе не заключается въ проступкахъ болгарскихъ архіереевъ, это ясно видно изъ того, что они готовы были просить прощенія за вольное или невольное нарушеніе каноновъ, лишь бы только данъ былъ какой либо проектъ рѣшенія, болѣе или менѣе удовлетворяющій желаніямъ болгаръ. Что же касается ереси филетизма, то это—плодъ фантазіи и пустаго хвастовства нѣ-

которыхъ полуобразованныхъ богослововъ, которые основываются на изреченіи апостола: *нѣсть эллинъ, ни іудей*. Но что значитъ это изреченіе? По какому обстоятельству оно сказано и къ чему оно примѣняется? Пусть объ этомъ скажутъ намъ тѣ два знаменитыхъ аѳинскихъ богослова, которые, какъ самозванные помощники, прибыли въ Константинополь, чтобы усилить еще болѣе смятеніе, подливая масло въ огонь ([1]). Но филетизмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣютъ изобрѣтшіе его, вовсе не примѣнимъ къ болгарамъ, потому что они не требовали, чтобы всѣ болгары безъ исключенія, гдѣ бы они ни находились, составляли собою экзархатъ болгарскій: они требовали только экзархата, который состоялъ бы изъ болгарскихъ епархій и имѣлъ бы извѣстныя границы. Они никогда не заявляли желанія основать церковь племенную, которая не принимала бы къ себѣ ни одного клирика и ни одного мірянина иноплеменнаго.... Требованіе болгаръ, состоящее въ учрежденіи полунезависимой церкви, заключающей въ себѣ наибольшее число болгарскихъ епархій, никогда не считалось патріархіею за филетизмъ — до самаго послѣдняго времени. Напротивъ, это требованіе было принято ею въ принципѣ, и изданы были оффиціальные проекты, частію при предшествующемъ патріархѣ, частію при нынѣшнемъ. Эти проекты не рѣшили вопроса не вслѣдствіе мнимой ереси филетизма, но потому, что составлены были односторонне, безъ участія болгаръ и гражданской власти *въ опредѣленіи границъ экзархата*, что доселѣ составляетъ главный пунктъ въ разрѣшеніи болгарскаго вопроса. Скажемъ правду и похвалимъ то, что достойно похвалы: патріархія, какъ при Григоріѣ, такъ и при нынѣшнемъ Анѳимѣ, выказала готовность удовлетворить желанію болгаръ; но, къ сожалѣнію, миролюбивое, правдивое и истинно-христіанское расположеніе обоихъ патріарховъ не было оцѣнено страждующею отъ руссофобіи печатью, которая дѣйствія патріарховъ стала счи-

---

([1]) Разумѣются Александръ Ликургъ, архіепископъ о. Сиры, и архимандритъ Калогера, профессоръ аѳинскаго университета.

тать панѣнническими, чтобы возбудить чернь. Вотъ почему они, подъ вліяніемъ страха предъ систематически преслѣдовавшею ихъ печатью, отказались быть послѣдовательными: первый сдѣлалъ предложеніе, которое не могло быть осуществимо, т. е. предложилъ созваніе вселенскаго собора, совершенно не нужнаго въ данномъ вопросѣ, и, потерпѣвъ неудачу, подъ благовиднымъ предлогомъ отказался отъ патріархіи. Второй, т. е. патріархъ Анеимъ, былъ еще уступчивѣе; но вопли газетъ и злоумышленія противъ него многихъ, при угрозахъ лишенія престола, заставили его перемѣнить тонъ, и онъ предалъ себя врагамъ панславизма и поборникамъ эллинизма (хотя весьма сомнѣваюсь, предалъ ли онъ въ то же время и свое христіанское сердце и евангельскій духъ), такъ что по необходимости онъ уже готовъ, на сотомъ году своей жизни, направить анаѳему, повидимому, противъ болгарскихъ архіереевъ и ихъ сообщниковъ, на самомъ же дѣлѣ, противъ всѣхъ славянъ, какъ будтобы непримиримыхъ враговъ эллинизма. Вотъ такимъ-то образомъ и осуществилась греческая мечта: съ одной стороны великая пропасть открылась между нами и славянами, которые никогда не будутъ въ состояніи перескочить ея, чтобы завоевать насъ и ославянить; съ другой протестанты — по преимуществу англичане, — убѣдившись уже въ нашей ненависти къ славянству, будутъ нашими союзниками и покровителями, а впослѣдствіи, благодаря старанію и дѣятельности нѣкоего мудраго іерарха ([1]), присоединятся къ намъ по вѣрѣ (*если только мы раньше не присоединимся къ нимъ*) и будутъ нашими единовѣрными, вмѣсто отринутыхъ славянъ! Таковъ образъ мыслей и таковы дѣйствія большей части органовъ печати, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Аѳинахъ, не исключая даже газеты «Эхо православія» ([2]), и проч....

«Audiatur et altera pars»! Этими словами начинается второе письмо въ Кліо. «Въ такое время, когда зло преумножилось и когда обоюдное въ болгарскомъ вопросѣ

([1]) Разумѣется преосвящ. Александръ, архіепископъ Сиры.

([2]) Оффиціальный органъ аѳинской митрополіи.

пристрастіе останавливаетъ и замедляетъ прогрессъ несчастныхъ христіанскихъ народовъ, живущихъ въ Турціи, посѣявая сѣмя долговременныхъ племенныхъ раздоровъ на востокѣ, открыто высказываемое мнѣніе должно дѣйствовать на мысли заправляющихъ дѣлами великой церкви. Нѣтъ ничего печальнѣе, какъ видѣть, что сосѣднія и смѣшанныя между собою племена, въ продолженіе многихъ вѣковъ жившія во взаимномъ мирѣ, подвергавшіяся однимъ и тѣмъ же бѣдствіямъ и имѣвшія одно и тоже назначеніе, тратятъ свои драгоцѣнныя силы не на безмятежное гражданское развитіе и не на взаимную нравственную поддержку, а на противные раздоры, которыми могутъ пользоваться только ихъ враги, и на вѣки готовы отдѣлиться другъ отъ друга церковною анаѳемой. Нѣтъ ничего жалостнѣе, какъ видѣть, что неистовая чернь вездѣ поднимаетъ голову, хватаетъ и таскаетъ по улицамъ священнѣйшіе національные интересы и желаетъ произвольно рѣшать многосложные и запутанные вопросы, которые могутъ рѣшить лишь умѣренность, благоразуміе и евангельская любовь. Нѣтъ ничего соблазнительнѣе, какъ видѣть на улицахъ праздношатающуюся толпу, которая всякаго рода неприличными манифестаціями хочетъ навязать свое безсмысленное мнѣніе почтеннымъ іерархамъ, собирающимся на соборъ и долженствующимъ высказать свое мнѣніе подъ наитіемъ Св. Духа! Нѣтъ ничего противнѣе, какъ узнать, что святая и непорочная Христова церковь до того унижена, что, сдѣлавшись орудіемъ въ рукахъ немногочисленныхъ честолюбцевъ и сребролюбцевъ, она создаетъ неслыханные противоевангельскіе догматы и анаѳематствуетъ несуществующія ереси, какъ будто и новому Риму суждено во всѣхъ отношеніяхъ уподобиться старому! Нѣтъ наконецъ ничего неразумнѣе и смѣшнѣе, какъ воображать, что, съ провозглашеніемъ анаѳемы, смежныя и сосѣднія съ нами племена будутъ побѣждены, западная дипломатія перемѣнитъ свой взглядъ на насъ, а православіе и эллинизмъ восторжествуютъ, когда мы будемъ имѣть друзьями отдаленнѣйшіе отъ Эллады народы, кото-

рые, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни своей, менѣе всего думаютъ о религіи! Тѣ, которые слѣдили за болгарскою распрею, знаютъ, что все кончилось бы мирно, если бы правильно былъ рѣшенъ вопросъ чисто-топографическій, не имѣющій ничего общаго ни съ догматами, ни съ соборными правилами; мы разумѣемъ—вопросъ о смѣшанныхъ общинахъ. Такъ какъ болгары несправедливо желаютъ господствовать надъ этими общинами, то мы кричимъ, что православіе находится въ опасности! Однако православіе и церковь тутъ ни при чемъ; тутъ страдаютъ только интересы эллинскаго племени. Но и въ этомъ виноваты мы, давъ просторъ своимъ врагамъ и нимало не постаравшись доказать, съ помощію амвона и школъ, что тѣ страны—номинально греческія—суть и на самомъ дѣлѣ греческія. Теперь же въ своемъ безсиліи мы, обыкновенно осуждающіе папу, подражаемъ ему: какъ тотъ съ 1859 г., когда начали отнимать у него епархіи, сталъ стремиться къ провозглашенію догмата о непогрѣшимости и къ отлученію не только Италіи, но и правительствъ и народовъ, не принимающихся за оружіе для возстановленія его свѣтской власти: такъ и мы измышляемъ эенофилетизмъ и готовы анаеематствовать не только болгаръ, но и тѣхъ, кто раздѣляетъ ихъ убѣжденія. На чемъ же мы основываемся? На безсмысленномъ толкованіи и нелѣпомъ примѣненіи апостольскаго изреченія. Но еслибы апостолъ Павелъ, проповѣдникъ братолюбія, сошелъ вновь на землю, то онъ первый отвратился бы отъ подобныхъ поборниковъ православія. Но «православіе и эллинизмъ неразрывны», говорятъ въ Константинополѣ. Мы признаемъ, что эллины развили православіе чрезъ соборы и свои сочиненія и своею кровію утвердили его; но мы никоимъ образомъ не раздѣляемъ такого эластическаго пониманія эллинизма, по которому вселенское православіе смѣшивается съ интересами совершенно свѣтскими и простой интересъ представляется правомъ. Мы думаемъ, что правильно понятые православіе и эллинизмъ вполнѣ согласуются съ равенствомъ, свободою и самоуправленіемъ въ церковныхъ дѣ-

лахъ восточныхъ народовъ: довольно, если они останутся членами единаго во Христѣ семейства, во главѣ котораго стоитъ великая константинопольская церковь. И прежде, чѣмъ мѣстный соборъ подпишетъ такое осужденіе не столько противъ болгаръ, сколько противъ самого себя, пусть три, пусть четыре раза онъ подумаетъ, чтобы послѣднее заблужденіе не было горше перваго, чтобы не произошло непоправимыхъ бѣдствій изъ того, къ чему принуждаютъ соборъ враги отечества и церкви, принимающіе личину православія и любви къ отечеству... Схизма и анаѳема, какъ говорили и прежде другіе, приведутъ къ результатамъ совершенно противнымъ тѣмъ, какихъ ожидаютъ въ Константинополѣ; онѣ удалятъ отъ насъ болгаръ, боснійцевъ, герцеговинцевъ, сербовъ, румыновъ; поставятъ насъ въ средѣ сосѣдей враждебныхъ и вовсе не вознаградятъ насъ дружбою и покровительствомъ отдаленныхъ отъ насъ европейцевъ. Даже, еслибы эта дружба и это покровительство были возможны, и въ такомъ случаѣ мы должны были бы предпочесть любовь и содѣйствіе друга—сосѣда его враждѣ» и проч.

Эти письма произвели въ Константинополѣ такое сильное негодованіе между эллинскими патріотами, что тѣ собираются, по словамъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», въ отместку газетѣ, напечатавшей ихъ, впередъ на нее не подписываться.

И послѣ собора многіе изъ грековъ отозвались въ самыхъ нелестныхъ выраженіяхъ не только о дѣйствіяхъ собора, но и о большинствѣ лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Сюда относится корреспонденція, написанная изъ Константинополя въ аѳинскую газету Μέριμνα (№ 1127), которой мы не приводимъ на страницахъ «Христіанскаго Чтенія» изъ уваженія къ личности отцовъ собора. Итакъ было бы крайне ошибочно думать, что всѣ греки въ самомъ дѣлѣ раздѣляютъ пристрастныя сужденія тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ въ Константинополѣ, Аѳинахъ и Іерусалимѣ, которые сильно заинтересованы въ данномъ вопросѣ. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ

такъ же осуждаютъ ихъ дѣйствія, какъ осуждаетъ и всякій безпристрастный человѣкъ. Нужно только удивляться той неслыханной дерзости и той чрезмѣрной назойливости, съ которою ультраэллины обращаются ко всякому, кто не раздѣляетъ ихъ образа мыслей по этому вопросу. Когда аѳинскіе патріоты откомандировали въ Константинополь сирскаго архіепископа для своихъ, извѣстныхъ уже, цѣлей; тогда и нѣкоторые изъ умѣренныхъ грековъ изъ Эллады прибыли въ Константинополь въ надеждѣ дать дѣлу болѣе мирный оборотъ. Съ этою цѣлію между прочимъ прибылъ въ Константинополь и извѣстный ученый Софоклъ Икономосъ, сынъ знаменитаго Константина Икономоса. Какихъ оскорбленій не было направлено противъ этого почтеннаго мужа! Аѳинская газета Οἱ Καιροί напечатала противъ него такую рѣзкую и неприличную статью, какую можно встрѣтить только на столбцахъ аѳинскихъ газетъ. Къ числу его многочисленныхъ—тяжкихъ преступленій газета относитъ и то, что онъ, будучи эллиномъ по происхожденію и живя всегда въ эллинскомъ королевствѣ, тѣмъ не менѣе состоитъ въ русскомъ подданствѣ. Другая газета Ἐφημερὶς τῶν συζητήσεως, перепечатывая этотъ памфлетъ, заключаетъ его слѣдующимъ приговоромъ: «если все сказанное—правда, то Софоклъ Икономосъ заслуживаетъ ни больше—ни меньше, какъ висѣлицы». Такъ греческія газеты трактуютъ лица, наиболѣе выдающіяся какъ своимъ умомъ и познаніями, такъ и добросовѣстностію.

Что касается болгаръ, то, если вѣрить газетѣ Courrier d'Orient, неумѣренные изъ нихъ встрѣтили расколъ съ такою же радостію, какъ и греки. Въ ихъ собраніяхъ произносились между прочимъ рѣчи, напримѣръ, о томъ, какія выгоды болгарская церковь должна извлечь изъ своего отдѣленія отъ греческой.

Болгарскій экзархъ, на провозглашеніе греками схизмы, отвѣтилъ новыми хиротоніями епископовъ. Впрочемъ провозглашеніе раскола, кажется, не останется безслѣднымъ для болгаръ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Греческія газеты увѣряютъ, будтобы жители нишской епархіи,

которая по фирману должна принадлежать экзархату, подали заявленіе великой церкви, что они остаются вѣрными ей и не желаютъ присоединяться къ экзархату. Такія же заявленія, по увѣренію греческихъ газетъ, поступили и отъ двухъ другихъ болгарскихъ мѣстностей.

Среди этой печальной борьбы грековъ съ болгарами одно представляется намъ отраднымъ съ обѣихъ сторонъ,— это именно—стараніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ учреждать братства и разныя благотворительныя общества и открывать школы для народнаго образованія. Такъ у болгаръ учреждены, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Македоніи, благотворительныя общества и братства, цѣль которыхъ — способствовать распространенію образованія въ народѣ и въ особенности въ средѣ духовенства, въ параллель таковымъ же обществамъ и братствамъ у грековъ. Нельзя не пожелать, чтобы, вмѣсто того, чтобы анаѳематствовать болгаръ, греки соединились съ ними на этомъ благородномъ и мирномъ поприщѣ.

P. S. Мы получили передовую статью оффиціальнаго органа аѳинской митрополіи, газеты «Эхо православія», напечатанную по поводу обнародованія въ Аѳинахъ опредѣленія недавняго константинопольскаго собора, а также — «слово привѣтственное схизмѣ» архимандрита Аверкія, произнесенное 15 октября съ каѳедры митрополичьяго каѳедральнаго собора, составляющее перифразъ вышеупомянутой газетной статьи: но содержаніе ихъ до того безобразно и нелѣпо, что, по желанію поддержать въ нашихъ читателяхъ довѣріе къ здравому смыслу эллинскаго народа и любовь къ нашимъ греческимъ единовѣрцамъ, равно какъ по чувству должнаго уваженія къ авторитету аѳинской митрополіи, мы находимъ ихъ не удобными для печати.

Извѣстія съ Запада. — Отзывъ мюнхенской старокатолической газеты «Deutscher Merkur» о петербургскомъ отдѣлѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія и о его программѣ. — Письмо преосвящ. Александра Ликурга къ профессору Губеру по поводу приглашенія на кельнскій конгрессъ. — Гіацинтъ и Алоизій Антонъ; раціонализмъ Антона и отступленіе его отъ началъ православія. — Судебный процессъ Антона; отреченіе его отъ священства. — Непоколебимость вѣнской общины старокатоликовъ въ началахъ старокатоличества.

Въ 38 № мюнхенской старокатолической газеты «Deutscher Merkur», 2 (14) сентября 1872 г., помѣщена пространная передовая статья, подъ заглавіемъ: «Сочувствіе иностранцевъ», написанная по поводу отвѣтнаго письма линкольнскаго епископа на приглашеніе посѣтить кельнскій конгрессъ и полученія нѣкоторыми изъ представителей старокатолическаго движенія протоколовъ трехъ первыхъ засѣданій с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Приводимъ болѣе замѣчательныя мѣста изъ этой статьи, характеризующія точку зрѣнія старокатолической партіи на вопросъ о сближеніи старокатоликовъ съ англиканскою и православною русскою церковью. «Въ третьемъ § мюнхенской программы — говорится въ статьѣ — мы высказали надежду на возсоединеніе съ грековосточною и русскою церковью, а также на постепенное соглашеніе съ протестантскими и епископальною церквами. Теперь, по прошествіи года, мы съ удовольствіемъ можемъ указать, какъ на фактъ, что наши желанія нашли болѣе или менѣе сочувственный отголосокъ и въ средѣ нашихъ нѣмецкихъ братьевъ-протестантовъ, и въ церкви англиканской и русской». Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ протестантовъ, статья останавливается исключительно на симпатіяхъ, обнаружившихся въ англиканской и русской церкви къ старокатолическому движенію, и приходитъ къ слѣдующимъ, не вполнѣ удовлетворительнымъ съ ея точки зрѣнія результатамъ. Въ сущности, по словамъ газеты, и письмо линкольнскаго епископа и приглашеніе петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія стать въ болѣе близкія отношенія къ нему сводятся къ одному итогу, именно представляютъ собою увѣщаніе, обра-

щенное къ старокатоликамъ. «Сдѣлайтесь такими, какъ мы-послѣдователи англиканской церкви,—взываетъ къ намъ линкольнскій епископъ, и тогда вы станете настоящими старокатоликами, потому что *мы*, члены епископальной церкви, истинные старокатолики. Нѣтъ, взываютъ къ намъ друзья изъ Петербурга,—для того, чтобы сдѣлаться вамъ старокатоликами, сдѣлайтесь подобно намъ православными, потому что именно *мы* православные—истинные старокаѳолики». Но, продолжаетъ газета, чѣмъ живѣе выражается къ намъ заботливое участіе и сочувствіе со стороны другихъ исповѣданій, тѣмъ больше мы считаемъ себя обязанными представить положеніе дѣла въ его настоящемъ свѣтѣ и находимъ неумѣстнымъ ни скрывать, ни уменьшать тѣхъ трудностей, которыя стоятъ на пути къ высокому дѣлу единенія церквей. Быстро—въ одно мгновеніе—совершается процессъ нашихъ желаній; но медленно и чрезвычайно долго совершается процессъ историческаго развитія, путемъ котораго достигаются высокія и благородныя цѣли, наилучшія желанія и намѣренія. Обращаясь затѣмъ къ вопросу, въ какой именно церкви, въ англиканской, или въ русской, въ настоящее время представляется больше благопріятныхъ условій для подготовленія церковнаго единенія,—газета склоняется на сторону англиканской церкви. Хотя англиканская церковь, по мнѣнію газеты, далека еще отъ того, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своихъ членовъ, чтобы смотрѣть на себя только какъ на часть, только какъ на живой членъ великой каѳолической церкви, которая одинаково обнимаетъ и греческихъ и римскихъ каѳоликовъ, но въ средѣ ея членовъ есть не мало людей, проникнутыхъ этимъ убѣжденіемъ. Въ доказательство этого, газета указываетъ между прочимъ на англійское континентальное общество, состоящее изъ членовъ англійскаго, ирландскаго, шотландскаго и американскаго духовенства. Общество это нравится газетѣ главнымъ образомъ тѣмъ, что оно не заботится объ «обращеніи» членовъ другихъ исповѣданій; оно устраняетъ изъ круга своихъ задачъ всякую страсть къ «прозелитетву», ста-

вить своею прямою цѣлію подготовленіе необходимыхъ внутреннихъ реформъ въ жизни отдѣльныхъ національныхъ церквей, и уже чрезъ посредство этихъ реформъ надѣется постепенно, можетъ быть въ отдаленніомъ будущемъ, достигнуть общей реформы всѣхъ церквей, необходимой для возсоединенія всего христіанскаго міра. Не устраняя и при всемъ томъ важныхъ препятствій, лежащихъ на пути къ соединенію старокатоликовъ съ англиканскою епископальною церковію, газета продолжаетъ: «*но еще труднѣе, нежели съ англиканскою церковью, достигнуть намъ единенія съ греко-русскою частью христіанскаго міра, не смотря на то, что догматическія разности между нами незначительны*; это, впрочемъ, совершенно понятно, если взять во вниманіе еще столь недостаточное развитіе въ культурномъ и политическомъ отношеніи могущественной восточной имперіи, и многовѣковой застой (Stabilität) и неподвижность (Sterilität) въ ея религіозно-церковной и научной области. Только въ новѣйшее время съ береговъ Невы начали слѣдить съ постепенно возрастающимъ и напряженнымъ вниманіемъ за церковными движеніями на западѣ, хотя это дѣлается, конечно, отчасти и изъ *политическаго интереса*. Въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ Петербурга писалъ намъ профессоръ Осининъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ для насъ съ мюнхенскаго конгресса, — что наша борьба во многихъ образованныхъ членахъ греко-русской церкви возбудила «живой интересъ и истинное участіе». «Желаю, вмѣстѣ со многими изъ моихъ единовѣрцевъ, писалъ профессоръ, скораго и полнаго успѣха католическому, реформаторскому движенію, начатому въ истинно - христіанскомъ духѣ». Вскорѣ послѣ этого, секретарь петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, г. А. Кирѣевъ, прислалъ намъ печатные протоколы трехъ первыхъ засѣданій, происходившихъ въ апрѣлѣ и маѣ текущаго года. Общество это составляетъ отдѣленіе московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, существующаго уже около 10 лѣтъ, и, повидимому, имѣетъ свой центръ во дворцѣ

великаго князя Константина Николаевича, который, вмѣстѣ со многими высокопоставленными лицами русскаго высшаго общества, принадлежитъ къ членамъ Общества. Оно ставитъ своею задачею главнымъ образомъ: 1) способствовать сближенію между православнымъ духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, касающимся православной церкви; 2) служить дѣлу распространенія здравыхъ понятій объ истинномъ ученіи, историческихъ судьбахъ и возникающихъ съ теченіемъ времени вопросахъ объ истинныхъ интересахъ православной церкви, посредствомъ сочиненій и лекцій—научнаго и популярнаго характера; *3) поддерживать сношенія съ поборниками православной истины за границей*, оказывать имъ нравственную помощь и содѣйствовать распространенію истинныхъ понятій о православной церкви за границей». Относительно духа, господствующаго въ новооснованномъ обществѣ, газета выводитъ вообще благопріятное заключеніе, особенно «изъ ясной и энергической» рѣчи, сказанной протоіереемъ (Erzbischof) Васильевымъ въ одномъ изъ засѣданій Общества, въ которой ораторъ, опираясь на церковно-историческіе факты, высказывается за древне-церковное право участія міранъ въ выборѣ епископовъ, равно какъ въ церковномъ законодательствѣ на соборахъ, областныхъ и епархіальныхъ синодахъ, и даже за содѣйствіе міранъ въ дѣлѣ церковнаго учительства. Газета съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на слѣдующихъ словахъ въ рѣчи оратора: «бывали случаи, что міряне первые возвышали свой голосъ противъ заблужденія и доказывали эти заблужденія посредствомъ сочиненій. Такъ дѣйствовалъ адвокатъ Евсевій при распространеніи несторіанскаго лжеученія, и тогдашніе епископы не только не осуждали этого мірянина за его полемическую дѣятельность противъ заблуждавшагося патріарха, но даже возвысили его впослѣдствіи въ санъ епископа» и т. д. Но что не нравится газетѣ «въ рѣчахъ и дѣятельности петербургскихъ друзей», это замѣчаемое ею отсутствіе въ нихъ не только должной, но «хо-

тя бы только приблизительной оцѣнки религіозной культуры запада», пріобрѣтенной путемъ многовѣковой, тысячелѣтней умственной работы и трудной нравственной борьбы. Видимо не совсѣмъ нравится газетѣ и 'взглядъ петербургскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія на вопросъ объ условіяхъ церковнаго единенія. «На вопросъ одного заграничнаго комитета старокатоликовъ (не австрійскаго ли?—въ скобахъ замѣчаетъ газета), объ условіяхъ соединенія съ восточною церковью, «Общество» отвѣчаетъ *просто, безъ всякихъ обиняковъ*: «необходимо должно быть совершенное тождество въ догматахъ; наша церковь въ этомъ отношеніи не можетъ вступать ни въ какія соглашенія; она ни на одну іоту, ни на одинъ шагъ не можетъ отступить отъ догматическихъ истинъ, которыя ей преданы отъ древней вселенской церкви; она не можетъ также допустить, чтобы хотя что нибудь было прибавлено къ этому ученію; она не претендуетъ на единообразіе въ обрядахъ и оставляетъ неприкосновенною самостоятельность отдѣльныхъ церквей, но, конечно, въ той мѣрѣ, на сколько при этой самостоятельности не нарушаются общія основанія церковнаго устройства». Послѣ этого газета останавливается на жалобахъ, высказываемыхъ въ протоколѣ втораго засѣданія Общества, относительно того, «что русскую церковь несправедливо упрекаютъ *въ мнимой безжизненности*, которая на дѣлѣ какъ нельзя болѣе далека по крайней мѣрѣ отъ самой *сущности православія*». Что касается *сущности христіанства*, газета нисколько не сомнѣвается, что при этомъ не можетъ быть никакой рѣчи о безжизненности, потому что христіанство и безжизненность суть понятія взаимно себя исключающія и несовмѣстимыя; но что касается *сущности православія*, къ которому все сводится въ вышеприведенномъ мѣстѣ протокола, то газета уклоняется отъ разсмотрѣнія этого, видимо щекотливаго для ея читателей, вопроса, и въ заключеніе обращается съ слѣдующимъ замѣчаніемъ къ своимъ «русскимъ друзьямъ». «Во всякомъ случаѣ мы надѣемся, что наши русскіе друзья, если состоится взаимное сближе-

ніе между нами,—потому что только такое сближеніе мы считаемъ возможнымъ,—предварительно достигнутъ болѣе основательнаго взгляда на счетъ того, что востокъ можетъ очень многому поучиться отъ запада, даже и въ богословско-церковномъ отношеніи,—конечно, не отъ іезуитовъ и приверженцевъ папскаго правительства, но отъ образованнаго христіанскаго запада. Какъ сильно *въ умственномъ отношеніи* онъ зависитъ отъ *неправославнаго запада*, это доказываетъ, напримѣръ, рѣчь священника Біернига о православной церкви въ Ньюйоркѣ, помѣщенная въ протоколѣ третьяго засѣданія Общества. Всѣ положенія, даже сравненія и подобія, словомъ всѣ лучшія выдающіяся мѣста въ этой рѣчи, излагаемыя на страницѣ 15 названнаго протокола, буквально заимствованы ораторомъ изъ Münchener Pfingsterklärung, изъ программы конгресса и изъ рѣчи профессора Рейнкенса, произнесенной въ Glaspalaste,—заимствованы безъ всякаго указанія на источники, и притомъ такъ, что авторъ постоянно подставляетъ подъ нихъ слова «православіе», «православная церковь» и т. п..

Подобныя же замѣчанія мюнхенская газета высказала въ своемъ 42 № отъ 30 сентября (12 октября), по поводу помѣщеннаго въ этомъ нумерѣ письма преосвященнаго Александра Ликурга, греческаго православнаго архіепископа острова Сиры и Тиноса. Въ своемъ письмѣ, присланномъ профессору Губеру 1—13 сентября, въ отвѣтъ на приглашеніе присутствовать на кельнскомъ конгрессѣ въ качествѣ гостя, преосвященный Александръ, извиняясь должностными обязанностями, не позволившими ему прибыть на конгрессъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее: «въ дѣлѣ, которое такъ много озабочиваетъ васъ (именно въ дѣлѣ примиренія исповѣданій), единственною руководительницею для васъ должна быть церковь, нераздѣленная еще несчастнымъ распаденіемъ на двѣ половины восточную и западную, потому что это была единая истинная церковь Христова, носившая въ себѣ всѣ признаки вселенской церкви. Послѣ раздѣленія церквей только тѣ части христіанской церкви (christlichen Parteien) могутъ считаться принадле-

жащими къ истинной церкви, которыя остаются вѣрными ученію древней вселенской церкви. Если вы станете на эту точку зрѣнія и будете руководиться ею, какъ правиломъ и мѣрою: тогда во 1-хъ положена будетъ преграда человѣческому произволу, который, вмѣсто желаемаго достиженія мира и единенія, способенъ порождать только распри и раздѣленія въ церковной жизни; тогда во 2-хъ вы займете гораздо болѣе благопріятное положеніе сравнительно съ папскою церковію, такъ какъ вы получите чрезъ это полное право упрекать ее въ произволѣ и нововведеніи, тогда какъ она будетъ лишена этого права по отношенію къ вамъ; тогда, въ 3-хъ, успокоятся совѣсти тѣхъ, которые вынуждены были отдѣлиться отъ папской церкви, вслѣдствіе ея злоупотребленій, не смотря на то, что эта церковь, если бы она осталась вѣрною истинѣ христіанства, должна бы *безъ сомнѣнія* (1) занимать первое мѣсто между истинными церквами. Я очень хорошо знаю, что этотъ взглядъ, который высказанъ былъ также четыре года тому назадъ нашимъ патріархомъ Григоріемъ папскимъ легатамъ, многими осуждается, какъ взглядъ отсталый, обращающійся за руководствомъ назадъ, ко временамъ давно минувшимъ, отстоящимъ отъ насъ почти на цѣлое тысячелѣтіе. Къ чему же, спрашиваютъ эти люди, человѣчество такъ много трудилось надъ усовершенствованіемъ, къ чему успѣхи, сдѣланные имъ въ области богословія, философіи и вообще въ развитіи человѣческаго ума? Но если мы указываемъ, какъ на образецъ для руководства, на древнюю еще не раздѣленную церковь, то мы вовсе не отвергаемъ успѣховъ ума человѣческаго, сдѣланныхъ съ эпохи раздѣленія церквей до настоящаго времени; мы только желаемъ, чтобы умъ человѣческій, вслѣдствіе этихъ успѣховъ, не впадалъ въ

(1) Преосвященный Александръ Ликургъ, въ своей фанатической борьбѣ за эллинизмъ, считаетъ царскія и соборныя постановленія касательно привиллегій церковно-административной власти и чести, болѣе или менѣе лестныя для властолюбія и честолюбія отдѣльныхъ церквей, божественнымъ закономъ, богооткровеннымъ евангеліемъ Святаго Духа. До такого умопомраченія доводятъ людей страсти!

противорѣчіе съ духомъ истиннаго христіанства и *ученіемъ церкви* ([1]), а также отличалъ истинные успѣхи отъ мнимыхъ. Истины, которыя составляютъ ученіе церкви первыхъ восьми вѣковъ, суть вѣчныя истины христіанства и должны оставаться неизмѣнными въ своей сущности во всѣ вѣка и въ каждомъ истинно-христіанскомъ обществѣ. Произведенія ума человѣческаго, будутъ ли то произведенія, относящіяся къ области богословія или къ области философіи, необходимо должны находиться въ согласіи съ этими истинами, и если какимъ нибудь богословскимъ или философскимъ изслѣдованіямъ не достаетъ этого согласія, то это служитъ признакомъ того, что они обязаны своимъ происхожденіемъ не здравой теологіи и философіи, не утверждаются на изреченіи апостола: *плѣняйте всякое познаніе въ послушаніе Христово*». Останавливаясь на послѣдней части письма преосвященнаго Александра, газета замѣчаетъ: „мы согласны съ существеннымъ содержаніемъ излагаемыхъ въ этой части положеній. Конечно и мы отвергаемъ то, что противорѣчитъ истинному духу христіанства и ученію церкви, что не находится въ согласіи съ истинами вѣры, утвержденными на вселенскихъ соборахъ еще нераздѣленной церкви. Но мы вмѣстѣ съ этимъ подчиняемся правиламъ западныхъ соборовъ и, руководствуясь постановленіемъ тридентинскаго собора, объясняемъ священное писаніе не иначе, какъ сообразно съ единодушнымъ пониманіемъ древнихъ отцовъ. За соблюденіе этого именно правила мы и отлучены отъ церкви ватиканскими епископами. Это нисколько не мѣшаетъ намъ однакоже относиться съ полнымъ уваженіемъ къ научнымъ успѣхамъ во всѣхъ областяхъ знанія, доступнаго для ума человѣческаго, и относиться такъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Отъ на-

([1]) А развѣ вопросы объ административной власти, или первенствѣ чести, составляютъ *ученіе* церкви? *Вѣсте, яко князи языкъ господствуютъ ими и велицыи ихъ обладаютъ ими... Не тако же будетъ въ васъ*,—вотъ ученіе Христово, ученіе церкви касательно этого предмета! Другаго нѣтъ и не можетъ быть, хотя въ то или другое время тѣ или другія церкви, по обстоятельствамъ, съ общаго согласія могутъ пользоваться, до поры и времени, извѣстными привиллегіями.

шихъ восточныхъ братьевъ по вѣрѣ мы ожидаемъ только того, чтобы они *усвоили себѣ на дѣлѣ* успѣхи западной богословской науки и философіи. Но эти успѣхи, какъ результаты нашего умственнаго и вмѣстѣ «богословско-церковнаго развитія», очень часто находили болѣе или менѣе соотвѣтствующее выраженіе для себя въ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ нашихъ западныхъ соборовъ, начиная съ древнихъ временъ и кончая тридентинскимъ соборомъ. Торжественно утвержденныя правила вѣры, конечно, и въ настоящее время должны имѣть священное руководительное значеніе; но символы четвертаго вѣка такъ же мало, какъ *и символы шестнадцатаго вѣка*, должны препятствовать развитію науки, выросшей на плодотворной почвѣ откровенной истины. Мы убѣждены, что чѣмъ больше наши восточные братья научатся цѣнить успѣхи нашей западной науки, тѣмъ больше сблизятся съ нами». Признаться, мы не видимъ ближайшаго повода, по которому почтенная газета обращается къ своимъ «восточнымъ и русскимъ друзьямъ» съ наставленіемъ относительно усвоенія и надлежащей оцѣнки *плодовъ* западной *науки*. Учиться *наукамъ* мы готовы у всѣхъ знающихъ людей, какой бы вѣры они ни были. Но, что касается «религіозной культуры запада», или какъ выражается газета, «богословско-церковнаго развитія запада», то въ этомъ отношеніи сама газета, повидимому, относится не безъ критической разборчивости къ тому, что такъ часто выдавалось на западѣ за результаты богословскаго развитія. Ученіе о непорочномъ зачатіи и о непогрѣшимости папы до сихъ поръ ультрамонтанская партія называетъ только формально-логическимъ развитіемъ ученія, скрыто будтобы содержащагося въ св. писаніи, и однако же старокатолики, не боясь показаться отсталыми, или отвергающими прогрессъ въ богословско-церковномъ развитіи, объявляютъ себя рѣшительными противниками того и другаго ученія, хотя оба эти ученія утверждены на западныхъ соборахъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, въ средѣ старокатоликовъ, между извѣстнѣйшими представителями старокатолическаго

движенія обнаружилось довольно осязательное различіе во взглядахъ *на право развитія* въ сферѣ религіозно-церковной жизни. Кельнскій конгрессъ высказался въ высшей степени консервативно по этому предмету, заявивъ твердую рѣшимость стоять неуклонно не только на почвѣ положительнаго христіанства, но и на почвѣ церковныхъ правилъ, отстраняя всякій произволъ въ отношеніи къ этимъ правиламъ,—ихъ измѣненію или нарушенію. Поводомъ къ этому послужили съ одной стороны нападки ультрамонтанской печати на либерализмъ старокатоликовъ въ религіозно-церковной области, съ другой—образъ дѣйствій двухъ наиболѣе горячихъ дѣятелей въ пользу церковной реформы, причислявшихъ себя до послѣдняго времени къ партіи старокатоликовъ, именно — бывшаго парижскаго священника о. Гіацинта и вѣнскаго священника Алоизія Антона. Почти одновременно съ напечатаніемъ извѣстнаго письма Гіацинта въ лондонской газетѣ „Temps" по поводу предпринятой имъ рѣшимости вступить въ бракъ, въ Вѣнѣ вышла въ свѣтъ книга Алоизія Антона подъ заглавіемъ: «Das gefälschte Christenthum und Welt», проникнутая крайними раціоналистическими тенденціями. Мюнхенскіе старокатолики еще до собранія кельнскаго конгресса поспѣшили заявить въ своей газетѣ, что ни женитьба Гіацинта, ни раціоналистическая книга Алоизія Антона, не имѣютъ ничего общаго съ старокатоличествомъ, какъ явленія стоящія внѣ всякой связи съ началами и убѣжденіями истинныхъ представителей старокатоличества. Мало того, мюнхенская старокатолическая газета торжественно заявляетъ въ настоящее время, что ни Гіацинтъ, ни тѣмъ болѣе Алоизій Антонъ, строго говоря, никогда и не принадлежали къ партіи истинныхъ старокатоликовъ. Вотъ что говоритъ «Deutscher Mercur» (см. № 37, 1872 г.) прежде всего по поводу поступка Гіацинта: «мы не столько удивлены, сколько опечалены его поступкомъ. Уже въ то время, когда прошлою зимою Гіацинтъ былъ у насъ въ Мюнхенѣ и въ одномъ изъ нашихъ собраній говорилъ свою блестящую рѣчь «о священствѣ въ семействѣ» («Uber das Pristerthum in

der Familien»), въ насъ возбуждалось невольное опасеніе за человѣка, о которомъ совершенно съ одинаковымъ правомъ можно было сказать: онъ настолько богатъ, насколько бѣденъ. Дѣло въ томъ, что при несомнѣнно богатомъ ораторскомъ дарованіи, при глубинѣ чувства, у Гіацинта слишкомъ бросался въ глаза недостатокъ въ основательномъ, систематическомъ, строго-научномъ образованіи, въ трезвой, спокойной ясности духа и разсудительности. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Мюнхенъ, мы не получали отъ него больше никакихъ свѣдѣній о немъ; но нѣкоторыя изъ рѣчей, сказанныхъ имъ въ Римѣ, нѣкоторые изъ его поступковъ, проектовъ и предпріятій, о которыхъ сообщали газеты, еще больше увеличивали наши опасенія за него. Теперь мы имѣемъ полное основаніе думать, что наши опасенія, къ сожалѣнію, не обманули насъ и мы искренно сожалѣемъ о человѣкѣ, который и теперь въ нашихъ глазахъ остается безконечно выше и почтеннѣе цѣлой тысячи фарисеевъ и саддукеевъ, умѣющихъ свергать съ себя «иго целибатства» безъ вступленія въ законный бракъ. Мы не можемъ впрочемъ сказать, чтобы и до этого времени и вообще когда нибудь наши стремленія вполнѣ совпадали и были вполнѣ тождественны съ стремленіями Гіацинта. Между оппозиціею Гіацинта противъ Рима и образомъ дѣйствій нѣмецкихъ старокатоликовъ съ самаго начала существовало ясное различіе. Французскій монахъ кармелитскаго ордена еще задолго раньше до такъ называемаго ватиканскаго собора съ самовольною рѣшимостью и съ шумомъ выступилъ на сцену реформаторской дѣятельности, оставивъ тотчасъ же свой орденъ, какъ только почувствовалъ его тѣснымъ для своей души и для своего сердца. Нѣмецкіе католики, напротивъ, боялись переступить границы своего законнаго права въ церковныхъ дѣлахъ, употребляли предварительно всѣ старанія, чтобы необходимыя реформы въ церкви были произведены чрезъ посредство законной церковной власти, и только тогда, когда Римъ совершилъ вопіющее преступленіе противъ коренныхъ основъ церковнаго права, рѣшились со всевоз-

можною осторожностію, послѣ самаго тщательнаго и всесторонняго обсужденія дѣла, съобща, при свѣтѣ совѣсти, а также науки церковнаго права и церковной исторіи, сдѣлать, въ виду неумолимой и неотвратимой нужды, попытку къ противленію незаконнымъ притязаніямъ Рима. Тѣмъ не менѣе, однако, мы съ полнымъ сочувствіемъ подали руку знаменитому чужестранцу, который, какъ человѣкъ и какъ священникъ, извѣстенъ былъ полною безукоризненностію, а какъ монахъ—глубокою религіозною настроенностію. Мы не сомнѣвались въ его искренности и на его рѣшимость оставить свой орденъ смотрѣли, какъ на шагъ, сдѣланный по внутреннему влеченію чувства, хотя съ нѣкоторою поспѣшностію, безъ достаточно зрѣлаго обсужденія, что вполнѣ гармонировало съ его нѣсколько восторженною и эксцентрическою натурою. Мы руководствовались снисходительнымъ, братскимъ сужденіемъ о его образѣ дѣйствій, по внушенію христіанской любви, и теперь не считаемъ себя призванными осуждать его, предоставляя это высшему Судіи человѣческихъ поступковъ и дѣйствій. Но мы не можемъ не сказать, что если въ настоящее время набрасывается неблагопріятный свѣтъ на его поступокъ, то виною этому онъ самъ. Есть конечно большое различіе между слѣпымъ подчиненіемъ авторитету и эгоистическимъ произволомъ; однако, по своему внутреннему достоинству, они имѣютъ одинаковое значеніе. Папское «non possumus», противъ котораго такъ горячо возставалъ всегда нынѣшній *экспатеръ*, имѣетъ въ своемъ основаніи подобный же произволъ, какъ и собственный теперешній поступокъ Гіацинта. Это именно прискорбное впечатлѣніе мы вынесли изъ чтенія его оправдательнаго и, по нашему мнѣнію, совершенно неумѣстнаго письма, помѣщеннаго въ лондонской газетѣ «Temps» отъ 21 августа (2 сентября). Было бы несравнимо достойнѣе для его чести сохранить молчаніе, нежели простое дѣло своей частной, личной, нужды представлять на судъ всему міру и выдавать «за дѣло Божіе». Это—признакъ уже явнаго ослѣпленія и самообольщенія. Еще больше въ этомъ убѣждаетъ насъ встрѣ-

чающаяся въ письмѣ ссылка на примѣръ Лютера. Конечно, Лютеръ въ 1525 году также былъ монахъ,—но нѣсколько больше, нежели просто монахъ. Чрезъ свой бракъ «съ умною и образованною дамою англійскаго происхожденія», г. *Луазонъ* ([1]) никого не заставитъ смотрѣть на себя какъ на реформатора, котораго требуетъ религіозный кризисъ XIX столѣтія. Церковь его «глубоко потрясеннаго» отечества—Франціи, конечно, меньше всего нуждается въ подобномъ примѣрѣ для своего исправленія; скорѣе этотъ примѣръ способенъ только доставить пищу для плоскаго остроумія ультрамонтанской печати и возбудить къ себѣ мимолетный интересъ ради скандала. Да даже и серьезнымъ читателямъ трудно читать съ серьезнымъ настроеніемъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста въ письмѣ автора, гдѣ напримѣръ авторъ увѣряетъ, «что съ 18 лѣтъ до послѣдняго времени онъ сохранялъ свято и ненарушимо правила целибатства, что только теперь, на 45 году отъ роду, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости брака, какъ одного изъ такихъ законовъ, противъ которыхъ нельзя идти безъ нарушенія правильности и порядка жизни» и т. под. Въ заключеніе газета упоминаетъ о просьбѣ г. Луазона, присланной незадолго предъ кельнскимъ конгрессомъ, чтобы конгрессъ не осуждалъ его, и называетъ совершенно напраснымъ это опасеніе. «Мы старокатолики, говоритъ послѣднее свое слово газета, отнюдь не составляемъ какого нибудь инквизиціоннаго трибунала и не считаемъ себя въ правѣ анаѳематствовать и судить кого бы то ни было,—но во всякомъ случаѣ, какъ всегда, такъ и теперь, дѣлаемъ строгое различіе между истинными старокатоликами *и только такъ называемыми старокатоликами*. Я знаю, говоритъ въ свое оправданіе г. Шарль Луазонъ, что целибатство отнюдь не есть какой нибудь догматъ, не есть даже постановленіе католической церкви, а есть только дисциплинарное учрежденіе латинской церкви. На востокѣ католическое духовенство вступаетъ въ бракъ, и это дѣлается даже съ папскаго согласія. Правда,

([1]) Фамилія бывшаго патера Гіацинта.

тамъ бракъ предшествуетъ рукоположенію въ священническій санъ; но это ограниченіе, связанное въ свою очередь съ нѣкоторыми неудобствами, не должно имѣть безусловно-обязательнаго значенія съ точки зрѣнія здраваго смысла, и во всякомъ случаѣ оно не гармонируетъ съ общимъ принципомъ церковнаго ученія о таинствахъ, по которому между всѣми таинствами вообще и въ частности между таинствомъ брака и таинствомъ священства не допускается никакой несовмѣстимой противоположности. И мы знаемъ это не менѣе г. Луазона; но, стоя на точкѣ зрѣнія церковнаго права, предоставляемъ другимъ полное право руководствоваться своимъ «здравымъ смысломъ».

Еще съ большею, но также совершенно справедливою и заслуженною съ православной точки зрѣнія строгостью, газета отнеслась къ попыткѣ Алоизія Антона оправдать предъ старокатоликами свои взгляды, высказанные имъ въ вышепоименованной книгѣ. Въ 41 № «Deutscher Mercur» 1872 г. помѣщено слѣдующее письмо Алоизія Антона, присланное имъ на имя редактора газеты.

«Прошу васъ дать мѣсто настоящему моему объясненію въ ближайшемъ нумерѣ вашей уважаемой газеты. Во многихъ нумерахъ «Deutschen Merkurs» высказывалось мнѣніе, что я съ моими взглядами и тенденціями не стою уже больше на почвѣ старокатоличества. Вопреки этому мнѣнію, я рѣшительно заявляю, что, какъ прежде, такъ и теперь, какъ до, такъ и послѣ ватиканскаго собора, я никогда не отрицалъ и теперь не отрицаю принциповъ положительнаго христіанства. Книгу свою, подъ заглавіемъ «Das gefälschte Christenthum», я написалъ будучи католическимъ священникомъ, и теперь, послѣ написанія названной книги, я считаю себя предъ Богомъ и предъ моею совѣстью католическимъ священникомъ, потому что у меня отнюдь не было намѣренія подвергать сомнѣнію ученіе о божественности Слова и тѣмъ болѣе подрывать это ученіе, хотя и въ этомъ меня упрекаютъ злонамѣренные люди съ очевидною несправедливостью и недобросовѣстностью. Я хотѣлъ только въ своемъ сочиненіи указать на

тѣ пункты, которые во всѣ времена примѣшивало къ чистому христіанскому ученію превратное богословствованіе, и пытался разоблачить эти пункты единственно изъ любви къ божественной религіи Іисуса Христа. Я не хочу распространяться здѣсь о мотивахъ, которыми могли руководствоваться люди извѣстнаго сорта, воспользовавшіеся моею настоящею книгою какъ предлогомъ къ тому, чтобы представить меня совратившимся съ истиннаго пути и отстранить отъ участія въ церковно-реформаторскомъ движеніи, но смѣло могу сказать, что я дѣйствовалъ и страдалъ за святое дѣло больше, нежели кто нибудь другой, кто гордится именемъ «вождя» настоящаго реформаторскаго движенія. Впрочемъ, если старокатоличество хотятъ вводить въ міръ съ auto da fé, то оно способно, по моему мнѣнію, вызвать только оглушительный смѣхъ въ мірѣ и съ этимъ язвительнымъ смѣхомъ сойдти со сцены. Примите и проч. Пенцингъ, близъ Вѣны, 26 сентября 1872 г. Алоизій Антонъ, священникъ первой автономической католической церковной общины въ Вѣнѣ».

Въ отвѣтъ на это письмо, редакція «Deutschen Merkurs» помѣстила въ томъ же 41 нумерѣ длинную статью, часть которой посвящена, между прочимъ, разсмотрѣнію книги Алоизія Антона «Das gefälschte Christenthum», и преимущественно тѣхъ мѣстъ изъ этой книги, въ которыхъ редакція находитъ прямое уклоненіе отъ принциповъ положительнаго христіанства. «Что касается банальной заключительной фразы письма Алоизія Антона относительно «auto da fé» и проч., — пишетъ авторъ поименованной статьи,—то, вмѣсто читателей газеты «Merkur», лучше бы съ этою фразою г. Антону обратиться къ вѣнской пригородной публикѣ; на эту публику фраза его, можетъ быть, еще произвела бы какое нибудь впечатлѣніе. Если г. Антонъ дѣйствительно защищаетъ доброе дѣло; то никто не можетъ сдѣлать его неспособнымъ и негоднымъ «для церковно-реформаторскаго движенія», и онъ можетъ совершенно безпрепятственно идти по избранному имъ пути. Мы, старокатолики, желаемъ только одного—освободиться отъ

его непрошеннаго и навязчиваго союзничества; потому что для насъ не желательно подвергнуться «оглушительному смѣху міра» за отождествленіе нашего серьезнаго и святаго дѣла съ дѣлами Антона и его союзниковъ. Если мы позволяемъ себѣ обсуждать сочиненія и дѣла Антона; то дѣлаемъ это вовсе не потому, чтобы считали его своимъ, а потому, что считаемъ себя вправѣ относиться критически къ произведеніямъ всякаго другаго не непогрѣшимаго смертнаго. Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ и на сочиненіе Антона „Das gefälschte Christenthum". Что же мы находимъ въ этомъ сочиненіи? Подъ «божественностію Слова» г. Антонъ разумѣетъ только божественность разума, который открывается въ избранныхъ умахъ, въ геніяхъ, къ которымъ, быть можетъ, онъ относитъ и себя. Что онъ отвергаетъ основныя истины христіанства, какъ-то: ученіе о троичности и о божествѣ Іисуса Христа, это достаточно доказываютъ и слѣдующія мѣста изъ его пресловутаго богословскаго сочиненія, представляющаго въ большинствѣ случаевъ жалкую компиляцію изъ разныхъ раціоналистическихъ сочиненій новѣйшаго времени, которое тѣмъ не менѣе, однако, онъ украсилъ своимъ именемъ. Точно такъ же, какъ представители такъ называемаго вульгарнаго раціонализма, онъ утверждаетъ въ своемъ сочиненіи, что въ священныхъ книгахъ новаго завѣта, которыя, по его мнѣнію, «составлены долго спустя по смерти Іисуса», по мѣстамъ «вѣетъ неоплатонически-гностическій духъ» (т. е. духъ языческой философіи). Въ посланіяхъ, «*приписываемыхъ* апостолу Павлу», онъ находитъ еще другой элементъ, именно «мистико-аллегорическій отпечатокъ іудейскаго раввинизма позднѣйшаго времени». *Духъ, который повѣялъ на догматы христіанства уже въ то время, когда составлялись новозавѣтныя писанія*», по мнѣнію г. Антона, «безспорно, есть неоплатонически-гностическій духъ, подъ вліяніемъ котораго видоизмѣнено первоначальное ученіе Іисуса» (Ср. 19, 33, 53 стр.). На страницѣ 79 вотъ въ какомъ видѣ представляетъ авторъ образованіе всего вообще христіанскаго ученія. «Весь со-

ставъ христіанской доктрины образовался въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанства, и именно слѣдующимъ образомъ: единство божественной сущности, которое въ платонической и гностической философіи обозначалось именемъ первоначальнаго единства (Ureinen),—вслѣдствіе сочетанія съ библейскими названіями Отца, Сына и Духа, скоро преобразовалось въ философскую троичность, и эта троичность обрисовывалась все яснѣе и отчетливѣе по мѣрѣ того, какъ *лицо Іисуса все болѣе и болѣе освобождалось изъ неясности своего первоначальнаго очертанія и постепенно было возвышено до полнаго обоготворенія*». Наконецъ на стр. 93 говорится слѣдующее: «только благодаря стремленію православной партіи навязать міру свою тріадологію (Triadologie т. е. ученіе о Святой Троицѣ), могли возникнуть всѣ эти споры такъ называемыхъ антитринитаріевъ. Но антитринитаріи (т. е. еретики, отрицавшіе троичность лицъ въ Божествѣ) защищали права здраваго человѣческаго разума и истинной философіи». Сопоставляя эти и подобныя мѣста изъ сочиненія Алоизія Антона, авторъ разсматриваемой нами статьи выводитъ рѣшительное заключеніе объ отступленіи Антона не только отъ началъ старокатоличества, но и отъ началъ положительнаго христіанскаго ученія, и въ доказательство этого указываетъ между прочимъ еще на тотъ фактъ, что издаваемая въ Мюнхенѣ газета «Neusten Nachrichten», извѣстная крайнимъ вольнодумствомъ по религіознымъ вопросамъ, между другими раціоналистическими сочиненіями новѣйшаго времени съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается въ одномъ изъ своихъ недавнихъ нумеровъ на книгѣ Алоизія Антона «Das gefälschte Christenthum» и рекомендуетъ ее для прочтенія своимъ читателямъ. Въ заключеніе авторъ пишетъ: «напрасно г. Антонъ думаетъ,—раздѣляя въ настоящемъ случаѣ мнѣніе ультрамонтанской печати,—что „Deutscher Merkur“ только въ послѣднее время убѣдился въ томъ, что г. Антонъ не стоитъ больше на почвѣ старокатоличества. Еще гораздо раньше, до появленія его книги, уже при самомъ первомъ шумномъ выступленіи его на арену реформаторской дѣя-

тельности, мы ясно видѣли, чего можно ожидать отъ него для пользы церковно-реформаторскаго движенія. Въ 38 № нашей газеты „Rheinischer Merkur“ за прошлый годъ—мы помѣстили горькую жалобу одного уважаемаго священника изъ Австріи на то, что между вѣнскими священниками, къ сожалѣнію, не нашлось ни одного дѣльнаго поборника въ пользу церковной реформы, который соединялъ бы серьезное научное образованіе вмѣстѣ съ искреннимъ благочестіемъ и безукоризненностію поведенія, — гдѣ между прочимъ упоминалось мимоходомъ о смѣшной претензіи, съ какою г. Антонъ обратился къ австрійскому правительству, требуя отъ него уступки церкви св. Стефана, съ указаніемъ на мнимое число своихъ послѣдователей, простиравшееся будтобы уже въ то время до 20,000 человѣкъ. *Намъ очень хорошо было извѣстно,* что г. Антонъ отлученъ былъ отъ церкви вовсе не за то, что онъ воспротивился епископскому требованію подчиниться опредѣленіямъ ватиканскаго собора, но за то, что онъ началъ открыто пропагандировать въ кругу вѣнскаго низшаго духовенства идеи во вкусѣ извѣстнаго непризваннаго реформатора *Ронже* ([1]). До этого времени никому изъ противниковъ ватиканскихъ опредѣленій въ епархіи вѣнскаго кардинала Раушера не было формально воспрещено ни преподаваніе таинствъ, ни совершеніе обряда христіанскаго погребенія, и проч. Въ числѣ мотивовъ, которыми руководствовался г. Антонъ при отдѣленіи отъ церкви, отнюдь не была такимъ образомъ какая нибудь нужда или крайность. Не смотря на это, онъ позволилъ себѣ составить съ своими сообщниками не только статутъ правилъ для управленія дѣлами приходской общины, но и статутъ правилъ для епархіальнаго управленія, нисколько не соображаясь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что при этомъ не только не существовало въ наличности, но и не имѣлось даже въ виду никакой епархіи и никакого епископа. Люди серьезные, какъ, напримѣръ, уважаемый вѣнскій профессоръ Маассенъ, естественно чуждались подобныхъ затѣй и уклонялись отъ участія въ фабрикаціи

([1]) Повинимся,—намъ это было совершенно неизвѣстно.

подобныхъ нелѣпыхъ «статутовъ». Незадолго до составленія своихъ статутовъ г. Антонъ пріѣзжалъ въ Мюнхенъ для присутствованія на прошлогоднемъ мюнхенскомъ конгрессѣ; вѣнскія газеты протрубили о составленіи имъ «программы для старокатоличества», очищенной отъ всѣхъ злоупотребленій и устарѣвшихъ обычаевъ католической церкви, но не смотря на то, что всѣ единогласно приписывали эту программу г. Антону, онъ однакоже въ тѣхъ видахъ, чтобы получить доступъ къ участію въ засѣданіяхъ конгресса, наотрѣзъ отказался отъ нея и рѣшительно объявилъ себя несочувствующимъ ея крайнимъ тенденціямъ. Благодаря тому, что онъ хранилъ упорное молчаніе во время разсужденій конгресса, ему удалось замаскировать на время свой образъ мыслей, — хотя никто не былъ убѣжденъ въ его единомысліи съ истинными представителями старокатоличества, за исключеніемъ развѣ самыхъ довѣрчивыхъ и недальновидныхъ наблюдателей. Съ тѣхъ поръ онъ обращался въ нѣмецкимъ старокатоликамъ только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Такъ, напримѣръ, когда его противозаконный образъ дѣйствій по вопросу о брачныхъ дѣлахъ поставилъ его въ столкновеніе съ министромъ церковныхъ дѣлъ въ Австріи г. Штремайеромъ, онъ прислалъ въ Мюнхенъ въ высшей степени характеристическое письмо, — въ которомъ, называя себя по обыкновенію «президентомъ и настоятелемъ первой автономической католической церковной общины въ Вѣнѣ», просилъ «мюнхенскихъ вождей», чтобы они посредствомъ телеграммъ объявили въ наиболѣе извѣстныхъ австрійскихъ газетахъ, что и Деллингеръ вполнѣ одобряетъ образованіе отдѣльныхъ автономическихъ общинъ и вообще какъ нельзя болѣе сходится съ нимъ, Антономъ, въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ по всѣмъ церковно-религіознымъ вопросамъ, чего, само собою разумѣется, не было исполнено, какъ дѣла непозволительнаго съ точки зрѣнія чести и справедливости. Мы имѣемъ основаніе думать, что г. Антонъ имѣлъ намѣреніе прибыть и на кельнскій конгрессъ, быть можетъ, съ тою цѣлію, чтобы отказаться отъ состав-

ленія своего сочиненія „Gefälschte Christenthum“, какъ въ прошломъ году онъ отрекся отъ составленія вышепоименованной «программы». Но этого ему не удалось. Въ последнее время г. Антонъ подвергался заключенію на 14 дней по обвиненіямъ, взведеннымъ на него не столько въ злоупотребленіи словомъ съ церковной каѳедры, сколько въ другихъ недостойныхъ поступкахъ. Не это ли обстоятельство онъ имѣетъ въ виду, когда говоритъ, что «страдалъ за святое дѣло больше, нежели какой нибудь другой „вождь“? Къ сожалѣнію мы не можемъ обнаруживать никакого сочувствія къ подобному горделивому и притомъ вполнѣ заслуженному „мученичеству“. Очень жаль впрочемъ, что легкомысленное и разсчитанное на эффектъ вмѣшательство непризванныхъ людей въ дѣло церковной реформы такъ много препятствуетъ въ Австріи серьезной, успѣшной и плодотворной борьбѣ противъ ультрамонтанства, бросая въ то же время невыгодную тѣнь на самое движеніе въ глазахъ австрійскаго правительства. Было бы несравненно лучше, если бы подобные задорные крикуны уступили мѣсто для проповѣди слова и дѣятельности серьезнымъ истинно-либеральнымъ католикамъ. Мы съ своей стороны какъ прежде не имѣли ничего общаго съ г. Антономъ, такъ и теперь не имѣемъ съ нимъ никакого общенія. Относясь съ полною терпимостію ко всякому *серьезному* убѣжденію, ко всякому стремленію, проистекающему *изъ строго-нравственныхъ* побужденій, мы не видимъ никакого основанія доводить свою терпимость до слабости и снисходить всякому легкомыслію и прожектерству —особенно въ дѣлахъ религіи». Великолѣпно и совершенно православно!

Въ вѣнской газетѣ «Presse» (№ 280, 1872 г.) помѣщенъ судебный процессъ Алоизія Антона, возбужденный имъ въ послѣднее время противъ одного ультрамонтанскаго священника за оклеветаніе своей чести; изъ этого процесса видно, что нельзя довѣрять всѣмъ обвиненіямъ, взводимымъ на него ультрамонтанскою печатью. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: одинъ католическій священникъ

ультрамонтанской партіи Шернеръ изъ Бидермансдорфа напечаталъ въ текущемъ году брошюру подъ заглавіемъ «Der neue Reformator Alois Anton und der Altkatholicismus», въ которой Алоизій Антонъ нашелъ оскорбительныя для своей чести клеветы и за которую привлекъ автора къ отвѣтственности предъ судомъ. Въ этой брошюрѣ Антонъ обвиняется между прочимъ: 1) въ безнравственныхъ отношеніяхъ къ одной эксцентрической женщинѣ, — содержавшей типографію въ Штейерѣ; 2) въ напечатаніи статьи въ мѣстной газетѣ «Vorstadt Zeitung», въ которой онъ позволилъ хвалить и превозносить себя какъ высокоуважаемаго мужа, и выставлять на видъ въ высшей степени полезную и благотворную дѣятельность въ бытность свою священникомъ въ Сармингштейнѣ; наконецъ 3) въ общественномъ соблазнѣ, который онъ производилъ своею частною, домашнею жизнью, и въ церкви—чрезъ небрежное совершеніе священнодѣйствій, доходившее до высшей степени неприличія, близкаго къ кощунству. Предъ судомъ, происходившимъ въ Вѣнѣ 27 сентября (9 октября) въ присутствіи многочисленной публики, состоявшей преимущественно изъ горячихъ приверженцевъ ультрамонтанской и старокатолической партіи и множества женщинъ—ревностныхъ католичекъ и старокатоличекъ, — на вопросъ предсѣдателя обвиняемый патеръ Шернеръ не призналъ себя виновнымъ и доказывалъ справедливость своихъ показаній, сдѣланныхъ въ брошюрѣ,—ссылаясь на многочисленныхъ свидѣтелей изъ Штейера и Сармингштейна въ подтвержденіе заявленныхъ имъ фактовъ. Но гораздо больше вызванныхъ свидѣтелей сдѣлали показанія въ пользу Антона. Такъ между прочимъ редакторъ газеты «Vorstadt Zeitung» д-ръ Линднеръ показалъ, что г. Антонъ съ давнихъ поръ помѣщалъ свои статьи за плату въ названной газетѣ, но что та статья, въ которой восхваляется благотворная дѣятельность Антона, принадлежитъ не ему, и что Антонъ высказывалъ ему, редактору, даже неудовольствіе по поводу помѣщенія этой чрезмѣрно панегирической статьи. Свидѣтели вызванные изъ Пенцинга, гдѣ Антонъ имѣетъ посто-

янное жительство съ 1869 г., почти всѣ единогласно показали въ пользу безукоризненнаго поведенія г. Антона. Защитникъ Антона д-ръ Гофферъ указалъ въ своей рѣчи на тотъ фактъ, что въ настоящее время больше 3,000 старокатолическихъ семействъ значатся въ спискѣ дѣйствующаго комитета старокатоликовъ въ Вѣнѣ, изъ которыхъ многіе извѣстны нравственною строгостію и во всякомъ случаѣ не потерпѣли бы въ своей средѣ такого человѣка, какимъ выставляется Антонъ въ брошюрѣ Шернера. Защитникъ Шернера д-ръ Порцеръ основывалъ свою защиту главнымъ образомъ на свидѣтельскихъ показаніяхъ, которыя, однакоже, были частію ослаблены, частію заподозрѣны и отстранены, частію опровергнуты противною стороною. Въ виду этого судъ призналъ Шернера виновнымъ въ оскорбленіи чести Антона и присудилъ виновнаго къ соотвѣтствующему наказанію. Къ сожалѣнію, богословскія заблужденія Антона засвидѣтельствованы имъ собственноручно, и, не смотря на выигрышъ процесса, онъ увидѣлъ себя въ необходимости добровольно, а можетъ быть и недобровольно,—отказаться отъ должности священника старокатолической общины въ Вѣнѣ. По сообщенію вѣнской газеты «Presse» отъ 15 (27) октября, совѣтъ старокатолической общины въ Вѣнѣ въ своемъ послѣднемъ засѣданіи единогласно принялъ отказъ Алоизія Антона отъ должности священника съ изъявленіемъ признательности и благодарности за его услуги, оказанныя общинѣ. Отправленіе священническихъ требъ для старакатоликовъ временно поручено викарію старокатолической общины, д-ру Кюрцингеру. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ старокатолической общины въ Вѣнѣ послалъ объясненіе къ обоимъ центральнымъ комитетамъ, существующимъ въ Германіи, а также ко всѣмъ старокатолическимъ общинамъ и союзамъ, существующимъ въ Австріи, съ увѣдомленіемъ, что вѣнская старокатолическая община твердо и неизмѣнно держится постановленій мюнхенскаго и кельнскаго конгрессовъ.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. В.Г. Рождественский

История Новозаветного канона

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 575-599.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИСТОРІЯ НОВОЗАВѢТНАГО КАНОНА.

(Продолженіе).

Первый періодъ исторіи образованія новозавѣтнаго канона.

В) Переходя ко второй части новозавѣтнаго канона, состоящей издревле изъ книги Дѣяній апостольскихъ, семи соборныхъ посланій, четырнадцати посланій апостола Павла и Апокалипсиса, мы можемъ со всею увѣренностію сказать, что и эта часть его, въ большинствѣ книгъ своего настоящаго состава, явилась также, какъ цѣлое, какъ особый священный сборникъ (ἀπόστολος, ἀπόστολοι, ἀποστολικόν), еще въ вѣкъ апостольскій, или вскорѣ послѣ него. По всей вѣроятности, полагаютъ, собраніе этой части новозавѣтнаго канона началось съ посланій апостола Павла,—и въ частности именно съ посланій его, адресованныхъ къ цѣлымъ христіанскимъ общинамъ или церквамъ. Эти посланія, дѣйствительно, скорѣе другихъ могли распространиться всюду и быть приняты, какъ подлинныя, несомнѣнныя писанія апостола языковъ; особенная же важность ихъ содержанія, обстоятельное разсмотрѣніе въ нихъ множества вѣроучительныхъ и нравоучительныхъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ общаго вниманія и самыхъ оживленныхъ разсужденій въ христіанскихъ общинахъ

перваго времени, представляли всѣ побужденія для вѣрующихъ, и ближайшимъ образомъ для предстоятелей церквей, дѣлать ихъ скорѣе другихъ доступными и извѣстными какъ чрезъ распространеніе сдѣланныхъ съ нихъ копій, такъ въ особенности чрезъ публичное чтеніе ихъ въ богослужебныхъ собраніяхъ. Между прочимъ доказательства того же видятъ нѣкоторые въ канонѣ Маркіона, въ которомъ не было такъ называемыхъ пастырскихъ посланій, т. е. 1 и 2 посланія къ Тимоѳею и посланія къ Титу. Маркіонъ, думаютъ, имѣлъ въ виду чрезъ исключеніе этихъ посланій изъ второй части своего канона реставрировать составъ ея въ ея первоначальной, древнѣйшей формѣ, обнимавшей одни лишь посланія къ цѣлымъ христіанскимъ церквамъ. Но едвали Маркіонъ слѣдовалъ такого рода историческому принципу въ опредѣленіи состава своего канона; болѣе справедливо думать, что упомянутыя посланія были исключены имъ вслѣдствіе содержащейся въ нихъ полемики противъ еретиковъ ([1]). Что же касается православныхъ христіанскихъ обществъ, то въ нихъ и эти посланія, за исключеніемъ развѣ посланія къ Филимону, такъ же легко и скоро могли быть приняты въ канонъ начавшагося собранія посланій апостола Павла, какъ и всѣ другія посланія этого апостола, хотя и нельзя отрицать того, что были нѣкоторыя недоумѣнія относительно права на включеніе ихъ въ канонъ священныхъ, церковныхъ писаній,—недоумѣнія, выходившія не изъ сомнѣнія въ ихъ подлинности, но изъ того, что они имѣли по своему происхожденію частный характеръ, такъ такъ были писаны

(1) Доказательства этого будутъ представлены ниже.

первоначально къ частнымъ, отдѣльнымъ лицамъ ([1]). Но что во всякомъ случаѣ именно посланія апостола Павла были первымъ связующимъ звѣномъ для второй части новозавѣтнаго канона,—основаніе для этого предположенія мы имѣемъ еще во второмъ соборномъ посланіи апостола Петра, при жизни котораго уже, какъ видно (а слѣд. и при жизни ап. Павла), многія посланія этого послѣдняго были очень хорошо извѣстны среди тѣхъ малоазійскихъ церквей, къ которымъ было отправлено это посланіе (см. 1 Петр. I, 1—2). *Тѣмже возлюбленніи*,—такъ пишетъ апостолъ въ заключеніе посланія,—*сихъ чающе, потщитеся нескверни и непорочни тому обрѣстися въ мирѣ: и Господа нашего долготерпѣніе, спасеніе непщуйте: якоже и возлюбленный нашъ братъ Павелъ по даннѣй ему премудрости написа вамъ, якоже и во всѣхъ своихъ посланіихъ* (ὡς καὶ ἐν πάσαις ταῖς ἐπιστολαῖς) *глаголя въ нихъ о сихъ: въ нихже суть неудобь разумна нѣкая, яже ненаучени и неутвержденни развращаютъ, якоже и прочая писанія* (ὡς καὶ τὰς λοιπὰς γραφὰς), *къ своей по-*

([1]) Такъ думать даетъ право находящееся въ канонѣ Мураторія замѣчаніе относительно основаній, по которымъ эти посланія внесены въ канонъ: „Verum ad Philimonem una et ad Titum una, et ad Timotheum duas (duae) pro affecto (affectu) et dilectione, in honore (honorem) tamen ecclesiae catholicae, in ordinatione ecclesiastice (ecclesiasticae) descepline (disciplinae) sanctificatae sunt» (Герике, Введеніе въ нов. книги свящ. писанія, 2 пол. стр. 201). Относительно пастырскихъ посланій, недоумѣнія очень скоро, какъ видно, прекратились, такъ что Климентъ Александрійскій (Strom. lib. 2, 11), упоминая объ отрицаніи ихъ еретиками-гностиками, ничего не говоритъ о какихъ-либо недоумѣніяхъ относительно ихъ въ православно-христіанскихъ обществахъ; долѣе существовали эти недоумѣнія относительно посланія къ Филимону, даже и послѣ внесенія его въ канонъ, какъ это видно изъ замѣчаній о немъ у Тертулліана, Іоанна Златоустаго, Іеронима и др. (см. у Кирхгофера, Quellensammlung zur Geschichte d. N. Canons, s. 205—207).

гибели имъ» (2 Петр. III, 15—16). Принимая въ точномъ грамматическомъ смыслѣ эти слова апостола, нельзя не усматривать въ нихъ слѣдующихъ двухъ, весьма важныхъ для разбираемаго нами вопроса, данныхъ: 1) изъ словъ апостола видно, что уже во время написанія имъ этого втораго посланія своего многія изъ посланій апостола языковъ были предметомъ чтенія и назиданія вѣрующихъ (по всей вѣроятности какъ частнаго, домашняго, такъ и публичнаго, церковнаго),—при чемъ многіе изъ читателей, неопытные и неутвержденные въ вѣрѣ, толковали нѣкоторыя мѣста этихъ посланій, трудныя для пониманія, неправильно, извращали смыслъ ихъ къ своей погибели; 2) апостолъ Петръ говоритъ: *якоже и прочая писанія* (ὡς καὶ τὰς λοιπὰς γραφάς): понимать ли подъ этими прочими писаніями собственно ветхозавѣтныя священныя книги, какъ предполагаютъ одни, или же вмѣстѣ и собраніе другихъ новозавѣтныхъ писаній, кромѣ писаній Павла,—что́ также было возможно въ послѣдніе годы жизни апостола Петра,—какъ предполагаютъ другіе,—во всякомъ случаѣ ясно одно, что значеніе и употребленіе Павловыхъ посланій въ христіанскихъ обществахъ, къ которымъ было обращено увѣщаніе апостола, стояло на ряду съ прочими священными писаніями (γραφαῖς), т. е. они пользовались такимъ же священнымъ авторитетомъ, какъ и священныя ветхозавѣтныя книги. По крайней мѣрѣ такое значеніе ихъ весьма ясно даетъ понять вѣрующимъ самъ апостолъ Петръ, говоря, что они написаны *по данней отъ Бога премудрости*, и что тѣмъ изъ нихъ, которые, по неопытности или злонамѣренности, извращаютъ смыслъ спасительнаго ученія, изложеннаго въ посланіи-

яхъ *его возлюбленнаго брата—Павла*, угрожаетъ нравственная погибель точно такъ же, какъ и за развращеніе смысла прочихъ божественныхъ писаній; стало быть, по ученію апостола, значеніе ихъ одинаково для христіанъ. *Какія* именно посланія апостола Павла (только ли посланія, обращенныя къ цѣлымъ церквамъ, или и другія) апостолъ Петръ имѣетъ при этомъ въ виду и *сколько*,—этого не видно ни изъ вышеприведенныхъ словъ его, ни изъ другихъ мѣстъ посланія. Апостолъ Петръ, правда, говоритъ: *во всѣхъ своихъ посланіихъ*; но нельзя думать, чтобы при этомъ онъ разумѣлъ дѣйствительно всѣ четырнадцать посланій апостола Павла; мѣстоименіе: *всѣ* равнозначуще въ настоящемъ случаѣ: *многія*, такъ какъ изъ контекста рѣчи видно, что апостолъ Петръ хотѣлъ при этомъ напомнить своимъ читателямъ о тѣхъ собственно посланіяхъ апостола Павла, въ которыхъ онъ говоритъ также о кончинѣ міра и второмъ пришествіи І. Христа, хотя могъ, конечно, разумѣть также и другія изъ его посланій, которыя онъ зналъ самъ и предполагалъ извѣстными и своимъ читателямъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, еще при жизни апостоловъ Петра и Павла многія посланія этого послѣдняго были уже далеко и широко распространены, такъ какъ подъ этимъ только условіемъ понятно такое знакомство съ ними и употребленіе ихъ между довольно многочисленными христіанскими общинами Понта, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Виѳиніи, какое ясно предполагается словами апостола Петра: ихъ читали, занимались объясненіемъ ихъ содержанія и пр. ([1]).

([1]) Значеніе представленныхъ нами соображеній не мало не уменьшается, если даже подлинность 2-го соборнаго посланія Петра не при-

Между тѣмъ историческія данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что начавшееся въ церквахъ Малой Азіи еще при жизни апостола Павла собраніе его посланій мало по малу умножалось присоединеніемъ къ нему какъ разныхъ другихъ посланій того же апостола, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстнымъ церквамъ, такъ и посланій прочихъ апостоловъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ опять, прежде всего, открываемые въ дошедшихъ до насъ писаніяхъ мужей апостольскихъ ясные слѣды знакомства не только почти со всѣми посланіями апостола Павла, но также и съ бо́льшею частію другихъ апостольскихъ посланій и книгъ, хотя, какъ было уже замѣчено, при малочисленности сохранившихся отъ нихъ письменныхъ памятниковъ и при обращеніи ихъ къ писанію за подтвержденіемъ или уясненіемъ той или другой мысли своей лишь въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, и нельзя сказать, чтобы тѣ только посланія или вообще книги апостольскія и были имъ извѣстны, выдержки изъ которыхъ или ссылки на которыя находятся въ ихъ сочиненіяхъ, и чтобы имъ вовсе не были извѣстны всѣ тѣ, указаній на которыя нѣтъ. Во всякомъ случаѣ самые скептическіе изъ изслѣдователей не будутъ отрицать того, что въ сочиненіяхъ св. Климента Римскаго, св. Игнатія Бо-

знавать, а смотрѣть на него не болѣе, какъ на одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности; потому что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ время происхожденія его нужно полагать не позже втораго періода апостольскаго вѣка (70—100 г.); разница во времени происхожденія слѣд. незначительная (см. Versuch zur Herstellung des historisch. Standpuncts für die Kritik der N. Schriften, Thiersch, s 238—239; 275—276). Но подлинность этого посланія стоитъ выше всякаго сомнѣнія (Герике, Введеніе въ новоз. книги свящ. писанія, пол. 1-я, стр. 244—249).

гоносца, Поликарпа и др., можно находить указанія по крайней мѣрѣ на *десять* посланій апостола Павла (т. е. на всѣ посланія, адресованныя къ цѣлымъ христіанскимъ обществамъ или церквамъ) и *три* соборныхъ посланія—ап. Іакова, 1-е Петра и 1-е Іоанна ([1]). За исключеніемъ лишь нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ прямо поименовываются извѣстныя посланія апостольскія ([2]), употребленіе мужами апостольскими въ своихъ писаніяхъ различныхъ мѣстъ изъ этихъ посланій не представляется также еще въ формѣ какихъ-либо точныхъ, буквальныхъ цитатъ, а есть употребленіе, какъ говорятъ, чисто *гомилетическое* или *риторическое*, но тѣмъ не менѣе такое, изъ котораго, какъ сознается напр. даже

([1]) Не выписываемъ относящихся сюда многочисленныхъ мѣстъ изъ писаній мужей апостольскихъ; указаніе ихъ см. въ изданіяхъ Гефеле, или Дресселя, на русскомъ языкѣ—свящ. П. Преображенскаго, гдѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (а у первыхъ двухъ въ особыхъ, приложенныхъ въ концѣ изданія, индексахъ—Index locorum sacrae scripturae) можно видѣть тщательное указаніе на всѣ встрѣчающіяся въ писаніяхъ мужей апостольскихъ мѣста изъ различныхъ апостольскихъ посланій и другихъ книгъ; см. также Кирхгофера—Quellensammlung zur Gesch. d. Neutest. Canon's. Возраженія отрицательныхъ критиковъ противъ этихъ мѣстъ и дѣлаемыхъ на основаніи ихъ заключеній повторяются тѣже, какъ и противъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ евангелій; но они въ настоящемъ случаѣ еще менѣе состоятельны, потому что устное преданіе, къ которому обыкновенно обращаются для объясненія евангельскихъ мѣстъ, въ приложеніи къ мѣстамъ, заимствованнымъ изъ апост. посланій, оказывается по большей части совершенно неудобнымъ средствомъ объясненія.

([2]) Напр. св. Климентъ Римскій упоминаетъ о посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ (Epist. ad. Corinth., c. 47.—Hefele, p. 118); св. Игнатій о посланіи къ Ефесеямъ (Epist. ad. Ephes., c. XII, Hefele p 162); Поликарпъ—о посланіи къ Филиппійцамъ и нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть, какъ полагаютъ, о посланіяхъ къ Ѳессалоникійцамъ, находившимся въ одной съ Филиппами провинціи - Македоніи (Epist. ad. Philip. c. III: ὃς (sc. Παῦλος) καὶ ἀπὼν ὑμῖν ἔγραψεν ἐπιστολάς. Hefele, p. 260).

Рейссъ [1], легко убѣждаешься, что эти христіанскіе писатели второй генераціи занимались уже изученіемъ писателей первой,—что писанія апостольскія, распространившіяся далѣе тѣснаго круга своего первоначальнаго мѣстнаго назначенія, имѣли уже сильное вліяніе на ихъ ученіе. Какое же еще, спрашивается, можетъ быть для насъ лучшее доказательство священнаго, каноническаго значенія и собранія апостольскихъ писаній еще въ первенствующей церкви?

Въ сочиненіяхъ другихъ церковныхъ писателей разсматриваемаго нами времени мы находимъ также полное подтвержденіе этого. О. Папіѣ Іерапольскомъ Евсевій, читавшій его сочиненіе (Λογίων Κυριακῶν ἐξήγησις), положительно свидѣтельствуетъ, что онъ пользовался свидѣтельствами изъ перваго посланія Іоаннова и изъ перваго Петрова [2]. Только ли посланія этихъ апостоловъ признавалъ Папій и отвергалъ посланія ап. Павла, какъ утверждаютъ [3], для насъ это обстоятельство не имѣетъ особенной важности. Важенъ одинъ тотъ уже фактъ, что свидѣтельствами писаній апостольскихъ, какъ свидѣтельствами, имѣвшими священный, церковный авторитетъ, пользуется человѣкъ, на котораго обыкновенно ссылаются въ доказательство того, что будтобы до второй половины втораго вѣка апостольскія писанія не пользовались никакимъ значеніемъ и авторитетомъ въ церковномъ учительствѣ и практикѣ, что замѣною ихъ во всемъ служило устное преданіе. Составъ канона

(1) Histoire du Canon des S. Ecritures dans L'Eglise Chretienne, p. 23.

(2) Ц. истор, кн. III, 39.

(3) Der Canon und die Kritik des N. Testaments, A. Hilgenfeld, Halle. 1863. s. 18—20.

апостольскихъ писаній на первыхъ порахъ въ различныхъ церквахъ былъ не одинаковъ; еще болѣе были не одинаковы взгляды отдѣльныхъ учителей церкви на авторитетъ тѣхъ или другихъ апостольскихъ писаній. Если допустить, по этому (хотя для этого нѣтъ серьезныхъ историческихъ основаній), что и Папій, по своимъ личнымъ воззрѣніямъ, не признавалъ каноническаго авторитета за посланіями ап. Павла, то отсюда столь же неосновательно дѣлать какіе-либо отрицательные выводы по отношенію къ общему голосу церкви касательно этихъ посланій, сколько было бы неосновательно изъ хиліастическихъ понятій его заключать, что будтобы эти понятія его раздѣлялись всею тогдашнею церковію Христовой. Кромѣ упомянутыхъ двухъ посланій Папій, по ясному свидѣтельству Андрея, епископа Кесаріи Каппадокійской, зналъ также Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова и признавалъ его, какъ подлинное и богодухновенное писаніе [1]. По всей вѣроятности ему была извѣстна и книга Дѣяній апостольскихъ, хотя ея сказаніями онъ, какъ видно, не довольствовался, дополняя ее различными извѣстіями изъ устнаго преданія [2].

Искать особеннаго обилія указаній на посланія апостольскія въ весьма небольшомъ по объему посланіи къ Діогнету, писанномъ кромѣ того, какъ мы уже замѣчали, къ язычнику, было бы, безъ сомнѣнія, несправедливо; тѣмъ не менѣе и въ немъ самая строгая критика не отрицаетъ существованія весьма

(1) См. Reliquiae sacrae, Routh, Oxf. 1814, 1, p. 15.

(2) Такъ нужно думать на основаніи сообщаемыхъ Евсевіемъ отрывковъ изъ его сочиненій: Ц. Истор. кн. III, 39; ср. Hilgenfeld. Der Canon und die Kritik des N. Testaments, p. 17, Anmerk. 2.

ясныхъ заимствованій изъ нѣкоторыхъ посланій ап. Павла, а также изъ книги Дѣяній апостольскихъ (1). Справедливо замѣчаютъ также вообще, что изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ сочиненій втораго вѣка посланіе къ Діогнету составляетъ, и по своему духу и по своему изложенію, самое чистое выраженіе ученія апостольскаго (2). Какъ же объяснить эту точность въ передачѣ и духа и буквы апостольскаго ученія, если не такъ, что, слѣдовательно, неизвѣстный авторъ его былъ основательно знакомъ съ ученіемъ апостоловъ не на основаніи только преданія, но и чрезъ внимательное изученіе его въ собственныхъ, оставленныхъ ими, писаніяхъ, усвоивъ себѣ, такимъ образомъ, вполнѣ не только духъ, но и самый образъ выраженія его (3).

Переходя къ св. Іустину Мученику, къ обозрѣнію находящихся въ его сочиненіяхъ свидѣтельствъ относительно второй части новозавѣтнаго канона, мы встрѣчаемъ у него ясное и опредѣленное свидѣтельство объ одной лишь собственно книгѣ этой части канона,— именно объ Апокалипсисѣ, писателя котораго онъ прямо называетъ Іоанномъ, однимъ изъ апостоловъ Христовыхъ, и значеніе котораго онъ ставитъ наравнѣ съ богодухновенными пророческими писаніями

---

(1) Напр. Дѣян. XVII, 25, 29; cf. Epist ad Diogn. c. II, III (Hefele. p. 298, 300–302); Рим. VIII. 12, 32; cf. Epist. ad Diog. c. V, IX (Hefele, p. 306, 316); 1 Кор. IV, 10, 12; cf. cap. V (Hefele, p. 304—306); 2 Кор. VI, 9—10; Гал. IV. 10; Фил. III, 18—20 и др.

(2) Reuss, Histoire du Canon... p. 40

(3) Замѣчаніе это еще болѣе приложимо къ писаніямъ мужей апостольскихъ, въ которыхъ читающаго поражаетъ сколько высота и чистота христіанскаго любомудрія, столько же и вѣрность, точность въ самомъ образѣ выраженія возвышенныхъ истинъ христіанства.

ветхаго завѣта ([1]). Ни о книгѣ Дѣяній апостольскихъ, ни объ одномъ изъ посланій ап. Павла и другихъ апостоловъ св. Іустинъ не говоритъ ничего ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненій своихъ. Обстоятельство это нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей опять даетъ поводъ утверждать, что будтобы Іустинъ зналъ, правда, и эти книги, но по крайней мѣрѣ посланія ап. Павла исключалъ изъ числа новозавѣтныхъ священныхъ писаній, что канонъ этихъ писаній у него, какъ и у Папія, исключительно ограничивался писаніями апостоловъ изъ *двѣнадцати* или, какъ говорятъ, *иг-апостольскими* писаніями ([2]). Подобное мнѣніе, однако, отнюдь не болѣе основательно, какъ и то, что св. Іустинъ не зналъ будтобы, или зналъ, но не употреблялъ нашего четвероевангелія, пользуясь подъ именемъ апостольскихъ *мемуаровъ* евангеліемъ отличнымъ отъ нашихъ четырехъ евангелій. Указанное обстоятельство вполнѣ основательно объясняется изъ самаго свойства сохранившихся до насъ несомнѣнно подлинныхъ его сочиненій, а также изъ нѣкоторыхъ особенностей его апологетическихъ пріемовъ или метода доказательствъ. Два изъ этихъ сочиненій Іустина—апологіи большая и малая обращены были къ читателямъ—язычникамъ, а третье—разговоръ съ Трифономъ іудеемъ—къ читателямъ изъ іудеевъ ([3]). Понятно, что если въ

([1]) Dialog. c. Tryph. c 81 (Migne. ser. gr.. tom. VI. col. 669): «Καὶ ἐπειδὴ παρ' ἡμῖν ἀνήρ τις, ᾧ ὄνομα Ἰωάννης, εἷς τῶν ἀποστόλων τοῦ Χριστοῦ, ἐν ἀποκαλύψει γενομένῃ αὐτῷ χίλια ἔτη ποιήσειν ἐν Ἰερουσαλὴμ τοὺς τῷ ἡμετέρῳ Χριστῷ πιστεύσαντας προεφήτευσε».

([2]) Hilgenfeld, Der Canon und die Kritik des N Testaments, s 27; Creduer, Geschichte des N. Canon, s. 32—34.

([3]) Подлинность другихъ приписываемыхъ Іустину сочиненій, на-

послѣднемъ случаѣ были умѣстны ссылки, какъ на авторитетъ, лишь на писанія ветхаго завѣта, и указанія на мѣста изъ новаго завѣта могли быть дѣлаемы лишь для того, чтобы показать, что то или другое изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій исполнилось въ новомъ завѣтѣ, то и въ первомъ случаѣ также, если и можно было утверждаться на авторитетѣ книгъ священныхъ, то опять не на авторитетѣ книгъ апостольскихъ, новозавѣтныхъ, а главнымъ образомъ — ветхозавѣтныхъ, имѣвшихъ въ глазахъ читателей-язычниковъ по крайней мѣрѣ авторитетъ древности. Но и въ глазахъ самого Іустина лучшею апологіею божественности христіанства, высшимъ критеріемъ евангельской истины служили, какъ извѣстно, *пророчества* ветхаго завѣта, въ точности исполнившіяся въ событіяхъ новаго завѣта. Чудеса, могутъ сказать, были дѣломъ магіи; повѣствованіе могутъ признать невѣрнымъ; но тѣми, которые предсказывали будущее прежде, нежели оно сбылось, мы, говоритъ Іустинъ, по необходимости убѣждаемся, такъ какъ собственными глазами видимъ, что событія совершались и совершаются такъ, какъ было предсказано; это доказательство даже и для язычниковъ должно быть величайшимъ и истиннѣйшимъ (1). Отсюда и апологетическая аргументанція Іустина главнымъ образомъ

ковы: Слово къ эллинамъ, Увѣщаніе къ эллинамъ, О единовластительствѣ Божіемъ, Отрывокъ о воскресеніи или совершенно отвергается, или считается по крайней мѣрѣ сомнительною (см. Сочиненія св. Іустина философа и мученика, изд. въ рус. переводѣ свящ. П. Преображенскаго, Москва, 1864 г. стр. 23—24).

(1) Apolog. I, c. 30. Migne, ser. gr. tom VI, col. 373; cf. cap. 53, col. 405; Dialog. c. Tryph. cap. 32, col. 541.

состоитъ въ сближеніи пророческихъ мѣстъ ветхаго завѣта съ обстоятельствами евангельской исторіи, записанной въ воспоминаніяхъ апостоловъ; и такимъ образомъ цитаты изъ книгъ ветхозавѣтныхъ (главнымъ образомъ пророческихъ) съ одной стороны и изъ нашихъ четырехъ евангелій—съ другой являются почти единственными цитатами въ апологетическихъ сочиненіяхъ св. Іустина. Отсутствіе въ этихъ сочиненіяхъ его ясныхъ цитатъ изъ дидактической части новозавѣтнаго канона — апостольскихъ посланій еще отнюдь, стало быть, не доказываетъ того, чтобы Іустинъ не зналъ ихъ, или зналъ, но не признавалъ каноническаго авторитета ихъ (именно авторитета посланій ап. Павла). Такой выводъ поспѣшенъ и неоснователенъ еще болѣе потому, что сочиненія эти не были единственныя, писанныя Іустиномъ. Если бы до насъ дошли тѣ *другія* произведенія Іустина, которыхъ очень много, какъ говоритъ Евсевій ([1]), было въ рукахъ разныхъ братій, и изъ которыхъ нѣкоторыя поименовываетъ онъ самъ, въ особенности сочиненія его «противъ всѣхъ ересей» и «противъ Маркіона» ([2]), то мы открыли бы, по всей вѣроятности, въ нихъ обильныя и точныя заимствованія и изъ апостольскихъ посланій, какъ Павловыхъ, такъ и другихъ апостоловъ. Относительно послѣднихъ двухъ сочиненій мы можемъ съ особенною увѣренностію предполагать это, имѣя въ ви-

([1]) Ц. Истор. кн. IV, 18.

([2]) О первомъ изъ этихъ сочиненій своихъ упоминаетъ самъ Іустинъ (Apolog. I, cap. 26. Migne, col. 369), а послѣднее дважды цитуетъ св. Ириней (Contra hæres., lib. IV, 6, 2; lib. V, 26, 2. Migne, col. 987, 1194; cf. Евс. Ц. истор. IV, 18). Оба сочиненія читалъ еще Фотій—Bibliotheca, ed. Hœschelius, cod. 125.

ду частію особенный экзегетико-догматическій характеръ содержанія этихъ антиеретическихъ сочиненій Іустина, частію аналогическія съ ними сочиненія послѣдующихъ писателей церковныхъ — св. Иринея («Пять книгъ противъ ересей») и Тертулліана («Противъ Маркіона» V кн.), для которыхъ они могли послужить даже образцемъ ([1]).

Но справедливо ли и относительно дошедшихъ до насъ апологетическихъ сочиненій Іустина безу-

---

([1]) Выписываемъ прекрасное замѣчаніе относительно этого г. Тирша. «Изъ той увѣренности,— говоритъ Тиршъ, проводя историческую аналогію между этими сочиненіями и двумя послѣдними, названными сочиненіями Іустина,— съ какою Ириней и Тертулліанъ пользуются противъ еретиковъ доказательствами изъ новаго завѣта, изъ того обратившагося уже въ однообразный методъ постоянства, съ какимъ они дѣлаютъ это, мы въ правѣ заключать, что и аргументація Іустина въ этомъ отношеніи была подобная же или лучше—совершенно такая же. Если, поэтому, наша придирчивая критика, не находя въ апологетическихъ сочиненіяхъ Іустина противъ іудейства и язычества такихъ же ясныхъ цитатъ изъ Іоанновыхъ, Павловыхъ и другихъ новозавѣтныхъ писаній, какія встрѣчаются на каждой страницѣ у Иринея и у послѣдующихъ антиеретическихъ авторовъ, думаетъ на этомъ недостаткѣ построить свои выводы противъ этихъ писаній, то эти выводы ея до тѣхъ поръ, доколѣ она будетъ утверждать, будто дошедшія до насъ сочиненія Іустина составляютъ *вполнѣ достаточныя* основанія для нихъ, всегда будутъ признаваться несостоятельными. На какомъ, въ самомъ дѣлѣ, основаніи она предполагаетъ, что и *антиеретическія* сочиненія Іустина были въ этомъ отношеніи (т. е. относительно цитатъ изъ новаго завѣта) совершенно одинаковы съ его *апологетическими* сочиненіями? Почему она опускаетъ изъ виду различіе этихъ обоихъ родовъ литературы, игнорируя также и несомнѣнную связь антигностическихъ сочиненій Іустина съ сочиненіями послѣдующихъ писателей? Мы убѣждены, что если бы изъ экзегетико-догматической части сочиненій Іустина противъ Маркіона или противъ всѣхъ еретиковъ нашелся фрагментъ хотя бы только въ одну страницу величиною, мы увидѣли бы разбитыми въ прахъ все множество гипотезъ, построенныхъ на неправильно понимаемомъ молчаніи Іустина о нѣкоторыхъ писаніяхъ новаго завѣта въ своихъ апологетическихъ сочиненіяхъ» (Versuch zur Herstellung des histor. Standpuncts für die Kritik d. N. Schriften, s. 380—381).

словно утверждать, что будтобы въ нихъ нѣтъ дѣйствительно никакихъ положительно слѣдовъ того, что Іустинъ очень хорошо зналъ и посланія ап. Павла, и причислялъ ихъ такъ же, какъ и евангелія, къ чтимымъ въ христіанской церкви писаніямъ (*ἱερὰ συγγράμματα*)? И въ его апологіи (такъ называемой большой), и еще чаще въ разговорѣ съ Трифономъ іудеемъ встрѣчаются какъ отдѣльныя выраженія, такъ и цѣлыя мысли, которыя, и по смыслу и по буквѣ, составляютъ очевидное заимствованіе изъ разныхъ посланій апостола Павла (¹); замѣчательно также, что очень многія изъ цитатъ ветхаго завѣта у Іустина представляютъ гораздо болѣе сходства съ текстомъ этихъ же самыхъ цитатъ въ посланіяхъ ап. Павла, чѣмъ съ переводомъ LXX. Въ тоже время мы встрѣ-

(¹) Такъ, подобно ап. Павлу въ посланіи къ Колос. I, 15—17, Іустинъ неоднократно называетъ І. Христа «перворожденнымъ Божіимъ» или «перворожденнымъ всей твари» (Apol. I, c. 46, Migne, col. 397; Dialog. c. Tryph. c. 85, col. 676; Apolog. II, c. 6, col. 453); говоритъ, что Онъ называется также «посланникомъ» (ἀπόστολος), какъ у одного ап. Павла называется І. Хр. въ посланіи къ Евр. III, 1 (Apol. I, c. 63, col. 424); «Онъ (І. Хр.),—говоритъ Іустинъ,—есть по чину Мелхиседекову царь салимскій и вѣчный священникъ Вышняго» (ср. Евр. V, 9—10; VI, 20; VII, 12); «Пасха былъ Христосъ, который принесенъ въ жертву», ср. 1 Кор. V, 7 (Dialog. c. Tryph. c. 111, 113, col. 732, 737). Въ одинаковыхъ съ ап. Павломъ выраженіяхъ (Рим. III, 11—17) Іустинъ изображаетъ всеобщую безотвѣтность предъ Богомъ (Dialog. c. Tryph. c. 27, col. 533); называетъ, подобно ап. Павлу (2 Θессал. 2, 3 и д.), антихриста *человѣкомъ беззаконія* (ὁ τῆς ἀποστασίας ἄνθρωπος), говорящимъ гордыя слова даже на Всевышняго, и пр. (Dialog. c. Tryph. c. 110, col. 729). Сводъ разныхъ другихъ мѣстъ см. у Кирхгофера въ его Quelensammlung zur Geschichte d. N. Canons. Правда, Іустинъ нигдѣ не упоминаетъ имени ап. Павла и не называетъ ни одного изъ его посланій, но это, какъ мы уже видѣли, обыкновенное явленіе въ сочиненіяхъ древнѣйшихъ писателей церковныхъ, пользующихся писаніями апостольскими, и весьма естественное въ сочиненіяхъ Іустина, обращенныхъ къ язычникамъ или іудеямъ.

чаемъ въ тѣхъ же сочиненіяхъ нѣкоторыя выраженія, правда частныя, отрывочныя, но тѣмъ не менѣе весьма ясныя, которыя показываютъ, что и апостолы точно такъ же, какъ и пророки, и писанія первыхъ, какъ писанія послѣднихъ, имѣли для Іустина одинаково важное, священное значеніе ([1]); и ни откуда не видно, чтобы Іустинъ исключалъ, какъ говорятъ, Павла изъ лика апостоловъ Христовыхъ, считая его просто *учителемъ язычниковъ* (διδάσκαλος ἐθνῶν), или чтобы понятіе *священнаго писанія* у него вообще исключительно ограничивалось книгами ветхаго завѣта ([2]).

Итакъ, можно жалѣть, что въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Іустина, вслѣдствіе особеннаго характера раскрываемыхъ въ нихъ задачъ и своего первоначальнаго назначенія, мы не имѣемъ достаточно

([1]) И апостолы, какъ пророки, дѣйствовали по Іустину облеченные *силою Божіею* (Apol. I, c. 39, 50, col. 388, 404); тѣ и другіе были органами *голоса Божія* (Dialog. c. Tryph., c. 119, col. 753). «Мы тверды въ вѣрѣ и ученіи Его (І. Хр.),—говоритъ Іустинъ въ одномъ мѣстѣ Трифону,—потому что насъ убѣждаютъ въ томъ *и пророки* и *ап.*, которые сдѣлались по всей вселенной чтителями Бога во имя Распятаго» (Dialog. c. Tryh., c. 53, col. 593; cf. c. 9, col. 493) и др.

([2]) И то и другое мнѣніе держится главнымъ образомъ на предвзятой теоріи о принадлежности Іустина Муч. къ *іудаистической* партіи христіанъ или такъ называемой *свободной петриніанской* (die freiere Petrinische), державшейся будтобы *умѣреннаго* направленія въ отношеніи къ павліанамъ, или находившейся въ *федеративно-унитарномъ* отношеніи съ ними (Verhältniss von föderativ-unirten). См. Credner'a, Geschichte d. N. Canon, s: 33—34, cf. Hilgenfeld'a, Der Canon und die Kritik d. N. Testaments, s. 24 и д. Историческая несостоятельность всѣхъ подобныхъ теорій очень хорошо извѣстна. Указываемые Рейссомъ (Histoire du Canon... p. 50—52, 54) факты въ доказательство того и другаго изъ самыхъ сочиненій Іустина или ничего не доказываютъ, или доказываютъ только справедливость сдѣланнаго нами замѣчанія объ особенномъ положеніи книгъ ветхозавѣтныхъ, преимущественно пророческихъ, въ апологетической аргументаціи Іустина.

ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ и относительно второй части новозавѣтнаго канона, какъ мы имѣемъ ихъ относительно первой—евангелій, чтобы на основаніи ихъ можно было въ точности опредѣлить извѣстный Іустину составъ этой части его, но несправедливо утверждать на основаніи ихъ, чтобы Іустинъ держался какихъ-либо особенныхъ, іудейско-партикуляристическихъ воззрѣній на входящія въ составъ ея писанія апостольскія,—признавалъ лишь авторитетъ посланій апостоловъ изъ двѣнадцати, хотя никакихъ слѣдовъ употребленія ихъ нѣтъ, а посланія ап. Павла прямо отвергалъ или не признавалъ за ними, какъ и за самимъ авторомъ ихъ, священнаго, апостольскаго авторитета. Мнѣніе это лишено всякихъ основаній.

Отъ обозрѣнія памятниковъ учителей и писателей церкви мы опять обратимся, какъ къ «весьма существенному элементу въ исторіи новозавѣтнаго канона», къ памятникамъ еретической литературы первой половины втораго вѣка. На еретиковъ втораго столѣтія указываютъ вообще, какъ на лица, которыя первыя почувствовали будтобы нужду свои теологическія и философскія идеи подтверждать ссылками на дѣйствительныя или мнимыя книги апостольскія (1). Съ этимъ замѣчаніемъ, хотя и не совсѣмъ правильнымъ (2), нельзя не согласиться въ томъ отношеніи,

(1) Reuss, Die Geschichte der heilig. Schriften N. T., s. 287.

(2) Неправильность его состоитъ въ томъ, что будтобы еретики первые указали на писанія апостольскія, какъ на авторитетъ въ дѣлѣ вѣроученія христіанскаго, первые воспользовались ими для своихъ еретическихъ цѣлей, и что уже полемикою противъ нихъ и учители церкви приведены были къ надлежащему изученію ихъ и употребленію. Опроверженіемъ этого служатъ ясные слѣды употребленія апо-

что между дошедшими до насъ древнѣйшими памятниками христіанской письменности сочиненія еретиковъ представляютъ, дѣйствительно, особенное обиліе ясныхъ и пространныхъ заимствованій изъ писаній апостольскихъ. Мы видѣли уже, какія ясныя доказательства представляютъ намъ относительно нашего четвероевангелія три наиболѣе извѣстные между еретиками первой половины втораго вѣка ересіарха: Маркіонъ, Валентинъ и Василидъ. Обращаясь къ обозрѣнію сохранившихся въ разныхъ извѣстіяхъ объ этихъ же еретикахъ данныхъ, относящихся къ разсматриваемой нами второй части новозавѣтнаго канона, мы находимъ у нихъ и въ этомъ отношеніи полное также подтвержденіе добытыхъ нами доселѣ результатовъ о древности и этой части канона.

О Маркіонѣ мы уже знаемъ, что составленный имъ сборникъ новозавѣтныхъ книгъ заключалъ въ своей второй части, называвшейся ὁ ἀπόστολος, *десять* посланій ап. Павла, — именно: посланія къ Римлянамъ, къ Коринѳянамъ (оба), Галатамъ, Ефесеямъ (лаодикійцамъ), Филиппійцамъ, Колоссаямъ, Солунянамъ (оба) и Филимону, имѣвшія, впрочемъ, у Маркіона иной распорядокъ (1). Относительно этихъ десяти посланій сборникъ Маркіона представляетъ, безспорно, ясное доказательство широкаго распространенія и общепризнаннаго авторитета ихъ въ

стольскихъ писаній въ самыхъ древнихъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненій мужей апостольскихъ.

(1) Порядокъ ихъ у Маркіона былъ слѣдующій: къ Галатамъ, къ Коринѳянамъ (1-е и 2-е), къ Римлянамъ, къ Ѳессалоникійцамъ (1 и 2), къ Ефесеямъ или лаодикійцамъ, къ Колоссаямъ, къ Филиппійцамъ, къ Филимону. Относительно мѣста послѣдняго посланія Тертулліанъ и Епифаній разногласятъ; послѣдній ставитъ его прежде посланія къ филиппійцамъ (Adver. Marc. lib. V, cap. 2—21; cf. Epiph., Hæres. 42).

церкви Христовой не во времена только Маркіона, но и гораздо ранѣе его. Думать въ самомъ дѣлѣ, что Маркіонъ первый будтобы собралъ и выставилъ на видъ ихъ каноническій авторитетъ, и что по его уже примѣру сдѣлала это и церковь, — думать такъ есть историческій абсурдъ. Чтобы утверждать это, нужно,—по прекрасному замѣчанію Герике, — всѣ слѣды канона до Маркіона вычеркнуть изъ исторіи, а это значило бы не менѣе, какъ и самого Маркіона и извѣстія о его канонѣ вычеркнуть также изъ исторіи [1]. Но указанныя посланія, принятыя Маркіономъ въ свой канонъ, — заимствовалъ ли онъ собраніе ихъ изъ преданія церкви своего роднаго города Синопа, или изъ преданія церкви римской,—составляли опять, какъ и принятое имъ въ свой канонъ одно евангеліе Луки, лишь *частицу* (particulam) изъ извѣстнаго въ той и другой церкви канона апостольскихъ писаній, — частицу, избранную имъ сообразно съ своими антиюдаистическими воззрѣніями. Св.Ириней ясно говоритъ, что «Маркіонъ и его послѣдователи обратились къ усѣченію писаній, нѣкоторыхъ изъ нихъ совсѣмъ не признавая, а евангеліе Луки и *посланія Павла* сокращая и почитая то только подлиннымъ, что́ они такимъ образомъ сократили» [2]. Согласно съ Иринеемъ и Тертулліанъ, обвиняя Маркіона въ томъ же усѣченіи, искаженіи писаній апостольскихъ, прямо поименовываетъ даже нѣкоторыя изъ такихъ усѣченныхъ или исключенныхъ имъ изъ свое-

---

(1) Введеніе въ новоз. книги свящ. писанія, Москва, 1869 г., пол. 2 я, стр. 109, примѣч. 4.

(2) Contra hæres. lib. III, c. XII. § 12. Migne, col. 906; cf. lib. I, c. 27, § 2, col. 688.

го канона писаній,—именно: книгу Дѣяній апостольскихъ, Апокалипсисъ Іоанна и пастырскія посланія ап. Павла къ Тимоѳею и Титу [1]. Объ этихъ пяти книгахъ апостольскихъ мы можемъ, слѣдовательно, опредѣленно сказать, что онѣ не случайно не вошли въ собраніе Маркіона, но были именно исключены имъ по догматическимъ основаніямъ [2]. Такъ ли нужно объяснять отсутствіе въ канонѣ Маркіона и всѣхъ остальныхъ, недостающихъ въ немъ, посланій апостольскихъ (т. е. семи соборныхъ посланій и посланія къ Евреямъ),— положительныхъ данныхъ для этого мы не имѣемъ. Не невѣроятно, однакожъ, что по крайней мѣрѣ двѣ изъ этихъ недостающихъ книгъ: *первое посланіе ап. Петра* и *первое же посланіе ап. Іоанна*, какъ скорѣе другихъ распространившіяся въ церкви, и изъ которыхъ первая въ тоже время была и адресована, между прочимъ, къ христіанамъ Понта, Маркіонъ также зналъ, но не принялъ ихъ въ свой канонъ, потому что писателей ихъ считалъ неправо ходившими во истинѣ Христовой. Изъ прочихъ пяти книгъ апостольскихъ однѣ могли быть, дѣйствительно, вовсе неизвѣстны еще Маркіону и среди

---

(1) Advers. Marc., lib. IV, c. 5. Migne ser. pr. tom. II, col. 376; lib. V, c. 2, col. 472; cap. 21, col. 524; cf. De praescript. adv. haeret. c. 22, col. 34—35.

(2) Мнѣніе Гильгенфельда (Der Canon und die Kritik d. N. Testamente, s. 23 — 24), повторяющаго вслѣдъ за Бауромъ, что будто бы пастырскія посланія къ Тимоѳею и Титу и были написаны собственно противъ Маркіона и его секты, т. е. въ половинѣ 2-го вѣка, и что потому отсутствіе ихъ въ канонѣ Маркіона не должно и удивлять насъ, опровергается какъ содержаніемъ этихъ посланій, такъ и всѣми данными исторіи (см. Герике, Введеніе въ новозав. книги свящ. писанія, 2 пол., стр. 86 — 96). Строго антигностическій характеръ содержанія этихъ посланій — вотъ главнѣйшее основаніе, по которому не только Маркіонъ отвергалъ эти посланія, но и другіе еретики.

тѣхъ церквей, изъ преданія которыхъ онъ заимствовалъ свой канонъ, другія же хотя и были извѣстны, но подвергались сомнѣніямъ, пререканіямъ относительно своей подлинности, своего авторитета, и уже по этому одному не могли войти въ его канонъ, какъ это можно предполагать напр. относительно посланія къ Евреямъ ([1]). Въ канонѣ Маркіона мы имѣемъ, такимъ образомъ, самое ясное и полное доказательство того, что каноническое собраніе не только большей части посланій ап. Павла, но и посланій другихъ апостоловъ восходитъ къ самымъ раннимъ временамъ церкви Христовой; безъ этого предположенія канонъ Маркіона и всѣ извѣстія о немъ были бы совершенно необъяснимы.

Прямое свидѣтельство Тертулліана о Валентинѣ, что онъ, въ противоположность Маркіону, пользовался, какъ кажется, *integro instrumento* ([2]), т. е. цѣлымъ, неповрежденнымъ составомъ апостольскихъ писаній, если и не даетъ права утверждать, что онъ пользовался всѣмъ тѣмъ составомъ апостольскихъ писаній, какой былъ извѣстенъ во времена Тертул-

---

([1]) Въ церквахъ западныхъ, и въ частности римской, авторитетъ посланія къ Евреямъ очень рано, какъ увидимъ далѣе, подвергся сомнѣніямъ и пререканіямъ, а потому и Маркіонъ, дѣйствовавшій главнымъ образомъ въ Римѣ, могъ также не принять его въ свой канонъ, тѣмъ болѣе, что его антиіудейскій гносисъ стоялъ совершенно въ разрѣзъ съ этимъ посланіемъ, — что не помѣшало, впрочемъ, явиться на западѣ мнѣнію о маркіонитскомъ происхожденіи его, какъ это можно усматривать изъ одного мѣста въ канонѣ Мураторія, —мѣста, понимаемаго неодинаково (см. у Герике, 2-я пол., стр. 205 — 206, примѣч. 23). Во всякомъ случаѣ отсутствіе его въ канонѣ Маркіона отнюдь не можетъ служить свидѣтельствомъ, какъ думаетъ Гильгенфельдъ (s. 24), противъ его распространенія и признанія въ церкви разсматриваемаго нами времени.

([2]) De praescript. c. 38. Migne, ser. pr., tom. 2, col. 52.

ліана, то позволяетъ во всякомъ случаѣ сказать, что и Валентинъ, подобно Маркіону, зналъ и пользовался не только всѣми тѣми писаніями ихъ, которыя входили въ сборникъ этого послѣдняго, но и нѣкоторыми другими, которыхъ въ немъ не было. И такое заключеніе вполнѣ подтверждается съ одной стороны извѣстіями Иринея и Ипполита о Валентинѣ и его школѣ, съ другой — сохранившимися отрывками изъ сочиненій писателей этой школы. Св. Ириней, замѣчая вообще о валентиніанахъ, что они извлекаютъ доказательства въ свою пользу и изъ евангелій и *изъ посланій апостольскихъ* ([1]), приводитъ также и весьма многіе примѣры такого заимствованія. Изъ посланій апостольскихъ св. Ириней указываетъ на мѣста изъ посланій къ Римлянамъ, 1-го къ Коринѳянамъ, къ Галатамъ, къ Ефесеямъ и къ Колоссаямъ([2]). Весьма замѣчательные примѣры цитатъ изъ тѣхъ же самыхъ посланій (за исключеніемъ, впрочемъ, посланія къ Галатамъ) мы видимъ и у св. Ипполита въ его изложеніи системы Валентина, — замѣчательные въ особенности потому, что они приводятся съ такими предварительными формулами, которыя ясно выражаютъ и авторитетъ цитуемыхъ такимъ образомъ писаній и ихъ широкую извѣстность,—каковы, напр., «такъ написано въ писаніи», и «апостолъ говоритъ» и др. ([3]). Дополненіемъ этихъ извѣстій

([1]) Contra haeres., lib. I, c. 3, § 6.—Migne, col. 478.

([2]) См. Contra haeres., lib. I, c. III и VIII; у Кирхгофера, s. 393—395.

([3]) Philosophumena, lib. VI, 34, pag. 293—294: «Τοῦτο ἐστί, φησί (sc. ὁ Βαλεντεῖνος), τὸ γεγραμμένον ἐν τῇ γραφῇ: «Τούτου χάριν κάμπτω τὰ γόνατά μου πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα καὶ Κύριον τοῦ Κυρίου ἡμῶν I. Χριστοῦ, ἵνα δώῃ ὑμῖν ὁ Θεὸς κατοικῆσαι τὸν Χριστὸν εἰς τὸν ἔσω ἄνθρωπον,... ἵνα ἐξισχύσητε νοῆσαι τί τὸ βάθος,... καὶ τί τὸ πλάτος,... ἢ τί τὸ μῆκος»... cf. Еф.

служатъ для насъ цитаты, находящіяся въ сочиненіяхъ учениковъ Валентина. Такъ у Птолемея, Гераклеона и Теодота мы встрѣчаемся, кромѣ цитатъ изъ указанныхъ посланій, съ довольно опредѣленными ссылками на 1-е и 2-е посланія къ Тимоѳею и на первое посланіе ап. Петра [1]. Ясно, что и авторитетъ этихъ посланій пользовался въ преданіяхъ школы полнымъ признаніемъ. Имѣя же въ виду то, что школа Валентина съ особенною любовію относилась къ евангелію Іоанна, можно думать, что въ ней очень хорошо было извѣстно по крайней мѣрѣ первое посланіе возлюбленнаго ученика Христова, представлявшее въ своемъ содержаніи богатый также матеріалъ для религіозно-метафизическихъ ея умозрѣній. Такимъ образомъ и открываемыя въ различныхъ извѣстіяхъ данныя относительно Валентина и его школы ни мало не ослабляютъ достовѣрности предыдущихъ выводовъ нашихъ о древности каноническаго собранія большей части апостольскихъ посланій.

Наконецъ, что касается Василида, то въ весьма опредѣленныхъ извѣстіяхъ о его ученіи, передаваемыхъ намъ св. Ипполитомъ въ своихъ Philosophu-

III, 14—18.—§. 35, p. 294: «Καὶ ὁ Ἀπόστολος (λέγει): «Τὸ μυστήριον ὃ ταῖς προτέραις γενεαῖς οὐκ ἐγνωρίσθη». Cf. Колос. I, 26. Не менѣе опредѣленны и другія, приводимыя у св. Ипполита, цитаты: 1 Кор. II, 14 (p. 294), Рим. VIII, 2 (p. 296). Эти немногія цитаты, замѣтимъ, не были, безъ сомнѣнія, единственныя у Валентина; главною цѣлію у Ипполита въ изложеніи системы Валентина, какъ и другихъ еретиковъ, было—доказать, что ученіе этого еретика заимствовано не изъ св. писанія, а изъ ученія Пиѳагора и Платона; понятно, что на отношеніе его къ нашимъ свящ. книгамъ онъ могъ не обратить особеннаго вниманія.

(1) Собраніе относящихся сюда мѣстъ изъ сочиненій этихъ еретиковъ см. у Кирхгофера, Quellensammlung zur Geschichte des N. Canons, s. 395—414).

тепа, мы находимъ также хотя не многіе, но весьма выразительные примѣры цитатъ изъ нѣкоторыхъ опять посланій ап. Павла: изъ посланій къ Римлянамъ, 1-го и 2-го къ Коринѳянамъ и къ Ефесеямъ ([1]). Климентъ Александрійскій приводитъ одинъ отрывокъ изъ двадцать третьей книги Ἐξηγητικῶν Василида, составляющій, и по смыслу и по буквѣ, очевидное заимствованіе изъ перваго посланія ап. Петра гл. IV, 14—16 ([2]). На основаніи этихъ данныхъ, а также въ виду того, что Іеронимъ, упоминая объ отрицаніи Василидомъ пастырскихъ посланій ап. Павла ([3]), ничего не говоритъ о другихъ посланіяхъ, можно, какъ кажется, принять за несомнѣнное, что и этотъ старѣйшій изъ гностиковъ первой половины втораго вѣка имѣлъ уже у себя подъ руками или зналъ собраніе большей части посланій ап. Павла, а также и нѣкоторыхъ посланій другихъ апостоловъ.

Итакъ, относя начало собранія и второй части канона новозавѣтныхъ книгъ къ столь же глубокой древности, какъ и образованіе канона евангелій, т. е. къ концу перваго (апостольскаго) вѣка или къ началу втораго, мы имѣемъ для этого, какъ показываютъ всѣ вышеизложенные факты, еще болѣе твердыя историческія основанія, чѣмъ по отношенію къ евангеліямъ. Въ церкви ли ефесской и вообще въ мало-

([1]) Philosophumena, ed. Cruice, lib, VII; Римл. VIII, 22; V, 13—14 (p. 357), 1 Кор. II, 13 (p. 360); 2 Кор. XII, 4 (p. 361); Еф. I, 21; III, 3, 5 (p. 368, 361). Указанныя цитаты составляютъ, очевидно, опять лишь частные примѣры, извлеченные Ипполитомъ изъ сочиненій Василида и его школы.

([2]) См. собраніе фрагментовъ Василида и его послѣдователей у Грабе, Spicilegium Ss. Patrum et Haeret. tom. II, p. 62.

([3]) Comment. in. epist. ad Titum, prooem. (Migne, tom. XXVI, col. 555—556).

азійскихъ церквахъ началось также, какъ полагаютъ, собраніе и этой части канона, — относительно этого нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Судя по всѣмъ даннымъ, болѣе вѣроятнымъ представляется то предположеніе, что образованіе ея происходило одновременно въ различныхъ мѣстныхъ церквахъ востока и запада по мѣрѣ распространенія въ нихъ апостольскихъ книгъ; но при этомъ нельзя отрицать, что въ церквахъ малоазійскихъ, составлявшихъ по разрушеніи Іерусалима духовное средоточіе церкви, и въ особенности въ церкви ефесской, основанной ап. Павломъ, имѣвшей своимъ первымъ предстоятелемъ возлюбленнаго ученика его Тимоѳея и служившей долгое время мѣстопребываніемъ ап. Іоанна, собраніе ея скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могло достигнуть наибольшей полноты, а может быть даже и совершенной законченности. Послѣдующая исторія канона отчасти дастъ намъ возможность гадать, каковъ былъ въ частности составъ этой второй части канона въ различныхъ церквахъ, восточныхъ и западныхъ, въ разсматриваемую эпоху.

В. Рождественскій.

(*Продолженіе будетъ*).

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 600-663.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРІАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ).

Окончаніе.

Ссылались ли Арсениты, въ оправданіе своего отдѣленія отъ церкви, кромѣ церковныхъ канановъ, еще и на факты изъ церковной исторіи прежняго времени, и на изреченія отцовъ и учителей церкви, какъ это дѣлали ихъ противники? У историковъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія о рѣчахъ и дѣлахъ Арсенитовъ, мы находимъ лишь одно прямое указаніе относительно этого предмета. Это указаніе находится въ рѣчи императора Андроника Палеолога, произнесенной на извѣстномъ собесѣдованіи съ Арсенитами, на соборѣ 1306 г., и записанной у Пахимера. Изъ этой рѣчи видно, что Арсениты, въ оправданіе своего отдѣленія отъ церкви, ссылались, между прочимъ, на примѣръ св. Максима Исповѣдника, который во время моноѳелитскихъ споровъ не задумался отдѣлиться отъ константинопольской церкви, когда она заразилась моноѳелитствомъ, и одинъ на свой страхъ—ратовать за истину.

Но есть основанія предполагать, что они не огра-

ничивались ссылкою на примѣръ св. Максима Исповѣдника, а ссылались и на другіе примѣры, приводили также и мѣста изъ твореній отцовъ и учителей прежняго времени. Такъ предполагать заставляютъ: а) методъ, которому слѣдуютъ въ своихъ доводахъ противъ Арсенитовъ ихъ противники. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что они перебирали длинный рядъ дѣлъ, подобныхъ дѣлу Арсенія не потому только, что находили аналогію между этими дѣлами, выгодную для занимаемаго ими положенія съ ихъ точки зрѣнія, но и потому, что въ этихъ же дѣлахъ усматривали и Арсениты извѣстную аналогію, которою пользовались для своего оправданія предъ своими противниками. Указаніе на это мы видимъ въ сужденіи Арсенитовъ о святительствѣ св. Мелетія антіохійскаго, св. Германа Исповѣдника, св. Прокла и св. Григорія Богослова, записанномъ въ трактатѣ Меѳодія. б) То мѣсто въ трактатѣ Меѳодія, гдѣ онъ, упоминая о томъ, что́ говорили и писали другъ противъ друга перечисленые имъ отцы и учители церкви, ἀνθρώπινόν τι παθόντες, замѣчаетъ, что «все это вы хорошо знаете» и «многіе изъ васъ, повидимому, испытали тоже самое». Это мѣсто показываетъ, что Арсениты не только знали, что̀ говорили и писали перечисляемые ихъ противниками отцы церкви, находясь въ свойственномъ людямъ раздражительномъ состояніи, но и сами, — если не всѣ, то нѣкоторые, — усердно имъ вторили. в) Тотъ фактъ, что между дѣломъ Арсенія, защищаемымъ Арсенитами, и перечисленными у Меѳодія дѣлами его предшественниковъ на константинопольской каѳедрѣ дѣйствительно существовала близкая аналогія и не въ томъ только смыслѣ, въ какомъ допускали эту

аналогію ихъ противники, но и въ томъ, въ какомъ находили или, по крайней мѣрѣ, могли находить ее Арсениты. Все это вынуждаетъ насъ прослѣдить аналогію дѣла Арсенія съ дѣлами его предшественниковъ въ томъ направленіи, въ какомъ эту аналогію могли находить Арсениты. И на этотъ разъ мы ограничимся четырьмя, изложенными уже нами со словъ Меѳодія, дѣлами. Для нашей цѣли этого будетъ вполнѣ достаточно.

И такъ, что говорили и писали *ἀνθρώπινόν τι παθόντες* знаменитые предшественника Арсенія и ихъ сторонники въ положеніи, подобномъ тому, въ какое былъ поставленъ Арсеній и Арсениты?

а) Начнемъ со св. Златоуста. Вотъ что писалъ святитель о своемъ дѣлѣ въ письмѣ къ папѣ Иннокентію: «еще прежде полученія нашего посланія, ваше благоговѣніе, думаю, слышали о совершившемся здѣсь беззаконіи... и вездѣ этотъ слухъ... возбудилъ прискорбіе и огорченіе. Но такъ какъ не скорбѣть только надобно, а стараться поправить дѣло..., то мы сочли необходимымъ упросить почтеннѣйшихъ господъ моихъ, благоговѣйнѣйшихъ епископовъ: Димитрія, Пансофія, Паина и Евгенія, оставивъ свои паствы... прибѣгнуть къ любви вашей и, разъяснивъ вамъ подробно все, по возможности ускорить такимъ образомъ исправленіе совершившагося». Разсказавши затѣмъ подробно исторію вызова Ѳеофила Александрійскаго къ отвѣту въ Константинополь и неожиданнаго превращенія его изъ подсудимаго въ судью, и замѣтивши, что «вызовъ на судъ, присланный ему Ѳеофиломъ, прежде, чѣмъ самъ онъ оправдался отъ существовавшихъ противъ него обвиненій, былъ совершенно противенъ и церковнымъ

канонамъ и всѣмъ законамъ», святитель продолжаетъ: «Зная, что насъ зовутъ не въ судилище, а къ непріятелю и врагу..., мы послали къ нему епископовъ..., сказавъ, что суда не избѣгаемъ, но избѣгаемъ явнаго непріятеля и открытаго врага... Но, ни на что не обращая вниманія, онъ рѣшился непремѣнно исполнить то, что̀ задумалъ..., отъ начала до конца дѣйствуя противозаконно и съ церковными правилами не сообразно.... Итакъ, заключаетъ святитель, почтеннѣйшіе и благоговѣйнѣйшіе господа мои, зная теперь все это, покажите подобающее вамъ мужество и усердіе, чтобы остановить таковое, распространившееся въ церквахъ, поруганіе законовъ. Если этотъ обычай войдетъ въ силу, если позволительно будетъ всякому желающему, не смотря ни на какую дальность разстоянія, вторгаться въ чужіе округи, извергать всѣхъ, кого угодно, дѣлать по собственному произволу все, что захочется; то знайте, что тогда все пойдетъ вверхъ дномъ, своего рода безпощадная война обойметъ всю вселенную, всѣ будутъ всѣхъ извергать и въ свою очередь извергаться другими. Поэтому, чтобы такое смятеніе не объяло всю подсолнечную, потрудитесь объявить посланіемъ, что все, какъ противозаконно сдѣланное,—въ отсутствіе наше, одною партіею, когда мы притомъ не уклонялись отъ суда,—не имѣетъ никакой силы, какъ оно и дѣйствительно не имѣетъ по существу дѣла, и обличенныхъ въ таковомъ преступленіи предать наказанію по церковнымъ законамъ; а намъ, какъ мы ни въ какой винѣ не уличены, не изобличены, и никакой вины за нами не доказано, дозвольте непрерывно пользоваться вашими посланіями, вашею любовію и всѣмъ

прочимъ по прежнему... постарайтесь подать намъ возможную со своей стороны помощь. Этимъ вы не намъ только угодите, но всей совокупности церквей, и заслужите награду у Бога, который ради мира церквей все дѣлаетъ» (1).

Тотъ же взглядъ на свое дѣло и на средства поправить оное высказываетъ св. Златоустъ и во второмъ письмѣ къ тому же папѣ, равно какъ и въ письмахъ къ разнымъ другимъ епископамъ, писанныхъ въ разныя времена уже съ мѣста ссылки: «предлежащая вамъ борьба, пишетъ изгнанный святитель во второмъ письмѣ къ тому же папѣ, идетъ за всю почти вселенную,—за попраніе церквей, за разсѣяніе паствъ, за нападеніе на клиры, за ссылки епископовъ, за нарушеніе отеческихъ постановленій. Поэтому снова и снова, несчетное число разъ, умоляемъ вашу рачительность, чѣмъ сильнѣе буря, тѣмъ болѣе показать усердія. Мы надѣемся, что дѣло поправится лучше. А если бы этого и не сбылось; во всякомъ случаѣ вамъ уготованъ за вашъ подвигъ вѣнецъ у человѣколюбиваго Бога, а неправедно гонимымъ такое проявленіе вашей любви послужитъ въ немалое утѣшеніе»... (2).

«Блаженны вы», восклицаетъ святитель въ своемъ письмѣ къ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, заключеннымъ за благочестіе въ темницы (3), «въ вашемъ темничномъ заключеніи, въ вашихъ цѣпяхъ и узахъ; блаженны троекратно, тысячекратно

(1) Къ Иннокентію, епископу римскому, письмо первое, по русск. переводу, сдѣланному при с.-петербургской Д. Академіи и изданному въ С.-Петербургѣ 1865 г. стр. 3—14.

(2) Тамъ же, стр. 17—18.

(3) Тамъ же, стр. 18—21.

блаженны вы, возбудившіе во всей вселенной нѣжное участіе къ себѣ и содѣлавшіе своими приверженцами даже людей, далеко отъ васъ отдаленныхъ. Повсюду, на морѣ и на сушѣ, прославляются ваши подвиги, ваше мужество, ваша непреклонная воля, вашъ, чуждый раболѣпства, образъ мыслей. Ничто не сломило васъ—изъ всего, что считается страшнымъ... За то всѣ открыто возлагаютъ на васъ вѣнцы и провозглашаютъ вашу славу,—не друзья только, но и сами враги и виновники вашихъ истязаній... И все это—еще здѣсь: а что тамъ, на небѣ, какое слово въ состояніи это выразить? Ваши имена уже вписаны въ книгу жизни и вы сопричислены къ сонму святыхъ мучениковъ. Если сей плодъ неплодія, сей гражданинъ пустыни, возставшій противъ беззаконнаго брака и могшій не отвратить беззаконіе, а только обличать его, бывъ ввerженъ за то въ темницу и обезглавленъ, содѣлался мученикомъ и первымъ изъ мучениковъ: то, подумайте, какую получите награду вы, возставшіе за преступленіе отеческихъ законовъ и постановленій, за попраніе и нарушеніе правъ священства, и столько пострадавшіе за правду и за праведное обличеніе безстыдныхъ клеветъ!... Итакъ радуйтеся, веселитеся, мужайтеся, укрѣпляйтеся, помышляйте, сколько другихъ людей вы подвигли на подвигъ вашими страданіями, у сколькихъ подняли духъ, сколько утвердили колеблющихся, не соприсутствующихъ себѣ, но и отсутствующихъ, принесши величайшую пользу не только тѣмъ, кто могъ видѣть все, что вы перенесли, но и тѣмъ, кто въ своей дали могъ только о томъ слышать».

«Хотя насъ отдѣляетъ, читаемъ мы въ письмѣ

св. Златоуста къ епископу Люцію [1], отъ твоего благоговѣнія большое разстояніе пространства; тѣмъ не менѣе намъ извѣстно твое отчужденіе отъ зла и прискорбіе, какое возбудили въ душѣ твоей люди, совершившіе столько беззаконій и наполнившіе вселенную столькими соблазнами. Свидѣтельствуемъ тебѣ поэтому нашу благодарность и никогда не престанемъ прославлять и ублажать тебя за то, что... ты продолжаешь идти прямою дорогою, осуждая происшедшее и отвращаясь отъ совершившихъ его, какъ и слѣдуетъ тебѣ. Но въ тоже время просимъ остаться твердымъ въ этой доброй рѣшимости и показать еще большую ревность... Не подлежитъ сомнѣнію, что если вы рѣшитесь стать твердо, то, хотя вы составляете меньшинство по числу, вы одолѣете большинство, превозносящееся злобою. Нѣтъ ничего сильнѣе добродѣтели и стремленія содѣйствовать огражденію церкви. Избравъ такимъ образомъ рѣшеніе, могущее привлечь на васъ высокое благоволеніе Божіе, постарайтесь до конца исполнить вашъ долгъ, содѣлавшись по своей непоколебимости крѣпчайшею оградою всѣхъ церквей вселенной».

«Ублажаемъ и прославляемъ тебя [1] за то, что, когда большинство увлеклось въ бездну погибели и склонилось на сторону тѣхъ, которые такъ беззаконно поступили противъ церкви, ты пошелъ по противоположному пути, отвернулся отъ дерзнувшихъ произвести эти беззаконія и сохранилъ подобающую тебѣ независимость. Имѣя въ виду важность этого великаго дѣла и долгъ каждаго уклонять я отъ пути лу-

(1) Тамъ же. стр. 91—92.

(1) Письмо къ епископу Марію. тамъ же, стран. 92—93

кавнующихъ, а также и то, что неизмѣнное и непреклонное рѣшеніе ваше послужитъ средствомъ и началомъ къ исправленію зла,—пожалуйста, стой твердо, съ подобающимъ тебѣ мужествомъ, и поощряй къ тому же другихъ, кого только можешь. Тогда достаточно будетъ для пособія вамъ одной правоты дѣла, и Богъ благословитъ ваше рѣшеніе, избравшее правый путь среди такой сумятицы, и подастъ вамъ побѣду» ([1]).

Убѣжденія святителя не остались тщетными, и надежда на торжество его праваго дѣла не обманула. Его многочисленные приверженцы и въ столицѣ и въ провинціяхъ остались ему вѣрными, не смотря на всѣ репрессивныя мѣры, которыми правительство старалось принудить ихъ къ признанію его преемника Арсакія и къ вступленію съ нимъ въ церковное общеніе. Они продолжали по прежнему признавать низложеннаго святителя своимъ законнымъ пастыремъ, собираться для богослуженія и слушанія слова Божія въ отдѣльныхъ церквахъ и для взаимнаго назиданія и обсужденія своего положенія въ отдѣльныхъ домахъ, уклоняясь отъ общенія съ арсакіанами. Такъ держались они относительно церковнаго и свѣтскаго правительствъ до самаго перенесенія мощей св. Златоуста изъ Команъ въ Константинополь въ 438 г., при императорѣ Θеодосіѣ Младшемъ, который торжественно не-

([1]) Тѣже мысли и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ развиваются въ письмахъ св. Златоуста—къ Евлогію, епископу Кесаріи Палестинской (тамъ же, стр. 93—94), къ Іоанну, епископу іерусалимскому (стр. 95), къ Θеодосію, епископу скиθопольскому (стр. 96—97), къ епископу Моисею (стр. 97—98), къ епископу Θеодору (стр. 127—128), къ епископу Палладію (стр. 129 — 130), къ епископу Елпидію (стр. 130 — 132) и др.

просилъ у почившаго святителя прощенія своимъ родителямъ за причиненную ему ими обиду и несправедливость и возстановилъ его на его перестолѣ (1). Въ свою очередь и св. Златоустъ не переставалъ смотрѣть на себя и по низложеніи какъ на законнаго пастыря, продолжалъ интересоваться судьбою и дѣлами, оставшихся ему вѣрными, пасомыхъ, заботиться объ ихъ духовныхъ нуждахъ и съ этою цѣлію поддерживать съ ними самую оживленную переписку, какъ объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ многочисленныя письма, написанныя святителемъ съ мѣста изгнанія къ его приверженцамъ.

б) Теперь послушаемъ, что говорилъ и писалъ о своемъ дѣлѣ съ патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ по дѣлу эконома Іосифа преподобный Ѳеодоръ Студитъ. «Настоящее сношеніе насъ смиренныхъ съ твоею святостію, пишетъ преподобный патріарху Никифору, касательно изверженія эконома, есть дѣло поступающихъ не точно по правиламъ, но весьма приспособляющихся къ обстоятельствамъ и уступающихъ; и съ предшественникомъ твоей святости, святѣйшимъ патріархомъ (2), мы сносились такимъ же образомъ по настоящему дѣлу, когда мы возвратились изъ ссылки и прелюбодѣйный бракъ былъ расторгнутъ, а экономъ отлученъ отъ священнослуженія. Да не будетъ намъ части съ тобою (говорили мы) ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, потому что ты допустилъ прелюбодѣя безразлично имѣть общеніе съ твоею свя-

---

(1) *Palladii* Dialogus de vita s. Iohan. Chrysostomi, Lutetiae Parisiorum 1680 p. 28—228. *Sozomeni* Hist. ecclesiast. lib. VIII p. 558—562 ed. Basileae 1587 in f. *Theodoreti* Hist. ecclesiast. lib. V. c. 36.

(2) Тарасіемъ.

тостью; и когда онъ сказалъ: «я дѣйствовалъ примѣнительно къ обстоятельствамъ, уступая ему до времени», и потомъ выразился такъ: «да будутъ отсѣчены руки мои, если бы онѣ совершили прелюбодѣйное вѣнчаніе; развѣ я вѣнчалъ?», тогда мы стали имѣть общеніе съ нимъ до кончины его» ([1])... «И тогда, читаемъ въ письмѣ преподобнаго къ Симеону монаху, мы не тотчасъ соединились съ патріархомъ ([2]), но послѣ того, какъ онъ призналъ, что мы поступили хорошо» ([3])... «И съ твоею святостью (продолжаемъ выписку изъ письма преподобнаго къ патріарху Никифору) мы ни въ чемъ не разногласимъ, какъ только касательно эконома, низложеннаго священными правилами по многимъ причинамъ, особенно же потому, что послѣ девятилѣтняго отлученія онъ опять сталъ священнодѣйствовать и притомъ... въ самомъ источникѣ нашей святыни, т. е. въ явномъ общеніи съ тобою находится и вмѣстѣ служитъ постоянно. Посему справедливо и праведно и нужно, для избѣжанія соблазна, народамъ Божіимъ и особенно нашему званію, чтобы недостойно вторгшійся былъ отлученъ отъ священнослуженія... Если же это не состоится по грѣхамъ нашимъ, то свидѣтельствуемъ твоей святости предъ лицемъ Христа въ слухъ святыхъ ангеловъ, что великій расколъ произойдетъ въ нашей церкви» ([4]).

Но просьбы и представленія преподобнаго не были уважены, и расколъ, которымъ онъ угрожалъ, со-

([1]) Письма препод. Θеодора Студита, по русск. переводу, сдѣланному при с.-петербур. Д. Академіи. СПБ. 1867 г. т. I, стр. 207.

([2]) Тарасіемъ.

([3]) Тамъ же, стр. 170.

([4]) Письмо къ Никифору патріарху стр. 208—209.

стоялся. На кого же возлагалъ онъ отвѣтственность за этотъ расколъ? И которую изъ двухъ расколовшихся половинъ церкви считалъ истинною представительницею церкви — большинство ли, послѣдовавшее за патріархомъ, или меньшинство, устремившееся за студитами? «Я соглашаюсь, пишетъ преподобный въ письмѣ къ брату своему Іосифу, архіепископу солунскому, и принимаю три твои почтенныя изреченія: не раздѣлять церковь по поводу паденія одного человѣка, не принимать участія въ разрѣшеніи его и имѣть общеніе со всякимъ не осужденнымъ священникомъ... Прости мнѣ, братъ, если я не для ученія, но для общей пользы разъясню эти слова. Касательно перваго: ради одного человѣка мы не отдѣляемся отъ церкви, которая *отъ сѣвера, и запада и моря* (Исаіи 49, 12), и даже отъ здѣшней, а только отъ одобрившихъ прелюбодѣяніе; а они — не церковь Господня; если же они церковь, то мы отдѣляемся отъ этой церкви ради одного человѣка, принятаго въ общеніе съ нею, именно потому, что не принимаемъ сочетавшаго прелюбодѣевъ. А такъ какъ они не церковь Божія, то по истинѣ они отдѣляются отъ церкви Божіей ради одного человѣка, принятаго въ общеніе съ ними, уподобляясь тѣмъ, о которыхъ говорится въ лѣтописяхъ; а мы не отдѣляемся отъ ней ради такого человѣка. Касательно втораго: мы не принимаемъ участія въ разрѣшеніи его; ибо не имѣемъ общенія съ явно разрѣшившими его. Если бы мы имѣли общеніе съ ними, то вмѣстѣ съ тѣмъ принимали бы участіе и въ разрѣшеніи его. Но такъ какъ мы благочестно не вступаемъ въ общеніе съ разрѣшившими, то несомнѣнно не принимаемъ участія въ

разрѣшеніи его. Касательно третьяго: со всякимъ неосужденнымъ священникомъ мы имѣемъ общеніе. Посему не имѣемъ общенія и съ Іосифомъ, какъ открыто осужденнымъ; осужденными же, конечно, должны быть и тѣ, которые служатъ вмѣстѣ съ нимъ, низложеннымъ. Если бы мы имѣли общеніе съ ними, какъ съ невинными, то невиненъ былъ бы и Іосифъ, служащій вмѣстѣ съ ними. Но такъ какъ онъ по истинѣ осужденъ, то мы и не имѣемъ общенія съ нимъ, ни со служащими вмѣстѣ съ нимъ, какъ осужденными же. Итакъ слова твоей святости тверды, и такимъ образомъ мы соглашаемся съ ними» (1)... «У насъ не отдѣленіе отъ церкви, но защищеніе истины и оправданіе божественныхъ законовъ» (2).

Остается узнать взглядъ преподобнаго на церковные каноны, нарушеніемъ которыхъ онъ мотивировалъ свое уклоненіе отъ общенія съ нарушителями. «Непозволительно, господинъ, непозволительно, читаемъ въ письмѣ преподобнаго къ Ѳеоктисту магистру, ни нашей церкви, ни другой, дѣлать что-либо вопреки постановленнымъ законамъ и правиламъ; потому что если это будетъ дозволено, то тщетно евангеліе, напрасны правила» (3). «Такъ, господинъ, читаемъ въ письмѣ преподобнаго къ Никитѣ патрицію, есть божественные законы и правила, которыми руководствуется всякій благочестивый, въ которыхъ нельзя ни прибавить, ни убавить что нибудь... Мы грѣшные ничего не дѣлаемъ безъ правилъ... это было извѣстно и предшествовавшему патріарху (Тарасію); ибо

(1) Тамъ же, стр. 270—271.

(2) Письмо къ Василію монаху, стр. 203.

(3) Письмо къ Ѳеоктисту магистру, стр. 182—186.

и онъ надлежащимъ образомъ бесѣдовалъ съ нами, не осуждая, а одобряя, и могъ ли бы иначе, когда есть правило» ([1])? «Просимъ тебя, пишетъ преподобный къ монаху Василію, поревнуй о божественномъ... держись въ точности не только вѣры, но и правилъ» ([2]). «Тѣ, которые дерзнули открыто нарушить евангеліе и не хотѣвшихъ нарушать его предали анаѳемѣ, станутъ ли заботиться о правилахъ, хотя и запечатлѣнныхъ Духомъ Святымъ и хотя опредѣленіемъ ихъ рѣшается все, относящееся къ нашему спасенію... Впрочемъ, для чего я говорю о правилахъ и дѣлаю различіе? Говорить объ нихъ и объ евангеліи Христовомъ—одно и тоже... Посему Василій и равные ему святые принимали эти правила, какъ апостольскія, и слѣдовали имъ нисколько не измѣняя ихъ, но дополняя по нуждѣ... Не вполнѣ, а на половину православный тотъ, кто, повидимому, содержитъ правую вѣру, но не руководствуется божественными правилами» ([3]).

«А мы, отцы и братія,—взываетъ преподобный, къ братіямъ, находящимся въ Саккудіонѣ,—«утверждаясь на вѣрѣ въ Бога и на основаніи истины, а также на совершившемся и открывшемся дѣйствіи правды, которое видѣлъ міръ на прелюбодѣѣ ([4]) и сообщникахъ его, неуклонно соблюдаемъ заповѣдь и

([1]) Тамъ же, стр. 195—196.

([2]) Тамъ же, стр. 201.

([3]) Письмо къ Никифору патріарху, стр. 187. Тотъ же взглядъ на божественныя правила развиваетъ преподобный въ письмахъ къ Никифору игумену (стр. 116—119), къ Стефану секретарю (стр. 119—122), къ Симеону игумену (стр. 131—134), къ Николаю ученику (стр. 136—140), къ Симеону монаху (стр. 168—181), и многихъ другихъ.

([4]) Преподобный разумѣетъ ослѣпленіе императора Константина VI и лишеніе его престола въ 797 г.

отеческія правила, и не уступимъ, не измѣнимъ благочестію и не разрушимъ того, что прежде хорошо устроили твердостію въ ссылкѣ, дабы намъ не оказаться преступниками закона; и укрѣпляемые божественнымъ закономъ, мы побѣдимъ, какъ и прежде побѣдили, рѣшившись скорѣе испытать все, если благоволитъ Богъ, нежели вступить въ общеніе съ нимъ и служащими вмѣстѣ съ нимъ, пока низложенный не престанетъ священнодѣйствовать» ([1]).

Увѣренность въ побѣдѣ не обманула преподобнаго. По смерти императора Никифора и сына его Ставракія, Михаилъ Рангава, занявшій императорскій престолъ «тотчасъ вызвалъ изъ ссылки великаго Ѳеодора и бывшихъ съ нимъ... и былъ христоподражательнымъ посредникомъ между разногласными вмѣстѣ съ папою древняго Рима: оба они содѣйствовали, одинъ увѣщательными письмами, а другой личнымъ собесѣдованіемъ и убѣжденіемъ, къ благопристойному, единодушному соединенію святѣйшаго патріарха (Никифора) и достоуважаемаго отца нашего, а дерзкаго совершителя прелюбодѣйнаго союза отлучили отъ священнослуженія, согласно съ произнесеннымъ надъ нимъ прежде приговоромъ приснопамятнаго и великаго Тарасія. Такимъ образомъ, по устраненіи соблазновъ, благодатію и человѣколюбіемъ Христа, благаго Бога нашего, опять насталъ прочный миръ въ Его святѣйшей и каѳолической церкви. Итакъ отецъ нашъ Ѳеодоръ, по возвращеніи въ свою студійскую обитель, съ святѣйшимъ патріархомъ соблюдалъ самое дружественное согласіе и единодушіе... И говорилъ ли или дѣлалъ ли достоува-

([1]) Письмо къ братіямъ, находящимся въ Саккудіонѣ (стр. 211—212).

жаемый Никифоръ что-нибудь такое, что не направлялось бы сужденіемъ Θеодора и не получало бы твердости отъ него, было ли то полезно по тогдашнему времени или по другой причинѣ? Такимъ уваженіемъ пользовался у него божественный отецъ нашъ, что занималъ послѣ него второе мѣсто въ соборѣ епископовъ, отличаемый всѣми за мудрость и благочестіе предъ Богомъ» ([1]).

в) Святый Игнатій, разсказавши свое дѣло въ извѣстной запискѣ, представленной отъ его имени папѣ Николаю I его повѣреннымъ, архимандритомъ Θеогностомъ, согласно съ изложеніемъ Меθодія, мотивируетъ свое сопротивленіе назначенію Фотія на свое мѣсто тѣмъ а), что это назначеніе при жизни законнаго патріарха будетъ духовнымъ прелюбодѣяніемъ, б) тѣмъ, что Фотій принадлежалъ къ числу отлученныхъ отъ церкви за общеніе съ Григоріемъ сиракузскимъ, в) тѣмъ, что онъ былъ міряниномъ и государственнымъ чиновникомъ, и наконецъ, г) тѣмъ, что получилъ хиротонію изъ рукъ отлученнаго и анаθематствованнаго (Григорія сиракузскаго).

«Если бы прелюбодѣй ([2]) былъ изъ числа членовъ церкви,—читаемъ мы въ этой запискѣ,—то я охотно уступилъ бы ему, а такъ какъ онъ чуждъ ей, то какъ я поставлю его въ пастыря овецъ Христовыхъ? Къ этому очень много препятствій: и первое то, что онъ принадлежитъ къ числу отлученныхъ и анаθематствованныхъ... второе: былъ чиновникомъ

([1]) Жизнь и подвиги преподобнаго отца нашего и исповѣдника Θеодора, игумена обители студійской, описанные Михаиломъ монахомъ, по русск. пер., приложенному къ таковому же переводу писемъ препод. Θеодора (СПБ. 1867) стр. 42, 43, 54.

([2]) Т. е. Фотій.

(ταξεώτης), и изъ мірскаго званія, и, прежде чѣмъ сдѣлаться овцею, очутился пастыремъ; и въ добавокъ получилъ хиротонію изъ рукъ анаѳематствованнаго и низложеннаго» ([1]).

Того же взгляда на Фотія держались и игнатіане, а болѣе строгіе между ними не только не признавали его самого патріархомъ и послѣ вторичнаго вступленія его на престолъ по смерти Игнатія, но и отказывались признать въ іерархическихъ степеняхъ всѣхъ, рукоположенныхъ имъ, лицъ, мотивируя свой отказъ неизмѣняемостію произнесеннаго надъ нимъ приговора о низложеніи. «Какимъ образомъ дерзнутъ и сами римляне ([2]) отказаться отъ своихъ собственноручныхъ подписей (τὰ ἰδιόχειρα), читаемъ мы въ трактатѣ de Stauropatis, вышедшемъ изъ подъ пера неизвѣстнаго игнатіанина. Ибо и они всѣ дали свои подписи на бывшихъ тамъ при Николаѣ и Адріанѣ соборахъ. Между ними есть и подпись архидіакона Іоанна, бывшаго потомъ папою. Всѣ они положили свои подписи на гробѣ св. Петра (съ обязательствомъ) не принимать никогда церковнаго прелюбодѣя Фотія, ни хиротоніи его, ни тѣхъ, которые отмѣнили бы вышереченные два собора ихъ. Равнымъ образомъ и константинопольцы положили свои подписи надъ честнымъ древомъ ([3]) съ обязательствомъ не вступать никогда въ общеніе съ Фотіемъ, ни съ хиротоніей его, ни отмѣнять осьмаго собора ([4]), по-

([1]) Λίβελλος περιέχων πάντα τὰ κατὰ τὸν μέγαν Ἰγνάτιον, πεμφθεὶς πρὸς Νικόλαον πάπαν Ῥώμης... apud Raderum in Actis ss. et oecumenici concilii Octavi C-politani IV. Ingolstadii. 1604. p. 202—210.

([2]) Т. е. папа и его соборъ.

([3]) Крестнымъ.

([4]) Константинопольскаго 869.

слѣдовавшаго во всемъ реченнымъ двумъ соборамъ римлянъ».

«Много терній произрасло на нивѣ церковной, и прежде всего—первая хиротонія торжественно низложеннаго (ἐκκηρύκτου) потомъ Фотія, и затѣмъ вторая, послѣдовавшая за нерушимымъ анаѳематствованіемъ его. Между той и другой есть различіе. Первую его хиротонію отвергли первостоятели римскіе и осьмый вселенскій соборъ. Вслѣдствіе этого вторая уже не нуждается въ отмѣненіи (ἐξετάσεως). Но есть различіе между первыми и вторыми ругателями креста (σταυροπάται). Первые сдѣлали это по безумію Варды; но тѣ изъ нихъ, которые послѣ снисхожденія, оказаннаго имъ на соборѣ, снова приняли Фотія, когда онъ вторично овладѣлъ церковью Божіею, не имѣютъ уже никакого оправданія. Нѣкоторые были рукоположены отъ осьмаго святаго собора, не давали подписей и потомъ сошлись съ анаѳематствованнымъ Фотіемъ послѣ вторичнаго его разбойническаго вторженія (въ церковь), одни по принужденію, другіе по доброй волѣ. Нѣкоторые изъ нихъ приняли отъ него пятнадцатидневную епитимію за то, что анаѳематствовали его. А большую часть изъ нихъ онъ снова хиротонисалъ, назвавши эту хиротонію таинственною. А нѣкоторые, долго стоявшіе за истину, и за это подвергшіеся преслѣдованіямъ и много потерпѣвшіе отъ жестокаго (δεινοῦ) Фотія, не выдерживши невѣроятныхъ истязаній, дезертировали (λειποτακτήσαντες) и пристали къ беззаконію Фотія, — таковымъ папѣ всеконечно слѣдуетъ оказать снисхожденіе (δέξαι τὴν οἰκονομίαν) по вниманію къ тому, что они вынуждены были на это противъ воли. А всякую другую хиро-

тонію Фотія, и первую и вторую, равно какъ и его самого, дважды вторгавшагося (въ церковь), слѣдуетъ прежде всѣхъ (πρὸ πάντων) отвергать, и анаѳематствовать, какъ самозванца (παραβάτην), а вмѣстѣ съ нимъ, всеконечно, отвергать и всѣхъ тѣхъ, которые столь часто мѣняли свои мнѣнія, равно какъ и незаконно (ἀθέσμως) перехиротонисованныхъ, преимущественно же Ѳеофана, прозваннаго Френодемономъ, который такъ часто попиралъ крестъ и вмѣстѣ съ Фотіемъ составилъ извѣстную книгу противъ святѣйшаго папы Николая. Ибо преемникъ Николая, папа Адріанъ, говоритъ, что подписавшіеся противъ него (Николая) не заслуживаютъ никакого снисхожденія,— каковое опредѣленіе и слѣдуетъ прежде всего соблюдать, равно какъ и всѣ постановленія вселенскаго осьмаго собора. Ибо если этотъ соборъ будетъ разрушенъ, то не останется ни одного іерея ни здѣсь, ни въ Римѣ» (¹).

«Такъ какъ Фотій,—читаемъ въ другомъ, тоже анонимномъ, но несомнѣнно вышедшемъ изъ подъ пера какого-либо строгаго игнатіанина, трактатѣ,— получилъ хиротонію отъ низложеннаго, то за это, какъ и за многое другое, былъ анаѳематствованъ девятью римскими первосвященниками: Львомъ, Венедиктомъ, Николаемъ, Адріаномъ, Іоанномъ, Мариномъ, Адріаномъ вторымъ, Стефаномъ и Формозомъ. И никто изъ преемниковъ Николая не разрѣшилъ ихъ (²), ни хиротоніи ихъ, да не имѣли и власти разрѣшать... Кромѣ этихъ девяти, и другіе шесть патріарховъ четырехъ каѳолическихъ престоловъ:

(¹) De Stauropatis, apud. Raderum lib. cit. p. 412—414.

(²) Т. е. Фотія и Григорія сиракузскаго.

Игнатій константинопольскій, Софроній и Михаилъ александрійскіе, Николай антіохійскій, Сергій и Θеодосій іерусалимскіе, анаθематствовали ихъ. Равно какъ и собравшіеся на осьмомъ соборѣ апокрисіаріи патріаршихъ престоловъ и повсюду связали и анаθематствовали согласно Григорія и Фотія и хиротоніи ихъ. А связанныхъ отъ столькихъ патріарховъ одна патріархія разрѣшить не можетъ... И какимъ образомъ одному разрѣшить Фотія, когда онъ самъ себя разрѣшилъ,—за это необходимо даже отягчить его узы, какъ пренебрегшаго возложенными на него узами. Нѣкоторые говорятъ, что Фотій принесъ раскаяніе предъ патріархомъ Игнатіемъ, и патріархъ сказалъ ему: «въ томъ, что ты сдѣлалъ противъ меня, Богъ проститъ тебя. Да проститъ тебѣ Богъ и то, что ты сдѣлалъ противъ церкви, если только отнынѣ ты не будешь возмущать ея спокойствія и не будешь совершать ничего священническаго. Съ своей стороны я готовъ написать просьбу (παράκλησιν) къ остальнымъ патріаршимъ престоламъ, и если они разрѣшатъ тебя отъ узъ, то и я готовъ оказать снисхожденіе» (οἰκονομεῖ καὶ τὸ πνεῦμά μου). Но Фотія удержалъ отъ писанія къ патріаршимъ престоламъ императоръ, будучи увѣренъ, что ему невозможно разрѣшеніе священнодѣйствія... Въ виду всѣхъ этихъ дѣйствій Фотія развѣ не лгутъ тѣ, которые говорятъ, будто онъ разрѣшенъ папою Іоанномъ? Связаннаго однимъ другой разрѣшить не можетъ. Вслѣдствіе этого и папа Іоаннъ не могъ разрѣшить Фотія отъ узъ, наложенныхъ на него его предшественникомъ. Но, можетъ быть, кто-либо найдетъ возможнымъ сдѣлать это по приспособленію къ обстоятельствамъ (οἰκο-

νομικῶς)? И этого нельзя, ибо Златоустъ говоритъ: «можно приспособляться къ обстоятельствамъ, но это не должно вести къ нарушенію закона» (¹), какъ и самъ сдѣлалъ, оказавши снисхожденіе ефесскимъ епископамъ... Вслѣдствіе всего этого и римской церкви невозможно по приспособленію къ обстоятельствамъ (οἰκονομικῶς) допустить до священнослуженія анаѳематствованныхъ доточно (ἀκριβῶς) отцами ихъ въ теченіе сорока пяти лѣтъ даже до настоящаго времени». «Хорошо быть въ мирѣ со всѣми,— говоритъ великій Максимъ,—но подъ условіемъ единомыслія относительно благочестія: тогда миръ лучше брани, когда изъ него выходитъ согласіе на добро. Но то, что называютъ нѣкоторые вселенскимъ миромъ, есть скорѣе раздѣленіе (κατατομήν), чѣмъ миръ. По моему мнѣнію, тогда это слово будетъ соотвѣтствовать дѣлу, когда мы не будемъ идти въ разладъ съ мнѣніями отцовъ, не будемъ поступать вопреки ихъ постановленіямъ (ὅρους)». «Что ты говоришь? Анаѳематствованные тогда православны и, по уваженію къ этому, слѣдуетъ допустить ихъ до священнослуженія послѣ ихъ раскаянія? Замолчи (ἄπαγε)! Много православныхъ было анаѳематствовано за беззаконія, и имъ не было возвращено священство. Божественный Златоустъ всѣхъ насъ увѣщеваетъ и убѣждаетъ такъ: «и міранамъ и священникамъ нужно ратовать за истину, и подвизаться противъ нарушителей (παραβατῶν), по писанію, которое гласитъ: подвизайся за истину до смерти, и Господь Богъ поборетъ по тебѣ» (²).

(¹) Οἰκονομητέον, ἔνθα οὐ παρανομητέον.

(²) Τόμος περιέχων ἐν συντόμῳ τὴν ὀγδόην σύνοδον apud Raderum lib. c. p. 222—226.

г) Свое прекаканіе съ императоромъ Львомъ Мудрымъ, по вопросу о четвертомъ бракѣ, Николай Мистикъ, въ письмѣ къ римскому папѣ, излагаетъ въ сущности согласно съ изложеніемъ Меѳодія; о мотивахъ же, побудившихъ его на сопротивленіе императору по этому вопросу, говоритъ слѣдующее: «что мнѣ было дѣлать (при такихъ обстоятельствахъ)? Молчать и спать? Или мыслить (φρονεῖν) и дѣйствовать такъ, какъ подобаетъ другу, заботящемуся въ одно и тоже время и о его (императора) чести и о церковныхъ постановленіяхъ? И вотъ мы начали борьбу съ Божіей помощью: правителей мы убѣждали не увлекаться тѣмъ, что свойственно не умѣющимъ управлять собою, но великодушно переносить случившееся съ благою надеждою на Христа Бога нашего; а у него (императора) мы касались не только колѣнъ, но и ногъ, просили, убѣждали, почтительнѣйше представляли (ἐδυσώπουν), какъ царю, не все дозволять своей власти, а помнить, что есть Сѣдящій превыше его могущества, источившій за церковь Свою пречистую кровь; присовокуплялъ и слѣдующее: «чадо мое и царь! подобало тебѣ, какъ боголюбцу и прославленному отъ Бога паче другихъ мудростью и другою добродѣтелью, довольствоваться тремя браками: можетъ быть, и третій бракъ былъ не достоинъ твоего царскаго величества.... но священные каноны не отвергаютъ совершенно третьяго брака, а снисходятъ, хотя и брезгуя имъ, какъ чѣмъ-то нечистымъ для церкви; для четвертаго же брака.... что̀ можетъ служить оправданіемъ?... Царь, говорятъ, есть неписанный законъ, но не для того, чтобы беззаконновать и дѣ-

лать все, что вздумается, а для того, чтобы по своимъ неписаннымъ дѣяніямъ быть тѣмъ, чѣмъ является писанный законъ; ибо, если царь будетъ врагомъ и супостатомъ законовъ, то кто же будетъ ихъ и бояться?»... Говорилъ я и многое другое, что излишне было бы припоминать и передавать здѣсь; впрочемъ, мало сказать: говорилъ, — я убѣждалъ, умолялъ и, видя, что мои слова безсильны противъ его воли, я попробовалъ зайти съ другой стороны и сказалъ: такъ какъ, чадо и царь, державѣ твоей кажется все позволительнымъ, и даже сожительство съ четвертой женой,—и это дѣло не представляется тебѣ неумѣстнымъ; то прими отъ твоего друга и отца, безгранично тебя любящаго, слѣдующій совѣтъ: пусть пока эта женщина будетъ жить отдѣльно, а не вмѣстѣ съ твоей державой, а между тѣмъ пусть будутъ приглашены представители (ἄνδρες) ветхаго Рима и другихъ архіераршескихъ престоловъ, почтенные архіерействомъ и всѣмъ остальнымъ, чѣмъ украшается архіерейство, и, можетъ быть, дѣло уладится какъ нибудь, если они придутъ къ взаимному соглашенію и единомыслію, лишь бы къ этому злу не присоединилось еще вящшее — церковныя смуты.... Но онъ сказалъ мнѣ, что не только до созванія собора, но и на одинъ день онъ не разстанется съ этой женщиной, что она остается при немъ, какъ его законная супруга и царица, и что если онъ созоветъ и соборъ, то для того только, чтобы онъ утвердилъ угодное ему» (¹).

Тѣмъ не менѣе императоръ счелъ нужнымъ сдѣ-

(¹) Nicolai patriarchae epistola XXXII ad papam veteris Romae. Spicil. Romanum t. X, p. 288—291.

лать нѣкоторую уступку оскорбленному религіозному чувству своихъ подданныхъ и приказалъ придворному священнику Ѳомѣ перевѣнчать себя съ Зоею по церковному чиноположенію (¹). Патріархъ лишилъ священника сана, а императору запретилъ входъ въ церковь, позволивши ему стоять во время богослуженія въ митаторіѣ (μιτατόριον) (²). Императоръ въ свою очередь отвѣтилъ ему приглашеніемъ въ Константинополь римскихъ легатовъ, которые утвердили и бракъ императора и низложеніе патріарха. На мѣсто Николая былъ возведенъ духовникъ императорскій синкеллъ Евѳимій, который и разрѣшилъ Льва отъ епитиміи, наложенной на него Николаемъ (³). Но все это повело къ расколу. Многіе митрополиты, епископы, священники и монахи отказались вступить въ церковное общеніе съ Евѳиміемъ, мотивируя свой отказъ незаконностью его возведенія на престолъ при жизни законнаго патріарха. За этотъ отказъ всѣ они были лишены своихъ мѣстъ, подверглись гоненіямъ

(¹) Въ первый разъ этотъ обрядъ онъ совершилъ самъ: ἀλλ' αὐτοῦ βασιλέως χρηματίζοντος αὐτῇ, ὅσα ἐβούλετο, καὶ νυμφίου καὶ ἀρχιερέως, καὶ τὴν ἐπὶ τῷ στέφει ποιοῦντος ἱερολογίαν καὶ στέφοντος· καὶ ταῦτα ἐγένετο, καὶ πᾶσα ἡ πόλις, οὐ μόνον τὸ ἀρχιερατικὸν καὶ ἱερατικὸν πλῆθος, ὥσπερ ὅλης ἀνατετραμμένης τῆς πίστεως, συντετάρακτο. Ep. cit. p. 289.

(²) Μιτατόριον-омъ, по объясненію Гоара, называлась комната при храмѣ, куда можно было удаляться для снятія верхней одежды и для отдыха (Vid. Eucholog. gr. p. 626 not. 4). Такихъ комнатъ при софійскомъ соборѣ было три: одна находилась на западной сторонѣ, при входѣ изъ притвора въ храмъ; другая на восточной, третья въ небольшомъ разстояніи отъ второй, на той же восточной сторонѣ. Въ эти комнаты императоры обыкновенно удалялись для отдыха во время богослуженія. Vid. Const. Porphyrog. de cerem. aulae C-politanae lib. 1, c. 10, 30. not. 45, lib. II. c. 15, p. 502, 583. ed. Bonn. 1829.

(³) Theophan. contin. 371. Georg. Mon. c. 34 p. 865. Sym. Mag. p. 709, ed. Bonn. 1838.

и замѣнены лицами, рукоположенными Евѳиміемъ (1). Въ 912 г. Левъ Мудрый скончался, и братъ его Александръ, вступившій въ управленіе имперіей, немедленно же распорядился о возвращеніи Николая и объ устраненіи Евѳимія. Послѣдній еще до прибытія своего совмѣстника изъ Галакрены, служившей для него мѣстомъ изгнанія, былъ съ позоромъ низложенъ на собраніи въ большомъ дворцѣ, какъ «самозванецъ и прелюбодѣй (ἐπιβάτης καὶ μοιχός) (2), и сосланъ въ заточеніе въ монастырь св. Агаѳія близь Стеноса, гдѣ вскорѣ и скончался. Но его низложеніе и смерть не улучшили, а ухудшили положеніе церковныхъ дѣлъ; духовныя лица, рукоположенныя Евѳиміемъ и вынужденныя теперь уступить свои мѣста приверженцамъ Николая, составили партію евѳиміанъ и въ свою очередь образовали расколъ. Вопросъ о четвертомъ бракѣ былъ разрѣшенъ въ 922 году такъ называемымъ τόμος ἑνώσεως (3) въ смыслѣ Николая. Но церковныя смуты, вызванныя этимъ вопросомъ, продолжались до 995 г., когда враждовавшія партіи примирились на провозглашеніи вѣчной памяти своимъ корифеямъ и анаѳемы тому, что было говорено и писано про-

(1) Οὐ μόνον δὲ ἡμεῖς, ἀλλὰ καὶ ὅσον ἀρχιερατικὸν σύστημα τὰ βελτίω περὶ τῆς ἐκκλησίας ἐφρόνει, καὶ οὗτοι ἐν εἱρκταῖς, ἐν ὑπερορίαις, ἐν λιμῷ καὶ δίψῃ, πάσης ἔρημοι παραμυθίας συγγενῶν, φίλων, συνείχοντο ταλαιπωρούμενοι, μὴ δὲ προκύψαι τῆς φρουρᾶς παραχωρούμενοι, ἐν ᾗ ταλαιπωρεῖσθαι ὡς ὑπεύθυνοι κατακέκριντο. Nic. Patriarchæ ep. XXXII, ad papam Romæ p. 293.

(2) *Georg. Mon.* lib. I. p. 871—872. *Symeon Mag.* p. 715—716. *Theoph. Contin.* p. 378

(3) Apud *Leunclavium.* Jus Graeco-Rom. t. 1. lib. II. p. 104—108; in Spicilegio Romano *A. Mai* t. VII, in Coll. canon. ed. *Rhalli. et Potli* V p. 3 sequ. et apud *Zachariæ,* Ius Graeco-Romanum t. III. p. 227—233.

тивъ нихъ въ разгарѣ борьбы, какъ справедливо процитовалъ все это монахъ Меѳодій въ своемъ полемическомъ трактатѣ противъ Арсенитовъ.

Здѣсь мы можемъ и остановиться. Доказывать, что между дѣломъ Арсенія и изложенными сейчасъ, со словъ главныхъ заинтересованныхъ лицъ, дѣлами, существуетъ аналогія не въ томъ только смыслѣ, въ какомъ находили эту аналогію противники Арсенитовъ, а и въ томъ, въ какомъ могли находить эту аналогію сами Арсениты, было бы излишне. Аналогія эта слишкомъ очевидна для того, чтобы ее доказывать. Другое дѣло вопросъ: на сколько Арсеній и Арсениты сознавали эту аналогію и пользовались ею въ интересѣ своего дѣла? И на этотъ вопросъ, не смотря на скудость дошедшихъ до нашего времени заявленій со стороны ихъ, отвѣтъ не труденъ. Во всемъ существенномъ они были вполнѣ солидарны и въ словахъ и въ дѣлахъ со своими предшественниками. Арсеній мотивировалъ необходимость подвергнуть Михаила Палеолога епитиміи за «нарушеніе клятвы, данной имъ церкви», почти тѣми же словами, какими препод. Ѳеодоръ Студитъ мотивировалъ необходимость сопротивленія браку императора Константина, т. е., что въ противномъ случаѣ «церковные каноны обратятся въ шутку и правила въ ничто»; затѣмъ, когда его потребовали на соборъ, созванный для суда надъ нимъ, онъ свой отказъ явиться на этотъ соборъ мотивировалъ тѣмъ же, чѣмъ и св. Златоустъ и Игнатій, т. е., что онъ уклоняется не отъ суда, а отъ судей, и наконецъ, не смотря на свое низложеніе, продолжалъ смотрѣть на себя, какъ на законнаго патріарха, какъ и св. Златоустъ, Игна-

тій и Николай. Арсениты смотрѣли на это низложеніе, какъ на вопіющее беззаконіе, точно такъ же, какъ смотрѣли въ свое время на подобное же устраненіе св. Златоуста іоаннииты, св. Игнатія—игнатіяне, Николая Мистика—николаиты. Свое уклоненіе отъ церковнаго общенія съ преемниками Арсенія они мотивировали тѣмъ же, чѣмъ и приверженцы св. Златоуста, Игнатія и Николая. Подобно имъ же приглашали церковь къ протесту противъ нарушенія ея каноновъ и къ настаиванію на точномъ ихъ соблюденіи. Подобно имъ же упорно отклоняли отъ себя обвиненіе въ расколѣ и утверждали, что они стоятъ лишь за точное соблюденіе каноновъ и подъ условіемъ такого же соблюденія ихъ со стороны церкви готовы немедленно же вступить съ нею въ общеніе. Это согласіе во всемъ существенномъ даетъ основаніе думать, что Арсениты знали исторію своихъ предшественниковъ, знали, чтó тѣ говорили и писали въ положеніи, подобномъ тому, въ которомъ находились сами, и въ свою очередь повторяли тоже самое. Во всякомъ случаѣ—повторяли ли Арсениты то, чтó говорили и писали ихъ предшественники, во всѣхъ подробностяхъ, или не повторяли—остается не оспоримымъ то, что они съ такимъ же удобствомъ могли въ оправданіе себя ссылаться на предшествовавшіе примѣры и цитовать изреченія церковныхъ знаменитостей прежняго времени, съ какимъ это дѣлали ихъ противники. Какой богатый матеріалъ могли доставить имъ для этой цѣли одни письма преподобнаго Θеодора Студита!

Итакъ, на почвѣ фактовъ и авторитетовъ, спорный между Арсенитами и церковію вопросъ не могъ

быть рѣшенъ безапелляціонно. Но въ этомъ ли вопросѣ заключалась сущность пререканія между обѣими сторонами? Нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить взгляды той и другой стороны на фактъ, подавшій поводъ къ пререканію, и припомнить фактическую развязку этого пререканія. Во взглядѣ на фактъ, подавшій поводъ къ пререканію, обѣ стороны совершенно согласны: утверждаясь на одной и той же церковно-канонической точкѣ зрѣнія, обѣ онѣ смотрѣли на фактъ низложенія Арсенія, какъ на злоупотребленіе силою со стороны высшей государственной власти, какъ на вопіющую несправедливость относительно патріарха. На этомъ пунктѣ ученые противники Арсенитовъ были совершенно согласны съ ними. Не противорѣчило имъ также ни церковное, ни гражданское правительства. Исходъ распри извѣстенъ: нарушенное право несправедливо низложеннаго святителя было торжественно возстановлено перенесеніемъ его смертныхъ останковъ на его каѳедру и вѣрности его приверженцевъ отдано должное принятіемъ условій, на которыхъ они примирялись съ церковію. Таковъ былъ исходъ и всѣхъ другихъ дѣлъ, подобныхъ дѣлу Арсенія. Различіе состояло лишь въ томъ, что нарушенное право однихъ возстановлялось при жизни (св. Игнатія, Николая Мистика и др.), другихъ—по смерти (св. Златоуста, Арсенія и др). Стороною же, диктовавшею условія примиренія, всегда была сторона потерпѣвшая. При чемъ же тутъ былъ вопросъ о расколѣ?

При внимательномъ разсмотрѣніи дѣла не трудно убѣдиться въ томъ, что этотъ вопросъ всякій разъ создавался искусственно; съ одной стороны, чтобы от-

влечь вниманіе споривших отъ дѣйствительнаго пункта раздора, съ другой, запугать слишкомъ рьяныхъ приверженцевъ возстановленія нарушеннаго права перспективой одинокаго, изолированнаго положенія, или—говоря языкомъ церковнымъ—отлученія отъ церкви, чтобы принудить ихъ къ уступчивости.

Дѣйствительное яблоко раздора между сторонами чрезвычайно вѣрно, хотя и столь же рѣзко, указано препод. Θеодоромъ Студитомъ и, въ болѣе умѣренной формѣ, Николаемъ Мистикомъ. Этимъ яблокомъ служили два вопроса: а) на сколько ученіе и постановленія церкви обязательны для высшей государственной власти? и б) какъ должна относиться церковь къ нарушеніямъ ея права (въ ученіи, управленіи, обрядахъ и проч.) этою властью?

Что здѣсь было истинное яблоко раздора между сторонами, это доказывается: а) тѣмъ, что съ факта нарушенія церковнаго права высшею государственною властью обыкновенно начинались въ восточной церкви всѣ движенія, подобныя арсеніанскому, и б) тѣмъ, что дѣйствительное разногласіе между сторонами существовало лишь по этимъ двумъ вопросамъ.

Въ дѣлѣ св. Златоуста вопросъ о нарушеніи права церкви высшею государственною властью не былъ прямо поставленъ. Она маскировалась своими ближайшими орудіями въ этомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ св. Златоустъ въ своихъ письмахъ повсюду говоритъ о нарушеніи этого права этими только орудіями—Θеофиломъ Александрійскимъ и его сторонниками. Но ни для кого не было тайной, что за Θеофиломъ и его сателлитами скрывался дѣятель болѣе могущественный, безъ помощи котораго Θеофилу не уда-

лось бы такъ легко и для всѣхъ неожиданно превратиться изъ подсудимаго въ судью невиннаго святителя. Этотъ дѣятель была императрица Евдоксія, управлявшая своимъ слабымъ супругомъ Аркадіемъ. И такимъ образомъ хотя св. Златоустъ ставитъ прямо вопросъ о нарушеніи права церкви ея собственными внутренними посягателями на это право, но косвенно этотъ вопросъ возбуждается и относительно тѣхъ primi motores, которые за ними скрывались.

Но въ дѣлѣ преподобнаго Ѳеодора Студита съ патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ оба формулированные нами выше вопроса были поставлены уже прямо и на оба изъ нихъ даны были тогдашними богословами и представителями іерархіи различные отвѣты. На первый изъ этихъ вопросовъ, по словамъ преподоб. Ѳеодора, епископы, присутствовавшіе на константинопольскомъ соборѣ 786 г. съ патріархомъ Тарасіемъ во главѣ, отвѣчали, что «божественные законы не простираются на царей» ([1]); подобный же отвѣтъ на этотъ вопросъ дала восточная іерархія и въ 805 г., при патріархѣ Никифорѣ и совмѣстно съ нимъ ([2]).

Преподобный нѣсколько рѣзко формулируетъ отвѣтъ іерархіи. Въ болѣе мягкой формѣ онъ могъ быть переданъ такъ: «догматическое ученіе церкви и для царей столь же обязательно, какъ и для подданныхъ, но въ сферѣ правилъ и порядковъ церковныхъ могутъ быть допускаемы для нихъ исключенія

([1]) Письмо къ Льву папѣ римскому, т. 1 стр. 220.

([2]) Письмо къ Евпреніану и находящимся съ нимъ, ст. 234: «въ оправданіе свое они (епископы) говорятъ, что въ отношеніи къ царямъ не слѣдуетъ обращать вниманія на законы евангельскіе».

не въ примѣръ прочимъ». Отвѣтъ на второй вопросъ заключается уже въ отвѣтѣ на первый. Онъ можетъ быть выраженъ такъ: «въ случаѣ нарушенія высшею государственною властью права церкви въ ея ученіи— протестовать противъ этого нарушенія; если же нарушеніе касается церковныхъ правилъ и порядковъ, то—мириться съ совершившимся фактомъ по приспособленію къ обстоятельствамъ». Такъ по крайней мѣрѣ разрѣшили оба эти вопроса патріархи Тарасій и Никифоръ: пока дѣло шло о нарушеніи церковныхъ правилъ въ бракосочетаніи императора Константина, оба они терпѣли это нарушеніе «по приспособленію къ обстоятельствамъ» и не наказывали священника, благословившаго незаконный бракъ; а когда нарушено было право церкви въ сферѣ ея ученія—и именно по вопросу объ иконопочитаніи,—послѣдній протестовалъ противъ этого нарушенія и поплатился за это изгнаніемъ. Тѣже отвѣты дали на оба вопроса представители высшей іерархіи и по случаю нарушенія церковныхъ правилъ и порядковъ, при устраненіи отъ престола св. Игнатія, Николая Мистика и Арсенія. А защитники церкви противъ Арсенитовъ кладутъ, какъ мы видѣли, различіе между догматами и правилами даже въ основаніе своихъ апологетическихъ трудовъ.

Свой отвѣтъ на первый вопросъ преподобный Θеодоръ формулируетъ такимъ образомъ: «что же значитъ: *законъ единъ да будетъ* (Исх. XII, 19)? что значитъ: *судъ жесточайшій преимущимъ* (Прем. VI, 5)? что значитъ: *лица Богъ человѣча не пріемлетъ* (Гал. 2, 6) (¹)?»... «Гдѣ же евангеліе царей (²)?».. *Законъ*

(¹) Письмо къ Евпрепіану и находящимся съ нимъ, стр. 234.
(²) Письмо къ Льву папѣ римскому, стр. 226.

единъ да будетъ, говоритъ писаніе, и одно евангеліе мы приняли; и кто бы ни сталъ измѣнять въ этомъ евангеліи что нибудь, хотя бы онъ былъ ангелъ съ неба, ты можешь стоять непреклонно. А императоръ развѣ больше ангела? Міродержатель въ этомъ мірѣ не больше ли всѣхъ бѣсовъ и людей, управляющихъ со властію мірскою, а не божественной? И однако что говоритъ апостолъ: *анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8). Ангелы не дерзаютъ измѣнять, а если измѣнятъ, то не останутся не анаѳематствованными, какъ діаволъ и его отступническое общество; какъ же какой нибудь человѣкъ, находящійся во плоти, измѣняя и дѣлая нововведенія, и особенно такія нововведенія, не будетъ чуждъ Богу (1)?»

Отвѣтъ на второй вопросъ дается уже въ отвѣтѣ преподобнаго на первый; вкороткѣ онъ можетъ быть формулированъ такъ: «не дѣлать различія между ученіемъ и правилами церкви, а настаивать на точномъ соблюденіи того и другихъ государственною властью; въ случаѣ же уклоненія ея отъ перваго и нарушенія послѣднихъ, примѣнять къ ней существующія на подобные случаи дисциплинарныя церковныя взысканія или епитиміи, такъ же точно, какъ онѣ примѣняются церковію ко всѣмъ остальнымъ ея членамъ». Такимъ же точно образомъ разрѣшили оба эти вопроса св. Игнатій, отлучившій отъ церкви правителя имперіи Варду, Николай Мистикъ—Льва Мудраго и Арсеній—Михаила Палеолога.

«Терпѣть меньшее зло во избѣжаніе большаго», (2) или «жертвовать частью для спасенія цѣла-

(1) Письмо къ Евпреміану и находящимся съ нимъ, стр. 237.

(2) „Приснопамятный Тарасій... видя гнѣвъ и ярость царя и зная

го» ([1]) – вотъ чѣмъ мотивировали исключеніе изъ общаго правила для государственной власти первые.

Мотивы вторыхъ были разнообразнѣе. Они мотивировали свой отвѣтъ а) тѣмъ, что безнаказанное нарушеніе права церкви въ ученіи, управленіи и пр., высшею государственною властью парализуетъ нравственное вліяніе церкви ([2]); б) производитъ хаосъ и неурядицу не только въ церковныхъ, но и въ

какъ онъ отъ природы расположенъ къ несправедливости и страдаетъ удобопреклонностью ко грѣху, ослабилъ бразды строгости, чтобы тотъ не сдѣлалъ чего-нибудь худшаго противъ церкви Божіей, и, стерпѣвъ меньшее и частное зло, мудро сохранилъ всеобщее благо, исполняя слова: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. V, 16). Такъ же точно... поступилъ и блаженный Никифоръ примѣнительно къ обстоятельствамъ, не желая, но бывъ принужденъ царемъ». Житіе и подвиги преподобнаго отца нашего и исповѣдника Θеодора Студита, стр. 38. Соображеній этого рода не чужды были и представители противоположнаго направленія: мы видѣли, что Арсеній, отлучившш Михаила Палеолога отъ церкви, «позволилъ, однакожъ, клиру пѣть для него изъ опасенія вызвать самовластнаго царя на что-нибудь безумное».

([1]) Такъ мотивировалъ, какъ мы видѣли, уступчивость церкви по вопросамъ каноническимъ Іоаннъ Хила.

([2]) Біографъ преподобнаго Θеодора, монахъ Михаилъ, разсказываетъ что дурной примѣръ, поданный императоромъ Константиномъ, тотчасъ же нашелъ себѣ подражателей «не только въ столицѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ странахъ: такъ царь лонгобардскій, царь готскій и намѣстникъ воспорскій, основываясь на этомъ нарушеніи устава, предались прелюбодѣйнымъ связямъ и невоздержнымъ пожеланіямъ, находя благовидное оправданіе въ поступкѣ римскаго императора, какъ будто бы, когда онъ такъ поступилъ, то послѣдовало одобреніе и отъ патріарха и находящихся при немъ архіереевъ. Узнавъ о такихъ беззаконіяхъ... преподобный «сѣтовалъ, скорбѣлъ въ самомъ себѣ и оплакивалъ всеобщую погибель настоящихъ и будущихъ людей; ибо онъ справедливо опасаяся, чтобы безуміе властителя, бывъ принято неразумными въ законъ, не сдѣлалось неисцѣльнымъ образомъ дѣйствій для будущихъ поколѣній. Посему онъ не оставилъ этого зла безъ обличенія, но тотчасъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ (Платономъ) прервалъ общеніе съ ними». Жизнь и подвиги преподоб. отца нашего и исповѣдника Θеодора стр. 22–23. Подтвердивши вполнѣ этотъ фактъ (см. письмо къ братіямъ, находящимся въ Саккудіонѣ, стр. 214—215), преподобный между прочими мотивами, вынудившими его на принятое имъ

гражданскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ ([1]); в) лишаетъ церковныя правила всякаго смысла и значенія (препод. Ѳеодоръ и Арсеній) и г) лишаетъ церковь единства и увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, производя рознь между ея предстоятелями (св. Златоустъ и преп. Ѳеодоръ) ([2]).

Итакъ внутренній вопросъ, или вопросъ о расколѣ, во всѣхъ движеніяхъ, подобныхъ арсеніанскому, возникалъ всякій разъ изъ внѣшняго вопроса, или вопроса церковной политики (*οἰκονομία ἐκκλησιαστική*) относительно государственной власти, вопроса, который и былъ первичнымъ и главнымъ яблокомъ раздора между сторонами.

Въ рѣшеніи этого вопроса всякій разъ обозначались два направленія въ церковной политикѣ — строгое и умѣренное.

Представители строгаго направленія, выходя изъ положеній, что евангеліе одно и для царей и для подданныхъ, и что церковные каноны столь же важны, какъ и изреченія евангелія, такъ какъ продиктованы однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ, выво-

относительно императора рѣшеніе, указываетъ и на то, что послабленіе строгости евангельскихъ предписаній и церковныхъ правилъ для царей парализуетъ силу ихъ и для подданныхъ (Письмо къ Евпреніану и сущимъ съ нимъ, стр. 235). Подобный эффектъ произвело и вступленіе Льва Мудраго въ четвертый бракъ, что и было однимъ изъ побужденій, заставившихъ Николая Мистика отнестись къ этому факту такъ строго (Vid. epist. cit. p. 291).

([1]) Письмо препод. Ѳеодора къ Евпреніану и сущимъ съ нимъ, стр. 235. Cont. epist. XXXII Nicolai Patriarchæ p. 297—299.

([2]) «Эта заповѣдь касательно правилъ да будетъ принята отъ насъ вами, епископы. Соблюдая ее, вы спасетесь и будете имѣть миръ, а не повинуясь потерпите наказаніе и будете имѣть постоянную войну между собою, подвергаясь надлежащему наказанію за непослушаніе». Письмо къ Аѳанасію сыну, стр. 280.

дять отсюда заключеніе, что и для царей, какъ и для подданныхъ, равно обязательны какъ ученіе, такъ и каноны церкви, и что послѣдняя не только можетъ, но и должна настаивать на точномъ соблюденіи того и другихъ безразлично всѣми своими членами. Въ точномъ соблюденіи церковнаго ученія и каноновъ представители этого направленія видѣли лучшее средство къ огражденію церкви отъ покушеній на ея право со стороны власть имущихъ. Требованія представителей этого направленія сводились къ четыремъ пунктамъ: а) чтобы церковь не дѣлала различія между своимъ ученіемъ и своими канонами, б) чтобы не дѣлала различія между своими членами—будутъ ли то цари, или подданные, в) чтобы и ученіе и правила предъявляла всѣмъ своимъ членамъ, какъ безусловно обязательныя, и г) чтобы, въ случаѣ искаженія перваго и нарушенія послѣднихъ, была бы неумолимо послѣдовательна въ примѣненіи своихъ дисциплинарныхъ взысканій, къ кому бы ни пришлось ихъ примѣнить,—словомъ, въ своей политикѣ относительно государственной власти стояла твердо не только за ἀκρίβεια τῶν δογμάτων, но и за ἀκρίβεια τῶν κανόνων.

Представители втораго направленія рекомендовали ей болѣе умѣренную и менѣе послѣдовательную политику. Хотя и они находили, что весьма было бы желательно, если бы представители высшей государственной власти не только содержали ученіе церкви въ томъ видѣ, въ какомъ она содержитъ и проповѣдуетъ это ученіе, но и въ точности соблюдали ея постановленія; но, въ случаѣ нарушенія ими этихъ постановленій, не находили удобнымъ и полезнымъ

для церкви примѣненіе къ нимъ во всей строгости наказаній, опредѣленныхъ церковными канонами для обыкновенныхъ, рядовыхъ, такъ сказать, нарушителей ея постановленій. Такъ какъ строгое примѣненіе къ нимъ этихъ наказаній можетъ вызвать ихъ на какое нибудь насиліе надъ церковію, то они рекомендовали ей терпѣть меньшее зло во избѣжаніе большаго, или, какъ типически выразился Іоаннъ Хила, «не стоять слишкомъ упорно за часть, чтобы не потерять цѣлаго». Протестовать противъ нарушенія своего права высшею государственною властію церковь, по ихъ мнѣнію, обязана лишь тогда, когда нарушеніе будетъ сдѣлано въ сферѣ содержимаго ею догматическаго ученія; тогда уступчивость съ ея стороны была бы непозволительной слабостью. Словомъ, представители этого направленія рекомендовали церкви дѣлать различіе съ одной стороны между царями и ихъ подданными, съ другой между догматами и правилами, и, требуя отъ послѣднихъ и *ἀκρίβεια τῶν δογμάτων* и *ἀκρίβεια τῶν κανόνων*, отъ царей желать того и другаго, но требовать только перваго.

Основная тенденція перваго направленія состояла въ томъ, чтобы обезпечить церкви независимое положеніе и полную свободу дѣйствій и во внутреннихъ дѣлахъ и въ отношеніяхъ къ государству. Въ силу этого стремленія представители направленія старались: а) какъ можно болѣе обособить ее отъ государства и б) съузить сферу вліянія послѣдняго на ея дѣла ([1]). Отсюда ихъ протесты противъ замѣщенія

([1]) То и другое съ свойственной себѣ рельефностью и силой слова выразилъ препод. Ѳеодоръ въ деклараціи, произнесенной имъ въ лице императору Льву V (813–820): «императоръ, произнесъ преподобный,

высшихъ мѣстъ въ іерархіи лицами свѣтскаго происхожденія и образованія, которыхъ они, по типическому выраженію преподобнаго Ѳеодора Студита, считали «состоящими изъ мірскаго вещества», и, въ слѣдствіе этого, «неспособными ратовать за духъ (¹)»; отсюда требованія, чтобы на мѣсто высшаго предстоятеля церкви — патріарха выбирались лучшіе люди церкви (²); отсюда настойчивисть

внемли тому, что чрезъ насъ божественный Павелъ говоритъ тебѣ о церковномъ благочиніи, и, узнавъ, что не слѣдуетъ царю ставить себя самого судіею и рѣшителемъ въ этихъ дѣлахъ, послѣдуй и самъ, если ты согласенъ быть правовѣрнымъ, апостольскимъ правиламъ; онъ говоритъ такъ: *положи Богъ въ церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Корин. XII, 28); вотъ тѣ, которое устрояютъ и изслѣдуютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не царь; ибо св. апостолъ не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами церкви... Впрочемъ, если ты хочешь быть ея сыномъ, то ничто не препятствуетъ; только слѣдуй во всемъ духовному отцу твоему», — указавъ при этомъ рукою на святѣйшаго Никифора. Житіе и подвиги преподобнаго отца нашего и исповѣдника Ѳеодора Студита, стр. 52—53. Ср. письмо преподобн. къ Льву сакелларію, т. 2, стр. 319—324.

(¹) См. письмо къ Стефану чтецу и находящимся съ нимъ, т. 1, стр. 311. Въ возведеніи св. Тарасія «изъ мірскаго вещества» на патріаршій престолъ преподобный указываетъ одну изъ причинъ своего «разногласія» съ этимъ патріархомъ. (περὶ Ταρασίου καὶ Νικηφόρου τῶν ἐν ἁγίοις πατριαρχῶν, apud Maium, Spicil. Romanum, t. VII. Praefatio p. XXX—XXXII.

(²) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Никифору, въ отвѣтъ на приглашеніе императора порекомендовать достойнаго человѣка для занятія патріаршаго престола, сдѣлавшагося вакантнымъ по смерти св. Тарасія, препод. Ѳеодоръ между прочимъ пишетъ: «благоразуміе и желаніе вашего царства требуютъ такого, который могъ бы совершеннымъ сердцемъ постигать уставы Божіи, былъ бы по сану и чину постепенно возведенъ отъ низшаго къ высшему... Онъ долженъ блистать предъ прочими, какъ солнце между звѣздами... Съ покорностью и почтеніемъ предлагаемъ... чтобы вы, дѣлая выборъ изъ епископовъ, изъ игуменовъ, изъ столпниковъ, изъ заключенныхъ (т. е. изъ затворниковъ), потомъ изъ клира и изъ самыхъ сановниковъ, обратили вниманіе на преимуществующихъ предъ прочими умомъ, благоразуміемъ и жизнію. Пусть же сойдутъ и столпники, пусть выйдутъ и заключенные, потому что ищется полезное для всѣхъ; разсуди и

на точномъ соблюденіи церковныхъ каноновъ и порядковъ, какъ при избраніи, такъ и при устраненіи патріарховъ; отсюда усилія создать изъ константинольскаго патріарха дѣйствительнаго представителя церкви и на все, къ нему относящееся, смотрѣть, какъ на общее дѣло церкви; отсюда неудовольствіе и протесты на уступчивость патріарховъ и іерархіи императорамъ (1); отсюда отождествленіе церковныхъ правилъ съ догматами, настойчивость на точномъ соблюденіи тѣхъ и другихъ и протесты противъ ихъ нарушенія; отсюда нерасположеніе къ «теоріи приспособленія къ обстоятельствамъ» и усилія ограничить ея примѣненіе возможно-рѣдкими и индефферентными для церковныхъ интересовъ случаями (2) и проч. Словомъ, представители этого направленія заботились прежде всего и по преимуществу объ интересахъ церкви и,

сообрази и вмѣстѣ съ ними избери достойнѣйшаго» (стр. 157 — 158). Какъ этотъ идеалъ патріарха и способъ избранія его были далеки отъ того идеала, который составили себѣ византійскіе императоры и отъ излюбленнаго ими способа замѣщенія патріаршей каѳедры!

(1) «Что сказать объ архіереѣ (патріархѣ Никифорѣ), который не отвѣчалъ намъ ни слова и не хочетъ ничего слушать, предоставляя все Кесарю?» Съ видимымъ неудовольствіемъ спрашиваетъ себя самого препод. Ѳеодоръ въ письмѣ къ Симеону игумену. Т. 1, стр. 192.

(2) «Предѣлъ приспособленія къ обстоятельствамъ состоитъ въ томъ, чтобы ни совершенно нарушать какое-нибудь постановленіе, ни въ случаѣ, когда можно сдѣлать малое послабленіе по времени и обстоятельствамъ, дабы такимъ образомъ легче достигнуть желаемаго, не вдаваться въ крайность и не причинять вреда важнѣйшему. Этому мы поучались между апостолами отъ Павла, который очистился и обрѣзалъ Тимоѳея (Дѣян. II, 26, XVI, 3); а между отцами отъ Василія В., который принялъ приношеніе Валента и до времени не употреблялъ прямаго названія Богъ о Духѣ. Но ни Павелъ не продолжалъ очищаться, ни Василій принимать еще дары отъ Валента и не называть Духа Богомъ; напротивъ видно, что они оба готовы были принять смерть за то и другое». Письмо преподобн. Ѳеодора къ Ѳеоктисту магистру, стр. 183.

въ случаѣ столкновенія этихъ интересовъ съ государственными, настаивали на пожертвованіи послѣдними первымъ. Нѣкоторые изъ нихъ простирали свою заботливость объ интересахъ церкви до полнаго пренебреженія интересовъ государства (¹).

Основной тенденціей втораго направленія было— возможное соглашеніе дѣйствій и интересовъ церкви съ дѣйствіями и интересами государства. Въ практическомъ примѣненіи эта тенденція должна была повести: а) къ возможному объединенію церкви съ государствомъ и б) къ расширенію вліянія послѣдняго на первую. Въ силу этой тенденціи представители этого направленія не находили ничего предосудительнаго въ томъ, что государственная власть смотрѣла на церковь и на ея порядки и отношенія сквозь призму государственныхъ интересовъ и вносила въ церковную сферу тѣже самые пріемы, къ которымъ она привыкла въ сферѣ государственной,—если напримѣръ она соображалась въ выборѣ и назначеніи патріарха не съ церковными, а съ государственными видами—избирала лучшаго не для церкви, а лучшаго для государства; если, какъ при избраніи, такъ и при устраненіи партіарховъ обходила предписанныя церковными канонами формальности, — назначала и устраняла патріарховъ, какъ государственныхъ чиновниковъ, простымъ административнымъ распоряже-

(¹) Въ 1273 г., на одномъ изъ собраній епископовъ у императора, для обсужденія вопроса объ уніи, на представленія Михаила Палеолога относительно пользы ея для государства, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ епископовъ замѣтили: «если обществу угрожаетъ опасность, то это не забота церкви; на ней лежитъ лишь обязанность молиться; а не допускать ничего, угрожающаго бѣдствіемъ, или опасность сдѣлать безопасною—обязанъ державный». Пахим. стр. 358.

ніемъ и проч. Этой тенденціей объясняется наклонность представителей этого направленія смотрѣть на несправедливость, сдѣланную государственною властью тому или другому предстоятелю церкви, какъ на личное дѣло послѣдняго, вовсе не касающееся церкви и не затрогивающее ея интересовъ, а на уступчивость патріарховъ и іерархіи императорамъ, какъ на мудрую и полезную церкви предусмотрительность. Этой тенденціей поддерживалась мысль о различіи между догматами и канонами; ей же обязана своимъ широкимъ развитіемъ и теорія приспособленія къ обстоятельствамъ. Ею внушались панегирики миру и единенію и филиппики противъ расколовъ и разногласій. Словомъ: представители этого направленія мечтали о гармоніи отношеній между церковію и государствомъ, и на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ эта гармонія грозила нарушиться, спѣшили предупредить это событіе пожертвованіемъ церковными интересами государственнымъ.

«Худой миръ лучше доброй брани», вотъ основное положеніе церковной политики умѣреннаго направленія. «Добрая брань лучше худаго мира», разсуждали представители строгаго направленія, и, если не видѣли другаго средства къ огражденію права церкви, то считали себя не только въ правѣ, но и обязанными вступать въ борьбу.

Въ развитіи строгаго направленія замѣтно обозначились два фазиса. Сначала представители его думали организовать оппозицію противъ нарушенія права церкви высшею государственною властью въ рядахъ высшихъ представителей церковной іерархіи—епископовъ съ римскимъ епископомъ во главѣ. Всѣ

письма св. Златоуста, относящіяся къ этому предмету, адресованы къ епископамъ и папѣ. На послѣдняго, какъ на старѣйшаго изъ епископовъ и болѣе другихъ независимаго и вліятельнаго, потерпѣвшій святитель возлагаетъ преимущественныя надежды въ проектируемой имъ епископской коалиціи. На римскаго же епископа ищутъ опереться и св. Игнатій ([1]) и Николай Мистикъ ([2]). Къ нему же обращаетъ свои взоры и мольбы и преподоб. Ѳеодоръ Студитъ ([3]).

Но прискорбный разрывъ, совершившійся между церквами въ половинѣ XI вѣка, заставилъ представителей этого направленія искать себѣ въ другомъ мѣстѣ точки опоры. Самою ближайшею и естествен-

([1]) «Сіе вкратцѣ я объяснилъ тебѣ; ты же, святѣйшій владыка мой, яви на мнѣ свое благоутробіе, и вмѣстѣ со св. Павломъ скажи и самъ: *кто изнемогаетъ и не изнемогаю*. Вспомни предшествовавшихъ тебѣ патріарховъ, разумѣю Флавіана, Юлія, Иннокентія, Льва и другихъ, подвизавшихся за истину противъ неправды, и поревнуй имъ, и возстань мстителемъ за насъ, столь несправедливо пострадавшихъ». Ἀβέλλος περιέχων... Lib. cit. p. 210.

([2]) Vid. Nicolai Patriarchae ep. XXXII ad papam Romae lib. cit.

([3]) «Поступи по примѣру учителя твоего Христа и простри руку къ нашей церкви, какъ Онъ къ Петру, Онъ—къ начинавшему утопать въ морѣ, а ты—къ погрузившейся уже въ бездну ереси. Поревнуй, просимъ тебя, соименному тебѣ папѣ, и какъ онъ, при возникшей тогда евтихіанской ереси, возсталъ духомъ по-львиному, какъ всѣмъ извѣстно, посредствомъ своихъ догматическихъ посланій, такъ и ты, осмѣливаюсь сказать, согласно съ своимъ именемъ возгласи божественно, или лучше, возгреми понадлежащему противъ настоящаго лжеученія». Письмо къ Льву (795–816), папѣ римскому, стр. 221. Ср. второе письмо къ тому же папѣ по тому же предмету стр. 223–224, равно какъ письма преподобнаго къ папѣ Пасхалію (817—824) по вопросу объ иконопочитаніи, въ русск. перев. т. II, стр. 41—46. Во второмъ письмѣ къ этому папѣ по послѣднему вопросу преподобный говоритъ между прочимъ: «истинно убѣдились мы, что не оставилъ Господь нашей церкви, для которой въ приключающихся бѣдствіяхъ имѣется издревле и отъ начала одна и единственная помощь отъ васъ, по промышленію Божію». Стр. 45.

ною послѣ римской каѳедры точкою опоры для него представлялась каѳедра константинопольская, какъ важнѣйшая послѣ римской, а послѣ отпаденія послѣдней отъ вселенскаго единства, наслѣдовавшая ея мѣсто въ іерархіи со всѣми его преимуществами. И въ попыткахъ создать такую точку опоры въ патріархѣ константинопольскомъ со стороны представителей этого направленія недостатка не было. Попытки эти начались гораздо раньше окончательнаго раздѣленія церквей; онѣ шли одновременно и параллельно съ попытками, обращаемыми къ римскому престолу, но большею частію оказывались неудачными, потому что невозможно было устроить соглашеніе между патріархомъ и іерархіею. Мы видѣли, какъ мало имѣла успѣха попытка Арсенія согласить іерархію на мѣру, принятую имъ противъ императора Михаила «для огражденія на будущее время отъ посмѣянія божественныхъ законовъ». Столь же мало въ сущности удалось и св. Игнатію и Николаю Мистику сплотить вокругъ себя всю іерархію, хотя на ихъ сторонѣ оказалось и гораздо больше епископовъ, чѣмъ на сторонѣ Арсенія.

Эти неудачи заставили представителей строгаго направленія искать другаго центра для своей оппозиціи и организовать ее изъ другихъ элементовъ. Уже св. Златоусту пришлось горько разочароваться въ своихъ надеждахъ на епископовъ (¹). А въ письмѣ препод. Ѳеодора Студита заявляется уже положительное недовѣріе къ нимъ. Говоря о положеніи,

(¹) Послѣ пріема, сдѣланнаго святителю на пути въ изгнаніе епископомъ Кесаріи Каппадокійской, Фаратріемъ, св. Златоустъ писалъ къ Олимпіадѣ: «никого я теперь не боюсь, кромѣ епископовъ, за исключеніемъ немногихъ». Письмо 14 къ Олимпіадѣ.

принятомъ ими въ дѣлѣ эконома Іосифа, и находя это положеніе несогласнымъ съ канонами, преподобный не разъ съ горечью восклицаетъ: «увы, іерархія»! Потерявши надежду увлечь за собою іерархію, онъ сдѣлалъ попытку перенести точку опоры для искомой оппозиціи въ среду монашества и организовать ее изъ представителей этой среды. Большая часть его писемъ, посвященныхъ этому предмету, адресована уже не къ епископамъ, а къ монахамъ. Его мысли на этотъ счетъ выражены въ такой категорической формѣ, что не допускаютъ никакихъ перетолкованій: «если монашескій чинъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, не *вмѣнитъ вся въ уметы* (Филип. III, 8), т. е. монастыри и все, находящееся въ нихъ, то какъ міряниыъ оставитъ жену, дѣтей и все прочее?.. Подлинно, если Сынъ Божій, Господь и Владыка всѣхъ, принесъ Себя самого въ жертву за всѣхъ Богу и Отцу, то какъ должны мы и чего не обязаны мы терпѣть и страдать для Него, особенно монашествующіе и распявшіеся отреченіемъ отъ міра, если отреклись истинно, а не тщетно?... Итакъ, принадлежащіе къ монахамъ въ настоящія времена пусть докажутъ это дѣлами. А дѣло монаха— не допускать ни малѣйшаго нововведенія въ евангеліи, чтобы, подавъ міранамъ примѣръ ереси и общенія съ еретиками, не отдать отчета за ихъ погибель [1]. «Итакъ мы, находящіеся внѣ міра, обязаны дѣлать не иное что, какъ этого домогаться и такъ поступать, въ чемъ намъ можно, и превозноситься и соревновать» [2]. «Бодрствуйте въ этомъ, святые

(1) Письмо 39 къ Өеофилу игумену, ч. 1, стр. 253—254.
(2) Къ Өеоктисту магистру, стр. 166.

отцы,- пишетъ преподобный къ Симеону игумену, извѣщая его о своемъ сопротивленіи волѣ императора по извѣстному дѣлу эконома Іосифа,--считая своимъ дѣломъ, что и дѣйствительно такъ, защищать общеполезное ([1])». «Будемъ же, братія, въ этомъ коварномъ и развращенномъ поколѣніи какбы звѣздами, сіяющими во мракѣ ереси; ибо насъ избралъ Христосъ въ Свою славу, къ славѣ православія. Какъ древніе для насъ, такъ мы для потомковъ постараемся сдѣлаться опорою и примѣромъ и явиться ликующими въ день Христовъ ([2])». Эти внушенія пали на плодовитую почву и принесли плодъ сторицею. Со временъ преподобнаго Ѳеодора монашество восточное замѣтно начинаетъ проникаться убѣжденіемъ, что оно призвано блюсти за «точнымъ исполненіемъ церковныхъ каноновъ», и судьба разсматриваемаго нами направленія въ церковной политикѣ начинаетъ переходить въ его руки. И хотя оно по прежнему старалось дѣлать одно дѣло съ іерархіей, взывало и къ Риму и къ Византіи; но такъ какъ дѣятельную поддержку находило только въ Римѣ, и лишь изрѣдка въ Византіи, то мало по малу привыкало полагаться только на себя и вести это дѣло на свой рискъ и страхъ, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ раздѣленіе церквей закрыло ему дорогу въ Римъ. Монашеству принадлежала главная роль въ движеніяхъ, вызванныхъ низложеніемъ св. Игнатія, Николая Мистика и Арсенія. Во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ монахи и возбуждали движеніе,

(1) Письмо къ Симеону игумену, стр. 193.

(2) Письмо къ братіямъ, заключеннымъ въ темницы, т. II стр. 72—73.

или по крайней мѣрѣ первые присоединялись къ нему, и послѣдніе отставали отъ него. Ихъ стойкости и упорству всѣ эти движенія обязаны главнымъ образомъ и своей продолжительностію. И въ каждый разъ лозунгомъ ихъ была—ἀκρίβεια τῶν κανόνων.

Умѣренное направленіе большею частію поддерживалось высшею церковною іерархіею и бѣлымъ духовенствомъ. Это объясняется составомъ той и другаго и общественнымъ ихъ положеніемъ. До самаго арсеніанскаго движенія ряды высшей іерархіи на востокѣ пополнялись или патріаршими чиновниками, или вообще духовными лицами великой церкви, или членами придворнаго духовенства, а на патріаршій престолъ не рѣдко возводились и государственные сановники, каковыми были, наприм., до возведенія своего на престолъ: Нектарій, Тарасій, Никифоръ, Фотій, Іоаннъ Гликисъ и другіе, и сыновья, братья и другіе близкіе родственники царствовавшихъ династій, какъ наприм. патріархи: Стефанъ 1, сынъ императора Василія Македонянина и братъ Льва Мудраго, Ѳеофилактъ, сынъ императора Романа Лекапина, и друг. Понятно, что всѣ эти лица, по своему происхожденію, а всѣ по своему положенію и роду службы въ столицѣ, то при дворѣ императорскомъ, то при дворѣ патріаршемъ, были соединены болѣе или менѣе тѣсными связями и служебными и домашними съ чиновною и родовою аристократіею, состоявшею на придворной и государственной службѣ, и въ своей церковной дѣятельности естественно должны были сообразоваться не съ одними интесами церкви, но принимать въ соображеніе и интересы государства, тѣмъ болѣе, что, поставленные

близко къ государственной машинѣ, они лучше другихъ могли видѣть и понимать эти интересы. Не оставалась также безъ вліянія на ихъ образъ мыслей и поведенія и столичная жизнь съ ея нравами и обычаями, равно какъ матеріальная и нравственная обстановка ихъ должности и сана. Въ случаѣ коллизіи съ правительствомъ имъ приходилось приносить болѣе тяжкія жертвы, чѣмъ кому либо изъ членовъ клира. Низшее духовенство, во всемъ подчиненное высшему и связанное съ государствомъ и семейными и имущественными отношеніями, естественно тянуло къ іерархіи и государственной власти.

Въ развитіи этого направленія также можно подмѣтить два фазиса. Въ первомъ фазисѣ развитія представители его строго выдерживали различіе между догматами и канонами и устно и письменно утверждали, что отступленіе отъ точнаго смысла послѣднихъ допускаютъ лишь, какъ временное исключеніе не въ примѣръ прочимъ, и притомъ исключеніе, вынуждаемое единственно крайностію, а за *ἀκρίβεια τῶν δογμάτων* готовы пожертвовать своею жизнію. Но со времени взятія Константинополя латинянами, подъ вліяніемъ переговоровъ сначала никейскихъ императоровъ, и потомъ Палеологовъ, съ папами о возсоединеніи церквей, это направленіе переходитъ въ новый фазисъ развитія: оно перерождается въ уніональное, и представители его начинаютъ проводить мысль о томъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и подъ извѣстными условіями, можно жертвовать для блага государства не только *ἀκρίβεια τῶν κανόνων*, но и *ἀκρίβεια τῶν δογμάτων*. По весьма понятнымъ причинамъ, это направленіе находило себѣ самое дѣятельное поощре-

ніе и поддержку въ правительствѣ. Строго церковное направленіе имѣло на своей сторонѣ симпатіи темнаго люда, массы простыхъ вѣрующихъ, не посвященныхъ въ тайны высшей политики и не привыкшихъ считаться со своею совѣстью.

Понятно само собою, что направленія столь противоположныя не всегда мирно жили одно съ другимъ. До крупныхъ столкновеній, впрочемъ, дѣло доходило рѣдко,—лишь по какимъ либо особеннымъ случаямъ; но глухая борьба велась непрерывно, въ теченіе всего византійскаго періода. На ходъ и исходъ ея имѣлъ весьма важное вліяніе переходъ представительства строго - церковнаго направленія въ среду монашества. Мало по малу общіе интересы церкви, во имя которыхъ возвышали свой голосъ представители этого направленія, въ рукахъ монашествующихъ вождей его отождествились съ спеціальными интересами монашества. Это отождествленіе и даже съ оттѣнкомъ преобладанія интересовъ спеціально монашескихъ надъ обще-церковными выразилось уже въ дѣлѣ патріарховъ Игнатія и Фотія, и еще осязательнѣе въ дѣлѣ Николая Мистика и Евѳимія: Огромная масса приверженцевъ св. Игнатія состояла изъ монашествующихъ съ студитскимъ монастыремъ во главѣ. Эта масса объявила себя за св. Игнатія, сколько потому, что считала его дѣло правымъ, столько же, если еще не больше, потому, что св. Игнатій былъ плотью отъ плоти ея и костью отъ костей ея. Онъ былъ монахомъ въ смыслѣ великаго аввы студитовъ Ѳеодора, и монашеская среда, предводимая учениками преподобнаго Ѳеодора, отстаивала его, какъ своего представителя, въ лицѣ

котораго она стояла во главѣ управленія церковію и имѣла возможность проводить въ церковную жизнь свои идеи и принципы. Такимъ образомъ здѣсь борьба была въ сущности столько же противъ свѣтской власти, за общее дѣло церкви, сколько и противъ свѣтской іерархіи, во главѣ которой стоялъ Фотій съ своими учениками, за частное дѣло монашества. Еще яснѣе сказалась спеціально монашеская тенденція въ движеніи, вызванномъ споромъ о четвертомъ бракѣ. Большинство монашествующихъ оказалось здѣсь на сторонѣ соперника Николаева Евѳимія, хотя онъ объявилъ себя на этотъ разъ за умѣренное направленіе. Эта непослѣдовательность представителей среды, начертавшей на своемъ знамени *ἀκρίβεια τῶν κανόνων* и привыкшей уже смотрѣть на борьбу за право церкви подъ этимъ знаменемъ, какъ на свое историческое призваніе, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что Евѳимій былъ синайскимъ отшельникомъ до избранія своего въ духовники императорскіе и потомъ въ патріархи, а Николай Мистикъ былъ до избранія своего въ патріархи государственнымъ сановникомъ и, слѣдовательно, «происходилъ изъ мірскаго вещества» и въ добавокъ былъ ученикомъ ненавистнаго большинству тогдашнихъ иноковъ Фотія. Преобладаніе спеціально-монашескихъ интересовъ надъ обще-церковными въ Арсеніанскомъ движеніи не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Мы видѣли, какъ дружно иночествующіе вожди Арсенитовъ и Іосифитовъ торжествовали свою побѣду надъ ненавистными тѣмъ и другимъ уніонистами, почти поголовно «состоявшими изъ мірскаго вещества», и разсорились лишь изъ-за вопроса о томъ,

кто изъ нихъ оказалъ больше ревности въ борьбѣ и, слѣдовательно, кто имѣетъ больше правъ на управленіе церковію по общему тѣмъ и другимъ идеалу «точнаго соблюденія божественныхъ законовъ».

Отождествленіе общецерковныхъ интересовъ съ спеціально - монашескими въ рукахъ монашествующихъ вождей строгаго направленія было прямымъ послѣдствіемъ безплодности попытокъ ихъ увлечь за собою іерархію въ общее дѣло противъ свѣтской власти. Обманываясь постоянно въ своихъ расчетахъ на іерархію, они рано или поздно должны были потерять къ ней всякое довѣріе и занять относительно ея тоже самое положеніе, которое занимали и ее приглашали вмѣстѣ съ собою занять относительно свѣтскаго правительства. Это положеніе, какъ мы видѣли, и занялъ относительно ея препод. Ѳеодоръ Студитъ по дѣлу эконома Іосифа. Онъ не только многократно и энергично выражалъ свое неудовольствіе на поведеніе іерархіи въ этомъ дѣлѣ, но и доказывалъ, что «епископамъ и священникамъ не дано власти измѣнять каноны». Затѣмъ все чаще и чаще начинаютъ раздаваться изъ среды монашествующей братіи обвиненія противъ іерархіи въ томъ, что «она управляетъ церковію не по евангелію и не по божественнымъ правиламъ, а по своему произволу». Арсениты не первые высказывали это обвиненіе. А отъ этого обвиненія не далеко и до требованія, чтобы управленіе церковію было вырвано изъ недостойныхъ и неспособныхъ рукъ и передано въ руки достойныя и способныя. Арсениты опять не первые заявили это требованіе. Ихъ собратья по направленію высказывали это заявленіе гораздо рань-

ше и притомъ въ интересѣ всего иноческаго сословія, а не одной только его частной фракціи.

Тщетно пыталась іерархія отклонить это требованіе, какъ несогласное съ обѣтами иночества. Тщетно внушалъ св. Меѳодій студитамъ, что «имъ, какъ монахамъ, не къ лицу распоряжаться дѣлами іереевъ, что имъ скорѣе приличествуетъ подчиняться, а не подчинять себѣ, или распоряжаться священными лицами» (¹). Тщетно константинопольскій соборъ 879 г. особымъ правиломъ постановилъ, чтобы лица архіерейскаго сана, принявшія послѣ хиротоніи монашеское постриженіе, eo ipso слагали бы съ себя и архіерейскій санъ, какъ несовмѣстный съ произнесенными ими иноческими обѣтами (²). Тщетными оказались и увѣщанія, тщетными и соборныя опредѣленія. Монашество все настойчивѣе и настойчивѣе

(¹) Σὺ μοναχὸς εἶ, καὶ οὐκ ἔξεστί σοι ἐξετάζειν τὰ τῶν ἱερέων, ἀλλ ὑποτάσσεσθαί σε χρὴ, καὶ οὐχ ὑποτάσσειν, οὐδὲ ἐξετάζειν αὐτούς. Mai Spicil. Rom. t. VII. Praefat. p. XXXII.

(²) «Хотя до нынѣ нѣкоторые архіереи, низшедшіе въ монашескій образъ, усиливались пребывать въ высокомъ служеніи архіерейства, и таковыя дѣйствія оставляемы были безъ вниманія; но сей святый и вселенскій соборъ, ограничивая такое недосмотрѣніе и возвращая сіе внѣ порядка допущенное дѣйствіе къ церковнымъ уставамъ, опредѣлилъ: аще который епископъ, или кто иный архіерейскаго сана, восхощетъ снити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія; таковый впредь уже да не взыскуетъ употребленія архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства, или начальствованія: они обѣщаются не другихъ пасти, а пасомыми быти. Того ради, какъ выше речено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ сословіи архіереевъ и пастырей не низводитъ самъ себе на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Аще же кто дерзнетъ сотворити сіе, послѣ провозглашенія и приведенія въ извѣстность произносимаго нынѣ опредѣленія: таковый, самъ себе устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ». Правило 2-е. Книга правилъ, стр. 438—439.

стремилось замѣнить собою неспособную и недостойную съ его точки зрѣнія мірскую іерархію. Уже во времена преподобнаго Θеодора Студита нѣкоторые изъ смиренныхъ иноковъ позволяли себѣ обнародывать отъ своего имени окружныя посланія въ родѣ тѣхъ, которыя издавали патріархи, и тѣмъ вызвали великаго авву на справедливый упрекъ и предостереженіе ([1]). А приведенное нами правило константинопольскаго собора нарушено было торжественно даже на главѣ Арсенитовъ Андроникѣ сардскомъ. На сторонѣ иночества былъ могущественный союзникъ. Этотъ союзникъ былъ духъ времени. Опираясь на этого союзника, смиренные иноки, хотя медленно, но вѣрно шли къ своей цѣли. И всѣ мѣры, какія принимала іерархія къ удержанію ихъ въ ихъ кельяхъ и въ строгихъ границахъ, начертанныхъ для нихъ ихъ обѣтами, могли лишь отсрочить развязку борьбы, но безсильны были совершенно предотвратить ее.

Развязка эта совпадаетъ почти съ концемъ Арсеніанскаго движенія. Знаменія близкаго торжества смиренныхъ иноковъ надъ своими мірскими соперниками обнаружились уже весьма осязательно при пятомъ преемникѣ Арсенія, Іоаннѣ XII Созопольскомъ (1293—1304). Пахимеръ разсказываетъ, что пока Косьма (монашеское имя Іоанна) былъ бѣлымъ священникомъ, онъ вмѣстѣ съ остальнымъ бѣлымъ духовенствомъ роптал на предпочтеніе, которое съ нѣкоторыхъ поръ стали оказывать въ Константинополѣ монашествующимъ предъ членами бѣлаго духовенства при замѣщеніи высшихъ мѣстъ въ церковной іерархіи,

---

([1]) См. письмо къ Θеодору монаху. Т. 2, стр. 410—421.

находя это предпочтеніе неправильнымъ и противоканоническимъ, а когда постригся въ монахи и сдѣлался патріархомъ, то и самъ сталъ держаться того же обычая ([1]). Протестъ, заявленный духовенствомъ великой церкви на это обидное предпочтеніе, оказываемое патріархомъ инокамъ, повелъ лишь къ тому, что патріархъ Аѳанасій 1, сначала предшественникъ, а потомъ преемникъ Іоанна, сдѣлалъ попытку превратить всѣхъ духовныхъ лицъ великой церкви въ монахи, попытку, надѣлавшую много горя и хлопотъ и бѣлому духовенству и самому правительству Андроника Палеолога Старшаго ([2]). Окончательное же торжество монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ, по вопросу о занятіи высшихъ мѣстъ въ іерархіи и, слѣдовательно, по управленію церковію, совершилось во время, такъ называемыхъ, исихастскихъ споровъ (1340–1359). Движеніе, вызванное этими спорами, имѣло уже исключительно монашескій характеръ. Оно разрѣшилось полнымъ тріумфомъ аѳонскихъ иноковъ, предводительствуемыхъ Григоріемъ Паламой, надъ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ XIV Калѣкасомъ (1337–1347) и надъ придворнымъ ученымъ Григорой. На побѣду ихъ надъ

(1) Ὁ γὰρ Κοσμᾶς οὗτος καὶ Ἰωάννης, ἔτι μὲν ἐκτὸς ὢν τῶν πραγμάτων καὶ ἰδιωτεύων ἐφ' ἅπασι τὸ ἐπὶ τοῖς τῆς ἐκκλησίας τελούμενον ἄδικον ἔκρινε καὶ παντάπασιν ἀκανόνιστον, καὶ δῆλος ἦν, ὡς ἐῴκει, εἰ αὐτὸς ἐπισταίη τοῖς πράγμασι, λύσων τὴν καταδίκην ὡς ἱεροῖς ἀνθισταμένην κανόσι καὶ καιρικαῖς ἐναφθεῖσαν ἀνωμαλίαις, αἷς δὴ καὶ τὸ καθεστηκὸς ταράσσεσθαι πέφυκε, φύσιν ἔχοντος τοῦ κακοῦ μὴ μόνον ἐκεῖνο μένειν κακόν, ἀλλὰ καὶ ἐπιφύεσθαι. Ἐπ' αὐτῶν δὲ γεγονὼς τῶν τῆς ἐκκλησίας πραγμάτων ἄρρασι τὰ κατ' ἐκείνας ἐῴκει μετρεῖσθαι, συναπαγόμενος τοῖς λοιποῖς. Pachym. lib. II. cap. 28 p. 187.

(2) Vid. Pachym. lib. II, cc. 16, 19, 20, 21. p. 147–152, 154–168. Сн. Григор. стр. 173–177.

этимъ патріархомъ можно смотрѣть какъ на побѣду монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ. Это былъ послѣдній патріархъ на константинопольскомъ престолѣ изъ бѣлаго духовенства, какъ его предшественникъ Іоаннъ XIII Гликисъ (1315—1320) былъ послѣднимъ патріархомъ изъ государственныхъ сановниковъ. Съ этихъ поръ высшія мѣста въ іерархіи исключительно замѣщаются уже монашествующими, а константинопольскій патріаршій престолъ надолго дѣлается достояніемъ питомцевъ св. горы Аѳонской.

Въ виду такого исхода борьбы между двумя охарактеризованными нами направленіями въ церковной политикѣ, естественно спросить: что̀ выиграла отъ этого церковь? Энергичнѣе ли стали защищать ея право монашествующіе представители ея іерархіи? Лучше ли оно было ограждено отъ покушеній со стороны свѣтской власти въ ихъ рукахъ? Увы! Нѣтъ. Среда, въ которую вступали смиренные иноки, бравшіе въ свои руки кормило управленія церковію, оказывалась сильнѣе той, изъ которой они выходили. Съ ними совершалась здѣсь странная метаморфоза. Вступая въ нее, они цѣликомъ повторяли исторію своихъ «мірскихъ» предшественниковъ. Объ ἀκρίβεια τῶν κανόνων, какъ лучшемъ средствѣ къ огражденію церкви отъ покушенія на ея право со стороны власть имущихъ, рѣдкіе изъ нихъ вспоминали на новомъ мѣстѣ своего служенія. За то, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали они дѣлать опыты примѣненія этого принципа къ низшей, подчиненной себѣ средѣ бѣлаго духовенства, которое старались поставить относительно себя въ тоже положеніе, въ какомъ находились монашествующіе, произнесшіе обѣтъ безу-

словнаго послушанія, къ своему игумену. О характерѣ и размѣрахъ этихъ опытовъ могутъ дать понятіе церковныя реформы патріарха Аѳанасія 1, задуманныя по чисто монашескому идеалу, и, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, попытки Ѳеолепта Филадельфійскаго ввести монастырскій уставъ и порядки въ свою каѳедральную церковь ([1]).

Такимъ образомъ единственный положительный результатъ, достигнутый длиннымъ рядомъ движеній, подобныхъ арсеніанскому, состоялъ лишь въ замѣнѣ «мірскаго» персонала высшей іерархіи «монашескимъ» съ указанными послѣдствіями для церковныхъ порядковъ и бѣлаго духовенства. Общее же положеніе церкви относительно высшей государственной власти осталось прежнее.

Изъ сказаннаго ясно, чѣмъ были въ восточной церкви всѣ движенія, подобныя арсеніанскому, почему они періодически повторялись и почему такъ кончились.

а) Первоначально они были протестами противъ нарушенія права церкви высшею государственною властью, потомъ въ рукахъ монашествующихъ вождей они осложнились протестомъ противъ поведенія іерархіи въ вопросѣ о нарушеніи этого права указанною властью и, наконецъ, вслѣдствіе безплодности протестовъ, обращенныхъ къ іерархіи, мало по малу обратились въ борьбу между монашествомъ и іерархіею за управленіе церковію.

б) Періодически они повторялись потому, что внѣш-

([1]) Vid. Νικηφόρου τοῦ Χούμνου ἐπιτάφιος εἰς τὸν μακάριον καὶ ἁγιώτατον μητροπολίτην Φιλαδελφείας Θεόληπτον. *Boissonade.* Anecdota graeca. Parisiis 1829—1833. tom. V. p. 183—240.

ній относительно церкви вопросъ, вызывавшій ихъ къ существованію, искусственно превращался всякій разъ въ вопросъ внутренній, и такимъ образомъ уклонялся отъ правильной постановки и рѣшенія, и вслѣдствіе этого оставался постоянно нерѣшеннымъ, и въ этомъ качествѣ пріобрѣталъ способность снова возникать при благопріятныхъ обстоятельствахъ и требовать рѣшенія.

в) Оканчивались всѣ эти движенія безуспѣшно въ томъ направленіи, въ какомъ они первоначально возбуждались, потому, что вслѣдствіе искусственнаго превращенія внѣшняго вопроса, вызывавшаго ихъ къ существованію, во внутренній, или въ вопросъ о расколѣ, наличныя силы церкви раздѣлялись на два враждебныхъ лагеря и истощались во внутреннемъ спорѣ вмѣсто того, чтобы соединиться для дружнаго отпора внѣшнимъ посягателямъ на право церкви. Примѣняя къ дѣлу извѣстное политическое правило: divide et impera, правительство всякій разъ извлекало изъ него самые богатые для себя результаты, расплачиваясь въ случаѣ неустойки тѣми несчастными представителями одной изъ споривших сторонъ, которые имѣли слабость быть послушными орудіями въ его рукахъ. Для успѣшнаго веденія борьбы въ этомъ направленіи, недоставало въ восточной церкви необходимыхъ для того элементовъ. Двѣ главныя силы церкви -- іерархія и монашество — по своему составу, воззрѣніямъ и интересамъ, принадлежали къ двумъ различнымъ лагерямъ, такъ что соглашеніе ихъ дѣйствій оказывалось невозможнымъ. Между ними существовалъ внутренній антагонизмъ, весьма благопріятный для видовъ государственной власти. Анта-

гонизмъ этотъ, какъ мы видѣли, разрѣшился наконецъ борьбой между іерархіей и монашествомъ, а борьба побѣдой послѣдняго надъ первой, —побѣдой, плодами которой воспользовалась, впрочемъ, не церковь, а та же государственная власть, такъ что въ концѣ концовъ рознь между іерархіей и монашествомъ на востокѣ повела къ преобладанію государства надъ той и другимъ, въ то время, какъ союзъ іерархіи съ монашествомъ на западѣ далъ въ результатѣ преобладаніе церкви надъ государствомъ.

Но рознь между іерархіею и монашествомъ была не единственною и даже не главною причиною возникновенія разсмотрѣнныхъ нами движеній въ восточной церкви и ихъ бесплодности. Эти движенія, какъ мы видѣли, возникали и оканчивались такимъ же точно образомъ и раньше, чѣмъ образовалась эта рознь. Глубочайшая и коренная причина періодической повторяемости въ средневѣковой византійской церкви движеній, подобныхъ арсеніанскому, заключалась въ противоположности принциповъ, на которыхъ покоились церковь и государство, и въ неопредѣленности отношеній между ними, а главная причина безплодности заключалась въ самомъ характерѣ этихъ движеній.

Церковь имѣла своей задачей устроеніе вѣчнаго спасенія своихъ чадъ посредствомъ нравственнаго ихъ усовершенствованія и, слѣдовательно, опиралась на моральномъ принципѣ. Задача государства состояла въ устроеніи ихъ временнаго, матеріальнаго благосостоянія, матеріальными же средствами, и, слѣдовательно, оно опиралось на принципѣ утилитарномъ. Но извѣстно, что духовное и матеріальное благо,

польза и нравственность не всегда идутъ рука объ руку, а чаще находятся въ прямомъ противорѣчіи другъ съ другомъ. И это противорѣчіе тѣмъ полнѣе и рѣзче выступаетъ, чѣмъ выше степени, въ которыхъ являются матеріальное и духовное блага. Духовное благо можетъ иногда потребовать, *чтобы матеріальныя блага были розданы нищимъ*, а матеріальное благо можетъ заявить иногда требованіе, *чтобы у нищихъ было отнято и то, еже мнятся имѣти*. Тоже и съ принципами. Чѣмъ послѣдовательнѣе они будутъ развиваться и примѣняться къ жизни, тѣмъ неизбѣжнѣе столкновенія между ними. Этимъ и объясняется то странное на первый взглядъ явленіе, что столкновенія между церковію и государствомъ въ Византіи совершались именно тогда, когда на патріаршемъ престолѣ сидѣли лица высоконравственныя, лица въ родѣ св. Златоуста, св. Игнатія, Николая Мистика и Арсенія, и что эти столкновенія были тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ полнѣе эти лица воплощали въ себѣ нравственный принципъ церкви и чѣмъ послѣдовательнѣе проводили его въ своей дѣятельности относительно государства. Они, сами того не желая и, можетъ быть, даже не подозрѣвая, стѣсняли принципъ государственный. Эта противоположность принциповъ сказалась съ осязательною ясностію во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами движеніяхъ. Движущимъ мотивомъ во всѣхъ этихъ движеніяхъ со стороны церковныхъ главъ движенія былъ мотивъ моральный. Въ ихъ жалобахъ на то, что нарушеніемъ правилъ церкви высшею государственною властью парализуется нравственное вліяніе церкви, заключалась глубокая исти-

на. Но съ другой стороны было бы большою ошибкою думать, что государственная власть всегда нарушала эти правила по одному капризу. Весьма часто заставляла ее нарушать ихъ государственная необходимость. Этою необходимостію особенно часто вынуждалась государственная власть нарушать церковныя правила при устраненіи патріарховъ, въ случаѣ коллизіи съ ними. Что, напримѣръ, оставалось дѣлать Михаилу III, при столкновеніи своего дяди со св. Игнатіемъ? Или устранить дядю и тѣмъ отнять у государства умнаго и полезнаго правителя, или устранить патріарха и тѣмъ нарушить право церкви. Подобная же дилемма возникла и предъ Михаиломъ Палеологомъ: или самому отказаться отъ престола, или свести съ него Арсенія. И если дѣйствительно Арсеній предлагалъ Михаилу Палеологу, какъ увѣряетъ его сынъ, императоръ Андроникъ, отказаться вмѣстѣ отъ престоловъ—одному отъ императорскаго, и другому отъ патріаршаго,—для искупленія общаго грѣха; то онъ былъ совершенно правъ съ точки зрѣнія моральнаго принципа, на которомъ стоялъ; но Михаилъ Палеологъ былъ бы безусловно виноватъ предъ утилитарнымъ принципомъ государства, если бы принялъ это предложеніе. При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось бы это отреченіе, оно могло оставить государство на жертву весьма опаснымъ случайностямъ. Такимъ образомъ здѣсь была борьба принциповъ. А такъ какъ матеріальная сила была на сторонѣ государственнаго принципа, то коллизія его съ церковнымъ всегда и оканчивалась его торжествомъ. Безпрепятственное развитіе для того и другаго принципа возможно было лишь при строгомъ

и точномъ разграниченіи сферъ церковной и государственной. Но, къ сожалѣнію, о такомъ разграниченіи всего менѣе думали въ Византіи. Напротивъ, и церковь и государство стремились здѣсь напереръвъ къ взаимному слитію: государство постоянно брало на себя разрѣшать спеціальныя задачи церкви матеріальными средствами, а церковь съ своей стороны спѣшила, для устраненія матеріальныхъ золъ, рекомендовать чисто духовныя средства. Этою противоположностью принциповъ и неразграниченностью сферъ церковной и государственной и объясняется, главнымъ образомъ, почему церковь и государство въ своей дѣятельности періодически сталкивались.

Главная же причина безплодности движеній, подобныхъ арсеніанскому, заключается, какъ мы сказали, въ характерѣ этихъ движеній. Кромѣ общецерковнаго и спеціально-монашескаго интереса, во всѣхъ этихъ движеніяхъ затрогивался обыкновенно и интересъ общественный. Этимъ и объясняется, почему всѣ эти движенія не ограничивались одною церковною сферою, а находили себѣ откликъ и въ другихъ. Отъ вопроса о «точномъ соблюденіи церковныхъ каноновъ» не далеко до вопроса о таковомъ же соблюденіи и законовъ вообще. Тѣсная связь между этими двумя вопросами была ясно сознана и даже прямо заявлена уже преподобнымъ Өеодоромъ Студитомъ и потомъ Николаемъ Мистикомъ. Между мотивами, которые оба они приводили въ подкрѣпленіе своихъ представленій о необходимости точнаго соблюденія каноновъ высшею государственною властью, они указывали и на то, что эти каноны находятся въ тѣсной связи съ законами и что нарушеніемъ тѣхъ и

другихъ государственная власть подаетъ дурной примѣръ подданнымъ и такимъ образомъ подкапываетъ легальную почву, на которую сама она опирается. Относящееся сюда мѣсто изъ писемъ Николая Мистика приведено нами выше. Преподобный Өеодоръ ставитъ по этому случаю такую дилемму: «если по начальнику бываетъ и подчиненный, то евангельскіе законы будутъ и не для подчиненныхъ. Ибо если (эти законы относятся) къ нему, то и къ нимъ, чтобы, подчиняясь одному закону и законодателю, они были покорны и не возмутительны. Если же къ нему не относятся, когда онъ хочетъ,—онъ же, можетъ быть, не захочетъ соблюдать ни одного,—а къ нимъ относятся, то одно изъ двухъ: или царь есть Богъ, ибо только божество не подлежитъ закону; или будетъ безначаліе и возмущеніе».

Эту дилемму преподобный подкрѣпляетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: «подлинно, гдѣ нѣтъ одного закона для всѣхъ, то какъ можетъ быть миръ, когда царь хочетъ одного,—напримѣръ, прелюбодѣйствовать или еретичествовать, а подданнымъ заповѣдано не имѣть части съ прелюбодѣемъ, не участвовать въ ереси и не преступать ничего, преданнаго Христомъ и апостолами»(1).

Дилемма, построенная преподобнымъ Өеодоромъ, такъ часто и съ такою поразительною точностію и полнотою осуществлялась въ исторіи средневѣковой Византіи, что могла бы быть поставлена въ качествѣ эпиграфа на заглавномъ листѣ этой исторіи. Первую половину ея такъ часто олицетворяли собою византійскіе императоры, что одинъ изъ нихъ позво-

(1) Письмо къ Евпреніану и находящимся съ нимъ, стр, 235.

лилъ себѣ на почтительнѣйшія представленія нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ о неприличіи его безцеремоннаго хозяйничанья въ церкви отвѣтить: «на землѣ нѣтъ никакого различія по власти между Богомъ и между царемъ: царямъ все позволительно дѣлать и можно безраздѣльно употреблять Божіе на ряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога, и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія» (1).

Вторая половина этой дилеммы осуществлялась такъ часто, что однимъ голымъ перечнемъ народныхъ мятежей и революцій, со времени основанія восточной имперіи въ Константинополѣ, до ея паденія въ 1453 г., можно было бы наполнить цѣлую книгу.

И дѣйствительно, если отъ чего страдала и погибла средневѣковая Византія, то это именно отъ «беззаконія». Это былъ ея застарѣлый, неисцѣльный недугъ, отъ котораго одинаково страдали всѣ, и цари и подданные, и цари не меньше, чѣмъ подданные: легальная почва подъ первыми была не прочнѣе, чѣмъ подъ послѣдними; насильственныя устраненія съ императорскаго престола были почти столь же часты, какъ и съ патріаршаго, и во всякомъ случаѣ были не въ примѣръ болѣе трагичны. Недугъ этотъ подтачивалъ въ корнѣ все — и вѣру, и прав-

(1) Никиты Хоніата исторія царствованія Исаака Ангела, по русск. перев., сдѣланному при с.-петерб. Д. Академіи, т. 2, стр. 123, Спб. 1862. Ср. т. 1, стр. 271—272. Одинъ изъ придворныхъ риторовъ Андроника Палеолога Старшаго въ своемъ Προσφώνημα πρὸς βασιλέα развивалъ и доказывалъ мысль, что царь есть душа міра и что міръ созданъ для царя:... «ψυχὴν εἶναι τῷ κόσμῳ τὸν βασιλέα, ὅτῳ χάριν καὶ δεδημιουργῆτο· εἰ γὰρ ἀληθὲς τὸ φάσκον ἧττον εἶναι, τὸ ἕνεκα τούτου οὗ ἕνεκα, ἕνεκα δὲ βασιλέως κόσμος, δῆλον ὡς σὺ, βασιλεῦ, τῷ κόσμῳ ψυχή. *Boissonade*, Anecdot. graeca t. 1, p. 251.

ственность, и семейныя и общественныя узы, парализовалъ и моральное вліяніе церкви и воспитательное дѣйствіе законовъ. «Въ нашемъ поколѣніи римскаго (греческаго) народа, съ горестью отмѣчаетъ историкъ-очевидецъ, не только *оскудѣлъ преподобный* и умалилась истина, но отъ *умноженія беззаконія* охладѣла и любовь во многихъ; такъ что цѣлые эллинскіе города колоніями переселялись къ варварамъ и по доброй волѣ оставляли отечество: потому что, въ самомъ дѣлѣ, частые мятежи развратили политическую нравственность народа и постоянное грабительство правительственныхъ лицъ подавило въ большинствѣ надлежащую привязанность къ родинѣ и готовность дѣятельно служить благу соотечественниковъ» ( ). Тѣже жалобы и вопли раздаются изъ устъ лучшихъ людей Византіи и раньше и позже Хоніата. Рѣдкій изъ византійскихъ императоровъ, подобно Василію Македонянину (867—886), не предпринималъ ревизіи существовавшихъ законовъ и не одинъ Михаилъ Палеологъ дѣлалъ опыты съ «неподкупными судіями»; но всѣ эти мѣры оказывались палліативными, онѣ не вылечивали, а лишь замаскировывали страшный народный недугъ.

«Точное исполненіе законовъ и каноновъ» было единственнымъ радикальнымъ средствомъ, способнымъ уврачевать этотъ недугъ. Но потому-то оно и не прививалось къ средневѣковой Византіи, что было слишкомъ ужъ радикально. Не смотря на свою кажущуюся невинность и благонамѣренность, оно дѣлало вызовъ всей системѣ, подъ вліяніемъ которой цер-

(¹) Никита Хоніатъ, царствованіе Алексѣя Комнина (Ангела). Т. 2, стр. 206.

ковно и политически воспитывались цѣлыя поколѣнія византійцевъ. Оно дѣлало вызовъ произволу, лежавшему въ основаніи этой системы и бывшему главнымъ источникомъ «беззаконія», отъ котораго всѣ такъ жестоко страдали. Оно хотѣло ввести этотъ произволъ въ должныя границы. Но извѣстно, что границы и произволъ—два понятія, исключающія себя взаимно. Произволъ признаетъ только тѣ границы, которыя самъ на себя положитъ, и до тѣхъ только поръ, пока это ему будетъ угодно. Ограничить его было невозможно безъ радикальной передѣлки системы и всѣхъ, связанныхъ съ нею, политическихъ, церковныхъ, соціальныхъ и даже семейныхъ отношеній. Вся бѣда состояла въ томъ, какъ справедливо замѣтилъ преподобный Ѳеодоръ Студитъ, что подчиненные всегда копируютъ своихъ начальниковъ и такимъ образомъ увраческаніе однихъ, безъ уврачеванія другихъ, было немыслимо. Тутъ круговая порука. Произволъ изъ центра системы проходилъ безчисленными радіусами до самыхъ крайнихъ ея периферій, вездѣ сопровождаясь одинаковыми явленіями. Копій неограниченнаго деспота, сидѣвшаго на византійскомъ престолѣ, было столько же во всѣхъ сферахъ Византіи, сколько было лицъ, имѣвшихъ хоть тѣнь власти надъ другими. Всѣ эти лица опредѣляли свои отношенія къ низшимъ или подчиненнымъ себѣ по одному и тому же основному типу. Такимъ образомъ невинное съ перваго взгляда требованіе «точнаго соблюденія церковныхъ каноновъ» было въ сущности требованіемъ радикальной реформы всѣхъ и церковныхъ, и политическихъ, и соціальныхъ порядковъ и отношеній, не хуже знаменитаго

требованія о преобразованіи церкви во главѣ и членахъ, которое заявляли въ средніе вѣка реформаторскіе соборы на западѣ. Реформъ въ церковной сферѣ нельзя было провесть безъ полнаго преобразованія другихъ сферъ, такъ какъ всѣ онѣ были тѣсно связаны одна съ другою. Церковь можетъ быть свободною только въ свободномъ государствѣ.

Но предъ радикальностью этого требованія отступали въ Византіи всѣ—и тѣ, которые протестовали противъ произвола, лежавшаго въ основѣ системы, и тѣ, которые защищали его въ данную минуту, и первые не меньше, чѣмъ послѣдніе. Это происходило отъ того, что тѣ и другіе одинаково заблуждались относительно источника этого произвола. Тѣ и другіе искали этого источника въ лицахъ, а не въ системѣ. Недовольные въ данную минуту положеніемъ дѣлъ наивно думали, что все зло происходитъ отъ того, что во главѣ управленія стоятъ неспособныя и недостойныя лица, и всѣ свои усилія направляли къ тому, чтобы замѣнить ихъ другими, болѣе достойными и способными. Это имъ, дѣйствительно, нерѣдко и удавалось. Но смѣна лицъ въ большинствѣ случаевъ или не оказывала никакого воздѣйствія на положеніе дѣлъ, или если и оказывала въ рѣдкихъ случахъ, то слишкомъ слабое и скоропреходящее, такъ что въ концѣ концовъ рано или поздно дѣла принимали старый видъ и при новыхъ лицахъ.

Таковъ былъ исходъ всѣхъ движеній въ Византіи безъ отношенія къ ихъ спеціальнымъ цѣлямъ. Онъ представлялъ всякій разъ осязательное доказательство того, что корень зла скрывается не въ лицахъ, а въ системѣ, что не лица портятъ систему, а система

портитъ лицъ. Но, увы! то, что такъ ясно для насъ, было вовсе не ясно для византійцевъ. Всѣ они отъ мала до велика, безъ различія общественнаго положенія и партій, слѣпо вѣровали въ безусловное совершенство своей системы. Лучше, цѣлесообразнѣе ихъ политическаго, церковнаго и соціальнаго строя и порядковъ, ничего не было и быть не могло на свѣтѣ. Этимъ строемъ и этими порядками средневѣковые византійцы гордились предъ всѣми другими народами, указывали имъ, какъ предметъ достойный подражанія. Безусловное удержаніе системы во всѣхъ ея подробностяхъ было conditio sine qua non всякаго движенія въ Византіи. Отсюда и выходило, что то, что было радикальнаго въ этихъ движеніяхъ, всякій разъ оставалось за предѣлами сознанія и вождей движенія и ихъ противниковъ и борьба сводилась на личности.

Въ этомъ личномъ характерѣ всѣхъ движеній въ Византіи и заключается главная причина того, почему послѣ каждаго изъ нихъ «дѣло, говоря словами Пахимера, продолжало оставаться въ прежнемъ, неопредѣленномъ и безнадежномъ положеніи».

И. Троицкій.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Иером. Герасим (Яред)

Отзывы о св. Фотие, патр. Константинопольском его современников - в связи с историей политических партий византийской империи

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 664-691.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ОТЗЫВЫ

О СВ. ФОТІѢ, ПАТРІАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ—ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(*Продолженіе*)

VI Записка Феогноста; Митрофанъ, Стиліанъ, Анастасій Библіотекарь.

Источники, на которыхъ западно-римскіе ученые опираются въ своихъ сужденіяхъ о Фотіѣ и Игнатіѣ, по преимуществу слѣдующіе, по большей части, нами уже цитованные: записка (Λίβελλος) *архимандрита Феогноста*, поданная папѣ Николаю I будтобы отъ имени св. Игнатія (1); посланіе *Митрофана смирнскаго* къ патрицію *Мануилу* (2); посланіе къ папѣ *Стефану Стиліана неокесарійскаго* (3); предисловіе къ собору 869 года, извѣстному у папистовъ подъ именемъ 8 вселенскаго собора (4)—*Анастасія Библіотекаря*; *акты*

(1) Λίβελλος, περιέχων πάντα τὰ κατὰ τὸν μέγαν Ἰγνάτιον, πεμφθεὶς πρὸς Νικόλαον πάπαν Ρώμης, προσωποποιηθεὶς ὑπὸ Θεογνώςου μοναχοῦ καὶ ἀρχιμανδρίτε τῆς πρεσβυτέρας Ρώμης, καὶ Ἐξάρχου Κωνσταντινοπόλεως, εἰς ὄνομα Ἰγνατίε τοῦ πατριάρχου (Harduin. t. V, p. 1013,.

(2) Harduin t. V, p. 1112. Судя по его заглавію и содержанію, оно написано вскорѣ послѣ перваго низложенія Фотія.

(3) Ibid. p. 1121. Написано послѣ втораго низложенія Фотія,

(4) Ibid. p. 749.

этого *собора* (1); трактатъ объ этомъ соборѣ *неизвѣстнаго автора* (2); Σταυροπάται, т. е. *крестопопратели*—сочиненіе также *неизвѣстнаго автора* (3); жизнеописаніе св. Игнатія—*Никиты Давида Пафлагонскаго* (4) и наконецъ лѣтопись *Симеона Магистра* (5). Свѣдѣнія о Фотіѣ и его времени встрѣчаются и у другихъ писателей, какъ-то: у Генезія, Михаила Монаха, Георгія Монаха, Кедрина, Зонары, продолжателя Ѳеофана, Константина Порфиророднаго, Іоанна Скилитци, Льва Грамматика и другихъ. Но большинство римско-католическихъ писателей обращаетъ на нихъ второстепенное вниманіе. Мы займемся разборомъ перваго рода источниковъ. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ нами литературныхъ памятникахъ Фотій представляется человѣкомъ крайне ненавистнымъ. Вездѣ о немъ говорится рѣзко, съ явнымъ недоброжелательствомъ, и вездѣ его личность подвергается самымъ язвительнымъ оскорбленіямъ. Причина понятна. Всѣ эти памятники писаны игнатіянами, и притомъ, по большей части, такими, которые принимали самое близкое и непосредственное участіе въ борьбѣ съ великимъ патріархомъ.

---

(1) Ibid. въ двухъ редакціяхъ: латинской p. 763 и греческой p. 1025.

(2) Ibid. p. 1140. Τόμος περιέχων ἐν συντόμῳ τὴν ὀγδόην σύνοδον γεγραμμένος ἐν τῷ δεξιῷ ἐμβόλῳ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας.

(3) Ibid. p. 1133. Ἐντεῦθεν δείκνυται, πολλάκις (ποσάκις) οἱ σταυροπάται τοὺς ἰδίους σταυροὺς ἠθέτησαν. Мы уже замѣтили, что нѣкоторые приписываютъ этотъ отрывокъ Никитѣ Пафлагонскому.

(4) Ibid. p. 913.

(5) Symeonis Magistri Annales, изд. Боннское, помѣщенное въ одномъ томѣ съ Theophan. Continuat. p. 603. Есть еще нѣсколько другихъ враждебныхъ Фотію писателей, гораздо впрочемъ позднѣйшихъ, которые находились подъ вліяніемъ вышеназванныхъ авторовъ. Таковы по преимуществу: Константинъ Манасси (Σύνοψις ἱστορική, см. стихъ 5134) и Ефремъ Монахъ (см. стихъ 10030).

Мы знаемъ, какъ сторонники одной партіи въ Византіи отзывались объ административныхъ лицахъ противной партіи и въ какой мѣрѣ они въ этомъ случаѣ достовѣрны. Странно было бы и ожидать отъ игнатіянъ другаго по отношенію къ Фотію; странно было бы считать ихъ отзывы о Фотіѣ вполнѣ достовѣрными, минуя всякіе критическіе разборы. Тѣмъ не менѣе было бы слишкомъ односторонне во всемъ оспаривать достовѣрность этихъ памятниковъ лишь на томъ основаніи, что они принадлежатъ партіи враждебной Фотію. Бываютъ и противники честные, которые, даже при самомъ фальшивомъ взглядѣ на вещи, заслуживаютъ въ извѣстномъ отношеніи вѣроятія. Въ подобномъ случаѣ дѣло историка — сдѣлать надлежащую оцѣнку тѣмъ или другимъ воззрѣніямъ того или другаго противника, но никакъ не заподозривать его правдивость. Къ сожалѣнію, названные нами памятники нерѣдко сами себя обличаютъ, бросая невыгодную тѣнь на ихъ сочинителей. Намѣренная ложь, намѣренное искаженіе фактовъ иногда слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза, такъ что объ этихъ писателяхъ Ганке справедливо замѣтилъ: Ignatiani, quoniam rerum multarum circumstantias, quas melioribus e monumentis haurire licet, speciosis fallaciis plane corruptas proferunt, contra Photium testes inimici, jure suspecti censentur (¹). Исключеніе составляетъ развѣ Симеонъ Магистръ—не смотря на всѣ диковины и басни, которыя онъ разсказываетъ о Фотіѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только внимательно разсмотрѣть эти памятники.

(¹) Hanke, liber de byzantin. rerum scriptoribus. Lipsiæ 1677. § 34. это мѣсто приводится у Икономоса въ Ἀμφιλοχίων προλεγόμενα, σελ. ιε.

Возьмемъ прежде всего самый ранній по времени памятникъ—записку Θеогноста. Этотъ Θеогностъ, по свидѣтельству Стиліана (Hard. t. V, p. 1124), тайно бѣжалъ въ Римъ, въ свѣтскомъ костюмѣ, послѣ осужденія св. Игнатія на соборѣ перво-второмъ, и въ это время представилъ папѣ упомянутую записку. Западные писатели приписываютъ ее самому Игнатію, потому что она имѣетъ форму письма отъ Игнатія къ Николаю. Но нѣкоторые изъ восточныхъ приписываютъ ее исключительно Θеогносту, — во первыхъ, на томъ основаніи, что Стиліанъ, разсказывая о бѣгствѣ Θеогноста въ Римъ, не упоминаетъ объ отправкѣ съ нимъ письма отъ Игнатія, а говоритъ только, что Θеогностъ сообщилъ Николаю обо всемъ, что сдѣлано было противъ Игнатія: *καὶ τὰ κατὰ Ἰγνατίου διδάσκει* (Θеогностъ) *τὸν ἁγιώτατον πάπαν Νικόλαον*, — во вторыхъ на томъ, что никто изъ константинопольскихъ патріарховъ никогда не обращался къ римскимъ епископамъ съ такимъ титуломъ, какой мы встрѣчаемъ въ этой запискѣ, и что́ самъ св. Игнатій въ своемъ письмѣ къ папѣ Николаю вовсе не величаетъ его титуломъ владыки нашего и патріарха всѣхъ престоловъ, а напротивъ называетъ его только папою древняго Рима, своимъ любезнымъ братомъ и сослуживцемъ (Horduin. t. V, p. 1037). Кромѣ того нелѣпости, встрѣчающіяся въ этой запискѣ, яснѣе всего показываютъ, что она написана въ Римѣ самимъ Θеогностомъ, пользовавшимся безусловною довѣренностію св. Игнатія. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на папу, Θеогностъ всячески ему льститъ, и эту недостойную лесть влагаетъ въ уста Игнатія. Дѣло представляется такъ, будтобы св. Игнатій,

вмѣстѣ съ десятью митрополитами, пятнадцатью епископами, игуменами и пресвитерами, и безчисленнымъ множествомъ иноковъ (μοναχῶν πλῆθος ἄπειρον), обращаясь *къ всесвятѣйшему владыкѣ и блаженнѣйшему предсѣдателю и патріарху всѣхъ престоловъ*, преемнику первоверховнаго апостола и вселенскому папѣ римскому, къ его святѣйшимъ епископамъ и къ премудрой церкви римской ([1]), жалуется на гоненія и жестокія преслѣдованія со стороны власти константинопольской, и проситъ папу вступиться за него и отомстить за неправду, слѣдуя доблестному примѣру предшественниковъ папы—Фабіана, Юлія, Иннокентія, Льва и всѣхъ тѣхъ, которые мужественно боролись за истину. Въ этой же запискѣ изложенъ ходъ дѣла низложенія Игнатія на такъ называемомъ перво-второмъ соборѣ. Такъ какъ акты этого собора до насъ не дошли, то западные писатели судятъ о немъ на основаніи этой записки и описанія его, сдѣланнаго Никитою, и съ этой-то стороны она особенно и интересуетъ ихъ. Ѳеогностъ пишетъ, что «соборъ (который въ запискѣ называется не иначе, какъ судилищемъ Каіафы) призвалъ св. Игнатія защищаться отъ обвиненій, взведенныхъ противъ него. Игнатій сначала отказывался явиться, требуя папскаго суда надъ собою, потомъ согласился и спросилъ соборъ: явиться ли ему въ качествѣ инока осужденнаго, или въ качествѣ патріарха, имѣющаго быть судимымъ, то есть, въ монашескомъ-ли одѣяніи, или патріаршемъ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ приказаніе—явиться такъ, какъ со-

([1]) Τῷ δεσπότῃ ἡμῶν ἁγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ προέδρῳ καὶ πατριάρχῃ πάντων τῶν θρόνων καὶ τοῦ κορυφαίου διαδόχῳ καὶ οἰκουμενικῷ Νικολάῳ πάπα καὶ τοῖς ὑπ' αὐτοῦ ἁγιωτάτοις ἐπισκόποις καὶ πάσῃ τῇ σοφωτάτῃ τῶν ῥωμαίων ἐκκλησίᾳ κτλ.

чтетъ приличнымъ для себя. Игнатій отправился на соборъ въ патріаршемъ облаченіи; но на пути посланные царя и собора сняли съ него священную одежду съ жестокими, конечно, укоризнами, и привели на соборъ въ видѣ инока. Императоръ Михаилъ, вмѣстѣ съ Вардою присутствовавшій на этомъ соборѣ, сталъ осыпать его оскорбленіями, и когда,— послѣ кроткаго заявленія Игнатія, что эти оскорбленія все же легче мученій, которыя онъ потерпѣлъ, – царскій гнѣвъ смягчился, Игнатія посадили на деревянной скамьѣ. Затѣмъ Игнатій, обратившись къ римскимъ легатамъ, спросилъ ихъ о причинѣ прибытія въ столицу и узналъ, что они прибыли съ цѣлію судить его, а на вопросъ его, есть ли у нихъ письмо къ нему отъ папы, они отвѣтили—нѣтъ, потому что они прибыли къ нему не какъ къ патріарху, а какъ къ лицу, осужденному его же собственнымъ соборомъ. Игнатій сказалъ имъ: удалите прелюбодѣя (т. е. лжеепископа, занявшаго каѳедру при жизни законнаго епископа,—Фотія) изъ собора; въ противномъ случаѣ вы—не судьи. Этимъ легаты вынуждены были указать на императора и сказать: *онъ* такъ хочетъ. Вслѣдъ за тѣмъ приверженцы царя убѣждали Игнатія, подъ разными угрозами, добровольно отказаться отъ престола. Но Игнатій былъ непреклоненъ. Тогда царскіе сторонники стали упрекать приверженцевъ Игнатія въ томъ, что они теперь признаютъ его патріархомъ послѣ того, какъ сами представили отъ него отреченіе ([1]). На эти упреки сторонники Игна-

---

([1]) Διὸ καὶ πρὸς τοὺς μητροπολήτας ’ετράπησαν, ἄλλους ἄλλων διαβάλλοντες καὶ αἰτιώμενοι, ὅτι τὴν ἀπόταξιν τὴν ’εμὴν τάχα αὐτοὶ ἔφερον καὶ πῶς πάλιν ζητοῦσι μὲ πατριάρχην;

тія отвѣчали, что они тогда, въ виду царскаго гнѣва съ одной стороны и волненія толпы — съ другой, предпочли легчайшее, т. е. подчинились царскому гнѣву (1), и стали требовать возвращенія Игнатію престола. Сторонники царя стали вновь просить Игнатія о добровольномъ отреченіи, но также безуспѣшно. Спустя нѣсколько дней, опять приглашали Игнатія на соборъ, и онъ опять отказался явиться, требуя, чтобы отдали его на судъ папы. При этомъ онъ послалъ сказать легатамъ, что, такъ какъ они не удаляютъ Фотія изъ собора и такъ какъ они приняли отъ Фотія подарки, то онъ не признаетъ ихъ своими судьями. Сторонники же его просили легатовъ прочитать письма, посланныя Игнатіемъ къ папѣ, гдѣ онъ ссылается на письмо папы Иннокентія по дѣлу Златоуста и на 4-е правило сардикійскаго собора, по которому низложенный епископъ, подавшій аппелляцію римскому престолу, имѣетъ законнаго преемника себѣ не прежде, какъ когда дѣло разсмотрѣно будетъ папою. Не смотря на это, соборъ все-таки требовалъ къ себѣ св. Игнатія. Явившись на соборъ, Игнатій обличилъ отцовъ собора въ незнаніи церковныхъ правилъ, такъ какъ они призвали его не чрезъ епископовъ, а чрезъ діакона и мірянина. Не имѣя ничего сказать на это, сторонники царя выставили свидѣтелей, которые готовы были утверждать, что Игнатій возведенъ въ патріархи не по единогласному избранію епископовъ. Тогда Игнатій спросилъ ихъ, кто они такіе, — кто имъ повѣритъ, и какое правило даетъ царю право выставлять свидѣтелей? Если я не епископъ — ска-

(1) Τοῦ δὲ βασιλικοῦ θυμοῦ καὶ τῆς τοῦ πλήθους ἐπαναστάσεως, τὸ κουφότερον ἐξελεξάμεθα τότε.

залъ онъ—то, стало быть, и ты не царь, и эти—не епископы, и самъ Фотій (μοιχὸς) не епископъ, потому что вы всѣ посвящены моими недостойными руками и молитвами. Епископы и на это не нашлись ничего сказать. Игнатій далѣе замѣтилъ, что Фотій не принадлежитъ къ церкви (то есть, былъ отлученъ) и что онъ принялъ посвященіе отъ отлученнаго епископа, и упрекалъ Фотія за то, что Фотій нарушилъ свое письменное обѣщаніе — ничего не дѣлать безъ вѣдома его, Игнатія, и быть къ нему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ сынъ находится къ отцу,—прибавивъ, что Фотій предалъ его анаѳемѣ. На все это Фотій ничего не отвѣчалъ. Спустя десять дней, соборъ опять вызвалъ Игнатія и представилъ противъ него свидѣтелей, утверждавшихъ, что Игнатій поставленъ въ патріархи неправильно, и вслѣдъ за тѣмъ осудилъ его» (1).

Такимъ образомъ, по этой запискѣ, св. Игнатій своими доводами окончательно торжествуетъ надъ соборомъ, такъ что всѣ члены собора и самъ царь являются предъ нимъ людьми жалкими и безсильными. Въ самомъ дѣлѣ, ни Фотій, ни кто другой изъ его приверженцевъ, не говорятъ ни слова на этомъ

(1) Никита прибавляетъ къ этому, что «соборъ примѣнилъ къ Игнатію XXX правило апостольское, по которому епископъ, достигшій церковнаго сана посредствомъ свѣтской власти, низвергается, и что на этомъ соборѣ, въ глазахъ царя, надѣли на Игнатія разорванное и грязное облаченіе и митру и потомъ сорвали ихъ съ него, съ общимъ крикомъ: ἀνάξιος. На другой день одинъ изъ мучителей, послѣ многихъ мученій, взялъ его за руку и насильно начерталъ ею форму креста на хартіи, которую и поднесъ Фотію, написавшему слѣдующія слова: «Игнатій, недостойный патріархъ константинопольскій, признаю, что я былъ поставленъ въ патріархи неправильно и что въ эти годы я былъ не святителемъ, а тиранномъ». (Apud Hardoin. t. V. Vita Ignatii p. 969.

соборѣ. Какбы обезсиленные неопровержимыми доводами св. Игнатія и поставленные въ неловкое положеніе, они предоставляютъ однимъ лжесвидѣтелямъ говорить за себя. Какое блестящее доказательство невинности св. Игнатія и виновности Фотія! На долю римскихъ легатовъ выпала также самая незавидная роль. Игнатій сразу ставитъ ихъ въ противорѣчіе съ самими собою и сразу приводитъ ихъ въ затрудненіе. На доводы Игнатія они ничего не могли сказать и вынуждены были указать на императора и смиренно сказать Игнатію: такъ онъ хочетъ! Но можно ли вѣрить всему этому? Если дѣло осужденія Игнатія на соборѣ шло дѣйствительно такъ, какъ оно изложено въ этой запискѣ (и у Никиты); то акты этого собора послужили бы лучшимъ обвиненіемъ противъ Фотія и его приверженцевъ, которые, конечно, и должны были позаботиться объ уничтоженіи ихъ. Однако этого не было. Фотій не только не уничтожилъ ихъ, но отправилъ ихъ въ Римъ, и не фотіяне, а игнатіяне уничтожили ихъ. Спрашивается, зачѣмъ они сдѣлали это, когда въ нихъ заключалось самое лучшее оправданіе Игнатія? Очевидно, что Ѳеогностъ намѣренно искажаетъ факты и представляетъ дѣло въ благопріятномъ для игнатіянъ свѣтѣ. Кромѣ того, въ этой запискѣ въ уста св. Игнатія влагается ложь, и дѣло представляется несообразно съ характеромъ его. Въ самомъ дѣлѣ, Игнатій возражаетъ противъ того, что онъ избранъ былъ не всѣми епископами единогласно. между тѣмъ какъ многіе изъ самихъ игнатіянъ увѣряютъ, что многіе были недовольны избраніемъ его, а другіе изъ нихъ показываютъ, что были и такіе между епископами, которые также

разсчитывали на патріаршество и соперничали съ нимъ. Далѣе, Игнатій прямо говоритъ, что «если я — не епископъ, то и ты не царь, и эти (члены собора) не епископы, не исключая и самого Фотія, потому что вы всѣ посвящены моими собственными руками и молитвами». Это также ложно; потому что многіе изъ епископовъ были посвящены не Игнатіемъ, и тѣмъ болѣе самъ Фотій не отъ него получилъ посвященіе. Конечно, здѣсь Игнатій какбы невольно признаетъ правильнымъ посвященіе Фотія, избраннаго всѣми епископами, не исключая и посвященныхъ самимъ Игнатіемъ; но тотчасъ же онъ впадаетъ въ противорѣчіе, говоря, что Фотій — незаконный патріархъ, потому что былъ въ числѣ отлученныхъ имъ. Однако на это противорѣчіе ни Фотій, ни кто иной не возражаетъ. Спрашивается опять, правдоподобно ли это, и не явно ли здѣсь пристрастіе и уклоненіе отъ дѣйствительности?

Только въ одномъ мѣстѣ записки мелькаетъ истина,—именно въ томъ, гдѣ члены собора обличаютъ игнатіянъ, что они сами представили собору отреченіе Игнатія, и упрекаютъ ихъ за то, что, не смотря на это, они признаютъ его патріархомъ. Замѣчательно, что игнатіяне не отрицали этой улики. Отсюда видно, что со стороны Игнатія сначала дѣйствительно послѣдовало отреченіе, согласно съ тѣмъ, какъ императоръ Михаилъ писалъ о томъ къ папѣ (1). По всей вѣроятности, соборъ выставилъ противъ Игнатія между прочимъ и это обстоятельство, то есть, желаніе взять назадъ свое отреченіе и не

(1) Ep. Nicol. I, apud Labbeum t. VIII, p. 268.

признавать Фотія патріархомъ; потому что это обстоятельство разжигало страсти и увеличивало волненіе въ столицѣ. И такъ можно судить, въ какой мѣрѣ эта записка заслуживаетъ вѣроятія!

Тѣмъ же враждебнымъ характеромъ и тою же недобросовѣстностію запечатлѣны и дошедшія до насъ письма Митрофана смирнскаго и Стиліана неокесарійскаго ([1]). Ихъ ненависть къ Фотію доходитъ до того, что они отказываютъ ему даже въ названіи христіанина. И тотъ и другой увѣряютъ, что Фотій былъ схизматикомъ еще до своего поставленія (что́ впрочемъ не мѣшало имъ признавать его законнымъ патріархомъ въ теченіе болѣе 40 дней), и оба они превратно передаютъ событія, въ которыхъ сами непосредственно участвовали, начиная съ первыхъ обстоятельствъ избранія и посвященія Фотія.

Впрочемъ, намѣренно извращая истину, они часто противорѣчатъ другъ другу и другимъ писателямъ одного съ ними лагеря. Такъ, во первыхъ, они говорятъ, будто Фотій былъ избранъ только по настоянію власти и вопреки желанію всѣхъ епископовъ, тогда какъ Никита напротивъ говоритъ, что епископы, обязавшіеся клятвою не отступать отъ св. Игнатія, и весь синклитъ—долго совѣщались между собою, обращаясь во всѣ стороны, пока наконецъ не избра-

([1]) Митрофанъ смирнскій, такъ же, какъ и Стиліанъ, былъ однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ Фотія и пользовался самою жалкою извѣстностію, будучи еще евнухомъ. По увѣренію нѣкоторыхъ, это тотъ самый Митрофанъ, который, вмѣстѣ съ своею, подкупленною врагами святаго Меѳодія, матерью, самымъ безстыднымъ образомъ обвинялъ св. патріарха въ преступной связи съ нею. Эту клевету св. Меѳодій опровергъ очевиднѣйшимъ образомъ. (Genes. Regum L. IV, p. 83: σὺν τῷ ἐξ αὐτῆς τεχθέντι ὑφ Μητροφάνη τῷ κατὰ καιροὺς τινας προέδρῳ τῶν Σμυρναίων πόλεως χρηματίσαντι. Cf. Theophanis L. IV. p. 158).

ли архіереемъ царствующаго града—Фотія, протоспаѳарія и перваго совѣтника ([1]). Почти тоже самое говоритъ и авторъ «крестопопрателей», свидѣтельствуя, что преданные Игнатію епископы избраніемъ другаго патріарха попрали свои кресты «ἠθέτησαν τοὺς σταυροὺς αὐτῶν» ([2]). Митрофанъ и Стиліанъ противорѣчатъ другъ другу даже и въ этомъ. По словамъ Митрофана выходитъ, что епископы, не соглашавшіеся на избраніе Фотія, постепенно стали переходить на сторону Варды, предлагавшаго Фотія, и противъ избранія послѣдняго высказались только пять епископовъ, но и эти согласились, какъ только получили отъ Фотія записку о гарантіи чести Игнатія. Стиліанъ же говоритъ, что Фотій былъ избранъ схизматиками (то есть, партіею Григорія сиракузскаго) и что другіе епископы стали переходить на его сторону уже тогда, когда онъ сдѣлался патріархомъ ([3]). Насколько вѣрно говоритъ этотъ Стиліанъ, видно и изъ его словъ, по которымъ Фотій въ одинъ будтобы день принялъ всѣ степени священства «αὐθημερὸν», чего совсѣмъ не было. Это, конечно, со стороны Стиліана не ошибка, происшедшая отъ незнанія дѣла, а намѣренная ложь, потому что событія, о которыхъ онъ говоритъ, совершались на его глазахъ. Во вторыхъ, Митрофанъ пишетъ, будто Фотій, послѣ осужденія и ссылки Игнатія, отправилъ посольство въ Римъ къ папѣ Николаю для осужденія Игнатія, представляя все въ благопріятномъ для себя свѣтѣ ([4]). Между тѣмъ извѣстно,

([1]) Vita Ignatii, Hardnin t. V, p. 960.
([2]) Ibid. p. 1113.
([3]) Ibid. p. 1121—1123.
([4]) Ibid. t. V, p. 1113.

что Фотій отправилъ въ Римъ только общительное посланіе по обычаю. Стиліанъ же говоритъ, что Фотій просилъ папу прислать легатовъ въ Константинополь для повѣрки дѣла Игнатія ([1]), — что также невѣрно. Въ третьихъ, разсказывая о прибытіи легатовъ въ Константинополь, Митрофанъ говоритъ, что они, спустя уже восемь мѣсяцевъ, поддались видамъ Фотія, уступая его угрозамъ и подаркамъ. Замѣтимъ, что этотъ срокъ самъ папа Николай сокращаетъ во сто дней. Объ угрозахъ и подаркахъ со стороны Фотія говоритъ и Стиліанъ. По увѣренію же Никиты, Фотій только подкупилъ ихъ, но ничѣмъ имъ не угрожалъ. А Анастасій Библіотекарь не упоминаетъ ни объ угрозахъ, ни о подаркахъ, и объясняетъ согласіе легатовъ на осужденіе Игнатія лишь незнаніемъ ими греческаго языка. Долго останавливаться на этихъ двухъ личныхъ врагахъ патріарха Фотія не стоитъ. Заслуживаютъ нѣкотораго вниманія только слова Митрофана о константинопольскомъ соборѣ 867 года, осудившемъ папу Николая, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, за неимѣніемъ подлинныхъ соборныхъ актовъ, западные писатели заимствуютъ у Митрофана и Анастасія Библіотекаря. Фотій, по словамъ Митрофана, оскорбляясь образомъ дѣйствій въ Болгаріи римскихъ легатовъ, которые вновь миропомазывали новообращенныхъ миссіонерами Фотія, — сочинилъ (ἀνέπλασε, confinxit) соборъ, состоявшій якобы изъ безчисленнаго множества епископовъ, въ присутствіи мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ и съ императоромъ Михаиломъ и кесаремъ Василіемъ во гла-

([1]) Harduin. t. V p. 1124.

вѣ. На этомъ соборѣ Фотій представилъ будтобы обвинителей, которые предложили на обсужденіе собора обвинительные пункты противъ папы Николая, а самъ, вмѣсто того, чтобы обвинять папу, сталъ какбы его защитникомъ и, защищая его, показывалъ видъ, будто долженъ былъ уступить силѣ очевидныхъ доказательствъ. Соборъ призналъ будтобы папу Николая виновнымъ въ безчисленныхъ, конечно мнимыхъ, преступленіяхъ и подвергъ анаѳемѣ какъ его, такъ и тѣхъ, кто сталъ бы имѣть съ нимъ общеніе. На этомъ соборѣ, говоритъ далѣе Митрофанъ, западный императоръ, Людовикъ II, (въ первый разъ) былъ признанъ греками въ санѣ императора, супругѣ его Ингельбергѣ дано названіе августѣйшей, и затѣмъ Фотій отправилъ къ ней льстивое письмо, прося ее убѣдить своего мужа изгнать изъ Рима папу Николая, какъ осужденнаго вселенскимъ соборомъ. Сочинивъ соборъ, Фотій долженъ былъ поддѣлать, конечно, и подписи членовъ собора. — Такія нелѣпости вымышляетъ Митрофанъ. Впрочемъ объ этомъ соборѣ и пресловутыхъ поддѣлкахъ Фотія у насъ рѣчь будетъ впереди. Теперь замѣтимъ только, что Никита Пафлагонскій, говоря объ этомъ соборѣ, разсказываетъ, что Фотій не провозгласилъ Людовика II императоромъ, а только обѣщалъ признать его въ этомъ достоинствѣ подъ условіемъ, если онъ рѣшится изгнать папу изъ Рима (1). Анастасій же Библіотекарь, упоминая объ этомъ соборѣ, ни слова не говоритъ о посольствѣ къ Людовику II. Молчаніе другихъ писателей, при разногласіи Никиты и Митрофана, даетъ право

(1) Harduin. Vita Ignatii p. 981.

усумниться въ дѣйствительности указаннаго событія, тѣмъ болѣе, что византійскіе императоры не только въ эту эпоху, но и позже, титулъ императора ревниво и исключительно приписывали только себѣ, называя западныхъ императоровъ не иначе, какъ королями (ῥῆγας, reges). Обвиненіе же Фотія въ подделкѣ подписей становится для насъ весьма понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Митрофанъ написалъ посланіе Мануилу послѣ собора 869 года, на которомъ самъ онъ присутствовалъ. На этомъ соборѣ признано, что Фотій сочинилъ не только соборъ, но и самыя подписи, а потому и Митрофанъ не могъ иначе и писать о немъ. Но правъ ли былъ соборъ въ этомъ отношеніи и съ чьей стороны былъ подлогъ,—со стороны ли Фотія, или со стороны самого собора,—мы это увидимъ.

Впрочемъ нельзя не замѣтить, что у Митрофана иногда, при всей его неправдивости ([1]), яснѣе проглядываетъ истина, чѣмъ у Стиліана; потому что онъ, какъ мы уже видѣли, не скрываетъ ни того,

---

([1]) Въ заключеніе своего письма къ Мануилу Патрицію Митрофанъ говоритъ: «неужели ты думаешь, что человѣкъ, осужденный пятью соборами, по причинамъ важнымъ и беззаконіямъ великимъ, и отосланный къ діаволу, заслуживаетъ названія христіанина и можетъ быть Божіимъ священнослужителемъ, да еще—занимать высшую степень священства? Фотій былъ низверженъ и преданъ анаѳемѣ 1) всѣми константинопольскими епископами (т. е. игнатіянами), когда онъ нарушилъ свое письменное обѣщаніе; 2) римскою церковію, когда онъ писалъ къ папѣ Николаю (т. е. очевидно, когда онъ отправилъ общительную грамоту); 3) тою же церковію, когда Родоальдъ и Захарія возвратились въ Римъ (изъ Константинополя, и сами были низвержены; 4) римскимъ соборомъ, созваннымъ папою Адріаномъ; 5) осьмымъ вселенскимъ соборомъ въ Константинополѣ». Такимъ образомъ и здѣсь, въ дѣлѣ вопіющемъ, Митрофанъ не удержался отъ намѣренной лжи, сказавъ, что Фотій былъ преданъ анаѳемѣ папою Николаемъ въ ту пору, когда отправилъ къ нему свое общительное посланіе.

что Игнатій предоставилъ епископамъ избрать другаго вмѣсто себя, ни того, что игнатіяне первые предали своего новаго патріарха анаѳемѣ, затѣявъ такимъ образомъ мятежъ противъ властей. Письмо же Стиліана обличаетъ въ немъ человѣка, не знающаго предѣловъ своей злобы и совсѣмъ забывшаго о совѣсти. Озлобленіе его противъ Фотія доходитъ до того, что онъ, между прочимъ, не стыдится обвинять его въ подсылкѣ убійцъ (1) для сокращенія жизни св. Игнатія, лежавшаго уже на одрѣ осьмидесятилѣтняго старца. Біографъ св. Игнатія, Никита, возведшій на Фотія такъ много небылицъ, удержался однако отъ этой клеветы, замѣтивъ, что Игнатій скончался мирно въ глубокой старости (2). Интересно еще, какъ Стиліанъ объясняетъ возвращеніе Фотія изъ ссылки. По его словамъ, Фотій находился будтобы въ дружбѣ съ волхвомъ Сантавариномъ, котораго онъ произвелъ въ священники и который, своими магическими дѣйствіями обуявъ умъ императора, расположилъ его къ Фотію, вслѣдствіе чего Фотій и былъ возвращенъ изъ заточенія (3). Однако извѣстно, что Сантаваринъ, человѣкъ ученый, сдѣлался приближеннымъ императора, спустя много времени послѣ возвращенія Фотія изъ ссылки (4). Не менѣе наконецъ интересно и обвиненіе Фотія въ томъ, будто онъ угрозами и подарками заставилъ

(1) Παρανόμους ἄνδρας, γόητάς τε καὶ ἀπατεῶνας συνήγαγε, καὶ συκοφάντας ψευδεῖς πλασάμενος. τὸν... Ἰγνάτιον τῆς ζωῆς δυστήνως ἀπαλλαγῆναι παρεσκεύασε p. 1124.

(2) Nicetas, Harduin t. V, p. 993. Ἐν εἰρήνῃ δὲ ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐκοιμήθη καὶ ὕπνωσε., εἰς χεῖρας Κυρίου τὸ πνεῦμα παραθέμενος κ. τ. λ. Ὀγδοηκοστὸν δε ἤδη γεγονὼς ἔτος.

(3) Hard. t. V, p. 1125.

(4) Sym. Magistr. p. 694.

посланныхъ Іоанномъ VIII къ умершему уже Игнатію легатовъ объявить всѣмъ въ столицѣ, что они прибыли анаѳематствовать Игнатія и возстановить Фотія на патріаршемъ престолѣ (тогда какъ изъ посланія папы Іоанна VIII къ Фотію ([1]) ясно видно, что папскіе легаты, Павелъ и Евгеній, вошли съ Фотіемъ въ общеніе только тогда, когда получили повелѣніе отъ самого папы), и что послѣ того Фотій составилъ будтобы письмо какбы отъ имени Игнатія и епископовъ его партіи къ папѣ о признаніи его, Фотія, въ санѣ патріарха. Ложность этого обвиненія признана даже самими католиками, въ томъ числѣ и Гергенретеромъ. Подобнаго рода выдумки, очевидно, нужны были Стиліану для оправданія, съ его точки зрѣнія, папы Іоанна VIII въ принятіи Фотія въ церковное общеніе. Никита также представляетъ папу Іоанна VIII обманутымъ письмами, посланными ему, но не отъ имени Игнатія, какъ увѣряетъ Стиліанъ, а отъ однихъ только епископовъ, которыхъ печати Фотій будтобы досталъ чрезъ секретаря Петра, а собственноручныя подписи обманно выманилъ, такъ что они не знали, къ чему подписались ([2]). Замѣчательно, что обвиненіе Фотія въ подлогахъ касается исключительно такихъ памятниковъ, которые немедленно были уничтожаемы самими игнатіянами. Не слѣдовало ли лучше игнатіянамъ сберечь эти памятники въ доказательство виновности Фотія, если онъ точно былъ виновенъ? Игнатіяне уничтожили эти памятники—потому, конечно, что они доказывали не виновность, а правоту ихъ

([1]) Hard. t. V, p. 1008.
([2]) Harduin. t. V, p. 1185.

противника. Вообще всѣ нелѣпости, которыя Стиліанъ разсказываетъ о Фотіѣ, подтверждаютъ только нашъ о немъ отзывъ (¹).

(¹) Вотъ содержаніе Стиліанова письма: «по наущенію добровенавистника, Григорій Асвестъ, Евлампій, Петръ и др. возстали противъ патріарха Игнатія и привнесли раздѣленіе между членами Христовой церкви. Послѣ тщетныхъ соборныхъ увѣщаній, Игнатій подвергъ ихъ низложенію и анаѳемѣ. Они снарядили депутацію къ римскому папѣ Льву, жалуясь на Игнатія; но папа, убѣдившись въ виновности ихъ отъ монаха Захарія, нарочито посланнаго Игнатіемъ въ Римъ, также осудилъ ихъ какъ схизматиковъ. Папа Левъ скоро умеръ, и Григорій съ своими послѣдователями обратился къ суду папы Бенедикта; однако и тотъ, по тщательномъ изслѣдованіи дѣла, подтвердилъ осужденіе ихъ Игнатіемъ. Эти-то схизматики, нѣсколько времени спустя, съ содѣйствіемъ нѣкоего схизматика Фотія, занимавшаго государственную должность при Вардѣ, который также былъ обличаемъ Игнатіемъ въ незаконномъ сожительствѣ (ἀθεογαμία), низвергли Игнатія съ престола, привлекли на свою сторону царя, который на мѣсто Игнатія и возвелъ Фотія, избраннаго схизматиками и рукоположеннаго Григоріемъ въ одинъ день (αὐθήμερον). Тогда архіереи, высшіе члены клира и высокопоставленныя лица въ церкви, въ томъ числѣ и самъ Стиліанъ (ἐν οἷς κἀγώ) отдѣлились вслѣдствіе такого антиканоническаго поставленія схизматика. Но Фотій угрозами, насиліемъ и подарками, привлекъ на свою сторону многихъ, а за тѣмъ далъ подписку никогда не осуждать ни Игнатія, ни правильности его священства. Однако, недолго спустя, нарушивъ свое письменное обѣщаніе, Фотій созвалъ въ храмѣ св. апостоловъ соборъ и осудилъ Игнатія, предавъ его анаѳемѣ. Затѣмъ, желая упрочить свое положеніе, съ согласія царя онъ отправилъ пословъ въ Римъ и просилъ папу Николая прислать легатовъ въ константинопольскую церковь для разсмотрѣнія дѣла Игнатія. Легаты, Родоальдъ и Захарій, поддавшись подаркамъ Фотія и угрозамъ царя, нарушили данную имъ отъ папы инструкцію, и на соборѣ константинопольскомъ осудили Игнатія, признавъ возведеніе Фотія. Тогда архимандритъ Ѳеогностъ, движимый ревностію, переодѣвшись въ свѣтское платье, тайно отправился въ Римъ и разъяснилъ дѣло Игнатія папѣ Николаю, который вслѣдствіе того предалъ низверженію сперва легатовъ своихъ, а потомъ и самого Фотія. Когда затѣмъ царская власть перешла въ руки Василія, тогда этотъ государь, движимый боголюбивою ревностію, утвердилъ рѣшеніе папы, вызвалъ Игнатія изъ ссылки и низложилъ Фотія. При этомъ императоръ отправилъ въ Римъ съ обѣихъ сторонъ (Фотія и Игнатія) апокрисіаріевъ, а равно и сочиненные Фотіемъ акты соборнаго осужденія папы Николая. Преемникъ

Что касается Анастасія Библіотекаря, то этотъ писатель, при всей своей враждебности къ Фотію и при всемъ пристрастіи къ его противникамъ, больше

Николая Адріанъ (II) подтвердилъ осужденіе Фотія. Послѣ того былъ созванъ въ Константинополѣ вселенскій соборъ, который также осудилъ Фотія. Но Фотій не успокоился: созвавъ людей нечестивыхъ, чародѣевъ, обманщиковъ и клеветниковъ, онъ способствовалъ лишенію жизни преблаженнаго Игнатія. Этого мало, когда еще Игнатій находился на своемъ престолѣ, отлученный и анаѳематствованный Фотій совершалъ хиротоніи. Военною силою, какъ нѣкогда нечестивый Македоній, онъ захватилъ церковь, когда Стиліанъ и другіе священнослужители совершали соборное служеніе въ храмѣ св. Софіи. Увидѣвъ его, служащіе вышли изъ церкви и оставили литургію недоконченною. Путемъ насилій Фотій заставилъ многихъ епископовъ и священниковъ имѣть съ нимъ общеніе. Но такъ какъ многіе не хотѣли признавать его патріархомъ безъ согласія римскаго престола, то Фотій подарками и угрозами склонилъ къ себѣ Павла и Евгенія, легатовъ папы Іоанна, посланныхъ къ умершему уже Игнатію по дѣлу о болгарахъ, и побудилъ ихъ объявить народу и клиру, что они посланы для того, чтобы анаѳематствовать Игнатія и провозгласить Фотія патріархомъ, чѣмъ многіе и были введены въ заблужденіе. Желая далѣе обмануть и римскій престолъ, Фотій составилъ посланіе какбы отъ имени Игнатія и его сослужавцевъ, въ которомъ отъ ихъ имени просилъ апостольскій престолъ признать себя законнымъ патріархомъ,—и это посланіе отправилъ въ Римъ. Вслѣдствіе того былъ отправленъ изъ Рима въ Константинополь пресвитеръ Петръ, который и объявилъ, что Фотій принятъ римскою церковію въ общеніе. Съ этого времени Фотій сталъ стремиться къ похищенію царской власти. Онъ подружился съ какимъ-то монашкомъ, чародѣемъ и волхвомъ, котораго отецъ, по прозванію Сантаваринъ, принадлежалъ къ ереси манихейской и занимался волшебствомъ. Ставъ извѣстенъ за волхва и боясь быть схваченнымъ, Сантаваринъ бѣжалъ къ болгарамъ, когда они были еще язычниками, и тамъ отрекся отъ вѣры христіанской. Сынъ его еще въ молодости былъ отданъ Вардою въ студійскій монастырь и тамъ постриженъ. Когда сынъ Сантаварина выросъ и окрѣпъ во всякаго рода злодѣяніяхъ, то онъ тѣсно примкнулъ къ имѣвшему одинаковыя съ нимъ склонности Фотію, который и рукоположилъ его въ священники, еще во время перваго своего патріаршества. Послѣ осужденія Фотія, этотъ монашекъ, въ интересахъ Фотія, сблизился съ однимъ изъ любимцевъ царя, Никитою, который сталъ представлять царю Сантавариновы чародѣйства и съ помощію ихъ сдѣлалъ ненавистнаго Фотія любимцемъ царя. Такимъ образомъ царь возвратилъ Фотія изъ ссылки, а по смерти Игнатія предоставилъ ему

другихъ разъясняетъ дѣло; и его разсказы о событіяхъ касательно исторіи Фотія, разсматриваемые безотносительно къ его личному взгляду на нихъ, большею частью въ основѣ своей правдоподобны (1). Анастасій рѣзко нападаетъ на Фотія, но за что? Прежде всего, за его дружбу съ Григоріемъ сиракузскимъ. Мы уже видѣли, что епископъ Григорій сиракузскій стоялъ выше тѣхъ обвиненій, которыя взводили на него его враги. Не только Анастасій, но и всѣ противники Григорія, при всей ненависти къ нему, не предъявляютъ ни одного достовѣрнаго факта,

---

и патріаршій престолъ. Питая вмѣстѣ съ Сантаварпномъ, котораго Фотій произвелъ уже въ епископы, замыселъ противъ престола, Фотій разсорялъ императора съ собственнымъ его сыномъ Львомъ—для того, чтобы, отстранивъ Льва, по смерти Василія или захватить престолъ самому вмѣстѣ съ Сантаварпномъ непосредственно, или возвесть на него кого либо изъ близкихъ себѣ людей. Но эти замыслы не удались: Левъ сдѣлался императоромъ, а Фотій былъ удаленъ». Въ такомъ видѣ рисуетъ исторію Фотія епископъ неокесарійскій Стиліанъ.

(1) Изъ всѣхъ сторонниковъ Игнатія и римской церкви Анастасій является самымъ образованнымъ человѣкомъ. Между письмами Фотія сохранилось одно дружеское посланіе, озаглавленное такъ: Ἀναστασίῳ πρεσβυτέρῳ καὶ βιβλιοθηκαρίῳ Ῥώμης. Изъ этого заключаютъ, что между Фотіемъ и Анастасіемъ существовали когда то даже дружескія отношенія, но когда именно,—судя по этому письму невозможно опредѣлить, потому что неизвѣстно, когда оно написано. Гергенретеръ впрочемъ склоненъ къ тому мнѣнію, что Анастасій дѣйствовалъ въ пользу Фотія при папѣ Іоаннѣ VIII, пользовавшись въ то время значительнымъ вліяніемъ, и что, слѣдовательно, это письмо могло быть написано къ нему Фотіемъ послѣ перваго низложенія. Конечно, это одно лишь предположеніе, и притомъ—весьма мало вѣроятное. Гергенретеръ говоритъ, что за неимѣніемъ данныхъ нельзя опредѣлить, когда Фотій написалъ это письмо къ Анастасію и какія обстоятельства побудили его къ тому (Gergenröther t. II, p. 229). По нашему мнѣнію, всего вѣроятнѣе, что это письмо написано Фотіемъ еще до перваго своего низложенія. Дружескія отношенія между Фотіемъ и Анастасіемъ были естественны и возможны только тогда, когда они оба, въ молодые годы, дружно трудились на поприщѣ науки, и прежде, чѣмъ Анастасій, оставивъ Константинополь, заразился въ Римѣ воззрѣніями клерикаловъ.

который говорилъ бы противъ него, и не выставляютъ ни одной черты, которая могла бы затмить его почтенный характеръ. Мы уже знаемъ, что въ добавокъ ко всему этому Григорій былъ человѣкъ глубоко ученый, группировавшій около себя людей просвѣщенныхъ или любившихъ просвѣщеніе. Могъ ли ученый Фотій быть съ такимъ человѣкомъ въ какихъ либо другихъ отношеніяхъ, кромѣ самыхъ дружественныхъ? Изъ того, что Игнатій былъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый другой долженъ былъ питать къ нему тѣ же самыя чувства, которыя питалъ св. Игнатій. Анастасій нападаетъ на Фотія именно за то, что онъ вмѣстѣ съ Григоріемъ обвинялъ св. Игнатія въ желаніи очернить память блаженнаго предшественника его св. Меѳодія (1). Это извѣстіе, какъ бы оно ни было отрывочно, проливаетъ много свѣта на обстоятельства того времени. Выше было сказано, что св. Меѳодій велъ продолжительную борьбу съ иноками студійскаго монастыря, и что вскорѣ послѣ этой упорной борьбы онъ скончался. Весьма вѣроятно, что св. Игнатій, будучи еще инокомъ, сочувствовалъ студійцамъ, и что это сочувствіе его къ нимъ, послѣ того, какъ они оказали усердное содѣйствіе возведенію его на патріаршій престолъ, возрасло въ немъ еще болѣе. Кромѣ того, крайне суровое отношеніе св. Игнатія къ свѣтской наукѣ и къ ученымъ (2) могло дать почитателямъ памяти св. Меѳо-

(1) Anastas. præf. Harduin. t. V, p. 750.

(2) Gergenröther, B. 1, s. 361. „Кажется, говоритъ Гергенретеръ, Игнатій былъ очень строгъ къ ревностнымъ почитателямъ языческой литературы“. Какая тактика и сдержанность въ выраженіяхъ! Одной ли только языческой литературы? По отношенію къ Фотію и Григорію Гергенретеръ отличается другаго рода пріемами.

дія, отличавшагося противоположнымъ направленіемъ, поводъ думать, что Игнатій идетъ вовсе не по стопамъ своего предшественника. Такимъ образомъ недовольство Фотія, еще мірянина, поведеніемъ Игнатія по отношенію къ Меѳодію нисколько не говоритъ противъ Фотія.

Далѣе, Анастасій обвиняетъ Фотія за то, будто онъ, будучи еще мірянином, вопреки Игнатію, проповѣдовалъ о существованіи въ каждомъ человѣкѣ двухъ душъ. «За нѣсколько лѣтъ, говоритъ Анастасій, Фотій проповѣдовалъ, что каждый человѣкъ состоитъ изъ двухъ душъ. Когда же Константинъ Философъ, мужъ великой святости и искреннѣйшій его другъ, сталъ порицать за это Фотія и говорилъ ему: для чего, разсѣвая такое ученіе, ты губишь столько душъ; то Фотій отвѣчалъ: не изъ желанія кого либо соблазнить предлагалъ я сказанное, но для испытанія, что сталъ бы дѣлать патріархъ Игнатій, если бы въ его время появилась какая либо ересь, подкрѣпляемая философскими силлогизмами, — Игнатій, который такъ гонитъ всѣхъ любителей свѣтской учености. Впрочемъ я не знаю, чтобы этимъ ученіемъ я дѣйствительно соблазнилъ или сгубилъ кого нибудь. На это Константинъ отвѣчалъ: о суетная и растлѣнная мудрость міра! Ты бросаешь стрѣлы въ массы народа, и не знаешь, сгубилъ ли кого нибудь (1)...» Авторъ Правды вселенской церкви замѣ-

(1) Anastas. præf. in conc. VIII. Harduin. t. V, p. 752 — 753. Ante aliquot annos Photius idem duarum unumquemque hominem animarum consistere prædicabat. Qui quum a Constantino Philosopho, magnæ sanctitatis viro, fortissimo ejus amico, increpatus fuisset, dicenti: cur tantum errorem in populum spargens, tot animas interfecisti? Respondit: non studio quemquam lædendi talia, inquit, dicta proposui; sed

чаетъ: «сколь ни безразсудна такая клевета, она бросаетъ однако нѣкоторый свѣтъ на положеніе обоихъ патріарховъ и подаетъ поводъ думать, что, можетъ быть, какъ это часто бываетъ, пастырская простота Игнатія... чуждалась всякой внѣшней учености, и потому люди, приверженные къ нему, ненавидѣли Фотія, главу и представителя всѣхъ ученыхъ своего вѣка, какъ весьма гибельнаго для церкви по причинѣ глубокихъ познаній... Въ такомъ случаѣ Игнатій и Фотій, не говоря уже объ ихъ различныхъ отношеніяхъ къ Риму, были въ самомъ Константинополѣ представителями двухъ совершенно противныхъ партій, и этимъ объясняется взаимное ожесточеніе ихъ послѣдователей» ([1]). Надобно однако замѣтить, что ненависть игнатіянъ къ Фотію выходила вовсе не изъ благочестивыхъ или церковныхъ побужденій. Правда, враги его прикрывались ревностію къ церкви и церковнымъ правиламъ, но ихъ цѣль и стремленіе состояли собственно въ томъ, чтобы достигнуть свѣтской и церковной власти въ государствѣ, дѣло же благочестія было для нихъ приходя-

---

probandi, quid patriarcha Ignatius ageret, si suo tempore quælibet hæresis per syllogismos philosophorum exorta patesceret, qui scilicet viros exterioris sapientiæ repulisset; verum ignorari me sub hujus fomite propositionis tot animas fore læsuram. Ad quod ille: o sapientia mundi, quæ infatuatur et destruitur! Jactasti sagittas in multitudinem copiosæ turbæ, et ignorasti quemlibet ex his omnibus vulnerandum. Certe omnibus liquet, quia sicut oculi quantumlibet sint magni et aperti, si fumus palearum interjacuerit, videre ultra non possunt; ita oculi sapientiæ tuæ quantumlibet sint ampli et patuli, avaritiae tamen et invidiæ fumo penitus obcœcati, tramitem justitiæ videre non possunt. Ac per id verum est, quod dicis neminem ictu tuo putasse esse lædendum, quum sic obsecœcatum sensum prædictis adversum patriachum passionibus habens, nec quid emiseris prævidisti.

([1]) Правда вселенской церкви, стр. 160.

щимъ. Неосновательная, по всей вѣроятности, исторія семейныхъ отношеній Варды приводила ихъ въ ужасъ; а убійства и злодѣянія, съ помощію которыхъ Василій Македонянинъ достигъ царскаго престола, не препятствовали этимъ ревнителямъ церковнаго благочестія ликовать и восклицать, что «сему божественному царю самъ Богъ далъ царство во славу своего имени». Свидѣтельство Анастасія о мнимомъ ученіи Фотія касательно души важно для насъ въ другомъ отношеніи: помимо учености и философскихъ взглядовъ, мы здѣсь видимъ мірянина разумно-благочестиваго, имѣющаго своими искренними друзьями такихъ высокой святости мужей, какъ Константинъ Философъ. Не служитъ ли это опроверженіемъ того мнѣнія, будто Фотій принадлежалъ когда-то къ раскольнической партіи и потому былъ отлученъ св. Игнатіемъ? Гергенретеръ, слѣдуя самому Анастасію Библіотекарю, Стиліану, Митрофану, папѣ Николаю и другимъ, подобнымъ имъ, утверждаетъ, что Фотій былъ подверженъ отлученію не nominatim, а только implicite (¹), хотя изъ свидѣтельства названныхъ писателей слѣдовало бы вывесть заключеніе, что Фотій былъ отлученъ даже nominatim. Но если бы это было такъ, то *мужи высокой святости* не обращались бы съ Фотіемъ, какъ съ своимъ искреннѣйшимъ другомъ. Ложное мнѣніе объ отлученіи Фотія Игнатіемъ основывается на дружбѣ Фотія съ Григоріемъ; но на этомъ же основаніи нужно бы утверждать уже, что и Константинъ Философъ, извѣстный просвѣтитель славянъ, былъ также въ числѣ отлученныхъ

(¹) Гергенретеръ В. 1. р. 364.

implicite, такъ какъ и онъ былъ искреннимъ другомъ отлученнаго—Фотія.

Анастасій старается заклеймить и патріаршее служеніе Фотія, обвиняя его, во первыхъ, въ томъ, что послѣ собора 861 года онъ жестоко преслѣдовалъ всѣхъ, не желавшихъ признать его патріархомъ, что гоненію его подверглись особенно иноки въ своихъ пустыняхъ, такъ что многіе изъ нихъ отправлены были въ ссылку, и проч. (1),—во вторыхъ, въ томъ, что, по его настоянію— всѣ милостыни по завѣщаніямъ шли не иначе, какъ чрезъ его руки, какъ чрезъ руки начальника всѣхъ богоугодныхъ заведеній и судьи завѣщаній,—чего онъ добился будтобы для того, чтобы, неправедно раздавая благотворительныя суммы, тѣмъ самымъ привлекать всѣхъ на свою сторону, а равно и для того, чтобы самому прослыть благотворителемъ (2). Изъ перваго обвиненія можно заключить только о томъ, что послѣ осужденія Игнатія и въ особенности послѣ того, какъ игнатіяне на востокѣ узнали отъ своихъ многочисленныхъ сообщниковъ въ Римѣ, что папа горячо вступился за Игнатія и осудилъ Фотія,—борьба между игнатіянами и фотіянами сдѣлалась особенно ожесточенною. Игнатіяне отнюдь не хотѣли тогда повиноваться ни Фотію, ни вмѣстѣ съ тѣмъ гражданской власти, которая съ своей стороны должна была принять строгія мѣры къ удержанію ихъ въ надлежащихъ границахъ. А такъ какъ они имѣли сильную поддержку въ иночествѣ, о злоупотребленіяхъ котораго мы уже говорили, указавъ на правила того же

(1) Anastas. præf. in conc. VIII,—Harduini t. V. p. 752.

(2) Ibidem.

собора—861 года; то и Фотій, какъ патріархъ и притомъ какъ преобразователь монастырской жизни, естественно долженъ былъ принять мѣры противъ непокорныхъ и постановленныя на соборѣ правила касательно иночества примѣнить къ дѣлу. Это примѣненіе новопоставленныхъ соборныхъ правилъ, по нашему мнѣнію, и составляетъ то свирѣпство Фотія противъ иночества, о которомъ говоритъ Анастасій. Что же касается втораго обвиненія, то въ немъ вѣрно только то, что Фотій, въ качествѣ начальника богоугодныхъ заведеній и судьи всѣхъ завѣщаній, принималъ пожертвованія въ пользу этихъ заведеній отъ людей богатыхъ и былъ истолкователемъ и распорядителемъ ихъ воли. Но какъ онъ распоряжался пожертвованіями на церковныя нужды, объ этомъ всего вѣроятнѣе судить, принимая во вниманіе неутомимую дѣятельность Фотія въ дѣлѣ распространенія христіанства и христіанскаго просвѣщенія, а также его заботливость о благотворительныхъ заведеніяхъ, храмахъ и монастыряхъ. Анастасій самъ даетъ понять, что домъ патріарха Фотія былъ школою для молодыхъ людей, которыхъ онъ плѣнялъ своими прекрасными бесѣдами и глубокою ученостію. Эти благородныя и вполнѣ достойныя его занятія Анастасій толкуетъ въ худую сторону, говоря, что Фотій требовалъ отъ своихъ слушателей клятвенной подписки въ томъ, что они всегда согласны будутъ съ нимъ въ вѣрѣ, чѣмъ многіе изъ ихъ родителей будтобы соблазнялись, задавая себѣ вопросъ: а что, если патріархъ впадетъ въ ересь,—лучше ли тогда нашимъ дѣтямъ, его ученикамъ, сдѣлаться еретиками вмѣстѣ съ нимъ, или лучше стать клятвопреступни-

ками» (1). Но не трудно понять, что это—нелѣпая выдумка, пущенная въ ходъ игнатіянами, именно вслѣдствіе той привязанности къ Фотію его учениковъ, о которой онъ самъ говоритъ, что она была крѣпче иныхъ кровныхъ узъ (1). Если изъ этого и подобныхъ свидѣтельствъ Анастасія выбросить всѣ прикрасы и искаженія; то они скорѣе послужатъ въ пользу Фотія, чѣмъ противъ него. Наконецъ Анастасій (Vit. pap. Hadrian. apud Labbeum tom. VIII, pag. 888) клеймитъ и соборъ, бывшій при Фотіѣ противъ папы Николая, говоря, что изъ 1000 подписей противъ Николая подлинны были только 21. Во первыхъ, трудно сказать, 1000 ли подписей въ дѣйствительности было; потому что акты этого собора, вмѣстѣ съ другими памятниками неблагопріятными игнатіянамъ, были сожжены на соборѣ 869 года; во вторыхъ, какимъ образомъ подлинныхъ подписей могло быть не болѣе двадцати одной, когда извѣстно, что патріархъ Фотій и прежде могъ созвать на соборъ до 318 епископовъ, какъ это было на соборѣ 861 года? Кромѣ того, на соборѣ 867 года присутствовали: императоръ, кесарь Василій Македонянинъ и множество сановниковъ, оскорбленныхъ честолюбіемъ римскаго первосвященника, которые, конечно, всѣ могли подписать эти акты. Это обвиненіе Анастасія противъ Фотія доселѣ повторяютъ и всѣ римскокатолическіе писатели. Одинъ Гергенретеръ является на этотъ разъ болѣе снисходительнымъ и голословное обвиненіе Анастасія смягчаетъ милостивымъ замѣчаніемъ, что между подписями ак-

(1) Anastas. praef. in conc. VIII, Harduini t. V, p. 752.

(2) Ηγαπώμην τοῖς φίλοις ὑπὲρ τοὺς συγγενεῖς.

товъ названнаго собора было впрочемъ *много* подложныхъ подписей, какъ будто онъ видѣлъ эти акты, или подписи! Такъ какъ актовъ этого собора до насъ не сохранилось; то необходимо избрать одно изъ двухъ: или вѣрить клеветѣ врага Фотіева, или совершенно отвергать ее.

Іеромонахъ Герасимъ

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Раскольники и острожники

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 692-740.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Соч. Ѳед. Вас. Ливанова, т. 3, изд. керв. СПБ. 1872 г

Библіографическія замѣтки N. N.

--

Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали, принадлежитъ къ числу особаго рода писателей о расколѣ. Когда, по выходѣ въ свѣтъ *перваго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ», критика замѣтила въ немъ и поставила на видъ нѣкоторые недостатки,—«всякое бо дѣло, скажемъ словами одной древней книги, тако рукъ, якоже и ума человѣческаго, не абіе совершенно обыче бывати, но по малу въ совершенство приводится», а тѣмъ болѣе—дѣло изученія *темнаго* раскола,—г. Ливановъ, вмѣсто того, чтобъ принять совѣты критики къ свѣдѣнію и исполненію—при слѣдующихъ изданіяхъ, обозвалъ—въ предисловіи къ *второму* тому «Раскольниковъ и острожниковъ»—всѣхъ своихъ рецензентовъ, позволившихъ себѣ смѣлость неблагопріятно отозваться о трудахъ его, «продажными писаками литературными, литературными неучами, тараканами, крикунами, марателями, лаятелями на луну (хорошо, что г. Ливановъ не считаетъ себя солнцемъ), способными за новую пару сапогъ, пода-

ренныхъ раскольниками, и за кислую солянку въ трактирѣ—писать противъ лица, служащаго одной чистой правдѣ», т. е. противъ Ѳед. Вас., причемъ указалъ и самыя имена ихъ, и здѣсь же откровенно заявилъ всему читающему міру, что «ученые, по сектантскимъ дѣламъ, труды» его вносятъ «новый свѣтъ» въ науку о расколѣ и въ общество, что они «по своимъ источникамъ и разработкѣ оныхъ послужатъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій» тѣхъ сектъ, о которыхъ пишетъ г. Ливановъ, что «книги» его «проживутъ столѣтія», подобно «оффиціальному VIII тому о раскольникахъ» г. Варадинова, и что наконецъ «жалкіе рецензенты никогда не смогутъ критиковать» ученыхъ трудовъ Ѳед. Вас. «съ умомъ, честію и знаніемъ». Затѣмъ, въ предисловіи къ *третьему* тому «Раскольниковъ и острожниковъ», о которомъ мы и намѣрены поговорить, г. Ливановъ снова напоминаетъ читателю о «стойкости и полезности» своихъ изданій, относительно которыхъ со стороны критики возможенъ будтобы только одинъ пріемъ—благоговѣйное молчаніе. Въ виду такого отношенія г. Ливанова къ своимъ рецензентамъ и своимъ «ученымъ» трудамъ, разумѣется, нужно имѣть много гражданскаго мужества, чтобы осмѣлиться писать критическія замѣтки объ изданіяхъ автора «Раскольниковъ и острожниковъ» — не съ цѣлію хвалить ихъ,—эту пріятную обязанность взялъ на себя самъ г. Ливановъ и исполняетъ ее съ замѣчательнымъ усердіемъ,—а съ цѣлію указать ихъ недостатки. И однакоже, по причинамъ, которыя укажемъ въ концѣ своихъ замѣтокъ, мы рѣшаемся на такую смѣлость.

Главный интересъ третьяго тома «Раскольниковъ и

острожниковъ» заключается въ исторіи, такъ называемаго, преображенскаго кладбища—въ Москвѣ, бывшаго до послѣдняго времени главнымъ гнѣздомъ ѳеодосѣевскаго раскола, — помѣщенной въ этомъ томѣ. Исторія эта занимаетъ почти половину всей книги (277 стр.) и, по словамъ г. Ливанова, составлена имъ на основаніи «достовѣрныхъ, *документальныхъ*, неопровержимыхъ источниковъ», а потому и представляетъ собою «первую полную исторію знаменитаго въ лѣтописяхъ раскола преображенскаго кладбища со всѣми его тайными и явными дѣлами,—достовѣрный матеріалъ для *будущаго* историка русскаго раскола вообще» (предисл., стр. 2, 276 и 417). Такъ говоритъ о своемъ трудѣ г. Ливановъ, но не то оказывается на самомъ дѣлѣ. Большая часть свѣдѣній о преображенскомъ кладбищѣ, «*въ первый разъ* представляемыхъ вниманію читателя» г. Ливановымъ, давно уже извѣстна всякому, мало-мальски знакомому съ исторіей раскола, и «документальные» источники, изъ которыхъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» заимствовалъ свои «правдивыя» сказанія о преображенскомъ кладбищѣ, суть не что иное, какъ печатныя книги, изъ которыхъ Ѳед. Вас. буквально перепечатывалъ въ свои «ученыя» изданія цѣлыя страницы и даже листы,—такъ, что, за исключеніемъ *девяти* послѣднихъ главъ, все остальное въ «документальной» исторіи преображенскаго кладбища г. Ливанова составляетъ почти дословную перепечатку чужихъ трудовъ. Главнымъ «документальнымъ» источникомъ, изъ котораго г. Ливановъ немилосердно черпалъ свои «правдивыя» свѣдѣнія о преображенскомъ кладбищѣ, служила для него, давно извѣстная спеціалистамъ—въ

рукописи и данно (въ 1860 г.) уже напечатанная въ первомъ выпускѣ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», изданнаго въ Лондонѣ недавно умершимъ г. Кельсіевымъ, а потомъ перепечатанная съ небольшими перемѣнами въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1862 г. (кн. 2), исторія этого кладбища—неизвѣстнаго автора (Кельс. вып. I, XXXI), или, если вѣрить г. Ливанову (стр. 417), принадлежащая покойному Н. И. Надеждину, автору книги о «скопческой ереси». Затѣмъ подспорьемъ въ этомъ дѣлѣ служили г. Ливанову изданія: преосв. Макарія, гг. Н. Попова, Нильскаго, Варадинова, Вишнякова, К. Надеждина, Н. Барсова и нѣкоторыхъ другихъ. Перепечатки изъ этихъ послѣднихъ изданій, сдѣланныя г. Ливановымъ, менѣе значительны; но все же и онѣ иногда простираются до цѣлыхъ листовъ.

Такъ какъ обвиненіе въ присвоеніи чужихъ трудовъ, взводимое нами на г. Ливанова, какъ всякій понимаетъ,—вещь слишкомъ серьезная, то мы считаемъ долгомъ войти по этому предмету въ нѣкоторыя подробности и показать, хотя отчасти, что́ откуда взято и перепечатано авторомъ «Раскольниковъ и острожниковъ» въ его «документальной, въ первый разъ предлагаемой вниманію читателя» исторіи преображенскаго кладбища.

Въ I главѣ исторіи преображенскаго кладбища читатель найдетъ цѣлыя страницы (7—10), буквально перепечатанныя изъ «Матеріаловъ для исторіи безпоповщинскихъ согласій въ Москвѣ»—г. Попова (пред. I) и изъ перваго тома «Сборника для исторіи старообрядства»—его же (стр. 75—82). II глава, за исключеніемъ 17 и отчасти 15, 18 и 24 страницъ, букваль-

но взята изъ перваго выпуска «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» г. Кельсіева (стр. 4—14). Глава III, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, перепечатана изъ «Исторіи русскаго раскола» пр. Макарія (стр. 241 -2, 265—270) и изъ «Полнаго историческаго извѣстія о раскольникахъ» — Іоаннова (стр. 127, по изд. 1799 г.). IV глава, за исключеніемъ 30 съ небольшимъ словъ, дословно перепечатана изъ статьи г. Нильскаго, помѣщенной въ Христіанскомъ Чтеніи за 1863 г. (ч. 2, стр. 14 — 30). V глава, за небольшими исключеніями, содержитъ свѣдѣнія, взятыя буквально у Іоаннова (стр. 141 — 3), Кельсіева (вып. I, стр. 15—26) и Попова (Сборн. для истор. стар., т. I, стр. 10—21). Начало VI главы, съ перемѣной двухъ—трехъ словъ, взято буквально у г. Попова (Сборн. т. I, стр. 17—22), затѣмъ рѣчь идетъ по К. Надеждину (Споры безп. преоб. кладб. и покр. час. о бракѣ, стр. 4—5 и 7), далѣе по г. Вишнякову (Старообр. покр. мол. и филип. час. въ Москвѣ, стр. 2—8), и наконецъ—опять по К. Надеждину (стр. 51—2, 40 — 42). VII глава составлена на основаніи книги г. Варадинова (Истор. минист. внутр. дѣл. т. 8, стр. 10—20, 52—55, 37—9), причемъ нѣкоторыя страницы сочиненія г. Варадинова (напр. 30) буквально перепечатаны г. Ливановымъ, а въ концѣ— перепечатана 22 стр. перв. вып.—г. Кельсіева. Большую часть VIII главы занимаетъ напечатанный г. Ливановымъ документъ, по его словамъ, «большой важности и *рѣдкости*», который между тѣмъ давно извѣстенъ въ печати; это—высочайше утвержденные 27 окт. 1800 г. пункты митрополита Платона о единовѣріи, вмѣстѣ съ пунктами старообрядцевъ, напе-

чатанные, между прочимъ, въ концѣ книжки, подъ названіемъ: «Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу»; другой документъ, помѣщенный г. Ливановымъ въ этой главѣ,—прошеніе Ковылина, поданное имъ императору Александру I, и планъ богадѣленнаго дома, объ утвержденіи котораго Ковылинъ просилъ Государя; эти документы напечатаны въ Христ. Чтеніи за 1863 г. (ч. 2, стр. 37 — 46) и въ «Матеріалахъ для исторіи безпоповщинскихъ согласій—въ Москвѣ»—г. Попова (стр. 58 -67); все остальное въ этой главѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, взято г. Ливановымъ у Іоаннова (стр. 139 — 140) и у г. Кельсіева (вып. I. стр. 23 -5, 32, 26). IX глава сшита г. Ливановымъ изъ разныхъ книгъ; сперва онъ обратился къ г. Н. Барсову и взялъ у него кое что (Братья Денисовы, стр. 5, 7, 11, 13—17, 19 — 20). затѣмъ перешелъ къ г. К. Надеждину и у него позаимствовалъ нѣчто (Спор. безпоп., стр. 54—5); далѣе вспомнилъ про г. Вишнякова и не оставилъ безъ вниманія и его труда (Истор. покр. мол. въ М., стр. 26—8); затѣмъ снова обратился къ г. Надеждину (стр. 55—9), а потомъ опять—къ г. Вишнякову (стр. 36—8). еще разъ—къ г. Надеждину (стр. 59), а въ концѣ концовъ—снова къ г. Барсову (стр. 22 и 24); за исключеніемъ немногихъ строкъ, эта глава составляетъ буквальную перепечатку свѣдѣній, находящихся па указанныхъ страницахъ означенныхъ авторовъ. Въ X главѣ, послѣ первыхъ пяти строкъ г. Ливанова, начинаетъ говорить г. Вишняковъ и говоритъ долго (Стар. покр. мол. и фил. час., стр. 50—62); далѣе—свѣдѣнія, сообщаемыя г. Ливановымъ въ этой главѣ—о петербургской ѳедосѣевщинѣ и петербургскихъ раскольничьихъ моленныхъ, можно чи-

тать у г. Варадинова (Истор. м. в. д. т. 8, стр. 400—1, 403—7), а — о происках Ковылина об освобожденіи ѳедосѣевцев от зависимости приходскаго духовенства—у г. Кельсіева (вып. I, стр. 27). XI глава, за исключеніем двух—трех десятков строк, буквально перепечатана из изданій—Кельсіева (вып. I, стр. 27 — 8, 30 и 33), Любопытнаго (Сборн. для истор. стар., т. 2, вып. V, стр. 132—3), снова—Кельсіева (стр. 31), г. Андреева (Раскол. и его значеніе в народн. русск. истор. стр. 193 — 6 и 204) и г. Нильскаго (Сем. жизнь в русск. раск., вып. I, стр. 349—50); подстрочныя же замѣчанія, помѣщенныя в этой главѣ, взяты у г. Попова (Сборн. из истор. стар., стр. 157—162; Сборн. для истор. стар., т. I, стр. 152—3). XII глава, за исключеніем трех страниц, взята г. Ливановым у г. Кельсіева (вып. I, стр. 33—5 и 30) и у г. Нильскаго (Хр. Чт. 1863 г., ч. 2, стр. 31—3); примѣчанія, находящіяся в этой главѣ, взяты у г. Попова (Матер. для истор. безп. согл., стр. 89—94). Основа XIII главы взята г. Ливановым у Кельсіева (вып. I, стр. 36—9), а вся глава до слова перепечатана из 2 тома «Раскольников и острожников» (стр. 272—287) [1]. XIV глава, за немногими исключеніями, представляет буквальную, хотя и не без пропусков, перепечатку из книг г. Кельсіева (вып. I, стр. 39—43, 50—2), Нильскаго

[1] Таким образом г. Ливанов перепечатывает в 3 томѣ не только чужое, как впрочем он дѣлал это и в двух первых томах (сравн. напр. т. I, стр. 74 — 80 с втор. вып. Кельсіев. стр. 125—9, 130, 132 и др.; —т. II, стр. 103—122—с Варадинов. Кн. VIII. стр. 247—266 и др.), и о чем уже было замѣчено в Хр. Чтен. (1869 года, кн. 2, стр. 429—30), но и свое. Любопытно бы знать, для чего он поступает так.

(Сем. жизнь въ русск. раск., вып. I, стр. 357—365) и затѣмъ—снова Кельсіева (стр. 54—5), а въ концѣ— изъ Собранія постановленій по части раскола (изд. 1858 г., стр. 62—5). Въ XV главѣ, за исключеніемъ конца, гдѣ приведено распоряженіе правительства относительно преображенскаго кладбища по Собранію постановленій по части раскола (стр. 68—71), содержится дословная перепечатка 43—9 стр. перваго выпуска Кельсіева. Большая часть XVI главы, гдѣ находятся свѣдѣнія въ родѣ слѣдующихъ: «расколъ въ грекороссійской церкви произошелъ, какъ извѣстно, отъ послѣдовавшаго въ 1666 году исправленія церковныхъ книгъ, принятія трехперстнаго знаменія и четырехъ-конечнаго креста» (коротко и ясно!), принадлежитъ, кажется, г. Ливанову; но три послѣднія страницы этой главы буквально перепечатаны изъ книги г. Кельсіева (вып. 1, стр. 49 — 54). XVII главу, за исключеніемъ первыхъ пяти строкъ, читатель можетъ найти у г. Кельсіева (стр. 56—9). XVIII глава, послѣ первыхъ шести строкъ, содержитъ перепечатку изъ сочиненія г. Нильскаго (Сем. жизн. въ р. раск., вып. I, стр. 372, 374, 383—4, 386, 388, 401 — 6) и затѣмъ изъ перваго выпуска Кельсіева (стр. 60—4); послѣднія двѣ съ небольшимъ страницы этой главы, на которыхъ г. Ливановъ, между прочимъ, распоряженіе правительства (отъ 10 мая 1827 г.) относительно бѣглыхъ раскольничьихъ *поповъ* относитъ къ *безпоповщинскимъ* наставникамъ, повидимому, принадлежатъ самому автору «Раскольниковъ и острожниковъ». XIX глава начинается буквальной перепечаткой изъ книги Кельсіева (вып. I, стр. 67—9) и оканчивается приведеніемъ разныхъ, рѣшительно не относящихся

къ дѣлу, распоряженій правительства касательно различныхъ учрежденій раскольническихъ и раскола вообще,—распоряженій, буквально перепечатанныхъ изъ Собранія постановленій по части раскола (изд. 1868 г., стр. 119—120, 128—130). XX глава, за исключеніемъ средины, гдѣ г. Ливановъ, неизвѣстно для чего, говоритъ о рогожскомъ раскольническомъ кладбищѣ, въ началѣ и концѣ представляетъ буквальную перепечатку изъ Кельсіева (вып. I. стр. 64—6, 69—71). XXI глава взята г. Ливановымъ изъ изданій Кельсіева: начало ея — изъ *втораго* выпуска «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (стр. 111—114), и именно—изъ сочиненія г. Липранди, напечатаннаго въ 1870 году и въ Чтеніяхъ московскаго историческаго общества (кн. 2, стр. 65—140); средину главы занимаетъ показаніе одного ѳедосѣевца, данное имъ на допросѣ въ 1855 г. и напечатанное въ концѣ *перваго* выпуска Кельсіева (стр. 219—221); конецъ составляетъ дословную перепечатку 71—2 стр. того же перваго выпуска Кельсіева. Въ послѣднихъ *девяти* главахъ исторіи преображенскаго кладбища—г. Ливанова, гдѣ рисуется судьба кладбища за послѣднія три десятилѣтія, замѣчается больше самостоятельности, вѣроятно, потому, что исторія этого ѳедосѣевскаго притона, составленная Н. И. Надеждинымъ и напечатанная въ первомъ выпускѣ изданій г. Кельсіева, доведена только до 1844 года. Впрочемъ и тутъ не обошлось дѣло безъ присвоенія авторомъ «Раскольниковъ и острожниковъ» чужой собственности; такъ напр. 231—7 страницы (въ XXVI и XXVII гл.) представляютъ буквальную перепечатку нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги г. Нильскаго (Сем. жизн.

въ р. раск., вып. 2, стр. 89—93, 113, 120 — 122), XXIX глава—перепечатку XXIII главы *втораго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ», а на 274—5 страницахъ послѣдней XXX главы встрѣчаются 446—8 страницы *перваго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ».

Такимъ образомъ изъ XXX главъ, на которыя раздѣлена г. Ливановымъ, «въ первый разъ представляемая имъ вниманію читателя, документальная исторія преображенскаго кладбища», только *девять* принадлежатъ автору «Раскольниковъ и острожниковъ»; остальныя слишкомъ *двадцать* главъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ, представляютъ буквальную перепечатку изъ чужихъ сочиненій.

Но этимъ не ограничиваются присвоенія г. Ливановымъ чужой собственности; въ другихъ статьяхъ *третьяго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ» мы также встрѣчаемся съ давно извѣстными въ печати свѣдѣніями, которыя г. Ливановъ выдаетъ за свои. Такъ напр. статья подъ № III, въ которой излагается «происхожденіе и исторія скопчества вообще», буквально, за исключеніемъ *трехъ* словъ въ началѣ и *трехъ*—въ концѣ, взята г. Ливановымъ изъ извѣстнаго всѣмъ, занимающимся изученіемъ русскихъ сектъ и раскола, «изслѣдованія о скопческой ереси» Н. И. Надеждина, которое было напечатано еще въ 1845 году, по приказанію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, и затѣмъ перепечатано въ 1862 году г. Кельсіевымъ въ *третьемъ* выпускѣ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (стр. 14—27). Статья подъ № V, подъ заглавіемъ: «явленіе скопчества въ Россіи», перепечатана г. Ливановымъ изъ того же сочиненія

(Кельс. вып. III, стр. 27—38), какъ объ этомъ, довольно впрочемъ глухо, заявляетъ въ примѣчаніи и самъ Ѳед. Вас. Статья подъ № VII, изображающая «баснословіе, составляющее сущность скопческой секты», занимаетъ у г. Надеждина, по изданію Кельсіева, стр. 62—75. Статья подъ № VIII, заключающая въ себѣ «сто обвинительныхъ статей противъ православія», буквально взята г. Ливановымъ изъ *четвертаго* выпуска Кельсіева (стр. 194—8). Текстъ статьи подъ № IX, въ которой, между прочимъ, приведены и скопческія пѣсни, цѣликомъ перепечатанъ изъ того же сочиненія г. Надеждина (Кельсіев. вып. III, стр. 155, 158, 141—8); пѣсни же скопческія взяты изъ «приложеній» къ книгѣ Надеждина (Кельсіев. стр. 29 — 86), съ тою впрочемъ особенностію, что у г. Ливанова—съ цѣлію, вѣроятно, скрыть похищеніе чужой собственности, пѣсни размѣщены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ сборникѣ Кельсіева ([1]). Содержаніе статьи подъ № XIII взято изъ Чтеній московскаго историческаго общества (кн. 3, 1868 г.). Статья подъ № XVII, въ которой говорится о «различныхъ видахъ оскопленія мужчинъ и женщинъ», буквально перепечатана г. Ливановымъ изъ книги г. Надеждина (Кельс. III, стр. 124—9). Въ статьѣ подъ № XXX вторая глава невольно напоминаетъ *четвертый* выпускъ изданій г. Кельсіева (стр. 301—2, 295—6, 318, 331). Въ статьѣ подъ № XXXII, въ которой рѣшается вопросъ: «что такое раскольничьи фабрики въ Россіи», казалось бы, всего меньше можно было ожи-

([1]) Такъ напр., по Кельсіеву, пѣсни: 1-я (у Ливанова 8-я), 2-я (—14-я), 3-я (—17-я), 4-я (—9), 5-я (—35-я) и т. д.

дать «заимствованій», но и тутъ г. Ливановъ ухитрился, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, вставить цѣлыя страницы изъ изданій Кельсіева (вып. IV, стр. 46 и 150). Точно также, въ статьѣ подъ № XXXIX — о томъ,. «какъ богатые скопцы сожгли живую свою сестру за то, что она рѣшилась выйти за мужъ», касающейся, повидимому, еще живыхъ лицъ, г. Ливановъ совершенно не кстати начинаетъ перепечатывать разсказъ о скопцахъ г. Надеждина, относящійся къ 1822 и 42 годамъ (Кельсіев. вып. III, стр. 131 — 5). Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ, подъ заглавіемъ: «будетъ ли повѣшенъ скопецъ Михайло Герасимовъ Солодовниковъ на никольской улицѣ» (въ Москвѣ), г. Ливановъ, оставивъ въ сторонѣ портретъ означеннаго скопца, о воображаемомъ помѣщеніи котораго въ гостинноդворскихъ лавкахъ на никольской улицѣ собственно и трактуетъ здѣсь авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», снова начинаетъ перепечатывать г. Надеждина (Кельс. III, стр. 203, 224—5, 228—9), не смотря на то, что 228—9 страницы *третьяго* выпуска Кельсіева уже были имъ перепечатаны во *второмъ* томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ», и даже дважды (стр. 206—7 и 666). Наконецъ даже послѣдняя статья *третьяго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ», подъ № XLII, почти вся представляетъ перепечатку чужаго; въ началѣ помѣщено предисловіе Кельсіева къ изданному имъ «Собранію постановленій по части раскола», а затѣмъ перепечатаны цѣлыя страницы изъ сочиненія г. Субботина (Раск., какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій, стр. 99—100, 104—6 и 108).

Итакъ объемистый третій томъ «Раскольниковъ и

острожниковъ» г. Ливанова, составленный имъ, по его словамъ, по «документальнымъ источникамъ», въ существѣ дѣла больше, чѣмъ на ²/₃, представляетъ буквальную перепечатку чужихъ трудовъ, уже давно извѣстныхъ въ печати. Это не хорошо; но есть у автора «Раскольниковъ и острожниковъ» еще худшія вещи.

Перепечатывая въ своихъ изданіяхъ чужіе труды, г. Ливановъ не только не сознается въ присвоеніи чужой собственности, напротивъ всячески старается скрыть отъ читателя свое хищеніе. Для этого авторъ «Раскольниковъ и острижниковъ» не только не цитуетъ тѣхъ книгъ, изъ которыхъ буквально выписывалъ свои «документальныя» свѣдѣнія, напротивъ указываетъ другіе источники и - тѣ, на основаніи которыхъ составлены обкрадываемыя имъ сочиненія; если же иногда и цитуетъ, то такъ неопредѣленно и глухо, что невозможно догадаться, много ли беретъ г. Ливановъ изъ цитуемой имъ книги,—тѣмъ болѣе, что чужія свѣдѣнія онъ почти никогда не обставляетъ общепринятыми знаками. Такъ напр. во всей исторіи преображенскаго кладбища онъ ни разу не сослался на первый выпускъ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» — Кельсіева, изъ котораго главнымъ образомъ и заимствовалъ свои свѣдѣнія, а только глухо указалъ (стр. 15, 23 и 152) на записку Н. И. Надеждина, поданную имъ въ 1844 году министру внутреннихъ дѣлъ, хотя послѣ (стр. 416—17) самъ же проговорился, что записка эта напечатана Кельсіевымъ; притомъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, находящимся въ самой книгѣ г. Ливанова (стр. 554 и 7), можно думать, что ру-

кописная исторія преображенскаго кладбища г. Надеждина, напечатанная Кельсіевымъ, уже не существуетъ въ министерствѣ въ настоящее время. Точно также ни однимъ словомъ не упомянулъ г. Ливановъ о сочиненіяхъ преосв. Макарія, Н. Барсова, К. Надеждина, Вишнякова и Андреева, хотя, какъ мы видѣли, пользовался ими безъ всякой церемоніи. О сочиненіяхъ гг. Нильскаго, Іоаннова, Варадинова и Попова авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» упоминаетъ, но далеко не вездѣ, гдѣ перепечатываетъ изъ нихъ (см. стр. 27, 39, 49—51, 61—8, 100—3, 114—15, 142—4, 166—171 и др.), и притомъ упоминаетъ такъ глухо (см. напр. стр. 234), что читатель можетъ подумать, будто г. Ливановъ заимствуетъ изъ нихъ только нѣсколько словъ, тогда какъ онъ перепечатываетъ цѣлыя страницы. Точно также поступаетъ г. Ливановъ и въ другихъ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ третьемъ томѣ. Такъ напр. всѣ статьи, относящіяся къ скопчеству, взяты имъ изъ сочиненія Н. И. Надеждина, напечатаннаго въ третьемъ выпускѣ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» — Кельсіева; а между тѣмъ онъ только въ началѣ статьи подъ № V указываетъ на этотъ источникъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ ссылается просто на «записку Н. И. Надеждина м. в. д.» (см. стр. 291, 330, 344 и 429), вслѣдствіе чего маловѣдущій читатель можетъ подумать, что авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» дѣйствительно пишетъ по «документальнымъ» источникамъ [1].

[1] А что г. Ливановъ пользовался запиской о скопцахъ Н. Надеждина не рукописной, а печатной—по изданію Кельсіева, это видно

Но г. Ливановъ не ограничивается тѣмъ, что пользуется чужими трудами, скрывая отъ читателя этотъ грѣхъ свой; вѣроятно, для того, чтобы больше замаскировать предъ читателями свою кражу, онъ бранитъ еще самымъ безпощаднымъ образомъ тѣхъ, чьими изданіями, какъ «документальными» источниками, пользуется. Мы видѣли уже, что бóльшая часть свѣдѣній, находящихся въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» взята г. Ливановымъ изъ изданій Кельсіева; а между тѣмъ посмотрите, какъ онъ величаетъ этого несчастнаго труженика, нынѣ уже умершаго, которому, не смотря на его ошибочные взгляды на расколъ, наука о расколѣ должна быть очень благодарна за его изданія. Г. Ливановъ называетъ Кельсіева «прихвостнемъ» Искандера, неучемъ (стр. 477 -- 9), недорослемъ по образованію, пигмеемъ, публицистическою мышью (стр. 556), знающею расколъ столько же, сколько смыслитъ въ апельсинахъ одинъ крыловскій индивидуумъ (стр. 560), изданія же его, и именно тѣ, которыми авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» такъ усердно пользовался, величаетъ «пустыми, въ которыхъ что ни слово, то вранье» (стр. 416—17). Точно также г. Ливановъ пользуется въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» (стр. 197—8). напечатанною у Кельсіева (вып. 2, стр. 91—169), запискою г. Липранди

изъ того, что у него по мѣстамъ — тѣже ошибки, какія допущены и Кельсіевымъ и которыхъ, вѣроятно, не было въ подлинникѣ. Такъ на стр. 316 мы читаемъ: „кромѣ того между древними епископами на Руси встрѣчаются еще *трое* скопцовъ: въ Смоленскѣ—Мануилъ (1138--1147), во Владимірѣ-Волынскомъ — Ѳеодоръ (1136 -- 1147), въ Луцкѣ (1326)"; такой же пропускъ третьяго епископа-скопца въ Луцкѣ находится и у Кельсіева (вып. III, стр. 28).

«о существующихъ въ Россіи расколахъ, ересяхъ и сектахъ», надъ которымъ до неприличія глумился еще во второмъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» (стр. 660—6). Такому отношенію г. Ливанова къ лицамъ, трудами которыхъ онъ пользуется при своихъ изданіяхъ, мы даже затрудняемся дать подходящее названіе.

Но и это не все. Г. Ливановъ не только воруетъ, браня тѣхъ, у кого воруетъ, но еще не умѣетъ хорошо пользоваться краденымъ. Перепечатывая буквально изъ той или другой книги готовыя свѣдѣнія, онъ, неизвѣстно для чего и почему, измѣняетъ ихъ, хотя и рѣдко, и почти всегда - къ худшему. Такъ напр., говоря о покровской часовнѣ въ Москвѣ и буквально перепечатывая свѣдѣнія объ этомъ предметѣ г. Вишнякова, г. Ливановъ замѣчаетъ, что Василій Емельяновъ обратился къ своимъ единовѣрцамъ съ воззваніемъ о постройкѣ молельни «спустя три года послѣ основанія преображенскаго кладбища» (стр. 53); между тѣмъ какъ, по Вишнякову,— спустя «лѣтъ пять-шесть.» Точно также, вопреки г. Вишнякову, утверждающему, что неизвѣстно, сколько времени управлялъ молельней Емельяновъ, г. Ливановъ говоритъ, что Емельяновъ былъ настоятелемъ часовни 30 лѣтъ (стр. 56), хотя отъ 1774 года, — года основанія, по Ливанову, покровской часовни. — до 1795 (или вѣрнѣе—97) года,—года смерти Емельянова, 30 лѣтъ не выходитъ. Еще: приведя буквально по книгѣ г. Варадинова донесеніе сенату исправлявшаго должность пермскаго и тобольскаго генералъ - губернатора Кашкина, г. Ливановъ, вмѣсто словъ: «отъ преосвященнаго

тобольскаго» поставилъ: «отъ преосвященныхъ» (стр. 67), и такимъ образомъ документу, касающемуся одной тобольской епархіи, придалъ значеніе циркуляра. Въ разсказѣ о дѣйствіяхъ Ковылина въ отношеніи къ покровцамъ по вопросу о бракѣ, слѣдуя дословно К. Надеждину ([1]), г. Ливановъ, однако же, вмѣсто: «не распечатавъ письма», почему-то написалъ: «распечатавъ письмо» (стр. 93), и тѣмъ совершенно измѣнилъ извѣстный фактъ самодурства Ковылина. Перепечатывая отзывъ о наружности Ковылина, производившей впечатлѣніе на окружавшихъ его,—изъ книги г. Андреева, г. Ливановъ слово: «на окружавшихъ» замѣнилъ словомъ: «на женщинъ» (стр. 112), вслѣдствіе чего вышла нелѣпость, ни какъ не согласующаяся съ слѣдующимъ затѣмъ отзывомъ о Ковылинѣ Павла Любопытнаго. Г. Ливановъ измѣняетъ и еще кое-что изъ разсказа г. Андреева— не въ пользу смысла и ясности. Такъ, слова г. Андреева: «въ эпоху пугачевскаго бунта въ Москвѣ уже образовалась ведшая обширные торговые обороты раскольничья община, безъ насилія пріобрѣтавшая себѣ вліяніе и готовившая средства, чтобы помочь освобожденію закрѣпощеннаго земства не ножемъ и висѣлицею Пугачева, а протестомъ капитала и труда людей, вышедшихъ изъ крѣпостнаго

([1]) А что г. Ливановъ беретъ свѣдѣнія объ указанномъ предметѣ изъ книжки г. Надеждина, а не изъ рукописей публичной библіотеки, которыя вслѣдъ за Надеждинымъ цитуетъ, лучшимъ доказательствомъ этого, кромѣ буквальнаго сходства, служитъ еще то, что г. Ливановъ, вслѣдъ за г. Надеждинымъ, извѣстнаго члена покровской часовни, надъ трупомъ котораго глумился Ковылинъ, называетъ Евстратіемъ *Ѳедосѣевичемъ* (стр. 39), между тѣмъ какъ въ рукописи онъ называется: Ѳедоровичемъ (см. Сем. жизн. въ русск. раск. вып. I, стр. 274).

состоянія»,—г. Ливановъ передаетъ слѣдующимъ образомъ: «въ эпоху пугачевскаго бунта въ Москвѣ уже была ведшая обширные торговые обороты раскольничья община, пріобрѣтавшая себѣ вліяніе и готовившая средства помочь (?) не ножемъ и висѣлицею Пугачеву, а грудою капитала и людей, вышедшихъ изъ правительственной зависимости» (стр. 113). Перепечатывая разсказъ г. Нильскаго о соборѣ ѳедосѣевскомъ, бывшемъ на преображенскомъ кладбищѣ въ 1811 году, г. Ливановъ, вмѣсто словъ г. Нильскаго: «хотя подлиннаго дѣянія этого собора нѣтъ въ имѣющемся у насъ сборникѣ, тѣмъ не менѣе мы можемъ»..., пишетъ слѣдующее: «хотя подлиннаго дѣянія этого собора довольно рѣдки у раскольниковъ, тѣмъ не менѣе»... (стр. 120). Перепечатывая не мало изъ записки г. Липранди, писанной имъ въ *1853 году* и напечатанной во второмъ выпускѣ Кельсіева, г. Ливановъ слово: «нынѣ» замѣняетъ словами: «въ 30-хъ годахъ» (стр. 197), а слова: «безпоповщина считаетъ себя, т. е. во всѣхъ толкахъ, ее составляющихъ, до 5 милліоновъ»,—словами: «безпоповцевъ, расположенныхъ преображенскимъ кладбищемъ, считалось тогда во всѣхъ мѣстахъ Россіи до 3 милліоновъ» (стр. 198). Здѣсь же (стр. 199) г. Ливановъ, въ примѣръ того, какихъ убѣжденій держалось преображенское кладбище въ *тридцатыхъ* годахъ, приводитъ, напечатанное въ первомъ выпускѣ Кельсіева (стр. 219), формальное показаніе одного ѳедосѣевца, взятое съ него въ тюремномъ замкѣ *въ 1855 году*.

Впрочемъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» не всегда измѣняетъ чужія рѣчи, выдаваемыя имъ за свои; въ видахъ самостоятельности, чаще онъ

только опускаетъ изъ нихъ тѣ или другія слова и выраженія, не обращая вниманія на то, что отъ подобныхъ «опущеній» теряется смыслъ, или по крайней мѣрѣ получается не тотъ, какой хотѣлъ дать извѣстному факту списываемый г. Ливановымъ авторъ. Такъ, говоря словами Н. И. Надеждина о князѣ Урусовѣ, бывшемъ въ 1838—40 годахъ смотрителемъ преображенскаго кладбища, г. Ливановъ замѣчаетъ: «вообще Урусовъ, надобно сказать, былъ выше той должности, которую на него возложили; потому хотя онъ и видѣлъ безпорядки, но не слѣдилъ за ними» (стр. 201), опустивъ слѣдующія затѣмъ слова г. Надеждина: «ибо это было ему не свойственно; онъ не могъ думать, чтобы христіанинъ могъ обречь себя въ вѣчную гибель, купить ее своими пороками и, совращая другихъ, готовилъ бы гибельныя послѣдствія» (Кельсіев. вып. 1, стр. 72),—слова, безъ которыхъ князь Урусовъ представлялся бы *ниже* своей должности. Точно также, перепечатывая разсказъ г. Субботина о сношеніяхъ съ расколомъ Герцена и другихъ русскихъ выходцевъ, г. Ливановъ опускаетъ изъ него нѣсколько словъ, отъ чего выходитъ безсмыслица: «оставивъ Россію, говоритъ Ливановъ словами Субботина, и устроивъ себѣ удобное жительство въ Лондонѣ, г. Герценъ, какъ извѣстно, посвятилъ себя на служеніе великой задачѣ—облагодѣтельствовать оставленную имъ злополучную родину посредствомъ радикальнаго преобразованія ея, что въ Россіи не трудно подготовить удобную почву для осуществленія его фантазіи» (стр. 556); какъ видитъ читатель, тутъ нѣтъ смысла—отъ того, что послѣ слова: «ея», опущены г Ливановымъ слѣдующія слова:

«политическаго и соціальнаго устройства. Ему мечталось,..» (Раск., какъ орудіе вражд. Росс. парт. стр. 99). Здѣсь же г. Ливановъ изъ словъ г. Субботина выдѣлываетъ слѣдующую безсмысленную рѣчь: «надѣясь посредствомъ изданія секретныхъ правительственныхъ записокъ утвердить старообрядчество въ его старой оппозиціи противъ правительства и разсчитывая чрезъ это же самое поставить самихъ себя въ очень выгодныя отношенія къ старообрядцамъ, сразу показать себя ихъ другомъ (?), недовольнымъ правительствомъ столько же, какъ и они» (стр. 557); безсмыслица произошла отъ пропуска слова: «издатели» и перемѣны слова: «разсчитывали» (Суббот. стр. 100). Но особенно бросается въ глаза слѣдующій пропускъ, приведшій г. Ливанова къ безсмыслицѣ. Н. И. Надеждинъ, разсматривая скопческую секту съ точки высшихъ государственныхъ соображеній, писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «невольно рождается теперь вопросъ: такой бредъ (т. е. ученіе скопцовъ о Петрѣ III, котораго они считаютъ живымъ и который будтобы рано или поздно долженъ воцариться на русскомъ престолѣ), при всей его дикости, если будетъ оставаться и ходить въ народѣ, не можетъ ли имѣть послѣдствій, положимъ—не существенно опасныхъ, по крайней мѣрѣ такихъ, которыхъ отнюдь не желательно видѣть? Извѣстна необыкновенная простота и легковѣріе нашего народа: нѣтъ нелѣпости, которая бы не нашла къ нему доступа; нѣтъ глупости, въ которой бы нельзя было его убѣдить. Не восходя слишкомъ далеко, не упоминая напр. о томъ несчастномъ времени, когда тоже самое имя, которое теперь служитъ основою

сумасшествію скопцовъ, было присвоено простымъ казакомъ, и народъ увлекся въ слѣдъ за нимъ мятежными волнами, и нашлись даже священники, которые потому только не исполнили безумнаго приказанія самозванца поминать на ектеніяхъ супругу его, благовѣрную государыню императрицу Устинью Никифоровну, что не имѣли на то указа отъ Синода; укажемъ изъ весьма недавнихъ событій на движеніе, произведенное въ волжскихъ губерніяхъ, слухомъ о дозволеніи помѣщичьимъ крестьянамъ переселяться на Сыръ-Дарью, причемъ примѣшано было имя въ Бозѣ усопшаго цесаревича великаго князя Константина Павловича, яко бы тамъ воцарившагося» (Кельс. вып. 3, стр. 229). Перепечатывая это мѣсто изъ книги Надеждина буквально, г. Ливановъ остановился на словѣ: «отъ Синода» (стр. 547), вѣроятно, потому, что недавнее для г. Надеждина движеніе помѣщичьихъ крестьянъ для г. Ливанова стало давно прошедшимъ; а между тѣмъ отъ такого пропуска, или перерыва рѣчи, вышла безсмыслица. Точно также, говоря (стр. 346) словами г. Надеждина (Кельс. вып. 3, стр. 145—6) о молитвенныхъ собраніяхъ скопцовъ, г. Ливановъ перемѣняетъ въ разсказѣ г. Надеждина и опускаетъ изъ него слова и цѣлыя мысли, отъ чего выходитъ не только невѣрная и неполная характеристика богомоленій скопческихъ, но и безсмыслица, или по крайней мѣрѣ необъяснимая для читателя странность. Такъ слова г. Надеждина: «по пропѣтіи *«начальной молитвы»*, содержащей въ себѣ призываніе Св. Духа»..., г. Ливановъ передаетъ такъ: «по пропѣтіи *пѣсенъ*, содержащихъ»...; слова Надеждина: «молитва эта у хлыстовъ и у первыхъ скопцовъ обращалась въ невиди-

мому Богу, но у нынѣшнихъ скопцовъ она прямо и непосредственно относится къ лже-искупителю», г. Ливановъ сократилъ такъ: «молитва эта обращалась (?) къ невидимому Богу, но у нынѣшнихъ скопцовъ она прямо»... Затѣмъ у г. Ливанова идетъ слѣдующая рѣчь: «само собою разумѣется, что, не смотря на эти пышныя названія, отъ грубыхъ, невѣжественныхъ, иногда вовсе безграмотныхъ пустомель нельзя ожидать въ такихъ случаяхъ особенной затѣйливости, остроумія и краснорѣчія». Читатель рѣшительно не понимаетъ, о какихъ это «пышныхъ названіяхъ» идетъ рѣчь у г. Ливанова, когда выше не говорилось ни о какихъ названіяхъ; недоумѣніе это можетъ разрѣшиться только у того, кто имѣетъ у себя третій выпускъ г. Кельсіева и прочитаетъ въ немъ опущенныя г. Ливановымъ—скопческую пѣсню объ одушевленіи пророка благодатною силою, въ которой (пѣсни) пророки скопческіе величаются «райскими птицами», и слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе г. Надеждина о томъ, что скопцы даютъ своимъ пророкамъ и другія мистическія наименованія, какъ-то: «книги животныя, трубы златыя, живогласныя, архангельскія, гусли безпрестанныя» и т. под. Точно также читатель не пойметъ, о какихъ статьяхъ и какого собора говоритъ г. Ливановъ на 142—4 страницахъ своей книги, пока не справится съ сочиненіемъ г. Нильскаго (Сем. жизн. въ р. раск. вып. I, стр. 357—365), изъ котораго буквально, но съ пропусками, взяты авторомъ «Раскольниковъ и острожниковъ» указанныя страницы.

Впрочемъ, перепечатывая въ свои изданія чужіе труды, г. Ливановъ не всегда относился къ нимъ

настолько самостоятельно, чтобы могъ перемѣнять въ нихъ, или опускать изъ нихъ слова и выраженія, и такимъ пріемомъ понятныя рѣчи превращать въ безсмысленныя. Нерѣдко авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» рабски слѣдовалъ своимъ «документальнымъ», т. е. печатнымъ, источникамъ и перепечатывалъ изъ нихъ свѣдѣнія съ дословною точностію, хотя отъ этого выходили не меньшіе курьезы. Такъ напр., читая 39 страницу третьяго тома «Раскольниковъ и острожниковъ», невольно чувствуешь, что съ г. Ливановымъ что-то случилось, что онъ начинаетъ говорить какимъ-то, несвойственнымъ ему, вялымъ, растянутымъ, шероховатымъ языкомъ латинской конструкціи, и, разумѣется, недоумѣваешь, чтобы это значило. А между тѣмъ ларчикъ открывается просто. Г. Ливановъ взялъ эту страницу изъ сочиненія Іоаннова (стр. 141 — 3), написаннаго еще въ концѣ прошлаго столѣтія, хотя и скрылъ это обстоятельство, и не хотѣлъ даже измѣнить вышедшихъ изъ употребленія словъ и выраженій бывшаго охтенскаго протоіерея; и вышла крайне неподходящая заплата ветхая на сочиненіи, едва увидѣвшемъ свѣтъ. Или еще: перепечатывая, безъ указанія на это, въ XVIII главѣ исторіи преображенскаго кладбища цѣлыя страницы изъ сочиненія г. Нильскаго — съ дословною точностію, авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», между прочимъ, говоритъ: «какъ же смотрѣла въ царствованіе Александра I на коммунистическіе [1] безпоповщинскіе браки власть церковная и гражданская? Церковная *продолжала* смотрѣть на раскольничьи

[1] У г. Нильскаго вмѣсто „коммунистическіе“ сказано: „безсвященнословные“ браки.

браки *по прежнему*, т. е. не только браки безпоповщинскіе, заключавшіеся безъ вѣнчанія, но и поповщинскіе, въ совершеніи которыхъ участвовали попы, только бѣглые, признавала незаконными» (стр. 167). Г. Нильскому, который еще на 331—8 стр. своей книги говорилъ объ этомъ предметѣ, на стр. 401 можно было сказать, что церковная власть продолжала смотрѣть на раскольничьи браки по прежнему; но въ устахъ г. Ливанова, который до XVIII главы своей «документальной» исторіи преображенскаго кладбища ни слова не сказалъ о взглядѣ на раскольничьи браки церковной власти, такія выраженія служатъ только уликой его литературнаго воровства и доказательствомъ неспособности автора «Раскольниковъ и острожниковъ» умѣло воспользоваться даже чужими трудами. Да, кажется, г. Ливановъ и не думалъ о подобномъ умѣньи и не ставилъ себѣ подобной задачи. Возъимѣвъ намѣреніе выпустить въ свѣтъ третій томъ «Раскольниковъ и острожниковъ» и—въ частности—«въ первый разъ представить вниманію читателя первую и полную» исторію преображенскаго кладбища, г. Ливановъ, по нашему мнѣнію, не задавался вопросомъ, по силамъ ли ему будетъ такой трудъ, а прямо приступилъ къ дѣлу,—тѣмъ болѣе, что имѣлъ у себя подъ руками первый и третій выпуски «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» — г. Кельсіева (стр. 315 и 416),— главные источники для большинства тѣхъ статей, которыя намѣренъ былъ г. Ливановъ помѣстить въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ». Но такъ какъ исторія преображенскаго кладбища Н. И. Надеждина, напечатанная въ первомъ выпу-

скѣ Кельсіева, не особенно велика по объему, а г. Ливановъ любитъ дарить публику большими книгами; то, въ видахъ увеличенія числа листовъ третьяго тома, а слѣдовательно и цѣны за него, Ѳед. Вас. рѣшился расширить трудъ г. Надеждина вставкою въ него цѣлыхъ страницъ и листовъ изъ сочиненій гг. Нильскаго, Н. Барсова, К. Надеждина, Вишнякова и др. Точно также поступилъ онъ и съ сочиненіемъ Н. И. Надеждина — о скопцахъ; свѣдѣнія, взятыя изъ этого сочиненія, г. Ливановъ помѣстилъ не къ ряду, но въ нѣсколькихъ статьяхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой разными, не относящимися къ скопчеству, статьями, въ родѣ: «сто обвинительныхъ статей противъ православія», или: «безобразія раскольничьихъ архіереевъ», взятыми изъ другихъ источниковъ. Такимъ пріемомъ сразу достигались двѣ цѣли; третій томъ г. Ливанова дѣлался чрезъ то объемистѣе и трудъ его пріобрѣталъ въ глазахъ людей малосвѣдущихъ значеніе труда болѣе или менѣе самостоятельнаго. Хорошъ ли такой пріемъ—сшиванія изъ лоскутовъ—для самаго дѣла, т. е. исторіи преображенскаго кладбища и скопчества, это — другой вопросъ; но кто же не знаетъ, что на Руси доселѣ существуетъ обычай продавать товаръ лицомъ, а не по внутреннему его достоинству? Притомъ, вѣдь и лоскуты, которые вставлялъ г. Ливановъ въ сочиненія Н. И. Надеждина, сами по себѣ не дурны; они могли только не совсѣмъ идти къ цѣлому; но вѣдь самъ же г. Ливановъ, уже распродавшій два первые тома своихъ изданій, «вышедшихъ нѣсколькими изданіями и разобранныхъ въ огромномъ количествѣ во всѣ концы Россіи» (см. предисл. къ 3 т.), заявилъ въ концѣ

третьяго тома: «Русь, Русь! какъ ты еще глупа... и кто въ тебѣ не эксплуатируетъ невѣжество народное» (стр. 533); слѣдовательно безпокоиться о судьбѣ «Тришкина кафтана» не было повода.

А что г. Ливановъ, перепечатывая въ своихъ изданіяхъ готовыя свѣдѣнія изъ чужихъ книгъ, дѣйствительно не обращалъ вниманія на то, на сколько они идутъ къ дѣлу, а только заботился объ объемѣ книги, доказательствомъ этого могутъ служить, между прочимъ, слѣдующіе примѣры. Сказавъ въ двухъ первыхъ главахъ не только о внѣшнемъ устройствѣ преображенскаго кладбища, но и о внутреннихъ порядкахъ, заведенныхъ въ немъ Ковылинымъ, г. Ливановъ третью главу начинаетъ слѣдующими словами: «знакомя читателя съ дѣйствіями ѳедосѣевца И. А. Ковылина, по устройству преображенскаго кладбища, считаемъ не лишнимъ *для полноты* нашей монографіи сказать здѣсь нѣсколько словъ и о происхожденіи вообще ѳедосѣевской секты въ Россіи», и затѣмъ ведетъ рѣчь объ основателѣ этой секты, путешествіи Ѳеодосія Васильева на Выгъ, переселеніи его изъ Польши въ Россію и проч. и проч., чтó ни мало не относится къ исторіи преображенскаго кладбища. И пусть бы г. Ливановъ сдѣлалъ такое отступленіе—потому, что имѣлъ намѣреніе и случай сообщить читателю какія либо *новыя* свѣдѣнія о ѳедосѣевцахъ; нѣтъ, онъ просто перепечатываетъ въ данномъ случаѣ нѣсколько страницъ изъ «Исторіи русскаго раскола» преосв. Макарія, хотя и скрываетъ это обстоятельство, при чемъ, вѣроятно, «для полноты своей монографіи» вноситъ въ свою книгу (стр. 26—8) и то, чтó сказано преосв. Макаріемъ о безпоповщинѣ вообще (стр.

265, 241—2) и что не только не относится къ исторіи преображенскаго кладбища и даже ѳедосѣевщины вообще, но совершенно искажаетъ эту исторію. Такъ г. Ливановъ утверждаетъ, что было время, когда нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ. «сознавая нужду въ евхаристіи, думали замѣнять ее для себя своимъ самоизобрѣтеннымъ причастіемъ изъ *прѣсныхъ лепешекъ*, и что «*въ началѣ раскола*» ѳедосѣевцы «сильно заповѣдывали своимъ послѣдователямъ самосожиганіе», чего достовѣрная исторія этой секты не знаетъ... Въ шестой главѣ, желая изобразить «споры въ *ѳедосѣевской* сектѣ изъ-за брачной тайны», г. Ливановъ ведетъ рѣчь—по книжкѣ г. Попова—объ Иванѣ Алексѣевѣ, Гаврилѣ Артамоновѣ, Васильѣ Емельяновѣ, начавшемъ «въ своей *покровской* часовнѣ всѣхъ благословлять на бракъ», о Гавріилѣ Скочковѣ и проч., и затѣмъ ни съ того, ни съ сего замѣчаетъ: «здѣсь *кстати* скажемъ *два-три* слова вообще о началѣ покровской молельни въ Москвѣ» (стр. 53), и выписываетъ потомъ изъ книжки г. Вишнякова цѣлыя восемь страницъ. Точно такое же отношеніе къ дѣлу имѣютъ и 50 — 62 страницы книжки г. Вишнякова, перепечатанныя г. Ливановымъ въ десятой главѣ исторіи преображенскаго кладбища; объ отношеніяхъ къ филиповцамъ Ковылина, для обрисовки которыхъ Ѳед. Вас. и «счелъ не лишнимъ сказать здѣсь—по книжкѣ г. Вишнякова—*нѣсколько словъ*» о филиповцахъ (стр. 35), ничего не видно изъ сказаннаго. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что г. Ливановъ иногда самъ понималъ, что перепечатываетъ чужіе труды не къ дѣлу, а только «для полноты» своего сочине-

нія, и потому, поговоривъ о чемъ либо чужими словами, замѣчалъ: «но возвратимся къ»... Такъ поступилъ онъ напр. въ XXVII главѣ исторіи преображенскаго кладбища; перепечатавъ здѣсь безъ всякой нужды свѣдѣнія о моленныхъ ѳедосѣевскихъ въ Петербургѣ, закрытыхъ въ прошлое царствованіе, изъ сочиненія г. Нильскаго (Сем. жизн. въ русск. раск. вып. 2, стр. 113, 120—2), онъ откровенно прибавилъ: «но возвратимся къ преображенскому кладбищу» (стр. 237). Но самымъ рѣзкимъ доказательствомъ того, какъ, при всемъ хищническомъ вниманіи къ чужимъ трудамъ, небрежно относится къ нимъ г. Ливановъ, какъ мало идутъ къ дѣлу перепечатываемыя имъ изъ разныхъ печатныхъ книгъ свѣдѣнія и на сколько, вслѣдствіе этого, могутъ быть цѣнны «ученые» труды автора «Раскольниковъ и острожниковъ», можетъ служить IX глава исторіи преображенскаго кладбища. Попалась подъ руки г. Ливанову книжка г. Барсова, подъ названіемъ: «Братья Андрей и Семенъ Денисовы». Хотя все, содержащееся въ этой книжкѣ, исключительно относится къ Денисовымъ, бывшимъ вождями *поморскаго* толка и жившимъ въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтій, когда, значитъ, преображенское кладбище еще не существовало; тѣмъ не менѣе г. Ливановъ рѣшился, во что бы то ни стало, воспользоваться и этимъ чужимъ трудомъ, — такъ ужъ сильно понравились ему умныя рѣчи г. Барсова. И вотъ Петра Великаго, при которомъ главнымъ образомъ и дѣйствовали Денисовы, г. Ливановъ замѣняетъ Александромъ I, Андрея Денисова превращаетъ въ Илью Ковылина и затѣмъ, ничтоже сум-

няся, начинаетъ перепечатывать изъ книжки г. Барсова цѣлыя страницы, не понимая того, что и послѣ такой передѣлки сказанное авторомъ «Братьевъ Денисовыхъ» только къ нимъ и къ ихъ времени и приложимо. Чтобы читатель наглядно могъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами о продѣлкахъ г. Ливанова, мы сравнимъ текстъ его книги съ текстомъ сочиненія г. Барсова; такое сравненіе лучше всякихъ словъ докажетъ, сколько правды въ слѣдующихъ словахъ г. Ливанова: «противъ своего обѣщанія, мы запоздали нѣсколько настоящимъ выпускомъ, но это оттого, что матеріалы наши потребовали въ разработкѣ своей болѣе времени, чѣмъ мы предполагали» (предисл. къ III т.).

Текстъ г. Барсова:	*Текстъ г. Ливанова*:
Слѣдствія новаго направленія правительства (т. е. при Петрѣ) обнаружились весьма скоро въ жизни раскола. Съ одной стороны это признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченіе весьма небольшаго промежутка времени (приблизительно отъ 1689 до 1714 г.) все, что было раскольническаго въ Россіи, что дотолѣ пряталось и таилось, теперь обозначилось ясно и мало по малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться среди шумныхъ событій того времени, незамѣтно группируясь на украйнахъ, въ пустыняхъ и лѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители «древняго благочестія» (стр. 5).	Слѣдствія новаго направленія правительства и отношенія его къ расколу, съ воцареніемъ императора Александра I, обнаружились весьма скоро въ жизни раскола; признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченіе весьма небольшаго промежутка времени (отъ 1801—1807 г.) все, что было раскольническаго въ Россіи, что дотолѣ пряталось и таилось, теперь обозначилось ясно и мало по малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться среди шумныхъ событій того времени, незамѣтно группируясь на окрайнахъ, въ пустыняхъ и лѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители «древняго благочестія» (стр. 85).

Избалованные прежнимъ своимъ значеніемъ при патріархѣ Іосифѣ (т. е. справщики книгъ), общимъ почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ этому цвѣту тогдашняго бѣлаго духовенства, и милостивымъ вниманіемъ самого царя, первые расколоучители продолжали считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ... Своимъ обществомъ они считали церковь, своимъ дѣломъ они считали дѣло всей церкви, изъ которой имъ нужно было только удалить новолюбца Никона (стр. 7).

Избалованные (кто?) прежнимъ значеніемъ при патріархѣ Іосифѣ, общимъ почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ (кому?), и милостивымъ вниманіемъ самого царя, расколоучители продолжали издавна считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ... Своимъ обществомъ они считали всю русскую церковь; своимъ дѣломъ они считали дѣло всей вселенской церкви... какъ будто ихъ кто просилъ объ этомъ! (стр. 85).

Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣры съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, эти массы простолюдиновъ въ такомъ ли были состояніи, чтобы не нуждаться ни въ какой опекѣ и руководствѣ со стороны? (стр. 11).

Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣры съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, массы простолюдиновъ нуждались въ опекѣ и эту опеку надъ ними приняли на себя разные Ковылины и т. п. личности (стр. 85).

Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древлерусской, дониконовской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; меж-

Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древлерусской, дониконовской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; меж-

ду тѣмъ выступали въ дѣло мотивы другаго свойства—страсть къ народоучительству новыхъ вождей раскола, руруководимыхъ или однимъ желаніемъ — поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и мнимымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно большій просторъ сдерживаемому дотолѣ произволу и другимъ худшимъ инстинктамъ человѣческой природы. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться *въ Брынскихъ лѣсахъ и въ другихъ мѣстахъ* мужиками и бабами (съ которыми знакомятъ насъ св. Димитрій Ростовскій въ „Розыскѣ" и Игнатій митр. сибирскій въ своемъ третьемъ посланіи,—которыя не смотря на всю свою гнусность и нелѣпость, находили однако себѣ многочисленныхъ послѣдователей). Расколъ видимо терялъ свою почву: въ такомъ богословствованіи, очевидно, не было и тѣни древняго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ... Доколѣ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей — не болѣе, онъ имѣлъ, конечно, нѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной; по крайней мѣрѣ —могъ быть оправданъ, извиненъ. Теперь же, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ былъ не только преступленіемъ противъ церкви, но и само-	ду тѣмъ выступали въ дѣло мотивы другаго свойства—страсть къ народоучительству новыхъ вождей раскола, руководимыхъ или однимъ желаніемъ — поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и мнимымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно большій просторъ сдерживаемому дотолѣ произволу и другимъ худшимъ инстинктовъ (?) человѣческой природы... *начиная съ набиванія своего кармана на счетъ простоты народной*. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться мужиками-неучами *на преображенскомъ напр. кладбищѣ*; расколъ видимо потерялъ свою почву, потому что въ безобразномъ ученіи Ковылина, очевидно, не было и тѣни древняго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ. Доколѣ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей, — онъ имѣлъ хотя нѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной, по крайней мѣрѣ могъ быть нѣсколько оправданъ, извиненъ... Теперь же, *при кроткомъ отношеніи къ нему государя и его правительства*, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ сталъ по-мужичьи безобразничать и вступилъ на дорогу самоубійства духовнаго (стр. 85—86).

убійствомъ духовнымъ (стр. 13 и 14).

Въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было, чтобы осмысливать свои вѣрованія; да и въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ невѣжествѣ, имъ трудно было понять, что ихъ религіозное чувство, большею частію искреннее и глубокое, питается такою незатѣйливою и недостойною пищею... Расколъ рѣшился жить самостоятельно, независимо, на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Расколъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ; онъ съ перваго раза, какъ только открылась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой предъ нимъ открывался. А благодаря тѣмъ отношеніямъ, въ какія сталъ сначала къ расколу Петръ, предъ нимъ открывался довольно широкій путь: расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь, когда его поддерживаетъ не только сознаваемое энтузіастическое вѣрованіе, что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и безсознательно почувствованное благо жизни свободной — на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета. Какъ гоненія возбуждали въ нихъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самосожженія и другіе виды самоубій-

Въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было, чтобы осмысливать свои вѣрованія; но и теперь въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ крайнемъ невѣжествѣ, имъ трудно было понять, что ихъ религіозное чувство, большею частію искреннее и глубокое, питается незатѣйливою и недостойною пищею, просто мякиною...Расколъ рѣшился жить *при Александрѣ I* (*а прежде?*) самостоятельно, независимо, на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Онъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ, но съ перваго раза, какъ только открывалась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой предъ нимъ открывали вожаки, въ родѣ Ковылина. Расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь, когда его поддерживало не только энтузіастическое вѣрованіе, что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и безсознательно почувствованное благо жизни свободной—на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета. Какъ гоненія возбуждали въ раскольникахъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самосожженія и другіе виды самоубійства, такъ теперь прекращеніе гоненій и ослабленіе правительственнаго надзора, со вступленіемъ

ства: такъ теперь прекращеніе гоненій и ослабленіе правительственнаго надзора, со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго, неизбѣжно повлекло за собою деморализацію. Удалившись въ лѣса, каждый находилъ здѣсь удовлетвореніе своимъ личнымъ потребностямъ. Многіе увлеклись здѣсь мнимымъ подвижничествомъ, предавались различнымъ суровымъ подвигамъ, приводили въ изумленіе свою братію необычайностію своихъ мнимо-аскетическихъ затѣй. По недостатку разумной христіанской цѣли, внѣ церковнаго благословенія и просвѣщеннаго руководства пастырскаго, эти подвиги конечно не имѣли нравственнаго значенія. Эти лжемонахи утрировали и профанировали примѣръ древнихъ святыхъ подвижниковъ, которыхъ изучали въ прологахъ и четьихъ-минеяхъ: усвоивъ до нѣкоторой степени ихъ внѣшность, они оставались чуждыми ихъ духу... Нужно было радоваться, если эти отшельники въ лѣсахъ предавались пустосвятству, или мирнымъ сельскимъ занятіямъ: «пахали землю кочерюгою и сѣяли рожь подъ гарью». Большею же частію выступали въ дѣло худшіе инстинкты; раскольники говорили, что живутъ по святоотеческимъ уставамъ, —а въ сущности правилами ихъ жизни были тѣ выработанныя ихъ досужомъ

на престолъ Александра I неизбѣжно повлекло за собою деморализацію. Удалившись въ лѣса, каждый находилъ здѣсь нѣкогда удовлетвореніе своимъ личнымъ потребностямъ. Многіе увлекались мнимымъ подвижничествомъ, предавались различнымъ суровымъ подвигамъ, приводили въ изумленіе свою братію необычайностію своихъ мнимо-аскетическихъ затѣй. По недостатку разумной христіанской цѣли, внѣ просвѣщеннаго руководства (?), эти подвиги конечно, не имѣли нравственнаго значенія. Эти лжемонахи утрировали и профанировали примѣръ древнихъ святыхъ подвижниковъ, которыхъ изучали въ прологахъ и четьи-минеяхъ: усвоивъ до нѣкоторой степени ихъ внѣшность, они оставались чуждыми ихъ духа... Тѣмъ не менѣе нужно было радоваться, если эти отшельники въ лѣсахъ, предаваясь пустосвятству, «пахали землю и сѣяли рожь подъ гарью». Теперь же выступили въ дѣло худшіе инстинкты; раскольники заговорили, что живутъ по святоотеческимъ уставамъ,—а въ сущности правилами ихъ жизни сдѣлались тѣ выработанныя досужимъ смысломъ Ковылина съ братіею аксіомы, въ которыхъ содержится или казуистическое оправданіе грѣха, или прямое внушеніе преступленія: «не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—

смысломъ аксіомы, въ которыхъ содержится или казуистическое оправданіе грѣха, или прямое внушеніе преступленія: «не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься — не спасешься», или: «хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужъ не ходи». Наконецъ эти простецы отреклись отъ законнаго руководства властей гражданскихъ и церковныхъ и, нуждаясь, между тѣмъ, для удовлетворенія своихъ недалекихъ потребностей въ извѣстномъ внѣшнемъ устройствѣ своего быта,—неизбѣжно подпадали деспотизму какого либо узурпатора, который, возвышаясь надъ толпою умомъ и житейскимъ тактомъ, льстя ея страстямъ, приспособляясь къ ея вкусамъ и понятіямъ, употреблялъ ихъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Въ такое-то время жили и трудились для раскола братья Денисовы. Выступивъ на сцену въ такую пору, когда расколъ переживалъ свою критическую эпоху, когда, съ одной стороны, предъ нимъ открывался соблазнъ жизни самобытной—въ смыслѣ и духовномъ и матеріальномъ, а съ другой стороны,—при недостаткѣ въ жизни раскола всякаго религіознаго и церковнаго благолѣпія начало было пробуждаться безсознательное чувство неудовлетворенности и внутренняго противорѣчія,—они явились какъ бы для того, чтобы своими талантами, своею чудовищною

не спасешься»; или: «хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужъ не ходи».. Простецы отреклись отъ законнаго руководства властей гражданскихъ и церковныхъ и, нуждаясь, между тѣмъ, для удовлетворенія своихъ недалекихъ потребностей, въ извѣстномъ внѣшнемъ устройствѣ своего быта, — неизбѣжно подпадали деспотизму узурпаторовъ въ родѣ Ковылина, которые, возвышаясь надъ толпою умомъ и житейскимъ тактомъ, льстя ея страстямъ, приспособляясь къ ея вкусамъ и понятіямъ, подло употребляли ихъ для своихъ грубо эгоистическихъ цѣлей. Вотъ въ какое время жилъ и продолжалъ трудиться для раскола Ковылинъ! Выступивъ на сцену, когда расколъ переживалъ свою критическую эпоху, когда, съ одной стороны, предъ нимъ открывался соблазнъ жизни самобытной—въ смыслѣ и духовномъ и матеріальномъ, а съ другой стороны, при недостаткѣ въ жизни раскола всякаго религіознаго и церковнаго благолѣпія, начало было пробуждаться безсознательное чувство неудовлетворенности и внутренняго противорѣчія, онъ явился какъ бы для того, чтобы своею чудовищною энергіею помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола (стр. 86—7).

энергіей, помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола (стр. 15—17).

Андрей (т. е. Денисовъ) былъ человѣкъ по своему ученый, умный, съ извѣстнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется — человѣкъ образованный, просвѣщенный.. Какъ же понималъ Андрей интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, раскольническую общину, выдѣлить ее изъ среды православнаго міра, обезопасить, укрыть ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а за тѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ никоніанами... Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею.... И конечно, распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами — имѣло бы свою прелесть и для человѣка болѣе нравственнаго и развитаго, нежели какимъ былъ Андрей Денисовъ.... Кажется, что Андреемъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольническіе догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, какой высказываетъ Андрей въ

Ковылинъ, какъ читатель видѣлъ изъ всего доселѣ сказаннаго нами объ немъ, былъ человѣкъ, по своему, умный, съ извѣстнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется— человѣкъ образованный, просвѣщенный; какъ же понималъ онъ интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, свою раскольническую ѳедосѣевскую общину, выдѣлить ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а за тѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ никоніанами; съ наукою... Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею; распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами... Имъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольническіе догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, какой высказываетъ Ковылинъ, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, повидимому, на той степени религіознаго пониманія, какая до-

своихъ сочиненіяхъ, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, повидимому, на той степени религіознаго пониманія, какая доселѣ составляетъ отличіе раскола,—это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественномъ и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Никона, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію. Но эти понятія о вещахъ не возвыщались въ немъ до степени живаго убѣжденія, задушевной думы. Андрей Денисовъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человѣкъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ чувствъ и самыхъ высокихъ сладостныхъ и мучительныхъ душевныхъ страданій, какъ это было напр. съ Лютеромъ. *Нѣтъ*, *Андрей относился* къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать—схоластически. Онъ усердно занимался богословствованіемъ, но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично, а изъ побужденій чисто внѣшнихъ; эти ученые труды

селѣ составляетъ отличіе раскола,—это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественномъ, и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Никона, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію лучшаго и свѣтлаго. Но эти понятія о вещахъ не возвышались въ немъ до степени живаго убѣжденія, задушевной думы. Онъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человѣкъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ и самыхъ высокихъ сладостныхъ чувствъ и мучительныхъ душевныхъ страданій, какъ это было напр. съ Лютеромъ. *Нѣтъ*, *Ковылинъ относился* къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать, схоластически. Онъ усердно занимался своею сектою (?), но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично, а изъ побужденій чисто внѣшнихъ; эти труды нужны были ему для того, чтобы обезопасить свою общину отъ внѣшняго вмѣшательства, отдѣлаться отъ запросовъ (?) власти

нужны были ему для того, чтобы обезопасить свою общину отъ внѣшняго вмѣшательства, отдѣлаться отъ запросовъ власти церковной и гражданской (стр. 19—20).	церковной и гражданской (стр. 87—8).

Не продолжаемъ выписокъ далѣе; и изъ сдѣланнаго нами сопоставленія текста книги г. Ливанова съ текстомъ брошюры г. Барсова читатель можетъ видѣть ясно, что́ нужно разумѣть подъ «документальными» источниками, изъ которыхъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» заимствовалъ свои «достовѣрныя» свѣдѣнія, и какъ добросовѣстно пользовался этими источниками г. Ливановъ.

Но не все же, заключающееся въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ», взято авторомъ изъ чужихъ и притомъ печатныхъ книгъ; есть въ немъ кое-что и такое, что́ несомнѣнно принадлежитъ самому г. Ливанову и что́ дѣйствительно составлено имъ *отчасти* на основаніи «документальныхъ» источниковъ. Таковы, помѣщенныя въ третьемъ томѣ, небольшія статейки о молоканахъ и духоборцахъ—въ царствованіе Александра I, составленныя, вѣроятно, на основаніи тѣхъ «обширныхъ выписокъ», какія сдѣлалъ г. Ливановъ изъ «архивныхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», еще находясь на службѣ въ министерствѣ, когда, по порученію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, составлялъ «Исторію молоканъ и духоборцевъ въ Россіи» (т. II, стр. 345). Но и тутъ не обошлось дѣло безъ курьеза. Чтобы придать своимъ трудамъ по этому вопросу больше значенія, г. Ливановъ еще въ двухъ первыхъ томахъ своихъ изданій заявилъ, что «молокане и духоборцы

доселѣ еще мало извѣстны нашему обществу», что «въ литературѣ о нихъ совсѣмъ почти ничего не говорилось» (т. I, стр. 245), что, «къ стыду нашихъ ученыхъ и богослововъ», до г. Ливанова мы не знали «ничего положительнаго» ни о происхожденіи указанныхъ сектъ, ни объ ихъ ученіи (т. II, стр. 344—5), и что слѣдовательно напечатанная имъ въ двухъ первыхъ томахъ исторія молоканъ и духоборцевъ въ XVIII вѣкѣ «въ первый разъ является въ Россіи и за границею», какъ «разработка по документальнымъ и слѣдовательно неопровержимымъ источникамъ сектъ, извѣстныхъ доселѣ только по слуху» (предисл. ко II том.). Туже пѣсню поетъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» и въ третьемъ томѣ. «Исторія молоканъ и духоборцевъ въ царствованіе Александра I, говоритъ г. Ливановъ въ предисловіи, является въ настоящемъ томѣ тоже (т. е. какъ и Исторія преображенскаго кладбища) первою и единственною монографіею въ Россіи и для заграничнаго ученаго міра». А между тѣмъ самъ же Ѳед. Вас. повѣствуетъ (т. II, стр. 345), что еще въ 1835 году ([1]) было написано «толковое изслѣдованіе» о духоборцахъ г. Новицкимъ, которымъ (изслѣдованіемъ) авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», какъ видно (т. II, стр. 61, 63, 65, 256 и др.), и пользовался при составленіи своей «Исторіи молоканъ и духоборцевъ», и самъ же указываетъ еще другое сочиненіе — о молоканахъ, подъ названіемъ: «вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ, обыкновенно называемыхъ молоканами», изданное въ Женевѣ ([2]), котораго Ѳед. Вас. также не оставлялъ

([1]) На 76 стр. 2 тома сказано: въ 1832 году.

([2]) Отъ г. Ливанова не узнаешь, когда издано это сочиненіе; въ од-

безъ вниманія. Съ своей стороны можемъ указать на слѣдующія сочиненія: «о раскольникахъ, поселенныхъ таврической губерніи въ мелитопольскомъ уѣздѣ» (изд. 1828 г.), «Наставленіе священнику относительно отпадшихъ отъ церкви въ секту молоканскую» (изд. 1835 г.), «Увѣщаніе молоканамъ» епископа Іакова (изд. 1843 г.) и др., какъ имѣющія отношеніе къ вопросу о духоборческой и молоканской сектахъ. А кто слѣдилъ за литературой послѣднихъ лѣтъ, тотъ знаетъ, что въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ помѣщалось за послѣдніе годы не мало статей объ указанныхъ сектантахъ, что̀ впрочемъ видно и изъ цитатъ самого г. Ливанова (т. II, стр. 260, 371, 376, 379, 455 и др.), и притомъ статей, писанныхъ не только православными (см. напр. «Отеч. Записки», мартъ 1869 г.), но и самими сектантами и даже наставниками ихъ («Отеч. Зап.» іюнь 1870 г.). Что же касается «заграничнаго ученаго міра», который думаетъ поучить г. Ливановъ своими статьями о нашихъ молоканахъ и духоборцахъ, то еще прежде, чѣмъ попадутъ туда книги Ѳед. Вас., самъ онъ уже учится у «нѣмцевъ» по вопросу объ указанныхъ сектантахъ, не разъ цитуя въ своихъ изданіяхъ сочиненіе того самаго барона Гакстгаузена (т. III, стр. 540; сн. т. II, стр. 61—4, 177, 491, 569—70 и др.), взгляды котораго на нашихъ сектантовъ г. Ливановъ считаетъ «совершенно неправильными» (т. III, стр. 414)... Столько неожиданныхъ сюрпризовъ и противорѣчій

номъ мѣстѣ онъ говоритъ (т. 2, стр. 356), что—въ 1855 г., въ другомъ (т. 2, стр. 347, 351, 363)—въ 1865 г., а въ третьемъ (т. 2, стр. 352) —въ 1867 году.

предлагаетъ въ угощеніе внимательному читателю авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ»!

Кстати—о противорѣчіяхъ. Не чуждый этого недостатка и въ двухъ первыхъ томахъ (сравн. напр. т. II, стр. 20 и 21, 34 и 47, 52 и 53 и др.), г. Ливановъ въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ», какбы издѣваясь надъ здравымъ смысломъ читателя, а вѣрнѣе-то—по недостатку собственнаго смысла и вниманія, доходитъ въ противорѣчіяхъ самому себѣ до nec plus ultra, нерѣдко отрицая на слѣдующей страницѣ то, что̀ утверждалъ на предыдущей,—такъ, что читатель, не зная чему вѣрить, поставленъ въ необходимость, во избѣжаніе ошибки, не вѣрить ничему изъ того, что повѣствуетъ ему Ѳед. Вас. Такъ напр. на 15 стран. г. Ливановъ говоритъ, что до учрежденія преображенскаго кладбища заправлялъ московскою ѳедосѣевщиной ярославскій крестьянинъ Илья Ивановъ, а на стр. 16 онъ превращаетъ этого Илью Иванова въ Илью Алексѣева Ковылина. На 43 стр. говорится, что извѣстный «Уставъ» польскихъ ѳедосѣевцевъ былъ составленъ на соборѣ 1751 года, на стр. 44—1752 года, а на стр. 49—опять 1751 года. На 46 стр. г. Ливановъ приводитъ слѣдующее правило ѳедосѣевскаго собора 1752 года: «младенцевъ здравыхъ у новоженовъ ни духовнымъ, ни мірскимъ людямъ отнюдь не крестить», а на стр. 156 въ числѣ правилъ, какія существовали и доселѣ существуютъ у безпоповцевъ относительно новоженовъ, помѣщаетъ такое: «младенцы новоженовъ на крещеніе пріемлются». На стр. 51—2 говорится, что новожены ввели у себя брачную жизнь, между прочимъ, для того, чтобы «избавиться отъ грѣхопаденія, содомскаго грѣха,

или незаконнаго блуда», а на стр. 158, какъ главный догматъ ученія новоженовъ, указывается слѣдующее изреченіе: «гдѣ нѣтъ брака, тамъ нѣтъ и блуда». На 53 стр. г. Ливановъ говоритъ, что, спустя три года послѣ основанія преображенскаго кладбища (значитъ въ 1774 г.), Василій Емельяновъ обратился къ своимъ единовѣрцамъ съ воззваніемъ о постройкѣ общественной моленной, и, такъ называемая, покровская часовня была выстроена, а на стр. 56 утверждаетъ, что Емельяновъ, управлявшій этою часовней до 1795 г., правилъ сю *30* лѣтъ. На 62 стр. авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» замѣчаетъ, что при Петрѣ I правительство *строго* относилось къ расколу, а на стр. 64 говоритъ, что при Петрѣ Великомъ были изданы узаконенія «въ облегченіе» раскольниковъ. (Не считаетъ ли г. Ливановъ Петра I и Петра Великаго за разныя лица?). На 217 стр. г. Ливановъ повѣствуетъ, что найденная (въ началѣ 40 годовъ) на преображенскомъ кладбищѣ и доставленная министру внутреннихъ дѣлъ рукопись, подъ названіемъ: «Показаніе о единомъ общемъ христіанскомъ тѣсномъ пути», была написана въ 1842 году, а на стр. 218 временемъ написанія ея указываетъ «лѣто 7308», т. е. 1800 годъ. Въ статьяхъ подъ №№ XIII и XXVI г. Ливановъ разсказываетъ о безобразіяхъ раскольничьихъ архіереевъ и о томъ, въ чьихъ домахъ они совершаютъ въ настоящее время богослуженіе, а на стр. 555 утверждаетъ, что «архіереи раскольничьи *всѣ давно* бросили свое незаконное ремесло и обратились въ единовѣріе». Мало этого: авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» часто противорѣчитъ себѣ на одной и той же страницѣ. Такъ въ на-

чалѣ 3 стран. онъ говоритъ, что во время чумы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ въ 1771 году, «внутри города, при церквахъ и монастыряхъ, было строго запрещено хоронить мертвыхъ», а въ концѣ той же страницы утверждаетъ, что «раскольники и чернь негодовали на учрежденіе карантиновъ... *на погребеніе мертвыхъ при церквахъ* и на прочія, коммиссіею учрежденныя распоряженія». Не говоримъ уже о томъ, что г. Ливановъ въ своемъ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» сталъ въ совершенное противорѣчіе съ тѣмъ, что̀ говорилъ въ двухъ первыхъ томахъ. Тамъ для уничтоженія раскола онъ требовалъ, между прочимъ, «религіозной и гражданской свободы» раскольникамъ (т. I, стр. 67—8), а здѣсь говоритъ, что правительство *никогда* не должно давать старообрядцамъ свободы вѣры и богослуженія (стр. 555); тамъ онъ утверждалъ, что преслѣдованія только усиливаютъ расколъ (т. I, 6, 7 и 14, снес. т. II, стр. 9 — 10), а здѣсь постоянно вооружаетъ власть противъ заблуждающихъ, замѣчая, что фанатическая религіозная ненависть раскольниковъ къ церкви и правительству есть «самая опасная въ минуты какихъ либо государственныхъ неурядицъ» (стр. 6) и что ученіе безпоповщины— «противно началамъ гражданскаго общества и монархическаго правленія» (стр. 155; снес. стр. 141 и 159). «Не слѣдуетъ давать усиливаться въ Россіи, говоритъ, между прочимъ, г. Ливановъ (стр. 399), раскольническимъ тузамъ милліонерамъ, потому что эти ловкіе плуты, ѣздящіе по Москвѣ въ каретахъ и принимающіе въ свои дворцы бѣглую іерархію, въ душѣ презирая ее, играютъ въ игру довольно подозрительнаго свойства... Покупка ими бѣглой за-

граничной мужичьей іерархіи, надѣлавшая столько хлопотъ правительству и стоившая стольких дипломатическихъ переписокъ съ австрійскимъ дворомъ, есть еще цвѣтки. Могутъ быть, при случаѣ, и ягодки». А если взять во вниманіе то, что г. Ливановъ держитъ такую рѣчь по поводу разсказа объ участіи раскольниковъ въ пугачевскомъ бунтѣ, то понятно будетъ, какими «ягодками» онъ стращаетъ правительство. Да этого не скрываетъ и самъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», замѣчая: «а что, если они (т. е. раскольники-милліонеры) милліоны, нажитые съ раскола, въ нехорошую годину предложатъ, если не Пугачевымъ, а кому нибудь половчѣе»? Можно бы, пожалуй, испугаться угрозъ г. Ливанова; но, какъ гласитъ народная пословица, страшенъ псарь, да милостивъ царь. Самъ же Ѳед. Вас. говоритъ (стр. 560), что когда въ прошлое десятилѣтіе лондонскіе агитаторы съ покойнымъ Герценомъ во главѣ обратились къ старообрядцамъ съ приглашеніемъ войти съ ними въ союзъ для государственнаго переворота въ Россіи, раскольники, по безцеремонному выраженію г. Ливанова, «лондонскихъ агитаторовъ оплевали»,—новое противорѣчіе Ѳед. Вас. самому себѣ. Вообще, читая третій томъ «Раскольниковъ и острожниковъ», невольно приходишь къ убѣжденію, что г. Ливановъ составляетъ свои «ученыя» изслѣдованія не только безъ заранѣе составленнаго плана и предварительной подготовки, но даже безъ малѣйшаго вниманія къ дѣлу во время самаго производства его. Иначе чѣмъ объяснить напр. то обстоятельство, что, перепечатывая чужіе труды, Ѳед. Вас. вноситъ иногда въ свой текстъ даже подстрочныя примѣчанія списываемыхъ имъ авторовъ,

не замѣчая того, что отъ подобной перестановки не выходитъ ничего, кромѣ безсмыслицы! Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, на 319 стр., внеся здѣсь въ текстъ слѣдующую цитату изъ сочиненія Н. И. Надеждина о скопцахъ (Кельсіев. вып. III, стр. 33): «рапортъ орловскаго вице-губернатора генералъ-прокурору Обольянинову отъ 26 декабря 1800 г. за № 4286, находящійся при дѣлѣ о скопцахъ орловской губерніи, производившемся по тайной экспедиціи и нынѣ хранящемся въ государственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ 1800, № 123». Точно также, при малѣйшемъ вниманіи къ дѣлу, развѣ могъ г. Ливановъ сослаться въ третьемъ томѣ (стр. 399) на предисловіе къ первому, котораго (предисловія) вовсе нѣтъ (по крайней мѣрѣ, при первомъ изданіи),— подробно опредѣлять мѣсто, гдѣ находится молоканское село «Тяглое озеро» (стр. 352), о которомъ уже была рѣчь въ первомъ (стр. 245) и во второмъ томѣ (стр. 417) «Раскольниковъ и острожниковъ»,—назвать нынѣ царствующаго Государя Императора Александромъ I (стр. 159),—мѣсяцъ августъ отнести къ числу осеннихъ (стр. 69) и под., или—правильныя чужія слова (Кельс. вып. IV, стр. 150) передать въ слѣдующихъ — болѣе, чѣмъ безсмысленныхъ, выраженіяхъ: «чтобы при такомъ поведеніи (рѣчь идетъ о развратѣ, такъ называемыхъ, раскольничьихъ дѣвокъ-келейницъ) имѣть вѣсъ въ обществѣ и вмѣстѣ принести подобающую жертву возлюбленному жениху своему, какъ онѣ называютъ Спасителя, по ученію котораго одинъ честный взоръ на жертву дѣлаетъ уже любодѣемъ, дѣвки читаютъ»... (стр. 510)? Если ко всему сказанному прибавить множество опечатокъ въ

книгѣ (стр. 116, 144, 347, 508 и др.), неточность цитатъ (стр. 316), невѣрность хронологическихъ данныхъ (стр. 315 и 339) и под., то вполнѣ станетъ ясно, сколько правды заключается въ увѣреніяхъ г. Ливанова относительно «стойкости и полезности» его изданій, которыми (увѣреніями) онъ началъ свой третій томъ (см. предисловіе), и какъ глубоко вѣрно и въ тоже время откровенно до наглости восклицаніе Ѳед. Вас.: «Русь, Русь! какъ ты еще глупа... и кто въ тебѣ не эксплуатируетъ невѣжество народное»,—восклицаніе, которымъ почти закончилъ (стр. 533) свой трудъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», уже рѣшившій въ умѣ выставить на оберткѣ: цѣна 2 руб. 85 коп., съ пересылкою 3 руб. 20 коп. А между тѣмъ читатель, смотря на приложенный ко второму тому «Раскольниковъ и острожниковъ» портретъ Ѳед. Вас. Ливанова, никакъ не могъ догадаться, что оригиналъ принадлежитъ къ породѣ тѣхъ «дѣльцовъ», которыхъ такъ искусно рисуетъ г. Боборыкинъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за настоящій годъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать слѣдующее. Буквально перепечатывая въ свой третій томъ чужіе труды и всячески стараясь скрыть отъ читателя это обстоятельство, ужели г. Ливановъ, употребимъ его собственную мысль (т. II. стр. 699), не сообразилъ того, что книги, которыя онъ обкрадываетъ, напечатаны и что, слѣдовательно, если не авторы ихъ, такъ по крайней мѣрѣ сторонніе лица, читавшія эти книги, могутъ уличить его по нимъ въ некрасивомъ поступкѣ? Въ предисловіи ко второму тому г. Ливановъ «ученое» достоинство своихъ изданій доказываетъ тѣмъ, что «для нихъ онъ прочиталъ не одну сотню

ученыхъ сочиненій, просмотрѣлъ не одну тысячу правительственныхъ дѣлъ, изъѣздилъ три части Россіи и слушалъ полный курсъ самыхъ высшихъ наукъ о всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, не только что о раскольникахъ русскихъ». Охотно вѣримъ всему этому; только утверждаемъ, что для написанія дѣльной книги по расколу, кромѣ указаннаго, нужно имѣть еще кое-что и свое собственное, именно, какъ говорятъ,—царя въ головѣ и честность... Новымъ доказательствомъ ученаго достоинства и «полезности» своихъ изданій г. Ливановъ считаетъ быструю распродажу своихъ книгъ (предисл. ко II и III томамъ). Дѣйствительно, «документальныя» изслѣдованія Өед. Вас., если вѣрить ему, расходятся замѣчательно быстро; но секретъ такого успѣха, по нашему мнѣнію, заключается не въ ученыхъ достоинствахъ трудовъ г. Ливанова, которыя отчасти мы указали выше, а въ особенномъ, замѣчательно ловко разсчитанномъ для извѣстныхъ цѣлей, отношеніи автора къ предмету своего изслѣдованія. Поставивъ главною задачею своихъ «документальныхъ» изслѣдованій—«печатное разоблаченіе дѣятельности коноводовъ раскольничьихъ, особливо современныхъ и нынѣ дѣйствующихъ» (т. I, стр. 260), г. Ливановъ понялъ подъ такимъ разоблаченіемъ не указаніе скрытной пропаганды раскольническихъ вожаковъ и тѣхъ сокровенныхъ путей, которыми они дѣйствуютъ на массы народа — даже православнаго, совращая его въ расколъ, а описаніе частной, домашней жизни и внѣшняго поведенія раскольниковъ-богачей, и сталъ повѣствовать, у кого напр. изъ нихъ находятся въ домахъ голыя статуи (т. I, стр. 379), кто изъ нихъ посѣщаетъ театръ и ходитъ за кулисы

(т. II, стр. 589), у кого происходятъ веселыя попойки вмѣстѣ съ учеными никоніанами (т. I, стр. 449; т. II, стр. 24—5 и 591), кто предается «грѣховному дѣлу» съ настоятельницами скитовъ и купчихами, покровительствующими расколу (т. II, стр. 20 и 26), кто, не смотря на свою «мордовскую физіономію и мышачьи глаза», имѣетъ содержанокъ — француженокъ (т. II, стр. 24—5, 593; т. III, стр. 483), которая изъ московскихъ «толстыхъ» купчихъ, «обхватывая сзади своими жирными руками» совершающаго богослуженіе раскольничьяго архіерея, кричитъ: «погоди маленько! у тебя омофоръ криво на плечахъ сидитъ», и тутъ же, вынувъ изъ-за пазухи нѣсколько булавокъ, начинаетъ «прикалывать ими архіерейскій омофоръ, какъ будто женскую юбку у себя въ спальнѣ» (т. III, стр. 532), а которая, величаясь «адамантомъ благочестія», въ тоже время одѣвается въ шляпку послѣдняго фасона и носитъ палевыя перчатки (т. I, стр. 242 — 3) и проч. и проч. Съ другой стороны, признавая необходимымъ вѣшать раскольничьихъ вожаковъ (т. II, стр. 593) и карать безъ милосердія (т. III, стр. 484), или по крайней мѣрѣ—не выбирать ихъ въ общественныя должности (т. III, стр. 399 и 404), не награждать медалями (т. I, стр. 385), не принимать отъ нихъ пожертвованій (т. III, стр. 118) и проч., г. Ливановъ не только всячески старается вооружить противъ нихъ правительство, но, чтобы дать ему возможность отыскать раскольничьихъ коноводовъ, указываетъ даже самыя имена ихъ, съ обозначеніемъ, кто изъ нихъ покупалъ раскольничью іерархію въ Австріи (т. I, стр. 373), у кого нынѣ главный притонъ всѣхъ бѣглыхъ раскольничьихъ поповъ и архіереевъ (т. II, стр.

47, 124—5, снес. т. I, стр. 242), въ чьихъ домахъ эти самозванцы отправляютъ богослуженіе въ настоящее время (т. I, стр. 389, 448—9; т. III, стр. 531), у кого собираются раскольничьи соборы (т. II, стр. 441), кто составляетъ фальшивыя бумаги и поддѣлываетъ печати (т. II, стр. 251, 447—8), у кого на чердакѣ имѣются лавки, въ которыхъ производится торговля раскольничьими книгами (т. II, стр. 476), кто имѣетъ въ своихъ садахъ мужскіе и женскіе раскольничьи монастыри (т. II, стр. 131) у кого находятся раскольничьи и скопческія фотографіи (т. I, стр. 256; т. III, стр. 564), кто, бывши опекуномъ, опозорилъ своихъ питомицъ, родныхъ сестеръ, и послѣ бросилъ ихъ (т. I, стр. 244), кто даже сжегъ свою родную сестру за уклоненіе ея отъ ереси (т. III, стр. 543—4) и проч. и проч. Нѣтъ нужды говорить, что сочиненія, написанныя въ такомъ духѣ, всегда будутъ имѣть успѣхъ и быстро раскупаться—не для чтенія, а для уничтоженія—тѣми самыми милліонерами, частная жизнь которыхъ «печатно разоблачается» въ нихъ. Наконецъ г. Ливановъ въ предисловіи ко второму тому заявилъ, что, «слѣдуя системѣ англійскихъ и американскихъ публицистовъ», онъ всѣ «невѣжественныя выходки противъ него будетъ заносить на печатныя страницы своихъ изданій подъ особою рубрикой, совершенно необязательной для чтенія публики, какъ «знаменіе времени»,—для того, чтобы послѣдующіе изслѣдователи раскола и сектъ русскихъ могли видѣть наглядно, при какихъ обстоятельствахъ появились изданія» Ѳед. Вас., «въ которыхъ смѣло и безбоязненно, на основаніи неопровержимыхъ источниковъ, раздавался *первый* печатный голосъ противъ двухсотвѣковой (?) тьмы

религіозной и невѣжества своекорыстныхъ предводителей темной десятимилліонной массы русскаго народа». Мы не смѣемъ надѣяться, чтобы г. Ливановъ не призналъ нашихъ замѣтокъ «невѣжественной выходкой противъ него», и потому не только позволяемъ ему занести наши замѣтки на страницы четвертаго тома «Раскольниковъ и острожниковъ», который онъ обѣщаетъ почтеннѣйшей публикѣ (стр. 527), но даже просимъ его объ этомъ. Исполненіемъ нашей просьбы г. Ливановъ исполнитъ свой долгъ, пріобрѣтетъ нѣсколько даровыхъ листовъ для своего будущаго изданія и, кромѣ того, дастъ намъ возможность легче достигнуть цѣли, которую мы имѣли въ виду при составленіи своихъ замѣтокъ, т. е. предохранить невѣжество народное, о которомъ, повидимому, такъ соболѣзнуетъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», отъ недобросовѣстной эксплуатаціи невѣжества г. Ливанова, который, предполагая въ другихъ неспособность отличить ѳедосѣевца отъ поморца (пред. ко II т., стр. 11), самъ заставляетъ раскольничьяго попа, или даже архіерея, *крестить* переходящаго въ ихъ секту (т. II, стр. 14—15), т. е. не умѣетъ отличить поповца отъ безпоповца.

N. N.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Внутреннее обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 741-760.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Духовно-судебная реформа. Мѣропріятія относительно улучшенія учебно-воспитательной части въ духовныхъ училищахъ и устройства ученическихъ библіотекъ. Благотворительныя братства для вспоможенія бѣднымъ ученикамъ духовныхъ училищъ и семинарій въ Москвѣ и Орлѣ. Предположеніе объ учрежденіи вспомогательныхъ ссудныхъ кассъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Постановленія рязанскаго епархіальнаго съѣзда объ учрежденіи при училищѣ V класса и вспомоществованіи бѣднымъ ученикамъ семинаріи. Распоряженіе главнаго присутствія по дѣламъ духовенства, относительно ходатайствъ о сохраненіи самостоятельности за приписными церквами. Неисполненіе крестьянскими обществами приговоровъ своихъ объ обезпеченіи причтовъ въ епархіяхъ нижегородской и таврической. Вопросъ о покупкѣ домовъ духовенства въ московской епархіи. Открытіе начальнаго училища при ставропольскомъ архіерейскомъ домѣ. Распоряженіе владимірскаго епархіальнаго начальства о діаконахъ. Засѣданіе петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія 22-го октября. Присоединеніе къ православію уніатскаго священника о. Владиміра Терлецкаго.

Работы коммиссіи по составленію проекта духовно-судебной реформы еще не окончены и могутъ быть представлены въ Святѣйшій Синодъ не ранѣе новаго года. Тѣмъ не менѣе появившіяся въ газетѣ «Голосъ» (№ 203) главныя основанія проекта коммиссіи вѣрны, и если еще могутъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, то развѣ въ какихъ нибудь не существенныхъ частностяхъ, такъ какъ главныя основанія проекта, сколько намъ извѣстно, уже приняты окончательно. Основанія эти, по свѣдѣніямъ означенной газеты, заключаются въ слѣдующемъ.

Главный вопросъ объ отдѣленіи духовно-судебной власти отъ прочихъ видовъ власти духовной рѣшенъ въ смыслѣ

положительномъ, т. е. участіе административной власти въ судѣ устранено. Духовно-судебная власть сосредоточивается въ лицѣ духовныхъ судей. въ духовно-окружныхъ судахъ, судебномъ отдѣленіи и общемъ собраніи Святѣйшаго Синода на основаніяхъ, изложенныхъ нами въ декабрской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» 1871 года. Духовные судьи избираются всѣми священно и церковно-служителями и представителями отъ приходовъ и утверждаются епархіальнымъ архіереемъ. Председатели окружныхъ судовъ — изъ лицъ архіерейскаго сана—назначаются Высочайшею властію, по представленію Святѣйшаго Синода. Члены суда отъ каждой епархіи также подлежатъ избранію и, подобно духовнымъ судьямъ, утверждаются епархіальною властію. Судебное отдѣленіе Святѣйшаго Синода состоитъ изъ первоприсутствующаго архіерея и членовъ, которыхъ двѣ трети полагаются изъ архіерейскаго сана и одна треть изъ пресвитеровъ. Общее собраніе Святѣйшаго Синода учреждается для разсмотрѣнія дѣлъ по жалобамъ на приговоръ судебнаго отдѣленія Синода и для суда надъ членами и присутствующими въ Святѣйшемъ Синодѣ. Дѣла разсматриваются не болѣе, какъ въ двухъ духовно-судебныхъ инстанціяхъ, и приговоръ второй инстанціи, считаясь окончательнымъ, не подлежитъ новому обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ. Судебныя засѣданія происходятъ публично. Надзоръ за духовно-судебными установленіями и должностными лицами, за исключеніемъ чиновъ прокурорскаго надзора, принадлежитъ высшимъ, въ порядкѣ подчиненности, судебнымъ мѣстамъ; общій же надзоръ сосредоточивается въ лицѣ оберъ прокурора Святѣйшаго Синода; отъ него зависитъ назначеніе прокуроровъ и товарищей ихъ (изъ гражданскихъ чиновъ), состоящихъ подъ его надзоромъ. Власть обвинительная отдѣляется отъ судебной и принадлежитъ у духовныхъ судей — духовному начальству и частнымъ лицамъ, а въ духовно-окружныхъ судахъ, въ судебномъ отдѣленіи и общемъ собраніи Святѣйшаго Синода – прокурорскому надзору и частнымъ лицамъ. Власть судебная принадлежитъ судамъ, безъ участія представителей администраціи. Духовное начальство

получаетъ впрочемъ право, наравнѣ съ лицомъ, подавшимъ жалобу, и обвиняемымъ, присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, представлять доказательства и отводить свидѣтелей. Въ тоже время, въ дѣлѣ преданія суду, епархіальная власть получаетъ немаловажное значеніе. Въ томъ случаѣ, когда прокуроръ не признаетъ справедливымъ предать суду обвиняемаго, онъ представляетъ на утвержденіе епархіальной власти свое заключеніе, вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ; разсмотрѣвъ дѣло, архіерей можетъ сдѣлать свое постановленіе, относительно измѣненія обвинительнаго акта, или прекращенія дѣла. Если же постановленіе архіерея не согласно съ заключеніемъ прокурора о преданіи суду, то оно получаетъ также форму обвинительнаго акта и предлагается прокуроромъ духовно-окружному суду. Такимъ образомъ въ духовно-окружныхъ судахъ, дѣла начинаются по обвинительнымъ актамъ прокурора, или по постановленіямъ архіерея, предлагаемымъ суду прокуроромъ.

Считаемъ не излишнимъ прибавить, что свѣдѣнія о духовно-судебной реформѣ, сообщенныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 245), съ подробнымъ обозначеніемъ духовно-судебныхъ округовъ и входящихъ въ составъ ихъ епархій, и перепечатанныя почти во всѣхъ газетахъ и во многихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, лишены всякаго основанія.

Въ сферѣ правительственныхъ распоряженій укажемъ на два журнала учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, касающіеся духовно-учебныхъ заведеній и утвержденные Святѣйшимъ Синодомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года.

Первое изъ этихъ двухъ мѣропріятій относится къ улучшенію учебно-воспитательной части въ духовныхъ училищахъ. Изъ отчетовъ ревизоровъ видно, что духовныя училища, осмотрѣнныя въ 1871 году, находятся въ болѣе или менѣе неудовлетворительномъ положеніи. Недостатки, замѣченные почти во всѣхъ училищахъ, касаются преимущественно учебной части и состоятъ въ неправильныхъ пріемахъ преподаванія, въ недостаточномъ надзорѣ за ходомъ обученія и въ отсутствіи общихъ для всѣхъ преподавате-

лей пріемахъ наблюденія за успѣшностію учениковъ, слѣдствіемъ чего является почти общая малоуспѣшность училищныхъ воспитанниковъ, ненадлежащая подготовка ихъ въ старшіе классы и въ семинарію, а также и недостаточное ихъ развитіе. Поведеніе воспитанниковъ нѣсколько лучше успѣховъ ихъ, хотя тоже не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ и не заслуживающихъ одобренія привычекъ. Въ видахъ благоустроенія училищъ, учебный комитетъ установилъ слѣдующія правила: 1) опредѣлять въ должности начальниковъ и учащихъ въ училищахъ лицъ, соотвѣтствующихъ по своему образованію и педагогическимъ способностямъ требованіямъ новаго устава; 2) избрать ревизоровъ для духовныхъ училищъ, и на основаніи какъ ихъ отчетовъ по ревизіямъ, такъ и отвѣтовъ училищныхъ воспитанниковъ на пріемныхъ экзаменахъ въ семинаріяхъ, принять мѣры къ болѣе правильному и успѣшному развитію учебно-воспитательной дѣятельности духовныхъ училищъ; 3) подтвердить смотрителямъ о неуклонномъ наблюденіи за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла, сообразно съ требованіями устава; 4) требовать отъ каждаго преподавателя записки, съ изложеніемъ взгляда его на обученіе и того, какъ ведутся каждымъ изъ нихъ классныя занятія; эти заявленія должны быть обсуждены училищнымъ правленіемъ, затѣмъ доставлены для обсужденія семинарскому правленію, и, по утвержденіи епархіальною властію, должны быть обязательны для каждаго преподавателя, какъ руководительныя начала въ его дѣятельности; и 5) расположить духовенство училищныхъ округовъ къ изысканію средствъ для открытія приготовительныхъ классовъ въ духовныхъ училищахъ, столь необходимыхъ для правильнаго веденія учебнаго дѣла въ послѣдующихъ классахъ, и къ учрежденію должности надзирателей за учениками для усиленія воспитательнаго надзора, а также къ устройству общежитій и улучшенію быта воспитанниковъ, живущихъ на вольнонаемныхъ квартирахъ.

Другое распоряженіе духовнаго начальства касается устройства ученическихъ библіотекъ. Ревизорами замѣчено, что ученики семинарій и училищъ нерѣдко читаютъ книги

не соотвѣтствующія ни возрасту, ни понятіямъ ихъ, ни вообще цѣлямъ духовнаго обученія и воспитанія; что начальствующіе и учащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ своей стороны не обращаютъ должнаго вниманія на этотъ предметъ и выписываютъ иногда для ученическихъ библіотекъ книги, не ознакомившись предварительно съ содержаніемъ и направленіемъ ихъ. Для предупрежденія подобныхъ неправильностей, учебный комитетъ призналъ нужнымъ постановить слѣдующія правила: 1) чтобы имѣющіяся въ ученическихъ библіотекахъ книги были вновь пересмотрѣны наставниками; 2) чтобы впредь выписываемыя книги поступали въ эти библіотеки не иначе, какъ по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи и по утвержденной начальствомъ рекомендаціи со стороны наставниковъ, каждаго по своему предмету, и чтобы вообще въ ученическія библіотеки не поступали книги, содержаніе которыхъ неизвѣстно начальствующимъ лицамъ и наставникамъ; 3) чтобы наставники пріучали учениковъ (особенно въ училищахъ) къ чтенію серьезныхъ книгъ, практически наставляя читать скоро и внимательно и удостовѣряясь, правильно ли поняты встрѣчающіяся въ книгахъ отвлеченныя и менѣе понятныя слова, нерѣдко по привычкѣ пропускаемыя учениками; чтобы при объясненіяхъ извѣстныхъ отдѣловъ науки рекомендовали ученикамъ читать тѣ или другія статьи, относящіяся къ объясняемому предмету; при репетиціяхъ же, особенно общихъ, испытывали учениковъ въ томъ, прочитана ли ими и какъ прочитана указанная статья; при чемъ семинарскія и училищныя начальства могутъ рекомендовать воспитанникамъ, при чтеніи книгъ, вносить въ заведенныя для того тетради что-либо особенно замѣчательное, какъ по мысли, такъ и по изложенію; 4) чтобы въ часы обязательныхъ чтеній, по выученіи назначенныхъ къ слѣдующему дню уроковъ, ученики читали книги, относящіяся или къ этимъ урокамъ, или къ даннымъ для упражненія въ сочиненіи темамъ; въ свободное же отъ обязательныхъ занятій время ученики могутъ читать и другія книги изъ ученической библіотеки, или, по рекомендаціи начальства и наставниковъ, и изъ

фундаментальной; наконецъ 5) посѣщеніе учениками частныхъ библіотекъ, а равно и полученіе книгъ изъ оныхъ, дозволяется только съ разрѣшенія инспектора.

Незавидное матеріальное положеніе учениковъ духовно-учебныхъ заведеній послужило для нѣкоторыхъ благотворительныхъ лицъ поводомъ къ изысканію особыхъ средствъ для возможнаго улучшенія этого положенія. Съ этою цѣлію въ городахъ Москвѣ и Орлѣ учреждены благотворительныя братства, имѣющія въ виду оказывать вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ. Въ Москвѣ уже семь лѣтъ существуетъ учрежденное съ этою цѣлію братство св. Николая. 15-го октября текущаго года оно вступило въ восьмой годъ своего существованія. Изъ прочитаннаго въ общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго митрополита московскаго Иннокентія, отчета видно, что приходъ суммъ этого братства за 1871—72 годъ простирался до 6,777 руб. 47 коп., что съ остаткомъ отъ предыдущаго года въ 30,438 руб. 23 коп., составило сумму 37,274 руб. 70 коп. Братскій расходъ въ минувшемъ году простирался до 4,758 руб. 1 коп.; въ остаткѣ къ 8-му году существованія братства состоитъ капиталъ въ 32,517 руб. 69 коп. Благотворительная дѣятельность братства простиралась, какъ и въ предыдущіе годы, на Ризположенскій пріютъ, на училища епархіи и на обѣ семинаріи. Въ пріютѣ пользовались полнымъ обезпеченіемъ 14 человѣкъ. Въ училищахъ постоянными и единовременными пособіями въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ пользовались 81 человѣкъ, въ семинаріяхъ 57 человѣкъ. Итого на попеченіи братства въ минувшемъ году состояло 152 бѣдныхъ ученика. Съ настоящаго учебнаго года, членъ братства С. М. Забѣлинъ учреждаетъ при братствѣ три стипендіи, подъ названіемъ Забѣлинскихъ, которыя и будутъ предоставлены бѣднѣйшимъ и лучшимъ по успѣхамъ и поведенію ученикамъ; для обезпеченія этихъ стипендій г. Забѣлинымъ внесенъ уже капиталъ въ 3,000 руб.

Гораздо скромнѣе средства благотворительнаго братства, учрежденнаго при орловской семинарской церкви. Братство это 5-го декабря сего года также вступаетъ въ 8-й годъ

своего существованія. По примѣру предшествующихъ лѣтъ, средства орловскаго братства состояли изъ добровольныхъ пожертвованій лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. Въ 1871 году на приходъ поступило 575 руб. 90 коп., больше предшествующаго года на 35 руб. Пожертвованія, кромѣ обыкновенныхъ членскихъ взносовъ, собраны главнымъ образомъ чрезъ пригласительные листы на имя благочинныхъ орловской епархіи. Но такъ какъ въ предшествующее время нѣкоторые благочинные или совсѣмъ не принимали участія въ улучшеніи братскихъ средствъ, или принимали въ немъ лишь незначительное участіе, то совѣтъ братства призналъ нужнымъ обратиться съ воззваніемъ къ нѣкоторымъ почетнымъ иноепархіальнымъ особамъ, а также къ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей мѣстной епархіи. и пригласилъ къ содѣйствію въ улучшеніи средствъ братства тѣхъ благочинныхъ, которые въ 1870 году не представили никакихъ сборовъ, объявивъ въ тоже время чрезъ мѣстныя епархіальныя вѣдомости признательность тѣмъ изъ благочинныхъ, которые въ 1870 году, сравнительно съ другими, представили большіе сборы пожертвованій: такими мѣрами пріобрѣтены новые благотворители и сотрудники, а прежніе сотрудники заявили себя болѣе ревностными дѣятелями. Собранныя пожертвованія, по журнальнымъ опредѣленіямъ братства, были выдаваемы бѣднымъ воспитанникамъ семинаріи и училищъ подъ ихъ собственноручныя росписки, въ установленные для сего сроки. Хотя братскія средства, по уставу, назначались собственно на улучшеніе средствъ содержанія бѣдныхъ духовныхъ воспитанниковъ — съ выдачею имъ пособій въ установленные сроки; но братство не оставляло ихъ своимъ вниманіемъ во всякое время. Оно выдавало пособіе бѣднымъ ученикамъ на дорогу, при отправленіи въ домы родителей или родственниковъ, и помогало нѣкоторымъ воспитанникамъ при отправленіи ихъ въ высшія учебныя заведенія. Правда, пособія, назначавшіяся въ отчетномъ году, сообразно съ средствами братства, были не велики (отъ 30 коп. до 4 руб.); тѣмъ не менѣе, по словамъ отчета, и этими пособіями значи-

тельно облегчалось трудное положеніе бѣдныхъ воспитанниковъ въ ихъ содержаніи.

Въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», для вспомоществованія бѣднѣйшимъ изъ своекоштныхъ воспитанниковъ, предлагается учредить, впредь до сбора достаточнаго капитала на устройство общежитій для такихъ воспитанниковъ, вспомогательныя ссудныя кассы при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, привлечь къ надзору за живущими на квартирахъ воспитанниками членовъ отъ духовенства и имъ же поручить какъ управленіе этою кассою, такъ и направленіе ея къ дѣйствительному улучшенію запутанныхъ хозяйственныхъ обстоятельствъ учениковъ. Учрежденіе подобной кассы, по мнѣнію редакціи курскихъ вѣдомостей, избавило бы своекоштныхъ воспитанниковъ отъ необходимости иногда занимать деньги за проценты; несостоятельныхъ отцовъ, не имѣющихъ возможности во время достать денегъ для отправленія дѣтей въ школу, избавило бы отъ необходимости задерживать дѣтей дома, предлагая за умѣренные проценты готовыя деньги, а состоятельнымъ родителямъ дало бы возможность не давать на руки дѣтямъ большаго запаса денегъ на случай нужды и тѣмъ доводить ихъ до баловства, такъ какъ для всякой непредвидѣнной нужды всегда и для ихъ дѣтей найдется ссуда въ этой кассѣ. Польза учрежденія подобныхъ кассъ видна уже изъ того, что при нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ напр. при донской семинаріи, такія кассы составлялись одними средствами самихъ же воспитанниковъ, желавшихъ обезопасить себя отъ займовъ за проценты, и если кассы эти запрещены особымъ указомъ, то, какъ видно изъ самаго указа, единственно потому, что, находясь въ неопытныхъ рукахъ воспитанниковъ, онѣ только отвлекали послѣднихъ отъ главнаго ихъ дѣла. Находясь же въ рукахъ членовъ отъ духовенства и будучи исключительно ими управляемы, онѣ были бы очень полезны для духовно-учебныхъ заведеній. Члены отъ духовенства могутъ стать въ ближайшія отношенія къ быту и нуждамъ учениковъ, посѣщая ихъ квартиры и получая отъ родителей ихъ подробныя и откро-

венныя свѣдѣнія о средствахъ, съ которыми родители отправляютъ въ училища своихъ дѣтей. Тогда и воспитанники откровенно будутъ объяснять завѣдующимъ кассою свои обстоятельства и причины ихъ ухудшенія; да наконецъ, и квартирные хозяева, привыкшіе на всѣ вопросы отцовъ и начальниковъ о квартирантахъ говорить, что все обстоитъ благополучно, будутъ откровеннѣе съ членами духовенства, въ надеждѣ, что находящаяся въ рукахъ послѣднихъ ссудная касса можетъ положить конецъ и ихъ собственнымъ счетамъ съ квартирантами. При такой постановкѣ дѣла, члены отъ духовенства при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, по словамъ упомянутыхъ вѣдомостей, были бы истинными представителями отцовъ и защитниками ихъ интересовъ. На сколько приведенныя соображенія окажутся удобопримѣнимыми въ практикѣ, можетъ показать, конечно, одинъ лишь опытъ. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ согласиться, что, на первый взглядъ, въ этой мысли нѣтъ ничего опрометчиваго и несбыточнаго.

Въ засѣданіи рязанскаго епархіальнаго съѣзда 2-го сентября былъ, между прочимъ, подвергнутъ обсужденію и баллотировкѣ вопросъ объ открытіи въ настоящемъ учебномъ 1872—73 году при рязанскомъ училищѣ V класса. Послѣ продолжительныхъ преній, большинствомъ голосовъ было рѣшено открыть такой классъ на точныхъ основаніяхъ указа Святѣйшаго Синода, назначивъ на содержаніе класса потребную сумму изъ средствъ общеепархіальныхъ, но при томъ условіи, если желающихъ учиться въ этомъ классѣ окажется не менѣе 20-ти человѣкъ, на каковой предметъ отчислить въ распоряженіе рязанскаго училища 1,900 р. Относительно же введенія въ программу училищнаго образованія новѣйшихъ языковъ, съѣздъ нашелъ для себя затруднительнымъ окончательное рѣшеніе этого вопроса, по той причинѣ, что съ одной стороны введеніе этихъ языковъ въ программу въ одномъ какомъ либо училищѣ на общеепархіальныя суммы было бы несправедливо, а во всѣхъ семи училищахъ рязанской епархіи потребовало бы значительной затраты капитала, не имѣющагося въ настоящее время въ распоря-

женіи епархіальнаго духовенства; съ другой стороны съѣзду неизвѣстно, найдутся ли въ уѣздныхъ городахъ такія лица, которымъ можно было бы ввѣрить преподаваніе новѣйшихъ языковъ въ училищахъ, а потому съѣздъ положилъ, чтобы для открытія классовъ новѣйшихъ языковъ окружные училищные съѣзды изыскали мѣстныя средства, независимо отъ епархіальныхъ, и сами озаботились пріисканіемъ способныхъ преподавателей этихъ языковъ. Преосвященный положилъ на журналѣ съѣзда по сему предмету слѣдующую резолюцію: «объ открытіи V класса при рязанскомъ училищѣ доложить, когда дѣйствительно не менѣе 20 учениковъ заявятъ желаніе поступить въ оный. Опасаться значительной затраты капитала при введеніи новыхъ языковъ въ програму училищнаго образованія не слѣдуетъ, и сумму, какая на это потребуется, можно брать изъ готоваго источника—изъ остатковъ копѣечнаго сбора на дополнительные параллельные классы при семинаріи. Остается поручить всѣмъ правленіямъ училищъ поискать учителей, и, гдѣ таковые найдутся, немедленно увѣдомить председателя епархіальнаго съѣзда, для дальнѣйшаго распоряженія».

Въ послѣднемъ засѣданіи рязанскаго епархіальнаго съѣзда председатель заявилъ, что въ прошломъ 1871-72 учебномъ году ученики епархіальныхъ классовъ предъявляли ему свои нужды какъ относительно недостатка учебныхъ принадлежностей, такъ и относительно своихъ собственныхъ надобностей, въ особенности къ концу года, потому что для нѣкоторыхъ изъ самыхъ бѣдныхъ учениковъ положеннаго съѣздомъ пособія оказалось, дѣйствительно, совершенно недостаточно,— вслѣдствіе чего они терпѣли нужду въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ въ содержаніи себя; между тѣмъ на вспоможеніе таковымъ ученикамъ, сверхъ назначеннаго, не были уполномочены ни правленіе семинаріи, ни председатель съѣзда, хотя назначенная съѣздомъ сумма, въ количествѣ 290 руб. на непредвидѣнные расходы, осталась совершенно свободною. По обсужденіи этого заявленія, съѣздъ нашелъ его заслуживающимъ уваженія и постановилъ: кромѣ назначенныхъ 1,500 руб. въ пособіе бѣднымъ

ученикамъ какъ епархіальныхъ, такъ и другихъ классовъ семинаріи, не имѣющимъ права пользоваться казеннымъ содержаніемъ по штату,—изъ остаточныхъ суммъ, хранящихся въ правленіи семинаріи, отчислить 500 руб. собственно на имѣющія открыться нужды воспитанниковъ епархіальныхъ классовъ, предоставивъ выдачу таковыхъ денегъ предсѣдателю съѣзда съ членами правленія отъ духовенства, по ихъ усмотрѣнію и по надлежащемъ сношеніи съ правленіемъ.

Распоряженіе правительства о сокращеніи причтовъ и уменьшеніи количества приходовъ вызвало, какъ извѣстно, во многихъ епархіяхъ желаніе со стороны нѣкоторыхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ сохранить по прежнему, въ качествѣ самостоятельныхъ церквей съ отдѣльными при нихъ причтами, такія приходскія церкви, которыя, по малочисленности прихожанъ и скудному содержанію причтовъ, признано необходимымъ закрыть. Желаніе это, вполнѣ достойное уваженія въ сущности, тѣмъ не менѣе можетъ быть удовлетворяемо только съ крайнею осмотрительностію. Въ виду этого, главное присутствіе по дѣламъ духовенства постановило непремѣннымъ правиломъ, чтобы подобныя ходатайства принимались только тогда, когда прихожане представятъ за подписью $^2/_3$ прихожанъ приговоры о томъ, что необходимое содержаніе причту будетъ вноситься въ смѣту мірскихъ расходовъ и будетъ выдаваться священно и церковнослужителямъ безнедоимочно, по соглашенію, или по истеченіи каждаго мѣсяца, или по третямъ года. Нормой обезпеченія причтовъ въ малолюдныхъ приходахъ, какъ слышно, принять ежегодный взносъ на содержаніе священника 500 руб. и псаломщика 200 руб. Этимъ взносомъ предположено устранить особое вознагражденіе причтовъ за обязательныя требы, каковы: крещеніе, причащеніе, елеосвященіе, бракъ и погребеніе.

Подобное распоряженіе является крайне необходимымъ въ виду того, что даже и при постановленіи приговоровъ тѣмъ или другимъ обществомъ приговоры эти нерѣдко не исполняются. Мы сообщали въ свое время, что нижегородское присутствіе по дѣламъ духовенства постановило: вмѣ-

сто добровольныхъ доходовъ отъ крестьянъ, пользоваться духовенству обязательнымъ отъ крестьянъ денежнымъ взносомъ, который былъ бы если не болѣе, то по крайней мѣрѣ не менѣе дохода, получаемаго духовенствомъ въ настоящее время. Корреспонденціи изъ нижегородской губерніи извѣщаютъ однако же, что крестьяне уклоняются отъ подобныхъ взносовъ, или предлагаютъ духовенству вознагражденіе, меньшее нынѣ получаемыхъ доходовъ. Наконецъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ положено опредѣленное жалованье духовенству отъ обществъ, крестьяне нерѣдко оказываются крайне неисправными въ выполненіи своихъ собственныхъ приговоровъ, затягиваютъ сборы, а въ нѣкоторыхъ селахъ и вовсе не собираютъ положеннаго духовенству жалованья.

Неисполненіе крестьянами своихъ собственныхъ приговоровъ относительно обезпеченія причтовъ, между прочимъ, замѣчено въ таврической епархіи. Вотъ что сообщается по этому предмету въ одномъ постановленіи мѣстнаго епархіальнаго начальства: при испрошеніи разрѣшенія на постройку въ селеніяхъ церквей, съ образованіемъ при нихъ особыхъ приходовъ, обыкновенно представляется обязательство—устроить для причта дома, давать ему опредѣленное содержаніе и отмежевать узаконенное количество церковной земли. Въ виду различныхъ, болѣе или менѣе законныхъ, препятствій къ своевременному исполненію этихъ обязательствъ и склоняясь къ усердной просьбѣ строителей церквей, епархіальное начальство назначало къ нимъ причты прежде формальнаго отмежеванія церковной земли и устройства домовъ, будучи увѣрено, что прихожане не замедлятъ исполненіемъ своихъ обязательствъ по этому предмету, законнымъ образомъ составленныхъ. Однако же опытъ показалъ, что такое довѣріе епархіальнаго начальства къ приходскимъ обществамъ нѣкоторыя изъ нихъ далеко не оправдываютъ. Во многихъ новооткрываемыхъ приходахъ, какъ только прибывалъ причтъ къ мѣсту своего назначенія, прихожане, подъ разными предлогами, то медлили удовлетворять его положеннымъ отъ себя жалованьемъ, то удерживались отъ отвода церковной земли, а нѣкоторые даже отмежеванную формальнымъ порядкомъ

землю покушались уменьшить или отвести въ другомъ мѣстѣ, менѣе удобномъ. Были примѣры, что нѣкоторые изъ прихожанъ, даже старинныхъ приходовъ, обращались то въ губернское присутствіе по обезпеченію духовенства, то къ епархіальному начальству съ просьбою объ уменьшеніи положеннаго отъ нихъ приходскимъ причтамъ содержанія и давно отведенной земли. Такія уклоненія отъ своихъ собственныхъ обѣщаній иногда происходятъ отъ невѣдѣнія изданныхъ на этотъ предметъ законовъ, а иногда по внушенію людей, находящихъ личную выгоду въ разладѣ прихожанъ съ причтомъ. Вредныя послѣдствія отъ того очевидны. Возникаютъ взаимное недовѣріе и нерасположеніе между прихожанами и причтомъ, взаимныя пререканія и жалобы, доносы и по доносамъ разбирательства, оканчивающіяся иногда непріятными послѣдствіями то для прихожанъ, то для причта, а иногда для той и другой стороны вмѣстѣ. Для того, чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ нестроеніямъ, епархіальное начальство опубликовало въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ относящіяся къ сему узаконенія, для точнаго и неуклоннаго исполненія ихъ подлежащими лицами и обществами.

Устройство домовъ для приходскаго духовенства составляетъ одно изъ важныхъ условій его благосостоянія. Поэтому вездѣ, гдѣ идетъ вопросъ о возможномъ улучшеніи быта причтовъ, пріобрѣтеніе помѣщеній для нихъ составляетъ предметъ заботъ и попеченій духовенства. Въ московской епархіи, высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій обратилъ особенное на этотъ предметъ вниманіе. По мысли его высокопреосвященства, какъ пишутъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, предположено было скупить въ собственность церквей всѣ дома, какіе находятся во владѣніи священно и церковнослужителей московскихъ. Для этого имѣлось въ виду употребить церковныя суммы или обратиться къ прихожанамъ, не пожелаютъ ли они дать заимообразно, за умѣренные проценты, собственныя суммы на покупку домовъ причта; найдено было возможнымъ выдать заимообразно, для той же цѣли, изъ суммъ московской

каѳедры. Отъ всѣхъ причтовъ затребованы были свѣдѣнія: желаютъ ли они продать свои дома, за какую сумму, гдѣ можно занять ее, если нѣтъ въ церкви, и въ какой срокъ она можетъ возвратиться къ своему источнику. Равнымъ образомъ спрошены старосты церковные: въ какомъ состояніи находятся дома духовныхъ лицъ, желающихъ продать ихъ въ церковь; сколько денегъ потребуется на поправку ихъ; сколько денегъ нужно на покупку ихъ и есть ли достаточная для этого сумма и т. д. Изъ данныхъ на эти вопросы отвѣтовъ оказалось, что при нѣкоторыхъ церквахъ вовсе не оказалось никакой суммы или оказалось слишкомъ мало; въ иныхъ церковная сумма оказывалась нужною церкви для разныхъ почпнокъ и построекъ; арендныхъ денегъ при нѣкоторыхъ церквахъ не оказалось вовсе, при другихъ было ихъ такъ мало, что занятая на покупку домовъ сумма могла покрыться изъ этихъ денегъ очень нескоро; притомъ арендныя деньги также шли на содержаніе самой церкви, по недостатку кружечнаго и кошельковаго сбора. Наконецъ нѣкоторые служители церкви сами не пожелали продать свои дома въ собственность церкви. Такимъ образомъ, благая мысль архипастыря не могла быть окончательно приведена въ исполненіе, и только по мѣстамъ совершается частная покупка причтовыхъ домовъ въ пользу церкви, а предположеніе о покупкѣ одновременно всѣхъ домовъ совершенно оставлено.

Заботливость духовенства объ образованіи народа, выражающаяся между прочимъ въ открытіи церковно-приходскихъ школъ, въ недавнее время, нашла себѣ примѣненіе въ слѣдующемъ, не бываломъ еще и потому заслуживающемъ особеннаго вниманія, фактѣ. Преосвященный Германъ, епископъ кавказскій и екатеринодарскій, открылъ на собственный счетъ, при своёмъ архіерейскомъ домѣ въ Ставрополѣ, мужское начальное училище, поставленное самимъ учредителемъ подъ ближайшее наблюденіе и руководство инспектора народныхъ училищъ ставропольской губерніи. Училище предположено было открыть 30-го августа, а ученіе въ немъ начать 1-го сентября сего года. Курсъ училища со-

отвѣтствуетъ курсу правильнаго одноклассяаго училища. Въ него принимаются дѣти православныхъ родителей, безъ различія званія и состоянія, въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ. Пріемъ будетъ производиться каждогодно, въ одно опредѣленное время, именно съ 20 по 30 августа.

Во владимірской епархіи послѣдовало слѣдующее распоряженіе епархіальнаго начальства о діаконахъ. До епархіальнаго начальства неоднократно доходили слухи и жалобы о малой заботливости діаконовъ помогать, при служеніи, причетникамъ въ отправленіи сими послѣдними своихъ обязанностей. Вслѣдствіе этого, епархіальное начальство признало необходимымъ предписать, чтобы всѣ отцы діаконы свое діаконское достоинство доказывали честною, достойною священнослужителя жизнію, благочестивымъ и усерднымъ служеніемъ, а не однимъ возглашеніемъ эктеній и уклоненіемъ отъ должности чтеца и пѣвца на клиросѣ. Что же касается тѣхъ діаконовъ, которые состоятъ на причетнической вакансіи, то они обязаны не только становиться на клиросъ для чтенія и пѣнія, но и всѣ труды по церкви, лежащіе на причетникѣ, раздѣлять съ нимъ, не требуя за то бóльшаго противъ причетника вознагражденія, если для исполненія этихъ трудовъ при церкви нѣтъ особыхъ служителей.

22-го октября текущаго года происходило четвертое засѣданіе петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія. Засѣданіе это было занято преимущественно слушаніемъ сообщеній нѣкоторыхъ изъ членовъ отдѣла, совершившихъ нынѣшнимъ лѣтомъ путешествіе за границу съ цѣлію изучить на мѣстѣ положеніе старокатоликовъ, или принять участіе въ кельнскомъ конгрессѣ старокатоликовъ. Предметомъ сообщенія протоіерея І. В. Васильева были свѣдѣнія о старокатолическомъ движеніи во Франціи. Послѣ о. протоіерея Васильева читалъ отчетъ о присутствіи своемъ на кельнскомъ конгрессѣ о. ректоръ с.-петербургской духовной академіи протоіерей І. Л. Янышевъ, бывшій на конгрессѣ въ качествѣ гостя отъ петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Затѣмъ сообщилъ нѣсколько данныхъ о томъ же пред-

метѣ секретарь отдѣла **А. А. Кирѣевъ. А. А. Кирѣевъ** заключилъ свои слова заявленіемъ глубокаго сочувствія дѣятельности вождей старокатолической партіи и выразилъ надежду, что пока эти люди будутъ стоять во главѣ движенія, оно хотя быть можетъ и очень медленно, но неуклонно, будетъ приближаться къ своему идеалу.

И. Т. Осининъ, подтверждая мнѣнія, высказанныя секретаремъ отдѣла о высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ лицъ, стоящихъ во главѣ движенія, указалъ на ту неоспоримую пользу, которая можетъ произойти для насъ самихъ изъ сношеній съ старокатоликами.

«Не увлекаясь надеждами, сказалъ профессоръ Осининъ, на скорое устраненіе тѣхъ затрудненій и преградъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ нашихъ западныхъ братій, вполнѣ, напротивъ, сознавая несбыточность мысли о *фактическомъ* соединеніи церквей *въ ближайшемъ* будущемъ, мы во всякомъ случаѣ не можемъ не радоваться начавшимся сношеніямъ. Позволяю себѣ утверждать, что если бы даже эти сношенія и не привели ни къ какимъ дальнѣйшимъ результатамъ, то даже *сдѣланное донынѣ* — имѣетъ существенно важное значеніе: появленіе нашихъ делегатовъ на западно-церковномъ конгрессѣ, личныя сношенія ихъ съ старокатоликами и письменныя сообщенія со стороны нашего общества, все это во многомъ уже содѣйствовало установленію на самомъ Западѣ болѣе правильнаго понятія о нашей православной церкви; многія ошибочныя мнѣнія и предубѣжденія противъ насъ уже уничтожены въ сознаніи руководящихъ представителей западно-церковнаго движенія. Обстоятельство это, по моему мнѣнію, не маловажно: мы не можемъ и не должны оставаться равнодушными къ тѣмъ сужденіямъ нашихъ западныхъ братій, которыя касаются церкви нашей. Но еще болѣе важное значеніе для насъ имѣютъ начавшіяся сношенія наши съ старокатоликами потому, что эти сношенія прямо вызываютъ насъ самихъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ именно должно быть признаваемо нами неизмѣннымъ и общеобязательнымъ достояніемъ *вселенской* церкви, въ отличіе отъ

того, что имѣетъ лишь мѣстное и временное значеніе, какъ принадлежность *помѣстной русской* церкви. Разграниченіе это чрезвычайно важно, такъ какъ имъ опредѣляются не только условія законнаго единенія съ другими церковными обществами, но и предѣлы возможныхъ у насъ самихъ въ будущемъ церковныхъ улучшеній и реформъ. И въ томъ и въ другомъ отношеніи начавшіяся у насъ сношенія съ старокатоликами истинно полезны, и желательно, чтобы они поддерживались».

Его Императорское Высочество, первый учредитель отдѣла, сообщилъ собранію предположенія совѣта относительно сношеній съ старокатоликами по вопросу о соединеніи церквей. «На первомъ засѣданіи коммиссіи, избранной для изученія сего вопроса», сказалъ Его Императорское Высочество, «предсѣдатель ея докторъ Шульте, обратившись къ представителямъ иновѣрческихъ исповѣданій (между прочимъ и къ нашимъ делегатамъ), поручилъ имъ, отъ имени коммиссіи, просить своихъ единовѣрцевъ прислать ей «мемуары», въ которыхъ бы обстоятельно излагались догматы, дисциплина и обряды ихъ церквей. «Мемуары» эти, по предположенію коммиссіи, могли бы служить матеріаломъ и исходными точками для будущихъ нашихъ разсужденій; но» продолжалъ Его Императорское Высочество — «не говоря уже о сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ затрудненіяхъ и проволочкахъ, составленіе такого мемуара, вмѣщающаго въ себѣ разсмотрѣніе *всѣхъ* вопросовъ православной догматики, церковной дисциплины и обрядности, было бы дѣломъ ежели не совершенно излишнимъ, то во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. Дѣйствительно, въ отношеніи *догмата*, вѣроученіе наше во многомъ сходится съ вѣроученіемъ католическимъ, такъ что въ этотъ «мемуаръ» пришлось бы включать цѣлые трактаты о такихъ предметахъ, относительно которыхъ между нами нѣтъ разногласія; поэтому, намъ бы нужно было заняться собственно тѣми вопросами, на которые мы смотримъ *иначе*, нежели римскіе католики. Притомъ, число и *этихъ* вопросовъ должно еще значительно уменьшиться, ибо на *многіе* изъ нихъ собственно *старо-*

католики смотрятъ совершенно сходно съ древнею нераздѣленною церковью (а стало быть, и съ нами). Не говоря уже о непогрѣшимости папы, есть много другихъ вопросовъ, которые рѣшаются старокатоликами совершенно согласно съ древнимъ вѣроученіемъ, напримѣръ вопросъ о причащеніи подъ обоими видами, о безбрачіи духовенства, о миропомазаніи и т. п. Конечно эти *мнѣнія* не введены еще оффиціально въ старокатолическое вѣроученіе, но это происходитъ собственно отъ того, что конгрессы, за неимѣніемъ еще установленныхъ церковью авторитетовъ (епископата), не считаютъ себя компетентными для узаконенія даже и такихъ принциповъ, въ теоретической вѣрности которыхъ они не сомнѣваются. По всѣмъ этимъ причинамъ» — заключилъ Его Императорское Высочество — «совѣтъ отдѣла предпочелъ предварительно послать коммиссіи одно изъ сочиненій, одобренныхъ Святѣйшимъ Синодомъ, въ которомъ бы вѣроученіе православной церкви было изложено кратко, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно и достаточно полно; онъ остановился въ своемъ выборѣ на пространномъ катихизисѣ преосвященнаго Филарета митрополита московскаго. Вмѣстѣ съ симъ совѣтъ поручилъ профессору Осинину сообщить коммиссіи, что мы просимъ ее отмѣтить въ катихизисѣ всѣ тѣ положенія, которыя, можетъ быть, покажутся ей, съ ея точки зрѣнія, невѣрными и потребуютъ съ нашей стороны разъясненій».

Въ засѣданіи 12-го мая 1872 года была избрана коммиссія, которой, между прочимъ, было поручено предварительное разсмотрѣніе различныхъ возникающихъ вопросовъ богословскаго содержанія. Этой же самой коммиссіи, совмѣстно съ совѣтомъ отдѣла, собраніе поручило спеціальное изученіе всего относящагося до сношеній съ старокатоликами по вопросу объ устраненіи препятствій къ соединенію церквей.

Сила православной вѣры въ недавнее время обнаружила свое освящающее дѣйствіе на одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей римско-католической церкви, возвратившемся нынѣ въ лоно православія. Мы говоримъ объ

о. Владимірѣ Терлецкомъ, уніатскомъ іеромонахѣ, докторѣ богословія и медицины, присоединенномъ къ православной церкви въ Кіевѣ, 14 октября настоящаго года, преосвященнымъ Порфиріемъ, викаріемъ кіевскимъ. О. Владиміръ самъ изложилъ длинную исторію своихъ заблужденій и той внутренней борьбы, которая возвратила его въ лоно православія, въ брошюрѣ, появившейся въ Кіевѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ. «Ратуя долгое время, говоритъ о. Терлецкій, противъ православной церкви словомъ и дѣломъ и пріобрѣвъ такимъ образомъ нѣкоторую извѣстность на западѣ и востокѣ, я, на закатѣ моей жизни, отрекаясь отъ прежнихъ моихъ заблужденій и присоединяясь къ православной церкви, считаю долгомъ совѣсти заявить всенародно о причинахъ, побудившихъ меня къ такому рѣшенію, съ одной стороны, для того, чтобы исправить, сколько возможно, причиненное мною зло; съ другой же стороны, чтобы людямъ совѣсти, спутаннымъ еще схоластическою софистикою римскаго богословія, хотя и колеблющимся вслѣдствіе провозглашенія антихристіанскаго ученія о непогрѣшимости папы, показать тихое пристанище, гдѣ они могли бы найти истинную апостольскую вѣру, миръ Божій и спасеніе душъ своихъ».

О. Владиміръ, родомъ изъ волынской губерніи, получилъ воспитаніе сначала въ кременецкомъ лицеѣ, а потомъ въ бывшемъ виленскомъ университетѣ, по медицинскому факультету. Латино-польское направленіе, въ которомъ совершалось его воспитаніе, было причиною ненависти его къ русскимъ, побудившей его принять дѣятельное участіе въ мятежѣ 1830 года. По усмиреніи мятежа, Терлецкій бѣжалъ сначала въ Краковъ, а потомъ во Францію. Потерявъ жену, молодой врачъ началъ испытывать какую-то безотчетную тоску и мало по малу свыкся съ мыслію, что онъ будетъ болѣе полезенъ своимъ ближнимъ въ санѣ священника. Въ этихъ видахъ онъ отправился въ Римъ и, пріобрѣвъ здѣсь богословское образованіе, былъ рукоположенъ въ 1842 году во священники, а въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора богословія. Желая дѣй-

ствовать въ особенности посреди славянъ и сохранивъ любовь къ славянскому обряду, о. Терлецкій ходатайствовалъ о русско-уніатской церкви сначала предъ папою Григоріемъ XVI, а за тѣмъ предъ Піемъ IX, предложивъ послѣднему проектъ соединенія всѣхъ церквей, подъ главенствомъ папы, на условіяхъ унія, и выразилъ готовность посвятить всего себя этому дѣлу. Получивъ согласіе папы, о. Терлецкій поселился въ Парижѣ и здѣсь, послѣ неимовѣрныхъ усилій и трудовъ, успѣлъ, на собранныя имъ пожертвованія, основать миссіонерскую семинарію для воспитанія молодыхъ людей славянскихъ національностей, которые, зная мѣстные языки и народные нравы, распространяли бы между православными и другими славянами унію; въ тоже время онъ основалъ такъ называемое «восточное общество» для содѣйствія этой пропагандѣ, наконецъ въ тѣхъ же видахъ дважды путешествовалъ на востокъ. Но, не смотря на упорную энергію въ преслѣдованіи предположенныхъ цѣлей, всѣ затѣи о. Терлецкаго рушились. Тогда онъ передалъ русскому Народному Дому во Львовѣ, въ Галиціи, библіотеку, иконы, ризы, церковную утварь и прочія принадлежности своей семинаріи и самъ имѣлъ намѣреніе переселиться туда же; но возникшая въ то время борьба поляковъ противъ русскаго племени навлекла на о. Терлецкаго бездну непріятностей и преслѣдованій, и онъ вынужденъ былъ переѣзжать изъ Галиціи въ Венгрію, изъ Венгріи въ Галицію, перемѣщаясь изъ одного монастыря въ другой. Въ это-то время у него созрѣла мысль о несостоятельности латинства; о. Терлецкій занялся тщательнымъ изученіемъ православія, и, будучи наконецъ озаренъ свѣтомъ истины, подалъ всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи ему возвратиться въ Россію и получилъ на то всемилостивѣйшее Государя Императора разрѣшеніе. Нынѣ о. Владиміръ состоитъ въ санѣ іеромонаха въ кіевскомъ михайловскомъ монастырѣ.

А. П.

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Иностранное обозрение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 761-791.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вѣсти съ Востока. Мѣры константинопольской патріархіи противъ болгарской церкви послѣ провозглашенія схизмы и ихъ несостоятельность; воззваніе по всѣмъ эллинамъ о денежномъ пособіи патріархіи.—Распри по поводу схизмы въ антіохійскомъ патріархатѣ; распря въ Іерусалимѣ.—Отношеніе къ болгарскому дѣлу эллинскаго правительства.—Интриги архіепископа о. Сиры; нѣкоторыя свѣдѣнія о его личности.

Греческое народное собраніе въ октябрѣ назначило коммиссію изъ семи членовъ для изысканія мѣръ къ удержанію греческаго господства надъ болгарскими епархіями. Коммиссія придумала слѣдующія мѣры: назначить безотлагательно на вакантныя болгарскія епархіи новыхъ архіереевъ, хорошо знающихъ болгарскій языкъ и Болгарію, чтобы предохранить тамошнихъ православныхъ отъ болгаръ — схизматиковъ; архіереевъ же, занимавшихъ (номинально) болгарскія епархіи, немедленно отправить на свои епархіи; тѣмъ и другимъ архіереямъ назначить достаточное жалованье изъ національной греческой казны константинопольской патріархіи. Постановлено также, что отказавшійся отъ исполненія этой обязанности потеряетъ право на занятіе какихъ бы то ни было высшихъ должностей въ константинопольской церкви. Это постановленіе коммиссіи патріархія привела уже въ исполненіе. Къ несчастію для самой патріархіи, или для самихъ грековъ, всѣ назначенные архіереи уже болѣе мѣсяца только *собираются*, но никакъ не рѣшаются отправиться на свои мѣста, — по той, конечно, причинѣ, что въ будущемъ не видятъ никакого успѣха для эллинскаго дѣла. Благодаря провозглашенію схизмы, власть

болгарскаго экзарха простирается на всѣхъ болгаръ, не исключая и тѣхъ, которые живутъ въ Фанарѣ, подлѣ зданія, занимаемаго патріархіей. Изъ Македоніи и Ѳракія все чаще и чаще присылаются къ экзарху просьбы о назначеніи архіереевъ на епархіи, населенныя большею частію болгарами,—тогда какъ греческіе іерархи изъ этихъ епархій изгоняются. Можно ли послѣ этого грекамъ разсчитывать на успѣхъ въ чисто болгарскихъ епархіяхъ? Греки скоро убѣдятся въ несостоятельности принятой ими мѣры, которая, конечно, не дешево обойдется патріархіи.

Мы говорили прежде, что патріархія, по опредѣленію народнаго собранія, рѣшилась для поправленія своихъ финансовъ производить сборы въ Молдовалахіи и Египтѣ. Оказывается, что патріархія этимъ не ограничивается. Въ издающейся въ Тріестѣ газетѣ *Κλίω* помѣщено воззваніе ко всѣмъ греческимъ колоніямъ. Это воззваніе, правда, безъ подписи; но при чтеніи его становится сразу понятнымъ, что оно вышло отъ патріархіи. Оно не помѣщено въ греческихъ константинопольскихъ газетахъ потому, что тѣ политическія тенденціи, которыя высказываются въ немъ, могутъ высказываться печатно въ Тріестѣ, но никакъ не въ предѣлахъ турецкой имперіи. Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этого замѣчательнаго воззванія. «Великая Христова церковь (т. е. константинопольская),—говорится въ воззваніи, — въ теченіе двадцати (?) вѣковъ воспитывающая греческую націю въ православіи, среди безчисленныхъ опасностей сохранившая языкъ, религію, національность и политическое единство своихъ вѣрныхъ чадъ, нынѣ обращается къ помощи всѣхъ православныхъ эллиновъ, любящихъ свое отечество. Въ послѣднее время она окружена свирѣпыми псами и стѣснена злѣйшими врагами, которые, опираясь на свою численность и на сильное внѣшнее покровительство, въ своей ожесточенности злоумышляютъ совершенно уничтожить ее». Затѣмъ, упомянувъ о конфискованіи монастырскихъ имуществъ въ Молдавіи и Валахіи и объ отдѣленіи болгаръ отъ константинопольскаго патріархата, ав-

торъ воззванія пишетъ: «хотя гордіевъ узелъ (т. е. болгарскій вопросъ) и разсѣченъ духовнымъ мечомъ; но этимъ не рѣшенъ вопросъ, весьма сложный, по наружности—церковный, по существу же — національный и политическій. Всякому извѣстно, что только теперь, послѣ провозглашенія схизмы, постепенно являются политическіе результаты этого факта и начинается страшная борьба... Изъ двухъ народовъ, подвергавшихся однимъ и тѣмъ же страданіямъ и имѣвшимъ одно и тоже назначеніе — сообща работать для своего будущаго благоденствія, одинъ не только отдѣлился, но пошелъ совершенно противоположнымъ путемъ и готовъ преодолѣть всевозможныя препятствія, чтобы расширить кругъ своей дѣятельности и пріобрѣсть господство надъ другимъ народомъ, а чрезъ это—занять самую видную роль въ исторіи возрожденнаго востока. Болгары, опираясь на помощь всесильныхъ союзниковъ восточной Европы, имѣютъ въ виду—въ будущемъ расширить предѣлы своего экзархата и заключить эллинизмъ въ самыя тѣсныя границы. Эллинизмъ не только изгоняется изъ той страны, гдѣ онъ нѣкогда торжествовалъ при Пиррѣ и Филиппѣ, но и находится въ опасности быть подавленнымъ въ той самой странѣ, гдѣ Орфей и Линъ, Фамиръ и Тиртей пролили первый свѣтъ европейской цивилизаціи— еще задолго прежде, чѣмъ Константинъ поднялъ знамя креста, и даже прежде, чѣмъ возсіяло православіе. Опасность тѣмъ болѣе велика, что въ этихъ странахъ эллинизмъ не имѣетъ своего *политическаго центра*, изъ котораго съ успѣхомъ онъ могъ бы дѣйствовать. Только патріархія объединяетъ *не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи* многочисленное въ Турціи греческое племя. Слѣдовательно *она одна можетъ спасти это племя*, если только постоянно будетъ поддерживаема всевозможными средствами... Патріархія спасетъ эллинизмъ и *сохранитъ неприкосновеннымъ политическое единство эллинской націи*. Этого мало. Пользуясь антипапскимъ движеніемъ на западѣ, патріархія при помощи денегъ не позволитъ славянскимъ богословамъ эксплуатировать религіоз-

ныя чувства противниковъ папы въ пользу панславизма». Въ заключеніе этого длиннаго воззванія, авторъ побуждаетъ эллиновъ подражать римскимъ католикамъ, ежегодно посылающимъ въ Римъ милліоны франковъ, которые потомъ издерживаваются тамъ для цѣлей большею частію политическихъ. Это желаніе новаго Рима взять въ примѣръ старый Римъ—во всякомъ случаѣ знаменательно. И дѣйствительно, по словамъ корреспондента *Кельнской Газеты*, «греки начинаютъ соревновать западнымъ католикамъ въ ихъ попечительствѣ о «бѣдненькомъ папѣ». Они тоже собираютъ своего рода динаріи св. Петра, не для римскаго папы, конечно, а для константинопольскаго патріарха, доходы котораго значительно ослаблены отдѣленіемъ болгаръ, и который представляется грекамъ столь же голодающимъ въ своемъ дворцѣ, какъ Пій IX въ Ватиканѣ. Подаянія текутъ отъ всѣхъ здѣшнихъ (константинопольскихъ) фамилій въ изобиліи. Но не изъ одного Константинополя они идутъ; они шлются и изъ другихъ городовъ, гдѣ временно или постоянно живутъ греки, напримѣръ изъ Александріи, Смирны, Ѳессалоникъ, и даже изъ иностранныхъ городовъ—Тріеста, Марсели, Лондона. Въ Марсели одинъ купецъ лично подписался на 1000 турецкихъ лиръ. Увѣряютъ — прибавляетъ корреспондентъ—что одно галатское предмѣстье Константинополя дало болѣе двухъ съ половиной тысячъ ф. стерлинговъ; словомъ, сборы въ пользу мученика вѣроятно возрастутъ до такой суммы, которая вполнѣ вознаградитъ за потери доходовъ съ Болгаріи».

Требованіе константинопольскаго патріарха о перемѣнѣ одежды болгарскаго духовенства, кажется, не оставлено Портою безъ вниманія. По крайней мѣрѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ Халиль-паша, завѣдующій также и вѣроисповѣдными дѣлами въ Турціи, уговаривалъ болгаръ принять хотя малый знакъ для отличія ихъ духовенства отъ греческаго. Совѣтъ болгарскаго экзархата, вслѣдствіе этого, подалъ Высокой Портѣ докладную записку, въ которой, раскрывая незаконность требованій вселенскаго па-

тріарха, объявляетъ, что ни въ какомъ случаѣ болгарское духовенство не согласится допустить и самой малѣйшей перемѣны въ своей нынѣшней одеждѣ въ угоду враждебному ему греческому духовенству. Не смотря на это, министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшительно принялъ сторону патріархата. Онъ объявилъ болгарамъ, что если ихъ духовенство не приметъ никакого знака для отличія отъ греческаго, то онъ будетъ оставлять безъ вниманія всѣ ихъ просьбы по дѣламъ церковнаго управленія. Корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* говоритъ, что эти слова министра произвели въ болгарахъ сильное негодованіе, выразившееся весьма не двусмысленно и въ болгарской печати. Болгарскій экзархатъ протестовалъ противъ требованія министра, заявивъ правительству султана, что это требованіе лишено всякихъ основаній и огорчаетъ весь болгарскій народъ. «Названіе схизматиковъ, говорятъ болгары, есть поносное названіе, данное намъ нашими непримиримыми противниками. Оно не можетъ служить министру иностранныхъ дѣлъ основаніемъ для его требованія о перемѣнѣ одежды нашего духовенства. Грекамъ вздумается назвать насъ евреями и чѣмъ угодно. Халиль-паша будетъ ли заставлять насъ каждый разъ измѣнять свою одежду сообразно симъ названіямъ? Если бы болгарскому экзарху вздумалось объявить патріарха еретикомъ; то Халиль-паша заставитъ ли также послѣдняго перемѣнить свою камилавку?» Далѣе тотъ же корреспондентъ сообщаетъ, что болгарская газета *Право* напечатала по поводу требованія Халиль-паши весьма рѣзкую статью, за которую она пріостановлена на мѣсяцъ. «Если Халиль-паша, писалось между прочимъ въ этой газетѣ, разсчитываетъ подобно патріарху произвесть перемѣной одежды болгарскаго духовенства раздробленіе въ болгарскомъ народѣ; то мы смѣемъ увѣрить его, что онъ не достигнетъ цѣли. Болгарскій народъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ безобразить себя по произволу того или другаго, хотя бы ему пришлось перетерпѣть самыя тяжкія гоненія. Если бы правительство султана рѣшилось исполнить требованіе Халиль-

папы; то слѣдствіемъ сего будетъ возмущеніе и отчаяніе цѣлаго народа, которое будетъ оправдано во мнѣніи всего образованнаго міра».

Другая болгарская газета, *Турція*, по поводу этого говоритъ слѣдующее: «православная церковь не есть церковь папистическая, но—вселенская, и когда дѣло касается важныхъ вопросовъ, никто не спрашиваетъ, какъ думаетъ патріархъ, но—какъ думаетъ большинство членовъ церкви. Если же большинство членовъ церкви признаетъ болгарскую церковь православною; то по какому праву греческій патріархатъ объявляетъ насъ схизматиками и требуетъ перемѣны въ одеждѣ нашего духовенства? Мы съ бо̀льшимъ правомъ могли бы объявить грековъ схизматиками; но мы этого не дѣлаемъ, держась принциповъ православной церкви. Не греки, но вся православная церковь должна рѣшить, слѣдуетъ ли намъ перемѣнить какъ одежду нашего духовенства, такъ и имя нашей церкви. Пусть греки, сколько имъ угодно, называютъ насъ схизматиками: болгары не могутъ считаться таковыми безъ рѣшенія всей церкви; они православны и будутъ таковыми, а ихъ духовенство будетъ носить туже одежду, которую носитъ православное духовенство, сколько бы греки ни кричали противъ насъ».

Неизвѣстно еще, какъ приняли восточныя автокефальныя церкви новое посланіе къ нимъ экзарха болгарскаго, въ которомъ онъ энергически протестуетъ противъ опредѣленія константинопольскаго собора. Есть слухи, что посланіе это получено и нашимъ Святѣйшимъ Синодомъ. Ниже мы приводимъ текстъ этого посланія въ полномъ его видѣ.

Мы сообщали уже, что вѣсть о расколѣ произвела весьма непріятное впечатлѣніе въ средѣ православнаго антіохійскаго патріархата. Нашъ бейрутскій корреспондентъ пишетъ теперь, что высшее духовенство этого патріархата, главный элементъ котораго составляютъ арабы, и народъ, особенно въ Дамаскѣ, потребовали отъ антіохійскаго патріарха, чтобы онъ или отказался отъ своей подписи

подъ опредѣленіемъ константинопольскаго собора, или оставилъ управленіе патріархатомъ; затѣмъ, послѣ взаимныхъ письменныхъ сношеній между митрополитами патріархата, составленъ былъ ими письменный актъ, которымъ опредѣленіе константинопольскаго собора объявлено антиканоническимъ, о чемъ составившіе этотъ актъ іерархи и дали знать телеграммами константинопольской патріархіи и блаженнѣйшему Кириллу, патріарху іерусалимскому, съ выраженіемъ сему послѣднему своего живаго сочувствія къ его образу дѣйствій въ греко-болгарской распрѣ. Мы думаемъ, что блаженнѣйшій патріархъ Іероѳей антіохійскій, получивъ посланіе болгарскаго экзарха, найдетъ въ немъ самый благовидный предлогъ торжественно взять назадъ свою подпись въ пользу схизмы. Въ самомъ дѣлѣ, осужденіе болгаръ на соборѣ мотивировалось такъ называемымъ филетизмомъ, между тѣмъ болгарскій экзархъ, съ своимъ синодомъ, въ упомянутомъ посланіи торжественно заявляетъ, что болгарамъ никогда и въ голову не приходило основывать церковь филетическую, т. е. состоящую изъ всѣхъ болгаръ, безъ исключенія, гдѣ бы они ни находились. Болгары требовали учрежденія экзархата съ опредѣленными границами. Этого мало; болгарскіе епископы фактически доказываютъ, что филетизмъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его константинопольская патріархія, былъ руководительнымъ началомъ самой патріархіи въ ея переговорахъ съ болгарами и что болгары не принимали такого начала. Теперь антіохійскій патріархъ можетъ прямо сказать, чтобы не быть въ раздорѣ съ своимъ духовенствомъ и своимъ народомъ, что, такъ какъ болгары торжественно отвергаютъ то, въ чемъ ихъ константинопольская патріархія обвиняла и за что соборъ ихъ осудилъ, т. е. филетизмъ, то и осуждать ихъ не за что, и слѣдовательно болгарскаго экзарха нужно признать православнымъ и находящимся въ единеніи со вселенскою церковію епископомъ.

Что же касается распри между іерусалимскимъ патріархомъ и его синодомъ, то она приняла самые широкіе размѣры. Тамошніе іерархи греческаго происхожденія

настоятельно требовали отъ блаженнѣйшаго Кирилла принять опредѣленіе константинопольскаго собора, но онъ имъ отвѣтилъ, что такого антиканоническаго опредѣленія онъ никогда не подпишетъ, хотя бы его самого предали сожженію. Тогда они рѣшились устроить съ нимъ самовольную расправу и, непосредственно послѣ выѣзда изъ Іерусалима Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, провозгласили его схизматикомъ. Это провозглашеніе было прочитано на литургіи, совершенной архіереями. Оказалось, однако, что не всѣ архіереи противъ патріарха Кирилла. Народъ, послѣ того, какъ патріархъ былъ объявленъ схизматикомъ, подалъ мѣстному губернатору прошеніе, въ которомъ, протестуя противъ самовольнаго поступка съ нимъ греческихъ архіереевъ, просилъ начальство не оставить патріарха безъ поддержки. Вслѣдствіе того губернаторъ посадилъ подъ арестъ двухъ епископовъ и одного архимандрита, какъ главныхъ зачинщиковъ волненія противъ патріарха. Между тѣмъ іерусалимскій синодъ по телеграфу просилъ Высокую Порту позволить ему выбрать другое лицо для занятія патріаршаго престола. Въ то же время онъ просилъ великую церковь опечатать имущество патріарха, хранящееся при іерусалимскомъ подворьѣ въ Константинополѣ. Тогда какъ Порта отложила рѣшеніе этой просьбы до окончанія байрама, патріархъ Анѳимъ собралъ къ себѣ для совѣщанія по сему дѣлу всѣхъ находящихся въ Константинополѣ архіереевъ и немедленно исполнилъ желаніе іерусалимскаго синода. Въ виду энергическаго противодѣйствія со стороны православнаго народонаселенія въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ Палестины іерусалимскому синоду, состоящему большею частію изъ епископовъ только титулярныхъ, противная патріарху партія значительно уже ослабѣла. Митрополиты виѳлеемскій Агапій и назаретскій Нифонтъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Никифоромъ — оберъ-секретаремъ монастыря св. Гроба, и архимандритомъ Іоасафомъ, духовникомъ св. Гроба и настоятелемъ лавры Саввы Освященнаго, и съ 60 братіями св. Гроба, присоединились къ патріарху и также

протестовали противъ акта самозваннаго іерусалимскаго синода, и свой протестъ представили чрезъ намѣстника патріаршаго іерусалимскаго престола въ Константинополѣ въ Высокую Порту. Корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей сообщаетъ, что борьбу противъ патріарха поддерживаютъ теперь только немногіе пришлецы—греки. Чувствуя свою слабость, противники блаженнѣйшаго Кирилла снова обратились за помощію къ константинопольскому патріарху. Такъ какъ борьба противъ патріарха іерусалимскаго ведется изъ за греческихъ интересовъ, сообразно внушеніямъ изъ Константинополя, то въ Константинополѣ дѣлаютъ все, что возможно, для доставленія торжества противникамъ патріарха Кирилла. Константинопольскій патріархъ, одобряя возставшихъ противъ своего патріарха епископовъ, хлопочетъ у турецкаго правительства, чтобы оно признало низложеніе блаженнѣйшаго Кирилла и издало указъ объ избраніи на его мѣсто другаго лица. По послѣднимъ извѣстіямъ греческихъ газетъ, Порта, по видимому, и намѣрена исполнить желаніе константинопольской патріархіи. Требуя помощи у константинопольскаго патріарха, греческіе титулярные епископы въ Іерусалимѣ просили его также объявить имущество іерусалимскаго патріарха національною собственностію грековъ.

Такимъ образомъ справедливо пишетъ корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей, что борьба, происходящая нынѣ въ Іерусалимѣ, явно свидѣтельствуетъ, что греки стремятся сосредоточить власть восточныхъ патріархатовъ въ Константинополѣ, какъ это было до извѣстной степени во времена византійской имперіи, и сдѣлать церковь съ ея правами и имуществами своимъ національнымъ достояніемъ. Вотъ почему между прочимъ отказъ іерусалимскаго патріарха принять рѣшеніе, состоявшееся въ Константинополѣ, названъ измѣной греческой націи и возбудилъ противъ него гнѣвъ всего греческаго народа. Вотъ почему также аѳинское правительство, не смотря на недостаточность своихъ доходовъ, постановило особеннымъ закономъ выдавать константинопольскому патріарха ту

100.000 драхмъ въ годъ, а синодъ королевства, отвѣчая на посланіе вселенскаго патріарха, коимъ сообщено ему было опредѣленіе константинопольскаго собора, заявилъ его святѣйшеству, что онъ будетъ неразрывнымъ его союзникомъ въ борьбѣ противъ всякаго еретическаго и схизматическаго посягательства, гдѣ бы оно ни возникло.

Константинопольскія греческія газеты сильно вооружены противъ намѣстника іерусалимскаго подворья въ Константинополѣ за то, что здѣсь имя патріарха Кирилла еще упоминается при богослуженіи, въ то время какъ константинопольскій патріархъ выключилъ его изъ церковныхъ диптиховъ. Онѣ требуютъ, конечно не безъ внушенія изъ Фанара, подвергнуть іерусалимскаго патріарха суду и требовать съ него строгаго отчета по употребленію имъ національнаго богатства, т. е. доходовъ св. Гроба. Если бы дѣло вполнѣ зависѣло отъ патріархіи; то она, конечно, не преминула бы наложить свою руку и на доходы св. Гроба. Не знаемъ, какой еще черты не достаетъ константинопольской патріархіи для того, чтобы представить собою римскій Ватиканъ, кромѣ развѣ внѣшняго блеска и величія! Константинопольскіе публицисты и константинопольская патріархія не знаютъ или не хотятъ знать, что право завѣдывать дѣлами іерусалимскаго патріархата, какъ справедливо замѣтилъ корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей, принадлежитъ не пришлецамъ грекамъ, а мѣстному арабскому духовенству, какъ это было до 1534 г., когда греки окончательно овладѣли этимъ патріархатомъ. Это право арабскаго духовенства подтверждается также и турецкимъ законодательствомъ; потому что султанъ Селимъ далъ свой фирманъ патріарху изъ арабовъ. Что же касается имуществъ іерусалимскаго патріархата, то они, по справедливому замѣчанію того же корреспондента, не принадлежатъ ни грекамъ, ни арабамъ, а всѣмъ православнымъ, которые ни въ какомъ случаѣ не допустятъ грековъ сдѣлать ихъ своею національною собственностію. Слышно, что наше правительство, въ виду стремленія грековъ къ такому незаконному захвату, приняло надлежащія мѣры относительно

находящихся въ Россіи имуществъ іерусалимской церкви. Желательно, чтобы подобныя же мѣры были приняты и относительно имуществъ другихъ восточныхъ церквей, которыми греки распоряжаются, какъ своею собственностію, и которыя въ ихъ рукахъ не только не приносятъ имѣвшейся нѣкогда въ виду, при пожертвованіи ихъ, пользы, но производятъ положительный вредъ интересамъ православнаго восточнаго населенія.

Константинопольская патріархія находитъ себѣ сильнѣйшую опору въ греческомъ правительствѣ. Хотя греческое правительство старается не давать своимъ дѣйствіямъ оффиціальнаго характера; тѣмъ не менѣе оно едвали не больше самой патріархіи враждебно относится къ болгарамъ и ко всѣмъ славянамъ. Такъ какъ греческій консулъ въ Іерусалимѣ не съумѣлъ поддержать іерарховъ, возставшихъ противъ своего патріарха; то аѳинское правительство удалило его отъ должности подъ предлогомъ преклонности лѣтъ, но извѣстно, что распоряженіе правительства послѣдовало собственно вслѣдствіе жалобы на консула противниковъ іерусалимскаго патріарха. Правда, аѳинское правительство удалило оберъ-секретаря аѳинскаго синода архимандрита Аверкія отъ должности за произнесенную имъ 15-го октября проповѣдь; но въ объясненіе этого распоряженія греческая газета, считающаяся органомъ президента министровъ, говоритъ: „какъ частныя лица, всѣ мы знаемъ образъ дѣйствій Россіи, равно какъ и то, кѣмъ произведено движеніе болгаръ; но оффиціальныя отношенія — совсѣмъ особое дѣло. Архимандритъ Аверкій произнесъ свое слово—съ амвона, въ присутствіи синода и русскаго архимандрита, и сдѣлалъ выходку противъ сѣвера, тогда какъ намъ ничего оффиціально относительно Россіи неизвѣстно".

Объ отношеніяхъ нынѣшняго греческаго правительства и греческаго синода къ болгарскому дѣлу весьма вѣрно можно судить по образу дѣйствій извѣстнаго уже нашимъ читателямъ архіепископа острова Сиры Александра Ликурга. Бывши въ Константинополѣ душею приверженцевъ схизмы, впослѣдствіи преосвященный Александръ уѣхалъ на

Аѳонъ для парализованія усмотрѣнныхъ будтобы тамъ дѣйствій панславизма. Обходя аѳонскіе монастыри, онъ уговаривалъ иноковъ крѣпко держаться противъ панславистовъ и не дѣлать русскимъ монахамъ никакихъ уступокъ. Корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей сообщаетъ, что въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей замѣтили преосвященному Александру, что аѳонскому монашеству нечего уступать, потому что само оно существуетъ лишь тѣмъ, что ему уступаютъ другіе. Впрочемъ, этому горячему ревнителю эллинизма слѣдовало бы прежде всего позаботиться о своей епархіи и объ интересахъ своей паствы, гдѣ іезуиты дѣлаютъ огромные успѣхи, обращая православныхъ въ латинство, какъ объ этомъ ясно писалъ съ острова Сиры корреспондентъ газеты Βυζαντίς, который и приводитъ не мало фактовъ обращенія дѣвицъ, дѣтей и цѣлыхъ семействъ изъ православія въ латинство. Объ интересной личности преосвященнаго Александра Ликурга корреспондентъ Московскихъ Вѣдомостей приводитъ еще слѣдующее свѣдѣніе: «назадъ тому три года, преосвященный Александръ посѣтилъ Англію, получивъ порученіе отъ своего синода освятить греческую церковь въ Ливерпулѣ. Войдя тамъ въ сношеніе съ г. Гладстономъ и нѣкоторыми вліятельными членами англійскаго духовенства, для которыхъ интересно было познакомиться съ греческимъ архіепископомъ, онъ подалъ своимъ соотечественникамъ большія надежды на покровительство Англіи, увѣряя ихъ, что возбудилъ въ англійскомъ народѣ и духовенствѣ живое сочувствіе къ грекамъ. Полагая, что сближеніе между англійскою и греческою церковію будетъ обильно благими послѣдствіями для будущаго Греціи, сирскій архіепископъ готовъ теперь сдѣлать англійской церкви большія уступки въ ущербъ православію». Впрочемъ названный архіепископъ былъ замѣтенъ своею нетвердостію въ православіи еще до своего посвященія въ архіепископы. Во время своего обученія въ Германіи онъ имѣлъ близкія сношенія съ кальвинистами, и еще тогда одинъ изъ находившихся за границей русскихъ священниковъ [1] из-

---

[1] Протоіерей Василій Петровичъ Полисадовъ.

обличалъ его въ уклоненіи отъ ученія православной церкви. Назначенный по возвращеніи изъ Германіи профессоромъ богословія въ аѳинскомъ университетѣ, онъ былъ обвиняемъ въ вольнодумствѣ самими студентами, которые доносили о семъ синоду. Послѣдній призывалъ его для испытанія его вѣры и для его вразумленія. Стало быть, какъ іерархъ, архіепископъ Ликургъ не имѣетъ права на особенный авторитетъ, а между тѣмъ онъ-то и есть главный двигатель схизмы.

Къ этимъ свѣдѣніямъ вышеназваннаго корреспондента мы можемъ еще прибавить кое что. Когда греческому министерству угодно было назначить Алевсандра Ликурга въ епископы; то члены греческаго синода просили тогдашняго нашего посланника въ Аѳинахъ, графа Блудова, именемъ Государя Императора ходатайствовать предъ королемъ еллиновъ объ отмѣнѣ посвященія этого нетвердаго въ православіи человѣка,—и когда, не смотря на это, спустя два года, митрополитъ аѳинскій вынужденъ былъ рукоположить его въ епископы, то во время посвященія, въ отвѣтъ на извѣстное провозглашеніе: «ἄξιος», раздавались въ соборѣ громкіе возгласы: ἀνάξιος. Скажемъ наконецъ, что было бы большою ошибкою думать, что преосвященный Александръ, въ бытность свою въ Германіи, получилъ солидное образованіе. Когда онъ былъ въ Англіи, греки просили его произнесть въ церкви какое нибудь назидательное слово: онъ не былъ въ состояніи сказать что нибудь отъ себя и произнесъ, какбы свое, слово, которое восемь лѣтъ тому назадъ было помѣщено въ духовномъ аѳинскомъ журналѣ Ἐυαγγελικός Κήρυξ. Въ Аѳинахъ онъ, правда, напечаталъ нѣкоторыя статьи, имѣвшія по видимому ученый характеръ; но одинъ изъ профессоровъ аѳинскаго университета, г. Киріакось, торжественно изобличилъ его въ литературномъ воровствѣ, помѣстивъ нѣмецкій текстъ, откуда преосвященный Александръ списывалъ, на одной страницѣ своего критическаго разбора, а плохой переводъ этого текста, выдававшійся за самостоятельное сочиненіе, на другой. Такое-то лицо въ настоящее время заправляетъ политикою всей эллинской націи.

Окружное посланіе ко всѣмъ представителямъ автокефальныхъ церквей,—преосвященнаго Анеима, экзарха болгарскаго, и болгарскаго синода.

Ваше Блаженство!

Кто ны разлучитъ отъ любве Божія, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе... или бѣда, или мечь?... Ни смерть, ни животъ, ни ангелы, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая.... ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Рим. VIII, 35—39).

Среди трудныхъ временъ, чрезъ которыя проходимъ какъ мы, такъ и народъ, коего мы духовные предстоятели, эти апостольскія слова, блаженнѣйшій владыко, всегда были для насъ не только бальзамомъ утѣшенія, но и надежднѣйшимъ правиломъ нашего образа дѣйствій, столько же по отношенію ко вселенской патріархіи, отъ которой названный народъ законнымъ путемъ потребовалъ законнаго преобразованія въ своемъ церковномъ управленіи, сколько и по отношенію ко всей православной церкви, отъ которой ничто не возможетъ насъ разлучить и которой издревле мы старались держаться во всѣхъ нашихъ дѣлахъ.

Цѣлыхъ десять вѣковъ безукоризненной жизни въ христіанской вѣрѣ, цѣлыхъ десять вѣковъ искренней преданности православной церкви, среди безчисленныхъ и неописанныхъ бѣдствій и страданій, слишкомъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуютъ предъ христіанскимъ просвѣщеннымъ міромъ о томъ, какими чувствами всегда былъ проникнутъ православный болгарскій народъ, предпочитая скорѣе свое о Христѣ нравственное распятіе, чѣмъ уклоненіе хоть бы на одну іоту отъ правила православной вѣры ради матеріальныхъ интересовъ. Исторія религіозной жизни этого народа есть не что иное, какъ постоянное и непрерывное свидѣтельство его твердости въ томъ, *въ немъ же онъ наученъ* былъ и *яже ввѣрена* ему, согласно съ апостольскою заповѣдію; и искушавшимъ его инославнымъ учителямъ онъ всегда противопоставлялъ непреодолимую твердость

своихъ религіозныхъ убѣжденій въ нѣдрахъ православной церкви. Послѣднее пятнадцатилѣтіе, въ продолженіе котораго онъ, какъ одно тѣло однимъ и тѣмъ же духомъ движимое, требовалъ преобразованія своего духовнаго управленія согласно съ основными законами церкви, есть для всѣхъ живое и современное доказательство преданности этого народа вѣрѣ его отцовъ, подъ которую въ этотъ промежутокъ времени всячески подкапывались. И однако правомысліе этого народа въ церковномъ дѣлѣ вселенская патріархія въ послѣднее время осмѣлилась оспаривать въ лицѣ его пастырей, которыхъ онъ почитаетъ, которыхъ *гласа* онъ *слушаетъ* и по слѣдамъ которыхъ идетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, вашему блаженству извѣстенъ последній поступокъ вселенской патріархіи по отношенію къ этимъ пастырямъ и ихъ послѣдователямъ—всему болгарскому народу. Изъ экзаршаго посланія, въ прошломъ маѣ посланнаго вашему блаженству, вы, разумѣется, знаете, до какого положенія были доведены дѣла несправедливымъ и совершенно непонятнымъ упорствомъ его святѣйшества, вселенскаго патріарха Анѳима VI. О его возшествіи уже въ третій разъ, въ глубокой старости, на вселенскій престолъ—говорили, что единственною цѣлію его было мирное рѣшеніе болгарскаго вопроса. Бывъ вполнѣ убѣждены въ собственной правотѣ, мы возлагали, впрочемъ, дальнѣйшія надежды на божественное Провидѣніе и на спасительныя дѣйствія всеисцѣляющаго времени. И вотъ, вдругъ, его святѣйшество, вселенскій патріархъ, подъ вліяніемъ громкихъ заявленій печати и людей, *мыслящихъ суетная* и предпочитающихъ національное честолюбіе евангельской любви и миру, приступилъ къ мѣрамъ, которыя означенная печать восхваляетъ, но которыя осуждаютъ здравый смыслъ и правильное пониманіе интересовъ церковныхъ. Вселенскій патріархъ Анѳимъ VI созвалъ соборъ, названный помѣстнымъ и великимъ, и, желая выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставилъ самъ себя своимъ непостояннымъ поведеніемъ, выдумалъ новую, доселѣ неслыханную ересь—ересь филетизма. Раздирая затѣмъ нешвенный хи-

тонъ Христа Іисуса, онъ безъ изслѣдованія осудилъ болгарскихъ архіереевъ, будто бы имѣющихъ еѳнофилетическія стремленія, и дерзнулъ назвать ихъ, равно какъ и ихъ единомышленниковъ, т. е. весь болгарскій народъ, раскольниками. Ваше блаженство, конечно, уже знаете объ этомъ изъ опредѣленія названнаго собора. Такимъ образомъ константинопольская церковь, нѣкогда, при патріархѣ Фотіѣ, первая—познакомившая этотъ народъ съ евангельскимъ ученіемъ Іисуса Христа, и всегда поставлявшая это себѣ въ похвалу, спустя десять столѣтій разорвала духовныя узы съ нимъ и объявила его схизматическимъ въ лицѣ его пастырей за то, что въ немъ сложилось согласное съ постоянною практикою вселенской церкви убѣжденіе, по которому духовныя нужды опредѣленной мѣстности, населенной православными христіанами, говорящими однимъ и тѣмъ же языкомъ и имѣющими одни и тѣже нравы и обычаи, могутъ допустить учрежденіе особаго церковнаго округа, на основаніи апостольскихъ и соборныхъ правилъ.

Вашему блаженству предстоитъ разсудить, въ какой степени могутъ быть признаны правильными и благопріемлемыми недавно принятыя константинопольскою патріархіей по этому вопросу рѣшенія,—равно какъ и то, въ какой степени можетъ быть заподозрѣна чистота по вѣрѣ народа православнаго и всегда право мыслившаго.

Что касается лично насъ, которые всегда, и среди безчисленныхъ затрудненій, старались *представлять себе, яко же Божія слуги, въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбѣхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ* (2 Кор. VI 4), *тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Ефес. IV, 3); то мы всегда признавали и признаемъ, что о Христѣ Іисусѣ и предъ судомъ вѣчныхъ и непреложныхъ евангельскихъ истинъ—нѣтъ и не можетъ быть различія племенъ и народовъ. Всѣ вѣрующіе, безъ различія, соединены между собою въ вѣрѣ, въ любви, въ надеждѣ, такъ что *нѣсть іудей, ни еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободь, нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. III, 28): *едино тѣло, единъ духъ... единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ*

всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ. (Ефес. IV, 3—4). Заслуживаютъ же осужденія, по слову апостола Павла, тѣ, которые о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, производятъ раздѣленія. Будучи весьма далеки отъ мысли вызывать и поддерживать такое различіе о Христѣ, мы напротивъ издавна всѣми мѣрами стараемся, чтобы по соглашенію съ вселенскою патріархіею упрочить тѣ духовныя узы, которыя связываютъ православный болгарскій народъ съ остальными членами православной церкви. Если же наши старанія не увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ; то первою и главною причиною тому были представители вселенской патріархіи, которые своимъ неуклоннымъ и несправедливымъ упорствомъ довели насъ до того положенія, въ какомъ мы находимся. Мы не только не требовали и не одобряли какимъ бы то ни было образомъ различія (народностей) о Христѣ или по отношенію къ догмату, но и въ своемъ домогательствѣ преобразованія церковнаго управленія населенныхъ христіанами-болгарами епархій, соотвѣтственно духовнымъ нуждамъ, мы никогда, даже мысленно, не представляли себѣ экзархата безъ опредѣленныхъ границъ, или экзархата, отчуждающаго отъ своего вѣдомства находящихся въ его округѣ иноязычныхъ православныхъ христіанъ. Мы всегда требовали учрежденія отдѣльнаго церковнаго округа, заключающаго въ себѣ опредѣленное число епархій, какъ имѣющаго особыя нужды, вслѣдствіе особенностей языка и нравовъ. Такія-то особыя нужды настоятельно чувствуютъ всѣ тѣ епархіи въ оттоманской имперіи, которыя населены православнымъ болгарскимъ народомъ, нѣкогда несправедливо и незаконно лишеннымъ автокефальныхъ своихъ церквей: въ этомъ народѣ жива еще память о существованіи этихъ церквей, почему онъ и потребовалъ ихъ возстановленія. Послѣ этого мы не знаемъ, кто болѣе заслуживаетъ осужденія, болгары ли, требующіе учрежденія экзархата съ опредѣленнымъ числомъ епархій, или предстоятели константинопольской церкви. Эти послѣдніе въ принципѣ допускали учрежденіе экзархата, но, поступая непослѣдовательно, они не только хотѣли

заключить этотъ экзархатъ въ самыя тѣсныя границы, тогда какъ одинаковыя духовныя нужды требуютъ и одинаковыхъ мѣръ и въ другихъ епархіяхъ, но и изъ этого описаннаго ими круга хотѣли исключить всѣхъ православныхъ греческаго происхожденія. Такъ всегда относилась къ этому дѣлу вселенская патріархія, когда она представляла различные проекты для рѣшенія болгарскаго вопроса. Если, въ самомъ дѣлѣ, въ церковно-административной системѣ еѳнофилетическія стремленія заслуживаютъ осужденія и составляютъ собою такое нововведеніе, которое влечетъ за собою расколъ; то не справедливо ли, что вселенская патріархія сама себя осуждаетъ въ расколѣ опредѣленіемъ недавно созваннаго въ ней собора? Не самъ ли Анѳимъ VI исключалъ греческій элементъ въ Варнѣ, Филиппополѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ изъ вѣдомства экзархата, имъ когда-то проектированнаго, по той лишь причинѣ, что этотъ элементъ—греческій? Мы затрудняемся понять послѣдовательность въ этомъ отношеніи вселенской патріархіи, и думаемъ съ другой стороны, что постоянная практика церкви, никогда не осуждавшей учрежденія особыхъ церковныхъ округовъ сообразно съ нуждами и потребностями времени, допускаетъ возможность существованія помѣстныхъ церквей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ множество примѣровъ церковной исторіи. Сама вселенская патріархія признала эту истину, допустивъ въ принципѣ учрежденіе нашего экзархата; но она не согласилась положить этому экзархату надлежащихъ границъ, сообразныхъ съ тѣмъ принципомъ, который ею самою былъ принятъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы уступили ея филетическимъ стремленіямъ, ко вреду нашего народа; то она не направила бы на насъ нынѣ проклятія, напротивъ мы удостоились бы ея молитвъ и благословеній. Но такъ какъ болгарскіе представители явились послѣдовательными и потребовали равенства для всѣхъ населенныхъ христіанами-болгарами епархій, предоставляя даже живущимъ въ нихъ грекамъ принадлежать ко вселенской патріархіи, которая упорно требовала этого на основаніи ихъ греческаго происхожденія: то предстоятели

патріархіи и вооружились местію, провозгласивъ противъ болгаръ несправедливый расколъ. *Обаче нѣсть во устѣхъ ихъ истины и языки своими льщаху* (Псал. 5, 10): подъ вліяніемъ чуждыхъ религіи интересовъ, подъ вліяніемъ воплей и безпорядочныхъ движеній толпы, умъ патріарха Анеима VI, ни во что ставя благо каѳолической церкви, *поболѣ неправдою, зачатъ болѣзнь и роди беззаконіе* (Пс. 7, 15).

Вселенской церкви принадлежитъ право высказаться безпристрастно о поведеніи вселенскаго патріарха и предсѣдателя собора, собраннаго противъ насъ и противъ народа, нами представляемаго.

Съ своей стороны, мы громко протестуемъ противъ провозглашенія раскола, состоявшагося столь неправедно и пристрастно,—провозглашенія, котораго и побудительныя причины, и сами виновники, намъ хорошо извѣстны. Мы протестуемъ противъ вопіющей неправды, совершонной надъ многочисленнымъ народомъ, держащимъ твердо отеческія преданія, и православную вѣру, которой мы смиренные, *немощи немощныхъ носящіи* (Рим. XV, 1), состоимъ стражами и учителями,- считающимъ единственною своею похвалою и украшеніемъ.

Какъ чада и неразрывные члены единой, святой, соборной и апостольской церкви, мы пребываемъ въ ней непоколебимо, и настойчиво отвергаемъ, во имя Господа нашего Іисуса Христа, всякій расколъ и всякое раздѣленіе, какъ отвергали до сего дня всякое другое ученіе, храня въ чистотѣ и неприкосновенности православіе нашего благочестиваго народа. Чтобы ни говорилъ и ни провозглашалъ вселенскій патріархъ,—наши слова, наши дѣйствія, наше поведеніе, ясно свидѣтельствуютъ о нашей вѣрности православной церкви, хотя упорство патріарха съ одной стороны и нетерпѣніе нашего народа съ другой, вызванное долгими страданіями, внесли временное неустройство въ наши отношенія къ патріархіи. Никто не сможетъ ни насъ, ни нашъ народъ, отколоть отъ вѣры нашихъ отцовъ. Бывъ рождены и воспитаны въ этой вѣрѣ, мы считаемъ первымъ

нашимъ долгомъ требовать духовнаго единенія со всѣми независимыми православными церквами. Мы убѣждены, что ваше святѣйшество, къ любви котораго мы уже обращались,—принявъ во вниманіе важность обстоятельствъ, не замедлите озаботиться установленіемъ общенія съ одною изъ самыхъ многострадальныхъ церквей Божіихъ.

Великій учитель вселенной св. Василій, среди современныхъ ему смутъ въ церквахъ востока, писалъ западнымъ епископамъ между прочимъ слѣдующее: «къ вамъ мы взираемъ, честнѣйшія братія, и многократно ждали, что вы, во время печалей, явитесь къ намъ. Но когда наша надежда не сбылась, то мы сказали себѣ: *ждалъ сочувствующаго, и не было его,—утѣшающаго, и не нашелъ его.* Наши страданія таковы, что слухъ о нихъ достигъ концовъ вселенной. Если одинъ членъ страдаетъ, то съ нимъ страждутъ и всѣ другіе члены; слѣдовало бы поэтому, чтобы ваше сочувствіе было направлено и къ намъ, долгое время страждущимъ. Не близость мѣста, но духовная общность производитъ искреннѣйшую дружбу, которая—мы увѣрены—есть въ насъ по отношенію къ любви вашей». Да будутъ эти слова великаго учителя церкви, при настоящихъ обстоятельствахъ, выраженіемъ нашихъ мыслей вашему блаженству. Да будетъ позволено намъ ими же и окончить настоящее наше посланіе. Испрашивая вашихъ богоугодныхъ молитвъ, остаемся вашего блаженства нижайшіе о Христѣ братія. Месохоръ, 18 октября, 1872 года.

Слѣдуютъ подписи.

Извѣстія съ Запада. Отчетъ о дѣятельности баварскихъ старокатоликовъ въ теченіе истекающаго года.—Успѣхи старокатоличества въ польскомъ народонаселеніи Пруссіи.—Новый священникъ вѣнской старокатолической общины Кюрцингеръ.—Рѣчь ректора пештскаго университета священника Петра Гаталы.—Быстрые успѣхи старокатоличества въ Швейцаріи.—Письмо французскаго священника Paul Marre къ версальскому епископу; отзывъ о немъ Германскаго Меркурія.

3 (15) декабря въ Мюнхенѣ происходило собраніе делегатовъ баварскаго старокатолическаго союза для выслу-

шанія отчета, составленнаго профессоромъ Фридрихомъ и д-ромъ Гасслеромъ, о дѣятельности старокатолическихъ священниковъ въ Баваріи въ теченіе истекающаго года. Изъ этого отчета, сообщаемаго въ краткомъ извлеченіи въ кенигсбергской старокатолической газетѣ «Katholik», видно, между прочимъ, что во многихъ городахъ Баваріи, въ Эрлянгенѣ, Нюренбергѣ, Кемптенѣ, Гюнценгаузенѣ и другихъ мѣстахъ, совершается въ настоящее время въ нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ старокатолическими священниками регулярно богослуженіе по старокатолическому обряду. Число браковъ, совершонныхъ старокатолическими священниками, по словамъ отчета, простирается до 23, случаевъ крещенія было до 73 и проч. Въ заключеніе отчетъ выражаетъ убѣжденіе, что старокатолическое движеніе успѣло на столько глубоко укорениться въ Баваріи, что въ настоящее время немыслимо его искорененіе, особенно въ виду того факта, что оно начинаетъ находить себѣ энергическую поддержку въ массѣ католическаго народа и все больше и больше пролагать себѣ путь къ распространенію въ другихъ странахъ Европы. Послѣднее замѣчаніе отчета, повидимому, опирается на фактическихъ данныхъ.

Изъ Познани и Верхней Силезіи получены недавно очень важныя извѣстія объ энергическомъ распоряженіи прусскаго правительства противъ ультрамонтанъ и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ прусскими государственными властями, къ усиленію старокатолической партіи въ средѣ польскаго народонаселенія областей, подчиненныхъ Пруссіи. Прусское правительство приняло энергическія мѣры, чтобы предотвратить въ церквахъ общественныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ государственной казны въ городѣ Познани и познанской области, отправленіе богослуженія, назначеннаго познанскимъ архіепископомъ Ледоховскимъ, съ цѣлію торжественнаго посвященія страждущей католической церкви познанской провинціи «сладчайшему сердцу Іисуса». Провинціальный училищный совѣтъ въ Познани старается всѣми мѣрами не допустить

въ подвѣдомственныхъ ему церквахъ прочтенія пастырскаго посланія познанскаго архіепископа, напоминающаго о мнимыхъ страданіяхъ римско-католической церкви. Нѣкоторые римско-католическіе законоучители и директоры римско-католическихъ учебныхъ заведеній привлечены коллегіей провинціальныхъ училищъ къ отвѣтственности за прочтеніе пастырскаго посланія архіепископа Ледоховскаго. Римско-католическій законоучитель познанской семинаріи Шретеръ подвергнутъ дисциплинарному взысканію за самоуправное прочтеніе посланія. Въ польскихъ кружкахъ замѣчается, по поводу такой энергіи правительства, большое волненіе и смятеніе. Еще больше это волненіе усиливается въ виду оффиціальнаго сообщенія, обнародованнаго 15 (27) ноября отъ имени правительства оппельскою земскою управою каттовицкимъ и шейвицкимъ властямъ, относительно правъ старокатоликовъ. Изъ этого сообщенія оказывается, что прусское правительство признаетъ за старокатоликами тѣ же юридическія права и преимущества, какъ за римскими католиками; оно считаетъ вполнѣ законными всѣ гражданскіе акты, исходящіе отъ старокатолическихъ священниковъ, и не относитъ старокатоликовъ, какъ прежде относило, къ такъ называемымъ «вольнымъ церковнымъ общинамъ», къ категоріи т. е. общинъ, подчиненныхъ особливымъ спеціальнымъ законамъ, опредѣляющимъ права свободныхъ ассоціацій, а считаетъ старокатолическія общины признанными закономъ корпораціями, равными съ прочими вѣроисповѣдными обществами, существующими въ Пруссіи.

Не такъ смотритъ австрійское правительство на своихъ старокатоликовъ. Вѣнская газета «Presse» сообщаетъ отъ 24 ноября (6 декабря), что новый священникъ вѣнской старокатолической общины д-ръ Кюрцингеръ подвергнутъ полицейскому аресту за сопротивленіе требованію обер-коммиссара вѣнской полиціи Матценауера выдать полицейскому управленію, въ теченіе восьми дней, печать вѣнской старокатолической общины. Д-ръ Кюрцингеръ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что требуемая отъ него

печать не его собственность, а собственность вѣнской старокатолической общины, въ которой онъ состоитъ только исправляющимъ должность священника. Старокатолическая мюнхенская газата «Deutscher Merkur» въ 45 № высказываетъ сожалѣніе, что управленіе вѣнской старокатолической общины попало, послѣ несчастнаго управленія Алоизія Антона, въ руки человѣка, не пользующагося ни популярностію, ни даже простою извѣстностію ни въ какомъ отношеніи. Относительно г. Кюрцингера, пишетъ газета, избраннаго въ преемники Антону, мы знаемъ только то, что онъ еще человѣкъ молодой (das er in Mitte der zwanziger Jahre steht), и кое-какое образованіе получилъ въ Вѣнѣ; потомъ слѣды его на долгое время затерялись, пока наконецъ онъ не выплылъ наружу, сдѣлавшись помощникомъ г. Антона по управленію вѣнскою старокатолическою общиною. Газета сомнѣвается, чтобы кто нибудь изъ друзей и сообщниковъ такъ отчаянно скомпрометировавшаго себя «вождя псевдо-старокатоличества», способенъ былъ стать во главѣ дѣйствительнаго и истиннаго старокатоличества въ средѣ вѣнскихъ ревнителей церковной реформы.

За то старокатоличество нашло, повидимому, въ послѣднее время энергическую поддержку себѣ въ Венгріи, въ лицѣ человѣка, пользующагося нѣкоторою извѣстностію, покрайней мѣрѣ, по своему общественному положенію, именно въ лицѣ новаго ректора пештскаго университета Петра Гаталы, открыто объявившаго себя приверженцемъ старокатолической партіи еще до своего избранія въ должность ректора университета. Венгерская оффиціальная газета «Pester Lloyd» самый фактъ избранія и утвержденія со стороны правительства старокатолическаго священника въ званіи университетскаго ректора считаетъ признакомъ знаменательнаго и многообѣщающаго поворота въ настроеніи высшихъ правительственныхъ кружковъ въ Венгріи по отношенію къ реформаторскому движенію, обнаружившемуся въ католической церкви, а рѣчь, произнесенную новымъ ректоромъ при открытіи лекцій въ пештскомъ универси-

тетѣ, относитъ къ интереснѣйшимъ явленіямъ вѣроисповѣдной борьбы въ Австро-Венгріи. Новый ректоръ энергически высказался въ своей рѣчи въ пользу свободы науки и церковной терпимости по отношенію къ вѣроисповѣднымъ различіямъ, а также настоятельной необходимости реформы въ католической церкви, сообразной съ духомъ и устройствомъ древней церкви. Между прочимъ онъ коснулся въ своей рѣчи и вопроса о необходимости богословскихъ факультетовъ при католическихъ университетахъ, въ замѣнъ существующихъ въ Австро-Венгріи католическихъ семинарій, съ ихъ своеобразнымъ, изолированнымъ строемъ, воспитывающимъ іезуитскій и крайній папистическій духъ въ будущихъ пастыряхъ церкви. «Отдѣленные китайскою стѣною отъ живительной атмосферы общественной жизни, изолированные отъ свѣжей и бодрой струи общечеловѣческаго образованія, преданные въ жертву односторонней и ограниченной дрессировки въ устарѣлыхъ, отжившихъ учрежденіяхъ, могутъ ли будущіе священники, говорилъ ректоръ, быть сколько-нибудь вліятельными руководителями народа? Незнакомые съ современными религіозными потребностями общества, съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ церковной жизни, съ вопіющими нуждами въ церковно-религіозной сферѣ, они естественно будутъ заблуждаться и относительно своихъ пастырскихъ обязанностей, выступятъ фанатическими приверженцами ложной римской доктрины и въ конецъ могутъ подорвать въ обществѣ уваженіе къ самой религіи и церкви, въ поддержаніи котораго такъ нуждается наше время и наше нравственно надломленное поколѣніе».

Въ последнее время обнаружилось также сильное движеніе въ пользу старокатоличества въ кругу швейцарскихъ католиковъ. Швейцарскій народъ, повидимому, мало обращалъ вниманія на ватиканское нововведеніе, и старокатолическое движеніе, возбужденное въ Германіи, сначала находило себѣ довольно слабый отголосокъ въ католическихъ швейцарскихъ кантонахъ. Только въ тѣхъ кантонахъ, которые составляютъ базельскій епархіальный округъ, изда-

но было въ августѣ 1870 года правительственное запрещеніе противъ торжественнаго обнародованія догмата непогрѣшимости: въ прочихъ же частяхъ Швейцаріи число лицъ, открыто высказавшихся за старокатоличество, ограничивалось до послѣдняго времени незначительными кружками, группировавшимися около центральнаго старокатолическаго комитета, учрежденнаго въ Базелѣ. Но раздоръ, обнаружившійся между римскою куріею и Швейцарскимъ Союзомъ по вопросу о замѣщеніи епископской каѳедры въ женевскомъ кантонѣ, повлекъ за собою цѣлый рядъ протестовъ со стороны швейцарскихъ правительствъ противъ послѣдствій провозглашенія папскаго силлабуса и опредѣленій послѣдняго лже-вселенскаго собора. Базельскій епископъ еще больше подлилъ масла въ огонь чрезъ отлученіе отъ церкви Гисвинда, приходскаго священника въ мѣстечкѣ Штаркирхѣ золотурнскаго кантона, за приверженность къ старокатоличеству. Правительство золотурнскаго кантона тотчасъ же поспѣшило объявить это отлученіе недѣйствительнымъ и оставить старокатолическаго священника въ его должности. Мѣстное населеніе съ своей стороны выразило священнику Гисвинду живѣйшее сочувствіе. Этого мало, въ народномъ волненіи, которое обнаружилось по этому поводу и быстро приняло значительные размѣры, явно высказалось, что ученіе о папской непогрѣшимости не имѣло никакой почвы въ массѣ швейцарскаго католическаго народа, какъ до послѣдняго времени самонадѣянно обольщала себя римская курія, основываясь на кажущемся индифферентномъ отношеніи швейцарскихъ католиковъ къ ея нововведеніямъ. Названный священникъ нашелъ поддержку себѣ не только въ своей приходской общинѣ и въ мѣстномъ правительствѣ золотурнскаго кантона, но и въ другихъ городахъ Швейцаріи. Общинный совѣтъ города Ольтена положилъ созвать чрезвычайное общинное собраніе для того, чтобы публично протестовать противъ догмата о папской непогрѣшимости, побудить Швейцарскій Союзъ къ принятію энергическихъ мѣръ противъ ультрамонтанскаго духовенства и одобрить образъ дѣйствій золотурнскаго кантона по

дѣлу отлученнаго старокатолическаго священника. Большія приходскія общины въ Ольтенѣ и Золотурнѣ большинствомъ голосовъ запретили проповѣданіе съ церковныхъ каѳедръ и преподаваніе въ народныхъ школахъ ученія о папской непогрѣшимости. Доселѣ бывшіе священники въ этихъ общинахъ изъ партіи ультрамонтанъ, въ виду этого запрещенія, принуждены были оставить свои мѣста. Швейцарскій союзный совѣтъ, согласно рѣшенію союзнаго собранія, предписалъ правительствамъ означенныхъ кантоновъ и впредь не утверждать избранія іезуитскихъ патеровъ въ приходскіе священники, и кромѣ того постановилъ истребовать отъ базельскаго епископа формальную отмѣну произнесеннаго имъ отлученія и сознаніе въ нарушеніи государственныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ странѣ. Послѣдуетъ ли епископъ этому категорическому предложенію, или по примѣру эрмеландскаго епископа въ Пруссіи вступитъ въ неравную борьбу съ государствомъ, пока еще не извѣстно. Но швейцарскія газеты выдаютъ за достовѣрный слухъ, что, въ случаѣ сопротивленія епископа, правительство намѣрено отрѣшить его отъ должности и на его мѣсто назначить новаго епископа изъ партіи старокатоликовъ, основываясь на старинномъ государственномъ правѣ выбора высшихъ духовныхъ сановниковъ чрезъ посредство кантоновъ. По замѣчанію вѣнской газеты Presse, этимъ путемъ былъ бы окончательно разрѣшенъ старокатолическій вопросъ въ Швейцаріи, и церковнымъ общинамъ гарантирована была бы полная автономія. Послѣ того какъ римская курія ниспровергла основы древняго церковнаго управленія, уничтожила епископальную систему, нарушила всѣ конкордаты, государство, по словамъ газеты, имѣетъ полное право привесть въ дѣйствіе свой старинный законъ, по которому епископъ избирается большинствомъ голосовъ въ мѣстномъ округѣ и утверждается въ своей должности правительствомъ. Газета находитъ не невѣроятнымъ, что, въ виду нынѣшняго возбужденія умовъ въ Швейцаріи, старокатолическій вопросъ скорѣе найдетъ здѣсь практическое разрѣшеніе, нежели въ медлительной и до крайности осто-

рожной Германіи, проводя при этомъ параллель между швейцарскою и германскою реформаціею 16-го вѣка, причемъ, по ея мнѣнію, въ Швейцаріи дѣло реформы велось гораздо бодрѣе, живѣе, энергичнѣе и практичнѣе, нежели въ Германіи. Не вдаваясь преждевременно въ область гаданій относительно будущаго, мы не можемъ однакоже не отмѣтить нѣкоторыхъ изъ текущихъ событій въ церковно-религіозной жизни католической Швейцаріи, показывающихъ, до какой степени, на самомъ дѣлѣ, старокатолическое движеніе успѣло охватить въ короткое время массу швейцарскаго народа. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе обращаетъ на себя собраніе старокатолическихъ делегатовъ, происходившее въ Ольтенѣ (въ золотурнскомъ кантонѣ) 19 ноября (1 декабря), и большая народная сходка, происходившая здѣсь же вечеромъ того же дня, на которой изъявлено шумное одобреніе рѣшеніямъ, постановленнымъ въ собраніи. Не смотря на неблагопріятную погоду, пишетъ швейцарскій корреспондетъ газеты Presse (№ 334, 1872), въ Ольтенъ собралось болѣе 3000 либеральныхъ католиковъ изъ всѣхъ частей католической Швейцаріи. Рѣшенія и постановленія, принятыя и единогласно одобренныя собраніемъ, изложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) братья по вѣрѣ и по убѣжденіямъ изъ среды швейцарскаго католическаго народа рѣшили немедленно приступить къ образованію мѣстныхъ старокатолическихъ общинъ. Въ теченіе мѣсяца должны быть представлены центральному старокатолическому комитету въ Швейцарію надлежащія свѣдѣнія объ устройствѣ этихъ общинъ и о числѣ ихъ членовъ; 2) мѣстныя общины должны всѣми силами содѣйствовать наилучшему устройству и организаціи старокатолической церкви въ Швейцаріи,—до тѣхъ же поръ, пока не будетъ вполнѣ достигнуто это устройство и не будетъ избранъ старокатолическій епископъ, ходатайствовать предъ союзнымъ правительствомъ о формальномъ дозволеніи иностраннымъ епископамъ совершать епископскія священнодѣйствія въ швейцарскихъ старокатолическихъ общинахъ, какъ-то: рукоположеніе кандидатовъ на духовныя. должно-

сти, миропомазаніе и пр., 3) члены старокатолическихъ общинъ въ Швейцаріи обязаны, по примѣру ольтенской и золотурнской общинъ, открыто протестовать противъ римской клерикальной системы и особенно противъ папскаго силлабуса 8 декабря 1864 г. и догмата о папской непогрѣшимости,—въ томъ же случаѣ, когда ихъ пастыри будутъ подвергаться угнетеніямъ со стороны существующихъ церковныхъ властей, твердо и неизмѣнно стоять за своихъ священниковъ, по примѣру штаркирхенскихъ прихожанъ; 4) въ случаѣ упраздненія священническаго мѣста въ какой нибудь общинѣ, члены ея клятвою обязываются избирать на духовныя должности только такихъ лицъ, которыя открыто объявили себя противниками догмата непогрѣшимости со всѣми его ненавистными послѣдствіями; 5) для замѣщенія священническихъ мѣстъ достойными людьми мѣстныя общины, въ союзѣ съ центральнымъ комитетомъ, должны ходатайствовать предъ правительствомъ о доставленіи наилучшаго научнаго образованія лицамъ, готовящимся къ духовному званію, или чрезъ приглашеніе изъ Германіи старокатолическихъ профессоровъ для преподаванія богословскихъ наукъ на богословскихъ факультетахъ въ швейцарскихъ католическихъ университетахъ, или чрезъ учрежденіе стипендій въ тѣхъ германскихъ университетахъ, въ которыхъ преподаютъ корифеи католической богословской науки, стоящіе во главѣ старокатолическаго движенія въ Германіи, и въ которыхъ швейцарскіе будущіе священники могли бы получать высшее богословское образованіе; 6) произведеніе необходимыхъ реформъ въ области церковнаго богослуженія и дисциплины общинами должно быть отложено до того времени, когда откроется возможность учрежденія законныхъ органовъ высшей церковной власти въ старокатолической церкви; 7) общины должны ходатайствовать предъ правительствомъ объ огражденіи, посредствомъ союзнаго закона, свободы совѣсти отдѣльныхъ лицъ отъ вліянія на нихъ ультрамонтанскаго духовенства и объ упраздненіи папской нунціатуры въ Швейцаріи; 8) самою высшею цѣлью своею общины должны считать посильное

содѣйствіе къ достиженію единенія всѣхъ христіанскихъ церквей. Въ заключеніе собранія профессоръ Рейнкенсъ сказалъ рѣчь о вредномъ вліяніи ультрамонтанства и іезуитства на развитіе гражданскаго благосостоянія Швейцаріи. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Швейцаріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ приходскихъ общинъ, весь ольтенскій и золотурнскій кантоны перешли на сторону старокатоличества. Таковъ результатъ насильственныхъ мѣръ, употребленныхъ базельскимъ епископомъ надъ ничтожнымъ приходскимъ священникомъ незначительнаго штаркирхенскаго прихода!

Время отъ времени и во Франціи, изъ среды приходскаго духовенства, выступаютъ противники новаго догмата съ открытыми протестами противъ его обнародованія, хотя нѣмецкіе старокатолики относятся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ «къ старокатолическимъ тенденціямъ» французскихъ пастеровъ и къ успѣхамъ старокатоличества во Франціи. Особенно ясно это высказалось по поводу открытаго письма къ версальскому епископу приходскаго священника мѣстечка Haravilliers, нѣкоего Paul Marre. Въ этомъ письмѣ, недавно напечатанномъ въ газетѣ «Temps», названный священникъ заявляетъ о своемъ отказѣ прочесть предъ своими прихожанами посланіе епископа, напоминающее о рѣшеніяхъ псевдо-вселенскаго собора, на томъ основаніи, что онъ считаетъ эти рѣшенія противными истинному ученію церкви и правамъ совѣсти католиковъ. Авторъ письма объявляетъ, что онъ рѣшительно отдѣляется отъ римской церкви, оставаясь вѣрнымъ вселенской каѳолической церкви, и прибавляетъ, что весьма многіе священники во Франціи раздѣляютъ его образъ мыслей и подобно ему осуждаютъ искаженіе истиннаго ученія папскимъ престоломъ. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этого интереснаго письма. «Не довольствуясь незаконнымъ превышеніемъ правъ управленія христіанскою церковію,—пишетъ авторъ,—папство съ давнихъ поръ пыталось поставить на мѣсто авторитета вселенской церкви свой личный деспотизмъ и произволъ въ дѣлѣ церковнаго учительства. Начиная съ никейскаго со-

бора, въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, эта система велась съ удивительною настойчивостію и искусствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, благодаря энергической дѣятельности религіозныхъ орденовъ и римскихъ прелатовъ. Беллярминъ, воспитанникъ римской школы, пытался дать этой ложной доктринѣ даже богословско-научное обоснованіе. Напрасно знаменитѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе друзья религіи отъ времени до времени возвышали свои голоса противъ чудовищныхъ римскихъ притязаній: эти благородныя и искренніе заявленія, выходившія отъ Жерсона, Паскаля, Боссюэта и другихъ, не имѣли полнаго успѣха, хотя не остались совершенно безслѣдными для блага нашей французской церкви. Въ настоящее время, когда всѣ епископы униженно склонились подъ иго римскаго деспотизма, въ средѣ католической іерархіи, *даже больше—въ средѣ самого католицизма*, нѣтъ болѣе мѣста для тѣхъ, которые подобно мнѣ убѣждены, что отъ христіанства въ римской церкви осталась только тѣнь, а отъ древней вселенской церкви только нѣсколько формулъ, которыя отчасти напоминаютъ о существованіи когда-то истинно христіанской римской церкви. Послѣднія нововведенія римской церкви способны поддерживать только два одинаково не желаемыя и одинаково достойныя жалости явленія въ общественной жизни: у однихъ—невѣжество и суевѣріе, у другихъ—невѣріе и атеизмъ. Таково, монсиньоръ, убѣжденіе мое и весьма многихъ другихъ французскихъ священниковъ. Такъ какъ я воспротивился подписаться подъ адресомъ, которымъ почти все духовенство вашей епархіи требовало обнародованія догмата непогрѣшимости; то долгомъ считаю объявить, что я поступилъ бы противъ своего убѣжденія, если бы прочелъ моимъ прихожанамъ ваше послѣднее посланіе, которымъ вы объявляете рѣшенія ватиканскаго лже-собора. Примите и проч. 20 октября 1872 г. Paul Marre, священникъ Harravilliers».

Помѣщая на своихъ страницахъ это письмо французскаго священника, «Германскій Меркурій» затрудняется высказать съ своей стороны безусловное одобреніе заявленнымъ въ письмѣ тенденціямъ, особенно въ виду той рѣ-

шимости, съ которою авторъ письма объявляетъ о своемъ разрывѣ не только съ римскою церковью, но и *съ католицизмомъ вообще*. «Правда, замѣчаетъ газета, г. Магге мотивируетъ свое выдѣленіе изъ лона римской церкви тѣмъ, что она не осталась вѣрною хранительницею вѣры и вселенской истины; но доселѣшніе ревнители чистоты вѣры во Франціи достаточно засвидѣтельствовали о своей неспособности дѣйствовать *съ благоразуміемъ* и вѣрностью своему долгу въ пользу реформы своей церкви, безъ выдѣленія изъ самой церкви. Едва ли какая нибудь другая страна такъ богата священниками эксцентриками, какъ Франція, усѣянная большими и малыми епископскими семинаріями. Въ большихъ городахъ Франціи, въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели, скрывается множество несчастныхъ священниковъ, чувствующихъ тягость своего духовнаго званія и внутренно давно разорвавшихъ всякую связь съ католицизмомъ. Послѣдній шагъ Гіацинта, къ сожалѣнію, достаточно убѣдилъ насъ въ этомъ».

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Содержание 3-ой части "Христианского чтения" за 1872 год

Опубликовано:
Христианское чтение. 1872. № 12. С. 792-795.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СОДЕРЖАНІЕ III-й ЧАСТИ

ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ

за 1872 годъ

Внутреннее обозрѣніе.

Иностранное обозрѣніе.